

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-01-2026

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-01-2026

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

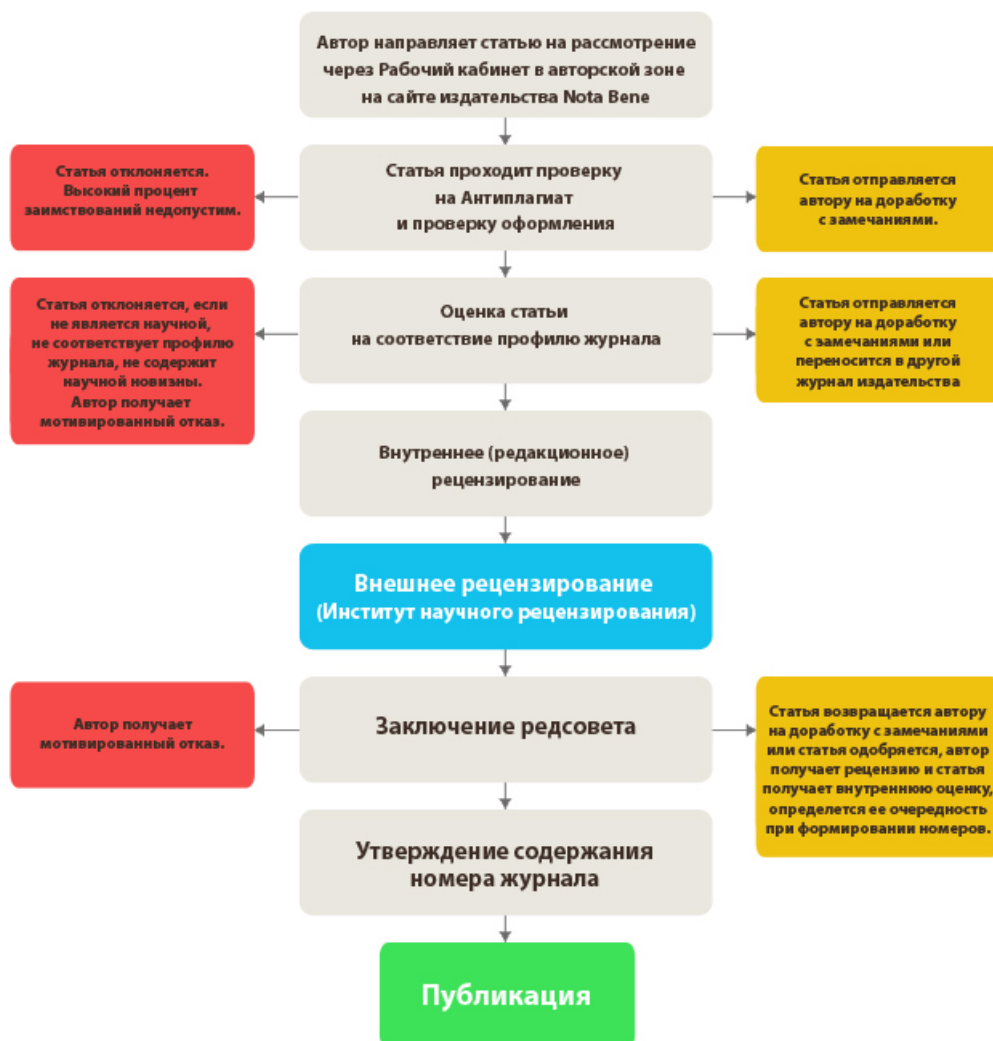
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Машукова Р.М. Способы эпитетации в адыгском историко-героическом эпосе	1
Чжао Ц. Историческая метаморфоза идеологического фрейма «угрозы» и «ресурса» в освещении иммиграции китайскими медиа (XIX–XXI вв.)	16
Бальбурова Л.К., Ябжанова Л.Б. Влияние национальных культурных ценностей на формирование лингвокультурных стратегий репрезентации корпоративной социальной ответственности	28
Луценко О.Д. Квантитативный анализ лексических единиц двуязычного произведения В. В. Набокова «Камера обскура»	46
Сандакова М.В. Адъективная метафора: деривационно-семантическая модель окачествления	58
Москвина В.А., Сотникова Е.В. Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв.	72
Ряшенкова А.А. Анализ речевого портрета учителя (на материале Интернет-блога)	89
Соколов А.В. Вычислительные методы в компаративном медиаанализе: операционализация исследования конфликтных нарративов на примере CNN и AL JAZEERA	103
Башкова И.В. Метатекст современной радиопередачи (на примере программы «Ключи Захара» на радио Sputnik)	121
Чэнь К. К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка»	132
Изотов А.А. Вариативность перевода слова "κατέλαβεν" в Пасхальном Евангелии на немецкий, английский, церковнославянский и русский языки – стих Ин 1:5	146
Яковлева М.П. Образ духа-хозяйки земли в эпосе эвенков	155
Арчугова А.С., Кострюкова Е.А., Болотова Е.А. Китайский радиоспектакль: жанровые особенности	168
Ильченко Н.М., Чернышева Е.Г. «Кажется, я видел их сам»: противостояние человека и надличностных сил в новелле Э. Т. А. Гофмана «Дож и догаресса» и в творчестве русских поэтов конца XIX – начала XX века	184
Ясников А.А. Апелляция к прецедентным феноменам в военной рекламе: лингвопрагматический аспект	200
Оцомиева-Тагирова З.М. К созданию «Словаря фитонимов аварского языка»: принципы отбора, структура и культурно-лингвистическая значимость	211
Гилемшин Ф.Ф., Арзамазов А.А. Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кысса на татарский язык	223
Ху Ц. К вопросу о переводе рассказа И. А. Бунина «Мадрид» на китайский язык (в переводе Чэнь Фу)	239
Аливалиева Д.А. Интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках	251
Нестеренко С.А., Южанинова Е.В. Сопоставительное исследование структурно-семантических особенностей молодёжного сленга в немецком и английском языках	263

Сафина З.М., Лукахина Д.Н. Лексико-семантический анализ оригинала и перевода художественного текста с использованием инструментов Python	275
Семенова Е.М., Крючкова Ю.В., Ефремова М.П. Роль медийного дискурса в формировании культурных стереотипов	286
Бугров А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы	303
Ван П. Профессиональная идеология журналистского образования в КНР (2001–2024)	321
Васильев В.В. Парадигмы анализа тональности и sentiment-анализа региональных интернет-СМИ на примере новостных порталов Якутии	335
Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Антропонимикон Геннадия Ояра (на материале сборника «Отзвуки сердца»)	346
Чжан Л. От локального чувства к национальной идентичности: Комплекс Сянси (западный Хунань) в художественном мире Шэнь Цунвэня	361
Федорова И.С. Аспекты воплощения литературного архетипа «старик и старуха» в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»	371
Новикова В.Г. Текст военного города: Лондонский Блиц в современной британской прозе	382
Чепурная А.И. Эпистемические маркеры в русскоязычном научном дискурсе: сравнительный анализ научных статей российских и китайских авторов	394
Пономарев Д.Р. Лингвокогнитивные механизмы персуазивности в автомобильном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков)	404
Аллаги М. Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади	415
Федюнина Д.А. Явление лингвистической интерференции (на материале речи Бекки Джи и Кароль Джи)	425
Ван Т., Жданова Л.А. Синонимы слова болезнь в идиолекте Ф. М. Достоевского	436
Середа Д.М. Формирование мутационных семантических классов глаголов с приставкой от- в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.)	446
Карповская Н.В., Рой-Игнатенко А.В. Метафора как когнитивный механизм и домен понимания в контексте профессиональной коммуникации в сфере архитектуры	456
Варфоломеева Ю.Н., Харанутова Е.И. Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online»	471
Англоязычные метаданные	484

Contents

Mashukova R.M. Ways of Epithetion in Adyghe Historical-Epic Poetry	1
ZHAO Q. Historical metamorphosis of the ideological framework of "threat" and "resource" in the coverage of immigration by Chinese media (19th–21st centuries)	16
Balburova L.K., Yabzhanova L.B. The influence of national cultural values on the formation of linguocultural strategies for representing corporate social responsibility	28
Lutsenko O.D. Quantitative analysis of lexical units in the bilingual work of V. V. Nabokov "Camera Obscura"	46
Sandakova M.V. Adjective metaphor: derivational-semantic model of qualification	58
Moskvina V.A., Sotnikova E.V. Song Folklore of the Cossacks of the Omsk Irtysh Region in Recordings from the Late 20th and 21st Centuries	72
Riashenkova A.A. An analysis of the speech portrait of a teacher (using data from an Internet blog)	89
Sokolov A.V. Computational Methods in Comparative Media Analysis: Operationalization of Conflict Narrative Research Using the Example of CNN and Al Jazeera	103
Bashkova I.V. Metatext of modern radio broadcasting (using the program "Zahar's Keys" on Radio Sputnik as an example)	121
Chen K. On the question of the ironic model of A.P. Chekhov in the comedy "The Seagull"	132
Izotov A.A. Translation Versions of the Word "κατέλαβεν" of the Easter Gospel Readings in German, English, Church Slavonic and Russian – Vers John 1:5	146
Yakovleva M.P. The image of the earth spirit in the Evenki epic	155
Archugova A.S., Kostryukova E.A., Bolotova E.A. Chinese Radio Drama: Genre Features	168
Il'chenko N.M., Chernysheva E.G. "It seems I saw them myself": the confrontation between man and superpersonal forces in the novel by E. T. A. Hoffmann "Doge and Dogaressa" and in the oeuvre of Russian poets of the late XIX - early XX century	184
Yasnikov A.A. Appeal to Precedent Phenomena in Military Advertising: A Linguistic-Pragmatic Aspect	200
Otsomieva Z.M. To the creation of the "Dictionary of Phytonyms of the Avar Language": selection principles, structure, and cultural-linguistic significance	211
Gilemshin F.F., Arzamazov A.A. Linguocultural transformations in the translation of kissa texts into the Tatar language	223
HU J. On the issue of the translation of I. A. Bunin's story "Madrid" into Chinese (translated by Chen Fu)	239
Alivalieva D.A. Interpretative field of the moral concept "HONOR" in Avar and Russian languages	251
Nesterenko S.A., Yuzhaninova E.V. Comparative study of the structural and semantic features of youth slang in German and English	263
Safina Z.M., Lukahina D.N. Lexico-semantic analysis of the literary text and its translation with Python tools	275

Semenova E.M., Kryuchkova Y.V., Efremova M.P. Media Discourse and the Formation of Cultural Stereotypes	286
Bugrov A.Y. The Peasant Reform of 1861 in the Russian and English Newspaper Press	303
Wang P. The professional ideology of Chinese journalism education(2001-2024)	321
Vasilev V.V. Paradigms of sentiment analysis of regional online media through the example of news websites in Yakutia	335
Savitskaya U.N., Kudryavtseva R.A. The Anthroponymicon of Gennady Oyar (based on the collection "Echoes of the Heart")	346
Zhang L. From Local Feeling to National Identity: The Xiangxi Complex (Western Hunan) in the Artistic World of Shen Congwen	361
Fedorova I.S. Aspects of the embodiment of the literary archetype "old man and old woman" in Vasily Yakovlev's story "The Larch That Aged with Me"	371
Novikova V.G. Text of a military city: The London Blitz in contemporary British prose	382
Chepurnaya A.I. Epistemic markers in Russian academic discourse: A comparative analysis of research articles by Russian and Chinese authors	394
Ponomarev D.R. Linguocognitive mechanisms of persuasiveness in automotive advertising discourse (based on the material of the Russian and English languages)	404
Allagui M. Folklore traditions in the works by A. S. Pushkin and Mahmud al-Messadi	415
Fedyunina D.A. The phenomenon of linguistic interference (based on the speech of Becky G and Karol G)	425
Wang T., Zhdanova L.A. Synonyms of the word illness in the idiolect of F. M. Dostoevsky	436
Sereda D.M. Formation of mutational semantic classes of verbs with the prefix "от-" in the Russian language of the pre-national period (11th–17th centuries)	446
Karpovskaya N.V., Roi-Ignatenko A.V. Metaphor as a cognitive mechanism and domain of understanding in the context of professional communication in the field of architecture	456
Varfolomeeva Y.N., Kharanutova E.I. Methods of speech influence in the news discourse of the regional online publication "Ariq Us online"	471
Metadata in english	484

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Машукова Р.М. Способы эпитетации в адыгском историко-героическом эпосе // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.76937 EDN: IRMXEU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76937

Способы эпитетации в адыгском историко-героическом эпосе

Машукова Радима Михайловна

научный сотрудник; Сектор адыгского фольклора; Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН

360051, Россия, Кабардино-Балкарская Респ, г. Нальчик, ул. Пушкина, д. 18

✉ mashukova_radima@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.76937

EDN:

IRMXEU

Дата направления статьи в редакцию:

25-11-2025

Дата публикации:

05-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются особенности функционирования эпитета в адыгском историко-героическом эпосе. Основная цель настоящего исследования состоит в рассмотрении феномена эпитета: анализ аффиксального способа эпитетации в адыгском историко-героическом эпосе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:– проанализировать степень научной разработанности темы и зафиксировать современное состояние её изучения;– подробно рассмотреть особенности применения данного тропа на материале адыгского историко-героического эпоса;– выявить основные разновидности аффиксальных эпитетов, встречающиеся в памятниках адыгского историко-героического повествования;– определить место и значение эпитета среди других приёмов художественной образности, обозначить его влияние на формирование концептуального облика произведений народной

словесности;– охарактеризовать содержание, специфику употребления и частотность встречаемости этого тропа. Для решения вышеперечисленных задач использовались следующие методы исследования:– анализ литературы по рассматриваемой проблеме;– метод сплошной выборки;– семантико-стилистический анализ эпитета;– описание особенностей функционирования аффиксальных эпитетов в историко-героическом эпосе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения эстетических особенностей языка адыгской фольклорной традиции с применением современных научных методов. В настоящее время имеются монографии, посвящённые целостному описанию системы художественного языка или конкретным механизмам построения прозаического и поэтического текстов. Существующие работы преимущественно сосредоточены на лингвистическом аспекте (например, исследования М.А. и З.Ю. Кумаховых) либо рассматривают эпитет лишь в рамках отдельных жанровых направлений. Новизна данной статьи заключается в детальном анализе одного из наиболее значимых художественных приёмов – эпитета – с учётом широкой жанровой палитры устного народного творчества. Такой подход позволяет выявить закономерности функционирования и трансформации выразительности в контексте тематического и структурного разнообразия адыгского фольклора.

Ключевые слова:

эпитет, историко-героический эпос, аффиксальный способ, классификация эпитетов, постоянный эпитет, полисемантизм, портретные характеристики героя, сравнительный анализ, фольклор, устное творчество

В фольклорном творчестве адыгов сказители часто, обходя портретную характеристику героя, концентрируют внимание на подвиги героя, на его действия. Редкие портретные характеристики героя, встречающиеся в произведениях, объясняются тем, что в сюжетно-композиционном строении они выполняют определенную функцию. Этим объясняется наличие в эпосе большого количества эпитетов, характеризующие богатырские деяния героя, его оружия, коня и т.д., и редкость портретных атрибутов. Эпитеты в произведениях устного народного творчества выполняют определенную эстетическую функцию, причем в разных жанрах фольклора они неодинаковы. Так, если в песенном творчестве адыгов эпитеты нашли широкое распространение, то в прозаических произведениях они теряют ту роль, которую играли в песнях. Это объясняется тем, что песня выполняет экспрессивно-эмоциональную, а предание повествовательную функцию. Поэтому мы считаем, что предпочтительно рассматривать эпитеты в песенных и прозаических произведениях отдельно. Считаем необходимым начать характеристику с описания эпитетов по форме. Прежде всего, они делятся на простые и развернутые. Простые эпитеты часто выражены, одним словом или различными аффиксами. Следует заметить, что в адыгской языковой системе большое значение имеет аффиксальный способ характеристики персонажей и неживых предметов, при котором часть слова, чаще всего суффикс, выполняет роль эпитета. Это своего рода «маркирование» похоже на роль некоторых суффиксов в языке русского фольклора /например, в былинах «Идолище», где **-ищ-** выражает негативную характеристику героя/.

Как отмечалось выше, в адыгском историко-героическом эпосе для характеристики персонажей и неживых предметов часто используется аффиксальный способ. Присоединяясь к основам существительного, они описывают различные качества и

свойства предмета или человека. Заметим, что аффиксы, выполняющие функции эпитета, исходя из контекста, могут изменить свое лексическое значение, т.е. придавать слову различные оттенки. Например: суффикс – **шхуэ** имеет увеличительное значение, часто используется в значении **«большой»**. Можно сказать, что это его первичное значение. С таким значением он употребляется в **«Песне о Санджалее»**:

*Сэнджэлейуэ **дзэшхуэр** зезышэмэ...*

«Санджалей, что войско большое водит...»

Суффикс – **шхуэ** в данном случае определяет слово **дзэ** /войско/, которое в свою очередь является эпитетом к имени Санджалей, т.е. в самом эпитете содержится компонент, определяющий его. Здесь мы имеем дело с так называемыми «составными эпитетами». В «Песне о Нартах могучих» суффикс – **ш х у э** служит эпитетом существительного, не имеющего других эпитетов, и имеет значение **«большой»**:

Кхъухъышхуэхэр къызэпрок1ри дзэшхуэхэр абы кърадз.

Дзэшхуэурэ абы къридзмэ, дээр пак1э-пак1эурэ къагъак1уэ...

«Корабли большие сюда плывут, отряды войск перебрасывают

Войско большое, что они переправляют, отрядами на нас посылают...»

Суффикс – **шхуэ** в адыгских песнях может выражать и другое значение. В зависимости от контекста, он имеет и значение **«великий»**. Правда в таких случаях данный суффикс выступает эпитетом существительных, выражающих представителей высших сословий: хана, уорка, князя, и т.д.

И адэм и унэм хъанышхуэ шухэр, гуцэри, щепсыхырт...

«У его отца во дворе ханы великие , гуша, спешивались...»

В адыгейских текстах рассматриваемый суффикс имеет то же значение, что и в кабардинских вариантах: **«большой»**, **«огромный»**, **«великий»**:

Л1ыхъор къафызэтэдзэрэп,

Дзэшхом къыфэгъэшынэрэп...

«Витязя с коня свалить не могут,

Войско огромное его утешить не может...»

Пщышхо ик1 и даущ нагъэсы,

Мысырыпщым и сэлам къы1ок1э...

«До земли великого князя славу о нем доносят,

От мисирского князя привет ему приходит».

В противоположность – **шхуэ** в кабардинских и адыгейских текстах часто используют суффикс **-жьей/ /-жьый**, имеющий уменьшительное значение. Отметим, что рассматриваемый суффикс имел широкое распространение и в нартском эпосе:

Нартыжь зэхуэсахэм Лъэбыцэжьей яхэтт, ауэ зыри жи1эртэкъым, жыжьэу яхэт1ысык1ауэ щыст. (Нартхэр 1995:148).

А лъэхъэнэм Нартыжь Хэкум нэхъ шужьей бэлыхъу итыр Арыкъшуту ар ирагъэжъащ (Нартхэр 1995:43).

Еплъ а цык1ужьей зыхэт! Дэнэ мыгъуэ ук1уэн сэ ус1эщ1эк1у?! (Нартхэр 1995:47)

В историко-героическом эпосе данный суффикс не утратил своего первоначального значения «маленький»:

Хьэтхым и Къуэк1асэ,

И Къуэк1асэжъей гушэри мэщак1уэ...

«Хатховых Кочаса,

Их Кочаса Малый охотиться...».

Хьэтхымэ я Къок1асэ гушэу,

/Ар/ Къок1асэжъый гушэри мэщак1уэ...

«Хатховых Кочаса, гуша,

Их Кочаса Малый, гуша, охотиться...».

В редких случаях данный суффикс придает слову пренебрежительное значение, например, *цык1ужьей // цык1ужьый, Лъэбыцэжъей // Лъэбыцэжъый*. В слове «*цык1ужьей // цык1ужьый*» маленький рост обозначен корневой морфемой «*цык1у*». Элемент **-жъей// -жъый** придает не только уменьшительное, но и пренебрежительное значение. В предание о Куйцикоко говорится, «*Сам Куйцикоко, был огромного роста и обладал большой физической силой. Когда к нему пришел Озырмес и попросил украсть для него невесту, тот отвечает с насмешкой: «Ныт1э, уэ хуэдэ цык1ужьейхэм упщ1эж къызахьэл1эри ядызогъэзащ1э сэ, ауэ т1эк1у сыжейнущи, апщ1ондэху укъыспэплъэм дыгувэнщ, нак1уэ, дежъэнщ», - жи1эри ежъащ. / «Да, такие карлики как ты, советуются со мной, и я выполняю их вместе с ними, но если ты подождешь, пока я буду спать, то мы опоздаем, поехали», - сказал и отправились в путь/».* (Архив)

В эпоху классового общества принадлежность героя к высшему сословию, превосходство его над другими воинами выражается доминированием белого цвета в эпитетах, относящихся к нему: он носит рубашку, бурку, шапку белого цвета, конь его тоже белой масти, оружия отделаны серебром и золотом. Белый цвет и светлые тона в кабардинском языке выражаются морфемой **-ху** /в адыгейском **-ф**/. Присоединяясь к основе существительного, компонент **-ху** становится эпитетом и выражает белый цвет. Данная традиция идет от героического нартского эпоса, где эпитетом «**белый**» определялись герои, которых уважали и почитали на их земле. Рассматриваемый компонент применяется для характеристики тех качеств персонажа или неживого предмета, которые в сознании народа являются идеальными. Так, например, эпитет «*жъак1эху*» /белая борода/ символизировала большое уважение к этому человеку. Дом Алиговых часто характеризуется как «*унэ хужь*» /белый дом/, т.е. герои нартского эпоса понимали, о чем идет речь, когда говорили о белом доме:

Алыджэхэ я унэ хужьым

Нартхэм Хасэ щаублэ (Нартхэр 1995:124)

Абдежым къыщыщ1эдзауэ нартхэ къащ1ащ санэху зэращ1 щ1ык1эр (Нартхэр 1995:38)

Если в героическом нартском эпосе эпитетом «белый» определялись почитаемые нартами герои, то в историко-героическом эпосе этим словом определяются и оружие, и конь, и одежда представителей высших сословий:

Афэхумэ и быдэр Къанщауэ и къанмэ и джанэкъэ...

«Белая кольчуга прочнейшая Каншауи канна рубашка...»

Афэхум и быдэр Андемыркъаным щат1агъэкъэ...

«Из кольчуг светлых самую крепкую на Андемиркана надевают...»

В обоих случаях компонент **-ху** входит в состав сложного слова, который является эпитетом другого слова.

Мусэ к1эхурэ 1уфэм къитшар,

Зауэгъуэ мыгъуэми уанэгу нэщ1т...

«Муса белохвостый, с побережья приведенный,

В бою, о горе, с пустым седлом оказался...»

Ержыбурэ нывэшк1эху,

Шы к1эху дахэр зыхузэрэш...

«Чей ержиб белыми камушками заряжен,

Белохвостого коня красавца для кого холят...»

В приведенных примерах **-ху** является эпитетом слова, определяющего другой предмет. В первом случае он характеризует камень, который в свою очередь является литературным определением оружия, а во втором – хвост коня.

Превосходство над другим героями в адыгском историко-героическом эпосе выражается и компонентом **-ф1** в кабардинском языке и **-ш1у** в адыгейском. В нартском эпосе анализируемый аффикс употребляется в значении **«славный», «хороший»**:

А си щ1алэу шууф1 хъун,

Хъыбарыф1 сэ къыпхуэсхъакъым (Нартхэр 1995:61)

В историко-героическом эпосе данный компонент имеет значения «хороший», **«славный», «замечательный»**. Но, исходя из контекста, названный компонент может придать слову различные оттенки: от почитания до **«добрый», «славный», «верный»**, до пренебрежения: **«недобрый», «злой»**, и т.д.

Уо и гугъэмрэ и жеймрэ адэ щ1эиныф1т...

«О его надежда его сон отца наследие доброе...»

Компонент **-ф1** в данном случае придает слову ироническое значение.

Ар зэрызижагъуэр сэ си ныбжьэгъуф1хэм къыздащ1э...

«Что это я не люблю, мои друзья верные знают...»

Къэбэрдейм шууф1у исыр зэрогъэхасэри мэшэсыр...

«В Кабарде всадников славных, сколько есть,

Все совет держать и на коней садятся...»

В фольклоре встречаются и такие случаи, когда в одной песне один и тот же аффикс выражает разные значения. Так в «Песне об Андзоре Могучем» компонент **-ф1** встречается одиннадцать раз, из которых в семи случаях он придает слову значение **«славный»**, два раза употребляется в значении **«немалый»**, и по одному разу в значениях **«могучий»** и **«добрый»**. Следует отметить, что значение **«добрый»** имеет противоположное значение и употребляется вместо слов **«недобрый»** и **«злой»**, т.е. имеет переносное значение.

Брандури шууф1къэ!

«Бранду всадник славный»

Андзорыф1ри жей хуэл1и...

«Андзора славного ко сну клонит...»

И сэшхуэф1ыр кърехкъэ...

«Его шашку славную вынимает...»

Андзорыф1ыр кьоушкъэ...

«Андзор славный просыпается...»

И сэшхуэф1ыр кърехкъэ...

«Его шашку славную вынимает...»

Андзорыф1ри к1уэдыжкъэ...

«Андзор славный погибает...»

В значении **«немалый»** встречается два раза, но они являются как бы повтором и мы привели только один пример:

Теугъуэф1и ныщик1ук1э...

«Переход немалый когда проехал...»

В значении «могучий»:

Андзорыф1ыр йопсыхкъэ...

«Андзор Могучий спешивается...»

И гъусэф1ыр кьоцэжи...

«Его спутник «добрый» ему изменяет...»

В последнем примере анализируемый аффикс имеет переносное, ироническое значение.

Как отмечают языковеды, для адыгских языков характерен полисемантизм, что затрудняет изучение фольклорных материалов. Поскольку слова могут менять значение в зависимости от контекста, в котором он употребляется, исследователи часто делают неточные переводы текстов, что приводит к разным трудностям при их изучении. Для

решения данной проблемы необходимо в совершенстве владеть языком, знать его морфологические и грамматические особенности, учитывать лексические значения слова, смысл предложения, в котором данное слово употребляется, учитывать отношение автора или сказителя к передаваемому рассказу. Разные значения в зависимости от контекста могут иметь не только отдельные слова, но и отдельные его компоненты, что очевидно из предыдущего анализа.

Одним из продуктивных аффиксов является **-жь // -жь**. В историко-героическом эпосе очень часто употребляется данный аффикс в роли эпитета. На эпитетность данного компонента впервые обратил внимание А.М.Гутов. так название песни «Нартыжь уэрэд» он переводит как «Песень древних нарттов». Исследователь пишет: «Перевод названия не передает его колорита на адыгском языке: суффикс **-жь** в слове **нартижь** может иметь значение **«старый, древний, бывалый»**. Исходя из контекста, этот суффикс может придавать слову различные оттенки - от пренебрежения до почитания. Мы здесь выбрали наиболее подходящее слово, хотя оно одно не исчерпывает семантической функции слова **нартижь**, даже в нашем контексте» (Гутов). Автор утверждает, что названный компонент может придать слову в зависимости от контекста различные оттенки. Более развернуто характеристику компонента – **жь** находим в предисловии ко второму тому книги «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» написанном З.М. Налоевым. «Компонент **-жь** может выражать противоположные значения в зависимости от контекста», - пишет Налоев и приводит ряд примеров: **нартижь – нарт могучий, бжыхыжь – плетень старый, Къуэлэныжь – рябуха славная**. (Налоев) Автор указывает на то, что первоначально рассматриваемый аффикс означал **«пожилой», «старый», «дряхлый»**. С развитием языка, с изменениями в жизни общества, аффикс **-жь** приобрел новые значения: **«бывалый», «испытанный», «опытный», «давний»**. З.М. Налоев указывает на то, что «в песенной методологии адыгов он выражает гамму значения и оттенков, порою трудно уловимых и трудно переводимых на другой язык» и приводит ряд примеров (Налоев). Оба автора сходятся на том, что даже и перечисленные ими значения не исчерпывают всей семантической палитры этого аффикса. Поэтому нам представляется весьма интересным проследить ту семантическую гамму, которую рассматриваемый аффикс проявляет в историко-героических песнях.

Эпитетность аффикса – **жь** не вызывает сомнений, поскольку он придает предметам или явлениям художественно-мотивированную оценку. Наиболее часто данный аффикс используется в значений **«старый»**. Можно сказать, что это его первичное значение. Например:

Къисатыжьк1э ныдок1ыр...

«По Кисанту старому едет...»

Увыгъэр ищ1мэ, бажэжь и хабзэти, мзеплъэ...

«Засаду устроит, старой лисе подобно осматривается...»

Щ1ы ф1ыц1эжьыр къызэгуэстхъынт,

Дунеижми сынытехъэжынтэкъэ...

«Землю черную и старую я разорвал бы,

На старый свет снова бы вышел...»

Как отмечалось выше, компонент **-жъ** в зависимости от контекста, способен придавать слову различные оттенки. Встречаются случаи, когда внутри одной песни рассматриваемый компонент придает словам различные значения. Так обстоит дело с «Песней о Нартах Могучих», с «Песней о Жандаре, сыне Ахматеча» и мн.др. рассматриваемых ниже.

Компонент **-жъ** употребляется и в значении «могучий»:

Си джатэжъурэ хъэщхъэры1уэдзэ,

И дзэпкъит1ымк1э лъыпсыр йожэхри...

«Мой меч могучий – бешеной собаки зуб,

По нему кровь струится...»

Пщ1эгъуалэжъыдзэри хы т1уащ1эм ныдошэсык1ри...

«На белых конях могучих войско в Междуморье вступает...»

В приведенных примерах аффикс **-жъ** выступает как один из компонентов сложного слова, являющегося эпитетом к слову войско.

Хуарэжъмэ тести, къутас пщ1эхэльти мэдалъэри ...

«Он на хуаре могучей с кутасом на шее мечом грозит...»

Андзорыжъыр шууф1щ...

«Андзор могучий всадник славный...»

Къэзакъыжъхэр гъатхэ чы пыхъупхъэ гуцэт, къэбухъуэнщ1къэ...

«Казаков могучих, как весенние прутья, рубишь...»

В приведенном примере компонент **-жъ** придает слову иронический характер.

В значении **«большой»**:

Индылмэ щ1алэр щebaкъуэм,

Бештоужъри къандзэгу щыхуэдэм...

«Когда Индыл юноша перешагивал,

Большой Бештау кочке подобен был...»

Рассматриваемый пример в других вариантах содержит в себе два компонента **-жъ** и оба раза они придают словам разные оттенки:

Бештоужъри къандзэгу щыхуэдэм,

Индылыжъхэми щ1алэр щebaкъуэм...

«Бештау большой когда кочке подобен был

Индыл великий когда юноша перешагивал...»

Зы сэбэп къыхэмык1ынми мэджыт хужъыжъым саф1ек1уэл1энщ,- жи1ащ Андемыркъан.

«Пусть пользы не будет, но к белой мечети большой пробьюсь», - сказал Андемиркан

В данном примере компонент **-жь** выражает негативный характер.

В значении **«родной»**: правда оно встречается очень редко:

Уарэ ди Къулькъужын, Къулькъужыныжьыр нэшэкъашэт!

«Уара наш Куркужин, Куркужин родной, извилистый!»

В значении **«дремучий»** аффикс **-жь** используется иногда:

Бжеей мэзыжьмэ зыщ1ыдегъадзэ...

«В чинаровый лес дремучий скрыться нас заставил...»

В значений **«грозный»**:

Топыжьу дгъауэхэм австыр хьэдэхэр къыщанэ...

«Пушки грозные из которых мы палим, австрийскими трупами поле устилают...»

Къэбэрдейхэм фи жэштеуэжьыр л1ыгъэжът...

«Кабардинское наше ночное нападение грозное /иджы/ мужество великое...»

В последнем примере аффикс **-жь** встречается два раза. В первом случае он имеет значение **«грозный»**, а во втором – **«великий»**.

Как мы отмечали выше, компонент **-жь** в пределах одной песни может проявить разную семантическую гамму. Так, в указанном выше «Песне о жандаре, сыне Ахметеча» рассматриваемый компонент встречается семь раз: по два раза в значениях **«родной»** и **«большой»**, и по одному разу в значениях **«старый»**, **«могучий»**, **«великий»**.

В значений **«родной»**:

Чисантыжьк1э зэджэр щ1ы быдэкъэ...

«Родным Чисанты что называют место надежное...»

В значении **«большой»**:

Къызэрысурэ 1уащхъэжь плъап1эм гуцэмэ дожейкъэ...

«Как только приезжает, на большую гору /гуша/ взбегают...»

Ар здихьри Ахъмэтэч гуцэт унэжькъэ...

«Ее он приносит в Ахматчевых /гуша/ дом большой...»

В значениях **«могучий»**, **«старый»**, **«великий»**:

Къэзакъыжьхэр гъатхэ чы пыхъупхэ гуцэт къэбухъуэнщ1къэ...

«Казаков могучих, как прутья весенние, рубишь...»

Пхъэр ильагъумэ, дакъэжьми маф1э зэщ1онэри...

«Погоню увидит – как костер из старых чурок загорается...»

Гум дэсурэ инэралыжь мыгъуэр къэбгъэубзэщ...

«В гумме живущего генерала великого, о горе, заискивать заставил...»

В «Песне о Мартине Храбром» названный компонент встречается семь раз. Из них в значениях добротный используется два раза:

Данагъуэ пащ1эр си бзэгъуалъэжьым йогъухъ...

«Его шелковые усы в моем колчане добротном сохнут...»

Афэжьым и к1эхур пхъуантэ ф1ыц1эжьым дэзгъахэщ...

«Белую добротную кольчугу в чемодан черный и старый я спрятал...»

И пщ1эгъуалэжьыр мо бо нэщ1ыжьым щыхъумэ...

«Его белого могучего коня в том пустом и старом конюшне охраняют...»

В «Песне о ночном нападении» данный аффикс встречается одиннадцать раз:

Къэбэрдеймэ фи жэштеуэжьыр л1ыгъэжт...

«Кабардинское ваше ночное нападение грозное – мужество великое...»

А махуэм Къэбэрдейр шуужьт...

«В тот день наша Кабарда – великие всадники...»

Дунеижьым дэ щытлъэгъуа хабзэр ди1эжкъым...

«В мире недобром те законы, что мы видели, не существуют...»

Дунеижьми щыдгъэщ1эжыным дыхул1э...

«В этом мире недобром, что нам жить осталось – пусть лишимся...»

Къэралыжьым фэ феныкъуэкъунк1э фымащ1эщ...

«Перечить великому государству вас мало....»

Дэ ди мэлыр Къуреижь губгъуэм къыщехъурт...

«Наши овцы паслись на большом Курей поле...»

Нобэм жьэпкъыжь унап1эк1э дохъуэж...

«Сегодня мы меняем на усадьбу у подножия большой горы...»

Зэрохъэхри Къуреижь губгъуэм щогъуэлъ...

Зауэпэр Къурей къалэжьым щаублэ...

«Войну в недобром городе Курей начинают...»

Пащтыхьыжьым дэ дыкъыгъэщ1акъым – жери мэдалъэ...

«Государь недобрый нас не создал! – говоря грозитя...»

В анализируемой песне компонент **-жь** встречается в значении **«великий»**, **«большой»** и **«недобрый»** три раза, в значении **«грозный»** – один раз.

Рассматриваемый аффикс может придать слову и пренебрежительное значение, что обнаруживается и в других песнях:

Бахъшысэрей гуцэри къуапиблти,

Мы гъущ1 пцэхъуиблыр хъаныжь мыгъуэм пц1эхэвдзэ...

«Бахчисарай на семи углах был,

Эти семь ошейников недоброму хану толстому на шею накиньте...»

Угъурлыжьыр я пщаф1эщ...

«Угурлы недобрый их повар...»

Шу гупышхуэр къосри – Даухэ я пцы ябгэжьырщ...

«Всадников отряд большой подъезжает – Даовых князь неистовый это...»

Заметим, что компонент **-жь** с пренебрежительным значением используется часто при изображении представителей высших сословий, что говорит о возрастании социальных мотивов в историко-героическом эпосе позднего периода.

Выше мы рассмотрели случаи, когда в роли эпитетов выступали отдельные компоненты слов, в частности, аффиксальный способ эпитетации. Он встречается не только в историко-героическом эпосе, но и в других жанрах фольклора, так как аффиксы способны выполнять эстетическую и оценочную функцию. Следует отметить, что данный способ эпитетации выделяли многие исследователи фольклора. Так А. Алиева изучив особенности эпитета в адыгском нартском эпосе, проклассифицировала их. В зависимости от структуры содержания она выделяет следующие категории эпитетов:

1. Постоянный.
2. Эпитет – индивидуальное определение.
3. Эпитет - обращение. (Алиева)

Вместе с тем, А.Алиева указывает и характерные особенности каждой из них, сравнивает их с постоянными эпитетами, встречающимися в русских фольклорных материалах.

Постоянный эпитет представляет собой образное определение, тесно связанное с описываемым словом, благодаря чему формируется устойчивое поэтическое выражение (например, «красная заря», «серебряная луна», «ясные зори», «добрый молодец», «золотые руки»). Подобные сочетания особенно характерны для устного народного творчества, где они служат важным средством художественной выразительности и помогают создать запоминающийся поэтический образ.

Свою лепту в изучение эпитетов внесла С.Ш. Аутлева, которая попыталась показать степень зависимости распространения эпитета от конкретного содержания и стиля историко-героических песен. Она считает что «встречаемые в песнях эпитеты и определения относятся к понятиям общественно-исторической жизни, к народной военной терминологии, к воинам, видам вооружения, к одежде, к коням» (Аутлева). Автор показывает зависимость эпитета от изменений, происходящих в жизни народа. Вместе с тем она перечисляет наиболее распространенные эпитеты и дает им характеристику. Своеобразную классификацию эпитетов, встречающихся в лирико-

героических песнях мы видим у М.М. Паштовой, которая по характеру определяемого слова делит эпитеты на несколько групп:

- 1) Эпитеты героев,
- 2) Эпитеты врагов,
- 3) Эпитеты коней,
- 4) Эпитеты оружия,
- 5) Эпитеты боевых доспехов,
- 6) Эпитеты мест действия,
- 7) Эпитеты атрибутов быта, предметов и явлений живой и неживой природы.

Кроме того, исследовательница предпринимает попытку разделить эпитеты по формальным признакам на простые, сложные и составные.

Традиционные эпитеты целесообразно подразделить по форме на следующие группы: тропы, образуемые отдельными лексическими единицами и составные эпитеты, образуемые посредством устойчивых словосочетаний. Отдельную группу составляют сложные эпитеты, которые образуются не устойчивыми фразеологическими единицами, а свободно организуемыми сочетаниями слов.

Рассмотрим особенности первой группы тропов. Как отмечено выше, в силу морфологических особенностей языка эпитеты могут не представлять собой отдельную лексическую единицу, а присоединяются к основе определяемого слова, что видно из предыдущего материала. Сливаясь с именами, которые они определяют, эпитеты образуют устойчивые сочетания слов. Например, имя **Борэжь** легко расчленишь на две части: **Борэ+жь**, где **жь** выступает как определение по отношению к основному элементу сложного слова и не лишается функции эпитета. Точно также обстоит дело и со словом **нартыжь**, где **жь** выполняет функции и определения и эпитета. Внутри одной синтаксической единицы может иметь место двойная эпитетация. При этом часто используются аффиксы. Аффиксальный эпитет способен входить в состав сложного слова, который является эпитетом другого слова. В таких случаях рассматриваемые эпитеты часто характеризуют не основной предмет, а указывают какой-либо признак определяющего слова. Например, в строках «*Ержыбурэ нывэшхуэк1эху, шы к1эху дахэр зыхузэрашэ*» («Чей ержиб белыми камушками заряжен, белохвостого коня красавца для кого холят») в составе сложного слова два раза встречается аффикс **-ху**. Данный аффикс в обоих случаях является эпитетом эпитета. В первом случае он характеризует камушки, которыми заряжен ержиб. Во втором случае - хвост коня. Сами эти строки являются синтаксическими эпитетами к имени Уэлымбий. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что многие эпитеты могут не являться отдельными лексическими единицами, но способны представлять собой семантическую единицу.

Обращаясь к эпитету «**нывэшэк1эху**», надо добавить к сказанному, что скорее всего это переосмысленное «**ныбэжэк1эху**», которое в песнях ранних циклов выступает как показатель высокого социального положения героя: стрелы с белым оперением хвоста имели право носить только князя или же самые выдающиеся воины.

Подводя итоги, можно сказать, что эпитет – самое продуктивное художественное изобразительное средство. Концентрация эпитетов в песенных текстах более высока, чем в прозаических. Соответственно, песенные эпитеты гораздо более многообразны.

Вместе с тем, во всех случаях эпитетами выделяются примечательные предметы и явления. Это, прежде всего герой, его противник, боевой конь, воинские атрибуты. Есть определенная группа эпитетов, которые употребительны как в песнях. Так и в преданиях. Вместе с тем выделяются и группы характерных песенных эпитетов. Можно выделить следующие лексико-семантические группы данного тропа:

1. Эпитеты самого героя: *Щольэхъужьыр 1эпхуамбэ п1ащэт, Щольэхъужьыр шэ п1ащэруэт.*

2. Эпитеты, обозначающие одежду и его детали: *Уи щ1ак1уэ ф1ыц1эм, уи щ1ак1уэ ф1ыц1эм, Алий, щ1опщыр хок1уадэ.*

3. Эпитеты, обозначающие оружие воина: *И джатэ к1эщ1ымк1э бийм яхэлъэщыхь.*

4. Эпитеты, обозначающие коня: *Щ1алэр пщ1эгъуалэ к1эщ1ым мэшэсри и гъуэгу тоувэж.*

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют выделить основные этапы формирования и развития эпитета в адыгской фольклорной поэзии, а также предложить классификацию его разновидностей, встречающихся в различных жанрах устного народного творчества.

В корпусе адыгского историко-героического эпоса наблюдается широкий спектр эпитетов — от простых, выраженных одним словом, до сложных образных сочетаний с развернутым описанием. Примечательно, что степень их выразительности и детализация не всегда связаны с возрастом жанра; такое разнообразие обусловлено совокупностью факторов.

Прежде всего, архаические формы песенной поэзии постоянно подвергались художественному обновлению. Первоначально лаконичные строфы со временем усложнялись благодаря творческой переработке носителями устной традиции. Эти неизбежные изменения обогащали стилистическую структуру произведений, придавая им большую художественную насыщенность независимо от исходной утилитарной направленности текста.

Кроме того, исследование выявило устойчивую связь между спецификой поэтического жанра и характером употребляемых эпитетов. Так, мифологические и ритуальные тексты — особенно обращённые к сверхъестественным силам (например, языческие гимны в честь богов) — характеризуются преобладанием позитивно окрашенных эпитетов с мотивами хвалебности. Это отражает стремление исполнителей посредством слова выразить почтение и заслужить благосклонность высших сил.

Тем не менее даже среди наиболее древних образцов встречаются элементы негативно окрашенных или иронических характеристик. В свадебном фольклоре жениху и невесте иногда приписываются нарочито преувеличенные или шуточные метафоры; подобная практика выполняет функцию вербального обряда — перечисляя мнимые недостатки, исполнители символически стремятся защитить молодожёнов и общество от дурного влияния.

О том, что такие осмеяния имеют ритуальный смысл, свидетельствует структура свадебного песенного цикла: завершающие строфы обычно наполнены величальными формулами и возвышенными эпитетами.

Художественный мир адыгской поэзии отличается богатством разнообразия и закономерным развитием: с переходом к более поздним жанрам меняется набор поэтических образов и средств их выражения. Героика занимает центральное место в эпосе — основное внимание уделяется воину, его коню и оружию, врагам и военным трофеям. Тематика произведений определяет специфику используемых приёмов: если в эпосе акцент делается на подвигах героя и его боевом окружении, то бытовая лирика сосредоточена на эстетике внешности человека, красоте предметов домашнего обихода и проявлениях очарования.

Таким образом определённый круг центральных образов с закреплёнными за ними эпитетами формирует устойчивое ядро системы художественных средств в адыгском историко-героическом эпосе. Вместе с тем эта система подвержена эволюционным изменениям — трансформация эстетических критериев ведёт к обновлению как структуры самого эпитета, так и способов его функционирования в народно-поэтической традиции.

Библиография

1. Алиева А.И. Эпитет в адыгском героическом эпосе // УЗ КЕНИИ. Т. XXIV, серия филологическая. Нальчик, 1967.
2. Аутлева Ш. Историко-героическая поэзия // Адыгский фольклор. Майкоп, 1980. Книга II. С. 71-82.
3. Гутов А.М. Поэтика и стиль историко-героического эпоса адыгов. Нальчик, 2021. EDN: ANQXZK.
4. Гутов А.М. Эволюция архетипической структуры в адыгском историко-героическом эпосе, 2019.
5. Гутов А.М. Художественно-стилистические традиции адыгского эпоса. Нальчик, 2000.
6. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. Москва: Наука, 1985.
7. Паштова М.М. Эпитет в адыгских лирико-героических песнях // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3. С. 23.
8. Талпа М.Г. Кабардинский фольклор // Кабардинский фольклор под редакцией Ю.М. Соколова. М.-Л.: Академия, 1936.
9. Хут Ш.Х. Несказочная проза // Адыгский фольклор. Майкоп, 1980. Книга II.
10. Шортанов А.Т. Адыгский фольклор // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. С. 48.
11. Кабардинский фольклор. Вступительная статья, комментарии и словарь М.Е. Талпа. Ред. Ю.М. Соколов. М.-Л.: Академия, 1936. 650 с.
12. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1990. Т. III, Ч. I, II.
13. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX-начала XX вв. Сост. и автор вступительной статьи А.И. Алиева. Подготовка текстов и общая ред. А.М. Гудова. Нальчик: Эльбрус, 1979.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка поэтического языка наиболее распространенная проблема литературоведения. Как отмечает автор в начале труда, «эпитеты в произведениях устного народного творчества выполняют определенную эстетическую функцию, причем в разных жанрах фольклора они неодинаковы. Так, если в песенном творчестве адыгов эпитеты нашли широкое распространение, то в прозаических произведениях они теряют ту роль, которую играли в песнях», «в адыгской языковой системе большое значение имеет аффиксальный способ характеристики персонажей и неживых предметов, при котором часть слова, чаще всего суффикс, выполняет роль эпитета». Тема работы, на мой взгляд, интересна, научно оправдана. В целом данная статья отвечает требованиям научного издания, на мой взгляд, материал системен, фактические неточности не выявлены. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия, необходимые для раскрытия вопроса введены в текст правильно: например, «в адыгском историко-героическом эпосе для характеристики персонажей и неживых предметов часто используется аффиксальный способ. Присоединяясь к основам существительного, они описывают различные качества и свойства предмета или человека. Заметим, что аффиксы, выполняющие функции эпитета, исходя из контекста, могут изменить свое лексическое значение, т.е. придавать слову различные оттенки», или «В фольклоре встречаются и такие случаи, когда в одной песне один и тот же аффикс выражает разные значения. Так в «Песне об Андзоре Могучем» компонент –ф1 встречается одиннадцать раз, из которых в семи случаях он придает слову значение «славный», два раза употребляется в значении «немалый», и по одному разу в значениях «могучий» и «добрый». Следует отметить, что значение «добрый» имеет противоположное значение и употребляется вместо слов «недобрый» и «злой», т.е. имеет переносное значение» и т.д. В работе достаточно объемный иллюстративный фон, это явно достоинство рецензируемого труда. Материал имеет практический характер, его можно использовать при изучении адыгского фольклора. Выводы по работе соотносят с основной частью. Автор в финале тезисует, что «В корпусе адыгского историко-героического эпоса наблюдается широкий спектр эпитетов — от простых, выраженных одним словом, до сложных образных сочетаний с развернутым описанием. Примечательно, что степень их выразительности и детализация не всегда связаны с возрастом жанра; такое разнообразие обусловлено совокупностью факторов» и т.д. На мой взгляд, тема работы раскрыта, основная цель достигнута. Список источников достаточен; текст не нуждается в серьезной правке и доработке. Рекомендую статью «Способы эпитетации в адыгском историко-героическом эпосе» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао Ц. Историческая метаморфоза идеологического фрейма «угрозы» и «ресурса» в освещении иммиграции китайскими медиа (XIX–XXI вв.) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77192 EDN: NWRSSI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77192

Историческая метаморфоза идеологического фрейма «угрозы» и «ресурса» в освещении иммиграции китайскими медиа (XIX–XXI вв.)

Чжао Цинсун

аспирант; факультет журналистики; Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Нахимова, 3к2, кв. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77192

EDN:

NWRSSI

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2025

Дата публикации:

10-12-2025

Аннотация: В данной статье впервые проводится системный историко-дискурсивный анализ эволюции идеологических фреймов «угрозы» и «ресурса» в дискурсе китайских государственных медиа об иммиграции на протяжении четырех ключевых исторических периодов (XIX–XXI вв.). Предметом исследования выступает эволюция идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа (прессы) об иммиграции на протяжении четырех исторических периодов: поздней имперской эпохи (династия Цин), республиканского (Китайская Республика, 1912–1949 гг.), раннего социалистического периода (КНР с 1949–1980 гг.) и современной эпохи реформ и глобализации (конец XX – начало XXI вв.). Анализу подвергаются не только явные нарративы, но и глубинные лингвистические структуры, риторические стратегии и контекстуальные обусловленности,

формирующие образ иммигранта и миграционного процесса. историко-дискурсивный анализ динамики двух фундаментальных и зачастую противопоставляемых фреймов, используемых китайскими медиа при освещении иммиграции: фрейма «угрозы» (акцентирующего риски для безопасности, культурной гомогенности и социальной стабильности) и фрейма «ресурса» (подчеркивающего экономическую, демографическую или инновационную пользу). Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, впервые в рамках одного исследования проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции на столь протяженном историческом отрезке (XIX-XXI вв.), что позволяет выявить не только разрывы, но и преемственность в идеологических паттернах. Во-вторых, работа вносит вклад в теорию фреймов, применяя ее к долгосрочному идеологическому процессу в незападном медийном контексте, демонстрируя, как фреймы адаптируются к смене политических режимов. В-третьих, новизна заключается не в простой констатации смены одного фрейма другим, а в раскрытии их сложного сосуществования, взаимного дополнения и контекстуального переключения в зависимости от целевой аудитории и текущих государственных приоритетов. Таким образом, статья предлагает целостную модель анализа того, как сквозь призму медиадискурса конструировался и изменялся образ «другого»-иммигранта в китайском общественном сознании, отражая глубинную логику взаимоотношений между государством, нацией и глобальным миром на разных этапах китайской истории

Ключевые слова:

медиадискурс, фрейм угрозы, фрейм ресурса, китайские медиа, иммиграция, теория фреймирования, историко-дискурсивный анализ, идеологический максимализм, управляемая иммиграция, лингвистические маркеры

Введение

Освещение миграционных процессов в медиапространстве Китая представляет собой сложное явление, тесно связанное с политическими, экономическими и социальными трансформациями различных исторических эпох. Иммиграция на протяжении XIX-XXI вв. воспринималась китайским обществом не как статичное явление, а как динамический феномен, требующий постоянного идеологического осмысления и интерпретации в соответствии с актуальными государственными задачами и вызовами национальной безопасности. Одним из ключевых инструментов такого осмысления выступают медиадискурсивные фреймы — устойчивые когнитивно-языковые структуры, которые организуют восприятие реальности, задают способы интерпретации событий, социальных групп и процессов, тем самым легитимируя определенные политические курсы и модели общественного сознания.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях глобализации и роста трансграничных перемещений проблема медийной репрезентации миграции приобретает ключевое значение для формирования общественного мнения и политики идентичности. Во-вторых, современный Китай, балансируя между глобальной открытостью и защитой национального суверенитета, демонстрирует сложную, амбивалентную модель освещения миграции, истоки которой можно проследить лишь в исторической перспективе. В-третьих, изучение китайского медиадискурса как инструмента идеологии позволяет глубже понять механизмы конструирования социальной реальности в условиях монополии на публичную

сферу, где медиа выполняют не только информационную, но и мобилизационно-воспитательную функцию.

Предметом исследования выступает эволюция идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа (прессы) об иммиграции на протяжении четырех исторических периодов: поздней имперской эпохи (династия Цин), республиканского (Китайская Республика, 1912-1949 гг.), раннего социалистического периода (КНР с 1949-1980 гг.) и современной эпохи реформ и глобализации (конец XX – начало XXI вв.). Анализу подвергаются не только явные нарративы, но и глубинные лингвистические структуры, риторические стратегии и контекстуальные обусловленности, формирующие образ иммигранта и миграционного процесса.

Методология исследования следующая. В данной статье проводится историко-дискурсивный анализ динамики двух фундаментальных и зачастую противопоставляемых фреймов, используемых китайскими медиа при освещении иммиграции: фрейма «угрозы» (акцентирующего риски для безопасности, культурной гомогенности и социальной стабильности) и фрейма «ресурса» (подчеркивающего экономическую, демографическую или инновационную пользу). Исследование опирается на методологический синтез критического дискурс-анализа (в традициях Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка), теории фреймирования (анализ фреймов) и инструментарий медиалингвистики, что позволяет связать языковые практики с идеологическими и властными отношениями.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом и под влиянием каких историко-политических, социально-экономических и идеологических факторов происходила метаморфоза и диалектическое взаимодействие фреймов «угрозы» и «ресурса» в китайском медиадискурсе об иммиграции, и какие конкретные лингвистические маркеры, нарративные шаблоны и риторические фигуры сопровождали эту трансформацию?

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, впервые в рамках одного исследования проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции на столь протяженном историческом отрезке (XIX-XXI вв.), что позволяет выявить не только разрывы, но и преемственность в идеологических паттернах. Во-вторых, работа вносит вклад в теорию фреймов, применяя ее к долгосрочному идеологическому процессу в незападном медийном контексте, демонстрируя, как фреймы адаптируются к смене политических режимов. В-третьих, новизна заключается не в простой констатации смены одного фрейма другим, а в раскрытии их сложного сосуществования, взаимного дополнения и контекстуального переключения в зависимости от целевой аудитории и текущих государственных приоритетов.

Таким образом, статья предлагает целостную модель анализа того, как сквозь призму медиадискурса конструировался и изменялся образ «другого»-иммигранта в китайском общественном сознании, отражая глубинную логику взаимоотношений между государством, нацией и глобальным миром на разных этапах китайской истории.

Теоретические основания исследования

Фрейм определяется как когнитивная структура, позволяющая упорядочить информацию и объяснить события согласно определённой модели мира [\[1\]](#). В медиадискурсе фреймы выполняют интерпретационную функцию: они не просто описывают реальность, но и структурируют её, задавая границы допустимого понимания. [\[2\]](#)

Идеологические фреймы обладают нормативной силой: они закрепляют политически

выгодные интерпретации и маргинализируют нежелательные способы осмысления явления. [3, 4] В случае освещения миграции фреймы «угрозы» и «ресурса» задают два диаметрально противоположных подхода: негативно-защитный и позитивно-прагматический.

Фрейм «угрозы» включает семантические компоненты: опасность, вторжение, нестабильность, хаос. Он опирается на метафоры стихийных бедствий, эпидемий, социального распада. Фрейм «ресурса» подразумевает пользу, вклад, развитие, экономические возможности. Его типичные метафоры — «движущая сила», «потенциал», «энергия», «интеллектуальный капитал».

Китайская медиасистема исторически характеризуется высокой степенью институциональной зависимости от государства. Даже в позднесредневековых хрониках прослеживается тенденция к политически обусловленному освещению миграции, что усилилось в период Цин и в дальнейшем стало частью нормативной медиапрактики КНР. [5]

Современные исследования китайских СМИ подчеркивают их двойную функцию: руководство общественным мнением и общественный контроль. Концепция СМИ как «рупора» (кит. 喉舌) государственной власти остаётся центральным элементом медиаполитики, определяя идеологическую направленность интерпретации миграционных процессов. [6]

Ретроспектива освещения иностранной миграции в Китае в XX в.

В начале своего существования, при императоре Канси, **династия Цин**, будучи последней феодальной династией Китая, демонстрировала двойственное отношение к иммиграции: несмотря на период процветания, частые контакты с Российской империей, Великобританией и Индией, и привлекательность китайского рынка, миграционная политика оставалась строгой, и масштаб иммиграции был незначительным. Официальные цинские медиа в этот период необъективно акцентировали внимание на толерантности и богатстве Китая, что способствовало самодовольству элиты. [7]

Ситуация резко изменилась с ослаблением Цинского государства. Число иностранцев, прибывающих на постоянное жительство, значительно возросло, формируя компактные районы колонизации, сначала в прибрежных торговых портах, а затем в Шанхае, Тяньцзине и Пекине. Слабость правительства привела к серьёзным проблемам в управлении переселенцами, что стало фактором роста социальной нестабильности. Критическое обострение наступило после Первой опиумной войны, когда цинские власти возложили ответственность за внутренние проблемы на иммиграцию. Медиаресурсы заняли резко антимиграционную позицию, что ускорило политику «закрытия страны» (кит. 闭关锁国).

Движение «Тайпин тяньго» (кит. 太平天国) ещё больше усугубило проблему, спровоцировав иностранные державы (США, Великобританию, Францию) к созданию концессий для «защиты своих граждан». СМИ этих держав, напротив, изображали своих соотечественников как «слабые и уязвимые группы», в то время как тайпинов — как «жестоких агрессоров», что укрепляло уверенность иммигрантов в своём присутствии. Это привело к взрывному росту населения в концессиях: с чуть более 20 тысяч человек в британских и американских концессиях в 1855 г. до 90 тысяч к концу 1865 г., а к 1893 г. население международного сэттльмента и французской концессии превысило 300 тысяч человек.

В контексте утраты суверенитета, связанной с подписанием ряда неравноправных договоров, иммиграция воспринималась в позднецинской прессе как элемент внешнего давления и угроза территориальной целостности. Официальные публикации подчёркивали рост социальной нестабильности и экономическое доминирование иностранцев, а иностранные кварталы описывались как зоны опасности.^[8] Риторика формировала образ «чужака» как источника беспорядков, подрывающего традиционный уклад.

Следовательно, в конце существования империи Цин иммиграция конструировалась в медиа как фактор, угрожающий социальному и политическому порядку Китая, и, хотя на этапе упадка династии Цин миграция иностранцев в Китай практически прекратилась, вызванные ею социальные проблемы оказали влияние на последующий исторический период.

Период Китайской Республики характеризовался глубокой политической нестабильностью (войны милитаристов, японская агрессия, гражданская война), что обусловило снижение общего уровня иммиграции, но привело к формированию амбивалентного медиадискурса. Этот дискурс балансировал между фреймами гуманитарного долга, экономического ресурса и политической угрозы.

Прибытие крупных групп русских беженцев после Октябрьской революции стало проблемой, которая не получила широкого общественного внимания из-за внутренних трудностей и внешнего давления, которое испытывал Китай.^[9] Официальные СМИ в приграничных регионах стремились маркировать эту миграцию как «нейтральный элемент» и «вынужденное» присутствие. В то время как местные власти проводили либеральную политику, медиа активно освещали вклад русских в экономическое развитие и культурный обмен. Эта стратегия двойного кодирования намеренно избегала обсуждения социальной напряженности, позволяя использовать их присутствие как ресурс, способствующий этническому многообразию.

Особый случай — массовая иммиграция еврейских беженцев в Шанхай во время Второй мировой войны. Китай, несмотря на собственное тяжелое положение под японской агрессией, принял более 25 000 человек, руководствуясь гуманизмом. Этот процесс широко освещался как официальными (Гоминьдан), так и коммунистическими изданиями. Пресса конструировала фрейм «гуманитарного ресурса», используя его в пропагандистских целях: демонстрация поддержки беженцев служила средством подчеркивания последствий возможного уничтожения самого государства.^[10] Это способствовало росту национального самосознания и активизации сопротивления японским захватчикам.

В целом, в период Республики освещение миграции оставалось недостаточно объективным, что в итоге привело к значительному снижению доверия населения к официальным источникам информации.

После образования КНР, в условиях тяжелого экономического положения, государство приняло новую идеологическую парадигму, в которой иностранные специалисты воспринимались как жизненно необходимый источник знаний и проявление международной поддержки. Государственные СМИ активно продвигали нарратив о том, что иностранные профессионалы помогают строить новый Китай, формируя медийный архетип «иностранец-друг» (примеры: Ма Хайдэ, Исраэль Эпштейн).^[11] Медиалингвистический анализ выявляет активное использование стратегий убеждения:

позитивная оценочная лексика («огромный вклад», «неоценимая помощь»), персонализация (конкретные имена и биографии вместо обобщённого образа «чужака») и метафоры развития («строители нового Китая»). Целью медиа было стратегическое рефреймирование иммигранта из исторической «угрозы» в «ресурс», нивелируя социальные страхи, сформированные в колониальный период.

Период 1961-1978 гг. характеризовался экономическим застоем и ухудшением отношений с СССР, что привело к отзыву иностранных специалистов. Освещение иммиграции стало ярко политизированным и идеологическим. Государственные СМИ, выступая «рупором» политики, сменили тональность с позитивной на антагонистическую риторику, направленную сначала против СССР, а затем против всех капиталистических стран. Доминирующим стал идеологический фрейм конфликта, где иммиграционные вопросы подавались через призму идеологического неприятия. Акцент на борьбе и идеологической чистоте привел к высокому уровню напряжения в общественном дискурсе, а отсутствие положительных нарративов и профессионального сотрудничества способствовало застою в международных контактах и экономическому ущербу из-за оттока экспертов.

С началом политики реформ и открытости в 1979 г. китайские СМИ кардинально изменили подход, переключившись на разумное и законное регулирование миграционных процессов. Новый доминирующий медиафрейм акцентировал «экономический ресурс» и «законность». Медиа стали более объективными, активно освещая законодательную базу и позитивную роль иммиграции в экономике. На этом этапе СМИ сыграли ключевую роль в формировании положительного образа вернувшихся зарубежных китайцев (хуацяо), чьи инвестиции способствовали развитию базовой экономики.^[12] Через принцип этнической аффинности СМИ смягчали травматические последствия предыдущего периода. Постепенно, фокус сместился с соотечественников на иностранных граждан, и СМИ стали активно создавать благоприятную иммиграционную среду, необходимую для устойчивого экономического роста страны.

Современный этап: институционализация фрейма ресурса

С конца 1970-х гг., ознаменовавших начало **политики реформ и открытости**, Китай приступил к целенаправленной интеграции в мировую экономику и переходу к инновационной модели развития. В этом контексте иммиграция, особенно высококвалифицированных кадров, стала рассматриваться как стратегический фактор модернизации, что привело к закреплению в медиадискурсе доминирующего фрейма «иностранные таланты — двигатель модернизации».^[13] Этот нарратив сместил акцент с идеологического «иностранца-друга» на прагматическую ценность иммигранта для технологического и экономического прорыва. Основные государственные и экономические издания, такие как People's Daily, Global Times и Economic Observer, активно подчеркивают необходимость привлечения международных кадров, стратегическое значение мобильности и глобальное сотрудничество. Иммиграция подается как ценный ресурс, который должен быть «упорядоченным», «рациональным» и «контролируемым».

Медиалингвистически эта двойственность (ресурс vs. контроль) реализуется через дифференцированное использование языковых средств. Фрейм ресурса базируется на активном использовании метафор развития (рост, инновации, строительство), персонализации и нейтрально-позитивной лексике, заменяющей эмоционально-негативную категоричность предыдущих эпох. Периферийный фрейм угрозы (контроля),

затрагивающий темы нелегальной миграции и преступности, представлен мягко и нормативно. Лингвистически это достигается за счет безличных конструкций, модальности долженствования (глаголы «должны», «необходимо обеспечить»), что переводит проблему в плоскость законности, и номинализации, которая абстрагирует потенциальную угрозу (например, «усиление нестабильности»), снимая прямую ответственность с государства.

Эмпирический анализ медиастратегий за последнее десятилетие показывает, как идеологические и прагматические задачи отражаются в дискурсе ведущих изданий.

«Жэньминь Жибао» (People's Daily) демонстрирует идеологический максимализм, где информация об иммиграции подвергается жесткой фильтрации, а позитивная тональность достигает 89,5%. Дискурс полностью лишен проблематизации и сконструирован для продвижения Китая как гармоничного и привлекательного общества. Лингвистически это подтверждается активным использованием средств художественной выразительности, эмоционально-оценочной лексикой (89,5% от всех единиц текста) и общей романтизацией, выражающейся в таких примерах, как «глубокая культурная привлекательность» (кит. 深厚文化魅力) и «влюбиться в китайскую культуру» (кит. 爱上中国文化). Активно используются сравнения типа «как дом» (кит. 像家一样) и «как друзья» (кит. 像朋友一样) для конструирования образа гостеприимства, что является частью фрейма ресурса. Эти приемы особенно преобладают в текстах социальной и культурной тематических категориях, где иностранец представлен как добровольный и благодарный участник китайского общества. Акцент делается на институционализации — «оптимизировать процессы», «совершенствовать механизм» — что служит для легитимации контроля. Через политическую/правовую тематическую категорию (38,28% текстов) медиа демонстрирует эффективность государственного аппарата, который, в отличие от Запада, способен безупречно управлять сложными процессами миграции и обеспечивать безопасность. Таким образом укрепляется образ Китая как упорядоченного и стабильного центра. Кроме того, газета полностью избегает фрейма угрозы: освещение тем категории криминальная/угрожающая сведено к 0%, что гарантирует отсутствие негативных ассоциаций и подтверждает идеологический максимализм в представлении Китая как идеального и безопасного пространства.

Global Times в дискурсивном конструировании образа иностранного мигранта также доминирует фрейм ресурса, который стратегически формируется через системное освещение. Позитивная тональность охватывает 62,6% всех единиц текста, что подтверждает целенаправленную стратегию создания привлекательного образа Китая (около 33% относится к нейтральной тональности, что указывает на то, что в Global Times информация подается более спокойно, объективно и без эмоционально-окрашенной лексики, в отличие от Жэньминь Жибао). При помощи средств художественной выразительности, таких как метафора (10% примеров) и гипербола (20%) формируется образ иностранца как культурного и социального союзника, подтверждающего гостеприимство и успех китайской модели. Фрейм угрозы в медиа минимизирован: «криминальная» тематическая категория занимает всего 1,62% текстов, где используется криминализация и демонизация для изоляции нежелательных элементов. При этом всячески поддерживается контролирующая роль китайского государства. Более сложный механизм применяется в тематической категории «экономическая» (12,15%), где негативная/критическая тональность (16,25% единиц текста) парадоксально используется для нейтрализации угрозы. Освещение проблем (виктимизация) служит фоном, на котором демонстрируется эффективность и забота китайского государства, что переводит потенциальную угрозу (например, экономический

кризис) в подтверждение силы и гуманности власти. Таким образом, медиа-дискурс активно конструирует и поддерживает образ иностранного мигранта как ценного ресурса и свидетеля успеха китайского государства.

«The Economic Observer», фокусируясь на деловой тематике, поддерживает преимущественно нейтральную тональность (71% текстов), отражая рациональное управление. В издании преобладает государственно-идеологическая легитимация, где иммиграционные вопросы подаются через институциональный язык. Для усиления фрейма ресурса активно используется риторика (42,86% текстов) и экспрессивные средства (42,86%), чтобы придать официальным процедурам позитивную эмоциональную окраску, несмотря на общую нейтральность изложения. Процессы упрощения для высококвалифицированных кадров метафорически обозначаются как «открыть окно» (кит. 开窗) или «канал» (кит. 渠道), что подчеркивает прагматичность и эффективность государства. Основной акцент делается на экономической тематической категории, где иностранец представлен как необходимый элемент модернизации. В то же время, здесь наиболее выражен периферийный фрейм угрозы, проявляющийся в криминализации/проблематизации (28,6% единиц текста): используются лексемы «полулегальный статус» (кит. 半黑半明) и «нелегальные мигранты» (кит. 偷渡者), а также фразы о «нелегальных иммигрантах, увеличивающих ксенофобию». Этот фрейм угрозы, представленный через репортаж (28% текстов), используется для поддержания фрейма контроля и необходимости правового регулирования, четко разграничивая желательный, квалифицированный ресурс от нежелательных элементов, представляющих угрозу стабильности. Таким образом, «The Economic Observer» сочетает рациональную нейтральность для привлечения делового сообщества с жесткой риторикой контроля, чтобы легитимировать государственное управление миграционными потоками. Более объективная позиция «The Economic Observer», включающая сбалансированное использование фреймов ресурса и угрозы, связана с тем, что это издание, в том числе в силу своей экономической направленности, является более независимым от государственного влияния.

Сопоставление трёх медиаплощадок показывает, что различия в освещении иммиграции определяются не тематикой самих публикаций, а идеологической функцией, которую выполняет каждое издание в структуре китайского медиапространства. People's Daily представляет наиболее «закрытый» и идеологически выровненный дискурс: он исключает проблематизацию иммиграции как явления и использует исключительно позитивные интерпретации. В этом смысле издание выполняет функцию нормативного центра, задающего рамку единственно допустимого публичного понимания миграционной политики. Global Times занимает промежуточную позицию, где позитивная оценка иммиграции сохраняется, но достигается не через идеологическую статичность, а через динамическое эмоциональное усиление — героизацию, риторические вопросы, нарратив выбора и преодоления. Здесь позитивность не предписана, а аргументирована, что позволяет газете создавать эффект более «живого» и менее официального медиа при сохранении нужного направления интерпретации. The Economic Observer демонстрирует наиболее структурный, институциональный подход, где иммиграция трактуется как элемент социально-экономического управления. Нейтральность доминирует, поскольку ключевой задачей становится рационализация процессов, а не формирование эмоционально окрашенного образа. При этом именно в этом издании фиксируется наибольшая доля «фрейма угрозы», но не как идеологический вызов, а как индикатор управленческих рисков.

Обобщая, можно отметить, что три издания выстраивают единый макро-дискурс

управляемой иммиграции, однако реализуют его различными средствами. People's Daily поддерживает идеологическую неизменность; Global Times — эмоционально-персонализированную позитивность; The Economic Observer — аналитическую прагматику. Вместе они формируют многослойную систему, в которой иммиграция одновременно романтизируется, героизируется и администрируется, что позволяет государству охватывать разные сферы общественного восприятия — ценностную, эмоциональную и рационально-управленческую.

Можно заключить, что смена медиафреймов в истории Китая четко коррелировала с политическими циклами: от угрозы в кризисный Цинский период до ресурса/угрозы в период социалистического строительства и, наконец, ресурса, сопряженного с контролем, в эпоху глобализации. Этот мета-сдвиг сопровождался переходом от абстракций и эмоционально-негативной лексики к персонализированным историям и нормативной модальности, что отражает институционализацию и рационализацию иммиграционной политики в современном китайском медиапространстве.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что метаморфоза идеологических фреймов «угрозы» и «ресурса» в китайском медиадискурсе об иммиграции представляет собой не линейный процесс замещения одной интерпретационной матрицы другой, а сложную систему контекстуальных переключений, обусловленных трансформацией политических режимов, изменением внешнеполитических вызовов и постепенной институционализацией медийного поля. На протяжении XIX-XXI веков медиареальность, создаваемая государственными и государственно-ориентированными СМИ, отражала не столько конкретную демографическую ситуацию, сколько идеологический заказ эпохи, который определял допустимые способы интерпретации иммиграции и конструирования образа иностранца.

В позднецинский период доминирование фрейма угрозы стало прямым следствием ослабления государства, роста внешнего давления и утраты контроля над ключевыми территориями. Именно тогда в прессе закрепился устойчивый образ иммигранта как символа хаоса и социального распада. Риторика вторжения, акцент на упадке и использовании номинализаций для создания ощущения безличной опасности демонстрировали глубинную связь медиадискурса с политическими тревогами эпохи. Однако уже в республиканский период прежний негативистский фрейм подвергся расслоению: иностранцы превращаются в объект двойственной интерпретации — одновременно риск и ресурс, источник напряженности и гуманитарного долга. Такое расщепление свидетельствует о попытках медиа справиться с многообразием миграционных процессов и отсутствием единой государственной линии. В этот период появляется новая языковая стратегия — амбивалентность, позволяющая медиа адаптировать фреймы к стремительно меняющимся политическим условиям.

С образованием КНР фрейм угрозы был не только ослаблен, но и идеологически переопределён, что привело к формированию нового устойчивого типа медийного образа иностранца — профессионального и «идеологически корректного» ресурса для строительства государства. Эта трансформация сопровождалась радикальным изменением языковых средств: от эмоционально-негативной лексики к персонализации, позитивным метафорам развития и эмоционально нейтральному, нормативному описанию процессов. Однако появление идеологического антагонизма в 1960-1970-е годы вновь актуализировало элементы фрейма угрозы, но теперь уже не по отношению к иммигрантам как группе, а в рамках глобального политического конфликта. Это

свидетельствует, что в китайских медиа категория угрозы не исчезает, а лишь меняет объект направленности в зависимости от политической логики момента.

Современный этап характеризуется окончательной институционализацией фрейма ресурса, но одновременно и его усложнением: в условиях глобализации иммиграция трактуется как необходимый, но подлежащий строгому надзору элемент экономического и технологического развития. Именно сочетание ресурсности и контроля стало ключевой особенностью современного медийного нарратива. Эмпирический анализ трёх ведущих изданий — People's Daily, Global Times и The Economic Observer — показывает, что это сочетание реализуется по-разному, образуя стратифицированную медиасистему, в которой каждый канал обслуживает свою идеологическую нишу. People's Daily закрепляет нормативный идеологический центр, воспроизводя гармонизированный и романтизированный образ иностранца и полностью исключая проблематизацию. Global Times создаёт эмоционально заряженный гибридный дискурс, где позитивность достигается через драматизацию, героизацию и нарратив выбора. The Economic Observer, напротив, рационализирует миграционную тематику, переводя её в язык управляемости и законодательных механизмов. Совместно три типа медиа формируют многоуровневый макрофрейм управляемой иммиграции, где эмоциональные, идеологические и аналитические компоненты функционируют параллельно.

Таким образом, историческая логика развития китайского медиадискурса демонстрирует, что фреймы «угрозы» и «ресурса» не противопоставляются как взаимоисключающие, но находятся в отношениях функциональной взаимодополняемости. На разных этапах они выступают ведущими или периферийными, но никогда полностью не исчезают. Угроза трансформируется из внешней политической в управленческую, а ресурс — из идеологически символического в экономически прагматичный. Современные медиа показывают наиболее зрелую форму этой диалектики: иммиграция трактуется как потенциально полезное явление, при условии её институционального контроля, прозрачности и нормативной управляемости. Данное сочетание подчеркивает внутреннюю логику медиаполитики Китая, ориентированной на поддержание социальной стабильности при максимальном использовании глобальных возможностей. Историко-дискурсивный анализ тем самым позволяет не только увидеть традицию управления образом «чужого» в китайской прессе, но и объяснить, каким образом современная медийная система поддерживает баланс между открытостью и защитой, между глобальностью и национальной идентичностью.

Библиография

1. Fillmore Ch. Scenes-and-Frames Semantics // Current issues in linguistic theory. Bloomington / London: Indiana University Press, 1977. Pp. 76-138.
2. Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
3. Чилингарян К.П., Сорокина Л.С. В поисках оптимального метода анализа глубинных структур: фреймовая семантика и классификация аргументных структур // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
4. Токарева С. Б. Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 36-48. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5

EDN: OLXUGN.

5. Сергеев Г. И. От дибао до "Жэньминь жибао". Путь в 1200 лет (История средств массовых коммуникаций Китая). М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1989. 167 с.
6. King G., Pan J., Roberts M. E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107, no. 2. P. 326-343. DOI: 10.1017/S0003055413000014 EDN: RIZFNL.
7. 戈公振 (Гэ Гунчжэнь). 《中国报学史》 (История китайской журналистики). 上海 (Шанхай): 商务印书馆 (Коммерческое издательство), 1927.
8. Hutters T. Bringing the World Home: Appropriating the West in Late Qing and Early Republican China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. 370 p.
9. Шаронова В. Г. История русской эмиграции в Китае // Русское зарубежье. 2014. № 3. С. 217-231.
10. Kranzler D. Japanese, Nazis and Jews: The Jewish Refugee Community of Shanghai, 1938–1945. Brooklyn: Yeshiva University Press, 1976. 620 p.
11. Zhang Jing. Foreign experts in the People's Republic of China: an historical review from the perspectives of modernization and globalization (1949–1966) // Modern Chinese History. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 195-213.
12. Lovell J. The Uses of Foreigners in Mao-Era China: 'Techniques of Hospitality' and International Image-Building in the People's Republic, 1949–1976 // Transactions of the Royal Historical Society. 2015. Sixth Series, Vol. 25. P. 135-158.
13. Speelman T. Establishing the National Immigration Administration: Change and Continuity in China's Immigration Reforms // China Perspectives. 2020. № 4. P. 7-16. DOI: 10.4000/chinaperspectives.11103 EDN: VFXLDC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию трансформации идеологических фреймов в дискурсе китайских государственных медиа. Внимание автора сфокусировано на двух фреймах: «угрозы» и «ресурса», репрезентация которых рассматривается на примере четырех исторических периодов (поздний имперский, республиканский, ранний социализм, современный этап реформ и глобализации).

В качестве методов исследования используется историко-дискурсивный анализ, позволяющий проследить динамику изменения репрезентации проблемы миграции на примере двух фундаментальных и противопоставленных друг другу фреймов. С одной стороны, в ранний исследуемый период в медиа делается акцент на том, что миграция может угрожать безопасности Китая, негативно влиять на его культурную идентичность и социальную стабильность. С другой – в более поздний из рассматриваемых периодов риторика меняется, СМИ подчеркивают открытость Китая для высококвалифицированных кадров, которые могут принести экономическую, научно-техническую и инновационную пользу государству. Помимо этого, применяются качественный и количественный контент-анализ, критический дискурс-анализ (с опорой на работы Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка), фрейм-анализ и методики современной медиалингвистики, позволяющий выявить риторические, лингвистические и прагматические способы репрезентации названных выше фреймов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного и критического

осмысления процессов формирования общественного мнения и национальной идентичности в условиях глобализации; важностью понимания, как в контексте трансграничности в медиаполе защищаются национальный суверенитет и независимость государства; а также необходимостью выявления механизмов конструирования социальной реальности с учетом того, что китайские медиа сосредоточены на выполнении не только информационной, но и мобилизационно-воспитательной функций. Научная новизна работы заключается в том, что, во-первых, проводится системное сравнение медиадискурса об иммиграции за достаточно долгий период (XIX-XXI вв.); во-вторых, вкладом в развитие теории фреймов; в-третьих, в выявлении механизмов, как изменяются фреймы в зависимости от политических режимов, национальных приоритетов и международной политической повестки.

Стиль рецензируемой работы соответствует научному. Логика повествования последовательно отражает наблюдения и умозаключения автора. В статье выделены разделы, в которых сформулированы предмет, актуальность, методология и научная новизна исследования; представлена теоретическая база; охарактеризованы исторические периоды и продемонстрировано, как в зависимости от политических установок государства меняется фреймовая структура медиа и способы ее манифестации.

Библиографический список вполне репрезентативен (13 источников). Автор опирается как на фундаментальные научные труды отечественных и зарубежных ученых, так и на современные исследования.

Выводы, сделанные в работе, релевантны заявленной во «Введении» исследовательской проблеме. Автор изучает три СМИ: *People's Daily*, *Global Times*, *The Economic Observer*, в которых по-разному объективированы анализируемые фреймы. Так, «три издания выстраивают единый макро-дискурс управляемой иммиграции, однако реализуют его различными средствами. *People's Daily* поддерживает идеологическую неизменность; *Global Times* – эмоционально-персонализированную позитивность; *The Economic Observer* – аналитическую прагматику. Вместе они формируют многослойную систему, в которой иммиграция одновременно романтизируется, героизируется и администрируется, что позволяет государству охватывать разные сферы общественного восприятия – ценностную, эмоциональную и рационально-управленческую».

Автор делает вывод, что трансформация фреймов «угрозы» и «ресурса» в медиа Китая обусловлена сменой политических циклов, изменением внешнеполитических вызовов, постепенной институционализацией медийного поля и идеологическими приоритетами страны.

Рецензируемая научная работа будет интересна исследователям медиа, международных отношений, политологам, социологам и историкам. Данная статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бальбурова Л.К., Ябжанова Л.Б. Влияние национальных культурных ценностей на формирование лингвокультурных стратегий репрезентации корпоративной социальной ответственности // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77029 EDN: NMGYMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77029

Влияние национальных культурных ценностей на формирование лингвокультурных стратегий репрезентации корпоративной социальной ответственности

Бальбурова Людмила Климовна

кандидат культурологии

доцент; кафедра иностранных языков; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40 В

✉ ludmila-balburova@rambler.ru

Ябжанова Людмила Бадмаевна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 В

✉ yaluda_69@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77029

EDN:

NMGYMZ

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Дата публикации:

11-12-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу того, как национальные культурные ценности

...интересной статьи посвящена анализу того, как национальные культурные ценности влияют на выбор лингвокультурных стратегий при репрезентации корпоративной социальной ответственности международных компаний. Объектом исследования являются тексты корпоративной социальной ответственности (КСО) крупных корпораций, функционирующих в различных национальных культурных контекстах. Предметом исследования являются лингвокультурные маркеры и коммуникативные стратегии, используемые компаниями при репрезентации КСО-программ. Рассматриваются КСО-дискурсы из отчётов и публичных коммуникаций компаний США, Европы и России, сопоставляются используемые языковые маркеры, риторические ходы и способы маскировки противоречий между заявляемыми ценностями и реальными практиками. Особое внимание уделяется тому, как через лексику, метафоры, грамматические конструкции и отбор тем компании конструируют образ «ответственного» бизнеса, согласованный с ожиданиями локальной культуры и регуляторной среды. Методологическую основу составляют критический дискурс-анализ, лингвокультурный анализ и компаративный подход с опорой на теорию культурных измерений Г. Хофстеде и концепцию контекстности коммуникации Ф. Тромпенаарса. Эмпирическую базу образуют более 250 фрагментов КСО-текстов 15 международных компаний за 2020–2023 гг. Применяются элементы количественного контент-анализа при учёте частотности ключевых маркеров. Новизна исследования заключается в том, что впервые в единую лингвокультурную рамку интегрируются результаты четырёх ведущих отечественных работ о КСО-дискурсе, что позволяет системно описать связь между культурными параметрами и языковыми стратегиями. Предлагается развёрнутая типология маскирующих механизмов (переакцентирование, технизация, идеологизация), показывающая, как одна и та же социальная проблема по-разному «переписывается» в американском, европейском и российском контекстах. Показано, что выбор языковых средств в КСО-текстах функционирует как финансовый сигнал для инвесторов и влияет на оценку корпоративной устойчивости. В ходе проведенного исследования установлено, что культурно обусловленные речевые стратегии КСО-коммуникации одновременно отражают и формируют представления о социальной ответственности бизнеса, являясь инструментом управления репутацией и сглаживания структурных противоречий. При этом выявляются гибридные и переходные случаи, не укладывающиеся в жёсткую триаду моделей, что подчёркивает необходимость учитывать, как национальный культурный профиль, так и отраслевую специфику и динамику кризисных контекстов при интерпретации КСО-дискурса.

Ключевые слова:

корпоративная социальная ответственность, лингвокультурный анализ, критический дискурс-анализ, национальные культурные ценности, дискурсивные стратегии, семантическое ретуширование, управление впечатлением, дистанция власти, избегание неопределённости, контекстность коммуникации

Введение

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации механизмов влияния национальных культурных ценностей на выбор лингвокультурных маркеров в дискурсе корпоративной социальной ответственности, а также в определении функции этих маркеров как инструментов управления впечатлением.

Объект исследования – тексты корпоративной социальной ответственности

международных компаний, функционирующих в различных национальных культурных контекстах (США, Европа, Россия).

Предмет исследования – лингвокультурные маркеры и риторические стратегии, используемые компаниями при репрезентации КСО-программ.

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, за последние три десятилетия количество компаний, публикующих нефинансовую отчётность, возросло практически в 15 раз, что свидетельствует о возрастающем значении КСО-дискурса в формировании корпоративного образа [1, с. 425]. Во-вторых, исследования выявили внутренние противоречия в концепции КСО, которые особенно проявляются в периоды международных кризисов [2, с. 115-116], подтверждая необходимость глубокого понимания механизмов маскировки этих противоречий. В-третьих, эмпирические данные демонстрируют, что текстовые характеристики КСО-отчётов оказывают влияние на цену акций компаний независимо от реальной эффективности КСО-программ [1, с. 424], что указывает на функцию дискурса как финансового сигнала.

Новизна исследования заключается в следующем:

- работа представляет первый комплексный синтез четырёх ведущих отечественных исследований о корпоративной социальной ответственности и её дискурсивной репрезентации. Н.Н. Николаева, В.И. Голубева, Е.А. Федорова и М.К. Измайлов внесли значительный вклад в понимание различных аспектов КСО – от анализа семантического ретуширования и политики лингвистического нормирования до изучения коммуникативных стратегий во время кризиса и сравнительного анализа национальных моделей. Настоящее исследование объединяет эти разрозненные подходы в единую лингвокультурную аналитическую рамку, дополненную классическими западными теориями критического дискурс-анализа (N. Fairclough, P. Водак, М. Мейер, Т.А. Van Dijk) и теорией культурных измерений (G. Hofstede, F. Trompenaars). Данная интеграция позволяет не только описать отдельные механизмы маскировки, но и определить системную связь между национальными культурными ценностями и выбором лингвокультурных маркеров.

- делается попытка разработать развёрнутую типологию лингвистических механизмов маскировки, которая расширяет концепцию семантического ретуширования, представленную Н.Н. Николаевой. Опираясь на данную концепцию, но не рассматривая семантическое ретуширование как единый универсальный механизм, настоящая работа выделяет три специфические стратегии: переакцентирование, технизацию, идеологизацию, которые коррелируют с определённой системой национальных культурных ценностей. Каждая из этих стратегий демонстрирует свою эффективность в соответствующем культурном контексте, однако каждая из них также встречает сопротивление, критику и преобразования в различных ситуациях.

Предложенная типология рассматривается авторами не как описание неизменной реальности, а как описание преобладающих тенденций и паттернов, которые допускают многочисленные исключения, вариации и постоянные трансформации.

Исходная гипотеза основывается на тезисе, что национальные культурные ценности, рассматриваемые в контексте теории культурных измерений (G. Hofstede) и концепции контекстности коммуникации (F. Trompenaars), предопределяют выбор лингвокультурных маркеров в КСО-дискурсе, однако эта связь не является детерминистичной и допускает многочисленные исключения и гибридные случаи.

Литературный обзор и теоретические основания

Логика проведения данного исследования требует обращения к теоретическим источникам, которые позволят выявить сущность и методологию изучения КСО дискурса.

Н. Фэрклоу (1995) разработал влиятельную теорию, согласно которой язык функционирует одновременно на трёх уровнях: на текстуальном уровне (материальные лингвистические единицы – выбор слов, грамматическая структура), на уровне дискурсивной практики (процессы производства и интерпретации текста – кто создаёт текст, в каких целях, как аудитория его интерпретирует) и на уровне социальной практики (широкий социокультурный контекст, анализ лексики, стратегий и языковых структур, используемых для создания власти, идеологии и социальной организации) [3, с.27-39]. Эта трёхуровневая модель позволяет анализировать не только конкретные языковые выборы, но и их социальные функции, то есть то, каким образом язык воспроизводит и легитимирует определённые властные отношения.

Р. Водак и М. Мейер (2009) развивают этот подход, показывая, что критический дискурс-анализ особенно полезен для исследования текстов, которые конструируют или воспроизводят социальные различия и иерархии [4, с. 5-10]. Это наблюдение критично для понимания КСО-дискурса, который часто позиционируется как попытка *уменьшить* социальные различия через риторику равенности и инклюзивности, но одновременно воспроизводит корпоративную власть через выбор того, какие проблемы решать, а о каких умалчивать.

Автор концепции политической идеологии Т. А. Ван Дейк (1998) подчёркивает, что идеология не локализована в головах элит, но встроена в каждодневные языковые практики [5, с. 16-19]. Идеология функционирует через выбор слов, через то, какие метафоры используются, какие голоса усиливаются, а какие исключаются. Применительно к КСО-текстам это означает, что идеология компании и национальной культуры встроена в каждый лингвистический выбор.

Н.Н. Николаева (2021) в статье «Когнитивно-дискурсивный анализ современных англоязычных текстов в дискурсе корпоративной социальной ответственности» вводит центральное для анализа КСО понятие «политика лингвистического нормирования». Исследователь пишет: «происходящая в настоящее время реконцептуализация отношений корпораций с обществом выражается в политике лингвистического нормирования, то есть создания и внедрения особых кодексов адаптивного речевого поведения, исключающих из языковой практики или семантически ретуширующих негативную коннотацию таких понятий, как *labour subjugation* (порабощение труда), *labour and environment abuses* (нарушения трудовых и экологических прав), *sweat-shop abuses* (условия потогонных цехов), *low wages* (низкие зарплаты), *worker intimidation* (устрашение рабочих), *gender-based discrimination* (дискриминация по признаку пола)» [6, с. 8-9].

Вместо этих семантически нагруженных терминов создаются новые концептуальные рамки: *stakeholder management*, *stakeholder engagement*, *corporate social performance*, *business ethics*, *corporate citizenship*, *sustainable development*, *corporate philanthropy*, *community engagement* [6, с. 9]. Критично то, что эти переопределения не являются синонимичными замещениями. Они представляют собой семантическую инверсию: проблема трансформируется в решение, конфликт переопределяется как возможность, ущерб переименовывается как ценность.

Г. Дж. Хофстеде и М. Минков (2010) в работе «Cultures and Organizations: Software of the Mind» разработали теорию культурных измерений, которая предоставляет аналитический инструментарий для объяснения вариаций в КСО-дискурсе [\[7, с. 29-85\]](#). Авторы выделяют несколько культурных измерений.

Индивидуализм / Коллективизма (IDV) характеризует диапазон от ориентации на личные интересы и независимость индивида (индивидуализм) до приоритета групповых целей и взаимозависимости (коллективизм).

В культурах с высоким индексом индивидуализма (США: 91) акцент падает на личные достижения и самореализацию. В коллективистских культурах (Россия: 39) подчёркивается групповая гармония и зависимость от группы.

Дистанция власти (PDI) измеряет степень, в которой менее влиятельные члены общества принимают и ожидают неравное распределение власти. США имеют низкий индекс дистанции власти (40), что подразумевает ориентацию на относительное равенство и демократические принципы. Высокий индекс дистанции власти в России (93) предполагает большую приемлемость иерархии.

Избегание неопределённости (UAI) отражает степень, в которой общество испытывает беспокойство перед неясными ситуациями. Низкий индекс UAI (США: 46) позволяет людям быть более гибкими, повышает их готовность к риску и инновациям. Россия имеет высокий индекс UAI (95), что обуславливает потребность в формализации и структурированных правилах.

Маскулинность / Фемининность (MAS) обозначает ориентацию на конкуренцию, достижения и успех (маскулинность) или на качество жизни, заботу, сотрудничество (фемининность). Пятое измерение, долгосрочная / краткосрочная ориентация (LTO), отражает ориентацию на будущее и накопление (акцент на адаптивность, упорство) или на настоящее и потребление (акцент на немедленные результаты).

Ф. Trompenaars и К. Hampden-Turner (1997) дополняют эту типологию измерением контекстности коммуникации [\[8, с. 67-89\]](#). В культурах с низким контекстом (США, Германия и др.) значение передаётся в основном через слова и требует эксплицитности. В высококонтекстных культурах (Россия, Япония и др.) значение часто выражается имплицитно и основывается на общем фоновом знании.

Е.А. Федорова, И.М. Степнов, П.А. Дроговоз, А.А. Ращупкина и А.А. Ремесник (2021) проводят эмпирический анализ уровня раскрытия корпоративной социальной ответственности, демонстрирующий, что показатели КСО, как они репрезентируются в текстах отчётов, оказывают влияние на цену акций компаний [\[1\]](#). Более интересное открытие касается текстовых характеристик: из выборки эмоционально окрашенных слов наибольшее влияние оказывают слова с выраженной негативной окраской, а отрицательное влияние на цену акции напрямую связано с абсолютным количеством слов и средней длиной слова в тексте [\[1, с. 424\]](#).

J. A. Nazari, K. Hrazdil и F. Mahmoudian (2017) показывают, что менее объёмные отчёты с большим словарным запасом воспринимаются инвесторами лучше [\[9, с. 166-178\]](#). Это изначально кажется парадоксальным, однако объясняется теорией сигнализации: компании, скрывающие проблемы, стремятся загромоздить текст излишней информацией, а компании, открыто обсуждающие проблемы, могут быть краткими и чёткими.

М. К. Измайлов и С. В. Пупенцова (2023), сравнивая практики КСО зарубежных корпоративных структур, отмечают, что «с распространением концепции КСО в каждой стране формируется своя национальная специфика социальной ответственности и корпоративного участия, обусловленная культурными ценностями и традициями» [\[10, с. 103-104\]](#). Характеризуя американскую модель, авторы утверждают, что она «в основном направлена на развитие человека, его потенциала, роста не только в пределах компании, но и в социуме в целом. Основная задача этой модели – закрепить уверенность своих работников в собственной работе» [\[10, с. 105\]](#).

В. И. Голубева, Н. Исмагулов, Н. Морару и О.А. Моргунова (2022), рассматривая коммуникативные стратегии КСО, выявляют, что «концепция КСО содержит внутренние противоречия, которые проявляются во время международных кризисов» [\[2, с. 115-116\]](#). Авторы также проводят детальный анализ европейского регуляторного ландшафта: «В Германии политика в отношении КСО отличается от многих стран тем, что широкий ряд принципов закреплён на законодательном уровне, а значит, следование им является обязательным. Во Франции такие обязательства закреплены только в отношении ряда корпораций. В Британии и Италии принципы КСО вообще не являются обязательными с точки зрения закона» [\[2, с. 110\]](#).

Методология исследования

Материалом исследования служат КСО-тексты, которые включают:

1. Официальные КСО-отчёты компаний за 2020–2023 годы (общим объёмом более 500 000 знаков): *Apple Environmental Progress Report 2023*, *Microsoft Environmental Sustainability Report 2023*, *Starbucks Global Social Impact Report 2023*, *HSBC Environmental, Social and Governance Review 2023*, *Unilever Annual Report and Accounts 2023*, *ПАО Газпром Social Impact Report 2023*, *ПАО Сбербанк ESG-отчёт 2023*, *ООО Яндекс Sustainability Report 2023*, *ПАО Норильский Никель ESG Report 2023*.

2. Корпоративные веб-сайты с разделами КСО и Устойчивое развитие (более 50 страниц).

3. Пресс-релизы и медиа-коммуникации о КСО-программах (более 100 документов).

Общий объём проанализированного материала превышает 250 фрагментов КСО-текстов из 15 компаний.

Критический дискурс-анализ в соответствии с теорией N. Fairclough применяется для выявления связей между языковыми характеристиками, властью и идеологией на всех трёх уровнях: текстуальном, дискурсивной практики и социальной практики. Лингвокультурный анализ используется для интерпретации культурных коннотаций языковых единиц и их связи с национальными ценностями. Компаративный анализ КСО-дискурса в разных национальных контекстах позволяет выявить как общие паттерны, так и специфические локальные адаптации. Контент-анализ с количественной фиксацией частотности определённых лингвокультурных маркеров сочетается с герменевтическим анализом для глубокого понимания смысловых слоёв КСО-текстов.

Анализ проводится с опорой на теорию культурных измерений Г. Хофстеде, что позволяет соотнести выявленные лингвокультурные маркеры с базовыми культурными ценностями. Выявляются три основных типа репрезентационных стратегий, которые

соответствуют преобладающим культурным ценностям в каждом регионе.

Результаты: анализ КСО -дискурса в трёх культурных контекстах

Американская модель КСО: стратегия переакцентирования

Ряд исследователей (М. К. Измайлов, С. В. Пупенцова, 2023) указывают на критичный институциональный механизм американской КСО: «в американском законодательстве существует практика перерасчёта потраченных средств на благотворительность – такие компании лишь частично уплачивают налог по сниженным тарифам. Поэтому владельцам компаний выгодно сотрудничать с государством и развивать сферу корпоративной социальной ответственности, ведь сумма вложенных средств часто бывает меньше, чем предложенные государством льготы» [\[10, с. 105\]](#).

Это означает, что КСО в американском контексте встроена в логику максимизации прибыли. Компания инвестирует 100 миллионов долларов в КСО и получает 150 миллионов долларов в налоговых вычетах. КСО становится прибыльным бизнесом. Это создаёт мотивацию для максимальной репрезентации КСО-программ через стратегию переакцентирования, в которой негативные аспекты деятельности трансформируются в позитивные посредством языковых средств.

Н. Н. Николаева (2021) проводит детальный анализ КСО-текста Starbucks. В отчёте компании (2020) содержится следующее утверждение: «*Our success is linked to the success of the farmers and suppliers who grow and produce our products. Helping people thrive helps ensure the long-term sustainability of the premium products we provide*» [Starbucks Corporation. (2023). <https://www.starbucks.com/responsibility/social-impact>]

Автор выявляет несколько лингвокультурных механизмов. Использование множественного числа *our* (*our success, our products, our farmers, our commitment*) создаёт впечатление коллективного единства между Starbucks (рыночная капитализация составила 95 миллиардов долларов в 2020 году) и фермерами (среднегодовой доход 2000–3000 долларов) [\[6, с. 11–12\]](#). Асимметрия в соотношении 30 000:1 маскируется через лингвистическое конструирование коллективности.

Глагол *thrive* (процветать, преуспевать) в фразе *Helping people thrive* содержит мощную позитивную семантику. Отмечается, что этот глагол «создаёт альтернативную реальность, в которой фермеры благополучны и стремятся к самосовершенствованию, тогда как в действительности они находятся в состоянии экономической уязвимости» [\[6, с. 13\]](#). По данным Fair Trade USA, средняя цена за фунт кофе, выплачиваемая фермеру, составляет 1,20 доллара, в то время как себестоимость производства фунта кофе равна 1,50–1,80 доллара. Прилагательное *premium* маскирует асимметрию распределения стоимости: *premium* в действительности относится к цене, выплачиваемой потребителем (3–5 долларов за чашку), а не к условиям производства.

В своём «Environmental Progress Report» (2023) компания Apple заявляет: «*Apple is committed to leaving the planet better than we found it. We're on track to achieve carbon neutrality by 2030*» [Apple 2023. <https://www.apple.com/environment/>]. Е. А. Федорова и её коллеги выявляют парадокс: «показатели КСО, как они репрезентируются в текстах отчётов, оказывают влияние на цену акций компании» [\[1, с. 424\]](#). Однако математический анализ показывает, что для достижения углеродной нейтральности к 2030 году требуется ежегодное сокращение выбросов на 22 процента. Фактические выбросы Apple в 2023 году составили 16,2 миллиона тонн CO₂-эквивалента. Ежегодное сокращение выбросов с

2020 по 2023 год составило приблизительно 8 процентов в год. Математически, при таком темпе к 2030 году будет достигнуто приблизительно 43 процента сокращения, а не требуемые 100 процентов.

Лингвокультурный анализ показывает, что фраза *100% renewable energy* содержит семантическое смещение. Apple закупает «Renewable Energy Certificates» (финансовые инструменты), которые не гарантируют физическое использование возобновляемой энергии. Согласно А. Goatly (2007), «корпорации используют метонимию для маскировки реальности. Покупка финансового сертификата выдаётся за 'использование возобновляемой энергии'» [11, с. 156–189].

В своём отчете по устойчивому развитию (2023) Microsoft декларирует: «*Our mission is to empower every person on the planet to achieve more. Through our TEALS program, we match tech professionals with classroom teachers to help students learn computer science*» [Microsoft 2023, <https://www.microsoft.com/en-us/sustainability/reports>]. У. Nwagbara и А. Р. Belal (2019) анализируют программу TEALS, выявляя её скрытую функцию: «программа официально позиционируется как расширение доступа к образованию, однако анализ её структуры показывает, что Microsoft отправляет своих сотрудников в школы, обучая учащихся на Microsoft-платформах (а не на конкурирующих платформах)» [12, с. 2412]. Выпускники программы часто становятся будущими потребителями Microsoft-продуктов и, в некоторых случаях, сотрудниками компании.

Слово *empower* в американском культурном контексте содержит мощную семантику активирования потенциала и личной ответственности. Однако в контексте Microsoft-программ *empower* не означает передачу власти, но обучение тому, как эффективнее использовать Microsoft-продукты, власть остаётся в руках Microsoft.

Однако важно признать, что программа TEALS имеет также реальные образовательные преимущества. Многие учащиеся получают качественное образование в области информатики, которого иначе не получили бы. Таким образом, КСО-программа содержит как коммерческий интерес, так и реальное социальное благо.

Европейская модель КСО: стратегия технизации

М. К. Измайлов и С. В. Пупенцова (2023) характеризуют европейскую модель как «скрытую»: «европейскую модель КСО называют 'скрытой', потому что ответственность компаний выражается в нормативно закреплённых стандартах, которые являются обоснованными со стороны государства» [10, с. 105–106].

В. И. Голубева и коллеги, проводя дифференцированный анализ, отмечают: «В Германии политика в отношении КСО отличается тем, что широкий ряд принципов закреплён на законодательном уровне, а значит, следование им является обязательным. Во Франции такие обязательства закреплены только в отношении ряда корпораций. В Британии и Италии принципы КСО вообще не являются обязательными с точки зрения закона» [2, с. 110].

Общей чертой остаётся то, что КСО рассматривается как часть системы управления компанией, а не как добровольная маркетинговая инициатива.

В своём «Environmental, Social and Governance Review» (2023) HSBC заявляет: «*Our ESG framework is aligned with TCFD recommendations and covers governance, social, and environmental factors. We are providing Green Bonds to finance environmental projects,*

with a total issuance of \$50 billion since 2015» [HSBC 2023, <https://www.hsbc.com/esg>].

В отличие от американского подхода, который делает акцент на эмоциональность, HSBC использует специальную терминологию (ESG, TCFD), которая функционирует как инструмент отдаления и абстракции. Р. Водак и М. Мейер (2009) отмечают: «абстрактные номинализованные слова ('framework', 'approach', 'strategy') скрывают конкретных агентов действия» [\[4, с. 145-167\]](#).

Слово *framework* предполагает наличие системы, однако не конкретизирует, что эта система делает. С.М. Livesey (2002), анализируя, как финансовые инструменты используются для маскировки деятельности, отмечает: «компания может перевести старые проекты в категорию 'зелёных' посредством переклассификации» [\[13, с. 125-135\]](#). *Green Bonds* функционируют как переупаковка существующей практики в «зелёный» образ.

На британском рынке компания Unilever использует европейский подход: «*Our operations are ISO 14001 certified. We have achieved a 50% reduction in water usage per ton of production since 2010»* [Unilever 2023, <https://www.unilever.com/investor-relations/financial-reports/>]. На индийском рынке стратегия меняется: «*Unilever's commitment to women's empowerment through our Project Shakti has reached 60,000 women entrepreneurs across rural India»* [Unilever 2023].

Как отмечают М. К. Измайлов и С. В. Пупенцова (2023), «компании адаптируют свои КСО-стратегии в зависимости от локального культурного контекста» [\[10, с. 106-108\]](#). Это не просто адаптация, но стратегическое манипулирование: компании выбирают лингвокультурные маркеры, которые максимально резонируют с локальными ценностями.

Российская модель КСО: стратегия идеологизации

Согласно К. Измайлову и С.В. Пупенцовой (2023), «большинство предпринимателей акцентируют своё внимание на создании положительного имиджа компании, стараются держать бизнес стабильным и соблюдать требования законодательства. Однако в российском контексте соблюдение требований законодательства часто переопределяется как КСО» [\[10, с. 108-109\]](#).

В. И. Голубева и её коллеги указывают на аспект, критичный для русского контекста: «в ситуации международного кризиса корпорация оказывается перед выбором: следовать общим принципам общественного блага или выполнить взятые на себя конкретные обязательства. В русском контексте этот выбор часто отсутствует: компания выполняет государственные требования, и это переопределяется как КСО» [\[2, с. 114-116\]](#).

В своём ESG-отчёте (2023) Сбербанк декларирует: «*Sberbank is committed to supporting Russia's national development agenda through strategic investments in healthcare, education, and infrastructure. In 2023, we have invested 125 billion rubles in the construction of hospitals, clinics, and schools as part of public-private partnerships»* [Сбербанк 2023, <https://www.sberbank.ru/en/investor-relations/>].

Использование фразы *national development agenda* переводит коммерческую деятельность в систему государственных целей. Слово *national* активизирует национальные ценности и государственный интерес. Компания позиционирует себя как агент государственного развития, а не как независимая коммерческая организация.

Число «125 миллиардов рублей» позиционируется как «инвестиция в развитие». Однако

в контексте государственно-частного партнёрства (ГЧП) Сбербанк инвестирует 100 миллиардов рублей в строительство объекта, после чего государство выплачивает Сбербанку за операционное управление на протяжении 20 лет. При доходе 150 миллиардов рублей «инвестиция в развитие» на самом деле является коммерческим контрактом.

Н. Н. Николаева показывает, как номинализированный государственный язык скрывает конкретные транзакции: «использование абстрактных существительных ('развитие', 'инвестиция', 'поддержка') скрывает конкретные хозяйственные отношения и создаёт впечатление деятельности на благо нации» [6, с. 13–14].

В своём «Social Impact Report» (2023) компания Газпром указывает: «*Gazprom For Kids program supports youth development through 88 sports centers and stadiums across Russia. In memory of the Great Patriotic War, we have planted 27 million trees nationwide*» [Газпром 2023, <https://www.gazprom.ru/sustainable-development/>].

Использование фразы *In memory of the Great Patriotic War* функционирует как переакцентирование программы с экологического действия на действие патриотическое. В российском культурном контексте память о Великой Отечественной войне связана с жертвой, единством нации, национальной гордостью, активизация этого эмоционального контекста определяет инициативу компании как патриотический акт.

Спортивные центры предоставляют возможности для молодёжного развития, что представляет реальное преимущество для местных сообществ, большинство из них расположены в регионах, где Газпром имеет основные операции и где наиболее видны экологические эффекты газодобычи.

В.И. Голубева и её коллеги называют эту стратегию «компенсационной КСО»: использование высокопрофильных социальных программ для компенсации структурного ущерба [2, с. 116–117]. Однако необходимо уточнить, что компенсационная КСО может быть одновременно эффективной в решении определённых социальных проблем.

Компания Яндекс в своём «Sustainability Report» (2023) декларирует: «*Yandex is committed to digital transformation of Russia. Our mission is to empower citizens through technology. We provide free education through Yandex School of Data Analysis*» [Яндекс 2023, <https://yandex.com/company/sustainability/>].

В этом КСО-тексте сосуществуют маркеры обеих моделей. Слова *mission, empower, free education* отражают американскую модель. Фраза *digital transformation of Russia* содержит государственно-центрический компонент, характерный для российской модели.

Однако анализ показывает, что 70–80% выпускников программы становятся сотрудниками Яндекса или других крупных технологических компаний. Таким образом, программа функционирует как инструмент рекрутирования высокообразованных специалистов, а студенты получают качественное образование и возможность трудоустройства.

Обсуждение

Необходимо признать, что предложенная типология трёх моделей представляет собой идеальные типы в веберовском смысле, которые упрощают реальную сложность. Внутри каждой страны существует огромное разнообразие компаний, которые не вписываются в единую схему.

В американском контексте молодой социально-ориентированный стартап использует иной КСО-дискурс, чем столетняя промышленная корпорация. Компания Patagonia, производящая спортивное снаряжение, активно жертвует свои прибыли экологическим организациям и открыто критикует другие компании за экологический ущерб. КСО-дискурс Patagonia менее оптимистичен и менее ориентирован на позитивное переакцентирование, чем типичный американский корпоративный дискурс. Скорее, Patagonia использует честный, критичный язык, признающий реальность экологического кризиса.

В европейском контексте стартапы в области возобновляемой энергии используют совершенно иной дискурс, чем известные финансовые институты.

В российском контексте независимые технологические компании часто пытаются дистанцироваться от государственного дискурса, используя более американский стиль КСО-коммуникации.

Многонациональные корпорации часто используют различные КСО-дискурсы на различных рынках. Unilever функционирует с различными стилями КСО в Европе, США и Индии. Shell, несмотря на свои нидерландские корни, использует американский стиль в своей основной КСО-коммуникации. Яндекс эволюционирует от американского дискурса к более гибриднему, содержащему российские государственные элементы.

Эта гибридизация представляет собой стратегический выбор использовать те лингвокультурные маркеры, которые максимально эффективны на каждом конкретном рынке. Компания демонстрирует «культурную интеллигентность» в выборе дискурса, но вместе с этим может создавать внутреннюю противоречивость.

КСО-дискурс не является статичным, он эволюционирует в ответ на критику и социальные движения. После критики «гринвошинга» многие компании корректируют свой дискурс в сторону большей осмтрительности. Shell использует более осторожный язык, чем американские компании, которые не сталкиваются с таким же уровнем судебного давления.

В графическом виде совокупность выявленных механизмов репрезентации КСО может быть представлена в виде таблицы.

Измерение	США (Переакцентирование)	Европа (Технизация)	Россия (Идеологизация)
Базовые ценности (индексы культурных измерений Г. Хофштеде)	Индивидуализм (IDV: 91), Низкая дистанция власти (PDI: 40), Низкое избегание неопределённости (UAI: 46), Низкий контекст	Средние показатели Коллективизм (IDV: низкий), Низкая дистанция власти, Высокое избегание неопределённости, Низкий контекст	Коллективизм (IDV: 39), Высокая дистанция власти (PDI: 93), Высокое избегание неопределённости (UAI: 95), Высокий контекст

Ключевые лингвокультурные маркеры	Позитивная абстрактная лексика, глаголы действия, активный залог, we - множественное число, ориентированность на будущее	Специальная терминология (ESG, ISO, TCFD), номинализация, пассивный залог, ссылки на стандарты	Государственно-центрическая лексика, патриотические маркеры, номинализация действий компании, апелляция к национальным ценностям
Примеры слов	<i>empower, thrive, achieve, innovate, commitment, premium, leading, future, positive, sustainable, transition</i>	<i>framework, alignment, compliance, certified, governance, process, management, systematic, evidence-based, measured</i>	<i>развитие, национальный, ответственность, стратегический, инвестиция, партнёрство, поддержка, безопасность, укрепление</i>
Адресант (целевая аудитория)	Инвесторы, потребители, широкое общественное мнение	Регуляторные органы, инвесторы, стейкхолдеры, специалисты	Государство, региональное сообщество, местные власти
Репрезентация компании	Лидер инноваций, агент позитивных изменений, проактивный субъект	Технически компетентная организация, субъект регулирования, добросовестный участник системы	Агент государственной политики, участник национального развития, социально ответственный партнёр государства
Механизм маскировки	Переакцентирование: проблемы становятся возможностями через позитивный язык и метафоры успеха	Технизация: социальные проблемы становятся техническими задачами, решаемыми через стандарты и процедуры	Идеологизация: коммерческие интересы становятся служением государственным целям через патриотический язык
		«Our operations	«В соответствии с

Типовой пример КСО-текста	«Our mission is to empower every person and to lead the energy transition through innovation»	Our operations are ISO 14001 certified and ESG-aligned. We have achieved 45% emissions reduction versus 2015 baseline»	в соответствии с национальными проектами РФ мы инвестировали 50 млрд рублей в развитие здравоохранения регионов»
Эффективность маскировки	Высокая в культурах с высоким индивидуализмом и низким избеганием неопределённости	Высокая в культурах с высоким избеганием неопределённости	Высокая в культурах с высокой дистанцией власти и государственным централизмом

Таблица 1. Лингвокультурные маркеры и механизмы репрезентации КСО в трёх культурных контекстах

Выбор лингвокультурных маркеров в КСО-дискурсе не является случайным, он соотносится с базовыми культурными ценностями, измеренными с точки зрения теории Хофстеде. Компании используют культурно значимые маркеры для более эффективной маскировки противоречий между дискурсом и практикой. Каждая стратегия (переакцентирование, технизация, идеологизация) демонстрирует эффективность в соответствующем культурном контексте. Однако никакая стратегия не является универсальной или абсолютно эффективной, каждая встречает сопротивление и критику в определённых ситуациях.

Заключение

Исследование подтверждает гипотезу о том, что национальные культурные ценности, рассмотренные с точки зрения теории культурных измерений G. Hofstede и концепции контекстности F. Trompenaars, существенно предопределяют выбор лингвокультурных маркеров в КСО-дискурсе корпораций. Однако эта связь не является абсолютной.

Выявлены три основных типа репрезентационных стратегий:

- 1 . Переакцентирование (США) – трансформация негативных аспектов деятельности в позитивные через язык оптимизма, инноваций и успеха. Этот механизм опирается на американские культурные ценности, обусловленные высоким индивидуализмом и низким избеганием неопределённости.
- 2 . Технизация (Европа) – превращение социальных и экологических проблем в технические задачи, решаемые через стандарты и механизмы управления. Этот механизм опирается на европейские ценности высокого избегания неопределённости и систематичности.
- 3 . Идеологизация (Россия) – превращение коммерческой деятельности в служение государственным целям через использование патриотического языка и апелляции к к

национальным ценностям. Этот механизм опирается на российские ценности высокой дистанции власти и государственного централизма.

Эмпирические исследования (Е.А. Федорова и соавторы, Дж.А. Назари и соавторы) показывают, что выбор текстовых характеристик КСО оказывает влияние на инвестиционные решения, что создаёт стимул для компаний оптимизировать КСО-коммуникацию для максимизации цены акций, независимо от действительной эффективности КСО-программ.

На уровне научной значимости в работе была сделана попытка интегрировать изыскания ведущих отечественных исследователей КСО-дискурса (Н.Н. Николаева, В.И. Голубева, Е.А. Федорова и М.К. Измайлов) в единую аналитическую базу, что позволяет преодолеть фрагментированность существующих подходов и создать систематический взгляд на проблему. Исследование разрабатывает систематическую типологию лингвокультурных механизмов маскировки в КСО-коммуникации, выделяя три основные стратегии (переакцентирование, технизация, идеологизация) и связывая их с базовыми культурными ценностями. Кроме того, работа демонстрирует, что выбор языка функционирует не просто как инструмент репрезентации, но как финансовый сигнал, который оказывает влияние на инвестиционные решения и цену акций компаний, что указывает на материальные последствия дискурсивных выборов.

На уровне практической значимости результаты исследования представляют непосредственный интерес для нескольких групп профессионалов. Для инвесторов и аналитиков работа предоставляет инструментарий для более критичного отношения к КСО-отчётам и более эффективного выявления попыток маскировки и управления впечатлением, что позволяет улучшить качество инвестиционного анализа. Для специалистов в области корпоративной социальной ответственности исследование предоставляет глубокое понимание того, какие лингвокультурные маркеры являются наиболее эффективными в различных культурных контекстах, что может способствовать разработке более адаптированных и контекстуально чувствительных КСО-стратегий. Результаты работы способствуют разработке методик верификации КСО-программ, которые не только анализируют текстуальное выражение, но и проверяют соответствие между дискурсом и действительной практикой, что является критичным для оценки аутентичности КСО-инициатив.

Вместе с тем исследование признаёт ряд существенных ограничений, которые определяют как его область применимости, так и направления дальнейшей научной работы: предложенная типология трёх моделей неизбежно упрощает реальность, так как внутри каждой страны существует огромное многообразие подходов, и компании демонстрируют значительную дискурсивную пластичность, адаптируя свои КСО-стратегии к специфическим ситуациям и контекстам. Исследование базируется исключительно на анализе текстов КСО-отчётов и коммуникаций. Необходимо дополнить этот текстовой анализ исследованиями восприятия различными группами стейкхолдеров – работниками компаний, локальными сообществами, инвесторами, экологическими активистами – и глубоким изучением того, как эти различные группы интерпретируют и конструируют смысл из лингвокультурных маркеров, встроенных в КСО-коммуникацию. Ограничение связано также с временным охватом анализа: исследование охватывает период 2020–2023 годов, что достаточно для выявления общих паттернов, однако недостаточно для понимания того, как КСО-дискурс эволюционирует в ответ на длительные тренды и новые события (климатические кризисы, геополитические трансформации, технологические инновации).

Библиография

1. Федорова Е.А., Степнов И.М., Дроговоз П.А., Ращупкина А.А., Ремесник А.А. Влияние уровня раскрытия корпоративной социальной ответственности на цену акций: количественный и текстовый анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2021. Том 25, № 3. С. 423-451. DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-3-423-451 EDN: JSDNIH.
2. Голубева В.И., Исмагулов Н., Морару Н., Моргунова О.А. Коммуникативные стратегии корпоративной социальной ответственности в период международных кризисов: стандарты и решения // Коммуникология. 2022. Том 10, № 4. С. 107-119. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-107-119 EDN: ZZZXIP.
3. Fairclough N.L. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman Publishers, 1995. 265 pp.
4. Водак Р., Мейер М. Методы критического дискурс-анализа. 2-е изд. London: SAGE Publications, 2009. 216 с. DOI: 10.4135/9780857028020.
5. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998. 340 pp.
6. Николаева Н.Н. Когнитивно-дискурсивный анализ современных англоязычных текстов в дискурсе корпоративной социальной ответственности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 6-18. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-6-18 EDN: JPAWMH.
7. Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill Education, 2010. 591 pp.
8. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. 2nd ed. London: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 434 pp.
9. Nazari J.A., Hrazdil K., Mahmoudian F. Assessing Social and Environmental Performance through Narrative Complexity in CSR Reports // Journal of Contemporary Accounting Economics. 2017. Vol. 13, No. 2. Pp. 166-178. DOI: 10.1016/j.jcae.2017.05.002.
10. Измайлов М.К., Пупенцова С.В. Сравнительный анализ практик КСО зарубежных корпоративных структур // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 2. С. 103-112. DOI: 10.17586/2310-1172-2023-16-2-103-112 EDN: PSQZHN.
11. Goatly A. Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. 288 pp.
12. Nwagbara U., Belal A.R. Persuasive language of responsible organisation? A critical discourse analysis of corporate social responsibility (CSR) reports of Nigerian oil companies // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2019. Vol. 32, No. 8. Pp. 2395-2420. DOI: 10.1108/AAAJ-07-2018-3570.
13. Livesey S.M. Global Warming Wars: Rhetorical and Discourse Analytic Approaches to Exxon's Climate Change Communication // Journal of Business Communication. 2019. Vol. 39, No. 1. Pp. 117-148. DOI: 10.1177/002194360203900106.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается влияние национальных культурных ценностей

на формирование лингвокультурных стратегий репрезентации корпоративной социальной ответственности (КСО). Актуальность работы обоснованно аргументируется возрастающим значением дискурса корпоративной социальной ответственности в формировании корпоративного образа. Также отмечаются «внутренние противоречия в концепции КСО, которые особенно проявляются в периоды международных кризисов, подтверждая необходимость глубокого понимания механизмов маскировки этих противоречий» и «текстовые характеристики КСО-отчётов оказывают влияние на цену акций компаний независимо от реальной эффективности КСО-программ, что указывает на функцию дискурса как финансового сигнала».

Теоретической основой работы явились труды по различным аспектам корпоративной социальной ответственности, вопросам дискурса корпоративной социальной ответственности, коммуникативным стратегиям корпоративной социальной ответственности, методологии критического дискурс-анализа и методологии исследования корпоративного раскрытия информации о социальной ответственности и др. Библиография составляет 31 источник, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако в рукописи отсутствуют ссылки почти на половину источников (14-31), что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые !упоминаются! в тексте статьи»).

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания; компаративный анализ КСО-дискурса в разных национальных контекстах; контент-анализ с количественной фиксацией частотности определённых лингвокультурных маркеров в сочетании с герменевтическим анализом, а также методы критического дискурс-анализа. Материалом исследования послужили официальные КСО-отчёты компаний за 2020–2023 годы, корпоративные веб-сайты с разделами «Корпоративная социальная ответственность» и «Устойчивое развитие», пресс-релизы и медиа-коммуникации о КСО-программах общим объёмом 250 фрагментов КСО-текстов из 15 компаний.

В рамках исследования проведен серьезный литературный обзор; критический анализ КСО-дискурса в трёх культурных контекстах (американском, европейском и российском). Отмечается, что данная типология трёх моделей представляет собой идеальные типы: «внутри каждой страны существует огромное разнообразие компаний, которые не вписываются в единую схему». Анализируются лингвокультурные маркеры и механизмы репрезентации корпоративной социальной ответственности в трёх культурных контекстах. В заключении обобщаются три основных типа репрезентационных стратегий: переакцентирование (США), технизация (Европа) и идеологизация (Россия).

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение КСО-дискурса, в разработку типологии лингвокультурных механизмов маскировки в КСО-коммуникации и основных стратегий и могут быть полезны для специалистов в области корпоративной социальной ответственности («предоставляет глубокое понимание того, какие лингвокультурные маркеры являются наиболее эффективными в различных культурных контекстах, что может способствовать разработке более адаптированных и контекстуально чувствительных КСО-стратегий»). Обозначены перспективы дальнейшей научной работы. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершённый вид; она вполне

самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанного выше замечания.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается влияние национальных культурных ценностей на формирование лингвокультурных стратегий репрезентации корпоративной социальной ответственности (КСО). Актуальность работы обоснованно аргументируется возрастающим значением дискурса корпоративной социальной ответственности в формировании корпоративного образа. Также отмечаются «внутренние противоречия в концепции КСО, которые особенно проявляются в периоды международных кризисов, подтверждая необходимость глубокого понимания механизмов маскировки этих противоречий» и «текстовые характеристики КСО-отчётов оказывают влияние на цену акций компаний независимо от реальной эффективности КСО-программ, что указывает на функцию дискурса как финансового сигнала».

Теоретической основой работы явились труды по различным аспектам корпоративной социальной ответственности, вопросам дискурса корпоративной социальной ответственности, коммуникативным стратегиям корпоративной социальной ответственности, методологии критического дискурс-анализа и методологии исследования корпоративного раскрытия информации о социальной ответственности и др. Библиография составляет 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями («Н. Фэрклоу (1995) разработал влиятельную теорию, согласно которой язык функционирует одновременно на трёх уровнях... Эта трёхуровневая модель позволяет анализировать не только конкретные языковые выборы, но и их социальные функции», «Р. Водак и М. Мейер (2009) развивают этот подход, показывая, что критический дискурс-анализ особенно полезен для исследования текстов, которые конструируют или воспроизводят социальные различия и иерархии [4, с. 5–10]. Это наблюдение критично для понимания КСО-дискурса,...»).

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания; компаративный анализ КСО-дискурса в разных национальных контекстах; контент-анализ с количественной фиксацией частотности определённых лингвокультурных маркеров в сочетании с герменевтическим анализом, а также методы критического дискурс-анализа. Материалом исследования послужили официальные КСО-отчёты компаний за 2020–2023 годы, корпоративные веб-сайты с разделами «Корпоративная социальная ответственность» и «Устойчивое развитие», пресс-релизы и медиа-коммуникации о КСО-программах общим объёмом 250 фрагментов КСО-текстов из 15 компаний.

В рамках исследования проведен серьезный литературный обзор; критический анализ

КСО-дискурса в трёх культурных контекстах (американском, европейском и российском). Отмечается, что данная типология трёх моделей представляет собой идеальные типы: «внутри каждой страны существует огромное разнообразие компаний, которые не вписываются в единую схему». Анализируются лингвокультурные маркеры и механизмы репрезентации корпоративной социальной ответственности в трёх культурных контекстах. В заключении обобщаются три основных типа репрезентационных стратегий: переакцентирование (США), технизация (Европа) и идеологизация (Россия). Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение КСО-дискурса, в разработку типологии лингвокультурных механизмов маскировки в КСО-коммуникации и основных стратегий и могут быть полезны для специалистов в области корпоративной социальной ответственности («предоставляет глубокое понимание того, какие лингвокультурные маркеры являются наиболее эффективными в различных культурных контекстах, что может способствовать разработке более адаптированных и контекстуально чувствительных КСО-стратегий»). Обозначены перспективы дальнейшей научной работы. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Луценко О.Д. Квантитативный анализ лексических единиц двуязычного произведения В. В. Набокова «Камера обскура» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77181 EDN:

MTOAUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77181

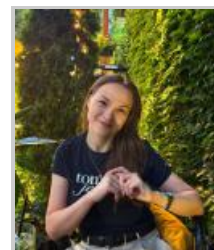
Квантитативный анализ лексических единиц двуязычного произведения В. В. Набокова «Камера обскура»

Луценко Ольга Денисовна

старший преподаватель; РГЭУ (РИНХ)

347900, Россия, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Фрунзе, д. 69, кв. 1

✉ olgalutsenkoo@mail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77181

EDN:

MTOAUM

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Дата публикации:

14-12-2025

Аннотация: Статья посвящена квантитативному анализу лексем, репрезентирующих два выбранных лингвоконцепта: «Страх» и «Темнота», на материале романа В. В. Набокова «Камера обскура» и его английской переработки «Laughter in the Dark». Цель работы заключается в выявлении частотных характеристик ключевых лингвоконцептов и определении степени их вербализации в двух языковых версиях произведения. Предметом исследования выступают лексические единицы, вербализующие выбранные для анализа, ключевые лингвоконцепты в двух языковых версиях произведения, а также их частотные, структурные и сопоставительные характеристики. Кроме того, предмет исследования включает сопоставление способов авторской лингвоконцептуализации в двух языковых системах, что позволяет выявить, какие элементы лингвоконцептосферы сохраняются, трансформируются или утрачиваются при

переходе от русской к английской версии текста. В данном исследовании были применены лингвостатистические методы, сопоставительный анализ употребления лексических единиц, а также программный инструмент WordStat для подсчёта их частотности. В результате были определены и представлены наиболее частотные языковые единицы, участвующие в репрезентации изучаемых лингвоконцептов, что позволило установить различия в степени их вербализации в русскоязычном и англоязычном текстах. Новизна работы состоит в двуязычном подходе к квантитативному анализу, поскольку в отличие от большинства существующих исследований, которые, ограничиваясь материалом одного языка или сосредоточены преимущественно на трудностях перевода, данная работа предлагает комплексный статистический и сопоставительный анализ двух версий произведения "Камера обскура", созданных самим В. В. Набоковым. Сделанные выводы подтверждают принадлежность анализируемых лингвоконцептов к числу ключевых, а также демонстрируют различия в характере их вербализации в двух версиях произведения, отражая особенности образной системы В. В. Набокова как писателя-билингва. Полученные данные могут быть использованы в исследованиях по концептологии, лингвостатистике, переводоведению, а также в изучении авторских стратегий репрезентации лингвоконцептов в билингвальных и многоязычных текстах.

Ключевые слова:

Квантитативный анализ, лингвоконцепт, билингвизм, вербализация, абсолютная частота, относительная частота, двуязычный текст, концептосфера, лингвостатистика, компьютерная лингвистика

Стремительный прогресс информационных технологий и расширение возможностей автоматизированной обработки текстов привели к формированию новых исследовательских направлений в лингвистике, опирающихся на количественные методы. Интерес к количественному анализу языка усиливается по мере того, как исследователи стремятся не только описывать языковые явления, но и выявлять закономерности их распределения в больших корпусах данных и отдельных художественных произведениях. Как справедливо отмечает М. М. Невдах, «с возникновением и развитием ряда наук, в которых центральным объектом анализа выступает текст, подтвердилось предположение о том, что текст представляет собой структуру, элементы которой подчиняются законам, определяющим статистическую упорядоченность и строгую организацию» [\[12\]](#). Данное положение является ключевым для квантитативной лингвистики, поскольку количественные методы позволяют выявить скрытые закономерности, недоступные традиционному качественному анализу. Текст как объект научного изучения рассматривается не просто как носитель смысла, но как структурированная система, подчиняющаяся определённым закономерностям.

В своем исследовании, говоря о релевантности квантитативного метода, Е. Ю. Викторова отмечала, что «актуальность растет в применении к прикладным лингвистическим отраслям, например, в машинном переводе, преподавании языков, документоведении, построении информационно-поисковых систем и т.д.» [\[3\]](#).

Н. В. Малышева указывает, что методы квантитативной лингвистики могут широко применяться при «лингвистическом мониторинге функционирования языка, контент-анализе, компьютерном моделировании языка и речи, дешифровке кодированного

текста, атрибуции текста» [\[11\]](#). На данном этапе развития количественной лингвистики существуют различные вычислительные системы и программы, которые могут помочь в анализе и описании естественных языков, изучении авторского идиостиля.

Особую значимость количественные подходы приобретают при изучении двуязычных произведений, где сопоставление двух версий текста открывает возможность проследить динамику концептуальных, лексических и структурных изменений. В этом отношении роман В. В. Набокова «Камера обскура» и англоязычная версия «Laughter in the Dark» представляют собой уникальный материал, поскольку сравнение русской и английской версий произведения позволяет наблюдать трансформацию частотности лексем, какие элементы концептосферы усиливаются или ослабевают, а также в какой мере количественные данные отражают особенности авторской стратегии В. В. Набокова. Именно благодаря количественным исследованиям в лингвистике стало возможным проводить исследования, направленные на получение информации о частоте использования языковых единиц в речи, а также проводить количественный анализ словаря писателя для установления дальнейших индивидуально-авторских особенностей.

Объектом данного исследования является двуязычный роман В. В. Набокова «Камера обскура» и его авторский перевод, написанный на английском языке («Laughter in the Dark») как источник лингвостатистических данных. Предметом исследования выступают лексические единицы и их количественные характеристики, репрезентирующие ключевые лингвоконцепты («Страх» и «Темнота»), а также способы авторской лингвоконцептуализации.

Целью исследования является сопоставление количественных характеристик вербализации ключевых лингвоконцептов («Страх» и «Темнота») в тексте романа «Камера обскура» / «Laughter in the Dark» путем количественного анализа. Несмотря на значительные преимущества данного метода, существует определенный пробел в исследованиях, который соответствует сформулированным вопросам, поставленным в ходе исследования в качестве ключевых: какая количественная разница в тех лексических единицах, которые особенно часто выражены в тексте произведения, эффективно ли использование количественного метода в лингвоконцептологических исследованиях для выявления ключевых лингвоконцептов, а также каково процентное соотношение единиц, реализующих лингвоконцепт на двух языках.

Задачи данной работы можно определить следующим образом:

1. Проанализировать основную частоту слов в тексте на русском и английском языке с помощью программы WordStat;
2. Представить полученные данные в виде таблиц;
3. Представить в виде диаграммы процентное соотношение частоты встречаемых лексических единиц;
4. Определить относительную частоту выбранных единиц для анализа.

В данном исследовании основу составляет метод лингвостатистического анализа, а также метод семантико-стилистического описания и выборочного наблюдения. Методологический комплекс охватывает также количественный, статистический и сопоставительный подходы. Нами было выбрано два ключевых лингвоконцепта - «Темнота» и «Страх», а языковые единицы, входящие в их структуру, будут составлять

общий кластер, размер которых будет определен в ходе исследования. В качестве основной единицы счета нашего исследования и переменной будет определяться слово.

Проводя количественный анализ версии произведения на русском и английском языке, мы получили следующие результаты относительно репрезентации лингвоконцепта «Страх».

Таблица 1. Соотношение единиц счета и числа их употреблений в тексте романа «Камера обскура»

Лексемы-репрезентанты	Абсолютная частота
Ужас	56
Тревога	43
Дрожь	42
Страсть	26
Угроза	9
Страх	8
Кошмар	4
Паника	2
Трепет	2

«Составлено авторами».

Рис. 1. Процентное соотношение единиц счета лингвоконцепта «Страх» в тексте романа «Камера обскура»

«Составлено авторами».

Мы выполнили поиск лексем, репрезентантов лингвоконцепта «Страх», и на основе полученных данных составили таблицу языковых единиц и количества их употреблений в русском тексте произведения (в общее число употреблений вошли также дериваты). Данную выборку мы можем отнести к категории больших, так как общий ее объем составил 192 единицы.

В процентном соотношении, представленном на рис.1, можно увидеть следующее процентное соотношение по частотности: *ужас* – 29%, *тревога* – 22%, *дрожь* – 22%, *страсть* – 14%, *угроза* – 5%, *страх* – 4%, *кошмар* – 2%, *паника* – 1%, *трепет* – 1%.

Доминирующие лексемы (*ужас, тревога, дрожь*) формируют семантическое ядро, суммарно охватывающее 73% всех словоупотреблений. Этот факт демонстрирует авторскую стратегию В. В. Набокова, согласно которой он уходит от прямой номинации базового понятия (*страх*), предпочитая выражать эмоцию через более экспрессивные

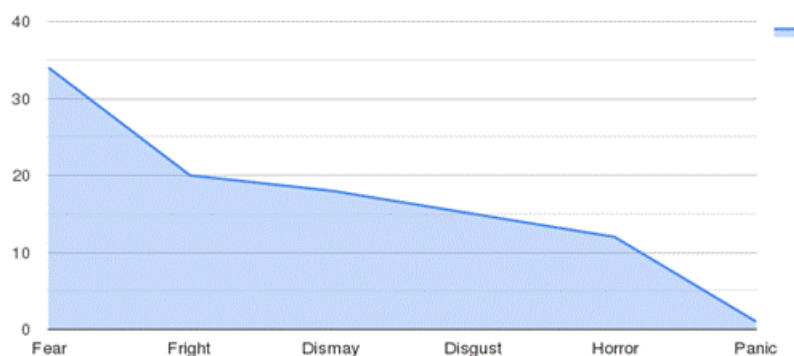
единицы. При этом сама лексема *страх* используется значительно реже, что указывает на её функционально ограниченную роль в тексте. Отметим также использование таких единиц как *страсть* и *угроза*, а также реже встречающиеся *кошмар* и *паника*, что маркирует их как периферийные элементы в структуре лингвоконцепта. Они выполняют вспомогательную функцию, подчеркивая интенсивность переживаний.

Таблица 2. Соотношение единиц счета и числа их употреблений в тексте романа «Laughter in the Dark»

Лексемы-репрезентанты	Абсолютная частота
Fear	27
Fright	16
Dismay	14
Disgust	12
Horror	9
Panic	1

«Составлено авторами».

Рис. 2. Процентное соотношение единиц счета лингвоконцепта «Страх» в тексте романа «Laughter in the Dark»

«Составлено авторами».

Квантитативный анализ показал, что количество языковых единиц, участвующих в вербализации лингвоконцепта, меньше и по числу, и по частоте использования. Отметим, что слова, словообразовательно связанные с указанными лексемами, также вошли в выборку. В процентном соотношении, представленном на рис.2, можно увидеть следующее процентное соотношение по частотности: *fear* – 34%, *fright* – 20%, *dismay* – 18%, *disgust* – 15%, *horror* – 12%, *panic* – 1%.

Следовательно, в английской версии произведения ядром лингвоконцепта становится его базовая номинация *fear*. Употребление таких единиц как *fright* и *dismay* указывает на то, что репрезентация представлена через прямые и нейтральные единицы, и в меньшей степени через экспрессивные средства. Периферийные единицы *disgust*, *horror* и *panic* используются значительно реже, но при этом вносят новый слой восприятия: страх замещается чувством безразличия и отвращения.

Следующим этапом исследования стал анализ количественной репрезентации лингвоконцепта «Темнота».

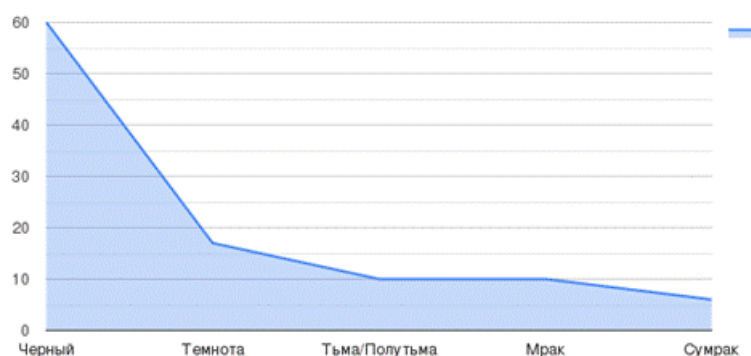
Таблица 3. Соотношение единиц счета и числа их употреблений в тексте романа

«Камера обскура»

Лексемы-репрезентанты	Абсолютная частота
Черный	196
Темнота	56
Тьма/Полутьма	32
Мрак	32
Сумрак	12

«Составлено авторами».

Рис. 3. Процентное соотношение единиц счета лингвоконцепта «Темнота» в тексте романа «Камера обскура»

«Составлено авторами».

Результаты проведенного анализа показывают, что колоратив *черный* в тексте произведения на русском языке встречается чаще, чем само слово-имя лингвоконцепта, такая высокая частота определяется его образной функцией. Главный герой романа теряет зрение после автокатастрофы, однако его моральная слепота предшествует трагедии. Данный момент особенно важен, поскольку В. В. Набоков раскрывает его впоследствии в названии англоязычной версии «Laughter in the Dark» (досл. «Смех во темноте»).

Процентное соотношение, использованных единиц, можно представить следующим образом: *черный* – 47%, *темнота* – 30%, *тьма/полутьма* – 9%, *мрак* – 8%, *сумрак* – 4%. Таким образом, необходимо отметить, что лексемы *черный* и *темнота* формируют семантическое ядро лингвоконцепта, отражая не только визуальные, но и эмоциональные характеристики. Единицы *тьма/полутьма*, *мрак*, *сумрак* выполняют роль периферийных элементов. Высокая частотность данных элементов (328 случаев словоупотребления), выявленная количественным методом, является прямым индикатором того, что данный лингвоконцепт является ключевым для художественного мира В. В. Набокова.

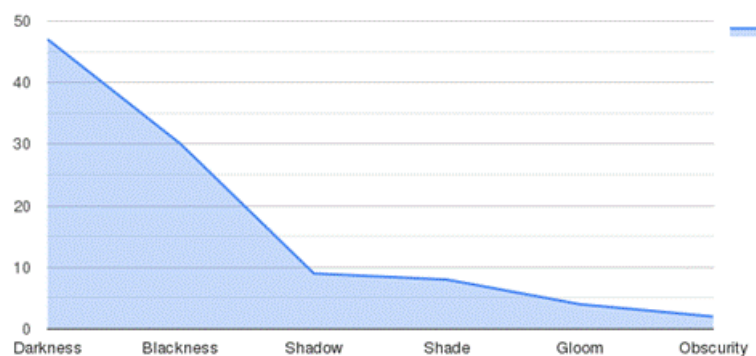
Таблица 4. Соотношение единиц счета и числа их употреблений в тексте романа «Laughter in the Dark»

Лексемы-репрезентанты	Абсолютная частота
Darkness	308
Blackness	192
Shadow	60
Shade	55
Gloom	25

Obscurity	10

«Составлено авторами».

Рис. 4. Процентное соотношение единиц счета лингвоконцепта «Темнота» в тексте романа «Laughter in the Dark»

«Составлено авторами».

В английском языке лингвоконцепт выражен большим количеством лексем, их частота значительно выше единиц, использованных в тексте на русском языке. Процентное соотношение, использованных единиц, можно представить следующим образом (рис.4): *darkness* – 47%, *blackness* – 30%, *shadow* – 9%, *shade* – 8%, *gloom* – 4%, *obscurity* – 2%. Полученные данные доказывают центральную образную функцию света в англоязычной версии романа для передачи как визуальной, так и эмоциональной составляющей произведения.

Элементы *shadow*, *shade*, *gloom* и *obscurity* встречаются значительно реже, репрезентируя характеристики освещения, а также психологического состояния персонажей. Так сохраняя смысловое ядро, В. В. Набоков использовал иные средства для репрезентации лингвоконцепта, которые отсутствуют в русскоязычной версии, что подчеркивает разницу в стратегиях вербализации.

Исходя из полученных данных, мы можем говорить об относительной частоте единиц. Так, относительная частота слова ужас – 0,29, тревога – 0,22, дрожь – 0,21, страсть – 0,13, угроза – 0,04, страх – 0,04, кошмар – 0,02, паника – 0,01, трепет – 0,01. Исследуя относительную частоту единиц на английском языке, мы получили следующие результаты: *fear* – 0,34, *fright* – 0,2, *dismay* – 0,17, *disgust* – 0,15, *horror* – 0,11, *panic* – 0,01.

Относительная частота лексем, составляющих лингвоконцепт «Темнота» на русском языке следующая: *черный* – 0,59, *темнота* – 0,17, *тьма/полутьма* – 0,09, *мрак* – 0,09, *сумрак* – 0,03.

В тексте на английском языке относительная частота представлена следующим образом: *darkness* – 0,47, *blackness* – 0,29, *shadow* – 0,09, *shade* – 0,08, *gloom* – 0,03, *obscurity* – 0,01.

На основании представленных данных мы можем заключить, что оба лингвоконцепта являются ключевыми, поскольку исследователями подчёркивается, что высокая частота вербализованности лингвоконцепта служит показателем его ключевого статуса, данное

исследование доказывает данную гипотезу. Оба лингвоконцепта представлены как в русском, так и в английском тексте произведения с высоким индексом частотности, однако их общая сумма разная, соответственно, данные абсолютной и относительной частоты также были представлены по-разному.

Квантитивный анализ лингвоконцепта «Темнота» показал, что средства его вербализации составляют самое большее количество именно на английском языке. Общий размер гнездовой выборки составил 650 единиц, в то время как на русском почти в половину меньше – 328.

С лингвоконцептом «Страх» получилось наоборот, в русском тексте произведения общее количество исследуемых единиц составило 192, в английском языке их оказалось также почти в половину меньше – 79.

В рамках данного исследования мы ограничивались только двумя основными лингвоконцептами, однако перспективы дальнейших исследований могут определяться расширенным поиском ключевых лингвоконцептов произведения, что в свою очередь помогает увидеть особенности мышления человека живущего в условиях восприятия и принятия двух культур.

Таким образом, нами был проведен лингвостатистический анализ, где нами были определены два основных лингвоконцепта. Также была проанализирована абсолютная частота единиц, встречающихся как в тексте варианта произведения на русском языке, так и на английском, полученные данные были визуализированы в таблицах.

На основании полученной абсолютной частоты и размера всей гнездовой выборки мы рассчитали показатели относительной частоты, а также просчитали процентное соотношение частоты встречаемых единиц.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты проведённого исследования могут быть в дальнейшем использованы в курсах сопоставительной лингвистики, а также при анализе работ других авторов для изучения их индивидуально-авторского языка. Перспективы данного исследования предполагают дальнейшее извлечение ключевых лингвоконцептов посредством квантитативного анализа в рамках, проводимых лингвоконцептуальных исследованиях.

Библиография

1. Беспалова Е. К., Бородич Е. А. Кинематографические приёмы в романах Набокова "Камера обскура" и "Смех в темноте" // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2016. № 2 (14). С. 54-62. EDN: XDGKIT.
2. Верхоzin С. С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 145-149. EDN: REFQMF.
3. Викторова Е. Ю. Роль количественного подхода в изучении функционирования дискурсивных слов // Филология и человек. 2013. № 4. С. 1-12. EDN: RPEFAD.
4. Горянова Л. Н. "Концепт" в когнитивной лингвистике // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 16. С. 1-9.
5. Долинский В. А. Семейство ранговых распределений в квантитативной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 6 (797). С. 124-155. EDN: PPNXSH.
6. Кашеева А. В. Квантитативные и качественные методы исследования в прикладной лингвистике // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3 (049). С. 155-162. EDN: QBQANN.

7. Красавский Н. А. Квантитативный показатель как один из критериев статуса ключевого индивидуально-авторского концепта // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 2 (7). С. 107-112.
8. Крахмалева Т. С. Кинематографическая семантика в романе В. В. Набокова "Камера обскура" // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2011. № 8. С. 199-201. EDN: QOYBIV.
9. Кушнерук С. Л. Миромоделирующий потенциал лингвоконцептов в ракурсе сопоставления: методический аспект // Известия ВГПУ. 2015. № 5 (100). С. 149-153.
10. Лебедев Л. В. Симбиоз лингвистического и культурного подходов при анализе и переводе художественного текста (на материале переводов реалий в романе В. Набокова "Камера обскура" / "Laughter in the dark" / "Смех в темноте") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 11. С. 3664–3671. DOI: 10.30853/phil20220600. EDN: XFJRAM.
11. Малышева Н. В. Квантитативная лингвистика в современной научной парадигме // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2014. № T20. С. 546-550. EDN: SJEQMF.
12. Невдах М. М. Применение информационных технологий в исследовании текстов // Труды БГТУ. Серия 4: Принт-и медиатехнологии. 2009. № 9. С. 77-81. EDN: WTCZJH.
13. Раренко М. Б. Художественный билингвизм В. В. Набокова // Литературное зарубежье как культурный феномен. 2017. № 1. С. 76-92.
14. Розенгрант Д. Владимир Набоков и этика воображения. Двухязычная практика // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб.: Изд-во Российского христианского гуманитарного института, 2002. С. 929-955.
15. Саньярова Р. Р. Лингвоконцепт как основная форма выражения характера языковой среды этноса // Научный альманах. 2017. № 10-3 (36). С. 148-151. DOI: 10.17117/na.2017.10.03.148. EDN: ZVHGEV.
16. Фролов В. И. Автоперевод романа В. В. Набокова "Лолита" // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 10 (749). С. 38-49.
17. Чижова М. Е. Термин "концепт" в современной когнитивной лингвистике (с рассмотрением концептов здоровье и нездоровье) // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 59-3. С. 81-84. DOI: 10.18411/lj-03-2020-56. EDN: JLQNNH.
18. Шаталов С. Ю. Некоторые особенности стиля В. В. Набокова в аспекте автоперевода (на материале "Лолиты") // Перевод и стилистические ресурсы языка. М.: МГЛУ, 2004. С. 31-48. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 488. Сер. Лингвистика).
19. Komogortseva N. N. Cinematographic script in V. Nabokov's novel "Laughter in the Dark" ("camera obscura") // 2014. No. 9-2 (57). P. 655-672. DOI: 10.12731/wsd-2014-9.2-3. EDN: SZCPYP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в рецензируемой научно-исследовательской работе является квантитативный анализ лексических единиц, позволяющий исследовать частоту употребления слов, их распределение в текстах и сочетаемость с другими единицами. Предметом исследования служит двухязычное произведение В.В. Набокова «Камера

обскура».

Актуальность работы определяется стремлением исследователя к описанию и анализу языковых явлений и распределению их «в корпусах данных и художественных произведениях», обусловленным активным развитием цифровизации. Особую значимость представляет количественный подход «при изучении двуязычных произведений», в которых путём данного количественного анализа создаются условия для наблюдения эволюции глубинных смыслов, лексических и структурных изменений.

Теоретическая основа исследования базируется на работах, культивирующих эффективность количественных методов в лингвистике, актуальность обращения к концептам как ключевым ментальным единицам, культурным кодам; изучающих использование Набоковым кинематографических приёмов в романе «Камера обскура», способы передачи реалий в произведении с учётом языковых и культурных нюансов. Библиографический список, включающий 19 источников, представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта обозначенной проблематики, поскольку он исчерпывающе раскрывает теоретическую основу в соответствии с её положениями и органически вплетается в ткань научной статьи. К сожалению, в работе отсутствуют научные публикации последних трёх лет, что затрудняет оценку масштаба изученности проблемы на современном этапе, хотя использованные автором источники относятся к современному периоду (с 2009-2022 год).

Методология исследования включает использование количественного, статистического, семантико-стилистического, сопоставительного и выборочного методов, способствующих выявлению частотности лексических единиц, закономерности и тенденции в русской и англоязычной версиях романа, взаимодействия их семантических оттенков и стилистических средств, уникальных черт языка оригинала и перевода, ключевых лингвоконцептов версий романа.

В ходе анализа автор статьи, следуя подходу выборочного наблюдения, определяет в качестве ключевых лингвоконцепты «темнота» и «страх» и обращается к их семантическому анализу путём заполнения их «кластеров» лексическими коннотантами, образующими парадигмы. Полученные в результате анализа статистические данные отражаются в таблицах относительно русской и англоязычной версий романа. Отмечается особая роль лексических единиц с семантикой цвета, из которых анализу подвергается «колоратив чёрный», являющийся одним из самых употребительных в романе. Лексемы-репрезентанты выявленной доминанты с цветовой семантикой и частотность их употребления в произведении зафиксированы в таблице. В результате исследования автор статьи приходит к подтверждению гипотезы о высокой частоте вербализованности лингвоконцептов «темнота» и «страх», что позволяет утверждать их статус ключевых лингвоконцептов. Данные количественного анализа, представленные в таблицах, послужили основанием для вывода о высоком индексе частотности употребления лингвоконцептов в русском и англоязычном текстах, но с разной «общей суммой» и по-разному представленными данными абсолютной и относительной частотности употребления.

К сожалению, в статье имеется ряд недочётов структурного, содержательного и фактического характеров. Не обозначены предмет и объект исследования. Методология заявлена неполно, с указанием на использование лишь метода выборочного наблюдения, хотя по логике и факту выполненного исследования автором реализован методологический комплекс. Игнорируется обозначение цели исследования – она подменяется постановкой проблемных вопросов. Очень слабые аналитические комментарии к таблицам – этот факт умаляет значение исследования как такового. Анализируя «колоратив чёрный», автор статьи объясняет частоту употребления этой языковой единицы в романе его образной функцией, что является совершенно

логичным, поскольку количественные методы исследования очень эффективны в совокупности с качественными, однако автор избегает комплексного методологического подхода, в результате чего, на наш взгляд, снижается глубина исследования. Не вполне обдуманно используются паронимы частота и частотность: создаётся впечатление, что для автора они эквивалентны. В работе допущены грамматические и пунктуационные ошибки (в употреблении несогласованного приложения ("... их употреблений в «Камера обскура»" и т.д.); в обособлении определений). Имеются разночтения: лингвоконцепт «Страх»/«страх» и т.д.

Статья требует небольшой доработки, после которой она, безусловно, может быть опубликована в научном журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в рецензируемой научно-исследовательской работе является количественный анализ лексических единиц, позволяющий исследовать частоту употребления слов, их распределение в текстах и сочетаемость с другими единицами. Предметом исследования служит двуязычное произведение В.В. Набокова «Камера обскура».

Актуальность работы определяется стремлением исследователя к описанию и анализу языковых явлений и распределению их «в корпусах данных и художественных произведениях», обусловленным активным развитием цифровизации. Особую значимость представляет количественный подход «при изучении двуязычных произведений», в которых путём данного количественного анализа создаются условия для наблюдения эволюции глубинных смыслов, лексических и структурных изменений.

Теоретическая основа исследования базируется на работах, культивирующих эффективность количественных методов в лингвистике, актуальность обращения к концептам как ключевым ментальным единицам, культурным кодам; изучающих использование Набоковым кинематографических приёмов в романе «Камера обскура», способы передачи реалий в произведении с учётом языковых и культурных нюансов. Библиографический список, включающий 19 источников, представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта обозначенной проблематики, поскольку он исчерпывающе раскрывает теоретическую основу в соответствии с её положениями и органически вплетается в ткань научной статьи. Включённая автором цитатность характеризуется авторским интерпретациями. К сожалению, в работе отсутствуют научные публикации последних трёх лет, что затрудняет оценку масштаба изученности проблемы на современном этапе, хотя использованные автором источники относятся к современному периоду (с 2009-2022 год).

Методология исследования, соответствуя целям и задачам, отличается комплексным подходом: применяется метод лингвостатистического анализа, метод семантико-стилистического описания, выборочного наблюдения, а также количественный, статистический и сопоставительный подходы, способствующие выявлению частотности

лексических единиц, закономерности и тенденции в русской и англоязычной версиях романа, взаимодействия их семантических оттенков и стилистических средств, уникальных черт языка оригинала и перевода, ключевых лингвоконцептов той и другой версий романа.

В ходе анализа автор статьи, следуя подходу выборочного наблюдения, определяет в качестве ключевых лингвоконцепты «Темнота» и «Страх» и обращается к их семантическому анализу путём заполнения их «кластеров» лексическими коннотантами, образующими парадигмы. Полученные в результате анализа статистические данные отражаются в таблицах относительно русской и англоязычной версий романа. Отмечается особая роль лексических единиц с семантикой цвета, из которых анализу подвергается «колоратив чёрный», являющийся одним из самых употребительных в романе. Лексемы-репрезентанты выявленной доминанты с цветовой семантикой и частотность их употребления в произведении зафиксированы в таблице. В результате исследования автор статьи приходит к подтверждению гипотезы о высокой частоте вербализованности лингвоконцептов «Темнота» и «Страх», что позволяет утверждать их статус ключевых лингвоконцептов. Данные квантитативного анализа, представленные в таблицах, послужили основанием для вывода о высоком индексе частотности употребления лингвоконцептов в русском и англоязычном текстах, но с разной «общей суммой» и по-разному представленными данными абсолютной и относительной частотности употребления.

К сожалению, в статье имеются некоторые недочёты логического и технического характеров. На этапе обоснования актуальности квантитативного подхода к изучению двуязычных произведений автор апеллирует к возможности наблюдения динамики «концептуальных, лексических и структурных изменений» произведения, что, несомненно, важно для выявления стилистических особенностей писателя, сопоставления языковых картин мира, сохранения культурной идентичности, оценки переводческих решений. Совершенно логичными являются аналитические комментарии к таблице со статистическими данными, касающиеся авторской стратегии, культурно-семантического подхода к вычленению доминирующих лингвоконцептов, их ядерных зон и репрезентантов, однако ни в задачах, ни в выводах связь между количественными показателями и упомянутого в начале работы идиостилем и концепцией писателя не отразилась. В числе технических недочётов встречаются пунктуационные и грамматические погрешности («... частота лексем, составляющих лингвоконцепт ... на русском языке следующая», «Объектом ... является двуязычный роман ... и его авторский перевод»).

Результаты исследования могут найти применение в дальнейших научных работах указанной тематики, а также в университетских курсах по сопоставительной лингвистике, изучению идиостиля писателя.

Материал представлен структурированно и последовательно, что способствует легкому восприятию содержания. Язык изложения соответствует нормам научной речи. Статья производит хорошее впечатление. Работа отличается самостоятельностью и оригинальностью, она представляет интерес для широкого круга читателей и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сандакова М.В. Адъективная метафора: деривационно-семантическая модель окачества // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77351 EDN: RTNTIA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77351

Адъективная метафора: деривационно-семантическая модель окачества

Сандакова Марина Всеволодовна

ORCID: 0000-0003-1450-6603

доктор филологических наук

профессор; кафедра современного русского языка и общего языкознания; ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского"

603087, Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, Нижегородский р-н, ул. Богдановича, д. 8, кв. 42

✉ sandakova@ff.unn.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77351

EDN:

RTNTIA

Дата направления статьи в редакцию:

14-12-2025

Дата публикации:

21-12-2025

Аннотация: Предмет исследования – закономерности образования вторичного качественного значения относительных отсубстантивных прилагательных на основе метафорического переноса. Метафора является основным и наиболее глубоко изученным, хотя не единственным механизмом развития качественности прилагательного. Автор подробно останавливается на связях между семантикой относительного прилагательного и возможностями его семантической деривации. Особенности метафоризации относительного прилагательного обусловлены его словообразовательной производностью. Обычно относительные прилагательные являются производными, за исключением группы адъективных слов с заимствованной

основой. Как синтаксические дериваты, повторяющие значение своего мотиватора, относительные отсубстантивные прилагательные наследуют семантику мотивирующего существительного и выражают общее значение 'такой, который относится к тому, что названо мотивирующей основой'. Семантика мотивирующего имени предопределяет возможности «окачества» прилагательного, на что обратил внимание ещё В. В. Виноградов. Применяются методы семантического, словообразовательного, контекстного анализа слова. Используются данные толковых словарей, тексты художественной литературы и современных СМИ; привлекаются материалы Национального корпуса русского языка. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём предлагается описание образования качественного метафорического значения посредством деривационно-семантической модели, включающей четыре лексико-семантических компонента. Метафорическое значение обладает двойными деривационно-семантическими связями: с мотивирующим существительным и с исходным относительным значением самого прилагательного. Связь между прямым относительным и вторичным качественным значениями прилагательного рассматривается автором в аспекте отражённой многозначности. Так, соотношение значений прилагательного туманный ('такой, который относится к туману' – 'непонятный') таково же, как у мотивирующего существительного туман ('скопление мелких капелек' – 'непонятность, неопределённость'). Если у мотивирующего имени нет метафорического значения, деривационно-семантическая модель окачества имеет лауну. Так, в языке существует адъективная метафора поверхностный ('несущественный, неосновательный') при отсутствии метафоры у мотиватора поверхность. Метафора отсубстантивных прилагательных возникает на основе представлений о реальных свойствах эталонного объекта (фисташковый жакет, аквамариновые глаза); на основе коннотаций (пещерное мировоззрение). Результаты исследования дополняют представления о семантической деривации в адъективной сфере и могут быть использованы в лексикографической практике.

Ключевые слова:

относительное прилагательное, семантика, словообразовательная мотивация, отражённая полисемия, семантическая деривация, прямое значение, метафора, коннотация, толкование лексического значения, контекстное значение

Введение

Метафоризация представляет собой один из основных механизмов развития качественного значения у относительного прилагательного, см. [\[1; 2; 3\]](#) и др.

Обычно относительные прилагательные являются производными, за исключением группы адъективных слов с заимствованной основой, см. [\[4\]](#). Как синтаксические дериваты, повторяющие значение своего мотиватора [\[5, с. 184-185\]](#), относительные отсубстантивные прилагательные наследуют семантику мотивирующего существительного и выражают общее значение 'такой, который относится к тому, что названо мотивирующей основой'.

В лингвистике давно обратили внимание на возможность употребления относительных прилагательных для качественной характеристики предмета. Ещё А. М. Пешковский, рассматривая примеры *стальное перо – стальные мускулы; отцовский дом – отцовское отношение* (как у отца) и др., заметил, что во всех прилагательных «потенциально...

хранится оттенок качественности» [\[6, с. 93\]](#).

В. В. Виноградов писал о том, что значения относительных прилагательных «почти всецело обусловлены предметным значением производящего существительного. Например: *берёзовый, библиологический, бивачный, биржевой...*» [\[1, с. 186\]](#). При этом между лексико-грамматическими разрядами существуют живые связи, границы разрядов проницаемы и подвижны, и качественные значения постоянно образуются в языке. Развитие качественного значения, по В. В. Виноградову, имеет опору в самих производящих именах: «... То, что в производном прилагательном кристаллизуется как отдельное значение, в соответствующем существительном ещё брезжит как своеобразный метафорический ореол слова, как намечающееся переносное значение» [\[1, с. 186\]](#). В. В. Виноградов иллюстрирует эту мысль на примере прилагательного *мраморный*, которое употребляется в трёх значениях: 1) 'такой, который сделан из мрамора' (*мраморный столик*); 2) 'похожий на мрамор рисунком' (*мраморное мыло*); 3) 'белый и гладкий, как мрамор' (*мраморное чело*). В семантике существительного *мрамор* обнаруживаются «намёки» на это качественное поэтическое значение [\[1, с. 187\]](#).

В работах О. П. Ермаковой о семантике производных слов исследованы многосторонние словообразовательно-семантические связи имён прилагательных. Автор описывает явление двойной мотивации, или двойной выводимости переносного значения, когда оно мотивируется «переносным значением производящего и прямым значением самого производного» [\[7, с. 119\]](#). Например, метафорическое значение прилагательного *зеркальный* ('гладкий, ровный') выводимо, с одной стороны, из прямого значения прилагательного *зеркальный* как 'относящийся к зеркалу' (*зеркало* в прямом значении – 'отполированная поверхность, служащая для отражения предметов'), с другой – из метафорического значения существительного *зеркало* как 'ровная поверхность воды' [\[7, с. 118-119\]](#).

Деривационно-семантическая модель развития качественного значения

В ряде исследований, посвящённых лексической парадигматике, описано явление отражения отношений между словами (значениями слов). Оно состоит в том, что единицы, находящиеся в тех или иных парадигматических отношениях, могут передать данный тип отношений своим производным.

В работах В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой и других лингвистов, занимавшихся проблемами омонимов, была выявлена отражённая омонимия, см. [\[8; 9; 10\]](#). Члены омонимической пары наследуют, отражают отношения своих мотиваторов. Например, пара *хромовый*¹ ('такой, который относится к *хрому* – химическому элементу') – *хромовый*² ('такой, который относится к *хрому* – мягкой коже особой выделки') повторяет омонимические отношения производящих существительных: *хром*¹ – *хром*², см. [\[10, с. 158-159\]](#).

В исследованиях последующих лет описание получила отражённая антонимия, см. [\[11; 12; 13\]](#). А. Н. Тихонов показал, что такой тип антонимии присущ производным словам, если противоположными значениями обладают их производящие, «у которых они заимствуют антонимичные значения, как бы отражают их в своей семантической структуре» [\[11, с. 35\]](#). Например, пара *верхний* – *нижний* отражает антонимичность мотивирующей пары *верх* –

низ.

Л. Н. Роженцова пишет, что, наряду с отражённой омонимией и антонимией, в языке существует и отражённая полисемия. В её статье [\[14\]](#) сопоставляются семантические структуры членов словообразовательной пары на примере слов *лиса* – *лисий*. Соотношение значений производящего имени *лиса* ('животное' – 'хитрый человек') аналогично соотношению значений производного *лисий* ('относящийся к лисе' – 'хитрый'). Автор приходит к выводу о том, что «дериваты заимствуют значения своих производящих, как бы отражая их в смысловой структуре» [\[14, с. 5\]](#). В цитированной работе О. П. Ермаковой [\[7\]](#) описывается, хотя и в других терминах, аналогичные по существу взаимосвязи слов.

Таким образом, вторичное метафорическое значение отсубстантивного прилагательного встроено в два ряда отношений словообразовательной и семантической деривации: с мотивирующим именем (словообразовательно и семантически) и с собственным исходным относительным значением (семантически).

Образование качественного метафорического значения может быть представлено в виде деривационно-семантической модели, в которой объединяются четыре лексико-семантических единицы, имеющие между собой стандартные парадигматические связи:

существительное → существительное

(прямое значение) (метафора)

↓ ↓

прилагательное → прилагательное

(относительное) (качественное)

Такая модель регулярно действует в языке при окачествлении относительного прилагательного.

Покажем это на примерах слов *макулатура*, *макулатурный*.

Словарные толкования:

1) прямое значение существительного *макулатура*: «Отслужившие срок изделия из бумаги и картона, старые газеты, бумажные отходы и т.д., которые используются в качестве вторичного сырья на бумажных фабриках» [\[15, т. II, с. 217\]](#);

2) метафорическое значение существительного *макулатура*: «*Перен.* Бездарное, не имеющее ценности литературное произведение // *Собр.* Совокупность таких произведений» [\[15, т. II, с. 217-218\]](#);

3) прямое (относительное) значение прилагательного *макулатурный*: 'такой, который относится к макулатуре';

4) метафорическое (качественное) значение прилагательного *макулатурный*: «*перен.* *Разг. Пренебр.* Низкого качества, годный лишь для того, чтобы стать макулатурой» [\[15, т.](#)

[II, с. 218\]](#);

Примеры употреблений:

- 1) прямое значение существительного: *собирать макулатуру*;
- 2) метафорическое значение существительного: *читать всякую макулатуру*;
- 3) прямое или метонимическое (относительное) значение прилагательного: *макулатурный склад*. А также:

*Наверное, эта ракетка в истлевшем брезентовом мешке до сих пор гниет там, куда ее засунул тогда Первушин – за пожарным щитом на стене **макулатурного** сарая.* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003) [НКРЯ]; *В стране бум на **макулатурную** литературу – ту, которую продают в обмен на двадцать килограммов бумажного старья.* (Д. Каралис. Автопортрет. 1999) [НКРЯ]; *Тогда все зачитывались «Проклятыми королями» Дрюона, купленными по **макулатурным** талонам, и бредили тамплиерами.* (Ю. Поляков. Любовь в эпоху перемен).

- 4) метафорическое (качественное) значение прилагательного: *бездарная макулатурная повесть*. А также:

*Одним из тех, кто поддерживал его на выборах в «ЛГ», был ... Владимир Васильевич Карпов, в высшей степени боевой человек и автор **макулатурных**, склеенных из недопереваренной документалистики романов про маршалов и полководцев.* (Л. Данилкин. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова. 2007) [НКРЯ]; *Вы, конечно, боитесь, что машина моя наградит вас за все ваши труды какой-нибудь жалкой цифрой, словно не труд всей вашей жизни вы ей предложили, а какую-нибудь **макулатурную** рецензию, писанную с отвращением и исключительно чтобы отделаться...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Хромая судьба. 1982) [НКРЯ]; *.. Даже в городе Нижнем в книжных лавках трудно было найти что-нибудь интересное и новое, а на станциях железной дороги в киосках была только **макулатурная** дрянь.* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 1930–1935) [НКРЯ].

Итак, наблюдается следующее соотношение значений существительного и прилагательного:

Макулатура (старые газеты, книги) – *макулатура* (о плохой литературе)

Макулатурный (такой, который относится к макулатуре) – *макулатурный* (бездарный, низкого качества, не имеющий ценности)

Приведём ещё несколько примеров реализации модели:

Вершина (верхняя часть чего-либо) – *вершина* (о высшей ступени чего-либо)

Вершинный (такой, который относится к вершине) – *вершинный* (высший; такой, который достиг самого высокого уровня)

Каторга (вид тюремного наказания) – *каторга* (о тяжёлой жизни)

Каторжный (такой, который относится к каторге) – *каторжный* (крайне тяжёлый, мучительный)

Лакей (слуга) – *лакей* (о раболепствующем человеке)

Лакейский (такой, который относится к лакею) – *лакейский* (угодливый, раболепный)

Мишура (блестящие нити, украшения из них) – *мишура* (о внешнем блеске)

Мишурный (такой, который относится к мишуре) – *мишурный* (обманчивый, рассчитанный на внешнее впечатление)

Тупик (улица без сквозного прохода) – *тупик* (о безвыходной ситуации)

Тупиковый (такой, который относится к тупику) – *тупиковый* (безвыходный, безысходный)

У мотивирующего имени существительного метафорическое значение может отсутствовать. В этом случае модель имеет лакуну:

существительное

(прямое значение)

↓

прилагательное → прилагательное

(относительное) (качественное)

Прилагательное уже не наследует «готовую» метафору мотивирующего имени. Метафорическое значение возникает непосредственно в самом прилагательном и базируется на сравнении с объектом, от наименования которого образовался адъективный дериват.

Явление, когда переносное значение, отсутствующее у мотивирующего слова, появляется только у мотивированного, В. В. Лопатин предложил обозначать термином «метафорическая мотивация», см. [\[16\]](#).

Покажем, как реализуется лакунарная модель, на примерах слов *оперетта*, *опереточный*.

Словарные толкования:

- 1) прямое значение существительного *оперетта*: «Музыкальное комедийное произведение, сочетающее вокальную и инструментальную музыку с танцем и с текстом, часть которого поётся, а часть произносится обычной речью» [\[15, т. II, с. 622\]](#);
- 2) метафорическое значение существительного *оперетта* в словаре отсутствует;
- 3) прямое (относительное) значение прилагательного *опереточный*: «такой, который относится к оперетте»;
- 4) метафорическое (качественное) значение прилагательного *опереточный*: «перен.

Такой, который нельзя принимать всерьёз, подобный тому, какой бывает в оперетте» [\[15. т. II, с. 622\]](#).

Примеры употреблений:

- 1) существительное в прямом значении: *театр оперетты*;
- 2) существительное в метафорическом значении: – ;
- 3) прилагательное в относительном (прямом или метонимическом) значении: *опереточный композитор*;

*Его 12-летняя героиня искала «первых пионеров», открывала уникальность судеб, неказистый трубач из **опереточного** оркестра оказывался героическим человеком. (Российская газета. 14. 07. 2025); ... В городе, никогда не имевшем не только оперного, но даже **опереточного** театра, Маркин задумал создание Оперной академии. (Труд. 19. 03. 2024);*

- 4) прилагательное в качественном метафорическом значении:

*Парад лояльности Вашингтону с построением и знамёнами получился слегка **опереточным**. В роли окруживших Трампа статистов выступили Мерц, Стармер, Макрон, Гутерриш и еще дюжины две политических руководителей. (Российская газета. 15. 10. 2025); Не обошлось и тут без скандала. Пресса характеризовала конкурс как «**опереточный**», «кумовской», называла его «сплошным оголтелым цинизмом» и намекала на «семейность» (Коммерсантъ. 27. 05. 2025); Особенно веселило киевлян то обстоятельство, что в первые дни петлюровской власти **опереточные** гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские. (З. Прилепин. Координата Z).*

Итак, при отсутствии метафорического значения у мотивирующего имени наблюдается следующее соотношение значений существительного и прилагательного:

Оперетта (жанр музыкальной комедии; произведение этого жанра)

Опереточный (такой, который относится к оперетте) – *опереточный* (такой, который нельзя воспринимать всерьёз)

Ещё примеры реализации лакунарной модели:

Плакат (рисунок с пояснительным текстом)

Плакатный (такой, который относится к плакату) – *плакатный* (яркий, броский, простой)

Поверхность (наружная сторона чего-либо)

Поверхностный (такой, который относится к поверхности) – *поверхностный* (неосновательный; не умеющий вникнуть в существо дела)

Малахит (минерал, поделочный камень)

Малахитовый (такой, который относится к малахиту) – *малахитовый* (ярко-зелёный, с

тёмными линиями)

Некоторые относительные прилагательные развивают несколько вторичных качественных значений, вписывающихся в разные модели.

Например, прилагательное *медовый*, которое употребляется по крайней мере в двух метафорических значениях.

Одно из них, зафиксированное в четырёхтомном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (БТС): «2. Слащавый, приторно-нежный, льстивый» [\[17, с. 529\]](#).

Примеры употреблений: *И разворачивается перед нами не просто танец двоих – с трудом сдерживаемая страсть с биением сердца, ожиданием счастья **медового** и любви долгой...* (Э. Кочеткова. Запомним: Павел Васильев. 2019) [НКРЯ]; *А в романе «Ожог» Василий Павлович попросту объединит себя с Вознесенским в одного писателя Пантелея, «словоблуда с декадентской отмычкой», который клянется петь своим **медовым** баритоном...* (И. Виравов. Андрей Вознесенский. 2015) [НКРЯ]; *Зоя также насквозь фальшиво прикидывалась наивной и непонятливой, вроде как не улавливала повода для **медовых** восхвалений...* (А. Виноградов. Кофе на троих).

Ещё одно, метафорическое колоративное значение, отмечено в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой (СШ): «2. Золотисто-жёлтый, янтарный, цвета мёда» [\[18, с. 437\]](#).

Примеры употреблений: ... *Жёлтые, летние дни, восковые свечи в корявых зелёных руках, прозрачные **медовые** слёзы по заскорузлым крепким стволам, кукушки считают годы.* (Е. Замятин. Русь. 1923) [НКРЯ]; *Сначала мы шли по тропинке через залитую **медовым** и янтарным предзакатным светом березовую рощу, перешагивая через корни деревьев.* (М. Бару. Самовар лоцмана Воронина. 2016) [НКРЯ].

Первое значение соотносится с метафорой мотиватора мёд: «Разг. О том, что чрезвычайно приятно (на вкус, слух и т.п.)» [\[17, с. 527\]](#). Второе лишено такого соответствия, поскольку у слова мёд нет значения 'цвет мёда'.

Таким образом, данные адъективные метафорические значения принадлежат двум разновидностям модели:

Мёд (вещество) – *мёд* (о чём-либо приятном)

Медовый (такой, который относится к мёду) – *медовый* (приятный; слащавый; льстивый)

Мёд (вещество)

Медовый (такой, который относится к мёду) – *медовый* (цвета мёда; жёлтый)

В основе метафоры могут лежать семантические компоненты, отражающие реальные

свойства объекта. Эти семы являются общими для исходного и метафорического значений. Такой перенос Г. Н. Складневская называет мотивированной языковой метафорой. Критерием принадлежности к типу мотивированных, по Г. Н. Складневской, являются данные толковых словарей: наличие в толкованиях исходного и метафорического значений «одного и того же или сходного в семантическом плане слова» [19, с. 53] или наличие в толковании метафорического значения сравнительного оборота, связывающего значения друг с другом. Например, в прямом и переносном значении слова *монах* есть компоненты 'аскетический образ жизни' [19, с. 54].

Адъективная метафора нередко базируется на представлении об очевидных признаках эталонного объекта, названного производящим именем. К таким признакам, например, относится цвет. Колоративные значения развиваются у прилагательных, образованных от названий растений, плодов, веществ и др. Приведём несколько примеров.

Чернила (раствор красящего вещества, употребляемый для письма)

Чернильный (такой, который относится к чернилам) – *чернильный* (такой, который имеет цвет чернил; очень тёмный)

Горчица (растение с жёлтыми цветками и плодами)

Горчичный (такой, который относится к горчице) – *горчичный* (такой, который имеет цвет горчицы; желтовато-коричневый)

Морковь (растение; его корнеплод оранжевого цвета)

Морковный (такой, который относится к моркови) – *морковный* (такой, который имеет цвет моркови; оранжевый)

Сирень (декоративный кустарник)

Сиреневый (такой, который относится к сирени) – *сиреневый* (такой, который имеет цвет сирени; бледно-лиловый)

Кирпич (прямоугольный брусок из обожжённой глины)

Кирпичный (такой, который относится к кирпичу) – *кирпичный* (такой, который имеет цвет кирпича; коричневатокрасный)

В колоративном значении объективируются представления о наиболее известном, часто встречающемся, прототипическом цвете предмета: *чернильным* обычно называют что-либо тёмно-синее, лиловое или чёрное (хотя чернила бывают разных цветов), *сиреневым* – бледно-лиловое (хотя сорта сирени разнообразны по цвету), *кирпичным* – коричнево-красное (хотя кирпич бывает и белый).

Цветовые значения прилагательных, образованных от названий минералов, описаны Е. Ю. Ваулиной [20]. Автор подчёркивает, что для обозначения цвета обычно выбирается самая распространённая или используемая в ювелирном деле окраска: *бирilloвый* –

зелёно-голубой; *альмадиновый* – тёмно-вишнёвый или бордовый и др. [20, с. 6–7].

Образование вторичного качественного значения может происходить также и на коннотативной основе.

Коннотации принято рассматривать как «типовые для данной культуры ассоциативно-оценочные признаки, связанные с определённым понятием» [21, с. 166]. Как подчёркивал Ю. Д. Апресян, коннотации устойчиво закреплены за словом в его прямом значении, но не входят в него и «могут становиться частью его смысла в переносных значениях» [22, с. XXIII]. Иначе говоря, те признаки, которые относятся к сфере коннотаций исходного значения, при метафоризации переходят в разряд сем, формирующих вторичное значение.

Например, слова *пещера* вызывает ассоциации с доисторическими временами, связанными в нашем представлении с дикостью, примитивностью, бескультурьем, грубостью, жестокостью и др. В языке, при отсутствии субстантивной метафоры, употребительна адъективная метафора *пещерный*, в которой объективируются данные признаки. Ср.: *пещерные взгляды (условия, поведение)*. А также:

*Представитель МИДа также назвала действия полиции Берлина «актом **пещерной** русофобии и политической цензуры».* (Коммерсантъ. 11. 06. 2025); *Это проявление вандализма является результатом 35-летнего **пещерного** антикоммунизма, во имя которого реабилитированы и превращены в норму большое количество применяемых нацизмом и фашизмом практик и символов...* (Российская газета. 20. 08. 2025); *С одной стороны ... растет интерес к православному контенту... А с другой стороны, часть аудитории продолжает находиться в плену антирелигиозных мифов, **пещерного** атеизма, оккультизма.* (Российская газета. 17. 11. 2025); *... Да и какому нормальному человеку в последние времена приспичит читать древние мифы, как, впрочем, вообще читать – эта **пещерная** привычка стала излишней в эпоху, когда одряхлевшие слова уступили место дерзновенным цифрам.* (М. Симоньян. В начале было Слово – в конце будет Цифра).

Слово *кошка* имеет коннотации 'грациозность', 'гибкость', 'мягкость', 'ласковость', 'лень' и др., реализующиеся в метафорическом значении прилагательного *кошачий*: «такой, как у кошки» [МАС, т. II, с. 117]. Ср. *кошачьи движения* применительно к человеку. А также:

*Появились в ней какая-то вкрадчивая **кошачья** мягкость и та одуряющая женственность, которая действует сильнее красоты.* (И. Муравьева. Мещанин во дворянстве. 1994) [НКРЯ]; *Он вскочил, прошелся по номеру, мягко ступая **кошачьей** походкой.* (Д. Гранин. Зубр. 1987) [НКРЯ]; *Особенно хорош был актер, игравший наложницу: набелённый, нарумяненный, с красивым цыганским профилем, он выказал столько страсти и **кошачьей** грации в сцене обольщения короля, что зрители были искренно взволнованы.* (Н. Гумилев. Африканский дневник. 1913) [НКРЯ]; *Поверхность ёмкости уже загорелась, когда Костя **кошачьим** прыжком подлетел к ней и выбросил под водопад.* (И. Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? 1994) [НКРЯ]; *Бабушка, Долорес Гарсиа, передала всем нам, своим наследникам, кастильский жгучий мрак в зрачках и цвете волос и **кошачью** томность, переходящую во взрывной темперамент.* (С. Бурлаченко. Сорвиголова. 2019) [НКРЯ].

Особой выразительностью обладает индивидуально-авторская коннотативная метафора, например:

Спустя час, предварительно примерив **пластилиновую** улыбку, от которой заболело где-то в переносице, надавил на кнопку звонка. (З. Прилепин. Чёрная обезьяна); Сердце Мити колотилось с какой-то **паровозной** мощностью, и ему казалось, что оно выскочит сейчас... (С. Волкова. Лукавая хирургия); Когда рассказ закончился, обе они сидели минуту молча, водя пальцами по краешкам блюдец, и лишь кенари в клетках **херувимскими** голосами резали тишину кофейни надвое. (С. Волкова. Великая любовь Оленьки Дьяковой); Дискуссия несколько раз забредала в тупик, и тогда в ход пошли **нафталиновые** взаимные укоры за убитого Михоэлса, депортированных мирных чеченцев, расстрелянного Че Гевару, Второй фронт, открытый, когда до Берлина можно было доплунуть. (Ю. Поляков. Любовь в эпоху перемен); – Какой местный напиток порекомендуете? – «Имерули», – с **мемуарной** печалью ответил Башашкин. (Ю. Поляков. Узник пятого волнореза).

Заключение

Итак, особенности метафоризации относительного прилагательного обусловлены его словообразовательной производностью. Качественное метафорическое значение прилагательного мотивировано не только его прямым относительным значением, но и метафорическим значением производящего имени.

Образование адъективного метафорического значения можно объяснить с помощью деривационно-семантической модели, включающей четыре лексико-семантических компонента. Семантические связи в такой модели могут быть описаны в аспекте отражённой полисемии: соотношение между значениями прилагательного отражает, наследует соотношение между значениями существительного – словообразовательного мотиватора. Ср.: *вершина (сосны)* и *вершина (творчества)* – *вершинные (ветви)* и *вершинные (произведения)*.

Деривационно-семантическая модель окажет влияние, если у мотивирующего имени в языке не существует метафорического значения. Так, у слова *поверхностный* есть переносное значение 'несущественный, неосновательный' при отсутствии метафоры у слова *поверхность*.

Адъективная метафора возникает на основе представлений о реальных свойствах эталонного объекта (*чернильная темнота*), а также на основе коннотаций (*пещерная русофобия*).

Деривационно-семантическая модель, регулярно действующая в языке, непрерывно порождает новые качественные значения. Семантические неологизмы *атмосферный (спектакль)*, *прорывные (технологии)* и др. представляют объект для дальнейших исследований семантической деривации прилагательного.

Библиография

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: "Языки русской культуры", 1999. I – XV, 896 с. EDN: YLAWAR
3. Тазиева Е. М. Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке: монография. Новосибирский гос. ун-т, Новосибирск, 2006. 240 с.
4. Сандакова М. В. О тенденциях развития непрямых относительных прилагательных с заимствованной основой // Языки культуры в цифровую эпоху:

Сборник статей по материалам Международной научной конференции "Языки и культуры в цифровую эпоху" / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. 436 с. С. 335-342.

5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1973. 304 с. EDN: SIRWWR
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: ЛЕНАНД, 2022. 434 с.
7. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984. 151 с.
8. Виноградов В. В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 288-295.
9. Соболева П. А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов // Проблемы структурной лингвистики 1976 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Издательство "Наука", 1978. С. 5-33.
10. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: ЛЕНАНД, 2019. 296 с.
11. Тихонов А. Н. Основные понятия русского словообразования // Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х томах. Т. I. М.: Русский язык, 1985. С. 18-52.
12. Баско Н. В. Словообразовательная антонимия в русском языке (лингвистический и методический аспекты) // Язык, сознание, коммуникация: Сборник научных статей, посвящённых памяти Г. И. Рожковой / Ред. Л. П. Клобукова, В. В. Красных. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6. 116 с. С. 51-59. EDN: UCGILH
13. Чупановская М. Н. Репрезентация противоположности в семантике производных антонимов (на материале словарей русского языка). Автореферат канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 22 с. EDN: NOWJRI
14. Роженцова Л. Н. Отражение как системообразующий фактор лексики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2011. № 2 (56). С. 4-7. EDN: NUAGYL
15. Словарь русского языка: в 4-х т. (МАС) / АН СССР, Ин-т русского языка; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
16. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Лопатин В. В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр "Азбуковник", 2007. 743 с. С. 267-271.
17. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1535 с.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр "Азбуковник", 2008. 1175 с.
19. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПбГУ, 2004. 166 с.
20. Ваулина Е. Ю. Современные представления о полисемии и типовая структура статьи в толковом словаре полного типа // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK122.pdf> (Дата обращения 15.09.2025). EDN: UOHFJR
21. Москвин В. П. Русская метафора: Опыт семиотического описания. Изд. 5-е, сущ. перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2024. 352 с.
22. Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа "Языки русской культуры", 2001. 552 с. С. XVI-XXIV. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Адъективная метафора: деривационно-семантическая модель окачества» предметом исследования является метафора относительных отсубстантивных прилагательных.

Автор применяет такие методы лингвистического исследования, как словообразовательный и семантический анализ, анализ толкования значения в лексикографических источниках, контекстуальный анализ. Актуальность статьи не вызывает сомнения в связи с неослабевающим вниманием современной лингвистике к вопросам лексической семантики, в частности полисемии, семантической деривации, типологии вторичных значений слова.

Научная новизна работы состоит в том, что автор рассматривает вторичное метафорическое качественное значение прилагательного в аспекте отражённой полисемии и предлагает для описания метафоризации деривационно-семантическую модель окачества относительного прилагательного.

Статья чётко структурирована: в первой части автор обращается к исследованиям грамматики и семантики прилагательного (работы А. М. Пешковского, В. В. Виноградова); лексической семантики, в частности явления отражённой омонимии и антонимии (работы О.С. Ахмановой, А.Н. Тихонова, О.П. Ермаковой) и др. Вполне логичен переход к второй части, где подробно описана деривационно-семантическая модель окачества, представленная в двух разновидностях: полной и лакунарной. Полная разновидность модели включает четыре компонента. Например, соотношение значений мотивирующего имени вершина ('верхняя часть чего-либо') – вершина ('о высшей ступени чего-либо') наследуется отсубстантивным прилагательным: вершинный ('такой, который относится к вершине') – вершинный ('высший; такой, который достиг самого высокого уровня'). Лакунарная разновидность возникает, если у мотивирующего имени отсутствует узуальное метафорическое значение: в языке существует адъективная метафора поверхностный ('несущественный, неосновательный') при отсутствии метафоры у мотиватора поверхность.

В статье отмечено, что разные метафорические значения одного и того же прилагательного могут реализовывать ту или иную разновидность модели: образование качественного значения медовый ('приятный') вписывается в полную разновидность модели, поскольку у слова мёд в языке есть значение 'о чём-то приятном'; медовый в значении 'цвета мёда; жёлтый' – в лакунарную, поскольку у слова мёд колоративное значение в словарях отсутствует. Автор показывает, что в основе метафорического переноса могут лежать объективные признаки эталонного объекта (чернильное пятно – чернильная темнота) либо коннотации (пещерные рисунки – пещерное мировоззрение). Исследование выполнено на обширном языковом материале художественных и публицистических текстов с привлечением лексикографических данных, а также материалов Национального корпуса русского языка.

Статья написана ясным языком, с соблюдением литературных норм и требований научного стиля.

Библиографический список коррелирует с содержанием статьи. Общее количество цитируемых источников – 22; среди них три толковых словаря; работ, изданных за последние пять лет, – четыре.

Выводы, к которым приходит автор, достаточно убедительны.

Интерес читательской аудитории может привлечь описание глубинных механизмов семантической деривации имени прилагательного, а также их реализация при образовании современных семантических неологизмов (атмосферный спектакль, прорывные технологии). Исследования в данном направлении представляются актуальными и перспективными.

Таким образом, статья рекомендуется к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Москвина В.А., Сотникова Е.В. Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв
// Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77326 EDN: RQUPYK URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77326

Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв.

Москвина Вероника Анатольевна

ORCID: 0000-0003-1428-7017

кандидат филологических наук

доцент; кафедра литературы и культурологии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Омский государственный педагогический университет"

644070, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Звездова, д. 101, кв. 212

✉ moskvina_va@mail.ru

Сотникова Елизавета Васильевна

бакалавр; филологический факультет; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Омский государственный педагогический университет"

644070, Россия, Омская обл., г. Омск, Центральный округ, ул. Звездова, д. 101, кв. 212

✉ liza.sotnikovaaa@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77326

EDN:

RQUPYK

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2025

Дата публикации:

22-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются песни, зафиксированные от представителей казачьих фамилий в поселениях, ранее составлявших Горькую

укрепленную линию Сибирского казачьего войска. Источником материала стали сборники Е.Я. Аркина «Запевает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области» (1999 г.) и «Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи» (2024). Цель работы – рассмотреть особенности варьирования текстов казачьих песен в условиях переселенческой культуры Среднего Прииртышья. Казачья песенная традиция Омской области представлена совокупностью разножанровых текстов: свадебные песни и необрядовая лирика, песни литературного происхождения. Ее локальная специфика складывается на общеславянской основе в результате взаимодействия различных региональных традиций: старожилов и поздних переселенцев – «самоходов», выходцев из Белоруссии, Украины, а также различных областей центральной России. Для вариативного анализа привлекался сравнительный материал, зафиксированный, в первую очередь, в регионах Сибири, а также фольклорные собрания, содержащие тексты песен, записанные в местах исконного проживания казаков. Традиционная казачья песня в современном бытовании представляет собой сложный синтез текстов как в жанровом аспекте, так и в отношении аутентичности ее вариантов и межпоколенной преемственности. В омских текстах выявляются общие черты песенного казачьего фольклора: историческая и воинская тематика, локальная приуроченность. Новизна исследования заключается в обращении к анализу поздних записей локальной песенной традиции, рассмотрению ее специфики в контексте изменяющихся исторических условий переселенческой культуры. Это позволило выявить основные тенденции варьирования текстов: во-первых, адаптацию песен к новым условиям бытования с помощью введения в текст местных топонимов или деталей, во-вторых, упрощение, сокращение текстов в соответствии с меняющимися условиями жизни казаков, и в-третьих, усиление лирического начала за счет сокращения повествовательно-описательных эпизодов.

Ключевые слова:

казачий фольклор, жанр, свадебная песня, строевая песня, песни литературного происхождения, локальный вариант, региональная традиция, вариативный анализ, сибирские казаки, переселенческая культура

Освоение Сибири и, в частности, Омского Прииртышья неразрывно связано с казачеством. Сибирские казаки сформировали особый пласт традиционной культуры, который почти полностью оказался утрачен в советский период. Целенаправленное исследование песенного фольклора сибирских казаков началось в постперестроечный период. Так, фольклор забайкальских казаков рассматривают Ю.В. Аргудяева, В.Л. Кляус, Л.П. Махова [\[1-3\]](#), публикацией и изучением песен кемеровских занимается Е.М. Бородина [\[4-6\]](#), песенные традиции алтайских казаков представлены в работах Н. И. Бондаревой, А. В. Мамеевой, В.И. Мотузной [\[7-8\]](#).

С 1951 г. в Омской области осуществляется систематическое собирание фольклора силами преподавателей и студентов Омского государственного педагогического университета. В фольклорном архиве вуза хранится богатейший материал, в котором, однако, нам не удалось обнаружить каких-либо указаний на принадлежность исполнителей к казачьему роду, т.к. носители казачьих традиций в советскую эпоху не могли открыто в этом признаться. Следовательно, однозначно определить отношение каких-либо записей к казачьему фольклору мы не можем. Поэтому для анализа песенного репертуара омских казаков мы выбрали публикации Е.Я. Аркина [\[9-11\]](#),

который, начиная с 1990-х гг., целенаправленно записывал песни от пожилых представителей казачьих фамилий.

Традиционная культура – это сложное и всеобъемлющее явление. Она оказывает влияние на все аспекты человеческой жизни, формируя этническую идентичность. Возрождение казачества совпало, с так называемым, фольклорным Ренессансом в России, который, по мнению Л. Олсон, проявился в двух направлениях: классическом, т.е. в стремлении передать со сцены аутентичное звучание, в фокусировке внимания на исторической и культурной ценности народных песен, и в экспериментальном, где традиция становится основой для инноваций, включаясь в джазовые и электронные музыкальные тексты, обогащаясь современными ритмами и приемами [\[121\]](#).

Современная жизнь казачьей песни – результат пересечения названных направлений. Со сцены в исполнении различных профессиональных и самодеятельных коллективов звучат наиболее яркие произведения из репертуара донских и кубанских творческих коллективов. Эти песни стали стереотипом традиционной казачьей культуры, их мотивы используются как электронные семплы. Поэтому так важно выявить и проанализировать образцы песен локальной традиции в их естественном (даже в пассивном) бытовании.

Обрядовый фольклор представлен свадебными песнями, зафиксированными в казачьем поселении Первотаровка Исилюльского района Омской области. Данное поселение возникло в XVIII в. как казачий редут на Горькой линии, т.е. укрепленном рубеже, защищавшем Прииртышье от набегов степняков. Когда редут утратил свое военное значение, сюда стали переселяться крестьяне из Черноземья, а также Смоленщины и Черниговщины.

В сборнике «Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи» Е. Я. Аркина два варианта свадебной песни с широко распространенным зачином: «Уж как по морю, по морю». Однако сюжетную ситуацию в данных вариантах можно назвать уникальной, т.к. в сборниках обрядовой поэзии варианты нам обнаружить не удалось.

Первый вариант записан в 1991 г. от Дарьи Павловны Кульневой (1917), местной уроженки. Песня исполнялась, когда жених приезжал за невестой в день венчания. Жених ожидал на улице, а невеста на песне причитала.

Уж как по морю-мо...рю,

Вдоль по синему мо...рю.

Там(а) плыли-ли-поплы...ли

Три-четыре утё...о-нушка.

Уж как пятый утёнуш,

Он назадъ вороти...ил(ы)ся.

Вот садились утенуш,

Он на крутой бережо...чек(ы).

На желтый, мелкий песо...чек,

Да умывались утёнуш.

Что водой ключево...ю,

Да утиралысь утё...нуш.

Да утиралысь утё...нуш,

Что травой шалковой [\[11, с. 12\]](#).

Второй вариант зафиксирован от Кристины Петровны Полукаровой (1898) и Анны Павловны Щербининой (1912), потомственных казачек. Здесь варьируется вторая часть песни, включающая монолог:

...Что назадь воротился:

– Меня тятенька кличет.

Меня тятенька кличет,

Еще тут мне не спутье.

Еще тут мне не спутье.

Не милое приголубство [\[11, с. 13\]](#).

В первотаровских вариантах основной персонаж – утенуш. По функциям и по смыслу это лирическая свадебная песня, выражающая состояние невесты перед венцом. А.В. Гура отмечает: «В восточнославянских песнях, прежде всего свадебных, утка, как и некоторые другие птицы (лебедь, перепелка, иволга, галка), распространенный образ девушки, невесты, а селезень – жениха» [\[13, с. 669\]](#). В «Словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» зафиксирован фразеологизм «Утку покупать», т.е. свататься [\[14, с. 260\]](#).

Образ утки, плавающей по морю, встречается в свадебной лирике сибирских белорусов-переселенцев. Этот мотив чаще всего включен в состав формулы двучленного параллелизма: «Там уточка купалася / Там Олечка прибиралася» [\[15, № 37\]](#); «На море уточка й купалася, / Своему перьку дивовалася... / У каморе девочка умывалася» [\[15, № 71\]](#); «На море уточка да купалася, / На своё перьейка любовалася... / В каморке девица бело мылася, / На свое личико любовалася» [\[15, № 73\]](#); «На море уточка пакупалася, / Вылезши на берег абтиралася... / В терему й Катенька нарижалася, / На сваё личика любовалася й» [\[15, № 74\]](#). Эти песни, построенные на двучленном параллелизме, исполняются во время сборов невесты к венцу и наиболее близки к первому варианту из Первотаровки, который в отличие от белорусских строится на одночленном параллелизме.

Некоторые переключки со вторым первотаровским вариантом можно увидеть в белорусских песнях-расставаниях молодой с родителями:

Плыла утица водою,

А утиняты за нею

Речкою быстрою,

Травой шелковой...

Однако во второй части песни не отец зовет свою дочь, а она его:

Ишла Светочка в(ы) камору,

Звала батюшку с собою:

– Батюшка родненький,

Разлука нам с тобой [\[15, № 258\]](#).

По месту в обряде эти тексты также не совпадают с первотаровским вариантом.

От К. П. Полукаровой и А. П. Щербининой записана еще одна свадебная песня «У нас свашенька да богата». Сам текст короткий, состоит из 8 строк:

У нас свашенька да богата,

Да богата.

Она с гривны на гривну наступала

Наступала, да.

Не рублевые ворота открывала,

Открывала, да.

Не полтинай ворота закрывала,

Закрывала [\[11, с. 17\]](#).

Эта величальная песня известна в разных местах Сибири. Так величают сваху, дружку и других свадебных чинов. Сходный вариант этой песни, зафиксированный в Красноярском крае, опубликован в сборнике «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» [\[16, № 232\]](#). В нем сваха бросает «полтиннички» в стороны, наделяет нищих и убогих и рублем отпирает двери. Два текста представлены в книге «Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья» [\[17, с. 196, 207\]](#). В одном варианте свашенька «миллиёными ворота открывала» [\[17, с. 207\]](#), в другом, более полном, сватушка открывает не ворота, а шкатулку золотым ключом. В ней деньги, которые сватушка дает девушкам на «белины» и румяна. Таким образом, варьирование касается величины богатства свахи и ее щедрости. По сравнению с этими вариантами в тексте из казачьего поселения наблюдаются следы разрушения, искажения смысла.

Свадебная песня «Уж ты ласточка касатая» из электронной версии сборника Е. Я. Аркина «Запеваает казак песнь», по определению составителя, является казачьей. Записана песня во время экспедиции 2005 г. в одном из казачьих поселений Горькой линии:

Уж ты ласточка касатая,

Да перепело...чка крылатая.

Ты зачем рано вылетывала,

Да из своего теплого гнездушка?

Не сама собой вылетывала,

Не сама я собой выходила.
Не сама я собой выходила,
Да выводила княжна-свашенька.
Да выводила княжна-свашенька,
Она садила меня за дубовый стол.
Она садила меня за дубовый стол,
Да возле добра молодца.
Да отдает меня родимый тятенька,
Присудила родна мамоника [\[9\]](#).

В сборнике «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть» представлены четыре варианта данной песни. Три варианта исполняются на девичнике. Текст, записанный в 1968 г. в с. Корнилово Томского района Томской области, начинается так же, только выгоняет девушку-невесту из гнездышка «ясён сокол». Затем она обращается к подружкам и говорит, что «приневолила родная матушка, да посоветовали люди добрые», а далее описывает «чужу дальнюю сторонушку», которая усажена садами, пригорожена виноградами, сахаром усыпана и слезами улита [\[18, № 29\]](#). В этом же сборнике в комментариях указан еще один самый короткий вариант данной песни [\[18, с. 382\]](#). Записан он в 1990-1991 гг. в д. Лебяжье Сорокинского района Томской области.

В с. Крутинка Омской области в 1952 г. был зафиксирован вариант «Да ты, ласточка, ласточка, / Да сизокрылая, касатая» [\[16, № 30\]](#), в котором ласточка вылетает из гнезда, потому что его подмочили сильные дожди.

Схожий с предыдущим четвертый вариант данной песни «Ласточка касатая» [\[16, № 134\]](#), записанный до 1913 г. в Бухтарминской долине (Южный Алтай) от староверов-каменщиков, наиболее полный. Он исполняется в ожидании свадебного поезда. Ласточка рассказывает о том, что ей пришлось вылететь из гнездышка, так как накатилась туча с громом и молнией, пошел дождь, и оно промокло. А «чужа дальна сторонушка» в данном варианте усыпана «узюмом», «исполёвана» медом и слезами.

Еще два варианта есть в сборнике «Свадебные песни Томского Приобья. Народные песни, записанные в Томской области» [\[18, с. 42\]](#) и книге «Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожилов Омского Прииртышья» [\[17, с. 121\]](#).

Таким образом, нами обнаружено шесть сибирских вариантов данной песни. Никаких пометок, что это казачья песня в комментариях к ним нет. Большое количество известных вариантов говорит о ее популярности, а также указывает на схожесть свадебного обрядового репертуара у казаков и русских. В целом рассмотренные свадебные песни, зафиксированные от потомственных казачек, имеют восточнославянскую основу и демонстрируют взаимодействие разных переселенческих традиций.

Историческая тематика в казачьей лирике, исследованию которой посвящены работы Е. М. Бородиной [\[4-6\]](#), В. Л. Кляуса [\[2-3\]](#), Е.В. Белоусовой [\[19\]](#) и др., является

специфической чертой устного творчества казаков. История в лирике становится фоном, на котором раскрывается внутренний мир героя-казака.

В корпусе необрядовых казачьих песен, собранных в Омском Прииртышье, можно выделить особую группу текстов, записанных от потомственных казаков, переселившихся в с. Соляное Черлакского района Омской области в 1950-х гг. из Маньчжурской области Китая. Как отмечают В. Л. Кляус и В. П. Махова: «Историко-культурные, социальные, политические обстоятельства жизни эмигрировавших в Китай забайкальцев фактически законсервировали до 1960-х гг. казачий уклад <...> Это позволило поколению забайкальских эмигрантов 1930–1940-х гг. рождения естественным образом перенять от старших песенную и танцевальную культуру, обрядовые традиции» [\[3, с. 89\]](#). Эти песни отличаются хорошей сохранностью и полнотой текстов.

Песня «Из-за леса, леса копий да мечей» [\[10, № 21\]](#) относится к жанру строевых. В примечаниях собирателя читаем: «Записана в с. Соляное Черлакского района от Н. Н. Морозовой (1934), род. в пос. Верхняя Урга Трехреченского района Маньчжурской области Китая, А. А. Макаровой (1935), род. в пос. Верхняя Урга Трехреченского района. Обе с 1955 г. живут в с. Соляном» и «В. С. Бочкарева (1940), род. в пос. Верхний Кулий Трехреченского района Маньчжурской области Китая. В с. Соляном с 1955 г.»:

Из-за леса, леса копий да мечей,
Едет сотня казаков-усачей,
Эй, эй, говорят,
Едет сотня казаков-усачей.
Впереди их есаулик молодой,
Ведет сотню казаков за собой,
Эй, эй, говорят,
Ведет сотню казаков за собой.
«Вы казаченьки, лихие усачи,
Пики в руки, сами по полю скачи,
Эй, эй, говорят,
Пики в руки, сами по полю скачи!»
Проезжали мы большие города,
Все красавицы кричали нам «Ура!»
Эй, эй, говорят,
Все красавицы кричали нам «Ура!»
Проезжали мы сибирские мосты,
Все красавицы бросали нам цветы,

Эй, эй, говорят,
Все красавицы бросали нам цветы.
На завалах мы стояли как стена,
Пуля сыпалась, жужжала как пчела,
Эй, эй, говорят,
Пуля сыпалась, жужжала как пчела.
Не боимся мы ни пуль и ни снаряд,
Разобьем мы весь их вражеский отряд,
Эй, эй, говорят,
Разобьем мы весь их вражеский отряд! [\[10, с. 139\]](#).

В сборнике П. С. Выходцева «Лирические песни» в разделе «Казачьи песни» мы нашли два варианта данной песни «Из лесу лес копий и мечей» [\[20, с. 453\]](#) и «Из-за леса, из-за гор, из-за щелей» [\[20, с. 454\]](#). В первом варианте, записанном от Л. А. Кутюковой в 1976 г. в Казахской ССР, Талды-Курганской области, сотня казаков-усачей едет разбивать басмаческий отряд, тогда как в омском тексте – вражеский отряд. В сборнике П. С. Выходцева «На границе мы стояли, как стена», а не на «завалах». В казахстанском варианте: «Уж вы, братцы, семиречи-казаки», «И вернемся в Семиречию опять, С молодыми семиречками да гулять», а в омском «Проезжали мы сибирские мосты».

Второй вариант из сборника П. С. Выходцева записан в 1964 г. в Краснодарском крае, станице Прочноокопской от Е. Н. Травкина (56 л.). В этом варианте пуля ранила молодого командира и «в поле алыми цветами расцвела».

В песенном архиве ансамбля «Казачий круг» мы нашли еще один вариант этой песни. Перед текстом песни есть пометка, что это строевая походная песня донских казаков «Пуля ранила донского казака» [\[https://2009.kaz-krug.ru/pesniarch/85-iz-zalesu.html\]](https://2009.kaz-krug.ru/pesniarch/85-iz-zalesu.html).

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» мы встретили еще один вариант данной песни (Книга первая. Часть третья, XXIV). По сюжету романа Григорий услышал эту песню в Нижне-Яблоновском хуторе Вешенского Юрта:

А из-за леса блещут копия мечей.
Едет сотня казаков-усачей.
Попереди офицер молодой,
Ведет сотню казаков за собой.
За мной, братцы, не робей, не робей!
На завалы поспешай поскорей.
А кто первый до завалов добежит,
Тому честь, и крест, и слава надлежит.

На завалах мы стояли, как стена.

Пуля сыпалась, летела, как пчела.

А и что это за донские казаки –

Они рубят и сажают на штыки.

В песне из романа М. А. Шолохова казаки получают награду за смелость и воинское умение, чего нет в сибирских и казахстанском вариантах. В варианте Шолохова представлена исключительно военная ситуация, тогда как в более поздних текстах появляются красавицы, которые бросают цветы, или молодые семиречки, с которыми казаки гуляют. Возможно, Шолохов корректирует народный вариант песни в соответствие с художественным замыслом.

В варианте из сборника В.Г. Захарченко «Народные песни Кубани» (Краснодар, 1987. С. 286) финал трагичен: «Молодого казаченьку ранило», а сами казаки «красные»: «Ведет красных казаков за собой». Можем предположить, что вариант этой песни возник либо во время Гражданской войны в 1917-1922 гг., либо это обработка В.Г. Захарченко в соответствии с идеалами советской эпохи.

Песня «Из-за леса, леса копий да мечей» является популярной в казачьей среде и демонстрирует широкую географию распространения, что отражается в локальной приуроченности вариантов.

Казачья песня «Отслужил казак три года» записана в с. Николаевка, Москаленского района в 1991 г. от Зинаиды Павловны Михайлист (1936), Раисы Андреевны Карабан (1934), Лидии Павловны Труновой (1930), Екатерины Александровны Мастеровой (1959), потомственных казачек:

Отслужил казак три года,

Стал к себе коня ласкать:

«Конь мой милый, конь ретивый,

Увези меня домой!

Увези меня домой, да

К отцу, к матери родной!

Увези меня домой, да

К отцу, к матери родной!»

Прискакал к родному дому,

Дом разваленный стоит.

Вышел дядя, вышел родный,

Все подробно рассказал.

Твоего отца убили,

Мать живьем в костре сожгли.

Твои сестры вышли замуж,
Братья поженились.
Повернул коня налево,
В чисто поле поскакал,
Вынул саблю, вынул востру,
Жизнь покончил навсегда [\[9\]](#).

В сборнике «Песни сибирских казаков Горькой линии», помимо названного варианта, есть еще один под названием «Прослужил казак». В примечании указано, что данная песня строевая. Записана она в 1991 г. в с. Степном Марьяновского района от Анастасии Андреевны Захаровой (1916), Галины Ивановны Прокоп (1928), казачек. Сюжет тот же, но в финале казак покончил с жизнью не саблей, а застрелился из винтовки:

Повернул коня налево,
В чисто поле поскакал.
Снял с плеча свою винтовку,
Жизнь покончил навсегда [\[11, с. 64\]](#).

На сайте «Казачьи песни» мы нашли вариант, записанный подъесаулом Л. Г. Чернявским в ст. Богуславская в 1904 г. от казака Оренбургского казачьего войска Полуднева [\[http://cossackssong.ru/prosluzhil-kazak-tri-goda/\]](http://cossackssong.ru/prosluzhil-kazak-tri-goda/). В песне казак приезжает в родные края и встречает соседа, который и сообщает ему печальную новость. Но казак не покончил с жизнью в поле, а отправился на кладбище, «где нашел своих родных».

Четвертый вариант представлен в сборнике «Песни Оренбургского казачества», записанный П.А. Малым в Бердах в 1936 г. от участников местного казачьего хора, организованного Андреем Ивановичем Воробьевым. Песня заканчивается:

Подбегает конь к воротам,
Конь ворота не узнал:
Весь мой двор был разгорожен
И оброс густой травой.
Все родные на кладбище,
Ох, и травой заросли

[\[https://berdskasloboda.ru/pesni-orenburgskogo-kazachestva/\]](https://berdskasloboda.ru/pesni-orenburgskogo-kazachestva/).

Схожий пятый вариант зафиксирован в Северном районе Оренбургской области (1987). Варьируется финал: милая рассказывает казаку, что «Этыт горыд разорён, / Разорённый етыт горыд, ве... весь халерый пахищён». Казак на кладбище находит могилу матери и говорит: «Встань, проснися, моя ды родная да, сы... сын со службы да твой пришёл» [\[21, № 183\]](#).

В варианте из сборника «Песни уральских казаков» сосед сообщает, что его молодая жена ушла к отцу и к матери:

Тут сосед к нему выходит,

Слово ласково сказал:

— Двор(ы) твой(и) брошен(ы), ра(ая)згорожен,

Он(ы) да зарос гус(ы)той травой.

Двор твой брошен, разгорожен,

Он зарос густой травой,

А жена(я) да тво(а)я да мла(я)дая

К от(ы)цу, к ма(я)тери(йи) да(я) ушла [\[22, с. 72\]](#).

В сборнике «Казачьи песни» Ю. С. Бирюкова опубликованы два варианта этой песни. Более полный вариант начинается со слов «Конь мой верный, конь ретивый», а в финале казак едет на кладбище, находит могилы своих родных и просит сырую землю: «Расступись, земля сырая, / Прими сына своего. / Я пришел к тебе, родная, / Мне не нужно ничего...». Во втором варианте все соседи вышли рассказывать казаку, что его родители умерли. После чего казак повернул налево и поскакал в чистое поле [<http://a-resni.org/kazaki/konmojvern.htm>].

Еще один вариант, записанный в г. Колпашево Томской области, есть в сборнике «Сибирские народные песни» [Новосибирск, 1957, с. 134-135] в разделе «Современные сибирские народные песни». Запись была сделана композиторами А. Новиковым и В. Левашовым. Только поется не о казаке, а о солдате, который приезжает в родные края и не верит своим глазам: там, где была степь, теперь растут дубравы, волны шумят в озере, в каждом доме горит свет, зреет виноград, и вся деревня превратилась в южный сад. Песня заканчивается:

И расправил гордо плечи

Бравый парень на коне.

Хорошо жить и трудиться

В нашей радостной стране.

В свой роман «Горькая линия», написанный в 1929 г., И. П. Шухов включает вариант рассматриваемой песни: казак встречает казачку, которая идет за водой и ему сообщает, что никто его дома не ждет: «Двор зарос глухой травой». После услышанного, казак поник головой: «Сирота в краю родном!» (Астана, 2009. С. 16–17).

Таким образом, нами обнаружено десять вариантов песни «Отслужил казак три года», что говорит о ее популярности. В ходе нашего исследования выявлены варианты, в большинстве связанные с казачьими локальными традициями. Текст из Томской области, где главный герой не казак, а солдат, свидетельствует о переработке традиционного текста в соответствии с запросом советской эпохи.

Важной частью казачьей песенной традиции стали песни литературного происхождения. Например, «Встала-проснулася зоренька алая», записанная от исполнителей с.

Соляного:

Встала-проснулася зоренька алая,
Слышится звон от подков.
Едет с набегом станица удалая –
Сотня лихих казаков.
Будь же здорова, моя чернобровая,
Жди жениха, так скучай,
Пусть не томит тебя дума глубокая,
Жив я, вернусь, так встречай.
Крепка надежная сбруюшка ратная,
Конь мой – лихой аргамак,
Пика каленая, сабля булатная,
Сам молодец я, казак!
Вот показались аулы опасные,
Пуля за пулей летит,
Мчатся казаки, как сила бесстрашная,
Пыль под копытом пылит.
Мчится по полю, как буря ужасная
Верный его аргамак.
Кровью облитый лежит умирающий,
Пулей сраженный казак! [\[10, № 20\]](#).

Данная песня – народная обработка стихотворения «Жених» из сборника «Казачьи стихотворения» А. Б. Карпова (Уральск, 1910. С. 6). Локальная приуроченность выражена в строке «Вот показались аулы опасные». Топос «аулы» отражает реальные задачи сибирских казаков – охранять пограничные территории от набегов степняков. Стихотворение «Жених» заканчивается встречей вернувшихся из похода казаков, невеста видит тело своего жениха, привязанное к седлу. Народная обработка авторского текста заключена в его сокращении, опущении подробностей набег и трагического конца, что делает текст не привязанным к определенному историческому событию. В результате исторический фон приобретает обобщенный характер, а песенный текст становится понятным и близким в разных региональных традициях.

«Конь боевой с походным व्यюком» – песня из электронной версии сборника «Запеваает казак песнь» Е. Я. Аркина:

Конь боевой с походным व्यюком
У церкви ржет, кого-то ждет

В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,
Ведет коня из церкви прямо,
С отцом, в кругу своих родных.

Жена подводит коня мужу,
Племянник пику подает,
Отец сказал: «Сынок, послушай
Моих речей ты наперед.

Вот эта пика роковая,
Подруга верная моя,
Вот это сабля боевая,
С ней бился дед, и бился я.

Дарю коня тебе гнедого,
Конь боевой был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня» [\[9\]](#).

В различных источниках указывается, что данная песня литературного происхождения. В ее основе лежит стихотворение «Напутствие казаку» из сборника «Казачьи досуги» донского поэта А. Туроверова (СПб: типография Якова Трея, 1858. С. 114). В стихотворении особое внимание уделено монологу отца, который послужил государю. Теперь черед сына-казака, Бог его благословит на подвиги. Отец рассказывает сыну об их славном казачьем роде и дарит коня, дает наставления об уходе за верным другом, дарит винтовку («У горца я отбил плутовку»), пику и шашку. Также отец советует, как нужно вести себя с товарищами, с командиром, и просит простить и не забывать свою семью, быть полезным на службе. Народная песня намного короче стихотворения А. Туроверова: в ней опущены подробности речи отца, его наставления и благословение. Благодаря этому текст песни стал более лаконичным, легким в исполнении.

В сборнике «Песни донских казаков» А. М. Листопадова мы нашли еще один вариант данной песни: «Конь – верный друг» ржет не у церкви, а у школы. И слезы льет не молодка, а мать. Отец обращается с речью, но дарит не пику и саблю, а только коня.

Казак садится верхом, к нему подходит плачущая жена, и он обещает ей вернуться через три года. В примечании указано: «Текст, переработанный казаками-песенниками из стихотворения донского поэта Туроверова, с значительными сокращениями, известен на Дону во многих вариантах. Настоящий вариант текста получен мною от одного из песенников хорового кружка казаков-грузчиков водной пристани г. Калача на Дону, от которых записан и напев» [\[23, с. 304\]](#). Текст записан в 1939 г. Мы видим, что данный вариант незначительно отличается от сибирского, но добавлено в финале прощание с женой, которого нет и у А. Туроверова.

1. Конь боевой с походным вьюком

У школы ржёт, кого-то ждёт,

2. А возле бабка плачет с внуком,

И мать ручьями слезы льёт.

3. Вот из дверей военной школы

Казак с приказом сам идёт,

4. Отец коня ему подводит

И речь такую он ведёт:

5. «Коня даю тебе лихого.

Он верный друг был у меня,

6. Он твоего отца родного

Носил в огонь и из огня.

7. Конь боевой всего дороже,

И ты, сынок, им дорожи,

8. И лучше сам ты ешь похуже,

Коня же в холье содержи!»

9. В седло казак садится смело.

Племянник пику подаёт,

10. Жена проститься с ним подходит,

Сама же горьки слезы льёт.

11. «Напрасно ты. родная, плачешь,

Напрасно слёзочки ты льёшь,—

12. Я через три года вернусь,

Счастливо жизнь наша пойдёт» [\[23, с. 303\]](#).

Рассмотренные песни представляют корпус текстов, не вызывающих сомнения в их принадлежности к традиционной культуре сибирских казаков.

Заключение

Традиционная казачья песня в современном бытовании представляет собой сложный синтез текстов как в жанровом аспекте, так и в отношении аутентичности ее вариантов и межпоколенной преемственности. Поэтому для вариативного анализа нами был выбран ограниченный корпус произведений из обрядового фольклора, строевых песен и песен литературного происхождения. Вариативный анализ проводился через сопоставление Прииртышских текстов с опубликованными разновременными записями из разных регионов.

Обрядовые свадебные песни отразили переселенческий характер сибирского казачьего фольклора, который включает как широко известные произведения, так и уникальные, представляющие контаминацию мотивов разных славянских переселенческих традиций.

Необрядовая лирика казаков и ее важная часть – строевые песни известна в разных регионах. Вариативный анализ выявил основные тенденции в изменемости текстов: во-первых, адаптация песен к новым условиям бытования с помощью введения в текст местных топонимов или деталей, во-вторых, упрощение, сокращение текстов в соответствие с меняющимися условиями жизни казаков, и в-третьих, усиление лирического начала за счет сокращения повествовательно-описательных эпизодов.

Представленные в статье тексты — это лишь часть песенного наследия казаков Омского Прииртышья. Однако целый ряд поздних записей, относимых собирателями к сибирской казачьей необрядовой лирике, требуют дополнительной атрибуции, т. к. репертуар современных исполнителей казачьей песни формируется не только за счёт естественной трансмиссии традиции, но и в процессе фольклоризации эстрадных образцов. В этом мы видим перспективы исследования региональной песенной культуры казаков.

Библиография

1. Аргудяева, Ю. В. Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.) / отв. ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2016. EDN: YOVBSL.
2. Кляус, В. Л. Русское Трёхречье Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
3. Кляус, В. Л., Махова, Л. П. По диким пустыням Китая – песня из репертуара забайкальских казаков Австралии: к истории текста и мелоса // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 4. С. 64-92. EDN: VQWYXQ.
4. Бородина, Е. М. Воинские песни сибирских казаков: тематика, образы и мотивы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 18. С. 73-79. EDN: OWZXPf.
5. Бородина, Е. М. Песни казаков-станичников Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 208-213. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-208-213. EDN: QLOAXM.
6. Бородина, Е. М. Отражение исторической действительности в казачьем песенном фольклоре // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1(1). С. 61-71. EDN: HJZLYZ.
7. Бондарева, Н. И. Проснулась да станица: культурно-бытовые традиции чарышского казачества / Н. И. Бондарева, А. В. Мамеева [и др.]. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006.
8. Мотузная, В. И. Основы импровизационности в песенном фольклоре (на основе лирики казаков Алтая) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы IV научно-практической конференции, Барнаул, 18-20 апреля 2001 года / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой. Вып. 4. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая

академия, 2001. С. 150-165. EDN: TOGTSN.

9. Аркин, Е. Я. Запеваает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области. URL: <https://omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/zvukovaya-antologiya/zapevaet-kazak-pesn/> (Дата обращения: 10.12.2025).

10. Аркин, Е. Я. Запеваает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области. Омск: Наследие, 1999.

11. Аркин, Е. Я. Песни сибирских казаков Горькой линии. Поздний период записи. Сборник песен со звуковым приложением. Омск: Типография "Золотой тираж" (ООО "Омскбланкиздат"), 2024.

12. Olson, L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. London; New York: Routledge, 2004.

13. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Изд-во "Индрик", 1997. EDN: ТОНУМН.

14. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. Т. 3 / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993.

15. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть I: Семейно-обрядовые песни и причитания / сост. Н. В. Леонова (отв. сост.), Т. Г. Леонова, Л. М. Свиридова, Т. Б. Варфоломеева, К. П. Кабашников, А. С. Федосик; отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск: Наука, 2011.

16. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова; отв. ред. Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 2002.

17. Тюкалинская свадьба. Свадебные традиции русских старожиллов Омского Прииртышья: монография / В. Ю. Багринцева, М. А. Жигунова, Н. К. Козлова, Н. И. Лаптев, Т. М. Репина, О. Г. Сидорская / под ред. В. Ю. Багринцевой. Омск: Типография "Золотой тираж" (ООО "Омскбланкиздат"), 2023.

18. Свадебные песни Томского Приобья: Народные песни, записанные в Томской области / запись, сост., примеч. А. Мехнецова; предисл. А. Мехнецова и Е. Валиевской. Ленинград; М.: Сов. композитор, 1977.

19. Белоусова, Е. В. Подвиги Сталинграда в казачьем фольклоре // Сталинградская битва в историко-культурной памяти народов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы в Сталинградской битве, Волгоград, 03 февраля 2023 года. Волгоград: ИП Никулина М. Г., 2023. С. 211-217. EDN: KZMKGD.

20. Лирические песни / сост., предисл., подгот. текстов и примеч. П. С. Выходцева. М.: Современник, 1990.

21. Золотая коллекция музыкального фольклора казаков России / ред.-сост. Л. М. Белогурова, И. А. Никитина; Благотворительный фонд Фридриха Липса. М.: Российская академия музыки имени Гнесиных, 2023.

22. Песни уральских казаков / запись, нотирование, сост., вступ. статья и коммент. Т. И. Калужниковой. Екатеринбург: Сфера, 1998.

23. Листопадов, А. М. Песни донских казаков. Т. 2 / под общ. ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Музгиз, 1950.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования данной работы достаточно интересен, автор ориентирован на анализ песенного фольклора казаков Омского Прииртышья. Как отмечается в начале труда, «целенаправленное исследование песенного фольклора сибирских казаков началось в постперестроечный период. Так, фольклор забайкальских казаков рассматривают Ю.В. Аргудяева, В.Л. Кляус, Л.П. Махова [1-3], публикацией и изучением песен кемеровских занимается Е.М. Бородина [4-6], песенные традиции алтайских казаков представлены в работах Н. И. Бондаревой, А. В. Мамеевой, В.И. Мотузной [7-8]». Следовательно работа вполне оправдана, мотивирована. Общего объема достаточно для раскрытия темы, решения исследовательских задач. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, «С 1951 г. в Омской области осуществляется систематическое собирание фольклора силами преподавателей и студентов Омского государственного педагогического университета. В фольклорном архиве вуза хранится богатейший материал, в котором, однако, нам не удалось обнаружить каких-либо указаний на принадлежность исполнителей к казачьему роду, т.к. носители казачьих традиций в советскую эпоху не могли открыто в этом признаться. Следовательно, однозначно определить отношение каких-либо записей к казачьему фольклору мы не можем. Поэтому для анализа песенного репертуара омских казаков мы выбрали публикации Е.Я. Аркина [9–11], который, начиная с 1990-х гг., целенаправленно записывал песни от пожилых представителей казачьих фамилий» и т.д. Материал информативен, содержателен, его можно использовать в рбежимер практики. Иллюстративный фон достаточен; считаю, что автору удалось полновесно раскрыть суть проблемы. Методы исследования соответствуют новым научным наработкам. Автор в финале констатирует, что «представленные в статье тексты — это лишь часть песенного наследия казаков Омского Прииртышья. Однако целый ряд поздних записей, относимых собирателями к сибирской казачьей необрядовой лирике, требуют дополнительной атрибуции, т. к. репертуар современных исполнителей казачьей песни формируется не только за счёт естественной трансмиссии традиции, но и в процессе фольклоризации эстрадных образцов. В этом мы видим перспективы исследования региональной песенной культуры казаков». Цитаты / ссылки на источники включены верно: например, «в сборнике «Песни донских казаков» А. М. Листопадова мы нашли еще один вариант данной песни: «Конь – верный друг» ржет не у церкви, а у школы. И слезы льет не молодка, а мать. Отец обращается с речью, но дарит не пику и саблю, а только коня. Казак садится верхом, к нему подходит плачущая жена, и он обещает ей вернуться через три года. В примечании указано: «Текст, переработанный казаками-песенниками из стихотворения донского поэта Туроверова, с значительными сокращениями, известен на Дону во многих вариантах. Настоящий вариант текста получен мною от одного из песенников хорового кружка казаков-грузчиков водной пристани г. Калача на Дону, от которых записан и напев» [23, с. 304]». Общие требования издания учтены, фактическая правка текста излишня. Рекомендую статью «Песенный фольклор казаков Омского Прииртышья в записях конца XX–XXI вв.» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ряшенкова А.А. Анализ речевого портрета учителя (на материале Интернет-блога) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.75886 EDN: QUTNMI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75886

Анализ речевого портрета учителя (на материале Интернет-блога)

Ряшенкова Александра Александровна

преподаватель; кафедра иностранных языков; Уральский государственный экономический университет
аспирант; кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного;
Уральский государственный педагогический университет

620144, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Народной Воли, 45, каб. 519

✉ ryashenckova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.75886

EDN:

QUTNMI

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Дата публикации:

23-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является речевой портрет современного китайского педагога, представленный в формате видеоблога. В рамках анализа внимание сосредотачивается на изучении лексических, синтаксических и прагматических особенностей речи блогера, а также на выявлении стратегий, с помощью которых педагог формирует собственный образ в цифровом пространстве. Предмет исследования охватывает взаимодействие личностных и профессиональных характеристик говорящего, проявляющихся в его речевом поведении, использование экспрессивных и разговорных средств, риторических вопросов, модальных частиц, а также включение элементов повседневного и молодежного дискурса. При этом речевая практика педагога рассматривается не только как отражение индивидуального стиля общения, но и как значимый феномен в контексте трансформации педагогической

профессии под влиянием массовой культуры, интернет-среды и цифровизации образования. Методологической основой исследования послужило сочетание индуктивно-дедуктивного подхода и описательного метода. В качестве основного метода применяется компонентный анализ. Основными выводами проведенного исследования можно назвать то, что речевой портрет педагога-блогера характеризуется динамичностью, эмоциональной насыщенностью, ориентацией на вовлечение аудитории и формирование собственного имиджа. Использование коротких синтаксических конструкций, разговорной и молодежной лексики, сленговых выражений и экспрессивных средств способствует созданию ощущения искренности и близости. Включение бытовых деталей и открытое выражение личных переживаний разрушает дистанцию между учителем и его аудиторией, что формирует образ педагога как не только носителя знаний, но и как человека, разделяющего ценности и жизненные реалии своей аудитории. Таким образом, исследование подтверждает, что цифровая среда трансформирует педагогический дискурс, превращая его в инструмент формирования доверительных отношений и гуманистически ориентированной образовательной коммуникации.

Ключевые слова:

лингвоперсонология, речевой портрет, портретирование, речевое портретирование, социальные сети, СМИ, китайский язык, Китай, блог, учитель

Образование всегда играло ключевую роль в китайском обществе как средство социальной мобильности и культурного развития. Так, императорская экзаменационная система кэцзюй (科举) в Китае обеспечивала доступ к государственным должностям не только представителям знатных и богатых семей, но и способным выпускникам, что способствовало формированию меритократического принципа в управлении страной [\[17, с. 37\]](#).

Современные реалии вносят существенные коррективы в восприятие педагогической профессии. Культурные традиции и исторические установки, в частности конфуцианские представления о высокой социальной значимости и моральном авторитете учителя, претерпели изменения под влиянием экономического развития и цифровой среды [\[3, с. 83\]](#). Так, высокий темп жизни в научной и преподавательской сфере приводит к потере чувства принадлежности, взаимодействие преподавателей со студентами сводится к формальному и безличностным, академическая деятельность смещается от идеи «学术为业» («служение науке как призвание») к «学术为生» («академический труд как средство выживания»), а недостаток свободного времени порождает тревогу из-за ощущения нехватки времени. Как итог, образ преподавателя от «知识分子» («образованные люди», «интеллигенция») переходит к образу «学术工人» («научные работники»), ориентированного прежде всего на выполнение измеряемых показателей. [\[21\]](#).

Трансформация системы ценностей в значительной мере определяется влиянием массовой культуры, транслируемой через средства массовой информации и цифровое пространство. Основой массовой культуры выступает гедонистическая ориентация, сосредоточенная на культивировании удовольствия и развлечений [\[1, с. 36\]](#). Вместе с тем следует учитывать, что само понятие «массовая культура» в китайском контексте имеет особую специфику: традиционно оно охватывало все социальные слои и имело более широкий смысл, нежели его западный аналог. Однако в современных исследованиях

китайских культурологов подчеркивается, что данное понятие постепенно сближается с западной трактовкой, приобретая ее характерные черты – коммерциализацию, ориентацию на индустрию развлечений, упрощение содержания и выраженную секуляризацию [16, с. 10]. Стоит отметить, что в условиях китайской социокультурной реальности процессы культурной трансформации рассматриваются не как побочный феномен, а как основополагающий механизм, обеспечивающий значительные изменения в обществе [3, с. 214].

Известно, что язык является носителем коллективного опыта определенного человеческого общества. Он выполняет гораздо более сложную функцию, чем просто средство общения: язык служит механизмом, через который общество накапливает, сохраняет и передает знания, традиции, ценности и формы мышления, сложившиеся в процессе исторического развития. В языке фиксируются представления народа о мире, его культурная память и особенности мировоззрения. С. Г. Тер-Минасова утверждает, что язык представляет собой мощный социальный инструмент, формирующий этническую и национальную идентичность через сохранение и передачу культурных смыслов и традиций. Таким образом, язык не просто отражает изменения в обществе, но и сам влияет на их характер, выступая активным участником культурно-исторического процесса [14, с. 18]. В. фон Гумбольдт, описывая понятие «языковая картина мира», пояснял, что язык структурирует человеческое восприятие реальности и формирует особое видение мира, характерное для каждого народа. Языковая картина мира – это совокупность знаний, зафиксированных в языке, а также способы их постижения и интерпретации. Она отражает национально-культурную специфику, определяемую историческим опытом, менталитетом и образом жизни народа [11, с. 26]. Кроме этого, разные языки имеют отличные друг от друга способы понимания действительности, а потому каждый язык можно рассматривать как уникальную модель мира и носителя коллективного сознания своего народа [18, с. 35].

Цель нашего исследования – определить особенности речи современного китайского педагога.

Материалом исследования послужил видеоролик, выложенный в открытый доступ на платформе Douyin [19].

В ходе исследования были использованы индуктивно-дедуктивный метод, описательный метод, компонентный анализ речи блогера.

Исследование взаимосвязи речевого поведения и личностной характеристики человека (его психотип, профессиональные черты) связано с антропоцентрическим направлением в лингвистике. Впервые вопросом «языковой личности» занялся Виноградов В. В., который, анализируя речь художественных персонажей, поднимает вопрос о взаимосвязи образа автора, художественного образа и языковой личности. В своей работе «О художественной прозе» он отмечает, что «социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [2, с. 63].

Позднее Караулов Ю. Н. в монографии «Русский язык и языковая личность» понятием «языковая личность» называет «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык», и отмечает, что это «есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [5, с. 38]. Далее в работе он уточняет понятие, добавляя, что «языковая личность» – это «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью

структурно-языковой сложности, б) глубиной точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [\[5, с. 245\]](#).

Несмотря на то, что в китайской лингвистике вопросы речевого портрета и языковой личности развиты слабо, мы считаем нужным отметить некоторых ученых. Так, 赵爱国 сделал обзор теоретических подходов к понятию «языковая личность», детально охарактеризовав уровневую модель, ранее предложенную Ю. Н. Карауловым, и проанализировав ее потенциал для последующих лингвистических исследований [\[23\]](#). В свою очередь, 孙军 сосредоточил внимание на рассмотрении национальной языковой личности и языковой личности в целом [\[20\]](#). Исследователь 李向东 на материале народных сказок выявил особенности русской национальной языковой личности [\[22\]](#). Цзян Чжиянь осуществил комплексное сопоставительное исследование русской и китайской лингвокультуры, проведя анализ художественных персонажей как носителей культурно маркированных языковых моделей [\[15\]](#). В рамках проведенного анализа он привлек широкий спектр языковых средств (лексические единицы, устойчивые выражения и фразеологизмы), выявив сходства и различия в ценностных ориентирах.

Понятие «речевой портрет» было введено в научный оборот М. В. Пановым в его фундаментальной работе «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.», где исследователь проследил эволюцию фонетической системы русского языка и представил фонетические характеристики ряда выдающихся деятелей [\[10\]](#). В дальнейшем термин получил развитие в лингвистике и приобрел различные интерпретации. Так, С. В. Леорда трактует речевой портрет как выражение языковой личности, воплощенной в речевой деятельности определенной социальной группы [\[7, с. 6\]](#). В свою очередь, Т. П. Тарасенко рассматривает его как совокупность языковых и речевых признаков, характеризующих коммуникативную личность или социальное сообщество в конкретный исторический период [\[13, с. 8\]](#). Матвеева считает, что основанием создания речевых портретов служат «ушедшие в глубину сознания речевые привычки человека» [\[9, с. 5\]](#).

Речевой портрет в современной лингвистике рассматривается как специфическая совокупность языковых и коммуникативных характеристик, отражающих индивидуальные и профессиональные особенности языковой личности политика. Речевой портрет выступает инструментом научной реконструкции имиджа, выявления идейно-ценностных доминант и стратегий воздействия на аудиторию, а также служит средством формирования общественного восприятия. Исследователи выделяют различные виды речевых портретов, дифференцируемых по ряду оснований: субъектному (от лица автора), жанровому (мемуары, журналистские портреты, интервью и воспоминания), субъектному уровню, если мы говорим про портреты политиков (федеральные и региональные портреты), а также степени детализации (развернутые и небольшие портреты). Кроме того, возможна классификация по форме изложения, включая как вербальные (стихотворные, прозаические), так и невербальные варианты. [\[8, с. 84\]](#).

Изучение речи также может происходить в рамках социальных групп. Козырев В. А. провел анализ речевого портрета современного учителя как важнейшей составляющей его профессиональной культуры и социального образа в образовательном пространстве [\[6\]](#). Ученый рассматривал речь педагога не только как инструмент передачи знаний, но и как ключевой показатель уровня общей культуры, профессиональной компетентности и авторитета учителя. Автор отмечает, что в условиях изменения языка снижается нормативность речи, что проявляется в использовании жаргонизмов, просторечий,

следовании речевой моде и ослаблении орфоэпических, лексических и стилистических норм, особенно заметных в педагогической среде.

Исследованием речевого портрета современного студента занималась Леорда С. В., которая отмечала активное использование жаргонной и сниженной лексики, экспериментирование с иноязычными языковыми элементами, широким применением языковой игры и прецедентных феноменов, преимущественно заимствованных из сферы массовой культуры [7].

В рамках педагогического дискурса также работала Попова С. В., работа которой посвящена анализу лингвокультурного типажа образа «школьной учительницы» в русской языковой картине мира [12]. В рамках теории лингвокультурных типажей автор реконструирует речевой портрет данного социально-профессионального образа на основе анализа художественных текстов, кинодискурса, публицистических источников и речевых данных информантов разных возрастных и социальных групп. Попова С. В. также, как и Козырев В. А., обращает внимание на отклонения от литературной нормы и коммуникативные сбои в реальной речевой практике учителя, в противопоставление идеальному образу.

Перейдем к анализу речевого портрета современного педагога в китайской лингвокультуре. Сначала дадим краткую характеристику анализируемого учителя-блогера.

Учитель-блогер 糖果果的未来要发光 получила степень бакалавра в 湖北大学 (Хубэйский университет), затем отучилась в магистратуре в 中国人民大学 (Народный университет Китая). После вступления в брак и рождения ребенка во время обучения продолжила обучение в 北京大学 (Пекинский университет) в аспирантуре. Супруг автора является аспирантом в 清华大学 (университет Цинхуа). Автор заявляет о намерении делиться знаниями и позитивом, а также призывает подписываться на обновления, чтобы совместно развиваться в будущем. Блог автора посвящен ее личной и профессиональной жизни.

С помощью программ Cathoven и Text Analyzer нами был проведен анализ лексического состава текста. Согласно результатам, текст примерно соответствует уровню HSK 4, что соотносится с уровнем B1 по шкале CEFR.

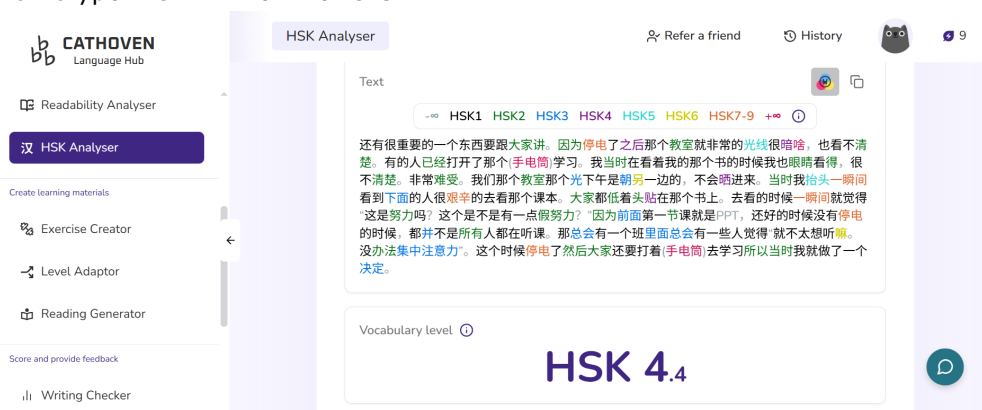

Рис. 1. Результат анализа текста на уровень HSK.

На основе анализа лексического состава была сформирована карта частотности использования лексики в тексте.

Рис. 2. Визуализация наиболее используемой лексики в тексте.

Представленная карта частотности демонстрирует доминирование высокочастотной разговорной лексики современного китайского языка: используются служебные слова 那个, 这个, 一个, местоимение 大家, слова, соответствующие теме видео 时候, 老师. Визуально заметная концентрация таких слов указывает на повествовательный, повседневный характер текста и на высокую степень разговорной избыточности.

Грамматический анализ показывает, что синтаксическая организация текста подчинена задаче создать эффект максимальной вовлеченности и искренности.

Первое, что стоит отметить, – это широкое использование коротких и часто неполных предложений, эллипсисов и номинативных конструкций, выраженных в форме надписей на экране.

«去学校了» («Иду в школу»).

«到学校了» («Добралась до школы»).

«幸好我的课是10点多钟的» («К счастью, мои занятия в 10 часов»).

«如果是早八肯定来不及了» (Если бы [занятия начинались] в начале восьмого, то было бы уже поздно»).

«老师也不愿意赶早八» («Учителя тоже не согласны начинать в 8 утра»).

«去食堂买个早餐» («Иду в столовую покупать завтрак»).

«等电梯» («Ожидаю лифт»).

«到办公室啦~» («Добралась до учительской~»).

«开灯» («Включила свет»).

«吃个早餐» («Ем завтрак»).

Короткие высказывания создают эффект «заметок на бегу», имитируют внутренний монолог и показывают последовательную хронику событий дня, способствуя динамике повествования и чувству живого общения. Часто опущено подлежащее, поскольку из контекста очевидно, что речь идет о говорящем, а не о ком-то другом. Такой грамматический прием повторяет спонтанную речь.

Описания пути в школу, завтрака, рутинных дел, комментарии о бытовых мелочах и организация рабочего места позволяют воспринимать педагога не как абстрактного носителя знаний, а как реального человека с потребностями и слабостями. Акцент на деталях создает ощущение близости и диалога с конкретным зрителем.

В речи автора блога активно используются частицы «啦», «咯», «哦», а также восклицательные и риторические вопросы:

«是不是有一点假努力?» («Не слишком ли это напускное старание?»).

«哇, 你好聪明哦!» («О, ты такой умный!»).

Использование таких средств показывает личную позицию, эмоциональное отношение, обращенность к аудитории. Модальные частицы и вопросительные конструкции сближают автора с аудиторией, создают эффект неформального общения и усиливают вовлечение.

Еще одной характерной особенностью является широкое использование цитат и прямой речи, часто с имитацией внутреннего диалога или передачи мыслей героев:

«“怎么办? 我教学计划没办法完成。我这节课的第二节课呢?”» («И что делать? Я никак не смогу завершить план урока. А второй урок?»).

«“这是努力吗? 这个是不是有一点假努力?”» («И это старание? Разве оно немного не фальшивое?»).

Передача внутренней речи осуществляется как в форме явной прямой речи, так и через косвенные вопросы, что позволяет показать внутренние переживания, колебания. Кроме этого, здесь блогер поднимает вопрос об актуальной проблеме современной молодежи – «ненастоящие» старания. Прямые риторические вопросы инициируют внутренний диалог у зрителя, провоцируют самоанализ. Тем самым автор реализует воспитательную функцию.

Частое использование уточняющих, поясняющих, вводных конструкций с «就是», «然后», «所以», «其实», «因为» характерно для устной спонтанной речи; оно позволяет логически связывать фрагменты повествования, а также акцентировать внимание на ключевых моментах, которые автор считает важными для аудитории.

«其实这个人生的差距不会有很大的差别» («На самом деле, разница в жизни будет не очень большой»).

«因为停电了之后那个教室就非常的光线很暗啥, 也看不清楚» («Потому что после отключения электричества в классе было очень темно, и я не могла четко видеть»).

«然后今天还发生了一件很神奇的事情» («И вот сегодня произошло невероятное событие»).

Использование оценочных и экспрессивных выражений, а также метафор, делают повествование ярким, эмоционально насыщенным, создают индивидуальный стиль рассказчика:

«太累了晚上» («Очень устала вечером»).

«我真的是中午那种必须睡午觉的人。不然我就绝对会很困» («Я действительно тот человек, которому нужно вздремнуть в полдень. Иначе я точно буду очень сонной»).

«这个小朋友粘人精» («Этот ребенок прилипчивый»).

«社恐人士只能自己默默炫饭» («Социофобы могут есть только молча»).

«知识是无止境的» («Знания бесконечны»).

«哈喽。大家早上好。今天是星期一。我要去学校上一整天的课。昨天晚上还失眠了。不知道很奇怪。脸上还长了两个小痘痘.» («Хэллоу. Доброе утро всем. Сегодня понедельник. Мне нужно идти в школу на целый день. Я не могла заснуть прошлой ночью. Я не знаю, очень странного. А еще у меня два маленьких прыщика на лице»)

С первых фраз блогер использует элементы бытовой лексики и повествует о личных переживаниях – усталость, недосып, несовершенство. Эта открытость формирует ощущение близости, подлинности и доверия, снижает барьер между учителем и аудиторией.

В блоге широко используются высокочастотные лексемы и устойчивые словосочетания, типичные для современной молодежной устной речи и интернет-коммуникации («哈喽» «хэллоу» – калька с английского языка; «炫饭» «кушать», «жрать» – Интернет-сленг, часто используется с оттенком самоиронии; «粘人精» «липкий малыш», ласково-шуточное обозначение прилипчивого ребенка).

Лексика представляет собой динамичное смешение разговорной, молодежной, бытовой лексики. На протяжении всего текста наблюдается сочетание стандартной и экспрессивной лексики, профессионального и бытового жаргона, сленга, а также индивидуальных оборотов, придающих повествованию собственный стиль. Употребление этих слов и конструкций формирует доверительный, неформальный оттенок, делает речь максимально приближенной к повседневному живому общению, усиливает эффект идентификации с целевой аудиторией (школьники, студенты, молодые родители и так далее).

Активно используемые разговорные и эмоционально окрашенные прилагательные, оценочные наречия и выражения, подчеркивают субъективность и вовлеченность рассказчика. Экспрессивная лексика позволяет маркировать важные события и состояния, облегчая эмоциональную коммуникацию, приглашая зрителя к соучастию в переживаниях автора:

«好奇怪» («Очень странно»).

«很舒服» («Очень удобно»).

«太舒服了» («Слишком удобно»).

«很神奇的事情» («Очень волшебно»).

«非常难受» («Очень неудобно»).

«很艰辛» («Очень тяжело»).

«阳光真好看哦» («Солнце такое красивое»).

«你都不会上当» («Тебя не обманешь»).

Характерна частое использование местоимений и обращений, что имитирует эффект личного диалога с аудиторией:

«我真的是...» («Я правда...»).

«你多学20分钟你和你少学20分钟» («Вы учитесь на 20 минут больше и учитесь на 20 минут меньше»).

«大家喜欢这样的视频记得给我点赞投币哦» («Если вам понравилось это видео, пожалуйста, не забудьте поставить мне большой палец вверх и монеты»).

Активное использование местоимений и обращения напрямую вовлекает зрителя в происходящее, стимулирует интерактивность и отклик аудитории.

Далее блогер показывает себя в роли заботливого родителя, сопровождая ребенка («带小十二来我们学校食堂吃饭»), покупая игрушки, комментируя ежедневные семейные ритуалы, что еще больше углубляет образ реального, живого человека за пределами профессии.

Диалог с ребенком о любви («两千两百爱» «2200 любви», типичное для китайской Интернет-культуры сочетание иероглифов и чисел), совместное чтение – все это раскрывает личностное измерение, придающее образу учителя человечность.

Серия вопросов-ответов с ребенком – это образец воспитательной тактики, где взрослый не настаивает на единственно верном ответе, а поощряет самостоятельность, креативность и критическое мышление.

«那我和爸爸掉水里去了你先救谁。...我就会拿两个绳子。...你都不会上当.» («Если мы с папой упадем в воду, кого ты спасешь первым? ... Я возьму две веревки. ... Тебя не проведешь»).

Здесь учитель одобряет находчивость и избегает давления – проявление современной аксиологии воспитания.

Типичное для блогерской сферы окончание видео закрепляет парасоциальный характер отношений с аудиторией, апеллирует к участию, создает эффект сообщества.

«拜拜。今天的一天就结束了。大家喜欢这样的视频记得给我点赞投币哦.» («Пока-пока. На сегодня все. Если вам понравилось это видео, пожалуйста, поставьте лайк и дайте мне монеты»).

Таким образом, анализ речевого портрета показывает, что автор реализует стиль публичной языковой личности, в котором сочетаются педагогическая и жизненная рефлексия, аксиологическая направленность на заботу, готовность к открытому диалогу, а также баланс между личным и профессиональным. Каждый фрагмент речи функционирует как способ установления доверия, стимулирования самостоятельного мышления и формирования гуманистической среды обучения и общения. Краткие предложения делают речь динамичной, подчеркивают естественность и достоверность излагаемого, создают иллюзию присутствия. Вводные конструкции и риторические вопросы приглашают к диалогу, обращают внимание на эмоциональное состояние рассказчика, формируют доверительную атмосферу между автором и аудиторией. Прямая речь и цитаты позволяют включаться в повествование. Уточняющие и поясняющие конструкции структурируют текст, создают логические мосты между разными фрагментами, делают речь более понятной и последовательной. Экспрессивные и оценочные высказывания показывают личную позицию, усиливают идентификацию аудитории с рассказчиком, делают повествование более запоминающимся.

Лексическая структура блога отличается открытостью, что обеспечивает сочетание эмоциональности, близости и содержательности. Сленговые и экспрессивные конструкции делают речь живой и современной. В совокупности эти лексические стратегии создают эффект личного общения и формируют особую атмосферу доверия и совместного проживания повседневных ситуаций вместе с аудиторией.

Такой медиапортрет позволяет учащимся увидеть в учителе не только авторитет, но и внимательного, поддерживающего взрослого — с его слабостями, тревогами, радостями и ценностями.

Библиография

1. Аль-Хуссаини Р. Х. Гедонистические начала современной личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 34-37. EDN: OYMZAJ.
2. Виноградов В. В. О художественной прозе. М.: Государственное издательство, 1930. 188 с.
3. Завьялова Н. А., Миронова Т. Н. Культура Китая как вектор общественных трансформаций // Общество: философия, история, культура. 2024. № 11(127). С. 211-217. DOI: 10.24158/fik.2024.11.28 EDN: IIKPZW.
4. Завьялова Н. А., Ряшенкова А. А. Стратегии создания речевого портрета педагога в интернет-СМИ // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024. С. 82-83. EDN: ERYBRI.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с. EDN: RTDQLX.
6. Козырев В. А., Черняк В. Д. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Вестник Герценовского университета. 2010. № 1(75). С. 36-42. EDN: NRTNIX.
7. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с. EDN: NIXXPR.
8. Лингвополитическая персонология: методология и коммуникативные портреты политических лидеров / Н. Б. Руженцева [и др.]. Екатеринбург, 2021. 192 с.
9. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики. М.: ИНФРА-М, 2024. 205 с.
10. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII-XIX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.
11. Пименова М. В. Языковая картина мира. М.: ФЛИНТА, 2014. 108 с.
12. Попова С. В. Речевые характеристики лингвокультурного типажа "школьная учительница" // Гуманитарные исследования. 2011. № 2(38). С. 84-90. EDN: NTZJQH.
13. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 25 с. EDN: ZNKDKD.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с. EDN: RBBKAF.
15. Цзян Ч. Речевой портрет драматических персонажей через призму китайской лингвокультуры. М.: ФЛИНТА, 2021. 208 с.
16. Цуканова В. Е., Цуканов Е. А. Феномен массовой культуры в китайской научной литературе // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 3(31). С. 5-12. EDN: FYSJGA.
17. Чу Ц. Языковая репрезентация предметной области образования в китайской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 180 с.
18. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. EDN: PWASXB.
19. 【教师vlog】大学课堂, 知识和经验什么更重要? 关于假努力、内卷、考研... ([Видео-блог преподавателя] Аудиторные занятия в университете: что важнее – знания или опыт? О фальшивом усердии, бессмысленной конкуренции, подготовке к поступлению в магистратуру...) URL: <https://www.bilibili.com/video/BV18w411Y7ac/> (дата обращения: 04.06.2025).
20. 孙军 (Сунь Цзюнь). 语言个性初探 (Предварительное исследование языковой личности)

// 解放军外国语学院学报 (Вестник Института иностранных языков НОАК). 2001. Vol. 23 № 5. P. 49-52.

21. 孙丽芝 (Сунь Личжи). 加速社会中大学教师角色的异化与匡正 (Отчуждение и урегулирование роли университетского преподавателя в условиях ускоренного общества) // 首都师范大学学报 (社会科学版) (Вестник Столичного педагогического университета (серия: социальные науки)). 2024. № 6 (281). P. 176-184.

22. 李向东 (Ли Сяндун). 俄罗斯民间故事中的语言个性 (Языковая личность в русских народных сказках) // 外语研究 (Исследования по иностранным языкам). 2012. № 6. P. 41-45.

23. 赵爱国 (Чжао Айго). 语言个性理论及其研究 (Теория языковой личности и исследования в данной области) // 外国与外语教学 (Преподавание иностранных языков и зарубежные исследования). 2003. № 12. P. 11-14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Анализ речевого портрета учителя (на материале Интернет-блога)»
Статья посвящена анализу речевого портрета современного китайского педагога на материале интернет-блога, что представляет собой оригинальный и перспективный научный подход к изучению языковой личности в медиaprостранстве. Автор рассматривает речь блогера — учителя китайского университета — как отражение трансформации традиционного образа педагога в условиях цифровизации, культурной глобализации и переоценки ценностей. Предмет исследования удачно очерчен: речь педагога выступает не только как коммуникативный феномен, но и как культурный маркер, фиксирующий смену образовательной парадигмы и общественного восприятия профессии учителя.

Автор применяет комплексную методологию, включающую индуктивно-дедуктивный и описательный методы, а также компонентный анализ речи. Эти методы позволяют выявить системные особенности речевой организации текста, эмоционально-оценочные и прагматические характеристики высказываний блогера. В статье прослеживается строгая структура анализа: от фоновых социокультурных предпосылок (конфуцианская традиция, массовая культура Китая) — к лингвистическому и прагматическому разбору речи. Методологический аппарат можно признать адекватным заявленным целям, однако для повышения научной строгости автору следовало бы более явно разграничить уровни анализа (лексический, синтаксический, прагматический) и дополнить количественными наблюдениями, подтверждающими частотность выделенных явлений.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. В эпоху цифровой педагогики, блогосферы и социальных сетей исследование коммуникативного поведения педагога в медиaprостранстве приобретает особое значение. Работа затрагивает важную проблему — переосмысление профессиональной роли учителя и формирование его нового публичного образа в китайском обществе. Важно, что автор соотносит современные тенденции с историко-культурными традициями Китая, показывая эволюцию восприятия профессии от конфуцианского идеала до современной «медиализированной» личности. Таким образом, исследование органично вписывается в контекст современных гуманитарных дискуссий о трансформации профессиональных идентичностей.

Научная новизна заключается в том, что автор впервые анализирует речевой портрет педагога-блогера на китайском материале, соединяя социокультурный и

лингвистический подходы. Статья раскрывает, как лингвистические особенности (краткие синтаксические конструкции, эллипсисы, частицы, сленг, эмоционально-оценочные выражения) служат средством самопрезентации и педагогического воздействия в цифровом пространстве. Новизна также состоит в том, что автор рассматривает интернет-речь педагога не как случайное явление, а как современную форму педагогической коммуникации, реализующую воспитательную функцию через цифровую медиасреду.

Текст статьи выдержан в академическом стиле, отличается логичностью и последовательностью. Введение последовательно подводит к постановке цели и обоснованию выбора материала, теоретическая часть демонстрирует высокий уровень осведомлённости автора в области лингвокультурологии и теории языковой личности. Аналитическая часть богата примерами, снабжена китайскими цитатами с переводом, что придает исследованию достоверность и прозрачность. Выводы структурированы и соответствуют поставленной цели.

Вместе с тем в тексте есть некоторые стилистические шероховатости: наблюдаются повторы («сначала кратко дадим краткую характеристику»), избыточные вводные слова («следует отметить, что»), а также неравномерность между теоретической и аналитической частями — последняя значительно преобладает. Возможно, стоит сократить вступительную часть о массовой культуре и уделить больше внимания теоретическим основам понятия «речевой портрет» с опорой на китайские источники.

Список литературы демонстрирует хорошую проработку темы: используются как классические (Гумбольдт, Тер-Минасова, Панов), так и современные источники (работы Завьяловой, Тарасенко, Цукановых). Присутствуют китайские и отечественные исследования, что обеспечивает интеркультурный баланс. Однако в списке есть некоторое несоответствие форматированию: отсутствует единый стиль оформления ссылок (например, не везде соблюдена последовательность авторов и года издания). Желательно также расширить список китайскими лингвистическими публикациями, напрямую посвящёнными медиаречи и педагогической коммуникации в КНР.

Автор демонстрирует осведомленность о существующих научных подходах к анализу речевых портретов (Панов, Леорда, Тарасенко) и интегрирует их в собственную систему. Однако дискуссионный аспект — полемика с другими исследователями — выражен слабо. Для усиления научной убедительности стоило бы обозначить альтернативные трактовки понятия «речевой портрет» или «педагогическая языковая личность» и аргументировать выбор авторской позиции.

Выводы логично вытекают из анализа и подтверждают цель исследования: блогер создает речевой портрет учителя как гуманного, открытого, эмоционально отзывчивого профессионала, чья речь соединяет личное и профессиональное измерения. Статья будет интересна специалистам в области лингвистики, медиакоммуникации, педагогики и культурологии, а также может быть использована в преподавании дисциплин «Языковая личность» и «Медиалингвистика».

Статья отличается научной добротностью, аргументированностью и оригинальностью подхода. Она демонстрирует высокий уровень владения материалом и междисциплинарное видение проблемы. Тем не менее для публикации в ведущем научном журнале рекомендуется доработать текст, усилив методологическую часть, унифицировав библиографию и добавив сравнительный аспект (например, сопоставление китайского и российского педагогического дискурса).

Критические замечания для доработки:

1. Уточнить теоретические границы понятия «речевой портрет» с опорой на китайские исследования.
2. Ввести количественные показатели (частотность частиц, типы синтаксических

конструкций и т. д.).

3. Унифицировать библиографию по единому стандарту издательства.

4. Добавить полемический элемент — сопоставление с существующими подходами.

5. Сократить избыточные повторы и усилить аналитическую часть за счет структурирования результатов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает речевой портрет китайского учителя. Актуальность работы очевидна и определяется, во-первых, ориентированностью современной лингвистики на антропоцентрический подход, развитие которого служит новым источником познания языковой ментальности, стереотипов общения и поведения («исследование взаимосвязи речевого поведения и личностной характеристики человека (его психотип, профессиональные черты) связано с антропоцентрическим направлением в лингвистике»), во-вторых, интересом к речевому портрету современного китайского педагога, обусловленным значением образования и самообразования в культуре Китая («образование всегда играло ключевую роль в китайском обществе как средство социальной мобильности и культурного развития»).

Теоретическую базу исследования составили как актуальные, так и фундаментальные труды по основам прагмалингвистики (Г. Г. Матвеевой) и языковой картины мира (Ю. Д. Апресяна, М. В. Пименовой); вопросам языковой личности (Ю. Н. Караулова) и речевого портрета (В. А. Козырева, В. Д. Черняка, С. В. Леорда) и др. Библиография статьи насчитывает 23 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза; обзор научной литературы, описательный и индуктивно-дедуктивный методы, методы когнитивного и дискурсивного анализа, компонентный и лексический анализы, в т. ч. с использованием программ Cathoven и Text Analyzer.

В ходе исследования проведен анализ речевого портрета современного педагога в китайской лингвокультуре. С помощью программ Cathoven и Text Analyzer проанализирован лексический состав изучаемого материала, сформирована карта частотности использования лексики. Выявлены характерные черты грамматической стороны речи педагога. На основе проведенного анализа сделаны выводы о том, что «автор реализует стиль публичной языковой личности, в котором сочетаются педагогическая и жизненная рефлексия, аксиологическая направленность на заботу, готовность к открытому диалогу, а также баланс между личным и профессиональным».

Работа самостоятельная, оригинальная, представляет авторское видение решения

рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях речевого портрета современного педагога в других лингвокультурах. Теоретическая значимость связана с анализом и систематизацией терминологической базы лингвистической персонологии, определением ключевых черт речевого портрета современного китайского педагога. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в курсах по лингвоперсонологии, когнитивной лингвистике, теории и практике когнитивно-дискурсивного анализа, по теории языковой личности и теории дискурса.

По мнению рецензента, ссылаться на ученых в тексте статьи лучше единообразно: указывать либо китайские имена, либо их русскоязычный вариант (см «Так, 赵爱国 сделал обзор теоретических подходов к понятию «языковая личность», «В свою очередь, 孙军 сосредоточил внимание на рассмотрении национальной языковой личности и языковой личности в целом», «Цзян Чжиянь осуществил комплексное сопоставительное исследование русской и китайской лингвокультуры»).

Содержание рукописи соответствует названию. Стил изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Соколов А.В. Вычислительные методы в компаративном медиаанализе: операционализация исследования конфликтных нарративов на примере CNN И AL JAZEERA // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 103-120. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77328 EDN: PXYKFT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77328

Вычислительные методы в компаративном медиаанализе: операционализация исследования конфликтных нарративов на примере CNN И AL JAZEERA

Соколов Александр Владимирович

кандидат филологических наук

профессор; кафедра телевидения и радиовещания; Академия медиаиндустрии
доцент; кафедра кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и
массовых коммуникаций; Финансовый университет при правительстве Российской Федерации

127521, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2.

✉ alvsokolov@fa.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77328

EDN:

PXYKFT

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Дата публикации:

25-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является применение вычислительных методов в компаративном анализе медианарративов, формирующих представления о вооружённых конфликтах в глобальной медиасреде. Объектом исследования выступают новостные материалы международных медиаресурсов CNN и Al Jazeera, посвящённые израильско-палестинскому конфликту. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как операционализация теоретических концепций медиаанализа, сопоставление нарративных стратегий различных медиа и возможности масштабируемого анализа медиадискурса. Особое внимание уделяется тому, каким образом медиа не только отражают события, но и конструируют смысловые модели конфликта через фрейминг,

тональность и атрибуцию агентности. В статье анализируется различие в тематических приоритетах, эмоциональной окраске и структуре повествования в материалах двух медиасистем, представляющих разные политические и институциональные контексты. Рассматривается проблема ограничения традиционных качественных методов анализа при работе с большими корпусами текстов и необходимость интеграции вычислительных инструментов в медиаисследования. Таким образом, исследование направлено на выявление устойчивых нарративных различий и на формирование воспроизводимой аналитической рамки для сравнительного изучения медиадискурса конфликтов. Методология исследования основана на гибридном подходе, сочетающем методы обработки естественного языка, тематическое моделирование и интерпретативный анализ с использованием больших языковых моделей. Основными выводами проведённого исследования являются выявленные систематические различия в нарративных и дискурсивных стратегиях CNN и Al Jazeera при освещении одного и того же конфликта. Установлено, что материалы Al Jazeera характеризуются устойчивым негативным тональным фоном и акцентом на гуманитарное измерение конфликта, тогда как CNN формирует более фрагментированное повествование с чередованием негативных и позитивных сюжетов, связанных с дипломатическими событиями. Новизна исследования заключается в разработке и апробации метамодели компаративного медиаанализа, которая объединяет количественные вычислительные методы и качественную интерпретацию медиатекстов. Особым вкладом автора является операционализация классических теорий медиаисследований через конкретные NLP-метрики и процедуры, что позволяет повысить воспроизводимость и прозрачность анализа. Показано, что интеграция больших языковых моделей расширяет возможности семантического сопоставления нарративов без утраты аналитической глубины. Сделан вывод о сохранении влияния институциональных факторов медиасистем на формирование медиареальности даже в условиях цифровизации и автоматизации анализа.

Ключевые слова:

компаративный медиаанализ, вычислительная герменевтика, обработка естественного языка, большие языковые модели, медианарративы, фрейминг, операционализация, метамодель, конфликтный дискурс, медиаанализ

Введение

Современная глобальная медиасфера демонстрирует интенсификацию информационного противостояния, в рамках которого различные медиаорганизации конструируют конкурирующие нарративные реальности. Ближневосточный конфликт репрезентирует парадигматический случай медиатизированного противоборства, где информационное измерение приобретает не менее значимый характер, чем военно-политическое [\[25\]](#). Al Jazeera и CNN как глобальные медиабренды транслируют диаметрально противоположные геополитические позиции: катарский канал центрируется на палестинской перспективе [\[6\]](#), американская корпорация поддерживает стратегический альянс США с Израилем.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, критическая теория медиа исходит из того, что медиа не являются нейтральным зеркалом реальности, а выступают элементом институциональной власти, формирующим общественное мнение

и идеологию, конструируя смыслы через выбор и акцентирование определённых фреймов и тем самым участвуя в производстве социальной реальности, а не просто ее отражении [\[15, 14\]](#).

Во-вторых, традиционные качественные методы медиаанализа обладают ограниченной масштабируемостью, что препятствует обработке больших корпусов. В-третьих, современные вычислительные методы (computational methods) интегрируют технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing), тематическое моделирование и большие языковые модели (LLM), предоставляя инновационный инструментарий для масштабного анализа медиадискурса [\[12, 8, 24\]](#).

Анализ актуальных работ демонстрирует дефицит исследований, операционализирующих теоретические концепции медиаанализа через вычислительные методы в русскоязычной академической традиции. Зарубежные работы по вычислительным медиаисследованиям (computational media studies) фокусируются на автоматизированном контент-анализе [\[9\]](#), кодировании с участием больших языковых моделей (LLM-assisted coding) [\[10\]](#), анализе тональности (sentiment analysis) больших датасетов [\[17\]](#). В русскоязычном поле преобладают теоретико-обзорные работы по фреймингу/повестки дня (agenda-setting) [\[5, 2, 3, 4\]](#), тогда как систематическая операционализация через NLP/LLM пока встречается точно [\[1\]](#).

Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке метамодели компаративистского исследования медианарративов, интегрирующей критическую теорию медиа, вычислительную социальную науку и герменевтическую интерпретацию. Делается попытка реализовать систематическую операционализацию медиаанализа на основе синтеза NLP-библиотек с генеративными AI-моделями, обеспечивающую воспроизводимость при теоретической обоснованности выводов.

Целью исследования выступает разработка и эмпирическая валидизация метамодели компаративистского анализа медианарративов с применением вычислительной герменевтики. Задачи исследования включают: теоретическое обоснование концепции вычислительной герменевтики в медиаанализе; операционализацию фрейминга, теории «повестки дня» и модели пропаганды через NLP-метрики; разработку архитектуры гибридной аналитической платформы; эмпирическую апробацию метамодели на материале компаративного анализа Al Jazeera и CNN.

Теоретическая значимость определяется валидизацией классических парадигм медиаисследований в контексте цифровой медиасреды и расширением методологического инструментария вычислительных медиаисследований. Практическая значимость обусловлена разработкой набора программных инструментов для автоматизированного компаративного анализа, релевантного для журналистской практики, медиаобразования и политической аналитики.

Методология исследования

Методологическая рамка исследования базируется на концепции вычислительной герменевтики [\[1\]](#) («computational hermeneutics») – интерпретации через вычисления, и синтезирует объективирующие процедуры NLP с герменевтическим пониманием семантических структур [\[27\]](#). Метамодель компаративистского исследования структурирована в четырех взаимосвязанных измерениях. Онтологическое измерение постулирует, что медианарративы не отражают, но конституируют социальную реальность

через селекцию, фрейминг и атрибуцию значений событиям. Эпистемологическое измерение базируется на методологическом плюрализме: количественные методы NLP объективируют паттерны поверхностной структуры текста, качественная интерпретация выявляет глубинные семантические структуры, LLM-опосредованный анализ осуществляет масштабируемую герменевтику.

Методологическое измерение операционализирует три уровня компарации. Первый уровень представляет количественную компарацию лингвистических паттернов: частотное распределение лексических единиц, тональность дискурса через VADER sentiment analyzer [\[17\]](#), плотность именованных сущностей посредством spaCy Named Entity Recognition [\[2\]](#), тематические кластеры через Latent Dirichlet Allocation [\[7\]](#). Второй уровень включает семантическую компарацию нарративных структур: доминантные фреймы по модели R. Entman [\[14\]](#), атрибуция агентности, каузальные схемы, модальность высказываний. Третий уровень представляет прагматическую компарацию дискурсивных эффектов: легитимационные стратегии, конструирование образа врага, формирование аффективных сообществ.

Институциональное измерение интегрирует структурный анализ медиасистем через модель пропаганды E. Herman и N. Chomsky [\[15\]](#): фильтры собственности, рекламы, источников, идеологии операционализируются как независимые переменные, детерминирующие нарративное производство. Компаративный анализ выявляет, как различные фильтрующие конфигурации производят дивергентные нарративы для Al Jazeera (государственное финансирование, региональная геополитическая позиция) и CNN (корпоративная собственность, рекламная зависимость, выравнивание с американской внешней политикой).

Исследование реализовано посредством двухкомпонентной аналитической платформы, интегрирующей методы компьютерной лингвистики, тематического моделирования и трансформер-ориентированной семантической компарации. Первый модуль представляет систему веб-парсинга и NLP-обработки на языке Python с использованием библиотек: requests для HTTP-коммуникации, BeautifulSoup4 для парсинга DOM-структуры, newspaper3k для извлечения структурированного контента, spaCy для лингвистической аннотации, VADER [\[17\]](#) для анализа тональности (sentiment analysis), geopy для геокодирования, gensim для тематического моделирования методом латентного размещения Дирихле (LDA). Второй модуль представляет собой веб-приложение на React для компаративного AI-анализа с использованием Google Gemini API.

Эмпирическую базу исследования составил двухкомпонентный корпус новостных материалов из разделов «Ближний Восток» (Middle East) информационных агентств Al Jazeera и CNN за 31 октября 2025 года [\[3\]](#). Параметры корпуса: Al Jazeera – 15 публикаций, CNN – 20 публикаций, общий объём – 35 новостных единиц, совокупная токенизированная длина – приблизительно 89000 токенов. Репрезентативность выборки обеспечивается временной идентичностью периода сбора и полнотой охвата публикаций релевантного раздела за анализируемый период.

Процедура сбора данных включала: HTTP-запрос к целевым страницам категорий «Ближний Восток»; парсинг через BeautifulSoup с применением специфических селекторов; фильтрацию релевантных URL по структурным паттернам; асинхронную обработку через ThreadPoolExecutor; извлечение структурированных данных посредством newspaper3k. Лингвистическая аннотация включала: распознавание именованных сущностей (Named Entity Recognition) через spaCy en_core_web_sm для идентификации

персоналий, геополитических единиц, организаций; анализа тональности (Sentiment Analysis) через VADER для вычисления композитного показателя тональности в диапазоне от -1 до $+1$ (sentiment score); геокодирование через Nominatim API для преобразования географических сущностей в координаты; тематическое моделирование через LDA с параметрами: число топиков K равно пяти, итерации passes равно десяти, алгоритм Variational Bayes.

Интеграция LLM осуществлялась через Google Gemini API с конфигурацией: модель gemini-2.5-pro, температура 0.2 для минимизации стохастичности, responseType application/json для структурированного вывода, responseSchema для валидации структуры ответа. Промпт-архитектура структурирована в четырех секциях: спецификация роли (эксперт медиаанализа ближневосточной журналистики), формулировка задачи (идентификация доминантных нарративов, сопоставление sentiment scores, анализ дивергенции ключевых слов), инъекция данных (сериализованные корпуса в JSON-формате), определение формата вывода (JSON Schema спецификация с полями overallSummary, alJazeeraAnalysis, cnnAnalysis, comparisons, comparativeInsight).

Валидизация результатов осуществлялась через вычислительную триангуляцию – конвергенцию выводов различных методов. Если статистический NLP-анализ, LDA topic modeling и LLM-интерпретация производят конгруэнтные выводы относительно нарративных различий, валидность заключения повышается. Дивергенция методов индицирует необходимость углубленной качественной интерпретации для разрешения противоречий.

Результаты

Анализ тональности с применением VADER sentiment analyzer выявил систематическую дивергенцию эмоциональной полярности текстов^[4]. Средняя тональность публикаций Al Jazeera демонстрирует высокую степень негативности: $M = -0.67$, SD равно 0.45. Средняя тональность CNN составляет $M = -0.24$, $SD = 0.78$. При сравнении с абсолютным значением средней тональности материалов Al Jazeera (модуль которого примерно в 2,8 раза превышает 0,24) можно заключить, что дискурс CNN оказался «на ~180 % менее негативным», другими словами, негативный уклон Al Jazeera почти в 3 раза превышает негатив CNN. При этом важно подчеркнуть, что речь идет о сравнении модулей средних значений, а не о прямом процентном снижении отрицательной тональности. Категориальное распределение тональности демонстрирует, что Al Jazeera характеризуется монотональным негативным дискурсом: 93.3% публикаций классифицируются как высоко негативный (highly negative), что указывает на стратегию конструирования образа гуманитарной катастрофы и системного насилия. CNN демонстрирует биполярное распределение: 60% высоко негативных (highly negative) материалов плюс 35% высоко позитивных (highly positive) публикаций, что свидетельствует о редакционной политике балансировки критических репортажей (удары, жертвы) и позитивных дипломатических нарративов (перемирие, освобождение заложников). Отсутствие серой зоны в обоих корпусах указывает на высокую степень поляризации медиадискурса.

Максимально негативная публикация Al Jazeera получила тональность минус 0.9985 с заголовком «Острая травма: неизгладимые раны детей Газы от войны Израиля» (Acute trauma: The ever-present wounds of Gaza's children from Israel's war), фокусируясь на клиническом описании психологической травмы детского населения с использованием медицинской терминологии для усиления эмоционального воздействия. Максимально позитивная публикация CNN получила тональность плюс 0.9983 с заголовком «Пока

Израиль празднует возвращение заложников, Трамп купается в лучах славы» (As Israel celebrates the hostages' homecoming, Trump basks in the spotlight), фокусируясь на дипломатическом триумфе, эмоциях освобождения, роли США как медиатора.

Частотный анализ именованных сущностей через spaCy NER выявил контрастную геополитическую оптику источников^[5]. Al Jazeera демонстрирует доминанту Израиля (Israel) (70 упоминаний) как первичного актора-агрессора, высокую репрезентацию RSF (Rapid Support Forces) и Эль-Фашир (el-Fasher) (35 плюс 34 упоминания соответственно) как внимание к суданскому конфликту, палестинцев (Palestinians) (18 упоминаний) как коллективная жертва, самореференцию Al Jazeera (20 упоминаний) как метадискурсивный маркер собственной роли информационного актора. CNN демонстрирует доминанту Газы (Gaza) (207 упоминаний) и Хамас (Hamas) (188 упоминаний) как территориально-организационный фокус, а не этнический, Д. Трамп (Trump) (63 упоминания) как фокусировка на роли США в качестве дипломатического медиатора, Иран (Iran) (64 упоминания) как геополитическое расширение нарратива на региональных игроков, ООН (UN) (35 упоминаний) как акцент на международные институты.

Контрастная дискурсивная структура манифестируется в цепочках акторов: Al Jazeera конструирует последовательность Israel – US – Palestinians как угнетатель – союзник – жертва, CNN конструирует последовательность Gaza – Hamas – Israel как территория – организация – государство. Данная дифференциация индицирует различающиеся режимы атрибуции агентности и пациентности в медианарративах.

Экстракция ключевых слов алгоритмом TF-IDF выявила семантические паттерны лексических приоритетов^[6]. Al Jazeera демонстрирует лексику гуманитарного кризиса: «заклѳенные» (prisoners) (5 упоминаний), «тела» (bodies) (5), «убитые» (killed) (3) как доминирование лексических единиц смерти и лишения свободы; «прекращение огня» (ceasefire) (8), «перемирие» (truce) (6) как фокус на прекращении насилия как императиве. CNN демонстрирует лексику дипломатического процесса: «заложники» (hostages) (10 упоминаний) количественно превышает «заклѳенные» (prisoners) как терминологическая рамка, легитимирующая израильские операции через семантику «заложники» (hostages), имплицитную правовую обоснованность освобождения; «сделка» (deal) (3), Трамп (trump) (3) как коммерциализация дипломатии, персонификация процесса; «война» (war) (7) как эксплицитное обозначение конфликта военными действиями.

Терминологическая дивергенция «заклѳенные» (prisoners) *versus* «заложники» (hostages) представляет семантическую борьбу за легитимность: prisoners деперсонализирует и криминализирует статус содержащихся лиц, имплицитно нелегальность задержания; в свою очередь, hostages юридически обосновывает израильскую позицию через фрейм антитерроризма, конструируя правовую реальность, где военные операции легитимны как освобождение захваченных.

Тематическое моделирование через LDA с параметрами K равно пяти, passes равно десяти^[7] выявило структурные различия латентных топиков. Al Jazeera конструирует мультилокационный нарратив: «Гуманитарный кризис в Газе» (Gaza humanitarian crisis) как доминантный топик (вероятность 0.030 для israel, 0.023 для nuclear), «Конфликт в Судане / Дарфуре» (Sudan Darfur conflict) как параллелизм гуманитарных катастроф, «динамика Ливана/Хезболлы» (Lebanon Hezbollah dynamics) как региональное расширение, «Геополитика Ближнего Востока» (Middle East geopolitics) как

контекстуализация, «Преследование журналистов» (Journalist targeting) как метадискурс репрессий против медиа. CNN демонстрирует монофокусную структуру: все пять топиков центрированы на триаде «Израиль – Хамас – Газа» (Israel – Hamas – Gaza) с варьирующимися акцентами – «переговоры по заложникам» (Hostage negotiations), «военные операции в Газе» (Gaza military operations), «дипломатия Трампа» (Trump diplomacy), «реализация режима прекращения огня» (Ceasefire implementation), «региональные угрозы безопасности» (Regional security threats).

Географический анализ через Nominatim геокодирование выявил пространственный дискурс^[8]. Al Jazeera демонстрирует дисперсионную географию: «Судан» (Sudan) (3 упоминания), «Дарфур» (Darfur) (2), «Хартум» (Khartoum) (2), «Северный Дарфур» (North Darfur) (2) – 9 упоминаний суданских локаций, что индицирует стратегию параллелизма конфликтов – «Газа» (Gaza) и «Дарфур» (Darfur) как эквивалентные зоны гуманитарного кризиса. CNN демонстрирует концентрированную географию: «Газа» (Gaza) (15 упоминаний), «город Газа» (Gaza City) (10), «сектор Газа» (Gaza Strip) (5) – 30 упоминаний Gaza-территории, детализацию Израиля через «Тель-Авив» (Tel Aviv) (6 упоминаний) и «Иерусалим» (Jerusalem) (5) как репрезентацию дифференцированного пространства, дипломатические хабы через «Египет» (Egypt) (9 упоминаний) и «Катар» (Qatar) (4) как акцент на посреднические государства.

Интеграция AI-аналитики через Google Gemini API с температурой 0.2 выявила имплицитные нарративные структуры^[9]. Конструирование агентности: Al Jazeera приписывает активную агентность Израилю как субъекту насилия, палестинцы репрезентируются как объекты страдания; CNN распределяет агентность между Хамас (Hamas) как инициатор, Израиль (Israel) как реагирующий субъект, Д. Трамп (Trump) как медиатор. Темпоральность нарратива: Al Jazeera конструирует континуитет травмы через дискурсивные маркеры «вездесущие раны», «продолжающийся» (ever-present wounds, ongoing), исторический контекст колониализма; CNN создает дискретность событий через маркеры «перемирие входит во вторую неделю», «после соглашения» (ceasefire enters second week, following agreement), процессуальность переговоров. Легитимационные стратегии: Al Jazeera легитимирует сопротивление через дегуманизацию оккупанта посредством терминов «никакой милости», «массовые убийства» (no mercy, mass killings); CNN легитимирует израильские действия через юридический фрейм «после нарушения режима прекращения огня», «инсценировка обнаружения заложника» (after violating ceasefire, staging hostage discovery).

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют эвристическую валидность разработанной метамоделі компаративистского исследования медианарративов. Конвергенция выводов трех методологических парадигм – статистического NLP-анализа, тематического моделирования и LLM-интерпретации – подтверждает концепцию вычислительной триангуляции как механизма валидации в вычислительных медиаисследованиях. Количественные метрики тональности коррелируют с качественными выводами Gemini-анализа: статистически значимая дифференциация средних оценок тональности (минус 0.67 versus минус 0.24, t-test p меньше 0.001) соответствует LLM-идентификации конструирования гуманитарной катастрофы *versus* дипломатического менеджмента.

Результаты подтверждают теорию фрейминга в контексте цифровой медиасреды. Al Jazeera реализует фрейм системного насилия: диагностика проблемы как «геноцид палестинского народа», атрибуция причинности – «Израиль при поддержке США», нормативная оценка как «морально недопустимо», предписание решений –

«прекращение оккупации». CNN реализует фрейм геополитического менеджмента: диагностика проблемы как «затянувшийся военный конфликт», атрибуция причинности «Hamas инициатор – Israel реагирующий субъект», нормативная оценка как «трагично но требует понимания соображений безопасности», предписание решений – «дипломатическое урегулирование при посредничестве США». Данная дивергенция валидирует тезис, что фреймы определяются не только тем что включают, но и тем что опускают, регистрируя «отпечаток власти» в новостных текстах.

Модель пропаганды (Herman и Chomsky) демонстрирует устойчивую релевантность для объяснения систематических паттернов медиапроизводства. Для CNN действуют классические корпоративные фильтры: собственность Warner Bros. Discovery создает давление акционеров в контексте прибыльности, что интенсифицирует фокус на «дружелюбный к рекламодателю контент» (advertiser-friendly content); рекламная зависимость создает экономическое давление на контент, привлекающему состоятельную аудиторию; зависимость от официальных источников манифестируется в преобладании цитирования израильских государственных структур, Армии обороны Израиля (IDF), правительства, американских дипломатов; идеология страха реализуется через «террористическое фреймирование ХАМАС» (terrorism framing Hamas).

Для Al Jazeera действуют модифицированные фильтрующие динамики: государственное финансирование правительством Катара устраняет рекламную зависимость но создает выравнивание с геополитическими интересами региональной державы; источники преимущественно палестинские свидетели, доклады ООН, правозащитные организации; идеология конструируется через фрейм анти-империализма и поддержки национально-освободительных движений. Систематическое действие данных фильтров производит различающиеся информационные реальности для аудиторий, что подтверждает тезис модели о медиа как идеологических аппаратах групп влияния (государств).

Теория установления повестки дня второго уровня [\[20\]](#) валидируется через дифференциальную атрибуцию характеристик акторам. Al Jazeera атрибутирует Израиль (Israel) характеристики «агрессивный» (aggressive), «оккупант» (occupier), «злоумышленник» (perpetrator) через высокочастотное сочетание с лексемами «беспощадный» (no mercy), «массовые убийства» (mass killings); палестинцы (Palestinians) атрибутируются характеристики: «жертвы» (victims), «травмированные» (traumatized), «страдающие» (suffering) через коллокации с «острая травма» (acute trauma), «неизгладимые раны» (ever-present wounds). CNN атрибутирует ХАМАС (Hamas) характеристики «нарушитель» (violinator), «боевик» (militant), «захватчик заложников» (hostage-taker) через коллокации «нарушение режима прекращения огня» (violating ceasefire), «инсценирование обнаружения» (staging discovery); Израиль (Israel) атрибутируются характеристики «реагирующий субъект» (respondent), «обеспокоенный безопасностью» (security-concerned), «переговорщик» (negotiator); Д. Трамп (Trump) атрибутируются характеристики «посредник по сделкам» (dealmaker), «медиатор» (mediator), «ищущий внимание, стремящийся к публичности» (spotlight-seeker). Данная атрибутивная дифференциация не только определяет о чем думать аудитория, но и как думать о данных акторах.

Методологическая инновация исследования заключается в операционализации концепции вычислительной герменевтики через гибридный workflow. Автоматизированные NLP-процедуры обеспечивают масштабируемость анализа больших корпусов при объективации количественных паттернов, что недостижимо традиционными качественными методами ввиду ресурсных ограничений. LLM-интеграция обеспечивает

семантическое сопоставление, идентифицируя статьи на идентичные события даже при различной терминологии «заклѳѳенные возвращены vs заложники освобождены» (prisoners returned versus hostages released), и фрейминговый анализ, распознающий риторические стратегии «фрейминг жертвы» (victim framing), «легитимация» (legitimization). Человеческая интерпретация вносит теоретическую обоснованность и критическую рефлексию относительно ограничений методов. Триангуляция трех подходов минимизирует слабости каждого: NLP дает объективные метрики но не интерпретирует семантику, LLM обеспечивает глубину но может галлюцинировать, человек вносит теорию но субъективен.

Ограничения исследования включают малый ѳѳъем корпуса (35 статей), что требует валидации на больших датасетах для статистической мощности выводов; одномоментность среза 31 октября 2025 года, что не учитывает диахроническую эволюцию нарратива; англоязычный фокус, не анализирующий арабоязычные публикации Al Jazeera Arabic, которые могут демонстрировать другой нарратив; отсутствие мультимодального анализа визуального контента (фотографии, видео), что ограничивает полноту понимания медиаконструкций; ограничения VADER для обнаружения иронии и сарказма, что требует применения BERT-based sentiment models в будущих исследованиях.

Сопоставление с результатами других исследователей демонстрирует конвергенцию выводов. М. Elmasry обнаружил 60-кратную разницу в фреймировании израильских действий как самооборона *versus* палестинских как агрессия в Instagram-постах западных медиа, что соответствует нашим выводам о терминологической борьбе prisoners versus hostages [13]. К. El Damanhoury и F. Saleh в своем исследовании установили, что Al Jazeera America цитировала только палестинских граждан и всегда различала боевиков и гражданских при освещении палестинских потерь. В то же время примерно в 15% статей CNN не уточнялось, был ли погибший боевиком или гражданским лицом [11], что подтверждает наш вывод о гуманитаризации жертв в дискурсе Al Jazeera. Hossain et al. в компьютерном текстовом анализе Facebook-постов идентифицировали дифференциальный фрейминг базирующийся на организационных фильтрах, что валидирует применимость модели пропаганды к современным цифровым медиа [16].

Теоретические импликации исследования включают расширение концептуального аппарата вычислительных медиаисследований через введение термина вычислительная герменевтика как методологической парадигмы, синтезирующей количественные и качественные подходы; операционализацию классических теорий медиаанализа (фрейминг, повестка, модель пропаганды) через NLP-метрики и LLM-интерпретацию, что обеспечивает эмпирическую тестируемость теоретических постулатов; разработку метамоделей компаративистского исследования медианарративов как теоретико-методологической рамки для воспроизводимого анализа.

Практические импликации включают разработку программного инструментария для автоматизированного сбора, обработки и компаративного анализа новостных корпусов, который может быть адаптирован для исследования других медиаконфликтов; релевантность результатов для журналистской практики через повышение рефлексивности в отношении собственных фрейминговых стратегий и структурных ограничений медиапроизводства; применимость для медиаобразования через развитие критической медиаграмотности аудиторий, осознающих медиаконструирование реальности; релевантность для дипломатической разведки через понимание медиафреймов как индикаторов геополитических позиций государств.

Заключение

В проведенном исследовании разработана и эмпирически валидизирована метамодель компаративистского анализа медианарративов с применением вычислительной герменевтики, интегрирующей Natural Language Processing, тематическое моделирование и LLM-опосредованную семантическую компарацию. Ключевые результаты демонстрируют систематическую дивергенцию медианарративов Al Jazeera и CNN: тональная дифференциация составляет 180% (минус 0.67 versus минус 0.24), терминологическая борьба *prisoners versus hostages* манифестирует конкурирующие фреймы легитимности, атрибуция агентности конструирует различающиеся причинно-следственные схемы (пассивная жертва *versus* активный агрессор в Al Jazeera, обоюдная агентность Hamas – Israel – Trump в CNN), географическая идеология реализуется через дисперсионную мультилокационность Al Jazeera (Судан, Ливан) *versus* концентрированную Газа-центричную структуру CNN.

Разработанная метамодель обеспечивает теоретико-методологическую рамку для воспроизводимого анализа медиаконструкций реальности через четыре измерения: онтологическое (медианарративы конституируют реальность), эпистемологическое (методологический плюрализм), методологическое (три уровня компарации лингвистических паттернов, нарративных структур, дискурсивных эффектов), институциональное (фильтры модели пропаганды). Операционализация осуществлена через двухкомпонентную аналитическую платформу, автоматизирующую веб-парсинг, NLP-аннотацию, LDA topic modeling, LLM-компарацию.

Методологическая инновация заключается во введении концепции вычислительной герменевтики как синтеза объективирующих процедур NLP с герменевтическим пониманием семантических структур, реализуемого через вычислительную триангуляцию – конвергенцию выводов статистического анализа, тематического моделирования и AI-интерпретации. Данный подход преодолевает ограничения традиционных методов: автоматизация обеспечивает масштабируемость, LLM обеспечивают глубину семантического анализа, человеческая интерпретация вносит теоретическую обоснованность.

Теоретическая значимость определяется валидизацией классических парадигм медиаисследований (фрейминг Entman, agenda-setting второго уровня McCombs, модель пропаганды Herman-Chomsky) в контексте цифровой медиасреды, что подтверждает устойчивую объяснительную силу данных теорий. Структурные фильтры медиасистем продолжают детерминировать информационное производство несмотря на технологическую демократизацию: алгоритмы и платформенная собственность создают новые фильтрующие механизмы в дополнение к классическим корпоративным и государственным.

Перспективы дальнейших исследований включают расширение корпуса до 500 плюс статей за трехмесячный период для статистической мощности выводов; лонгитюдный дизайн с недельной дискретизацией для отслеживания диахронической эволюции нарратива; интеграцию мультимодального анализа визуального контента через CLIP (Contrastive Language-Image Pre-training); применение BERT-based sentiment models для преодоления ограничений VADER в обнаружении иронии; кросс-национальное расширение на BBC, Reuters, RT, Al Arabiya для выявления глобальных паттернов медиафрейминга; интеграцию multilingual NLP моделей (XLM-RoBERTa) для анализа арабоязычных публикаций.

Финальный тезис исследования: в условиях глобальной медиатизации конфликтов информационная война становится не менее значимой, чем военная. Al Jazeera и CNN не просто сообщают о конфликте – они конституируют различные интерпретации конфликтов через дивергентные нарративные практики, формируя несовместимые эпистемологические реальности для своих аудиторий. Вычислительная герменевтика как методологическая парадигма обеспечивает масштабируемое исследование данных медиаконструкций при сохранении теоретической обоснованности и интерпретативной глубины, что расширяет инструментарий contemporary computational media studies.

[1] Вычислительная герменевтика – это итеративный метод анализа текста, объединяющий вычислительные техники и герменевтическое понимание, чтобы выявлять скрытые смысловые структуры и интерпретировать дискурс через соотнесение частей и целого. См. [21, 19, 23]

[2] spaCy-NER и плотность именованных сущностей используются на уровне NLP-инструментария, см. [26].

[3] Выбор однодневного периода (31.10.2025) обусловлен необходимостью фиксации когерентного медиасреза, исключая кумулятивные эффекты новостного цикла и календарные искажения, а также репрезентативностью точки высокой геополитической насыщенности. Анализ раздела Middle East выбран ввиду его дискурсивной плотности, конфликтной чувствительности и глобальной значимости, что позволяет выявить структурные механизмы фрейминга, семантическую дивергенцию и нарративные модели в синхронном медиапотоке. Данный дизайн соответствует процедурам event-based sampling, micro-temporal discourse analysis и computational hermeneutics, обеспечивая экспериментально-методическую чистоту и сопоставимость дискурсивных паттернов. См. [22, 18]

[4] VADER (Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner) – лексикон- и правило-ориентированный алгоритм анализа тональности, оптимизированный для медийных и новостных текстов. Он присваивает каждому высказыванию значения позитивной, негативной и нейтральной валентности, а также интегральный композитный показатель. Это позволяет выявлять направленность и интенсивность эмоциональных оценок в корпусе и сравнивать их между источниками

[5] Named Entity Recognition (NER) в библиотеке spaCy автоматически идентифицирует и классифицирует сущности в тексте (например, государства, города, организации, персоны). Частотный подсчет обнаруженных сущностей позволяет фиксировать тематические фокусы и картографировать геополитические акценты источников, соотнося интенсивность упоминаний с нарративной направленностью корпуса.

[6] Алгоритм TF-IDF (Term Frequency – Inverse Document Frequency) вычисляет значимость слов в корпусе, повышая вес лексем, характерных для конкретного документа, и понижая – часто встречающихся в остальных текстах. Таким образом выделяются ключевые термины, отражающие локальные тематические акценты и семантические приоритеты дискурса.

[7] Для извлечения скрытых тематических структур применен алгоритм Latent Dirichlet Allocation (LDA) – вероятностная модель, распределяющая слова и документы по латентным темам. Параметр K = 5 фиксирует количество выделяемых тем, обеспечивая интерпретируемость корпуса ограниченного объема; параметр passes = 10 означает

десятикратное полное прохождение по данным для стабилизации распределений и улучшения сходимости модели.

[8] Nominatim – геокодер, использующий данные OpenStreetMap для преобразования географических упоминаний в координаты и обратно. Автоматическое сопоставление топонимов с пространственными метаданными позволяет реконструировать географическую конфигурацию событий и визуализировать территориальную фокусировку медиадискурса.

[9] Модель Google Gemini использована в режиме контролируемой генерации с параметром $temperature = 0.2$, что минимизирует стохастичность вывода и усиливает детерминированность интерпретаций. Низкая температура обеспечивает более стабильное выявление скрытых смысловых связей и устойчивых нарративных паттернов, позволяя фиксировать имплицитные структуры дискурса при сохранении строгой семантической дисциплины ответа.

[10] Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms inc (соцсети Facebook и Instagram) признана экстремистской и ее деятельность запрещена в РФ.

[11] Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms inc (соцсети Facebook и Instagram) признана экстремистской и ее деятельность запрещена в РФ.

Библиография

1. Алекян М. В., Ерицян Д. Е. Применение метода автоматизированного сентимент-анализа для изучения специфики контента Telegram-каналов // Системные трансформации журналистики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024. С. 5-6.
2. Асланов И. А. Метафорический фрейминг в медиатекстах и коммуникации о депрессии: результаты контент-анализа и эксперимента // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 3-22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.322. EDN: HMPDAS.
3. Дунас Д. В., Салихова Е. А., Толоконникова А. В., Бабына Д. А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях "цифровой молодёжи" // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2022. № 4. С. 47-78. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778. EDN: SAKNBB.
4. Дунас Д. В., Толоконникова А. В., Бабына Д. А., Бойко О. А., Сидоров Е. А. Повестка дня в социальных медиа и федеральных информагентствах: тематический разрыв и смысловое единство (на примере "цифровой молодёжи" России) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2025. Т. 18, № 1. С. 178-193. EDN: LDWPTK.
5. Казаков А. А. Теория установления повестки дня vs. фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 1(76). С. 103-113. EDN: XRAJFZ.
6. Соколов А. В. Контекстуализация панарабистского нарратива "Аль-Джазира": тематическая классификация, фрейминг и анализ тональности новостного контента // Журналист. Социальные коммуникации. 2024. № 4(56). С. 97-110. EDN: RHIQQQ.
7. Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent Dirichlet Allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. Vol. 3. P. 993-1022.
8. Bojić L., Zagovora O., Zelenkauskaitė A. et al. Comparing Large Language Models and Human Annotators in Latent Content Analysis of Sentiment, Political Leaning, Emotional Intensity and Sarcasm // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Article 11477. DOI:

- 10.1038/s41598-025-96508-3. EDN: HRTTTY.
9. Burggraaff C., Trilling D. Through a Different Gate: An Automated Content Analysis of How Online News and Print News Differ // *Journalism*. 2020. Vol. 21, № 1. P. 112-129. DOI: 10.1177/1464884917716699. EDN: LONYBA.
10. Chew R., Bollenbacher J., Wenger M., Speer J., Kim A. LLM-Assisted Content Analysis: Using Large Language Models to Support Deductive Coding // *arXiv*. 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2306.14924.
11. Damanhoury K. E., Saleh F. Is It the Same Fight? Comparative Analysis of CNN and Al Jazeera America's Online Coverage of the 2014 Gaza War // *Journal of Arab & Muslim Media Research*. 2017. Vol. 10, № 1. P. 85-103. DOI: 10.1386/jammr.10.1.85_1.
12. Dunivin Z. O. A Computational Qualitative Approach to Large-Scale Characterization of Cultural Identities on Social Media // *SocArXiv*. 2025. DOI: 10.31235/osf.io/5wvvhx_v1.
13. Elmasry M. H. Images of the Israel-Gaza War on Instagram: A Content Analysis of Western Broadcast News Posts // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2024. Vol. 102, № 3. P. 695-721. DOI: 10.1177/10776990241287155. EDN: MZSMIL.
14. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, № 4. P. 51-58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
15. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 2002. 412 p.
16. Hossain A., Abdul Wahab J., Khan M. S. R. A. A Computer-Based Text Analysis of Al Jazeera, BBC, and CNN News Shares on Facebook: Framing Analysis on Covid-19 Issues // *SAGE Open*. 2022. Vol. 12(1). DOI: 10.1177/21582440211068497.
17. Hutto C. J., Gilbert E. VADER: A Parsimonious Rule-Based Model for Sentiment Analysis of Social Media Text // *Proceedings of the International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. 2014. Vol. 8(1). P. 216-225. DOI: 10.1609/icwsm.v8i1.14550.
18. Kim H., Jang S. M., Kim S.-H., Wan A. Evaluating Sampling Methods for Content Analysis of Twitter Data // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4(2). DOI: 10.1177/2056305118772836.
19. Kommers S. et al. Computational Hermeneutics: Evaluating Generative AI as a Cultural Technology // *SSRN*. 2025. DOI: 10.2139/ssrn.5409144.
20. McCombs M., Llamas J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate Images in Spanish Elections: Second-Level Agenda-Setting Effects // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74. P. 703-717. DOI: 10.1177/107769909707400404.
21. Mohr J. W., Wagner-Pacifi R., Breiger R. L. Toward a Computational Hermeneutics // *Big Data & Society*. 2015. Vol. 2, № 2. DOI: 10.1177/2053951715613809.
22. Pavelko R. L., Grabe M. E. *Sampling, Content Analysis* // *The International Encyclopedia of Communication Research Methods*. Wiley-Blackwell, 2017. P. 1-10. DOI: 10.1002/9781118901731.iecrm0223.
23. Picca D., Schnyder A., Romele A. Computational Hermeneutics of Emotion: A Comparative Study of Emotional Landscapes in Dostoevsky's *Crime and Punishment* // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article 1428. DOI: 10.1057/s41599-024-03955-w. EDN: EGTGVZ.
24. Schroeder H., Aubin Le Quéré M., Randazzo C., Mimno D., Schoenebeck S. Large Language Models in Qualitative Research: Uses, Tensions, and Intentions // *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2025. P. 1-15.
25. Seib P. *The Al Jazeera Effect: How the New Global Media Are Reshaping World Politics*. Washington, DC: Potomac Books, 2008. 240 p.
26. Taher H. A., Alabid N., Hasan B. M. Integration Named Entity Recognition and Latent Dirichlet Allocation to Enhance Topic Modeling // *Annals of Emerging Technologies in Computing*. 2025. Vol. 9, № 2. P. 20-30. DOI: 10.33166/AETiC.2025.02.002. EDN: SMQIZU.

27. van Atteveldt W., Welbers K., Van der Velden M. A. C. G. Studying Political Decision Making With Automatic Text Analysis // Oxford Research Encyclopedia of Politics. Oxford University Press, 2019. P. 1-11. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.957.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленный к публикации текст в целом есть компилятивный вариант, сгенерированный с помощью ИИ. Большая часть суждений не имеет серьезной научной новизны, а является лишь «некоей» констатацией фактов. Например, «современная глобальная медиасфера демонстрирует интенсификацию информационного противостояния, в рамках которого различные медиаорганизации конструируют конкурирующие нарративные реальности. Ближневосточный конфликт репрезентирует парадигматический случай медиатизированного противоборства, где информационное измерение приобретает не менее значимый характер, чем военно-политическое [25]. Al Jazeera и CNN как глобальные медиабренды транслируют диаметрально противоположные геополитические позиции: катарский канал центрируется на палестинской перспективе [6], американская корпорация поддерживает стратегический альянс США с Израилем», или «Научная новизна настоящего исследования заключается в разработке метамодели компаративистского исследования медианарративов, интегрирующей критическую теорию медиа, вычислительную социальную науку и герменевтическую интерпретацию. Делается попытка реализовать систематическую операционализацию медиаанализа на основе синтеза NLP-библиотек с генеративными AI-моделями, обеспечивающую воспроизводимость при теоретической обоснованности выводов» и т.д. Статья не отвечает требованиям издания, она псевдонаучна. Язык работы витиеват, научно не оправдан; смысловая составляющая «труда» нивелирована. Например, «Институциональное измерение интегрирует структурный анализ медиасистем через модель пропаганды E. Herman и N. Chomsky [15]: фильтры собственности, рекламы, источников, идеологии операционализируются как независимые переменные, детерминирующие нарративное производство. Компаративный анализ выявляет, как различные фильтрующие конфигурации производят дивергентные нарративы для Al Jazeera (государственное финансирование, региональная геополитическая позиция) и CNN (корпоративная собственность, рекламная зависимость, выравнивание с американской внешней политикой)», или «Контрастная дискурсивная структура манифестируется в цепочках акторов: Al Jazeera конструирует последовательность Israel – US – Palestinians как угнетатель – союзник – жертва, CNN конструирует последовательность Gaza – Hamas – Israel как территория – организация – государство. Данная дифференциация индицирует различающиеся режимы атрибуции агентности и пациентности в медианарративах» и т.д. Тема работы раскрыта условно, потенциальный читатель не сможет серьезно и конструктивно пользоваться данными наработками. Итогом автор тезирует: «финальный тезис исследования: в условиях глобальной медиатизации конфликтов информационная война становится не менее значимой, чем военная. Al Jazeera и CNN не просто сообщают о конфликте – они конституируют различные интерпретации конфликтов через дивергентные нарративные практики, формируя несовместимые эпистемологические реальности для своих аудиторий. Вычислительная герменевтика как методологическая парадигма обеспечивает

масштабируемое исследование данных медиаконструкций при сохранении теоретической обоснованности и интерпретативной глубины, что расширяет инструментарий *contemporary computational media studies*». Данный вывод как видим тоже весьма условен. В данном виде «Вычислительные методы в компаративном медиаанализе: операционализация исследования конфликтных нарративов на примере CNN и AL JAZEERA» статью нельзя рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является современная глобальная медиасфера, которая демонстрирует усиление информационного противостояния между различными медиаорганизациями, которое возникает в результате конструирования конкурирующих нарративных реальностей, анализу которых и посвящена данная статья. Акцент на коммуникативное оформление медиапространств заставляет задуматься о эффективных лексических приёмах воздействия в информационной среде.

Акцент автором сделан на двух основных медиагигантах: Al Jazeera и CNN, они анализируются автором не только как глобальные медиабренды, но и информационные площадки, которые транслируют диаметрально противоположные геополитические позиции, основной фокус внимания автор сосредоточил на основных концептах формирующих данные медиапространства.

Актуальность исследования несомненна, так как современные нарративы общества, политики и культуры в большей степени в современном мире формируются основными медиапространствами, следовательно необходимо понять закономерности и особенности формирования коммуникативного поля воздействия данных информационных площадок на отдельно взятого человека.

Новизна исследования бесспорна, так как в мире глобальной компьютеризации общественное мнение в основном формируется лексическими парадигмами, которые преобладают в тех или иных медиагигантах. Автор, на наш взгляд, удачно выбрал площадки для анализа, так как они транслируют противоположные нарративы, но при этом на одном уровне популярности у пользователей, это позволяет проследить коммуникативные крючки, которые привлекают пользователей и подготовить необходимые в будущем рекомендации для эффективного оформления подобных медиапространств с целью воздействия на массы.

С этой позиции исследование достаточно интересно для филологов, социологов, политологов и в целом для широкого круга читателей.

Стиль статьи соответствует научному, автор заявляет тезис, иллюстрирует его примерами из информационных площадок основных, анализируемых им, медиагигантов Al Jazeera и CNN и делает закономерные умозаключения.

Структура статьи соответствует предъявляемым требованиям журнала и имеет введение, методы, основную часть и заключение. Введение четко структурировано и содержит актуальность, новизну, основные цели и задачи. Содержание обладает логикой

научного изложения.

Библиография статьи содержит источники за последние 10 лет, что подтверждает современный подход к исследуемому вопросу, также автор исследования обращается к фундаментальным классическим исследованиям, что указывает на проработку данного вопроса в ретроспективном аспекте, кроме того привлечением обширный материал медиапространства, что показывает проработку вопроса всесторонне.

Выводы статьи содержат в сфокусированной форме промежуточные умозаключения всей статьи и могут быть интересны широкой аудитории: филологам, лингвистам, литературоведам, преподавателям и студентам, социологам, политологам, философам. Следовательно, статья носит междисциплинарный характер и находится на стыке нескольких наук, поэтому может быть интересна широкой аудитории читателей.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена разработке и эмпирической апробации вычислительной метамодели компаративного анализа медианарративов на материале освещения ближневосточного конфликта глобальными медиаресурсами CNN и Al Jazeera. Предмет исследования сформулирован чётко и последовательно: автор рассматривает медианарратив как форму конструирования социальной реальности и анализирует, каким образом институциональные, идеологические и технологические параметры медиасистем находят отражение в языковых и дискурсивных структурах новостных текстов. Выбор объекта исследования обоснован как с точки зрения политической значимости конфликта, так и с точки зрения методологической продуктивности сопоставления двух медиаактеров, представляющих различные геополитические и культурные позиции.

Методология исследования является одной из сильнейших сторон работы. Автор выстраивает сложную, но логически цельную рамку, основанную на синтезе критической теории медиа, вычислительной социальной науки и герменевтического подхода. Использование концепции вычислительной герменевтики позволяет объединить количественные методы обработки больших текстовых корпусов (NLP, тематическое моделирование, анализ тональности, NER) с качественной интерпретацией нарративных структур. Подробно описанная процедура сбора данных, параметры корпуса, используемые библиотеки и алгоритмы, а также принципы валидации результатов через вычислительную триангуляцию обеспечивают воспроизводимость исследования и соответствие современным стандартам *computational media studies*. Особенно следует отметить аккуратную интеграцию LLM-моделей как аналитического инструмента, а не автономного интерпретатора, что снижает риск методологических искажающих эффектов.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. В условиях глобальной медиатизации

конфликтов и роста роли информационного противоборства необходимость масштабируемых и теоретически обоснованных методов анализа медиадискурса становится очевидной. Автор убедительно показывает ограниченность традиционных качественных методов при работе с большими корпусами и демонстрирует потенциал вычислительных подходов для операционализации классических теорий фрейминга, установления повестки дня и модели пропаганды. Особенно значимым является акцент на дефиците подобных эмпирических исследований в русскоязычной академической традиции, что делает работу методологически и институционально востребованной.

Научная новизна исследования заключается в разработке метамодели компаративистского медиаанализа, интегрирующей несколько уровней анализа — лингвистический, семантический, прагматический и институциональный — в единую аналитическую архитектуру. Новым является не только сам синтез методов, но и способ их операционализации: количественные метрики тональности, частотности и тематического распределения соотносятся с качественными интерпретациями фреймов, агентности и легитимационных стратегий. Полученные эмпирические результаты — различия в тональной структуре, терминологическом выборе («prisoners» vs. «hostages»), географической фокусировке и атрибуции агентности — убедительно демонстрируют эвристический потенциал предложенной модели.

Стиль и структура статьи отличаются высокой степенью научной рефлексивности и концептуальной плотности. Текст логично организован, последовательно переходит от теоретического обоснования к описанию методологии, затем к результатам и их интерпретации. Вместе с тем статья насыщена специализированной терминологией и сложными синтаксическими конструкциями, что требует от читателя высокой степени подготовки. В ряде фрагментов наблюдается перегруженность деталями технической реализации (описание API, параметров моделей), что несколько смещает баланс в сторону методологического отчёта; часть этой информации могла бы быть вынесена в приложение без ущерба для основного аргументационного ядра.

Библиография статьи отличается репрезентативностью и актуальностью. В список включены как классические труды по теории медиа (Entman, Herman, Chomsky, McCombs), так и современные исследования в области вычислительных методов, LLM-assisted content analysis и NLP. Присутствие как русскоязычных, так и англоязычных источников свидетельствует о хорошем владении международным научным контекстом и корректной теоретической навигации.

Апелляция к оппонентам реализуется через сопоставление различных подходов к медиаанализу и демонстрацию их ограничений. Автор не вступает в прямую полемику, однако последовательно показывает, что традиционные методы не обеспечивают масштабируемости и воспроизводимости, тогда как сугубо вычислительные подходы нуждаются в герменевтической интерпретации. Такая позиция выглядит взвешенной и методологически зрелой.

Выводы исследования логично вытекают из представленного анализа и обладают как теоретической, так и прикладной значимостью. Работа будет представлять интерес для исследователей медиадискурса, специалистов по политической коммуникации, цифровой журналистике, а также для аспирантов и магистрантов гуманитарных направлений, осваивающих вычислительные методы анализа текста.

Представленная статья является методологически сильным, концептуально насыщенным и актуальным исследованием. Высказанные замечания носят исключительно рекомендательный характер и не влияют на общую положительную оценку. Полагаем, что статью можно рекомендовать к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Башкова И.В. Метатекст современной радиопередачи (на примере программы «Ключи Захара» на радио Sputnik)

// Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77441 EDN: QFZUQU URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77441

Метатекст современной радиопередачи (на примере программы «Ключи Захара» на радио Sputnik)

Башкова Ирина Венадьевна

ORCID: 0000-0003-0318-1436

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации; Сибирский федеральный университет

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, Октябрьский р-н, Свободный пр-кт, д. 81В, кв. 807

✉ bbashkova@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77441

EDN:

QFZUQU

Дата направления статьи в редакцию:

18-12-2025

Дата публикации:

25-12-2025

Аннотация: Предмет исследования – особенности, отличающие метатекст радиопередачи от письменного метатекста. Под метатекстом понимается текст, находящийся внутри основного текста, с помощью которого говорящий помогает адресату ориентироваться в основном тексте и понимать его. Цель работы – выявление отличительных черт метатекста современной радиопередачи и объяснение причин возникновения этих особенностей. В данной статье проводится анализ метатекста современной радиопередачи на материале текстов программы «Ключи Захара» на радио Sputnik. Автор программы – известный писатель и журналист, общественный деятель, военный, подполковник Захар Прилепин. Программа «Ключи Захара» на радио Sputnik – это цикл авторских передач. Название программы «Ключи Захара» построено на

метафоре ключа как средства, дающего «возможность для понимания чего-либо». Методы, используемые в работе: общенаучные методы наблюдения и сравнения, лингвистические методы семантического, прагматического и контекстуального анализа. Новизна работы заключается в том, что в ней дается объяснение особенностей метатекста радиопередачи как устного разговорного текста, включающего элементы импровизации. Выводы: 1) показатели начала и конца текста радиопередачи сливаются с этикетными формулами приветствия и прощания; рамочный метатекст включает название программы и имена ведущих программы; 2) показатель перерыва между частями программы включает призыв к радиослушателям продолжить прослушивание программы после перерыва; 3) проспективный метатекст включает реплики передачи слова от одного участника программы к другому; 4) ретроспективный метатекст одного из ведущих программы отсылает к репликам других ведущих этой программы и может включать оценку этих реплик либо содержит местоимение мы, объединяющее всех ведущих; 5) ведущий программы может прерывать своих коллег и делать вставки в их текст; 6) акцентирование внимания адресата на наиболее значимых частях текста выражается безличными предложениями, высказываниями в форме 1-го лица и побудительными предложениями в форме 2-го лица; 7) в связи с устным импровизационным характером текста заявленное количество частей текста не реализуется. Таким образом, метатекст радиопередачи существенно отличается от письменного метатекста. Это обусловлено двумя факторами: 1) формой радиопередачи в виде беседы; 2) устным характером текста.

Ключевые слова:

метатекст, семантический синтаксис, радиотекст, радиодискурс, Захар Прилепин, проспективный метатекст, ретроспективный метатекст, устный текст, разговорная речь, беседа

Исследование радиодискурса и языка радио представляет значительный интерес для современной лингвистики и имеет высокую актуальность, поскольку радио является важным каналом распространения культуры, образования и формирования общественного мнения. Радио охватывает широкий спектр жанров и стилей речи: от официального вещания государственных каналов до неофициальных форматов частных радиостанций. Исследование этих различий помогает описать стилистику современного русского языка, фиксировать изменения, происходящие в обществе и культуре. Радиовещание преимущественно основано на устной форме коммуникации, и изучение особенностей звучащей речи позволяет выявить закономерности живой разговорной речи.

В современных исследованиях радиодискурса можно выделить несколько направлений: 1) разработка методологических основ изучения радиодискурса и радиотекста [1 2; 3]; 2) исследование коммуникативно-прагматических аспектов радиодискурса [4; 5; 6]; 3) анализ трансформации радиодискурса в условиях цифровой среды [7; 8]; 4) описание эстетики радиодискурса [9]; 5) разработка практических аспектов организации радиодискурса [10; 11].

В данной статье проводится анализ метатекста современной радиопередачи на материале текстов программы «Ключи Захара» на радио Sputnik. Автор программы – известный писатель и журналист, общественный деятель, военный, подполковник Захар

Прилепин. Его литературному творчеству и публицистике посвящено немало исследований [\[12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23 и др.\]](#).

Объект исследования – метатекст современной радиопередачи, предмет исследования – особенности, отличающие метатекст радиопередачи от письменного метатекста.

Цель данной работы – выявление отличительных черт метатекста современной радиопередачи и объяснение причин этих особенностей.

Методы, используемые в работе: общенаучные методы наблюдения и сравнения, лингвистические методы семантического, прагматического и контекстуального анализа.

В данной статье метатекст понимается как текст, находящийся внутри основного текста, с помощью которого говорящий помогает адресату ориентироваться в основном тексте и понимать его. Этот термин в лингвистический оборот был введен А. Вежбицкой, показавшей, что автор может быть комментатором собственного текста, то есть создавать метатекст, который тесно связан с самим текстом. «Метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции. Они проясняют семантический узор основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [\[24, с. 421\]](#). Метатекст следует отличать от метасмыслов, которые точно прикрепляются к высказыванию или слову в отличие от метатекста, который является путеводителем по целому тексту [\[25; 26\]](#).

Близким к такому пониманию метатекста является термин «субтекст адресации», предложенный Е.А. Баженовой при анализе реализации фактора адресата в научном тексте, «его роль в тексте определяется коммуникативно-прагматической задачей «упаковать» научную информацию так, чтобы она была адекватно воспринята адресатом» [\[27, с. 4\]](#); исследователь описывает композиционно-ориентирующие сигналы адресации с проспективной и ретроспективной семантикой, выделяет группу мыслительно-активизирующих средств адресации.

Программа «Ключи Захара» на радио Sputnik – это цикл авторских передач. Название программы «Ключи Захара» построено на метафоре ключа как средства, дающего «возможность для разгадки, понимания чего-либо, для овладения чем-либо» [\[28\]](#). Это название отсылает к библейскому образу «ключей от рая», которые, согласно христианской традиции, были вручены апостолу Петру, в этом контексте *ключи* символизируют доступ к тайнам, знаниям и истине. По своей форме словосочетание *ключи + имя собственное в родительном падеже* отсылает к названию произведения Сергея Есенина «Ключи Марии». (О заглавиях как текстовых элементах см.: [\[29; 30\]](#).)

Все передачи цикла объединены темой литературы, это просветительский проект, главная цель которого – пробудить интерес радиослушателей к прозе и поэзии, углубить их знания о литературе. Программа «Ключи Захара» была запущена в эфир 8 декабря 2024 года и выходит регулярно по воскресеньям (название первой передачи – «Судьба поэта-эмигранта: Георгий Иванов»). Каждая передача посвящена проблемам, связанным с литературой, отдельному автору или литературному направлению, имеет свое уникальное название, отражающее ее содержание и героя. Например, среди последних выпусков можно назвать: «Куртуазные маньеристы: ирония, гедонизм и изящество», «Сталинская премия: награда, меняющая жизнь», «Отцовская линия в литературной традиции России», «Стивенсон: романтик, психолог и любитель пиратов», «Почему Хлебников – поэт “иной вселенной”?», «Чтобы помнили: фронтовые поэты и наша

Победа». Название каждого выпуска соответствует ключевой теме или персонажу конкретной передачи, создает четкую ассоциацию для зрителей и слушателей. Эта форма названия помогает сразу определить основную идею каждой передачи и привлекает широкую аудиторию, интересующуюся литературой.

В данной статье анализ метатекста радиопередачи базируется на материале текста программы, посвященной А.И. Куприну, вышедшей в эфир 21 сентября 2025 года; она включает две части, первая из которых называется «"Неровный" писатель Александр Куприн», вторая – «Синусоида творчества Александра Куприна». Кроме Захара Прилепина, ведут программу филологи Олег Демидов и Алексей Колобродов.

(Примечание: в записи текста радиопередачи в данной статье сохраняются особенности, свойственные устной речи, в том числе и такие, которые воспринимались бы как речевые ошибки в письменном тексте. Используются сокращения: З. П. – Захар Прилепин, О. Д. – Олег Демидов, А. К. – Алексей Колобродов.)

Типы метатекста в программе «Ключи Захара»:

1. Рамочный метатекст, обозначающий границы радиопередачи:

Начало программы:

З.П.: День добрый! Это программа «Ключи Захара» на радио Спутник. В студии мы. Меня зовут Захар Прилепин. Со мной мои товарищи и соведущие: Олег Демидов.

О.Д.: Всем привет!

З.П.: И Алексей Колобродов.

А.К.: Здравсьте, товарищи!

З.П.: Филологи и литературоведы. Сегодня мы будем говорить о замечательном русском писателе, о нашем классике, которого зовут Александр Иванович Куприн.

Завершение первой части программы:

З.П.: И судьба его [Куприна] перегнула уже в белую армию. Об этом мы будем после перерыва рассказывать, потому что он третий раз уже одевает воинскую форму. И к чему все это привело, мы поговорим через несколько минут. А пока маленький перерыв. Это программа «Ключи Захара» на радио Спутник. Не покидайте нас надолго, мы еще вернемся и поговорим про замечательного русского писателя Александра Ивановича Куприна и его мытарства, его страдания, в том числе и в эмиграции.

Начало второй части – отсылка к первой части программы:

З.П.: Снова здравствуйте! Это программа «Ключи Захара» на радио Спутник. В студии я, Захар Прилепин, мои товарищи и соведущие: Олег Демидов.

О.Д.: И снова всем привет!

З.П.: И Алексей Колобродов.

А.К.: И снова здравствуйте!

З.П.: Филологи и литературоведы. Мы говорим про Александра Ивановича Куприна, рассказывали про его дореволюционную биографию, литературную, и журналистскую, и революционную, и, конечно же, военную. Рассказывали о том, как быстро он приобрел

успех.

Завершение программы:

З. П.: С вами была программа «Ключи Захара» и я, Захар Прилепин, и мои товарищи и соведущие: Олег Демидов.

О.Д.: Всем пока!

З.П.: И Алексей Колобродов.

А.К.: Всего доброго!

Эти примеры демонстрируют, что в тексте радиопередачи показатели начала и конца текста объединяются с этикетными формулами приветствия и прощания. Вначале, после приветствия, дается название программы, представляются ведущие и обозначается тема передачи.

Завершающий метатекст первой части программы включает проспективную отсылку к содержанию ее второй части, указание на то, что будет перерыв, и призыв к радиослушателям продолжить прослушивание программы после перерыва, для этого используется форма повелительного наклонения глагола. В начале второй части программы метатекст отсылает к содержанию ее первой части.

В рамочный метатекст радиопередачи четыре раза включается название программы и трижды – имена ведущих программы.

2. Проспективный метатекст основной содержательной части программы:

З. П.: Но это мы, когда будем разбирать уже его биографию более подробно, на этих вещах остановимся.

З. П.: Сейчас мои товарищи более подробно будут на эти темы говорить. Я просто такие общие линии черчу, вот.

З. П.: И прежде чем передать слово товарищам, конечно же, скажу, что <...>

З. П.: Я об этом расскажу позже, а пока передаю слово своим товарищам.

З. П.: А теперь передаю Леше слово.

А.К.: Приведу пример.

О.Д.: Сейчас расскажу одну маленькую историю <...>

З.П.: А последнюю историю я хотел бы рассказать про Куприна, чтоб понять, что он собой... представлял собой в эмиграции.

Проспективный метатекст указывает на характер последующего текста (*пример, история*), объясняет намерение говорящего (*чтобы понять*). Кроме того, формат радиопередачи предопределяет структуру проспективного метатекста: программа проходит в форме беседы, включающей трех говорящих, поэтому проспективный метатекст содержит реплики, указывающие на передачу слова от одного участника программы к другому.

3. Ретроспективный метатекст основной содержательной части программы:

А.К.: И потом, действительно, как Олег справедливо заметил <...>

З. П.: <...> как Олег уже замечал <...>

З. П.: Кстати, Алексей упоминал <...>

З. П.: <...> о котором замечательно рассказывал Алексей Колобродов <...>

З. П.: Мы часто в наших программах говорим об <...>

Ведущие программы делают отсылки к репликам друг друга, эти отсылки могут включать оценку, в данных примерах положительную. Местоимение *мы* в последнем примере объединяет всех ведущих.

4. Ретроспективно-перспективный метатекст основной содержательной части программы:

А.К.: Знаете, как бы две важных темы: Куприн и армия. Захар затронул ее, и я ее продолжу.

А.К.: Я бы хотел вернуться к <...>

А.К.: Давай еще раз скажем, что <...>

Ретроспективно-перспективный метатекст указывает на то, что говорящий будет повторять то, что было в предшествующем тексте. Для выражения этого смысла используются специальные глаголы (*вернуться, продолжить*), а также сочетание частицы и существительного (*еще раз*).

5. Вставки, появляющиеся по ходу программы и отклоняющиеся от основной линии содержания:

З. П.: И, забегаю вперед, скажу, что <...>

О.Д.: Маленькое лирическое отступление <...> С лирическими отступлениями закончили.

А. К.: <...> тут я уже немножко забегаю вперед <...>

З.П.: Можно тут я на секунду отступаю? Мне только сейчас пришла в голову мысль эта, рискованная, но я ее произнесу.

З. П.: Но тут я все-таки сделаю небольшую поправку. Леша, я сейчас как бы на три минуты отниму время, а ты... Потом верну тебе обратно мяч, а ты доскажешь.

З. П.: И я, забегаю вперед, хочу еще сказать <...>

З.П.: На секунду прерву тебя.

З.П.: Есть, кстати, в воспоминаниях одна история <...>

В программе «Ключи Захара» ведущие говорят без опоры на письменный текст (это видно в видеотрансляции, размещенной на нескольких платформах в интернете), импровизируют по ходу передачи, вследствие чего в основной текст включаются вставки, кроме того, Захар Прилепин иногда перебивает своих коллег, вставляя в текст передачи возникшие у него мысли. В этом типе метатекста наиболее часто используется метафора: лексика с семантикой движения (*забегать вперед, отступить, отступление*) и физического действия (*вернуть мяч*).

6. Акцентирование внимания на наиболее значимых частях текста:

З. П.: Вот вообще о Куприне надо сразу сказать, что <...>

З. П.: Но в наши дни и в нашем контексте отдельно важно проговорить <...>

О. Д.: И, собственно, необходимо понимать, что <...>

А. К.: Мало того, что <...>

З. П.: Вот что парадоксально и для меня даже... не вполне даже необъяснимо.

З.П.: То есть это, еще раз говорю <...>

З.П.: Но что удивительно, я две вещи проговорю все-таки <...>

З. П.: И тут все-таки надо понимать, что <...>

З. П.: Ну, еще раз говорю: вы просто вообразите себе эту ситуацию.

А. К.: И обратить внимание на то, что <...>

Акцентирование внимания адресата на наиболее значимых частях текста выражается безличными предложениями, высказываниями в форме 1-го лица и побудительными предложениями в форме 2-го лица.

7. Указание на порядок следования частей текста:

А. К.: Вот, три любопытных сюжета. Первый <...> И второе, значит, это <...>

З.П.: Но что удивительно, я две вещи проговорю все-таки <...> Что удивительно, во-первых <...>

В приведенных примерах выявляется интересная особенность устного текста, в котором говорящие импровизируют. Стремясь логически выстроить текст, они обозначают количество частей текста с определенным значением, но затем это количество уменьшается: Алексей Колобродов оговаривает, что рассмотрит три сюжета, но рассказывает только о двух; Захар Прилепин обозначает две вещи, о которых проговорит, но в его реплике появляется только вводное слово *во-первых*.

Подведем итоги. Проведенный анализ показал, что метатекст, включенный в текст радиопередачи, отличается от метатекста, включенного в письменный текст. Выделим эти отличия:

1. Показатели начала и конца текста радиопередачи сливаются с этикетными формулами приветствия и прощания. Рамочный метатекст включает название программы, которое повторяется несколько раз (в проанализированном нами тексте – четыре раза) и имена ведущих программы.

2. Показатель перерыва между частями программы включает призыв к радиослушателям продолжить прослушивание программы после перерыва.

3. Проспективный метатекст включает реплики передачи слова от одного участника программы к другому, так как у текста не один автор, а три, и их реплики чередуются.

4. Ретроспективный метатекст одного из ведущих программы отсылает к репликам других ведущих этой программы и может включать оценку этих реплик, как правило, положительную, либо содержит местоимение *мы*, объединяющее всех ведущих.

5. Ведущий программы может прерывать своих коллег и делать вставки в их текст.
6. Акцентирование внимания адресата на наиболее значимых частях текста выражается безличными предложениями, высказываниями в форме 1-го лица и побудительными предложениями в форме 2-го лица.
7. В связи с устным импровизационным характером текста заявленное количество частей текста не реализуется: вместо двух частей проговаривается одна, вместо трех – две.

Таким образом, в тексте радиопередачи метатекст, помогающий радиослушателям воспринимать смысл текста, существенно отличается от письменного метатекста. Это обусловлено двумя факторами: 1) формой радиопередачи, которая проходит в виде беседы, включающей трех говорящих, реплики которых чередуются; 2) устным характером текста, тем, что ведущие не опираются на письменный текст и импровизируют по ходу программы.

Библиография

1. Нестерова Н. Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Издательство Томского университета, 2015. 320 с. DOI: 10.17223/978-5-7511-2403-8 EDN: XWTRTT.
2. Коньков В. И., Сурикова Т. И. Радиоречь как поликодовое образование: содержание понятия и принципы описания // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3(14). С. 48-56. DOI: 10.17516/2311-3499-027. EDN: YNRGKL.
3. Ермоленкина Л. И. Дискурс радио как функциональная целостность: подходы к моделированию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 68-72. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-68-72. EDN: XYTRHV.
4. Нестерова Н. Г. Коммуникативно-прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 37-40. EDN: LHQMFD.
5. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 78, № 3. С. 159-167. EDN: MUPSQX.
6. Егошкина В.А. Специфика репрезентации речевых стратегий и тактик в просветительских аудиоподкастах // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 103-118. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69816 EDN: WCHKSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69816
7. Нестерова Н. Г. Радиотекст как гипертекст // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5. С. 89-99. DOI: 10.17223/19986645/37/7 EDN: VCPSGR.
8. Нестерова Н. Г. Радидискурс и радиотекст в условиях новых коммуникаций // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 3. С. 381-401. DOI: 10.21638/spbu22.2019.308. EDN: BVNEYO.
9. Говорщенко О. Н. Метаязык радио как система художественно-выразительных средств коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3(7). С. 141-146. EDN: TPTNBH.
10. Орехова Е. Н. Субъективная модальность радиодискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 19-25. EDN: TGLRHT.
11. Шакиров С. М. Литература в радиоформате // Медиасреда. 2018. № 13. С. 18-27. EDN: XZAO TJ.
12. Куликова Э. Г. Конституенты образности художественного текста:

- лингвопрагматический аспект (на материале прозы Захара Прилепина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1(59). С. 97-99. EDN: VPNOKB.
13. Малышева А. И. Специфика вербальных и риторических средств в художественных и публицистических произведениях Захара Прилепина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. № 2(30). С. 69-85. EDN: WLYLXX.
14. Башкова И. В., Полежаева Л. О. Слово "родина" в дискурсах Дмитрия Быкова и Захара Прилепина // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 93-101. DOI: 10.17516/2311-3499-105. EDN: LBGRDA.
15. Вологина Е. В., Щеникова Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 249-256. EDN: TJDGJD.
16. Безруков А. Н. Ситуация войны как основа прозаических текстов Захара Прилепина // Филология в XXI веке. 2023. № 1(11). С. 55-60. EDN: JUMVBO.
17. Крылова Н. В. Особенности индивидуального стиля писателя-журналиста Захара Прилепина на примере его публицистических работ // Медиа-2024: теория и практика: Материалы IV международной научно-практической конференции, Москва, 01 марта 2024 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 322-326. EDN: VBHGAW.
18. Коробко Л. В., Скребова Е. Г., Сиротина С. А. Писатели и журналистика: разные стороны одной медали? (на примере творчества Захара Прилепина) // СМИ в онтологическом и культурном пространстве славянского мира: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, Тверь, 24-25 мая 2024 года. Тверь: Тверской государственный университет, 2024. С. 29-32.
19. Гостев, С. П. Военно-политическая публицистика в книге Захара Прилепина "Координата Z" (2023) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2025. № 3(86). С. 233-239. DOI: 10.26456/vtfilol/2025.3.233. EDN: JMSAQY.
20. Демина Л. И. Сайт писателя как инструмент коммуникации с читателями // Традиции и инновации в массовой коммуникации: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 13 февраля 2025 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2025. С. 41-44. EDN: NOLUOA.
21. Жучкова А. В. Двойной код прозы Захара Прилепина. О книге "Собаки и другие люди" (2023) // Вопросы литературы. 2025. № 2. С. 25-39. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-2-25-39. EDN: GPREBQ.
22. Шаронова Е.А., Тарасов А.В. Образ военного города в русской литературе XXI века (на материале «Ополченского романа» Захара Прилепина) // Филология: научные исследования. 2025. № 8. С. 1-13. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.8.75381 EDN: HGNDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75381
23. Татаринцев А. В., Штейнбах К. В. Александр Проханов и Захар Прилепин: реализация "философии поступка" в прозе и публицистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 12. С. 4634-4642. DOI: 10.30853/phil20240657. EDN: DDZQRA.
24. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 402-421.
25. Шмелева Т. В. Репертуар метасредств русского языка // Шмелева Т. В. Культура речи: Сборник статей и материалов. Великий Новгород: РЦРО, 1998. С. 33-35.
26. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Шмелева Т. В. Культура речи: Сборник статей и материалов. Великий Новгород: РЦРО, 1998. С. 49-56.

27. Баженова, Е. А. Средства адресации в научном тексте / Е. А. Баженова // Медиаскоп. – 2012. – № 4. – С. 6. EDN: PKZHBL.
28. Большой толковый словарь русского языка: БТС: А-Я / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004.
29. Корниенко Е.Р. Заголовочный метатекст в публицистическом наследии русского просветителя Н.И. Новикова // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 242-249. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29668 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29668
30. Фарафонова О.А. Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С. 122-136. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJIUQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу метатекста современной радиопередачи как особого типа текста функционирующего в устном медиадискурсе. Объектом исследования является метатекст радиопередачи, предметом — языковые и прагматические особенности, отличающие метатекст радиоформата от письменного метатекста. Выбор конкретного материала — программы «Ключи Захара» на радио Sputnik — позволяет рассмотреть метатекст как живую беседу нескольких участников коммуникации и тем самым выявить специфические черты звучащей речи.

Методология исследования

Методологическая база статьи выстроена последовательно. Автор опирается на общенаучные методы наблюдения и сравнения, а также на лингвистические методы семантического, прагматического и контекстуального анализа. Теоретическую основу исследования составляют концепция метатекста А. Вежбицкой и с работами Т. В. Шмелевой и Е. А. Баженовой. Четко обозначена трактовка метатекста и его разграничение с близкими понятиями (метасмыслы, субтекст адресации).

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Радиодискурс остается значимым каналом массовой коммуникации, но в условиях цифровизации и мультимодальности медиа приобретает новые формы. Изучение метатекста в радиопередаче способствует более глубокому пониманию механизмов организации устного медиатекста. Работа органично вписывается в современные направления медиалингвистики и лингвистики дискурса.

Научная новизна

Научная новизна статьи заключается в систематизированном описании типов метатекста именно в радиопередаче разговорного, просветительского формата. Автор предлагает развернутую классификацию метатекстов: рамочный, перспективный, ретроспективный, ретроспективно-перспективный метатекст, вставки, средства акцентирования, указания на порядок следования частей текста. Особый интерес представляет расхождение между

заявленной и фактически реализованной структурой текста, обусловленного импровизационным характером устной речи.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет четкую структуру и логичную структуру. Теоретический обзор органично переходит в аналитическую часть, основанную на репрезентативном эмпирическом материале. Примеры из радиопередачи транскрибированы с сохранением особенностей устной речи, что повышает достоверность анализа. Стиль изложения соответствует требованиям научного текста, при этом сохраняется ясность и доступность формулировок. Анализ последователен и логически выстроен.

Библиография

Библиография статьи обширна и репрезентативна. В нее включены фундаментальные труды по радиодискурсу, медиалингвистике, метатексту и прагматике, а также современные исследования. Источники подобраны адекватно, используются по назначению, что свидетельствует о высокой степени теоретической проработанности темы.

Апелляция к оппонентам

Полемический аспект в статье выражен имплицитно. Автор соотносит свое понимание метатекста с существующими концепциями и аккуратно вписывает собственные наблюдения в уже сложившуюся научную традицию. Вместе с тем статья ориентирована не столько на дискуссию, сколько на уточнение и расширение существующих представлений о метатексте в устном медиадискурсе.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа и четко формулируют отличия метатекста радиопередачи от письменного метатекста. Убедительно показано, что специфика радиометатекста обусловлена диалогической формой передачи, несколькими авторами, импровизационным характером устной речи.

Работа представляет интерес для специалистов в области лингвистики текста, дискурсивного анализа, медиалингвистики, а также для исследователей радиожурналистики и преподавателей гуманитарных дисциплин. В целом статья производит благоприятное впечатление как теоретически выверенное и методологически правильное исследование, вносящее вклад в изучение современного радиодискурса.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чэнь К. К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 132-145. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77370 EDN: OSBYJJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77370

К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка»

Чэнь Канюй

ORCID: 0009-0008-7801-1259

соискатель; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

000000, Китай, Гуандун область, г. Гуанчжоу, ул. Лиганлу, 6, кв. 1407

✉ hkoch24@outlook.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77370

EDN:

OSBYJJ

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2025

Дата публикации:

28-12-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию специфики иронической модели в пьесе А. П. Чехова «Чайка». Предметом анализа выступает структурно-функциональный механизм реализации иронической модели, возникающей как онтологическое несоответствие между статичной внутренней философией персонажей и динамическим потоком реальности. В центре внимания находится ирония, порождаемая самой тканью драматического действия, где герои остаются заложниками собственных мировоззрений вопреки радикальной смене внешних жизненных обстоятельств. Автор рассматривает образы Маши, Полины Андреевны, Нины Заречной и Треплева через призму их неспособности к подлинному диалогу и осознанию своего места в меняющемся времени. Изучается, как субъективная замкнутость персонажей в пространстве личных иллюзий формирует целостную ироническую модель, определяющую философскую глубину и

художественное своеобразие чеховской поэтики. Метод исследования основан на комплексном анализе текста пьесы, сопоставлении диалогов персонажей с существующими критическими и литературоведческими источниками, включая концепции драматической и трагической иронии, а также на систематизации и интерпретации примеров для выявления особенностей чеховской иронической модели. Научная новизна исследования заключается в обосновании иронической модели как системного принципа организации чеховской драмы, выходящего за рамки сатирического приема. Автор доказывает, что ирония у Чехова носит гносеологический характер и служит инструментом выявления трагикомической сложности бытия. Механизм иронии в «Чайке» базируется на сложной диалектике статичности и динамики, индивидуального желания и общей цепи страдания. В выводах установлено, что прозрение героев, даже достигнутое ценой утраты иллюзий, не ведет к разрешению конфликта, а лишь подчеркивает их одиночество. Полученные результаты позволяют утверждать, что ироническая модель «Чайки» предвосхищает поэтику всей зрелой драматургии Чехова, становясь универсальным способом постижения неуловимой правды жизни. Работа расширяет представления о чеховском комизме и предлагает инструментарий для дальнейшего изучения иронического модуса.

Ключевые слова:

А.П. Чехов, драматургия, комическое, комедия, ирония, ироническая модель, авторская ирония, объективная ирония, несоответствие, Чайка

Введение

Особенности иронии в драматургии А.П. Чехова на протяжении длительного времени находятся в центре внимания русского и зарубежного литературоведения. Исследователи неоднократно подчеркивали, что чеховская ирония принципиально отличается от традиционной авторской иронии и не сводится к прямой оценке персонажей или изображаемых ситуаций. В этом отношении показателен широкий круг работ, в которых ирония рассматривается как скрытая, опосредованная форма художественного мышления писателя.

Объектом данного исследования является драматургия А. П. Чехова. Предмет исследования составляет ироническая модель и способы ее функционирования в пьесе «Чайка». Цель работы состоит в выявлении специфики реализации иронической модели в «Чайке» и её роли в формировании особого иронического модуса чеховской драматургии. Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. изучить теоретические подходы к анализу иронии в творчестве Чехова и обосновать выбор источников;
2. определить понятие «иронической модели» как структурного принципа организации драматургического действия;
3. выделить и проанализировать ключевые компоненты иронической модели в пьесе «Чайка», такие как ситуация взаимного непонимания и статичность персонажей;
4. рассмотреть трансформацию иронической модели в образах Треплева и Нины, а также специфику «иронии приспособления» в линиях Аркадиной и Тригорина;
5. обобщить функции иронии как способа художественного осознания трагической несоразмерности жизни.

Методология исследования базируется на сочетании методов структурно-семантического

анализа, сравнительно-типологического метода и метода целостного анализа художественного текста, позволившего осмыслить ироническую модель в единстве поэтики и проблематики творчества А.П. Чехова.

Основные подходы к исследованию иронии А.П. Чехова

Вопросы поэтики чеховской иронии уже давно находятся в фокусе внимания литературоведов, однако подходы к её изучению претерпевали значительную эволюцию.

Одной из первых к исследованию особенности иронии Чехова обратилась в свое время Э.А. Полоцкая. Опираясь на мысль Т. Манна о том, что сама жизненная правда «по природе своей иронична» [\[1, с. 528\]](#), Полоцкая определяла чеховскую иронию, особенно в драматургии писателя, как «внутреннюю» иронию. Исследовательница убедительно показала, что объективная форма драмы создает идеальные условия для проявления такой иронии, которая растворена в самой структуре бытия и требует от читателя «зоркого» внимания [\[2, с. 39\]](#).

Дискуссионным остается вопрос о механизме возникновения иронического смысла. Например, на особенность иронии Чехова обратил внимание В.Б. Катаев [\[3; 4\]](#). Ученый утверждает, что в пьесе Чехова «не столько ирония, исходящая от автора, сколько воспроизводимая им ирония самой жизни, обесценивающей любую фразу, позу, особенно заемную, несамостоятельную, принятую со стороны» [\[4, 195-196\]](#). При этом, следуя гносеологическому подходу, Катаев связывает его с моментом внутреннего прозрения героев и обнаружением их скрытой общности [\[4\]](#).

С утверждением Катаева полемизирует И.Н. Сухих, который указывает на условность и случайность связи между внутренним открытием персонажа и гносеологическим открытием: «новый тип сюжета как парадоксального, внутренне противоречивого обнаружения характера героя, не обязательно связанного с его субъективным открытием, – значительно расширяет эту группу произведений» [\[5, с. 59-60\]](#).

Значимый вклад в углубление темы внесли работы, рассматривающие иронию в этико-философском ключе [\[6-9\]](#). Так, Л. Е. Кройчик видит в чеховской иронии обратную сторону гуманистического пафоса, утверждая, что «стремясь достучаться к каждому человеческому сердцу, он открывал огромные потенциальные возможности личности, подчас пропадающие втуне. Это питало чеховскую иронию, но – одновременно и показывало, сколь значителен может быть человек, настроенный на волну взаимопонимания, взаимосочувствия, на волну созидания» [\[6, с. 264\]](#). Ученый Э.С. Афанасьев, утверждая, что «оценки и самооценки героя смещены из аспекта гносеологического в аспект онтологический» [\[8, с. 95\]](#), переводит разговор в плоскость «драматической вины» чеховских персонажей, которые уклоняются от жизненного статуса, от судьбы и от их «предназначенности». Таким образом, согласно ученому, «драматическая вина и является жанрообразующим фактором в пьесах Чехова» [\[8, с. 259\]](#).

Современные исследователи значительно существенно углубили анализ этого поле, сосредоточив внимание на конкретных приемах – от символики (образа чайка) до системы иронических деталей [\[10-19\]](#). Например, Б.Я. Зуяне полагает, что «Чайка» – это «комедия иронического сожаления, в ней выражено скептическое отношение к печали о непоправимом, где непоправимое – это события, на ход которых повлиять невозможно»

[\[10, с. 15\]](#)

В центре нашего внимания находятся более современные интерпретации чеховской драматургии в русле особенностей иронии. Рассматривая эволюцию поэтики иронии в творчестве Чехова Л.М. Нигматуллина приходит к выводу, что «в плане эволюции в ранних произведениях писателя ирония идет крещендо, а в зрелых – иронический тон меняется от форте к пиано, смешиваясь к тому же с другими модусами художественности, с лиричностью, или с драматизмом» [\[17\]](#). Иронические детали в художественной системе Чехова также вызвали интерес у исследовательницы Н.А. Кадировой, которая приходит к выводу об иронической особенности «Чайки»: «в пьесе «Чайка» благодаря аккумуляции деталей усиливается трагическая ирония, свидетельством которой становится сквозной образ мертвой чайки, символизирующей мечту Треплева и Нины Заречной о новом искусстве. Используя различные приемы выражения многогранной иронии, драматург последовательно реализует принцип оксюморонного совмещения напряженных внутренних конфликтов, связанных с решением важнейших проблем искусства, и удушающих бытовых мелочей» [\[19, с. 27\]](#).

Рассмотренные выше материалы исследования специфики ироничности в художественной системе позволяет понять, что при всей значимости этих исследований проблема механизма функционирования иронии в чеховской драме остается недостаточно систематизированной. Чаще всего ирония рассматривается либо как философский модус, либо как совокупность частных приемов, тогда как нам представляется важным увидеть в ней единую модель, организующую развитие действия. Особенно наглядно эта проблема проявляется в пьесе «Чайка», где ирония не проявляется в отдельных репликах или комических ситуациях, а пронизывает систему персонажей и их взаимодействий.

В настоящей статье предлагается рассматривать иронию в «Чайке» как ироническую модель, то есть как повторяющийся структурный принцип, определяющий логику развития конфликтов и характер персонажных связей.

Для теоретического обоснования нашего подхода необходимо уточнить содержание понятия «ирония» применительно к драматургической структуре. В качестве отправной точки мы принимаем философское определение иронии как категории, «характеризующей процессы отрицания, расхождения намерения и результата, замысла и объективного смысла», при этом ирония отмечает «парадоксы развития, определ. стороны диалектики становления» [\[20, с. 220\]](#). Этот базис позволяет нам опереться на интерпретацию Т. Манна, видевшего суть иронии в трагическом расколе между субъектом, носителем ценностей, и миром, подвергающим эти ценности сомнению [\[20, с. 221\]](#).

Однако для анализа пьесы общепризнанного понимания недостаточно. Ключевым методологическим ориентиром для нас служит концепция «драматической иронии» П. Пави. Важно, что Пави указывает принципиальное отличие новой драмы от классического театра, «...например, у Чехова... ирония организует саму структуру диалогов: «она зиждется на непрерывном воспроизводстве двусмысленностей, порождающих новые двусмысленности и завершающихся демотивациями персонажей и стратегии прочтения, которая делает возможными взаимоисключающие интерпретации, отказываясь от эксплицитных решений» [\[21, с. 128\]](#). Именно эта логика принципиальной неоднозначности определяет характер диалогов в «Чайке», где реплики персонажей формально соотносятся друг с другом, но не ведут к подлинному взаимопониманию. В

своей статье Ищук-Фадеева Н.И. указывает на разделение «иронии вербализированной» и «иронии ситуационной». Однако, когда речь заходит о чеховской иронии, исследовательница приходит к выводу, что «трагедийность комедии и «метафизическое утешение» (Ф. Ницше) трагедии, близкое по своему мироощущению жанру комедии, – проблема сложная» [\[22, с. 21\]](#).

Таким образом, синтезируя философский взгляд на «парадоксы развития» и театроведческое понимание структуры диалога, в данной работе под иронической моделью предлагаем понимать особый способ организации драматургического мира, при котором столкновение замкнутых индивидуальных картин мира персонажей с объективным течением жизни (и друг с другом) порождает устойчивый эффект смыслового несовпадения и трагикомического диссонанса.

Основная часть

Ирония в драматургии Чехова может быть рассмотрена как организующий принцип, определяющий не только тональность пьесы, но и характер ее конфликтов. В «Чайке» этот принцип проявляется особенно отчетливо, поскольку драматическое действие строится именно вокруг системы повторяющихся ситуаций непонимания, ожидания и разочарования.

Одним из ключевых элементов иронической модели в «Чайке» является ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами. Это непонимание носит не случайный и не психологически частный характер, а выступает в качестве структурного механизма, определяющего логику драматургического действия. Ирония возникает здесь из столкновения различных систем ценностей и представлений о жизни, которые не поддаются взаимному переводу.

Уже в начальных сценах пьесы Чехов демонстрирует тип диалога, при котором реплики персонажей формально соотносятся друг с другом, но семантически не пересекаются. Показателен разговор Маши и Медведенко. Медведенко искренне не понимает причин Машиного страдания, оценивая ее положение с точки зрения материального благополучия: «Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком» [\[23, с. 5\]](#). В ответ Маша этому противопоставляет свое понимание несчастья: «По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях...» [\[23, с. 6\]](#). Иронический эффект здесь заключается в том, что оба персонажа правы в пределах собственных координат, однако сама структура диалога делает понимание невозможным.

Аналогичная модель воспроизводится и в отношениях Нины и Треплева. Нина не принимает символического языка и художественных поисков Треплева, прямо заявляя: «Я слишком проста, чтобы понимать вас» [\[23, с. 27\]](#). Ее критика пьесы («В вашей пьесе мало действия...» [\[23, с. 11\]](#)) свидетельствует не столько о наивности, сколько о приверженности иной художественной установке, ориентированной на ясность и сценическую выразительность. В свою очередь, Треплев, настаивая на необходимости «новых форм» [\[23, с. 8\]](#), не способен услышать позицию Нины, что лишь углубляет разрыв между ними.

Принципиально важно, что подобные коммуникативные провалы не осознаются персонажами как трагическая аномалия. Каждый из них убежден в естественности собственной точки зрения, что придает иронии особую глубину. Зритель оказывается в привилегированной позиции, поскольку видит повторяющуюся модель, в рамках которой

искренность намерений оборачивается источником страдания для другого.

Таким образом, непонимание в «Чайке» функционирует как устойчивый механизм порождения иронии. Желание одного персонажа неизбежно оказывается травматичным для другого, образуя цепь взаимных несчастий. Иронический эффект возникает из самой структуры взаимодействий, в которой замкнутость индивидуальных миров превращает человеческое общение в источник трагикомического напряжения.

Важнейшим элементом иронической модели в «Чайке» является статичность персонажей, которая проявляется не как отсутствие жизненных событий, а как неспособность к внутреннему пересмотру собственных жизненных оснований. Чехов последовательно показывает, что внешние перемены сами по себе не ведут к подлинному изменению, если они не сопровождаются переоценкой ценностей и способов восприятия мира.

Особую выразительность этот принцип приобретает в четвертом действии пьесы, где временной разрыв в два года выполняет не столько реалистическую, сколько ироническую функцию. Ожидание перемен сталкивается здесь с очевидным отсутствием внутреннего движения. Так, Маша, выйдя замуж за Медведенко, надеется заглушить прежние чувства «новыми заботами» [23, с. 33], однако и спустя годы продолжает воспроизводить тот же эмоциональный сценарий. Ее реплика о намерении «с корнем из сердца вырвать» прежнюю любовь [23, с. 47] повторяет по сути те же формулы, которые звучали и раньше, тем самым подчеркивая неизменность ее внутренней позиции.

Иронический эффект возникает из повторяемости жизненной установки персонажа. Маша не просто страдает, но продолжает настаивать на страдании как на форме самоидентификации, не осознавая, что именно эта установка лишает ее возможности выхода за пределы замкнутого круга. Подобное повторение воспринимается самими персонажами как движение, тогда как для зрителя оно обнажает отсутствие подлинного развития.

Аналогичным образом выстраивается и линия Полины Андреевны. Ее отношения с Дорном сохраняют ту же структуру зависимости и ревности, несмотря на прошедшее время. Обращаясь к Маше со словами «я ведь всё понимаю» [23, с. 47], она фактически подтверждает неизменность собственной эмоциональной позиции. В этом проявляется характерная для чеховской драматургии ситуация, при которой персонажи интерпретируют устойчивость как жизненную мудрость, тогда как она оказывается формой внутренней неподвижности.

Вышесказанное позволяет уточнить, что статичность в «Чайке» выступает как особая форма драматической вины. Она заключается не в активном нарушении нравственных норм, а в приверженности иллюзорному ожиданию перемен без пересмотра собственных оснований. Как отмечает Э.С. Афанасьев, подобная вина связана со стремлением персонажей к ложному самоутверждению и может быть преодолена лишь через опыт подлинного внутреннего изменения [9, с. 59]. В большинстве случаев герои «Чайки» к этому опыту не приходят, что и формирует устойчивый иронический эффект пьесы.

На фоне статичных персонажей фигуры Треплева и Нины занимают в «Чайке» особое положение. В отличие от Маши или Полины Андреевны, их жизненный путь не сводится к простому воспроизведению неизменных установок. Чехов наделяет обоих героев потенциалом внутреннего изменения, что позволяет рассматривать их линии как динамический вариант иронической модели.

В первых трех действиях пьесы Треплев и Нина предстают как носители жестких, хотя и противоположных идеалов. Треплев абсолютизирует художественную новизну, настаивая на необходимости «новых форм» [23, с. 8] и отвергая существующую традицию. Нина, напротив, ориентирована на сценический успех и театральный блеск, что проявляется в ее критике пьесы Треплева («В вашей пьесе мало действия, одна только читка. И в пьесе, по-моему, непременно должна быть любовь...» [23, с. 11]) и в вопросе к Тригорину: «Не правда ли, странная пьеса?» [23, с. 16]. Несмотря на взаимное притяжение, их диалог строится по модели непонимания, поскольку каждый из них говорит из собственной системы ценностей.

В этом контексте представляется возможным уточнить позицию П. Н. Долженкова, утверждавшего, что Чехов отказывается от разработки комического эффекта даже при наличии предпосылок для него [12, с. 57]. В «Чайке» комическое действительно не получает оформления в виде внешнего эффекта, однако его потенциал сохраняется и перерабатывается в иронический регистр. Комизм утрачивает функцию разрядки и становится частью структуры драматического действия.

Перелом в судьбах героев происходит за пределами сценического действия и становится очевидным лишь в четвертом акте. Оба утрачивают прежние иллюзии. Треплев отказывается от абсолютизации формы и приходит к убеждению, что «дело не в старых и не в новых формах» [23, с. 56]. Нина, пережив крах сценических мечтаний, формулирует иную жизненную установку, утверждая, что в искусстве «главное не слава, не блеск..., а умение терпеть» [23, с. 58]. На этом уровне между ними возникает духовное родство, основанное на общем опыте страдания.

Однако именно здесь чеховская ирония приобретает трагическую глубину. Достигнув сходных выводов, Треплев и Нина по-прежнему не способны к подлинному взаимопониманию. Для Нины найденная вера становится источником жизненной опоры, тогда как для Треплева тот же опыт оборачивается ощущением пустоты и утраты призвания: «Я не верую и не знаю, в чем мое призвание» [23, с. 59]. Их сближение оказывается запоздалым и не ведет к разрешению конфликта.

Иронический эффект строится здесь на парадоксе. Персонажи проходят схожий путь утраты иллюзий, но приходят к принципиально различным онтологическим результатам. Если в статичных фигурах ирония возникает из отсутствия движения, то в образах Треплева и Нины она формируется из самой динамики, из изменения, не приводящего к целостности. Тем самым Чехов демонстрирует предельную форму иронической модели, при которой даже внутреннее прозрение не гарантирует выхода из одиночества.

В этом контексте ирония в линии Треплева и Нины приобретает черты трагической иронии в том смысле, в каком ее определяет П. Пави. Трагическая ирония, по его словам, возникает тогда, «когда герой полностью заблуждается относительно своего положения и находится на пути к гибели, хотя ему самому кажется, что выход может быть найден» [21, с. 128]; при этом двойственность смысла осознается не персонажем, а зрителем. Применительно к образу Треплева это означает, что его позднее прозрение не становится актом освобождения и в итоге оборачивается новым источником трагического разрыва между знанием и возможностью действия.

В отличие от большинства персонажей «Чайки», существование которых определяется внутренним конфликтом, страданием и ожиданием перемен, Аркадина и Тригорин представляют собой примечательное исключение. Их жизненные стратегии основаны не

на поиске выхода из кризиса, а на устойчивом приспособлении к сложившемуся укладу жизни, что придает их образам особое ироническое звучание.

Аркадина демонстрирует редкую для чеховского мира цельность и самодостаточность. Ее характер строится на сочетании внешней противоречивости и внутренней устойчивости, которая не разрушается под давлением обстоятельств. Основу ее мироощущения составляет сознательный отказ от рефлексии о будущем и конечности существования: «И у меня правило: не заглядывать в будущее. Я никогда не думаю ни о старости, ни о смерти. Чему быть, того не миновать» [23, с. 21]. Осознавая свое призвание актрисы, Аркадина, по словам Треплева, убеждена, что «служит человечеству, святому искусству» [23, с. 8].

Как отмечал А.П. Скафтымов, на фоне «ноющих и плачущих» персонажей Аркадина оказывается «единственным жизнерадостным типом» [10, с. 141]. Однако эта жизнерадостность имеет принципиально иную природу, чем стоическое принятие страдания у Нины. Если для Нины пережитый опыт становится источником внутреннего преображения и нравственного роста, то для Аркадиной устойчивость достигается за счет сосредоточенности на личном благополучии. В этом, по мысли Скафтымова, и заключается «признак нравственной ограниченности» Аркадиной [10, с. 141], который формирует скрытый иронический эффект ее образа.

Сходная логика приспособления определяет и линию Тригорина. То, о чем мечтает Треплев — талант, признание, связь с публикой, — для Тригорина становится источником мучительного внутреннего напряжения: «нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь» [23, с. 29], «Я боялся публики, она была страшна мне» [23, с. 30]. Стремясь уйти от этого напряжения, Тригорин ищет утешение в частной, бытовой сфере, прежде всего в рыбалке [23, с. 29].

В первых действиях мотив рыбной ловли выполняет преимущественно характерологическую и комическую функцию, снижая образ знаменитого писателя и подчеркивая разрыв между его публичным статусом и частными желаниями. Однако в четвертом действии этот мотив приобретает иной, более глубокий смысл. Желание «только и делать, что удить рыбу» [23, с. 54] и признание, что «поймать ерша или окуня — это такое блаженство» [23, с. 54], знаменуют окончательный отказ от творческого напряжения в пользу примитивного, физиологически понятного удовольствия. В этом и заключается горькая ирония чеховского взгляда на творческую деградацию, маскируемую внешним благополучием.

Дополнительную выразительность иронической модели придает эволюция мотива «записывания». Если во втором действии Тригорин фиксирует в записной книжке чужие судьбы, выступая в роли наблюдателя, то в дальнейшем объектом записи становится его собственный, глубоко личный опыт, при этом он переходит от роли наблюдателя к роли «участника» судеб действующих лиц. И в финале же этот мотив сменяется настойчиво повторяющимся забвением: «Не помню!» [23, с. 55], «Не помню!» [23, с. 60]. Утрата способности к воспоминанию и рефлексии становится кульминацией его внутреннего опустошения.

Таким образом, в образах Аркадиной и Тригорина реализуется особый вариант иронической модели — ирония приспособления. В отличие от персонажей, чья жизнь определяется страданием и внутренним разломом, они сохраняют устойчивость ценой

отказа от глубины и нравственного напряжения. Их благополучие оказывается особой формой иронии, в которой утрата смысла скрыта под маской жизненной успешности.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что ирония в пьесе А.П. Чехова «Чайка» носит структурно организованный характер. Она вырастает из самой логики драматургического мира пьесы — из способа соотнесения внутреннего опыта персонажей с течением жизни и друг с другом. Чеховская ирония в «Чайке» реализуется в виде иронической модели, основанной на взаимодействии нескольких устойчивых механизмов: ситуация взаимного непонимания; статичность персонажей, понимаемая как неспособность к внутреннему пересмотру жизненных оснований, что превращает время и опыт в форму повторения.

В этом смысле ироническая модель «Чайки» может быть осмыслена как особая форма драматической и трагической иронии в театральном понимании, о котором пишет П. Пави. Ирония у Чехова организует саму структуру драматического действия, выявляя пределы человеческого понимания и действия. При этом, как справедливо отмечает В. В. Полонский, чеховский герой иронически обречен на слабость перед одним из самых сильных соблазнов художественного мира писателя — стремлением «сбросить непосильное бремя судьбы» и раствориться в безличном жизненном укладе [\[16, с. 192\]](#). Ирония в «Чайке» тем самым выступает как способ художественного осознания трагической несоразмерности между субъективными устремлениями личности и объективной логикой жизни.

Особую сложность и глубину ироническая модель приобретает в образах Треплева и Нины. Чехов демонстрирует, что даже преодоление прежних заблуждений не гарантирует выхода из экзистенциального одиночества. Тем самым ирония в «Чайке» проявляется как следствие неподвижности, а также как парадокс динамики — изменения, не приводящего к целостности. В фигурах Аркадиной и Тригорина ироническая модель получает форму иронии приспособления, при которой внутренняя устойчивость и внешнее благополучие достигаются ценой отказа от глубины, рефлексии и нравственного напряжения.

Таким образом, предложенная в статье ироническая модель позволяет рассматривать «Чайку» как пьесу, в которой ирония становится одним из ключевых принципов организации драматического действия. Она выявляет не просто разрыв между желаемым и действительным, но и трагическое несовпадение человеческих миров даже там, где персонажи проходят сходный путь жизненного опыта. Представленный подход может быть применен и к анализу других пьес А.П. Чехова, что открывает перспективы дальнейшего исследования иронического модуса его драматургии в целом.

Библиография

1. Манн Т. Собр. Соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1961. – 696 с.
2. Полоцкая Э.А. О поэтике Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наследие, 2000. – 238 с.
3. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 327 с.
4. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 261 с.
5. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. 1987. – 185 с.
6. Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 276 с. EDN: RTAKRL
7. Назиров Р.Г. Поэтика прозы А.П. Чехова в ее развитии. – Уфа, 1989.
8. Афанасьев Э.С. Творчество А. П. Чехова: Иронический модус: диссертация... доктора

филологических наук: 10.01.01. – Ярославль, 1997. – 301 с.

9. Афанасьев Э.С. Драматургия А.П. Чехова: иронический модус // Литература в школе. 2023. № 4. С. 53-66. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-53-66 EDN: DKUJAE

10. Скафтымов А.П. Драмы Чехова // Волга. 2000. № 2–3. С. 132-147.

11. Зуяне Б. Я. К. С. Станиславский и А. П. Чехов в работе над "Чайкой": К проблеме психологии творчества: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1997. С. 15.

12. Долженков П.Н. Эволюция драматургии Чехова: Монография / П.Н. Долженков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МАКС Пресс, 2023. – 340 с. DOI: 10.29003/m3680.978-5-317-07093-9 EDN: ERKQXY

13. Разумова Н.Е. "Чайка": перепланировка чеховского сада // Драма и театр. Тверь. 2002. – Вып. 4 – С. 103-111.

14. Разумова Н. Е. Онтология судьбы в драматургии А. П. Чехова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. №291. С. 103-112.

15. Каменская Ю. В. Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: диссертация...кандидата филологических наук: 10.02.01. – Саратов, 2001. – 173 с. EDN: NLXBCJ

16. Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – 472 с. EDN: QWISMX

17. Нигматуллина Л. М. А.П. Чехов – мастер иронической детали // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2019. №1 (49). С. 124-129. EDN: BJRCPV

18. Кичигина В.В. "Человек, который хотел..." (о принципах комического несоответствия в чеховской "Чайке") // Филологические науки. Вопросы теории и практики, Том. 13, №.2, 2020. С. 33-36.

19. Кадилова Н.А. Ироническая деталь в художественной системе А.П. Чехова: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.01.01. – 25 с.

20. Философский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др.. – Москва: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.

21. Пави П. Словарь театра: пер. с. фр. М.: Прогресс, 1991. – 504 с.

22. Ищук-Фадеева Н.И. Ирония как фундаментальная категория драмы. // Драма и театр: Сб. науч. Тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – Вып. 4. – С. 10-21. EDN: SYPOTJ

23. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. – М.: Наука, 1978. – 530 с. EDN: VNNSXB

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество А.П. Чехова в отечественной и мировой оценке объемно, фактурно и конструктивно. Но появляются новые исследования, которые сосуществуют с уже имеющимися наработками и это, на мой взгляд, вполне уместно, естественно. И даже при появлении новых наработок по драматургии А.П. Чехова нужно учитывать вектор уже сказанного, а не нивелировать это, ибо фактор обобщения / систематизации есть должный спектр достижения поставленной задачи. Представленный же к публикации материал не содержит должным образом грейд обобщения критических работ. Статья имеет приметы реферативного характера, она несамостоятельна, не оригинальна. В

тексте довольно много «опечаток», ошибок, фактических неточностей. Например, «Э.А. Полоцкая, развивая тезис Томаса анна об «иронии жизни» применительно к повествовательной прозе А.П. Чехова, распространяет его и на драматургию писателя. Она предлагает определять чеховскую иронию как «внутреннюю», «косвенную», «скрытую» или «объективную»: «жанровые особенности драматургического произведения исключают возможность непосредственных авторских оценок и, соблюдая с наибольшей последовательностью внешнюю форму объективности, создают благоприятные условия для проявления внутренней иронии автора» [8, с. 39]», или «Двуплановость в изображении персонажей порождает уникальное описание внутреннего конфликта в пьесах А.П. Чехова, в частности в «Чайке». Герои комедии раскрываются в двух аспектах: через объективный жизненный статус и через их собственную рефлексию по поводу этого статуса. Противоречие, коренящееся в различии их внутренних миров, и приводит к тому, что персонажи не способны понять друг друга. Ситуация взаимного непонимания проявляется уже в первых сценах комедии», или «Отказ от понимания демонстрирует не только Нина по отношению к Тригорину («Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом» [10, с. 30]), но и Полина Андреевна Дорна в общении с Дорном: «Пустяки, для мужчины это не старость. Вы прекрасно сохранились и еще нравитесь женщинам» [10, с. 11]» и т.д. Нет в работе качественного анализа драмы А.П. Чехова, наличен лишь описательный тон: «для персонажей иронической комедии А.П. Чехова характерны устойчивость, статичность, неподвижность и неизменность. Эти черты характера проистекают не из самой жизни, а из собственной жизненной философии персонажа, поэтому когда положения жизни изменяются, у персонажей остается такое же представление на них. В четвертом действии, спустя два года, Маша с отчаянием вышла замуж за Медведенка, но видна ее оставшаяся любовь к Треплеву» и т.д. Работу стоит серьезно пересмотреть, автору необходимо более точно обозначить собственно свою позицию, обозначить фактурно точку зрения на реализацию иронического начала в пьесе «Чайка». Считаю, что и «ирония» как термин понимается автором тоже несколько некорректно, следовательно, и этот момент желательно прописать более точно. Выводы по тексту желательно расширить; фактическую номинацию стоит дополнить: «в заключение подчеркнем, что предложенный А.П. Чеховым в «Чайке» механизм иронии, основанный на диалектике статичности и динамики, иллюзии и прозрения, индивидуального желания и общей цепи страдания, не только является ключом к пониманию этой пьесы, но и предвосхищает поэтику его зрелой драматургии». После внесения правки работа может быть рекомендована к публикации; в данном же виде статью «К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в «Чайке» нельзя принять к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в рецензируемой научно-исследовательской работе является ироническая модель в творчестве А.П. Чехова.

Предметом исследования служат проявление и функционирование иронической модели в пьесе А.П. Чехова «Чайка».

Актуальность работы определяется тем, что при неизменном интересе русского и зарубежного литературоведения к особенностям иронии в драматургии А.П. Чехова «... проблема механизма функционирования иронии в чеховской драме остается недостаточно систематизированной», при этом «особенно наглядно эта проблема проявляется в пьесе «Чайка».

Теоретическая основа исследования базируется на работах, анализирующих развитие драматургии Чехова, иронический модус его произведений; рассматривающих творчество писателя и драматурга во взаимосвязи с предшественниками, современниками и последователями; вскрывающих косвенную связь тонкой иронии Т. Манна и А.П. Чехова; представляющих специфику чеховского театра. В спектр используемой литературы входят также справочная литература и произведения А.П. Чехова. Все включенные автором в канву статьи цитаты ученых интерпретируются.

К сожалению, вопреки рекомендованному редакцией объему «списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников» в статье обозначены 10, что затрудняет оценку масштаба изученности проблемы на современном этапе.

Цель исследования состоит в демонстрации воплощения в пьесе «Чайка» иронической модели и способа её воздействия на «формирование особого иронического модуса чеховской драматургии». Заявляя иронию в драматургии Чехова в качестве организующего принципа в отношении «тональности пьесы» и «характера её конфликтов», автор выделяет ключевые элементы иронической модели произведения. Одним из компонентов иронической модели называется «ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами», выступающая как «структурный механизм, определяющий логику драматургического действия». Следующим элементом в иерархии иронической модели пьесы автор рассматривает статичность персонажей, суть которой в неспособности героев «к внутреннему пересмотру собственных жизненных оснований». Автор уточняет, что статичность в «Чайке» «выступает как особая форма драматической вины». Неотъемлемым звеном в модели, согласно данному исследованию, является повторяемость жизненной установки персонажа, посредством которой создаётся контраст реального, видимого зрителем, и осознаваемого собственно персонажем. Также выделяется парадокс: ирония создается из противоречий в ситуациях, когда герои, теряя иллюзии, приходят к «принципиально различным онтологическим результатам». По мысли автора, «дополнительную выразительность иронической модели пьесы придаёт эволюция мотива "записывания"», демонстрирующего «кульминацию внутреннего опустошения» персонажа. Заключительной составляющей в иронической модели «Чайки» является «особый вариант иронической модели — ирония приспособления». Автор статьи приходит к выводу о том, что «ирония в пьесе А.П. Чехова «Чайка» носит структурно организованный характер» и «реализуется в виде иронической модели, основанной на взаимодействии нескольких устойчивых механизмов». Ироническая модель пьесы осмысливается автором как «особая форма драматической и трагической иронии в театральном понимании». Делается вывод о характере иронии «как способе художественного осознания трагической несоразмерности между субъективными устремлениями личности и объективной логикой жизни» и о функции иронии, заключающейся в «организации драматического действия».

К сожалению, в статье имеется ряд недочётов структурного и оформительского характеров:

1. Нарушена структура жанра научно-исследовательской статьи: не указаны объект и предмет исследования, использованная автором методология; не обозначены задачи

исследования; выводы, соответствующие задачам, за неимением последних, в статье также отсутствуют, что не позволяет оценить научные достижения автора в рамках проведенного исследования;

2. Автор не разъясняет выбор источников, привлечённых им для раскрытия темы, и не характеризует их;

3. Вопреки рекомендациям журнала располагать источники в списке литературы согласно порядку их цитирования (упоминания в тексте статьи), автор располагает их в алфавитном порядке.

В целом, статья производит хорошее впечатление. Основная часть исследования характеризуется логичностью, последовательностью, аргументированностью. Язык изложения соответствует нормам научной речи. Работа отличается самостоятельностью и оригинальностью, она представляет интерес для широкого круга читателей и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после небольшой доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии "Чайка"» представляет собой интересное аргументированное исследование, посвященное одной из самых востребованных пьес мировой драматургии. Актуальность заявленной темы обусловлена, как следует из обзора научной литературы, ее дискуссионностью. Обобщив репрезентативный круг работ, автор статьи фокусирует свое внимание на том подходе, когда «ирония рассматривается как скрытая, опосредованная форма художественного мышления писателя».

Отметим, что работа выполнена в традициях классического литературоведения: она хорошо фундирована, при этом автор выявляет полемические, дискуссионные моменты, а не просто фиксирует ту или иную позицию, выстраивает свою концепцию, которую основывает на глубоком анализе текста, формулирует цель и задачи исследования, обозначает методологическую базу. Все это определяет структуру работы, которая состоит из введения, раздела «Основные подходы к исследованию иронии А.П. Чехова», основной части и развернутого заключения, в котором нашли отражение все основные итоги исследования.

В работе реализован адекватный для раскрытия темы комплекс методов исследования (сравнительно-типологический, метод целостного анализа художественного текста, а также приемы структурно-семантического анализа).

Новизна данной работы несомненна. Основные результаты исследования заключаются в следующем: 1) показано, что ирония является организующим принципом, определяющий тональность пьесы и характер ее конфликтов; 2) выявлено, что в основе иронической модели лежит ситуация устойчивого взаимного непонимания между персонажами, которая «выступает в качестве структурного механизма, определяющего логику драматургического действия»; 3) на конкретных примерах показано, что

иронические подтексты возникают из-за того, что в диалоге обозначаются несовпадающие системы ценностей и представления о жизни, герои не способны воспринять другую позицию, а потому «желание одного персонажа неизбежно оказывается травматичным для другого, образуя цепь взаимных несчастий». Собственно, замкнутость индивидуальных миров и создает тупики в коммуникации, что определяет механизм порождения иронии; 4) кроме модели «поиск выхода из кризиса», выделен особый тип иронической модели – ирония приспособления (Аркадина и Тригорин).

Таким образом, цель исследования - выявить специфику реализации иронической модели в пьесе «Чайка» и осмыслить ее роль в формировании особого иронического модуса чеховской драматургии – достигнута.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Укажем, что в статье есть ряд опечаток и грамматических неточностей, но они единичны и не искажают смысл.

Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна исследователям творчества Чехова, театроведам, а также широкому кругу читателей. Выводы и анализ конкретных речевых ситуаций будет полезен при осуществлении постановок «Чайки» в театре. Таким образом, статья рекомендуется к публикации в журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Изотов А.А. Вариативность перевода слова "κατέλαβεν" в Пасхальном Евангелии на немецкий, английский, церковнославянский и русский языки – стих Ин 1:5 // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77515 EDN: SSGHSB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77515

Вариативность перевода слова "κατέλαβεν" в Пасхальном Евангелии на немецкий, английский, церковнославянский и русский языки – стих Ин 1:5

Изотов Алексей Андреевич

ORCID: 0009-0003-1560-945X

преподаватель; кафедра филологии; Перервинская духовная семинария
аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119071, Россия, г. Москва, Донской р-н, Ленинский пр-кт, д. 18, кв. 66

✉ alexios20@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77515

EDN:

SSGHSB

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2025

Дата публикации:

30-12-2025

Аннотация: Во время празднования Пасхи Христовой в Православной Церкви пролог Евангелия от Иоанна читается на разных языках. В Русской Православной Церкви используется десять языков, в том числе древнегреческий, немецкий, английский, церковнославянский и русский. Различия в чтениях тематически связаны с грамматическими принципами строения языка. Важным моментом является использование личных и притяжательных местоимений, их слов-заменителей и окончаний глаголов в русских переводах. Эти фрагменты важны потому, что большинство людей опираются на переводы с древнегреческого. Существует три типа переводов Библии: передача языка оригинала (например, Безобразова и Алексеева), акцент на звучание языка перевода (например, Синодальный перевод) и переводы для

конкретных групп людей, например, для детей. Язык Священного Писания – особый, часто звучащий как гимн. Пролог Евангелия от Иоанна рассматривается как гимн апостольской церкви, характеризующийся внутренней гармонией на разных уровнях. В тексте обсуждаются трудности перевода греческого слова «κατέλαβεν», имеющего многозначную семантику, главным образом, «понимать» и «овладевать». Отмечается, что наиболее близкими через призму грамматического соответствия древнегреческому тексту являются немецкий и английский переводы Пасхального Евангелия, т.к. они передают оба лексических значения – «понимать» и «овладевать», в то время как на русский и церковнославянский языки перевод отражает, главным образом, только второе значение. Обсуждаются различные варианты перевода, чтобы приблизиться к звучанию и смыслу оригинального текста, а также приводится аргументация возможности перевода глагола "κατέλαβεν" на русский и церковнославянский языки словом "постигать". Подчеркивается, что глагол "постигать" является уникальным по своему значению, т.к. передает оба лексических значения древнегреческого слова «κατέλαβεν» – «понимать» и «овладевать». Предлагается вынести эти вопросы на рассмотрение Синодальной библейско-богословской комиссии.

Ключевые слова:

постигать, Пасхальное Евангелие, переводы Нового Завета, переводы Библии, библеистика, Евангелие от Иоанна, древнегреческий язык, немецкий язык, английский язык, церковнославянский язык

Введение

Во время празднования Пасхи Господней в Православной Церкви по традиции читается пролог Евангелия от Иоанна на разных языках (в библеистике при описании плана Евангелия от Иоанна первые 18 стихов выделяются в качестве пролога [\[1, с. 1610\]](#) [\[16, с. 118\]](#)). В Русской Православной Церкви принято чтение на 10 языках: церковнославянском, русском, древнегреческом, латинском, древнееврейском, английском, немецком, французском, итальянском и испанском [\[11\]](#). При сопоставлении данных чтений на греческом, немецком, английском, русском и церковнославянском языках можно заметить разночтения, которые тематически через призму грамматических принципов устройства языка относятся к следующим типам:

1. Использование личных и притяжательных местоимений, слов-заменителей для личных и притяжательных местоимений, а также глагольных окончаний мужского или среднего рода в переводах на русский язык – стихи Ин 1:1-4; 1:10-12; 1:14-16.
2. Порядок слов и пунктуация, влияющие на семантику – стих Ин 1:4.
3. Использование существительных и глаголов с вариативными лексическими значениями – стих Ин 1:5; Ин 1:12; Ин 1:14.
4. Использование семантически усиленного словосочетания – Ин 1:16.

В данной статье рассматривается исключительно третий пункт разночтений – мы обращаемся к переводу слова «κατέλαβεν» из Ин 1:5.

Изучение данных фрагментов представляется особенно значимым в виду того, что большинство людей обращается к тексту Священного Писания, который в свою очередь

является переводом с древнегреческого (обычно выделяют три типа переводов Библии – подробнее см. [\[14, с. 76\]](#)). Но язык Священного Писания – это особый язык, например, помимо слов с множеством лексических значений, в нем часто встречается и чередование стилей, например, гимнография, которая характерна и для изучаемого в данной статье Пасхального Евангелия («По мнению многих экзегетов, пролог Ин (1-3; 9-14; 16-18) был первоначально особым гимном апостольской Церкви.» [\[1, с. 1612\]](#). См. также [\[21, с. 588, 590\]](#)). В виду такого разнообразия языка Священного Писания и, соответственно, вариантов его перевода, в данной статье используется преимущественно принцип, сформулированный одним из самых известных богословов и иерархов XIX столетия, канонизированным в Католической Церкви, кардиналом Джоном Генри Ньюменом: «При переводе мысли оригинала должны передаваться насколько возможно точно. Но там, где необходимо выбирать между точностью и понятностью, понятность заслуживает предпочтения. Ибо в книгах, адресованных широкому кругу читателей, понимание неспециалистов имеет больше цены, чем похвала специалистов.» [\[6, с. 4-5\]](#).

Ин 1:5 – варианты перевода глагола

Стихи Ин 1:5 выглядят следующим образом в чтениях Пасхального Евангелия на греческом, немецком, английском, церковнославянском и русском языках [\[11\]](#):

Καὶ τὸ φῶς ἐν τῇ σκοτίᾳ φαίνει, καὶ ἡ σκοτία αὐτὸ οὐ κατέλαβεν.

Древнегреческий текст Textus Receptus издания 1980 г.

Und das Licht scheint in der Finsternis, und die Finsternis **hat's nicht begriffen**.

Текст немецкого перевода Мартина Лютера издания 1947 г.

And the light shineth in the darkness, and the darkness **comprehend it not**.

Текст английского перевода Authorized version King James издания 1994 г.

и свет во тме светится, и тма его **не обьят**.

Текст Церковнославянского перевода в издании 2014 г.

И свет во тьме светит, и тьма **не обьяла его**.

Текст Синодального перевода в издании 2013 г.

Многозначность глагола κατέλαβεν

В данных стихах наблюдается следующее соотношение:

Для слова κατέλαβεν используются переводы **hat's nicht begriffen** и **comprehend it not** – в значении «понимать», «охватывать», а также **не обьят**, **не обьяла его** в значении «обнимать», «овладевать». Данные переводы соответствуют древнегреческому слову по значению, но отражают несколько отличные аспекты древнегреческого слова. Также «возможные переводы: "не превозмогла" или "не постигла"» [\[1, с. 1612\]](#), «или "не приняла Его"» [\[24\]](#).

Следует отметить, что древнегреческое слово κατέλαβεν «15 раз встречается в Новом Завете, и везде со значением: обнимать, охватывать, схватывать, овладевать, воспринимать себе, в свое обладание – вообще и отвлеченно, как Ин. 1:5, Ин. 12:35; Рим. 9:30; 1 Кор. 9:24; Флп. 3:12, (bis). 13, – или внешним образом, как Мк. 9:12; Ин. 8:3–4; 1 Фес. 5:4, – или духовно – в смысле постигать, понимать – везде в Деян. 4:13, Деян. 10:34, 25 – в сред. зал. с τί или вин. с неопред. и в Еф.3 с непрямым вопросом. Поэтому слав.: “объят”, русск.: “объяла” – точно передают термин» [\[25\]](#).

Однако при обращении к Галицкому Евангелию-тетр 1144 г. встречается перевод **«не постиже»** [\[26\]](#), который соответствует немецкому и английскому переводам **hat's nicht begriffen** и **comprehend it not**.

Объяснить данное разночтение в переводах можно тем, что «возможно, Иоанн имел в виду оба значения гл.: тьма не может ни постичь, ни преодолеть свет (Barrett). Здесь гл. может также относиться к признанию и принятию истины откровения (Beasley-Murray)» [\[27\]](#). Тем самым мы встречаемся с уникальным древнегреческим выражением, многогранность которого очень сложно передать также одним глаголом. «Выражение «тьма не объяла свет», возможно, построено на игре слов (отсюда такие переводы, как «не постигла» NIV или «не одолела» NRSV).» [\[28\]](#)

В.Н. Кузнецова также объясняет двойное значение данного глагола: «Вероятно, прошедшее время говорит о конкретном эпизоде, где, казалось бы, тьма наконец-то восторжествовала (ср. «Но теперь ваше время, власть тьмы!» — Лк 22:53). Это смерть Иисуса на кресте. Но за ней последовало воскресение. Однако есть возможность и другого понимания, ведь греческий глагол «каталамбάνο» означает также «познавать, постигать» (ср. Флп 3:12; Еф 3:18). Аорист, обычно соответствующий русскому прошедшему времени совершенного вида глагола, иногда употребляется в пословичных и крылатых выражениях для указания на какие-то вечные истины (в русском в таких случаях предпочтительно настоящее или будущее время). Если это так, то евангелист говорит об интеллектуальной неспособности тьмы постичь свет, и речь идет не только о творении, но и о воплощении. Ср. Прем 7:29-30: Мудрость «свет дня неизмеримо превосходит. Ведь вслед за днем ночь наступает, но никакое зло не одолее мудрость». Кроме того, в дуалистическом ряду евангелиста появляется новое противопоставление — истины и лжи. Ср. слова апостола Павла о человеческой и Божественной мудрости (1Кор 1:18-25)» [\[28\]](#).

Аргументированную позицию в пользу первого варианта перевода (**не объят, не объяла его**) выстраивает проф. А.П. Лопухин: «Тьма не объяла его. Смысл русского перевода такой: тьме не удалось заглушить, потушить действие в людях Логоса. В таком смысле толковали это выражение многие древние Отцы и Учители Церкви, а равно и многие из новейших экзегетов. И такое толкование представляется совершенно правильным, если мы обратим внимание на параллельное место в Евангелии Иоанна: "ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма" (Ин. 12:35). Здесь поставлен тот же глагол (καταλαμβάνειν) для обозначения понятия "объять", и нет решительно никакого основания толковать этот глагол иначе, чем как толкует наш русский перевод.» [\[30\]](#).

Но целый ряд святых Церкви Христовой воспринимали данное древнегреческое слово и во втором значении (**hat's nicht begriffen, comprehend it not, не постиже**). У известнейших святых Церкви мы встречаем два варианта толкования этого слова. Например, у св. Серафима Саровского в первом значении: «Это значит, что благодать Духа Святого, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на

грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника, глаголет ко Отцу: „Авва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту!“ А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.» [31]. У блаженного Августина, судя по его толкованию на данных стих, в первую очередь подразумевается второе значение: «Но получается, что неразумные сердца все еще не могут воспринять этого света, ибо их обременяют грехи их, и они не могут его видеть. Но пусть они не думают, что света нет, если они не могут его видеть: сами они из-за грехов суть мрак... Итак, братья, как бывает, когда слепой человек находится на солнце, и солнце перед ним, но сам он чужд солнцу; так всякий неразумный, всякий неправедный, всякий нечестивый слеп сердцем. Пред ним — премудрость, но, будучи пред слепым, она чужда его очам. Не потому, что ее нет, но потому, что сам он чужд ей. Так что же ему делать? Пусть очистится и тогда сможет увидеть Бога.» [32].

Необходимость отображения в переводе также и второго смысла данного древнегреческого глагола («понимать») прослеживается при сопоставлении данного стиха с искушениями Христа в пустыне (Мф. 4,1-11; Мк. 1,12-13; Лк 4,1-13) – по словам свт. Иоанна Златоуста «Когда, говорится, взалкал Иисус, „приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами“ (Матф.4:3). После того как слышал уже голос, сошедший с неба и свидетельствующий: „Сей есть Сын Мой возлюбленный“ (Матф. 3:17), слышал столь же славное о Нем свидетельство Иоанна, искушитель вдруг видит Его алчущим. Это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может поверить, чтобы это был простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может допустить, чтобы это был Сын Божий. Находясь в таком недоумении, он приступает к Нему со словами сомнения. И, как некогда, приступив к Адаму, выдумал то, чего совсем не было, чтобы узнать истину, так и теперь, не зная ясно неизреченного таинства воплощения, и того, кто перед ним, коварно сплетает новые сети, чтобы, таким образом, узнать сокровенное и остававшееся в неизвестности.» [33].

Необходимость двойного понимания данного древнегреческого глагола встречается и в трудах прп. Симеона Нового Богослова: «Говоря так, Иоанн Богослов открывает таинство нераздельной Троицы и Богом называет Отца, Словом – Сына, жизнью – Духа Святого, Который есть и свет; и опять все три лица, Отец, Сын и Дух, суть единый Свет, который светит во тьме, то есть в мире сем. Ибо Бог присущ всюду, во всей целости бытия, и, будучи Светом, все просвещает, и тьма его не объемлет, то есть нечистота греховная отнюдь не приближается к Нему. Мир не препятствует Ему светить и просвещать, но и не познал Его, и не обрел Его, и не узрел Его.» [34].

Дополнительные варианты переводов

Таким образом, наиболее близкими через призму грамматического соответствия древнегреческому тексту являются немецкий и английский переводы, т.к. они передают оба лексические значения – «понимать» и «овладевать».

Уникальным по своему значению является глагол «постигать», который передает и оба лексических значения древнегреческого слова «καταλαβειν» – «понимать» и

«овладевать», а также используется как в церковнославянских текстах, так и в современном русском языке, что не вызывало бы сильных затруднений для его восприятия при чтении в церковнославянском переводе.

Подтверждение возможности данного перевода на русский и церковнославянский языки можно найти в целом ряде изданий:

1. В комментарии к данному стиху в Брюссельской Библии – «„не объяла“ – возможные переводы: „не превозмогла“ или „не постигла“» [\[1, с. 1613\]](#);
2. В комментарии к данному стиху в Современном русском переводе РБО, где это слово переводится как «поглотить ... – Возможно иное понимание: постичь, овладеть, захватить, ср. Прем 7:29-30» [\[2, с. 2143\]](#);
3. В переводе Галлицкой Библии словами «**не постиже**» [\[26\]](#);
4. В переводе проф. А. А. Алексеева: «Светит во тьме свет, и тьме**не постигнуть** его.» [\[35\]](#)

Заключение

На наш взгляд, наиболее плавным по звучанию и соответствующим по смыслу на церковнославянский и русский языки являются переводы стиха Ин. 1,5 Галлицкой Библии и перевод проф. А. А. Алексеева, а также немецкий перевод и английский переводы, используемые в чтениях Пасхального Евангелия. Таким образом, варианты решения данного переводческого вопроса уже существуют в настоящее время и можно передать этот вопрос на рассмотрение Синодальной библейско-богословской комиссии.

Библиография

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. М.: Российское Библейское Общество, 2013. С. 1609–1610, 1612–1613.
2. Библия. Современный русский перевод. Учебное издание. М.: Российское Библейское Общество, 2017. С. 2143.
3. Евангелие от Иоанна 1, стих 1. Сравнение русских переводов. URL: <https://bible.by/verse/43/1/1/> (дата обращения 11.01.2025).
4. Евангелие от Иоанна 1, стих 2. Сравнение русских переводов. URL: <https://bible.by/verse/43/1/2/> (дата обращения 11.01.2025).
5. Евангелие от Иоанна. Перевод А.А. Алексеев. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Alekseev/evangelie-ot-ioanna/> (дата обращения 23.09.2025).
6. Шёнбор К. Икона Христа. Богословские основы. Милан-Москва, 1999. С. 4-5.
7. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. Под ред. А.А. Алексеева. М.: Российское Библейское Общество, 2018. С. 501.
8. Новый Завет. Перевод под ред. еп. Кассиана (Безобразова). М.: Российское Библейское Общество, 2017.
9. Ньюман Б. М. Греческо-русский словарь Нового Завета. Пер. В.Н. Кузнецовой. М.: Российское Библейское Общество, 2017. С. 131.
10. От Иоанна 1 глава – Библия – Комментарии Валентины Кузнецовой. URL: <https://bible.by/kuznetsova/43/1/> (дата обращения 23.09.2025).
11. Пасхальное Евангелие на десяти языках. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014.

12. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/57 (дата обращения 23.09.2025).
13. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-evangelie-ot-matfeja/13 (дата обращения 23.09.2025).
14. Alexander P., Alexander D. Das große Handbuch zur Bibel. Witten/Holzgerlingen: SCM R.Brockhaus in der SCM-Verlagsgruppe GmbH, Stuttgart: Verlag Katholisches Bibelwerk GmbH, 2018. С. 76, 622-623.
15. BasisBibel. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2021. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (дата обращения 11.01.2025).
16. Good News Bible. Today's English Version. Glasgow: William Collins Sons & Co. Ltd, 1990. С. 118.
17. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers. Neu durchgesehen nach dem vom Deutschen Evangelischen Kirchenausschuss genehmigten Text (1912). Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2018. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/LU17,LU84,LU12,NA28,LXXA/JHN.1> (дата обращения 11.01.2025).
18. Luther Bibel. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Johannes%201&version=LUTH1545> (дата обращения 11.01.2025).
19. Neue Genfer Übersetzung. Stuttgart: Genfer Bibelgesellschaft / Deutsche Bibelgesellschaft, Gießen: Brunnen Verlag GmbH. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (дата обращения 11.01.2025).
20. Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece, 28., revidierte Auflage, hg. v. Barbara und Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini und Bruce M. Metzger in Zusammenarbeit mit dem Institut für Neutestamentliche Textforschung. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/LU17,LU84,LU12,NA28,LXXA/JHN.1> (дата обращения 11.01.2025).
21. Pokorný P., Heckel U. Úvod do Nového zákona. Přehled literatury a teologie. Praha: Vyšehrad, 2013. С. 588, 590.
22. The Bible Authorized King James Version With Apocrypha. THE NEW TESTAMENT OF OUR LORD AND SAVIOUR JESUS CHRIST. URL: <https://archive.org/details/the-bible-authorized-king-james-version-with-apocrypha/page/113/mode/2up> (дата обращения 11.01.2025), С. 114.
23. Zürcher Bibel. Zürich: Theologischer Verlag Zürich, 2019. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (дата обращения 11.01.2025).
24. Новая Женевская Библия. URL: <https://bible.by/geneva-bible/> (дата обращения 28.12.2025).
25. Святитель Кирилл Александрийский. "Толкование на Евангелие от Иоанна". Часть I. Книга первая. Глава VII О том, что Сын есть Свет по природе, и потому не тварен, но из сущности Бога и Отца, как Свет истинный из Света истинного. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-ioanna/1 (дата обращения 28.12.2025).
26. Галицкое Евангелие, 1411. Galitskoe Gospel, 1411. URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3AHalickie_Evangelie.pdf&page=180; <https://archive.org/details/kryloske/page/n179/mode/2up> (дата обращения 28.12.2025).
27. Клеон Л. Роджерс-младший, Клеон Л. Роджерс III. "Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета". URL: <https://bible.by/rogers/> (дата обращения 28.12.2025).
28. Крэйг Кинер. Культурно-исторический комментарий. Новый Завет. URL:

<https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/kulturno-istoricheskij-kommentarij-novyj-zavet/7> (дата обращения 28.12.2025).

29. Комментарии Валентины Кузнецовой. URL: <https://bible.by/kuznetsova/43/1/> (дата обращения 28.12.2025).

30. Толкование Евангелие от Иоанна 1 глава 5 стих. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-1/stih-5/4/> (дата обращения 28.12.2025).

31. Преподобный Серафим Саровский. Беседа с Мотовиловым о цели христианской жизни. Толкование Евангелие от Иоанна 1 глава 5 стих. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-1/stih-5/serafim-sarovskij-prepodobnyj/> (дата обращения 28.12.2025).

32. Августин Иппонийский блаженный. Тракта́т на Евангелие от Иоанна 1.19, Cl. 0278, 1.19.1.

33. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-evangelie-ot-matfeja/13 (дата обращения 28.12.2025).

34. Преподобный Симеон Новый Богослов. Слова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/57 (дата обращения 28.12.2025).

35. А. А. Алексеев. Евангелие от Иоанна. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Alekseev/evangelie-ot-ioanna/> (дата обращения 28.12.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена детальному анализу переводческих решений при передаче древнегреческого глагола $\kappa\alpha\tau\lambda\alpha\beta\epsilon\nu$ в стихе Ин 1:5, который занимает ключевое место в прологе Евангелия от Иоанна и регулярно звучит в литургическом контексте Пасхального богослужения. Предмет исследования сформулирован достаточно узко и в то же время концептуально оправдан: автор сознательно сосредотачивается на одном глаголе, демонстрируя, каким образом его семантическая многозначность порождает различные переводческие стратегии и богословские интерпретации. Такой микрофокус позволяет выявить глубинные связи между языковой формой, экзегезой и литургической традицией.

Методология исследования опирается на сравнительно-сопоставительный анализ переводов Священного Писания с древнегреческого языка на немецкий, английский, церковнославянский и русский языки. Автор последовательно привлекает данные текстологии, лексикографии, библейской экзегезы и патристической традиции, что придаёт работе междисциплинарный характер. Использование широкого круга источников — от *Textus Receptus* и *Nestle-Aland* до классических и современных комментариев (А. П. Лопухин, В. Н. Кузнецова, К. Кинер) — свидетельствует о хорошем владении исследовательским материалом. Вместе с тем методологическая часть носит скорее имплицитный характер: методы не выделены и не рефлексированы специально, а критерии оценки «наиболее адекватного» перевода остаются частично нормативными и конфессионально обусловленными.

Актуальность исследования определяется сразу несколькими факторами. Во-первых, пролог Евангелия от Иоанна относится к числу наиболее богословски насыщенных и

интерпретационно сложных текстов Нового Завета. Во-вторых, практика многоязычного чтения Пасхального Евангелия делает переводческие расхождения особенно заметными и значимыми для богословского и литургического сознания. В-третьих, в условиях сосуществования Синодального перевода, церковнославянской традиции и современных переводов проблема адекватной передачи многозначных греческих лексем сохраняет свою остроту как для науки, так и для церковной практики.

Научная новизна статьи заключается в систематическом и аргументированном рассмотрении двойной семантики глагола *καταλαβεν* («объять / одолеть» и «постичь / понять») и в попытке предложить переводческое решение, способное максимально полно сохранить эту полисемию. Особую ценность представляет привлечение ранних славянских памятников (Галицкое Евангелие) и сопоставление их с западноевропейскими переводами, что позволяет показать, что вариативность перевода не является новейшим феноменом, а укоренена в самой истории христианской экзегезы. Обоснование глагола «постигать» как потенциально компромиссного варианта выглядит аргументированным и подкреплённым источниками.

Стиль статьи в целом соответствует академическим требованиям, однако имеет выраженный эссеистско-экзегетический характер. Изложение насыщено цитатами из святоотеческих толкований, что усиливает богословскую глубину, но местами ослабляет собственно лингвистический анализ. Структура текста логична и прозрачна: от постановки проблемы автор переходит к обзору переводов, затем к анализу семантики и интерпретаций, завершая работу выводами. В то же время статья могла бы выиграть от более чёткого разграничения аналитического и иллюстративного материала, а также от частичного сокращения обширных цитат.

Библиография отличается исключительной полнотой и репрезентативностью. В списке литературы представлены авторитетные библейские издания, классические и современные переводы, экзегетические комментарии, патристические тексты и электронные ресурсы. Подбор источников демонстрирует глубокую погружённость автора в предмет и хорошее знание как православной, так и западной библеистической традиции. Вместе с тем заметен перекося в сторону богословской литературы; работы по общей теории перевода и семантике полисемии могли бы дополнительно усилить лингвистическую составляющую исследования.

Апелляция к оппонентам реализуется преимущественно в форме сопоставления интерпретаций, а не прямой полемики. Автор корректно показывает, что различные переводческие решения имеют под собой серьёзные основания, и избегает категоричных оценок. Однако более явное проблематизирование альтернативных позиций (например, современных динамических переводов) позволило бы усилить научно-дискуссионный потенциал статьи.

В целом работа производит впечатление зрелого и вдумчивого исследования, способного заинтересовать библеистов, лингвистов, переводчиков, а также специалистов в области литургики и патрологии. Статья может быть полезна как в научном, так и в учебно-богословском контексте. Высказанные замечания носят преимущественно рекомендательный характер и не снижают общей положительной оценки. Полагаем, что рецензируемый труд можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Яковлева М.П. Образ духа-хозяйки земли в эпосе эвенков // Филология: научные исследования. 2025. № 12.

DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77199 EDN: SQTEPA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77199

Образ духа-хозяйки земли в эпосе эвенков

Яковлева Маргарита Прокопьевна

кандидат филологических наук

научный сотрудник; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук

677000, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Степная, 82/3

✉ ayakchan@mail.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77199

EDN:

SQTEPA

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2025

Дата публикации:

31-12-2025

Аннотация: Предмет исследования – образ духа-хозяйки земли в фольклорных материалах. Цель работы – выявить динамику трансформации ключевого сакрального образа и её отражение в фольклоре. Задачи: рассмотреть первоначальное представление об образе; выделить основные модели изменения образа; проанализировать функции образа в эпическом повествовании. Для решения этих задач были использованы комплексный анализ, сравнительно-типологический, структурный методы – для характеристики особенностей образа. Новизна работы заключается в том, что автор прослеживает динамику трансформации ключевого мифологического образа духа-хозяйки земли – от изначальной зооморфной формы (лось/олень) через зооантропоморфную стадию (старуха хозяйка с звериными чертами) к окончательному антропоморфному облику (девица покровительница). Впервые детально продемонстрировано, как зооморфный код «лось/олень» становится ядром образа хозяйки земли. Трёхступенчатый анализ позволяет увидеть динамику мифологического

мышления эвенков. Образ духа хозяйки земли предстаёт как динамичная мифологическая система, где архаические зооморфные представления, отраженные в мифах, постепенно обогащаются антропоморфными чертами в эпическом повествовании. Это отражает эволюцию мировоззрения эвенков: от «слияния» с природой к «диалогу» через персонификацию её сил. Исследование демонстрирует, как коллективная память народа сохраняет и переосмысливает архаичные образы в рамках эпической традиции. Для решения этих задач были использованы комплексный анализ, сравнительно-типологический, структурный методы – для характеристики особенностей образа. Новизна работы заключается в том, что автор прослеживает динамику трансформации ключевого мифологического образа духа-хозяйки земли – от изначальной зооморфной формы (лось/олень) через зоантропоморфную стадию (старуха хозяйка с звериными чертами) к окончательному антропоморфному облику (девица покровительница). Впервые детально продемонстрировано, как зооморфный код «лось/олень» становится ядром образа хозяйки земли. Трёхступенчатый анализ позволяет увидеть динамику мифологического мышления эвенков. Образ духа хозяйки земли предстаёт как динамичная мифологическая система, где архаические зооморфные представления, отраженные в мифах, постепенно обогащаются антропоморфными чертами в эпическом повествовании. Это отражает эволюцию мировоззрения эвенков: от «слияния» с природой к «диалогу» через персонификацию её сил. Исследование демонстрирует, как коллективная память народа сохраняет и переосмысливает архаичные образы в рамках эпической традиции.

Ключевые слова:

эвенки, фольклор, божество, дух, хозяйка земли, образ, миф, эпос, сказка, устное народное творчество

Эвенки — один из коренных народов Сибири, расселённый на колоссальной территории, охватывающей приблизительно 50–70% площади Российской Федерации. Помимо России, представители этого народа проживают в восточной части Монголии и в провинции Внутренней Монголии Китайской народной Республики. Несмотря на огромную протяжённость ареала обитания — когда отдельные родовые группы могут не встречаться друг с другом на протяжении столетий, — эвенки сохраняют языковое, культурное и мировоззренческое единство.

В мировоззрении эвенков наиболее значительным божеством выступает дух-хозяйка земли, хозяйка тайги, зверей и рода человеческого – *Энекэн Буга*. Дух-хозяйка земли *Энекэн Буга* является верховной владельницей всех зверей, птиц, рыб, растений. Ей подвластны, по мнению эвенков, все земные духи – владельцы различных сопок, хребтов, рек, речек, тайги, различных видов зверей, птиц и рыб. *Энекэн Буга* может изменить их решения: дух, например, пошлет зверя охотнику, а *Энекэн Буга*, если найдет, что охотник не заслуживает хорошей добычи, угонит звериные табуны в противоположную сторону [\[1, с. 67\]](#). Поэтому эвенки всегда приносят жертвы в дар духе-хозяйке тайги. Она представлялась хозяйкой мира, вселенной и рода человеческого.

О мировоззренческих представлениях эвенков о духе-хозяйке земли писали А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич, А. И. Мазин, Г. И. Варламова, А. Н. Варламов [\[1, 2, 7, 10, 15, 25\]](#).

В научной литературе представлены разночтения в локализации духа-хозяйки земли в

эвенкийской традиции. А. И. Мазин фиксирует представление о том, что дух-хозяйка земли обитает на третьем ярусе верхнего мира, или первом от земли [15, с. 12]. А. Ф. Анисимов отмечает вариативность пространственной привязки образа: часть эвенков локализует ее на небе; другие относят к святыням родового культа – скалам *бугады*; третьи полагают что она обитает у корней кустарника [1, с. 17.]. А. Н. Варламов указывает на отождествление образа небесной старухи- хозяйки тайги прежде всего с солнцем [4, с. 144]. М.П. Дьяконова описывает лунарную ипостась духа: эвенки воспринимают пятна на луне в полнолуние как изображение *Энекан Буга*. При этом у отдельных групп эвенков эти же пятна трактуются как образ девочки-водоноса [12, с. 36]. Пространственная локализация духа-хозяйки земли демонстрирует значительную вариативность – от небесных сфер (солнце, луна), до земных локусов (скалы, корни кустарника).

Во всех тунгусо-маньчжурских языках и в эвенкийском, слово *Буга* имеет основные значения: «мир, вселенная»; «небо, небесный свод»; «бог, дух». У эвенков есть еще слово *ня□ня* – «небо, небосвод», «высь, воздух». Слово *ня□ня* обозначает только физическое явление, само небо [7, с. 51].

В мировоззрении эвенков значительное число обрядов было направлено на обращение к *Энекан Буга* с просьбами об удаче в охоте и родовом благополучии. По этой причине, образ хозяйки земли и животного мира имеется в различных жанрах эвенкийского фольклора: мифе, сказке, эпосе и обрядовом фольклоре. Он последовательно раскрывается в разных жанрах, приобретая специфические черты в каждом из них. Далее мы рассмотрим образ хозяйки-земли в поступательном развитии от мифа к эпосу.

Первоначальные представления о духе-хозяйке земли. В древнейших представлениях образ хозяйки земли ассоциируется с образом зверя – лося или дикого оленя. Данная семантическая связь подтверждается археологическими находками, мифологическими сюжетами и этнографическими исследованиями. Как отмечает А. Ф. Анисимов, дух-хозяйка земли представлялось в виде огромной лосихи или самки дикого оленя. Находилась она подле стад зверей [1, с. 29]. В частности, у эвенков *Юрочонов* изначальное представление о *Энекан Буга* генетически связано с образом лося (оленя). Примечательно, что в современной традиции лося или оленя в период гона эвенки именуют словом «буга» — «божественный» [15, с. 12]. Для эвенков образ лося имеет глубокое ритуально-мифологическое значение, что напрямую связано с традиционной охотой — основой их хозяйственного уклада. Охота не просто обеспечивала жизнедеятельность народа: она сформировала особый пласт религиозных представлений, культурных норм и обрядовых практик, в которых образ лося занимает ключевое место. Данный вывод находит подтверждение в работах ряда исследователей [5, 6, 24].

Лось был главным «героем» древнего охотничьего праздника «*Икэнипкэ*». Согласно Г. М. Василевич, ежегодный весенний праздник *Икэнипкэ* представлял собой восьмидневный хороводный обряд. В его рамках символически воспроизводились: погоня за диким оленем (лосем) с участием шамана и его духов, ритуальное убийство зверя и приобщение к его мясу; инсценировка всего годового цикла охотничьей деятельности [9, с. 16].

В основе главного охотничьего обряда эвенков – *сингкэлавун*, лежит почитание лося. Суть обряда заключается в магическом добывании души зверя. Охотники изготавливают

чучело лося (или оленя) из прутьев, а затем имитируют охоту на него: выслеживают, стреляют из лука, разделявают и совершают другие привычные действия. Цель обряда — привлечь удачу и обеспечить успешный промысел. Г. М. Василевич описывает следующим образом: «В случае неудачи на охоте охотник связывал из прев изображение лося (оленя), приготавливал маленький лук, стрелу и уходил, забрав все, в тайгу. Там он ставил изображение и, отойдя, стрелял в него. Если оно падало, то охота должна была быть удачной. Тогда охотник имитировал разделку туши, прятание ее и, забрав часть туши, уходил домой, чтобы из дома отправиться на охоту» [\[11, с. 238\]](#). Связь обряда с лосем подчёркивает, как это животное из простого объекта охоты постепенно обретало новые смысловые пласты в картине мира эвенков.

В традиционной космологии эвенков образ лося тесно связан с небесными объектами — солнцем, созвездиями и планетами. Как отмечала Г. М. Василевич, у большинства эвенков созвездие Большой Медведицы ассоциировалось именно с лосём [\[11, с. 162\]](#). Эта связь находит отражение в космогонических мифах о небесном охотнике *Манги*, где ключевыми персонажами выступают: сам *Манги*, лось (или лосиха) и солнце. В мифологическом сюжете небесный охотник *Манги* преследует лося, похитившего солнце с земли. Мотив космической охоты зафиксирован в различных вариантах полевых исследователей: А. Ф. Анисимова, М. Ошарова, А. И. Мазина [\[2, 15, 21\]](#). Краткая сюжетная канва сводится к следующему: «Земля была маленькой, но были уже люди и растительность. Не было ночи, солнце светило круглые сутки. Лось-Буга (самец) схватил солнце и побежал на небо. Лосиха (*эннын*) побежала за ним. Стало темно. Люди не знали, что делать. Жил среди эвенков силач-охотник *Манги*. Он взял лук, позвал собак и бросился в погоню. Когда *манги* стал настигать лося-самца, тот передал солнце лосихе, а сам стал отвлекать собак. *Манги* убивает самца, затем самку и отпускает солнце. Как только *Манги* возвращает солнце, все участники космической охоты превращаются в звезды. С тех пор происходит, смена дня и ночи, и космическая охота повторяется. Каждый вечер лоси вновь крадут солнце, а *Манги* гонится за ними сквозь небесные просторы, чтобы к утру вернуть свет людям» [\[15, с. 9\]](#). Археологические памятники наскального искусства Приамурья и Якутии содержат многочисленные композиции, изображающие сцену космической охоты [\[14, 16, 18, 19, 20\]](#). На наскальных рисунках на р. Мая нарисованы два лося, самец и самка, преследуемые человеком с луком. У самки под брюхом — антропоморфное изображение солнца. Как отмечает А.И. Мазин, на майской писанице изображена сцена космической погони охотника *Манги* за лосихой, укравшей солнце [\[19, с. 8\]](#).

Таким образом, зооморфный код - лось/олень, выступает как первичная форма воплощения идеи образа духа-хозяйки земли, что отражает глубинную связь культа охотничьей магии в традиционной культуре.

Трансформация в зооантропоморфный образ. С развитием мифологического мышления образ духа-хозяйки земли стал сочетать черты человека и животного. В некоторых мифах хозяйка земли предстаёт как старуха-хозяйка тайги, способная повелевать животными и предметами. Например, в мифе о двух сёстрах-зайчихах присутствует образ зооморфной старухи *Кандика*, которая контролирует поведение животных [\[17, с. 21\]](#).

Имя *Кандика* этимологически производно от северобайкальского диалектного термина *кандага* — «лось» [\[8, с. 126\]](#). Данная лексическая связь подтверждается данными сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, где зафиксированы семантически

близкие соответствия: в маньчжурском — *кандату* («мифическое животное, похожее на быка с красным хвостом»); в бурятском — *хандагай* («лось») [\[23, с. 372\]](#).

В мифологических текстах отчётливо прослеживается образ героини как духа-хозяйки всех зверей. Приведём ключевые отрывки и их интерпретацию:

Текст 1 «Бабушка по имени Кандика. Пришла к зайцам. Спросила: «Медведь куда ушел?» - «Сюда ушел!». Там нашла, схватилась с (медведем), сказала зайцам: «Стол принесите». Там (на этом столе) заставила скатиться (спустила) медведя. (Медведь умирает) [\[17, с. 22\]](#).

Текст 2. «Она промышляла медведей, за поясом притаскивала медведя... Старуха пришла вечером, огонь начала разжигать. У нее были работниками все вещи. «Дрова придите! Огонь, зажгись!». Дрова сами пришли, огонь сам загорелся. «Чуман! Приди. Наполнись водой». Чуман наполнился водой. «Котел, приди!». Котел не смог прийти. «Кинг» только и сделал. – Котел не смог прийти, так как в нем сидели зайчишки, и ему было тяжело» [\[17, с. 22\]](#).

Анализ двух текстов позволяет реконструировать устойчивый образ героини как духа-хозяйки зверей. Её статус проявляется через ряд ключевых признаков:

- Универсальность власти – подчинение животных (приходят по зову); одушевлённость предметов (дрова, огонь, чуман действуют по приказу).
- Регулятивная функция – контроль за поведением зверей; наказание нарушителей (медведя за попытку съесть зайцев); поддержание природного баланса.
- Сакральный статус – отсутствие необходимости искать добычу (звери приходят сами); роль хранительницы «законов природы».

Таким образом, *Кандика* предстаёт не просто как персонаж, а как мифологический тип — дух-хозяйка, чья власть основана на знании природных законов, способности их поддерживать и готовности пресекать их нарушение.

Образ духа-хозяйки земли в зооантропоморфном облике встречаем в тексте, записанном Н. Я. Булатовой «Три сестры» (*Илан нэкунэл*). Сюжет повествует о старике-охотнике, который с тремя дочерьми переживает тяжелые времена: охотничья удача отворачивается от него, и они начинают голодать, так как старик не может ничего добыть. В погоне за горным бараном старик высоко в горах встречает огромного, красивого молодого мужчину в эвенкийской одежде. Тот сообщает, что у него есть невидимая для людей мать, и она желает видеть какую-либо из его дочерей. Если дочери, соблюдая все условности, которые он оговаривает, дойдут до его матери, то старик будет добывать много зверя и не будет голодать. До матери парня доходит лишь младшая из дочерей. Старушка выдает ее замуж за своего сына [\[3, с. 109\]](#).

Анализ текста позволяет выделить следующие ключевые черты образа старушки духа-хозяйки земли:

- Локализация в подземно-растительном пространстве. Хозяйка пребывает внутри земли, в пеньке, что подчеркивает ее связь с потусторонним миром и скрытую от людей природу: «Из такого маленького пенечка дымок дымится. К основанию пня подходит девушка большая, ведь огромная (по сравнению с пнем), оттуда маленькая старушка вышла, как мышка ростом» [\[3, с. 111\]](#).

- Звуковая инаковость. Речь старушки воспроизводит жужжание мухи – это признак её пограничного состояния и нечеловеческой сущности: «Маленький бугор был, вдруг что-то вроде жужжания мухи послышалось: «войди, дитя, войди», - говорило» [\[3, с.111\]](#).
- Зооантропоморфная природа. меховой кафтан выступает как материализация звериной ипостаси: его фрагмент трансформируется в котёл с пищей: «От мехового кафтана отрезала, туда (в наперсток) засунула. Поставила на печь, а тот наперсток большим котлом стал. А там и сушеное мясо, и сушеное сало» [\[3, с.111\]](#).
- Демургические функции. Иницирует процесс творчества, учит девушку выделывать шкуры и шить из них одежду: «И шкуры самцов оленей, и шкуры диких коз и камысы дала: «Делай!- говоря. – Сделай своему мужу», - сказала. Та девушка откуда могла уметь, ничего не умела делать». Тогда старушка дает ей помощниц, от которых та учится всему: «Правое ухо ковыряет, вытащила (что-то) – рядом с девушкой женщина стоит. Левое ухо поковыряло палочкой – слева тоже женщина стоит. Две девушки. Так помощников невестке нашла» [\[3, с. 111\]](#). Старушка компенсирует недостаток умений героини, создавая помощниц из ушных выделений.

Интересный текст сказки записан Г. И. Варламовой в 1985г. от иркутского эвенка, где образ хозяйки духа-земли тоже в зооантропоморфной форме. В сюжете сказки, рассказывается о мальчике, который, заигравшись вдали от дома, вернулся и обнаружил, что его родителей погубил манги. В отчаянии он обратился к лабаз¹пури, которое не только снабдило его отцовским луком, стрелами и одеждой, но и подсказало, где найти врага, пообещав помощь духа старушки²земли. Путь привёл мальчика к загадочной старушке, которая наполовину выступала из земли. У неё были огромные уши, и она поставила герою условие: три года держаться за эти уши. Мальчик выдержал испытание, и когда уши отпали, забрал их с собой. Далее он нашёл быка, внутри которого хранились два яйца — это была душа манги. Когда мальчик встретился с самим манги, тот отказался сражаться. Мальчик разбивает яйца и побеждает манги [\[8, с. 130\]](#).

Образ духа-хозяйки земли соответствует этнографическим данным, полученным Г. И. Варламовой от А. А. Осипова: это полупогружённая в землю старуха с огромными ушами, чьи уши даруют охотничью удачу. Если охотник встретит ее, должен попросить у нее уши. Обладатель таких ушей становится удачливым охотником [\[8, с. 131\]](#). Образ духа земли в представлениях иркутских эвенков совпадает с образом духа земли в сказке о мальчике: 1). пространственной локализации - старушка, наполовину выходящая из земли: «Пошел мальчик, долго шел, пришел в одно место, очень красивое и хорошее. Смотри – из земли по грудь высунулась старушка»; 2) символике ушей – магический атрибут, источник силы.

Образ духа³хозяйки земли в сказке сохраняет зооантропоморфную природу, отражает устойчивые этнографические представления о связи духа с землёй, ушами как магическим атрибутом и регуляцией охотничьей удачи. Огромные уши отголоски звериной ипостаси, а именно связи с лосем.

Антропоморфизация. В героических сказаниях происходит окончательная антропоморфизация образа духа-хозяйки природы: из зооантропоморфного существа она превращается в девицу с чётко очерченной социальной и космической функцией. Яркий пример — эпос о девице *Торганэй*, записанный Г. М. Василевич [\[13, с. 260\]](#). В сюжете повествования, девица *Торганэй* рисуется как хозяйка тайги, которой подчинены все звери и земная растительность. Герой — юноша, рождённый от медведя и женщины,

— отправляется на её поиски. С помощью волшебного оленя, подаренного старухой-помощницей, он преодолевает преграды и добирается до жилища *Торганэй*. На момент прибытия героя *Торганэй* отсутствует: она занята инспекцией своих владений — осуществляет контроль над порядком в подвластном ей природном пространстве. В её отсутствие служанка совершает акт самозванства, пытаясь присвоить статус хозяйки и вступить в брак с героем. По возвращении *Торганэй* предписывает пройти ряд очистительных испытаний в связи с его неосознанным сожительством с ложной невестой. После успешного прохождения испытаний *Торганэй* вступает в брачный союз с героем.

В рамках ритуального испытания *Торганэй* поручает герою надзор за своим звериным стадом, численность которого подчёркивается как неисчислимая: «У меня есть звери, ты их попаси. Она начал пасти. Зверей у нее было очень много, без счета. Увидев впервые такое количество, он вначале испугался. Звери хотели его покусать» [13, с. 262]. Первоначальная реакция героя (страх перед агрессивными животными) демонстрирует несоответствие человеческих возможностей масштабу задачи. Однако как хозяйка зверей девица *Торганэй* наказывает зверям не кусать жениха, а деревьям и кустарникам не хлестать его ветвями — запрет на агрессию со стороны зверей и растительности символизирует установление гармоничных отношений между человеком и духом-хозяйкой природы.

В другом эпическом произведении «*Чинанаище—первопредок эвенков*» фигурирует образ хозяйки земли, вступающей в брачный союз с эпическим героем [22, с. 44]. Персонаж представлен как дочь луны, носящая имя *Яктак Бега Хунадин*, что дословно переводится как «Судьбами Владеющая Луны Дочь». Семантика полного именованного раскрывает сакральный статус героини: компонент «Судьбами (обитателей земли-зверей) Владеющая» подчёркивает её власть над живыми существами, а «Луны-Месяца Дочь» указывает на небесное происхождение. Хотя в сказании не даётся развёрнутого описания образа дочери Луны как хозяйки тайги, её функция как покровительницы земли и всего живого проявляется в сюжетной динамике. Героиня регулярно покидает жилище для мониторинга событий в земном мире — так называемых «инспекторских» походов. Сказительница А. В. Абрамова дала пояснение, что у дочери месяца много дел на земле, за всеми (зверьми) следить должна, знать обо всем должна. Поэтому постоянно уходит надолго из дома [8, с. 133]. Согласно материалам, собранным этнографом А. И. Мазиным со слов информантов: «*Энэкэн Буга* регулярно совершает обход своих владений, контролируя соблюдение космического порядка. Особое внимание она уделяет скалам с наскальными изображениями. Эвенки поклоняются этим наскальным рисункам и приносят им жертвы, чтобы духи были милостивы, содействовали охоте и разведению домашних оленей» [15, с. 12].

В эвенкийских сказаниях нередко переплетаются образы богатырки — дочери Солнца — и хозяйки земли. Один из таких сюжетов сохранился в сборнике «Исторический фольклор эвенков» [13]. Героиня по имени *Сигундар* прямо именуется «божественной». В тексте зафиксировано её сакральное происхождение и особый статус: «сама будучи божественной, она тоже улетела. Прежде она была божеством и не ела мяса медведя. И сейчас улетела вверх на небо, чтобы не есть *сэвэна*» [13, с. 280]. Сюжетный поворот связан с её браком с богатырём *Мокогдыром*. Когда супруг нарушает табу, приглашая её отведать ритуальное блюдо из медведя (*сэвэн*), *Сигундар* покидает его. Этот эпизод многогранно раскрывает её двойственную природу: как хозяйки земли — хранительницы сакральных запретов; как женщины — супруги, для которой соблюдение ритуальных норм превыше семейных уз. Примечательно, что у эвенков и сегодня женщинам

запрещено есть медвежье мясо. Лишь в ритуальных целях допускается употребление *сэвэна*, но даже это блюдо оказывается под запретом для той, кто олицетворяет собой сакральные законы природы. Таким образом, поступок демонстрирует незыблемость ритуальных норм, которые хозяйка земли не только соблюдает, но и олицетворяет.

В героических сказаниях дух-хозяйка земли принимает образ молодой женщины, на которой женится эвенкийский богатырь. Этот архетипический сюжет до сих пор живёт в охотничьих преданиях Амурской области, юга Якутии и соседних регионов: местные охотники сохраняют веру в хозяйку тайги и пересказывают.

Типичные варианты сюжета:

1. Нарушение запрета на разглашение. К одинокому охотнику приходит прекрасная девушка; с её появлением мужчина становится необычайно удачливым в промысле. Девушка берёт с него клятву: никому не рассказывать о ней, когда он вернётся из тайги к людям. Однако охотник не выдерживает и раскрывает тайну — после этого удача навсегда покидает его.

2. Непереносимость человеческого шума. Девушка, сошедшая к охотнику, отличается особой пугливостью — это ключевая черта хозяйки тайги, сближающая её с дикими зверями. Она настойчиво предупреждает спутника: нельзя шуметь посудой, громко разговаривать или производить иные резкие звуки. Однажды охотник нарушает запрет — например, громко гремит котлами при готовке. Девушка, вздрогнув как лесной зверь, исчезает без следа, а вместе с ней уходит и охотничья удача.

Из вышесказанного следует, что в эпосе эвенков дух-хозяйка земли наделена человеческими чертами. Примечательно, что и сегодня в мировоззрении народа этот образ сохраняет свою антропоморфность, воплощаясь в облике юной девушки.

Заключение

Дух-хозяйка земли у эвенков — не единичный персонаж, а комплекс взаимосвязанных образов, объединённых общей семантикой сакрального материнства и власти над живой природой, где лось выступает изначальным символическим ядром. Охотничий объект (лось) постепенно сакрализуется, превращаясь в материнский архетип — лосиху, духа-хозяйки всего живого на земле.

Проведенное исследование позволяет заключить, что образ духа-хозяйки земли демонстрирует вариативность в эвенкийском фольклоре. Его трансформация от мифа к сказке и эпосу отражает поступательное развитие традиции. Каждый вариант образа несёт отпечаток своей эпохи: он воплощает характерные для неё мифопоэтические представления о мироустройстве. Так через трансформацию этого персонажа прослеживается путь развития эвенкийского фольклора в целом.

В мифе она предстает в зооморфном либо зооантропоморфном облике (лосиха, старушка *Кандика*). В сказке сохраняется зооантропоморфность: героиня изображается как маленькая старушка из пенька, либо как старушка с лосиным ухом, выпирающая из земли. В героическом эпосе происходит окончательная антропоморфизация: дух-хозяйка воплощается в образе девицы. В эпосе, зафиксированном Г. М. Василевич, девица *Торганэй* обладает властью над всем животным и растительным миром. В частности, она налагает запрет на причинение вреда своему жениху: диким зверям — нападать на него, растениям — хлестать. Другой эпический текст раскрывает иную функцию образа духа-хозяйки земли. Девица *Ятак Бега Хунадин* вынуждена все время покидать свой

домашний очаг для надзора над землей. В сказании «Мокогдыр» девица Сигундар выступает как хранительница сакральных запретов: когда супруг нарушает табу (приглашает её отвесть ритуальное блюдо из медведя), она покидает его и отправляется в верхний мир, что раскрывает её функцию как хозяйки земли.

Таким образом, в эпосе дух-хозяйка земли обретает человеческий облик, при этом её роль наделена социальными и космическими функциями. Важно, что описанные в эпос функции совпадают с этнографическими данными. Более того трансформация этого образа отражает реальные исторические процессы: развитие религиозных воззрений от анимизма к шаманизму и смену социальных укладов от матриархальных к патриархальным.

Библиография

1. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы изучения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
2. Анисимов А.Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемистические истоки возникновения шаманизма // СМАЭ. – 1951. – Т. 13. – С. 187-216.
3. Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. – Л.: Наука, 1987. – 168 с. EDN: ХТУУУУ
4. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – СПб.: Изд-во "Лань", 2018. – 308 с. EDN: ХВОЖАТ
5. Варламов А.Н., Варламова Ю.А. Традиции охоты в антропонимике эвенков // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4(30). – С. 86-98. DOI: 10.25587/SVFU.2022.13.49.007 EDN: YNMWHU
6. Варламов А.Н. Исторический генезис охотничьей лексики тунгусо-маньчжурских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2023. – № 2(40). – С. 37-48. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-37-48 EDN: SAUKFT
7. Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2004. – 185 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 1). EDN: PUJOXX
8. Варламова Г.И. Женская исполнительская традиция эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – 230 с. EDN: PUJOWJ
9. Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. – 1930. – № 3. – С. 57-67.
10. Василевич Г.М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л.: Наука, 1936.
11. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX вв.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
12. Дьяконова М.П. Миф в фольклоре эвенков и эвенов: цикл творения мира. – Новосибирск: Наука, 2022. – 164 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 45). DOI: 10.7868/978-5-02-041460-0 EDN: ZOTWME
13. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.
14. Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С. Экспозиции писаний Якутии и астроархеологический аспект интерпретации // Археология Северо-восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 214-229.
15. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
16. Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.
17. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. – Л.:

Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 290 с.

18. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1. – 218 с.

19. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.

20. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.

21. Ошаров М. Тунгусские сказки // Материалы по эвенкийскому тунгусскому фольклору / Сост. Г.М. Василевич; под ред. Я.П. Алькора. – Л., 1936. – С. 275-276.

22. Сказания восточных эвенков / Сост. Варламова Г.И., Варламов А.Н. – Якутск, 2004. – 234 с.

23. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.

24. Ушницкая Н.Ю. Концептуализация охотника в языковой картине мира эвенков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2022. – № 2(36). – С. 67-76. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76 EDN: KENUYU

25. Яковлева М.П. Специфика эвенкийских героических сказаний в творчестве сказителей рода Бута. – Воронеж, 2018. – 164 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Проблема, которая рассматривается в данной работе, довольно интересна, по-своему нова, довольно оригинальна. Автор ориентируется на дешифровку образа «духа-хозяйки» земли в эпосе эвенков. Но при этом в целом текст есть компилятивный вариант комбинаций. Тема как таковая в работе не раскрыта, нет достижения и итогового результата. Суждения по ходу исследования нуждаются в большей аргументации и позиционировании: например, «этот промысел оказал глубокое влияние на их мировосприятие и этические нормы, определив отношение к животному миру. Отражение этих представлений можно найти в религиозных воззрениях, культурных традициях и ритуальной практике эвенков», или «Мировоззренческая картина мира эвенков представляет собой сложное переплетение древних анимистических и тотемистических представлений, шаманизма, с которыми народ взаимодействовал на протяжении истории. Эта система взглядов отражает глубокую связь человека с природой и многоярусную структуру мироздания», или «С развитием мифологического мышления образ духа-хозяйки земли стал сочетать черты человека и животного. В некоторых мифах хозяйка земли предстаёт как старуха-хозяйка тайги, способная повелевать животными и предметами. Например, в мифе о двух сёстрах-зайчихах присутствует образ зооморфной старухи Кандика, которая контролирует поведение животных» и т.д. Цитации нуждаются в конкретизации, общий вариант все же не подходит: «для этого шаман предлагал духу хозяйке земли помощь в поиске вшей в её ровдужной рубаше. Во время осмотра старуха обнажала подмышкой кожаную сумочку со шерстинками, откуда шаман незаметно извлекал необходимое количество «душ». По возвращении в тайгу он вытряхивал шерстинки, которые превращались в реальных зверей [1, с. 29]» и т.д. Думаю, что и финальный блок желательно расширить / конкретизировать: «Образ духа-хозяйки земли в фольклоре сочетает зооантропоморфность, демиургичность и

хранительскую функцию, отражая анимистическое мировоззрение, где духи хозяева регулируют доступ человека к природным ресурсам через ритуал и обучение...». Следовательно, работу стоит скорректировать, часть позиций прописать более точно, и уже после внесения правки отправить на повторное рецензирование. Автору нужно выдержать и ориентир на собственно научный стиль: «эволюция образа хозяйки земли у эвенков отражает переход от зооморфных представлений к антропоморфным, что связано с развитием шаманизма, матриархальных традиций и изменением коллективного сознания народа. Эволюция образа духа-хозяйки земли у эвенков происходит наслоением, когда анимистические образы сменяются зооантропоморфными и в результате обретают облик человека». Таким образом, в данном виде статья «Образ духа-хозяйки земли в эпосе эвенков» не может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию образа духа-хозяйки земли в эпосе эвенков. Актуальность работы обусловлено интересом научного сообщества к изучению фольклора как источника знаний, позволяющего проследить развитие и формирование этническое сознание того или иного народа, а также региональных особенностей эпического текста. Выбор образа духа-хозяйки земли в качестве предмета исследования обусловлен его важностью в картине мира эвенков («В мировоззрении эвенков значительное число обрядов было направлено на обращение к Энекан Буга с просьбами об удаче в охоте и родовом благополучии. По этой причине, образ хозяйки земли и животного мира имеется в различных жанрах эвенкийского фольклора: мифе, сказке, эпосе и в обрядовом фольклоре»).

Теоретической основой исследования работы явились труды; посвященные традиционным верованиям и обрядам эвенков; их религии, сказаниям и говорам; репрезентации мировоззрения эвенков в фольклоре; историзму в фольклоре эвенков и др. Библиография составляет 21 источник, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах рукописи: в тексте отсутствуют ссылки на источники 8, 11, 13, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». Также автор(ы) совершенно не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, методы структурно-семантического и сравнительного анализа, литературоведческий и сравнительно-исторический анализ.

В ходе работы рассмотрен образ хозяйки-земли в его развитии от мифа к эпосу:

первоначальные представления о духе-хозяйке земли («зооморфный код - лось/олень, выступает как первичная форма воплощения идеи образа духа-хозяйки земли, что отражает глубинную связь культа охотничьей магии в традиционной культуре»), трансформация в зооантропоморфный образ («образ духа-хозяйки земли ... - это полупогружённая в землю старуха с огромными ушами, чьи уши даруют охотничью удачу») и антропоморфизация образа в «девицу с чётко очерченной социальной и космической функцией». В заключении сделаны обоснованные выводы о том, что «образ духа-хозяйки земли демонстрирует вариативность в эвенкийском фольклоре», «его трансформация от мифа к сказке и эпосу отражает поступательное развитие традиции», причем «каждый вариант образа несёт отпечаток своей эпохи: он воплощает характерные для неё мифопоэтические представления о мироустройстве».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в изучение регионального фольклора и особенностей эволюции образов эвенкийского эпоса. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, эпосам эвенков и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Обращаем внимание на языковые недочеты в тексте (см «Энекан Буга может изменят их решения: дух, например, пошлет зверя охотнику...», «С тех пор происходит, сменя дня и ночи, и космическая охота повторяется»).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию образа духа-хозяйки земли в эпосе эвенков. Актуальность работы обусловлено интересом научного сообщества к изучению фольклора как источника знаний, позволяющего проследить развитие и формирование этническое сознание того или иного народа, а также региональных особенностей эпического текста. Выбор образа духа-хозяйки земли в качестве предмета исследования обусловлен его важностью в картине мира эвенков («В мировоззрении эвенков значительное число обрядов было направлено на обращение к Энекан Буга с просьбами об удаче в охоте и родовом благополучии. По этой причине, образ хозяйки земли и животного мира имеется в различных жанрах эвенкийского фольклора: мифе, сказке, эпосе и обрядовом фольклоре»).

Теоретической основой исследования работы явились труды, посвященные традиционным верованиям и обрядам эвенков; их религии, мифам, сказаниям; языковой

картине мира эвенков; репрезентации мировоззрения эвенков в фольклоре; историзму в фольклоре эвенков и др. Библиография составляет 25 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи.

Методология исследования определена целью и поставленным задачам и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, методы структурно-семантического и сравнительного анализа, литературоведческий и сравнительно-исторический анализ.

В ходе работы рассмотрен образ хозяйки-земли в его развитии от мифа к эпосу: первоначальные представления о духе-хозяйке земли («зооморфный код - лось/олень, выступает как первичная форма воплощения идеи образа духа-хозяйки земли, что отражает глубинную связь культа охотничьей магии в традиционной культуре»), трансформация в зооантропоморфный образ («образ духа-хозяйки земли ... - это полупогружённая в землю старуха с огромными ушами, чьи уши даруют охотничью удачу») и антропоморфизация образа в «девицу с чётко очерченной социальной и космической функцией». В заключении сделаны обоснованные выводы о том, что «образ духа-хозяйки земли демонстрирует вариативность в эвенкийском фольклоре», «его трансформация от мифа к сказке и эпосу отражает поступательное развитие традиции», причем «каждый вариант образа несёт отпечаток своей эпохи: он воплощает характерные для неё мифопоэтические представления о мироустройстве».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в том, что она вносит вклад в изучение регионального фольклора и особенностей эволюции образов эвенкийского эпоса. Полученные результаты могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных литературе народов России, эпосам эвенков и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Арчугова А.С., Кострюкова Е.А., Болотова Е.А. Китайский радиоспектакль: жанровые особенности //

Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77546 EDN: TDWWQY URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77546

Китайский радиоспектакль: жанровые особенности

Арчугова Анна Сергеевна

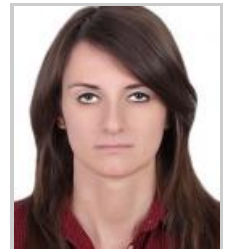
ORCID: 0000-0001-7034-3912

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук (ФГСН); Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ archugova-as@rudn.ru

Кострюкова Елена Александровна

преподаватель; кафедра телевидения и радиовещания; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, р-н Арбат, ул. Моховая, д. 9 стр. 1

✉ e.a.kostryukova@gmail.com

Болотова Екатерина Александровна

кандидат искусствоведения

доцент; кафедра телевидения и радиовещания; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

125009, Россия, г. Москва, р-н Арбат, ул. Моховая, д. 9 стр. 1

✉ bolotova_e1961@mail.ru

[Статья из рубрики "Идентификация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77546

EDN:

TDWWQY

Дата направления статьи в редакцию:

25-12-2025

Дата публикации:

01-01-2026

Аннотация: Предметом исследования является жанровая специфика радиоспектакля. Материалом послужили радиопрограммы, выходившие в эфир в 1920 –2025 годах в Китае. Выбор периода обусловлен необходимостью рассмотреть развитие китайского радиоспектакля в длительной исторической ретроспективе, в связи с социально-политическими, культурными и технологическими изменениями для дифференциации ключевых жанровых черт. Типологическим признаком дифференциации стало функциональное предназначение выразительных средств радио. Цель обусловлена стремлением обозначить место радиоспектакля в системе жанров радиовещания. В отечественной теории оно не определено. В Китае радиоспектакль считается жанром радиодраматургии, которую связывают именно с журналистикой. В результате исследования уточняются понятия, необходимые для дальнейшего изучения аудиальной составляющей российских медиасистем, в частности программ, звучащих в современном эфире (нередко они представляют собой конвергентные жанры), а также нестандартного аудиального интернет-контента. Методологически работа опирается на жанрово-типологический и историко-аналитический подходы: радиоспектакли 1920–2025 годов рассматриваются через функциональность выразительных средств, их роль в формировании звукового образа. Новизна исследования заключается в том, что развитие радиоспектакля в Китае рассматривается в контексте логики жанровой дифференциации на радио. Показано, что распределение смысловой нагрузки между словом, музыкой и шумами меняется в зависимости от жанровых задач. В группе документально-художественных жанров музыка и шумы способны становиться самостоятельными носителями смысла. На этом фоне выявляется коллизия, возникающая при описании материалов, в которых художественная основа доминирует над документальной, но не исключает ее: подобные программы невозможно отнести к радиокомпозиции или документальной драме (оба жанра входят в группу документально-художественных жанров радиожурналистики). Сделан вывод о необходимости выделения радиоспектакля как самостоятельной жанровой единицы и в теории жанров отечественной радиожурналистики.

Ключевые слова:

радиоспектакль, китайский радиоспектакль, радиодраматургия, выразительные средства радио, жанры радиожурналистики, радиотеатр, радио, радиовещание, радиожурналистика, аудиальное искусство

Процесс становления радиодраматургии в Китае охватывает почти столетний период и отражает социально-политические, культурные и технологические особенности развития страны. Для того, чтобы определить ключевые этапы данного процесса, радиопрограммы, выходившие в эфир с 1920 по 2025 годы, были проанализированы с точки зрения специфики использования выразительных средств радио.

Функциональное предназначение выразительных средств – существенный типологический признак для дифференциации жанров на радио. В классической теории радиожурналистики выделяется две группы выразительных средств: формообразующие и стилиобразующие. К формообразующим выразительным средствам радио относятся слово, музыка и шумы, к стилиобразующим – реверберация, микширование и другие

способы обработки звука. При помощи выразительных средств создается представление о материальном объекте, жизненном событии, характере человека, то есть формируется звуковой образ. Функциональность выразительных средств определяет специфику радио как канала коммуникации [1].

По мнению Б.М. Гаспарова, образы можно сравнить с некой эфирной тканью, они непрерывно приобретают все новые, бесконечно разнообразные очертания в каждом акте языковой деятельности, сущность которой в смысловом обмене [2]. Чем сложнее задача радиожурналиста, то есть чем сложнее образы, которые он должен передать, тем сложнее палитра используемых им выразительных средств. Если нужно сообщить факт, достаточно слова, оно главное выразительное средство информационных жанров – музыка и шумы используются как обрамление. Когда появляется задача донести сумму фактов, то есть обратиться к аналитическим жанрам, музыка и шумы могут иметь самостоятельную семантическую нагрузку. При необходимости интерпретировать факты, что характерно для документально-художественных жанров, шумы и музыка, вопреки классической коммуникативной модели лингвиста Р. Якобсона, перестают быть второстепенными элементами и нередко становятся носителями смысла, в том числе благодаря просодическому компоненту [3] – слово, напротив, играет второстепенную роль (см. табл.1).

Жанры	Информационные (радиосообщение, интервью, репортаж, радиоотчет, обзор печати)	Аналитические (корреспонденция, комментарий, беседа, обозрение)	Документально- художественные (радиоочерк, радиорассказ, радиофельетон, доку-драма, радиокомпозиция)
Функции слова	5	5	3
Функции музыки	1	3	5
Функции шумов	1	3	5

Таблица 1. Функции выразительных средств радиожурналистики

Прим.: от 1 до 5, где 1 – обрамление, 5 – носитель смысла (символ)

Можно было бы сказать, что в репортаже музыка и шумы выступают носителями смысла: нередко радиожурналисты фиксируют событие и без дальнейшей обработки передают его в эфир (в практике тележурналистов такие элементы называют «лайфами», что отражает обозначенную функцию, в практике радиожурналистов чаще используют термин «интро»), однако оперативность, которая традиционно выделяется как важнейшая характеристика репортажа, не позволяет в полной мере использовать возможности выразительных средств – смещение смысловой нагрузки на музыку и шумы в этом случае может быть обусловлено лишь темой (например, репортаж с музыкального или

театрального фестиваля).

По мнению Т.В. Лебедевой, аналогов радиокomпозиции в других СМИ нет, единственным исключительно радиным жанром, то есть жанром, рожденным на радио, исследователь называет радиофильм. В.В.Смирнов в свою очередь определяет радиофильм как разновидность радиокomпозиции: «Предметом радиофильма является изображение ярких примеров, взятых из жизни, исторических картин, осмысленных художественно и соответственно смонтированных. Методы работы журналистов и режиссеров: отбор и обработка разнообразного материала определенной тематики [4]. В.В. Смирнов и Т.В. Лебедева определяют радиокomпозицию как жанр, рожденный эстрадой, как публицистическое публичное выступление, получившее на радио новое выражение в связи с возможностью использования специфической художественной палитры. В.В. Смирнов отмечает: «Основу радиокomпозиции составляет органичный сплав документального и художественного материала, его внутренняя архитектурная соподчиненность всех фрагментов с целью наиболее полного, яркого раскрытия темы. Публицистичность и художественность в хорошей радиокomпозиции составляют целое. Документальные тексты несут частично и художественную нагрузку, а художественные – публицистическую» [4].

А.А. Шерель дает более широкую трактовку понятию радиокomпозиции – не предполагающую документ как обязательную составляющую [5]. Исследователь приводит ряд примеров, где документальная основа – факт – становится импульсом для движения авторской мысли. Эта же особенность, на наш взгляд, отличает такой материал от документальной драмы, которая традиционно выделяется в самостоятельный жанр документально-художественной группы. В числе ее важнейших черт – монолитность фактической основы, достоверность: имена должны быть реальными, даты – корректными, события – максимально приближенными к действительности. При этом в условиях эфира (в частности, ориентированного на детей) мы нередко встречаем вымышленных героев, которые становятся действующими лицами реально происходивших событий. Наличие событийного ряда стимулирует отнести подобные программы к жанру документальной драмы (в радиокomпозиции соединение элементов может происходить посредством монтажа – драматургия не является обязательной), однако сделать это невозможно из-за обозначенной особенности работы с фактическим материалом. Данная коллизия позволяет говорить о необходимости введения дополнительной жанровой единицы, в которой художественная основа доминирует над документальной, но не исключает ее. Такой единицей мог бы стать радиоспектакль. На необходимость рассматривать радиоспектакль как жанр указывают исследования многих видных теоретиков радиовещания, в том числе А.А. Шереля, Т.А. Марченко, однако до сих пор у радиоспектакля нет собственного места в системах, предоставленных в отечественном научном дискурсе.

В Китае радиоспектакль выделяется как жанр самостоятельного направления радиовещания – радиодраматургии [6]. Традиционно его относят к художественным, но при этом связывают не с теорией искусств, а именно с журналистикой. Неслучайно изучением вопросов развития этого жанра занимается основанная в 1980 году Ассоциация исследования радиоспектакля Китая (中国广播剧研究会, *чжунго гуанбоцзюй яньцзюхуэй*), объединяющая практиков (режиссеров, сценаристов) и исследователей журналистики. В разное время среди членов Ассоциации были известный китайский радиодраматург и теоретик радиовещания Хэ Шаньчжао (何善昭); профессор и декан Школы телевидения и радиовещания Китайского университета коммуникаций, нынешний

президент Ассоциации Гуань Лин (关玲), а также драматург и сценарист, автор ряда известных китайских радиоспектаклей Гао Тань (高坦). Ассоциация проводит ежегодные конференции и семинары. Важнейшим научным трудом в области китайской радиодраматургии принято считать монографию Ван Сюэмэйя «История и теория радиоспектакля» (广播剧史论, 关博цзюй шилунь, 2007) [7].

На наш взгляд, неразрывная связь радиодраматургии и радиожурналистики обусловлена также концептуальными особенностями эфира. Радио как СМИ предполагает наличие информационного повода для актуализации тех или иных событий – материал, выходящий в эфир, соотносится с повесткой, а значит прямо или косвенно связан с фактом. Именно это отличает радиодраматургию от другого искусства, эта особенность прослеживается при анализе истории китайского радиоспектакля.

Ранние эксперименты: шумы как иллюстрация (1920–1933 гг.)

Период 1920–1930-х годов в Китае стал временем острого политического кризиса и борьбы за национальную идентичность: страна, раздробленная враждующими военными и политическими группировками, противостояла нарастающей военной агрессии Японии. Китайский радиотеатр начал формироваться как реакция на социально-политические процессы. Еще одна важная особенность – условия развития. Если в отечественной практике становление радиотеатра происходило в рамках государственной монополии на вещание, в Китае этот процесс протекал в контексте коммерциализации, получившей импульс, благодаря географическим и культурным особенностям отдельных провинций на определенных этапах исторического развития.

В 1922 году американский журналист Э. Г. Осборн основал в Шанхае радиостанцию – Osborn Radio Station (奥斯本电台, аосыбэнь дяньтай). Это была первая радиостанция в Китае, радиоприемники для ее прослушивания – кристаллические и ламповые – сначала импортировались в основном из США. В 1924 году шанхайская компания Ama Radio Co., Ltd. (亚美无线电公司, ямэй усяньдянь гунсы) начала собственные разработки и в октябре 1933 года выпустила кристаллический радиоприемник 1001. Спустя два года компания изготовила первый в Китае супергетеродинный АМ-радиоприемник, модель 1651, с пятью лампами. Такой интерес к технологическим инновациям обусловлен высоким спросом: по данным Shanghai Broadcasting Chronicle, в 1930 году в Шанхае работало уже около 30 новых станций, а к 1935 году – свыше 60 [8]. Примечательно, что большинство из них было частными: до 1927 года в стране существовал официальный запрет на владение радиоаппаратурой. Его сняли после прихода к власти китайской националистической партии Гоминьдан, которая увидела в радио инструмент просвещения и пропаганды. Уже 1 августа 1928 года гоминьдановское правительство создало в Нанкине Центральную радиовещательную станцию (中央广播电台, чжунъян гунбо дяньтай) – первую национальную радиостанцию под контролем государства. Вскоре и в других провинциях стали появляться радиостанции, но единого центра на этом этапе у них не было.

Все передачи шли в прямом эфире – запись на пластинки стала применяться в 1930–1940-х гг. Первый радиоспектакль в Китае «Страшные воспоминания» (恐怖的回忆, кунбу дэ хуэйи) транслировала 10 января 1933 года шанхайская радиокомпания Ama Radio (亚美广播电台, ямэй гуанбо дяньтай). Автором и режиссером выступил основатель радиостанции Су Цзукуй (苏祖奎) [7]. Он рассказал об ужасах, с которыми столкнулись жители Шанхая в 1932 году во время наступления японской армии. Постановка представляла собой реконструкцию военных событий, которые отражали страдания

мирного населения и героизм китайских солдат. Партитура предполагала имитацию войны – взрывов, стрельбы, тревожных голосов. Их воспроизводили прямо во время эфира. Использовалась перкуссия, этот звук олицетворял нервное напряжение, то есть имел не только самостоятельное значение, но и сообщал слушателю определенную эмоцию, стимулировал ее появление. Эффект погружения в воспоминания был реализован через стилиобразующее средство выразительности радио – реверберацию. В этом радиоспектакле авторы транслировали аудитории само ощущение ужаса, отвращение к врагу. Созданный эффект вызвал широкий резонанс и среди слушателей, и среди работников радиовещания, положив начало становлению радиотеатра в Китае и во многом определив вектор его развития.

Становление радиоспектакля в Китае: шумы-символы (1934-1949 гг.)

Тематика, связанная с патриотизмом и антивоенными настроениями, стала центральной на шанхайских радиостанциях в 1930-1949 гг. Среди наиболее значимых радиоспектаклей этого периода – «Боевой гонг» (战斗锣, *чжаньдо ло*, 1936 г., реж. 洪深, Хун Шэнь), «Тот день, 28-го» (七〇〇那天, *ци эр ба на и тянь*, 1937 г., реж. 夏衍, Ся Янь), «Последний урок» (最后课, *цзуйхоу и кэ*, 1937 г., реж. 孙瑜, Сунь Юй) и «Посвятить себя Родине» (以许国, *и шэнь суй го*, 1937 г.). Они создавались мобильными «Труппами спасения» (救亡剧团, *цзюван цзюйтуань*) под руководством известных театральных деятелей – Юй Лина (于伶), Ши Линхэ (麟鹤), Чэнь Кэнжэня (陈亢章) – и дополнялись короткими агитационными сценками, которые отличали активное использование шумов для создания эмоциональности. Писатель и теоретик литературы Мао Дунь (茅盾) подчеркивал: «Радиовещание действительно сыграло огромную роль в военной пропаганде». В радиоспектакле «Боевой гонг» удар гонга (锣, *ло*) олицетворял тревогу и одновременно символизировал подъем боевого духа. Динамические оттенки звучания гонга менялись в зависимости от роли в конкретной сцене: он звучал глухо, выражая ожидание военных действий, звонко – в момент побед, с нарастанием – при развитии действия и во время кульминации.

В спектакле «Тот день, 28-го», посвященном началу боев в Шанхае (Шанхайскому инциденту 28 января 1932 года), для имитации взрывов актеры ударяли по металлическим листам и жестяным банкам в прямом эфире. Партитура отличалась многослойностью: одновременно с описанным звуком слышны были звуки выстрелов, обрушения зданий, крики. Какофония резко сменялась тишиной, на ее фоне звучал в отдалении колокол. Слушатели буквально ощущали трагедию.

Название радиоспектакля	Основа сюжета	Использованные выразительные средства	Функции выразительных средств
«Страшные воспоминания» (恐怖的回忆, <i>кунбу дэ хуэйи</i>), 1933 г.)	Реальные события: Шанхай в 1932 г., во время наступления японской армии	Шумы Звуки войны: взрывы, стрельба, гул улиц Перкуссия	Обрамление Носитель смысла
«Боевой гонг» (战斗锣, <i>чжаньдо</i>)	Реальные события:	Музыка	Носитель смысла

ло, 1936 г.)	патриотическое движение 1930-х гг.	Гонг	
«Тот день, 28-го» (“七□□”那天, ци эр ба на и тьянь, 1937 г.)	Реальные события: начало боев в Шанхае (Шанхайский инцидент 28 января 1932 г.)	Шумы Удары по листам металла, звуки выстрелов, обрушения зданий, крики	Носитель смысла

Таблица 2. Функции выразительных средств радиожурналистики в китайских радиоспектаклях

Радиоспектакли Нового Китая: музыка как доминанта выразительного ряда (1950 – 1966 гг.)

В 1950 году в память о забастовке рабочих железной дороги Пекин-Ханькоу, произошедшей 7 февраля 1923 года, Национальное радио Китая выпустило радиопостановку «Десять тысяч шпал» (一万块夹板, и вань куай цзябань, 1950 г., реж. 胡旭, Ху Сюй). Это был первый радиоспектакль, переданный в эфир после прихода к власти коммунистов. В основе сюжета – история восстановления железнодорожной инфраструктуры и обеспечение бесперебойного транспортного сообщения в первые годы после основания Китайской Народной Республики. Радиоспектакль должен был пропагандировать идеалы социалистического строительства. Примечательно, что реализовать задачу удалось через особый принцип организации шумов – их синхронность: например, одновременно звучали несколько молотов, мелодию каждого из которых можно было проследить.

После образования Китайской Народной Республики в 1949 году радиоспектакль стал одним из важнейших жанров на радио. Способствовало его развитию появление в 1952 году в Китае технологии записи на магнитную ленту. Возможностей для работы со звуком стало больше, что стимулировало исследования художественного потенциала шумов. Тематика изменилась: радиоспектакли чаще стали затрагивать социальные и идеологические проблемы [\[9\]](#).

В радиоспектакле «Пань Сючжи» (潘秀芝, 1950 г., реж. 胡旭, Ху Сюй) рассказывается о молодой девушке Пань Сючжи, которая, вопреки воле родителей и традициям старого общества, отказывается от навязанного ей брака и борется за свободу. Через судьбу героини показывается разрушение феодальных устоев и утверждение новых социальных норм. Шумы в этом произведении выполняют, скорее, иллюстративную функцию (создают достоверную картину жизни) – музыка, напротив, приобретает самостоятельную роль, становится символом. Мелодии в традиционном стиле олицетворяют в радиоспектакле повседневную жизнь, бодрые марши – новую эпоху. Сопоставляя и противопоставляя темы, авторы формируют у слушателя определенную оценку событий: народная музыка на фоне маршей кажется скучной и отжившей. В финале радиоспектакля звучит специально написанная песня о свободе и новой судьбе китайцев, она исполняется хором, что подчеркивает коллективный характер социальных преобразований.

Еще один радиоспектакль того же периода – «Спасибо Сталину» (感谢斯大林, ганьсе

сыдалинь, 1952 г.). Постановка показывает советского политического лидера искренним другом китайского народа. Сюжет спектакля строится вокруг образов китайских рабочих, студентов и солдат, выражающих благодарность Сталину за поддержку Китая в годы борьбы за независимость. В этом радиоспектакле музыка также является доминантой выразительного ряда: оркестровые темы на основе мелодий революционных маршей символизируют эпоху, а фрагменты советской песни «Москва – Пекин», написанной в 1949 году композитором Вано Мурадели на стихи Михаила Вершинина, олицетворяют единство народов двух стран. Песня «Москва – Пекин» звучит лейтмотивом, объединяя сцены и усиливая их эмоциональное воздействие.

Ключевую роль музыка сыграла и в первой китайской радиопостановке, представленной перед зарубежной аудиторией, – «Ли Цзычэн штурмует деревню Шимэнь» (李自成闯门寨, *Ли Цзычэн чан шымэньчжай*). В ее основу лег исторический роман «Ли Цзычэн» (李自成) Яо Сюэина (姚雪垠), повествующий о народном восстании под предводительством Ли Цзычэна (李自成) в XVII веке. Традиционные китайские инструменты – гуцин (古琴) 10 и эрху (二胡) – с одной стороны, подчеркивали исторический колорит эпохи, с другой – выражали эмоциональное состояние персонажей.

В период культурной революции в Китае (1966–1976 гг.) творческие коллективы, создававшие радиоспектакли, распустили или перепрофилировали, многие ранее популярные произведения были запрещены.

«Десять тысяч шпал» (一万块夹板, и вань куай цзябань, 1950 г.)	Реальные события: история восстановления железнодорожной инфраструктуры и обеспечение бесперебойного транспортного сообщения в первые годы после основания	Шумы Звуки инструментов рабочих	Носитель смысла
«Пань Сюэжи» (潘秀芝, 1950 г.)	Литературная основа: судьба молодой девушки Пань Сюэжи, которая, вопреки воле родителей и традициям старого общества, отказывается от навязанного ей брака и борется за свободу	Шумы Бытовые детали Музыка Мелодии в традиционном стиле, марши	Обрамление Носитель смысла
«Спасибо Сталину» (感谢斯大林, ганьсе	Факты: образ Сталина	Музыка Революционные	Носитель смысла

сыдалинь, 1952 г.)		марши, песня «Москва – Пекин» В.Мурадели	

Таблица 3. Функции выразительных средств радиожурналистики в китайских радиоспектаклях

Радиодраматургия после реформ Дэн Сяопина: стереозапись (1978-2000 гг.)

Новый этап развития радиодраматургии начался во время политики реформ и открытости Дэн Сяопина: 1980-е годы ознаменовались послаблением цензуры и, как следствие, стремительным расширением спектра тем. Свобода в выборе репертуара стимулировала приток кадров. На радио пришли актеры с кинематографическим опытом, они привнесли новый подход в работу со словом как выразительным средством. В попытках добиться достоверности звучания профессиональные актеры не просто имитировали происходящее – они стремились жить у микрофона: например, если сцена разворачивалась в ресторане, в студии оказывались все предметы сервировки и сами блюда.

Благодаря радиосцене актеры становились знаменитыми. Например, Ван Ган (王刚) – один из самых известных артистов Китая – получил признание после работы в радиосериале «Харбин под покровом ночи» (夜幕下的哈尔滨, ему ся дэ Хаэрбинь, 1982 г.) о жизни китайского подполья в оккупированной японцами Маньчжурии. Радиосериал вышел эфир в январе 1982 года. В течение 76 дней он транслировался на 108 радиостанциях Китая и привлек внимание более 300 миллионов слушателей. Это по-настоящему уникальное явление не только для китайской, но и для мировой радиодраматургии. Многосерийный радиоспектакль «Харбин под покровом ночи» лег в основу литературного произведения и был экранизирован.

Партитура радиоспектакля насыщена шумами, передающими атмосферу оккупированного японцами Харбина: звуками шагов по пустынным мостовым, по деревянным настилам, шепот, скрип ворот, шорох ветра. Особую роль играет контраст между этими звуками и тишиной. Он используется, в частности, после сцен погони или ареста. Прием создает эффект замершего времени. Смысловую нагрузку несет в этом радиоспектакле и музыка: виолончель и контрабас сопровождают сцены собраний подпольщиков, а эрху – драматические повороты и внутренние переживания героев.

Китайская радиодраматургию отличает не только обширный опыт создания радиопостановок, но и серьезный теоретический подход. В 1980 году в Пекинском университете появился курс «Литературное редактирование», в рамках которого обучали написанию сценариев для радиоспектаклей. В дальнейшем этот курс лег в основу самостоятельного направления подготовки. Параллельно Пекинский институт инициировал исследования в области истории и теории радиодраматургии, 15 ноября 1980 года он представил их результаты в Чэнду, на первой всекитайской встрече по обмену опытом в этой области. В мероприятии приняли участие 93 представителя от 41 организации, включая центральные, провинциальные, муниципальные и автономные районные народные радиостанции, ряд городских радиостанций. Итогом стало решение о создании Ассоциации исследований радиоспектакля Китая, а также об издании сборника «Избранные радиоспектакли» (广播剧选, гунбоцзюй сюань) ^[10]. Предисловие к сборнику написал известный драматург и председатель Ассоциации драматургов Китая Цао Юй (曹禺).

После создания Ассоциации исследований радиоспектакля мероприятия по обмену опытом стали регулярными, это положительно сказалось на развитии радиоспектаклей: 1 января 1981 года радиостанция провинции Гуандун представила стереорадиоспектакль (□体声□播剧, *литошэн гунбоцзюй*) «Сказку о рыбаке и рыбке» по мотивам одноименного произведения А.С. Пушкина. Вслед за этим радиостанции Хэйлунцзяна, Шанхая, Центрального радио, Сычуани и Уханя также начали записывать стереорадиоспектакли. Китайские теоретики радиодраматургии сегодня дают такое определение этому понятию: «Стереорадиоспектакль – это звуковое драматическое произведение, основанное на технологии стереозаписи и стереовоспроизведения, слово, музыка и шумы в нем используются как средства повествования. Благодаря пространственной обработке звука и его распределению в стереополе, создается ощущение объёма пространства и присутствия внутри него, что позволяет воссоздавать жизненные сцены и эмоциональные состояния персонажей. В отличие от монофонического радиоспектакля, стереорадиоспектакль стремится не просто передавать текст, а формировать звуковую реальность» [\[11\]](#).

Не только звук претерпел масштабные изменения в этот период – расширился и спектр тем: авторы радиоспектаклей стали обращаться к вопросам, которые волновали аудиторию. В 1986 году Центральное радио транслировало радиосериал «Обычные люди» (普通□, *путунжэнь*), герои которого сталкиваются с социальными и личными вызовами в быстро меняющемся обществе.

В июне 1987 года Центральное радио и Радио Хэйлунцзян приняло участие в X конкурсе радиопрограмм в Берлине. Стереорадиоспектакль «Минус десять лет» (减去□岁, *цзяньцзюй шисуй*, 1987 г. реж. 王芝芙, Ван Чжифу) по одноименному роману Чжань Жуна (湛容) выиграл в номинации «Лучшая радиопостановка». В центре сюжета – фантастическая ситуация: герой неожиданно молодеет на десять лет, что приводит к серии комических ситуаций. Через эти ситуации авторы отражают быстрые социальные перемены Китая 1980-х годов: перемены во взглядах людей, в их возможностях.

Еще один феномен этого периода – радиосериал «Уголовный отдел 803» (刑警803, *синцзин 803*, 1989–1990 гг., реж. 孔玉, 雷国芬, Кун Юй, Лэй Гофэнь). Шанхайская народная радиостанция начала транслировать его 10 августа 1990 года. Название «803» отсылает к адресу Шанхайского управления уголовного розыска. В радиосериале рассказывается о борьбе шанхайской полиции с преступностью на основе реальных резонансных дел. Каждая серия – самостоятельная история, полная тайн и неожиданных поворотов. Интрига реализуется не только композиционно, но и с помощью выразительных средств. Шумы города, сирены, телефонные звонки, выстрелы – многослойные звуковые картины изображают Шанхай в каждой его детали, при этом ни один из шумов не является символом: превалирует документальная основа. Проект был настолько успешен, что даже сами шанхайские полицейские начали называть себя «803».

Несмотря на популярность ряда радиопостановок, 1990-е годы в Китае принято рассматривать как годы упадка радиодраматургии: и аудитория, и кадры стали уделять больше внимания телевидению, финансирование радиоспектаклей сокращалось.

«Харбин под покровом ночи» (夜幕下的哈尔滨,	Реальные события: жизнь китайского	Шумы звуки шагов по	Носитель смысла

ему ся дэ Хаэрбинь, 1982 г.)	подполья в оккупированной японцами Маньчжурии	пустынным мостовым, по деревяннным настилам, шепот, скрип ворот, шорох ветра, контраст между этими звуками и тишиной Музыка Контрабас Виолончель Эрху	Носитель смысла
«Обычные люди» (普通□, путунжэнь, 1986 г.)	Литературная основа: судьбы героев, сталкивающихся с социальными и личными вызовами в быстро меняющемся обществе	Шумы Стереофонические звуки, погружающие в атмосферу событий	Обрамление, носитель смысла
«Уголовный отдел 803» (刑 警803, синцзин 803, 1989–1990 гг.)	Реальные события: резонансные уголовные дела	Шумы Стереофонические звуки, погружающие в атмосферу событий	Обрамление

Таблица 4. Функции выразительных средств радиожурналистики в китайских радиоспектаклях

Радиодраматургия в эпоху цифровизации: новые эксперименты со звуком (2000 – 2025 гг.)

Развитие подкастов, стриминговых и других онлайн-сервисов, предполагавших возможность выбирать контент и слушать его в удобное время, вернули интерес к радиоспектаклям. В 2013 году появилась платформа Гималаи FM (喜马拉雅FM, амалая FM), а вместе с ней и новый вид радиоспектаклей – онлайн-радиоспектакли. Процесс их становления проходил под влиянием японской культурного феномена Drama CD. В Японии Drama CD – аудиоверсии популярных комиксов, аниме или лайт-новел – часть индустрии развлечений. В начале 2000-х годов в Китае начали создавать любительские радиопостановки по мотивам интернет-романов. Вокруг этого процесса выросла

субкультура: фанаты онлайн-радиоспектаклей объединялись в команды в интернете и выпускали свои версии любимых произведений. Такие произведения получили название «чжунчжуа» (中抓) «китайская Drama» по аналогии с «жичжуа» (口抓), «японский Drama CD».

В начале 2008 года руководство Государственного управления радиовещания, кино и телевидения Китая выступило с инициативой стимулировать развитие радиоспектаклей, дав новый импульс профессионалам радиодраматургии [\[12\]](#).

В числе важнейших произведений этого периода – «Мажор» (纨绔, *ваньку*, 2015 г.) и «Пробуждение Хуасюй» (华胥引, *хуасюйинь*, 2010 г.). «Мажор» – радиоспектакль по мотивам одноименного интернет-романа, рассказывающий историю аристократа-сорванца. «Пробуждение Хуасюй» основан на популярном фэнтези-романе Тан Ци Гунцзы (唐七公口), главную роль в нем исполняет музыка: сюжет строится вокруг загадочного магического напева, создающего иллюзорные миры.

Параллельно с коммерческими проектами, благодаря поддержке правительства Китая, в этот период активно создавались идеологически значимые радиопостановки. Радиоспектакль «Красный дом Пекинского университета» (北口红楼, *бэйда хунлоу*, 2021 г.) выпустили к столетию Коммунистической партии Китая. Над ним Пекинское радио и телевидение работало совместно с Пекинским университетом. Около десяти месяцев ушло на написание сценария: необходимо было воссоздать революционные события начала XX века. Особое внимание уделили выразительным средствам: многие сцены были записаны непосредственно в исторических зданиях с использованием технологии сверточной реверберации. Музыку для радиоспектакля написал композитор Юй Сяньго.

Значимым явлением современного этапа стали и радиоспектакли об экологических инициативах и научно-технических прорывах (Эволюция китайской радиопьесы, 2025). Среди них – «Китайский Бэйдоу» (中国北口, *чжунго бэйдоу*, 2023 г.), посвященный одноименной китайской навигационной системе. Главные герои – ученые и инженеры, преодолевающие трудности на пути к созданию собственной навигационной системы, способной конкурировать с GPS. Звуковое оформление строится на шумах, иллюстрирующих работу спутников и центров. Еще одна знаковая работа – радиоспектакль «Государство превыше всего» (国家口上, *гоцзя чжишан*, 2021 г.), первое в Китае произведение, посвященное развитию отрасли твердотопливной ракетной техники. В радиоспектакле используются звуковые документы: записи из научно-исследовательской лаборатории, звуки работы ракетных двигателей, переговоры в командных центрах и др.

Во время вспышки эпидемии COVID-19 был создан и выпущен в эфир радиоспектакль «Путь навстречу опасности» (口路逆口, *илу нисин*, 2021 г., реж. 张岩, *Чжан Янь*), посвященный подвигу медицинских работников, в частности академику Чжун Наньшаню (钟南口). Радиоспектакль рассказывает о ключевых моментах жизни ученого, о его роли в борьбе с эпидемиями SARS в 2003 году и COVID-19 в 2020 году. За достоверность звуковой картины событий радиоспектакль был удостоен нескольких наград.

Радиоспектакли в Китае считаются одним из самых востребованных видов аудиоконтента. Согласно «Отчету об исследовании развития индустрии онлайн-аудио и поведения пользователей в Китае за 2021 год», они занимают вторую строчку в рейтинге популярности: доля их прослушиваний составляет 37,4% (47% - занимают аудиокниги). В отчете также отмечается, что радиоспектакли активно слушает молодежь, включая поколение, родившееся после 1995 года. Такие результаты китайские исследователи

аудиоконтента связывают с бурным ростом интернет-литературы и субкультур, с ней связанных, повсеместным распространением аудиоформатов, обеспечивающим тематическое разнообразие, эмоциональной вовлеченностью, возникающей благодаря приемам и методам работы с выразительными средствами, найденными в ходе развития радиоспектакля.

«Пробуждение Хуасюй» (华胥引, хуасюйинь, 2010 г.)	Литературная основа: радиоспектакль создан по мотивам одноименного интернет-романа	Музыка Волшебная мелодия	Носитель смысла
«Красный дом Пекинского университета» (北□红楼, бэйда хунлоу, 2021 г.)	Реальные события: история университета, его роль в революционном движении	Шумы Стереофонические звуки, погружающие в атмосферу событий	Обрамление, носитель смысла
«Китайский Бэйдоу» (中国北□, чжунго бэйдоу, 2023 г.) «)	Реальные события: создание навигационной системы	Шумы Стереофонические звуки, погружающие в атмосферу событий	Обрамление, носитель смысла
«Путь навстречу опасности» (□路逆□, илу нисин, 2021 г., реж. 张岩, Чжан Янь)	Факты: биография ученого	Шумы Стереофонические звуки, погружающие в атмосферу событий, звуковые документы	Обрамление, носитель смысла

Таблица 5. Функции выразительных средств радиожурналистики в китайских радиоспектаклях

Заключение

Исследование китайской радиодраматургии демонстрирует, что радиоспектакль живет по законам эфира, в контексте информационных поводов. Факты нередко являются основой радиоспектакля. Интерпретирует их автор при помощи выразительных средств. В тех случаях, когда факт – импульс для движения авторской мысли, шумы и музыка берут на себя роль семантически значимых элементов: наряду со словом (с единицами вербального уровня) они передают определенный код, который дешифруется реципиентом при помощи образной системы восприятия.

Родившийся в радиоэфире, сегодня радиоспектакль вышел за его пределы. В Китае этот жанр получил распространение в социальных сетях и на онлайн-площадках,

совмещающих функции СМИ и социальной сети. Создание любительских версий известных радиопроизведений превратилось в своеобразный способ коммуникации. Технические возможности, в первую очередь распространение стереозаписи, позволили усилить художественный эффект, что также положительно сказалось на популярности радиоспектаклей.

Библиография

1. Лазутина Г.В., Распопова С.С. Жанры журналистского творчества: учебное пособие для студентов вузов. М.: Издательство, 2011. EDN: RAZNNV.
2. Гаспаров Б.М. О некоторых принципах структурного анализа музыки // Проблемы музыкального мышления: сб. ст. / сост. и ред. М.Г. Арановский. М.: Музыка, 1974.
3. Шевелева (Кострюкова) Е.А., Серова Е.С. Единицы суправербального уровня: место и роль в создании акустического произведения (в контексте развития литературно-драматического радиовещания) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 4. С. 68-77. DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-4-68-77. EDN: YOSQIK.
4. Смирнов В.В. Жанры радиожурналистики: учебное пособие для вузов. М.: Издательство, 2002.
5. Шерель А.А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: очерки. М.: Издательство, 2004. С. 326-327. EDN: RAYUZD.
6. 李新国 (Ли Синго). 《中国文学艺术广播电视丛书·第三卷·广播剧(1977-2000)》(Большая серия "Литературно-художественное радиотелевещание Китая". Том 3. Радиоспектакли (1977-2000)). 北京 (Пекин): 中国广播电视出版社 (Издательство "Китайское радио и телевидение"), 2008.
7. 王雪梅 (Ван Сюэмэй). 《广播剧史论》(История и теория радиодрамы). 北京 (Пекин): 中国广播电视出版社 (Издательство радио и телевидения Китая), 2007.
8. 《上海广播志》(Шанхайская хроника радиовещания). Шанхай: 上海社会科学院出版社 (Издательство Шанхайской академии общественных наук), 1986. С. 45-47.
9. 李立伟 (Ли Ливэй). 《广播剧传统在中国电视剧中的传承与创新》(Традиции радиоспектакля в китайской телевизионной драме: преемственность и инновации). 北京 (Пекин): 现代传播(中国传媒大学学报) ("Современная коммуникация" (Вестник Китайского университета коммуникаций), 2019.
10. 广播剧选 (Избранные радиоспектакли) / сост. 中国广播剧研究会 (Китайское общество изучения радиоспектакля). Пекин: 中国戏剧出版社 (Издательство китайской драматургии), 1981.
11. 立体声广播剧及其制作 (Стереорадиоспектакль и его производство). Beijing: Naixia Broadcast & Television Engineering Co., Ltd., 2013.
12. 孙阁 (Сунь Гэ). 融媒改革如何赋能广播剧人向新而行 (Как реформа конвергентных медиа способствует развитию создателей радиоспектаклей) // 中国广播 (Китайское радио). 2022. № 10. С. 54-59.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию жанровых особенностей

радиоспектаклей Китая, выходящих в разные исторические периоды. Автор определяет место радиоспектакля в системе жанров радиожурналистики, анализирует эволюцию жанра в Китае с 1920 по 2025г., выявляет специфику использования выразительных средств (слова, музыки, шумов) в разные исторические периоды, показывает взаимосвязь радиоспектакля с социально-политическим контекстом и технологическими инновациями.

В статье не указана методология исследования, автор использует различные методы анализа эмпирического материала: исторический (для описания этапов развития радиоспектакля), сравнительно-сопоставительный (анализ функций звучащей речи, музыки и шумов в радиоспектаклях), жанрово-типологический (классификация радиопрограмм по группам – информационные, аналитические, документально-художественные – и функциям выразительных средств). Отметим, что автор свои наблюдения представил в таблицах, где количественно (по шкале от 1 до 5) оценивается роль слова, музыки и шумов как «обрамления» или «носителя смысла» в разных произведениях.

Актуальность статьи обусловлена тем, что в ней восполняется пробел в русскоязычной науке о китайской радиодраматургии, которая редко становится предметом комплексного анализа; демонстрируется универсальность радио как медиа: жанр, зародившийся в эфире, успешно адаптируется к цифровым платформам (подкасты, стриминги, Drama CD); раскрываются механизмы воздействия аудиоконтента через выразительные средства – это важно для современной медиакommunikации, где аудио конкурирует с визуальными форматами; демонстрируется роль радиоспектакля как инструмента культурной памяти (исторические постановки, биографические драмы) и социальной рефлексии (темы экологии, науки, пандемии).

Научная новизна исследования заключается в систематизации почти столетней истории китайского радиоспектакля с выделением ключевых этапов; обосновании радиоспектакля как самостоятельного жанра с доминированием художественной основы над документальной, что уточняет традиционные классификации; введении в научный оборот конкретных примеров китайских радиоспектаклей, их сюжетов и звуковой партитуры.

Стиль работы соответствует научному. В структуре статьи нет раздела Введение, в котором была бы указана цель, предмет, объект, методология исследования и эмпирический материал. Отметим теоретическую часть, где представлено определение жанров радиожурналистики, функций выразительных средств; исторический экскурс (пять периодов развития жанра с примерами спектаклей, описанием их тематики и звуковой организации); описание современных тенденций и заключение.

Список литературы включает 12 источников, в том числе классические труды по теории радиожурналистики, китайские исследования и современные научные публикации.

Автор корректно вступает в диалог с научным сообществом, представляя разные трактовки радиокомпозиции (А.А. Шерель, В.В. Смирнов и Т.В. Лебедева) и аргументируя необходимость выделения радиоспектакля в отдельный жанр.

Автор делает следующие выводы. Во-первых, радиоспектакль в Китае – самостоятельный жанр с уникальной историей, тесно связанный с журналистикой и социально-политическим контекстом. Во-вторых, выразительные средства (слово, музыка, шумы) меняют функции в зависимости от эпохи и идеологии (от иллюстрации к символу). В-третьих, жанр адаптируется к технологиям (стереозапись, онлайн-платформы), сохраняя популярность среди молодёжи. В-четвертых, радиоспектакли выполняют множественные функции: информационную, художественную, идеологическую, мемориальную.

Статья будет интересна исследователям радиожурналистики и медиакommunikаций,

специалистам по китайской культуре и журналистике, практикам радиодраматургии. Статья даёт целостное представление о жанровых особенностях китайского радиоспектакля и может служить основой для дальнейших исследований. Статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ильченко Н.М., Чернышева Е.Г. «Кажется, я видел их сам»: противостояние человека и надличностных сил в новелле Э. Т. А. Гофмана «Дож и догаресса» и в творчестве русских поэтов конца XIX – начала XX века // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77563 EDN: TXODIG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77563

«Кажется, я видел их сам»: противостояние человека и надличностных сил в новелле Э. Т. А. Гофмана «Дож и догаресса» и в творчестве русских поэтов конца XIX – начала XX века

Ильченко Наталья Михайловна

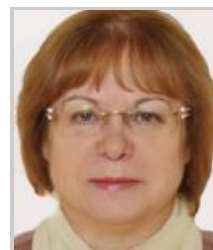
ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Чернышева Елена Геннадьевна

ORCID: 0009-0000-9612-331X

доктор филологических наук

профессор; кафедра русской классической литературы; Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

✉ el.chernysheva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77563

EDN:

TXODIG

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2025

Дата публикации:

02-01-2026

Аннотация: Актуальность исследования состоит в научной значимости изучения мультимодальной природы художественного литературного текста, в котором проблемы человеческого бытия находят вербально-визуальное, вербально-звуковое воплощение, а также в значимости исследования трансфера вербально-визуального образа с нравственно-философским планом содержания из одного национально-исторического контекста в другой. В статье рассматривается диалог русских поэтов-читателей с «венетиканской новеллой» Э. Т. А. Гофмана «Дождь и догаресса» в аспекте смыслового противостояния личности и надличностной силы (от власти могучего рока, зримой ипостасью которого становится море, до божественного провидения), при этом взаимосвязь в поэтике визуального (пейзаж, экфрасис, цвет-световые решения, предметная детализация) и абстрактно-концептуального (свобода, власть, мечта, душа, судьба, рок, провидение) находит индивидуальный рисунок в рецепции Гофмана русскими поэтами конца XIX – начала XX века, в том числе и через посредство незаконченного стихотворения А. С. Пушкина «Ночь тиха, в небесном поле...». В процессе анализа используется комплексный литературоведческий подход, сочетающий историко-культурный, сравнительно-типологический, компаративный, мифопоэтический методы. Показано, что мистический план новеллы Гофмана, восходящий к религиозным и философским концепциям одухотворения и могущества природы, оказывается доминирующим в ценностно-смысловом строе «Дождя и догаресса». Приемы визуализации придают художественную проработанность матрициальным и метафизическим мотивам. Выделены функционально значимые в этом аспекте «морские» микросюжеты, символика. Внимание уделено эмблематической детали («раненая голубка»), подчеркивающей ангельское начало в образе героини. «Картинно» представленные сцены (в частности, ночного морского путешествия) оказались востребованными отечественными поэтами. Новизна исследования связана с тем, что в поэтике изученных произведений выявлено системное присутствие визуального как картинной наглядности в контексте конфликта надличностных сил и героев, что проявилось в разноплановой передаче мистического начала, связанного с «человеческой» и иномирной сутью Адриатики; с выражением инобытийной точки зрения. Частный сюжет венецианского текста культуры впервые освещается как востребованный в русской литературе культурный миф, содержащий амбивалентно мотивы власти красоты и «красоты» власти, верности и предательства, человека и природы, имманентного и трансцендентного, надличностных сил и свободы личности.

Ключевые слова:

сюжет, конфликт, мистический план, визуализация, море, рок, символ, мифопоэтика, мотив, картина

Введение

В ноябре 1835 года В. П. Боткин (1812 - 1869) – известный русский критик и переводчик Э. Т. А. Гофмана – посетил Венецию. «Очарованный» ею, он выходит лунной ночью на площадь Святого Марка и видит дворец дождей, «облитый светом месяца». Сразу же в его памяти возникают персонажи и сам автор новеллы «Дождь и догаресса»: «Воображение рисовало картины минувшей жизни венецианской, я вспомнил Марино

Фальеро и Гофмана, моего волшебного Гофмана, с его нежною Аннунциатою и удалым гондольером» [\[1, с. 214-215\]](#). Зримая осязаемость гофмановских образов – престарелого дожа, его юной жены и Антонио – навсегда остаются в воображении «благосклонных читателей» и соотносятся с пространством Венеции. В диалог с немецким романтиком почти сразу вступают его русские читатели-поэты, начиная с А. С. Пушкина.

Новелла «Дож и догаресса» («Doge und dogaresse», 1817) входит в цикл Э. Т. А. Гофмана «Серапионовы братья» («Die Serapions Brüder»). При обсуждении «рукописи Отмара», а именно он представляет эту историю, «серапионы» выделили источники: «картина Кольбе, история Венеции Лебретта», «живописные виды венецианских улиц и площадей», которые рассказчик расположил на стенах своей комнаты, что и позволило «пропитать» текст «местным колоритом» [\[2, с. 310\]](#).

Новелла начинается с обсуждения картины Г. К. Кольбе (1771 - 1836), которая поражает зрителей яркой образностью: на ней запечатлена прекрасная Венеция с ее романтическими деталями-символами: море, флаг с крылатым львом, собор Святого Марка, церковь Сан Джорджо Маджоре, гондола и гондольеры. Эмоционально-смысловой доминантой картины является старый дож и его юная жена; в деталях портрета художник передает «силу, смелость, гордость и усталость» дожа и «затаенную печаль и множество мечтательных устремлений» на лице его спутницы [\[2, с. 276\]](#). Спор, возникший между зрителями, замороженными персонажами картины, сводится к двум позициям: художник гениально представил общечеловеческую ситуацию («старый» муж / «молодая» жена) или стал «передатчиком и истолкователем истинного исторического происшествия» [\[2, с. 277\]](#). В любом случае, как утверждает таинственный незнакомец со «сверкающими глазами», художник пропускает через свою душу «витающие в пространстве образы», и они оживают, «словно найдя свое отечество» [\[2, с. 277\]](#).

«Свое отечество» в России нашел и Э. Т. А. Гофман (1776 - 1822). В. П. Боткин в рецензии на публикацию в 1836 году цикла «Серапионовы братья» с радостью сообщил русским читателям: «Порадуйтесь, Гофман не умер!.. он жив!.. он потихоньку уехал из Берлина в Россию» [\[3, с. 24\]](#). Одна из причин «вписывания» художественного мира Э. Т. А. Гофмана в отечественный историко-литературный процесс связана с его талантом создания достоверных образов с помощью визуализации. Как доказывает К. А. Поташова, критика первой трети XIX века определяла живописность как наивысшее проявление художественного мастерства поэта [\[4, с. 5-6\]](#). Начиная с тридцатых годов XIX века Гофман становится постоянным участником культурной и литературной жизни России.

Новелла «Дож и догаресса» не раз становилась предметом специального исследования: как входящая в цикл «Серапионовых братьев» [\[5\],\[6\],\[7\],\[8\]](#); как принадлежащая венецианскому тексту [\[9\],\[10\],\[11\]](#); как нашедшая художественный отклик в русской поэзии и прозе, начиная с А. С. Пушкина и А. Н. Майкова [\[12\],\[13\],\[14\]](#). В центре нашего внимания – конфликт надличностных сил и героев гофмановской новеллы, визуализация его образного воплощения и дальнейшая рецепция этих элементов поэтики гофмановского «пратекста» в стихотворениях отечественных поэтов конца XIX – начала XX века через посредство А. С. Пушкина.

Актуальным в последнее время становится рассмотрение соотношения вербального и визуального в поэтике произведений; визуальности как новаторства творчества поэта или писателя и в связи с этим – обращение к принципам интермедиального анализа

художественного произведения [\[15\],\[16\],\[17\],\[18\],\[19\]](#). С. П. Лавлинский, Н. М. Гурович, ссылаясь на П. Флоренского, отмечают, что иногда впечатление от прочитанного «настолько определенно разворачивается с характером изобразительности, что остается по прочтении книги почти непреодолимое убеждение, что сам видел описываемое там» [\[20, с.37\]](#).

Следует особо отметить, что в гофмановской новелле рассказчик истории дожа Марино Фальера указывает на значимость подробностей, «которые до того ясно и живо рисуются перед моими глазами, что, кажется, я видел их сам» [\[2, с. 277\]](#). Впечатление, производимое новеллой Гофмана «Дож и догаресса», заставляет уже много десятилетий «распускать крылья» «собственную фантазию» русских поэтов [\[2, с. 275\]](#). Например, Д. В. Иванов в 1930 году говорит о «знаменитом немецком писателе Т. А. Гофмане» и его «повести "Дож и догаресса", начинающейся описанием картины одного берлинского художника» [\[21, с. 685\]](#).

Сюжетообразующее значение в новелле Э. Т. А. Гофмана приобретает «загадочная картина» и слова, вырезанные на ней: «Ah senza amare / Andare sul mare, / Col sposo del mare, / Non puo consalare!». «Ach! gebricht der Liebe Leben, / Kann auf hohem Meer zu schweben / Mit dem Gatten selbst des Meeres / Doch nicht dem Herzen geben» [\[22, s. 346\]](#). Они представляют собой ценностно-смысловой комментарий к венецианскому пейзажу и изображенной на его фоне центральной паре: старого дожа и молодой догарессы. Запечатленный мезальянс сопровождается вербальным указанием на любовную драму женщины и ее мужа, чей государственный статус подчеркнут культурным мифом Венеции как морской державы: он – супруг самого моря. Обряд обручения венецианского дожа с морем был на протяжении многих веков символом морской мощи Венеции. В поэтике произведения мотив обручения обремененного властью человека с грозной стихией задает нравственно-философскую проблематику и формирует метафизический план содержания произведения.

Надпись на картине приоткрывает в композиционном обрамлении некоторые регистры смысла: путешествие без любви по морю даже с супругом моря сулит «лишь горе». По окончании рассказанной истории о доже и догарессе слушатели в «прекрасной картине» почувствовали трагический пафос, а в изображении далекого моря, казалось, увидели «враждебную силу, сулящую смерть и разрушение»: «Aus dem fernen Meer, aus den duftigen Wolken, die San Marko einhüllten, schien die feindliche Macht Tod und Verderben zu drohen» [\[22, s. 389\]](#).

Философские основания картины мира и ее метафизических планов в данной новелле Гофмана требуют специального изучения, но исследователями замечено, что натурфилософские суждения Ф. Шеллинга повлияли на мировоззрение писателя. «Произведениям искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременной индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [\[23, с. 113\]](#). Картина мира Гофмана связана, наряду с другими философскими идеями, с мистическим осмыслением реальности [\[24\],\[25\]](#), которое представлено здесь через яркую зрительную образность Венеции.

Основные результаты

Противостояние личности и надличностных сил в новелле Э. Т. А. Гофмана «Дож и догаресса» становится значимым конфликтом произведения наряду с конфликтом любовным и социально-политическим. Судьба, рок превращаются в определяющие силы противодействия намерениям людей. Этот философский уровень конфликта во многом определяет сюжетно-композиционный строй произведения. Природная стихия (море) срастается со сверхприродным, предстает в единстве с силами иномирными, и этот бытийно-метафизический план содержания причудливо соединяется с антропологическим, матримониальным и державным, властно-институциональным планами.

Предопределение, судьба в ценностно-смысловом континууме новеллы оказывается, согласно типичной для романтизма мифопоэтической модели, в художественном синтезе христианских и языческих/неомифологических смыслов. Настойчиво звучит матримониальный мотив союза дожа и морской стихии: языческий по своему генезису ритуал органично вплетен в христианскую канву. Древний мифологический, идущий из языческих архаических практик, смысл этого обручения, переводит природный объект – море – в разряд одухотворенных (антропоморфных и едва ли не сакральных) сил.

Торжественная встреча «предводителя Венеции», идущего на «Буцентавре» в окружении галер и гондол, превращается в сцену спасения дожа от неминуемой беды. Светоцветовые решения помогают ярко представить эту картину. Сначала – «Заходящее солнце освещало море и Венецию, и все казалось утопающим в его сверкавших, огненных лучах» [2, с. 282]. «Буцентавр» сравнивается с «золотым лебедем»; этот образ из романтического бестиария с хтоническим мифопоэтическим углублением сочетается и с солярными световыми мотивами, что придает ритуалу оттенок священнодействия. Однако погода меняется, и краски становятся другими: «сияние зари сделалось красноватым», «сумерки скрыли флотилию», «белые верхушки огромных, гудевших, как стая чудовищ», морских валов «усиливали ужас впечатления» [2, с. 282]. Слово «ужас» повторяется и передает состояние людей, наблюдавших эту картину. «Зловещее впечатление» усиливается, когда «новый дождь был второпях проведен по площади между двумя столбами, где обыкновенно казнили преступников» [2, с. 283]. Эти моральные предзнаменования важны в метафизическом плане проблематики.

Спасителем Марино Фальера стал его антагонист, не растерявшийся молодой гондольер, вскочивший в челнок и доставивший дожа к берегу. Эта сцена соединяет будущих «соперников», хотя ни тот, ни другой никогда не считали себя таковыми. Однако для Антонио и Аннунциаты опасность будет таиться в мистической, а не в человеческой, бытовой сфере. Ее предопределяет именно союз дожа с морем, освещенный в новелле как державным венецианским мифом, так и его новым авторским изводом: новыми «морскими» микросюжетами, высказываниями, поступками, символикой, ономастикой. Так, имя не только имеющего исторический прототип Фальера, но и его друга, дяди Аннунциаты, имеет непосредственно морскую семантику. Марино Бодоэри подчеркивает это, обращаясь к своему старому другу: «Ты носишь имя Марино, и потому и без того родственник морю» [2, с. 284]. Морская стихия обрывает мистическими обертонами при попытке продвижения Бодоэри, казалось бы, очень прагматического «предприятия»: сватовстве своей племянницы дожу. Предлагая дожу обручение с земной девушкой, он уверяет, что нельзя «найти счастье в объятиях грозной стихии», невозможно «растопить ледяное сердце такой женщины», которая «венчалась сотни раз, принимая обручальные перстни не как дар любви, а как должную дань своих рабов» [2, с. 284]. В речи Бодоэри нагнетается указание на непостоянство, вероломство в характере антропоморфной и в то

же время природной «героини» – в море проступают черты роковой женщины, известные по многим произведениям романтиков.

Дож, чьи батальные победы и государственные деяния несомненны, оказывается перед выбором: жениться ли на юной красавице, или отдать себя полностью миссии правителя Венеции как морской державы. Сомнения решаются женитьбой на Аннунциате, однако свободный, казалось бы, поступок совершается не без влияния манипуляций знатного Бодозери, а сам Фальер попадает в метафизический любовный треугольник: дож – Адриатика – догаресса. Человек – кем бы он ни был – оказывается во власти могучего рока, и его зримой ипостасью выступает власть моря над людьми.

Как зеркальный композиционный «ответ» возникает любовный треугольник другой конфигурации: дож – догаресса – молодой соперник. Ревнивый Марино Фальер видит реального соперника в Стено. Догаресса, в которой автором подчеркивается ангельская красота и в портрете, и в душе, клянется быть преданной мужу и не нарушает клятвы.

Эмблематической деталью Аннунциаты становится голубка. Образы голубей, которые кормятся у храма, рассматриваются как устойчивый символ Венеции. «По легенде, трепетное отношение к птицам установилось после кровопролитного взятия Константинополя дожем-стариком Энрико Дандоло. Новость о победе он передал в родную республику как раз через голубя. По другой версии, птицы – прямые потомки исторической стаи тех пернатых, полет которых привел сбегавших от опасности переселенцев с материка на неустойчивые земли лагуны» [\[26, с. 86\]](#). Впервые «раненой голубкой» ее называет Маргарита – няня Антонио. Эта пятидесятилетняя женщина, под влиянием трагических обстоятельств превратившаяся в «скрюченную старушку», обладает таинственным даром врачевания и предсказания. Она предсказывает будущее, хотя оно выражено в бессвязно произносимых словах о невесте-красавице в венце из роз, выросших из крови; она – вдова, «оставшаяся невестой», которой предназначены белые мирты, цветущие только в полночь. Монолог Маргариты заканчивается призывом, от которого Антонио становится страшно: «Слышишь ласковый ропот волн? Греби крепче, мой смелый кормчий! Греби скорее!» [\[2, с. 290\]](#).

С образами Антонио и Аннунциаты связан мотив сродства душ. В детстве она спасла его, уснувшего в леске из пиний, от укуса змеи; мальчик принимает прелестную девочку за ангела и вспоминает легенду, «как ангелы сходили иной раз с неба, чтобы спасти людей от угрожавшей опасности» [\[2, с. 298\]](#). Когда Антонио узнает в жене дожа Аннунциату, то теряет сознание, а ее, готовую упасть без чувств, дож внес «во внутренние покои дворца, точно раненую голубку, бессильно припавшую головкой к его плечу» [\[2, с. 296\]](#). Маргарита говорит ей, что букет на масленицу Аннунциате преподносит Антонио, решившийся на опасный воздушный прыжок. Догаресса вспоминает «дорогого мальчика» и уверяет, что с той детской встречи у нее «не было ни одной счастливой минуты», а во время получения букета она почувствовала и «радость», и «боль» [\[2, с. 302-303\]](#). Антитеза блаженства и муки при одном воспоминании об утраченном – зеркальные переживания самого Антонио. «Я никак не могу себе уяснить, что такое чудесное потерял я в жизни» [\[2, с. 290\]](#). Он говорит старой няне Маргарите, с чьей помощью восстанавливает память, о непонятном ему мистическом по сути стремлении, которое должно его погубить.

Аннунциата оказывается дочерью Бертуччио Неноло, благодетеля, приютившего Антонио после убийства отца – немецкого купца. (Таинственный колорит, элемент хоррора возникает вместе с вызывающим ужас Антонио словом «Фондако», звучащим в устах

няни и обозначающим мистическое пространство, на котором остались следы крови обезглавленного отца). Возвратившийся Неноло, которого считали погибшим, вместе с Бодоэри делают дожем Фальера, чтобы манипулировать им и править от его имени. Антонио, который хорошо помнит своего благодетеля, назвавшего его теперь настоящим именем – Антон Дальбингер – клянется в верности заговору. Так объединяются судьбы всех этих людей.

Мистические мотивы соединяются с психологической и социально-политической мотивировкой поступков романтических героев новеллы.

Кульминационное значение имеет картинно представленная сцена ночной морской прогулки дожа и догарессы. Старый Фальер веселится, называет себя властителем и супругом моря, несущего его и Аннунциату на своих волнах. Очевидны гендерные приметы моря как покорной женщины, принявшей от дожа супружеский перстень.

В словах же догарессы звучит неприятие водной «соперницы» и мистический страх «перед холодной, коварной стихией». Героиня, даже в помыслах верная супругу, пытается сопротивляться могучей власти укорененного в государственной практике мифа над мужем, который, вероятно, действительно верит в мистический союз с одухотворенной Адриатикой.

Зрительное начало морской прогулки связано с оценочным изображением особенностей пространства: «Гондола между тем выплыла в открытое море, откуда вся прекрасная Венеция с ее гордыми башнями и дворцами открылась перед путниками, как на ладони» [\[2, с. 304\]](#).

Ряд выразительных зрительных пейзажных образов поддерживается в новелле образами мелодически-звуковыми: «Тихий мужской голос, далеко разносимым по волнам, пел: "Эх! Без сладкой любви / Нам по морю бы пройти, / По Невесте всех Морей, / И утешиться скорей"» [\[27, с. 409\]](#). Так в повествование включаются слова, вырезанные на картине берлинского художника. (Взаимосвязь слова и изображения усиливается, поскольку далее в этой части повествования появляются персонажи с картины Кольбе: молодой человек, затрубивший в рог; женщина и мужчина с раскрытым зонтиком).

Детали характерного для романтизма экзотического морского пейзажа укрупняются в момент трагической развязки сюжета, где после разрешения социально-политического конфликта сойдутся в своих финальных проявлениях и любовный, и метафизический конфликты. После, казалось бы, счастливого побега Аннунциаты и Антонио «море поднялось, как ревнивая вдова обезглавленного Фальера, охватило лодку исполинскими пенящимися волнами и погребло всех троих в своей холодной, шумящей бездне» [\[2, с. 309\]](#).

Трагедия преподносится здесь как предопределенное событие, к которому ведут сюжетно-композиционные нити, описательные и повествовательные фрагменты (словно уплотняющиеся к финалу), нарастающие мотивы роковой связи человека и стихии. Не случайно языковые маркеры визуальности и одновременно – звукового кода – выглядят не только повторяющимися в сцене спасения дожа Антонио в начале и в сцене гибели Антонио, Аннунциаты и Маргариты в финале («свист ветра» – «разыгрался ветер», «шум разыгравшихся волн» – «буря разыгралась не на шутку»), но усиливающимися в конце: «море стало темной, неприветливой бездной, шумевшей глухо и грозно» [\[2, с. 309\]](#).

Роковое супружество венецианского дожа и Адриатики дается в новелле и в объективно-

повествовательном ключе, и с позиций персонажей, непосредственных участников драмы. Восходящее генетически к языческим верованиям, обручение дожа с морем стало в морской республике актом не реального поклонения сакральному пантеону языческих сил, а актом культурно-символическим, ритуальным. Однако у Э. Т. А. Гофмана «ритуальность» обручения преодолевается благодаря созданию индивидуального образа моря, собственного амбивалентного мифа о живом и – одновременно – мертвящем союзе моря и человека, под пером автора вырастают новые, живые, одухотворенные смыслы, казалось бы, «хрестоматийно»-исторических фактов и легенд.

Как уже было отмечено, романтическая мифопоэтика предполагает синтез языческих и христианских начал. Христианский культурный код мощно представлен в новелле в изобразительном ряду (в пейзажных зарисовках, топонимике новеллы – собор Святого Марка, церковь Сан Джорджо Маджоре, Францисканский монастырь и др.)

Разработка же характеров и ситуаций выводит на «несистемные» для христианской этики проявления веры и поведения героев. Выраженной веры у Марино Фальера не просматривается (дож «клянется небом» лишь в минуту, когда он всерьез думает о земном блаженстве с девятнадцатилетней Аннунциатой). Лишь догаресса, не запятнавшая себя гордыней, изменой и другими греховными проявлениями, последовательно сравнивается с ангелом. Погубленные морской стихией герои вовсе не грешники в очевидном проявлении своих характеров. Однако они обречены на страшную гибель в результате бунта «овдовевшей» природной стихии.

Венецианский матримониальный «морской» сюжет в его «гофмановской» версии не раз станет отправной точкой художественных интерпретаций в русской литературе.

Его психологическая напряженность и поэтичность, яркая зрительная образность обусловила появление стихотворных «откликов», среди которых самым притягательным для последующих прочтений стало незавершенное стихотворение А. С. Пушкина «Дож и догаресса». В работе В. И. Коровина «... Какое обещалось тут новое сокровище!..» не только доказывается следование А. С. Пушкина «гофмановскому канону»: акцентируется возрастная разница дожа и догарессы (инверсия «старый дождь» / «молодая догаресса»), показывается соотнесенность фрагмента с «поворотным моментом» судьбы поэта, уточняется и время работы над ним – январь-февраль 1836 года, «когда ухаживания Дантеса стали известны обществу, но не выходили из границ светских приличий»: «Думается, на этом психологическом фоне и в этой атмосфере зарождается стихотворение о гармонии супружества при разности устремлений старости и молодости, стихотворение, наполненное внутренней тревогой» [\[12, с. 287, 288\]](#). Эту тревогу, во многом, формирует стихотворный фрагмент, который реконструируют и Т. Г. Цявловская, и Б. В. Томашевский, – известнейшие пушкинисты, обращавшиеся к пушкинской рукописи: «Море темное молчит». Реконструкция финала незавершенного стихотворного текста Пушкина видится исследователями убедительной в текстологическом и ценностно-смысловом плане. «Ощущение надвигающейся трагедии, которая чувствуется в стихе: «Море темное молчит...», – отмечает Т. Г. Цявловская [\[28, с. 281\]](#). В. И. Коровин полагает, что стих «Море темное молчит», как и слова «морская мгла», остались не зачеркнутыми и принадлежали к последним вариантам пушкинской правки [\[12, с. 269\]](#).

Одухотворение моря, представленного в пушкинском тексте молчащим и темным, непредсказуемым и непостижимым, можно трактовать в плане присутствия в художественном мире мистических сил, не подвластных разуму и свободе человека,

выходящих за пределы его возможностей, трансцендентных.

Именно этот художественный потенциал гофмановско-пушкинского «венецианского» диалога оказался в поле нашего внимания, при всей значимости в русской стихотворной и – шире – литературной традиции целого спектра ценностно значимых мотивно-образных «отражений» прецедентных текстов. Произведения А. Н. Майкова, В. Ходасевича и других известных поэтов, чьи «продолжения» и интерпретации обычно маркированы отсылкой к пушкинскому стихотворному тексту, становились объектом специального анализа. В сборнике разножанровых произведений о Венеции («Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972» / Александр Соболев. Роман Тименчик. Москва: Новое литературное обозрение. 2019. 1064 с.) собраны стихотворные опыты не только знаменитых, но и малоизвестных поэтов, где венецианский сюжет о доже и догарессе находит интересующий нас смысловой ракурс.

В стихотворении Бориса Попова (годы жизни не установлены) «Догаресса» (из сборника 1889-1897), содержащем отсылку к пушкинскому незавершенному произведению, разворачивается балладный сюжет: фиксируется обрученность дожа с морем и выносятся оценочная характеристика матримониального статуса дожа – «двоеженец старый спит». Значимым персонажем выступает антропоморфная Адриатика, обладающая (ситуативно) бодрствованием, отчетливым подводным голосом, обращенным к догарессе, желанием мести обрученному с ней дожу за «измену» с юной женой.

Мистическое начало зафиксировано в обладании Адриатикой «великой тайной», которой внемят догаресса. Возвращенное догарессе кольцо дожа раскрывает «человеческую», интимную мотивировку центрального «события» стихотворения: «Вдруг наделось кольцо», «Отдаю твое тебе – / С Догарессой благородной / Не хочу я быть в борьбе» [29, с. 360]. В той же психологической парадигме читается наказ Адриатики молодой догарессе опить дожа, чтобы, выкрад ключи от темницы, соединиться с желанным, томящимся в «Пломбах», молодым возлюбленным. «Пломбы» – вероятно, тюрьма Пьемонта, расположенная прямо во Дворце дождей. Прием ложной этимологии и предметная детализация делают визуально представимыми гипотетические микросюжеты спасения возлюбленного, разворачивающиеся в разных пространствах дворца.

В стилистике русского городского романса конца XIX века звучат мотивы измены, ревности, отщепенства, воздаяния («Пусть узнает Дож-изменник / Муки ревности, любя, / Пусть увидит бедный пленник / Догарессу у себя <...> Для изменника измена – / Кара лучшая? Поверь»). Мотив воздаяния с его полюсами «прощения» и «отщепенства» завершает инобытийный монолог водной жены дожа («В этот миг он все забудет; / Будет мука прощена; / Адриатика же будет / В этот миг отомщена» [29, с. 360].)

В финале стихотворения антитеза небесной гармонии, представленной в пейзажной зарисовке морского путешествия дожа и догарессы («В мир нисходят простодушно / С неба свет и красота»), и внутреннего хаоса, борьбы, конфликта («Догарессе страшно... душно... / Обняла ее мечта...» [29, с. 360]), возникшего благодаря искушению, исходящему из глубин разъяренной мстящей стихии, формирует мифопоэтическую оппозицию, небесного и хтонического, в пределе – божественного и inferнального.

Надличностные силы, благодаря балладным элементам поэтики, предполагающим, как правило, фантастическое взаимодействие внутреннего мира и внешних роковых сил, в этом сюжете не реализованы в бытовом плане, они не берут верх над личностью, остаются лишь ее ментальными проекциями. «Таинственный разлив» поднимающейся волны еще раз отсылает к мистическим планам бытия, а кольцевая композиция –

повторение пушкинского четверостишья с образом молодого Веспера (в одном из вариантов реконструкции) – возвращает изначальную мифопоэтическую картину.

Еще в одном стихотворении рубежа веков – «Догаресса» (1902) – Александрой Костамаровой (1868 - 1936) с самого начала априорно задан провиденциальный смысл в христианской парадигме, ограничивающий свободу человека: «Мы в Божественном плену / Где любовь всегда живет / Все знакомо лишь Ему / <...> / Так любви предел не нам / Полагать, стремясь к мечтам» [30, с. 304]. Морское путешествие дожа и догарессы сопровождается пейзажной зарисовкой с той же позитивной оценкой божественного бытия: «чудный вид» на дворцы, мосты, на прибрежные сады. В связи с этим вторая часть, описывающая любовные волевые интенции, эротические вызов и страсть догарессы, выглядит в смысловом контрапункте первой части, а финал все же остается открытым (или недостаточно прописанным).

Стихотворение Абрама Штейнберга (годы жизни не установлены) «Венецианский дож. Сонет» (1921), не содержащей прямой отсылки к незавершенному стихотворению А. С. Пушкина, можно считать вариацией именно гофмановской трактовки сюжета о «доже и догарессе» (реализованная в трагедии Дж. Г. Байрона «Марино Фальеро, дож Венеции», 1821, преданность догарессы мужу здесь не просматривается, зато находит отражение подспудный конфликт старого дожа и его молодой избранницы). В стихотворении тонко сочетаются два модуса поэтики рассматриваемого метасюжета: визуализация и – мистическое, инобытийное начало. Визуализация в начале стихотворения связана с точкой зрения лирического субъекта. Именно лирический субъект видит алый гнев зрачков дожа, охарактеризованного еще и как того, кто прерывает «гуманную» позицию предков. Далее визуализация Венеции соотносится с точкой зрения дожа: взгляд из ниши гобеленового зала в окно открывает закат, игру (огневую дрожь, блеск) шпаги (эфеса и/или клинка), украшенной драгоценными «каменьями». Этот момент внешней статичности («Стоит закат» [31, с. 435]) запускает развитие внутреннего зрения, где личная любовно-психологическая драма разворачивается на фоне мотивов гипотетической измены и предательства (образ тюремного пространства, в исторических реалиях соединенного с самим дворцом): «Он думает с улыбкой: «Отчего ж / На мой любезный зов ты „нет“ сказала». / «И вспоминает склеп сырых темниц, / В её надменности — извив боязни» [31, с. 435]. Уже глагол «вспоминает» маркирует совершившийся трансграничный переход персонажа из реально-бытового в метафизическое бытие. Внутреннее зрение преодолевает физические границы настоящего времени, точка зрения переносится в инобытие, с высоты которого дож видит собственную казнь, сопровождаемую ропотом неприязни со стороны «толпы». Стихотворение создано по романтической модели: оппозиция герой – толпа усиливает мотив одиночества, а эпитет «зловещий» (миг) добавляет готический колорит, так что яркая предметность в реализации любовно-исторического сюжета (возможно, примета акмеистской стилистики) не заглушает мистического смысла изображенного, а инобытийная точка зрения выводит в сферу трансцендентного, рокового. Решимость и решительность, свобода воли личности, заданные в первых двух стихах, растворяются в прозрении будущего, в предвидении рокового исхода судьбы.

Есть и иное «продолжение» пушкинского незаконченного стихотворения, вернее, одного из его опубликованных вариантов, начало которого – «В голубом эфире поле...» (1938). Уже было отмечено, что Д. В. Иванов (1912 - 2003) оставил восторженный отклик на произведение Гофмана, так что его поэтический опыт точно вписывается в гофмановско-пушкинский диалог. Фрагмент «И печальна, и бледна» катрена «Догаресса молодая / И

печальна, и бледна, / На лагуны взор бросая, / Смутно думает она» [\[32, с. 271\]](#) может рассматриваться как реминисценция из двух пушкинских произведений в силу очевидного или аллюзивного присутствия в них матримониальных линий: это «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет», 1825) и «Бахчисарайский фонтан» (1823), каждая из которых заслуживает отдельного внимания. В поэме «Бахчисарайский фонтан» «печальна и бледна» Зарема, испытывающая ревность по отношению к новой избраннице хана. В «Зимнем вечере» («Буря мглою небо кроет») характеристика пространства лачужки – «И печальна и темна», к тому же любовно-матримониальные мотивы содержатся в фольклорных пратекстах «старушки» («Спой мне песню...»). Реминисценция из баллады В. А. Жуковского «Светлана» (1816) – «без нее не красен свет» – определяет балладную стилистику интерпретации Д. Иванова, как и отсылка к року. «Пусть в любви немало горя, / Без нее не красен свет, / И с самим супругом моря / В пышном блеске счастья нет», / И грустит, еще не зная, / Чем ей мрачный рок грозит, / Догаресса молодая, / И угрюмый дож молчит» [\[32, с. 271\]](#). Визуальный план здесь задан пушкинским началом и лаконичным указанием на поле зрения догарессы: «на лагуны взор бросая», далее через монолог открывается «пейзаж души» героини, впрочем, также лаконичный.

Е. В. Абрамовских прочитывает финальные стихи текста Д. Иванова как разрешение конфликта «любовь – долг» благодаря сверхзнанию лирического субъекта [\[14, с. 96\]](#). Вместе с тем следование гофмановской модели конфликта и сюжетной развязки (гипотетической, предполагаемой) определяется у Д. Иванова и на ценностно-смысловом уровне: философский план матримониального сюжета очевидно раскрывается в противостоянии рока, непреодолимой силы, предопределяющей ход событий, и человека. В данном случае – героини, женщины, отваживающиеся на подлинное чувство в противовес богатству, знатности и вопреки тому, что изменить, казалось бы, нельзя. И так попытка противостояния року вновь возвращает нас к гуманистической концепции человека, обреченного на трагическое противостояние надличностным силам и бросающим вызов им, запечатленной в целом ряде произведений Э. Т. А. Гофмана, А. С. Пушкина, их современников и последователей.

Заключение

Таким образом, не только Венеция стала величайшим символом мировой культуры, но и частный сюжет ее культурно-исторического бытия – сюжет о «доже и догарессе» – превратился в общезначимый, востребованный и в русской литературе культурный миф, соединивший антитетичные мотивы власти красоты и «красоты» власти, верности и предательства, дворца и темницы, человека и природы, имманентного и трансцендентного, свободы личности и надличностных сил.

Мистический план «Дожа и догарессы» Э. Т. А. Гофмана, восходящий к религиозным (в генезисе – языческим) и философским концепциям одухотворения природы и ее власти над человеком оказался, доминирующим в ценностно-смысловом строе новеллы.

На фоне ярких зрительно-запоминающихся образов Венеции Гофман показал один из традиционных для него мотивов – вмешательство враждебного начала (здесь – надличностных сил) в человеческую жизнь, в то время как русские поэты использовали часть гофмановского арсенала для оригинальной разработки проблемы взаимодействия трансцендентной силы с личностным опытом.

Гофмановский матримониальный сюжет в философском плане показан через противостояние непреодолимой силы рока и женщины, влекомой подлинным чувством в (неизвестное ей) предопределенное будущее. Устремленность к любви, а не богатству и статусу, здесь равновелики отчетливому пониманию грядущего горя, связанного с любовью как высшей ценностью. Грусть героини на фоне молчания дождя – отражение внутреннего трагического выбора, свободы – вопреки тому, что изменить, казалось бы, нельзя.

Экфрасис, яркие пейзажные зарисовки, цвето-световые решения, детализация художественного пространства, портрета, эмблематические и символично-метафорические планы образного ряда – эти приемы визуализации придали художественную проработанность матримониальным и философским мотивам, поднятым Э. Т. А. Гофманом. За изобразительным и предметно-детализированным внешним планом обнаруживаются глубокие духовно-нравственные и метафизические проблемы, художественное решение которых представлено в разных вариантах интерпретаций, разных национально-исторических и культурных контекстах.

А. С. Пушкин, следуя гофмановскому канону, акцентировал возрастную разницу дождя и догарессы, («старый дождь» / «догаресса молодая»). Это, а также не зачеркнутые в рукописи характеристики моря как темной стихии, заложили в русской поэзии традицию обращения к глубокой человеческой драме в контексте драмы положения человека в мире мистических сил, не подвластных разуму и свободе человека, трансцендентных, выходящих за пределы его возможностей и опыта. Особо выделенная Гофманом сцена морского путешествия с традиционными приметами «прекрасной» Венеции почти всегда присутствует в стихотворениях поэтов рубежа XIX – XX вв. Однако, сохраняя сцену морского путешествия, они усилили ситуацию внутренней тревогой, придали ей черты драматизма. Понимание визуальности как картинной наглядности в контексте конфликта надличностных сил и героев проявилось в разноплановой разработке Б. Поповым, А. Костомаровой Д. Ивановым, А. Штейнбергом мистического начала, связанного с «человеческой» сутью Адриатики; с выражением инобытийной точки зрения, выводящей в сферу рокового; с трагичностью ситуации противостояния надличностным силам и др.

В стихотворении Б. Попова «Догаресса» матримониальный сюжет решен в балладной жанровой традиции: преданная дождем стихия провоцирует догарессу на действия, которые гипотетически разворачиваются в разных пространствах дворца, визуально представимых благодаря ряду приемов. В финале антитеза небесной гармонии, данной в пейзажной зарисовке морского путешествия дождя и догарессы, и внутреннего хаоса и борьбы, возникших благодаря искушению, исходящему из глубин разъяренной мстительной стихии, сформировала мифопоэтическую оппозицию, небесного и хтонического, в пределе – божественного и inferнального.

В стихотворении начала XX в. А. Костомаровой провиденциальный смысл земных событий, страстей и волевых интенций человека дан в христианской парадигме, ограничивающей свободу человека. Венецианский пейзаж, сопровождающий морскую прогулку, усиливает позитивную оценку открытого героям (догарессе) божественного бытия, однако образ догарессы все же содержит черты неусмирённого своеволия, а финал лирического сюжета остается открытым.

В стихотворении А. Штейнберга очевидна смена точек зрения (от лирического субъекта к лирическому персонажу, от внешнего – с «блеском» деталей портретной зарисовки – взора из окна дворца на яркий закат (венецианский статичный пейзаж) – во внутреннее: ментальными вспышками даны фрагменты любовной драмы и грядущая казнь.

Визионерское (предвидение роковых трагических событий) видение представляет собой совершившийся трансграничный переход персонажа из реально-бытового в метафизическое бытие.

Визуальный план стихотворения Д. В. Иванова задан пушкинским четверостишьем и лаконичным указанием на обзор догарессой венецианской лагуны; существеннее в произведении «пейзаж души» догарессы, впрочем, также лаконичный.

Библиография

1. Боткин В. П. Отрывки из дорожных заметок по Италии // Боткин В. П. Письма об Испании / Сост. Б. Ф. Егоров. Ленинград : Издательство "Наука", 1976. С. 202-216.
2. Гофман Э. Т. А. Дож и догаресса // Гофман Э. Т. А. Серапионовы братья. Сочинения в 2-х томах / Перевод с нем. А. Соколовского под ред. Е. В. Степановой, В. М. Орешко. Минск : Navia Morionum, 1994. Т. 1. С. 276-310.
3. Боткин В. П. Серапионовы братья... Э.-Т.-А. Гофмана...Москва...1836 // Боткин В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. Москва : Сов. Россия, 1984. С. 24-26.
4. Поташова К. А. Поэтика зримого в русской литературе конца XVIII – первой трети XIX века. Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Москва, 2025. 33 с. EDN: RHYCGF.
5. Pikulik Lothar. E. T. A. Hoffmann als Erzähler: Ein Kommentar zu den "Serapions-Brüdern". Göttingen, 1987. 223 s.
6. Winter Ilse. Untersuchungen zum serapiontischen Prinzip E. N. A. Hoffmanns. Haag, 1976.
7. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика. Москва : "МИК", 2004. 368 с. EDN: QRJAJ.
8. Крысанова М. В. Рамка в цикле Гофмана "Серапионовы братья": особенности атмосферы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 6. С. 152-157. EDN: ОНСЕВО.
9. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд. Новосибирского университета, 1999. 392 с.
10. Ильченко Н. М., Маринина Ю. А. Образ Венеции как пространство любви и смерти // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 158-163. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-158-164 EDN: UYXSNW.
11. Михайлова А. Ю. Образ Венеции в новелле Э. Т. А. Гофмана "Дож и догаресса" // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 357-361. EDN: NWNHOV.
12. Коровин В. И. "...Какое обещалось тут новое сокровище!" // Московский пушкинсит-VIII. Ежегодный сборник. Москва : "Наследие", 2000. С. 266-291.
13. Головачева А. "Плывя в таинственной гондоле..." ("Сны" о Венеции в русской литературе золотого и серебряного века) // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 157-178.
14. Абрамовских А. В. "В голубом эфире поле..." А. С. Пушкина: провоцирующая сила "творческого потенциала" незаконченного текста // Уральский филологический вестник. 2026. № 4. С. 81-103.
15. Киселева И. А., Поташова К. А. Кавказ как эмоционально-смысловая доминанта в поэме М. Ю. Лермонтова "Измаил-Бей" // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 94-102. DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010. EDN: ZQNSUZ.
16. Есаулов И. А. Экфрасис в русской литературе нового времени: картина и икона // Проблемы исторической поэтики-2001. 2001. № 6. С. 43-56.
17. Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения: монография. СПб : Порядок слов. Мастерская Сеанс, 2012. 344 с.

18. Юхнова И. С. Очерк "Кавказец" в контексте творчества М. Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 112-127.
19. Аксенова А. А. Рецептивные аспекты визуального в литературе // Новый филологический вестник. 2020. № 3 (54). С. 76-86. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00067. EDN: SPYADP.
20. Лавлинский С. П., Гурович Н. М. Визуальное в литературе // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 37-39. EDN: RWSZST.
21. DRAMATIS PERSONAE // Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972 / Александр Соболев, Роман Тименчик. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 525-1059.
22. Hoffmann E. T. A. Doge und dogaresse // Hoffmann E. T. A. Sämtliche poetischen Werke. Zweiter Band. Wiesbaden, 1972. S. 346-389.
23. Шеллинг Ф. Ф. Философия искусства / Перевод с немецкого П. С. Попова. Москва : Издательство "Мысль", 1999. 608 с.
24. Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. "Растительный орнамент действительности": цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 7. С. 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275. EDN: UYMHTR.
25. Храмушина С. И. Религиозно-философская рефлексия в творчестве Э. Т. А. Гофмана. Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук. СПб, 2016. 23 с. EDN: TVRCCH.
26. Колосова Е. В. Русские в Венеции. Истории про разные события и людей, которых объединила жемчужина Адриатики. Москва : Эксмо, 2023. 256 с.
27. Гофман Э. Т. А. Дож и догаресса // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: В 8 тт. Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. Т. 4. С. 374-416.
28. Цявловская Т. Вновь найденный автограф Пушкина "В голубом небесном поле" (Публикация Т. Цявловской) // Литературное наследство. Москва : Изд. АН СССР, 1952. Т. 58. С. 278-286. EDN: YNLMHR.
29. Попов Б. Догаресса // Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972 / Александр Соболев, Роман Тименчик. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 359-360.
30. Костомарова А. Догаресса // Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972 / Александр Соболев, Роман Тименчик. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 304.
31. Штейнберг А. Венецианский дожд. Сонет // Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972 / Александр Соболев, Роман Тименчик. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 435.
32. Иванов Д. "В голубом эфире поле" // Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888 – 1972 / Александр Соболев, Роман Тименчик. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 271.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «"Кажется, я видел их сам": противостояние человека и надличностных сил в новелле Э. Т. А. Гофмана «Дож и догаресса» и в творчестве

русских поэтов конца XIX – начала XX века» посвящена рассмотрению вопроса о том, как интерпретируется венецианский матримониальный «морской» сюжет в его «гофмановской» версии в русской литературе рубежа XIX-XX веков. Постановка вопроса обусловила структуру статьи. Сначала во «Введении» дается историко-культурный экскурс, в котором рассматривается феномен восприятия творчества Гофмана в России, идейный смысл и мотивная структура новеллы «Дож и догаресса», выделяются основные проблемы ее изучения (в частности, указывается, что она рассматривалась как часть цикла «Серапионовы братья», как произведение, включенное в контекст «венецианского текста» мировой литературы), формулируется цель данного исследования, что и составляет приращение научного знания о данном произведении. В статье рассматривается «конфликт надличностных сил и героев гофмановской новеллы, визуализация его образного воплощения и дальнейшая рецепция этих элементов поэтики гофмановского «пратекста» в стихотворениях отечественных поэтов конца XIX – начала XX века через посредство А. С. Пушкина. Отметим новый подход к анализу поэтики новеллы Гофмана, который состоит в том, что автор статьи указывает на особый тип взаимодействия в ней вербального и визуального. Это наблюдение определило методологическую базу исследования, в котором используются принципы интермедиального анализа художественного произведения.

В «Основной части статьи», во-первых, дан подробный анализ новеллы «Дож и догаресса» в свете заявленного подхода. Автор выделяет такие важные структурные элементы, как многоуровневость конфликта, когда сочетаются конфликт личности и надличностных сил, а также любовный и социально-политический конфликты; синтез христианских и языческих/неомифологических смыслов; использование эмблематических деталей (реализация приема показана на использовании образа голубки при раскрытии образа Аннунциаты); соединение мистических мотивов с психологической и социально-политической мотивировкой поступков героев новеллы; наличие выразительных зрительных образов, картинность в представлении сцен из жизни героев. Отмечается психологическая напряженность гофмановского варианта венецианского матримониального «морского» сюжета.

Затем в «Основной части» рассматриваются стихотворные отклики на гофмановскую новеллу русских поэтов второй половины XIX – начала XX века. Но сначала автор обращается к незавершенному стихотворению А. С. Пушкина «Дож и догаресса». Его анализ и изучение произведений Б. Попова, А. Штейнберга, Д.В. Иванова и др. позволяют убедительно доказать, что в русской лирике «"продолжения" и интерпретации обычно маркированы отсылкой к пушкинскому стихотворному тексту». Ю. Попов, например, развивает его как балладный сюжет, но проявляется и стилистика русского романа. А. Костамарова разрабатывает данный сюжет в свете христианской традиции. Вместе с тем отмечается, что А. Штейнберг последовательно развивает именно гофмановскую трактовку сюжета.

В «Заключении» суммируются основные наблюдения и выводы.

Рецензируемая статья системно и глубоко раскрывает вопрос о восприятии русской литературой творчества Гофмана на примере освоения ею новеллы «Дож и догаресса». Работа выполнена в лучших традициях классического литературоведения и вносит вклад в изучение литературных влияний. Данная статья будет востребована при изучении культурных связей, издании хрестоматий, литературных словарей и энциклопедий, в вузовском и школьном преподавании.

Статья рекомендуется к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ясников А.А. Апелляция к прецедентным феноменам в военной рекламе: лингвопрагматический аспект // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77535 EDN: TWDFHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77535

Апелляция к прецедентным феноменам в военной рекламе: лингвопрагматический аспект

Ясников Алексей Андреевич

соискатель; кафедра английского языка (основного); ФГКВОУ ВО "Военный университет имени князя Александра Невского" Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

✉ alex_breit@rambler.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77535

EDN:

TWDFHO

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2025

Дата публикации:

02-01-2026

Аннотация: Статья посвящена исследованию лингвопрагматических особенностей функционирования прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе. Объектом исследования выступает военный рекламный дискурс как особая коммуникативная сфера, характеризующаяся высокой степенью воздействующего потенциала и специфическими механизмами манипуляции коллективной памятью целевой аудитории, предметом – лингвопрагматические характеристики прецедентных феноменов в текстах военной рекламы. Автор подробно рассматривает такие аспекты, как типология прецедентных феноменов (универсальные, национальные, социумно-прецедентные), механизмы их вербализации и способы актуализации в рекламном дискурсе, а также семиотические особенности функционирования прецедентных единиц в контексте формирования военной идентичности. Особое внимание уделяется анализу

прагматических функций апелляции к библейским текстам, национально-культурным символам и корпоративным формулам военного социума в процессе конструирования образа военнослужащего и мотивации к военной службе. Исследование выполнено на материале текстов рекрутинговых видеороликов армии США серии «Be All You Can Be» (2024–2025 гг.) и рекламной кампании специальных сил «Generation» (2025 г.). Анализ осуществлялся с применением методов интертекстуального анализа, контекстуального анализа и функционально-семантического описания прецедентных единиц. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного лингвопрагматического анализа прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе с учетом их типологических характеристик, функциональной специфики и способов вербализации. Результаты исследования показали, что апелляция к прецедентным феноменам выступает ключевым механизмом лингвопрагматического воздействия в военной рекламе. Выявлены основные прагматические функции прецедентных феноменов: сакрализация воинского труда через апелляцию к библейским текстам, конструирование исторической преемственности путем отсылок к ключевым событиям национальной истории, легитимация военной службы через связь с документами государственности, формирование образа элитарности военного социума посредством социумно-прецедентных феноменов. Установлено, что прецедентные феномены в военной рекламе функционируют преимущественно в форме имплицитных аллюзий, рассчитанных на культурную компетенцию реципиента и активизирующих коллективную память национально-лингвокультурного и профессионального сообществ.

Ключевые слова:

прецедентный феномен, интертекстуальность, военный дискурс, военная реклама, рекрутинговая кампания, лингвопрагматика, коллективная память, прецедентный текст, социумный прецедент, медиадискурс

Введение

Военный рекламный дискурс представляет собой особую коммуникативную сферу, в которой реализуются задачи формирования позитивного образа вооруженных сил, мотивации к военной службе и трансляции ценностных установок национального сообщества. В условиях трансформации медийного пространства и изменения методов коммуникации с целевой аудиторией особую значимость приобретает изучение лингвопрагматических механизмов воздействия, используемых в рекрутинговых кампаниях современных армий.

Одним из ключевых средств усиления воздействующего потенциала военной рекламы выступает апелляция к прецедентным феноменам – вербализованным культурно значимым элементам, известным всем представителям национально-лингвокультурного сообщества и регулярно актуализируемым в дискурсе [\[1\]](#). Обращение к прецедентным именам, текстам, высказываниям и ситуациям позволяет создать эффект исторической преемственности, активизировать коллективную память и сформировать эмоционально насыщенный контекст восприятия рекламного сообщения.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению прецедентности в различных типах дискурса [\[2-3\]](#), в том числе и медийного [\[4-6\]](#) (в западной традиции близкие явления исследуются в рамках теории интертекстуальности [\[7-10\]](#)), лингвопрагматические особенности функционирования прецедентных феноменов в

военном рекламном дискурсе остаются недостаточно изученными. Военный рекламный дискурс как особая сфера коммуникации исследовался в работах авторов, изучавших стратегии конструирования военной идентичности, медиарепрезентацию войны и милитаризацию популярной культуры [\[11-18\]](#). Вместе с тем комплексное исследование прецедентных феноменов как средства лингвопрагматического воздействия в военной рекламе ранее не проводилось.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, возрастающей ролью военного рекламного дискурса в современном медийном пространстве и необходимостью осмысления механизмов его воздействия на массовое сознание. Во-вторых, потребностью в систематизации и типологизации прецедентных феноменов, функционирующих в сфере военной коммуникации. В-третьих, недостаточной изученностью прагматического потенциала апелляции к культурной памяти в контексте формирования образа военнослужащего и мотивации к военной службе.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного лингвопрагматического анализа прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе с учетом их типологических характеристик, функциональной специфики и способов вербализации.

Цель исследования – выявить и описать лингвопрагматические особенности функционирования прецедентных феноменов в военной рекламе на материале текстов рекрутинговых кампаний армии США 2024-2025 гг. Предметом исследования выступают лингвопрагматические характеристики прецедентных феноменов в текстах военной рекламы.

Материалом исследования послужили тексты рекрутинговых видеороликов армии США серии «Be All You Can Be» (2024-2025 гг.), «Soldier For Life» (2024 г.), а также рекламной кампании специальных сил «Generation» (2025 г.). Выбор материала обусловлен тем, что анализируемые тексты представляют собой актуальные образцы современного военного рекламного дискурса и демонстрируют высокую степень насыщенности прецедентными феноменами.

Основная часть

Феномен прецедентности представляет собой один из ключевых механизмов функционирования культурно-маркированных единиц в дискурсе. Основопологающим для теории прецедентности стало понятие «прецедентный текст», введенное Ю.Н. Карауловым в рамках концепции языковой личности. Под прецедентным текстом исследователь понимает текст, обладающий познавательной и эмоциональной значимостью для языковой личности, известный широкому кругу носителей языка и многократно воспроизводимый в коммуникации [\[19, с. 216\]](#). Принципиальным является то, что владение корпусом прецедентных текстов маркирует принадлежность к определенному культурному сообществу.

Существенной характеристикой прецедентных текстов выступает их семиотический способ существования: в коммуникативный процесс текст включается не целиком, а посредством отсылки – через указание на автора, название произведения, имя персонажа или цитату, которые функционируют как символы, активизирующие весь комплекс ассоциаций, связанных с исходным текстом [\[19, с. 217\]](#).

Так, одним из наиболее значимых источников прецедентности в американском

культурном пространстве выступает Библия как прецедентный текст, формирующий систему ценностных ориентиров и моральных императивов западной цивилизации. Апелляция к библейским текстам в военной рекламе реализует несколько прагматических функций одновременно: легитимирует военную службу через обращение к высшим духовно-нравственным авторитетам, создает эффект сакрализации воинского труда и формирует образ солдата как носителя высоких моральных качеств.

В рекламном ролике специальных сил армии США «Generation» (2025) обнаруживается прямая цитата из библейской Книги Притчей: «*Iron sharpens iron. So one man sharpens another*» («Железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего» (Притчи 27:17)). В контексте военной рекламы это высказывание приобретает специфическую коннотацию товарищества, взаимовыручки и коллективного профессионального роста, что особенно важно для элитных подразделений специального назначения. Метафора заточки лезвия проецируется на процесс военной подготовки, где каждый солдат через взаимодействие с товарищами «затачивает» свои профессиональные качества, становясь более эффективным бойцом.

Функционально данное прецедентное высказывание выполняет роль своеобразного эпиграфа, задающего тональность всего рекламного сообщения. Размещение библейской цитаты в сильной позиции – в самом начале текста – активизирует в сознании реципиента целый комплекс культурных ассоциаций, связанных с христианскими ценностями братства, взаимопомощи и совершенствования через испытания.

Важно отметить, что библейские прецедентные высказывания в военной рекламе не эксплицируют свой источник – они функционируют как имплицитные аллюзии, рассчитанные на культурную компетенцию реципиента [\[19, с. 217\]](#). В коммуникацию включается не сам текст-источник, а лишь намек на него, активизирующий связанные с ним коннотации. Американская аудитория, социализированная в христианской культурной традиции, опознает эти аллюзии на уровне коллективного бессознательного, что создает эффект глубинного эмоционального резонанса.

Приведем другой пример «*Your solemn objective that underpins every bead of sweat, every track of your tears, every strain and tear of your muscles, and every drop of blood*» («Generation») («Ваша священная цель, которая лежит в основе каждой капли пота, каждой слезы, каждого напряжения и разрыва ваших мышц и каждой капли крови» – Перевод наш, А. Я.).

Данный фрагмент представляет собой трансформированное прецедентное высказывание, отсылающее к библейской идее «пота и крови» как символов жертвенного труда и страданий. Библейская формула «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Бытие 3:19) и многочисленные упоминания крови как символа жертвы создают интертекстуальное пространство, в котором воинский труд осмысливается через призму библейского нарратива о жертвенности и искуплении.

Прагматическая функция библейских прецедентных высказываний в военной рекламе заключается в сакрализации воинского труда и создании морально-этической рамки для восприятия военной службы не как карьерного выбора, а как высшего призвания, сопоставимого по своей значимости с религиозным служением. Это особенно важно для рекрутинговых кампаний элитных подразделений, где требуется не просто физическая подготовка, но и высокая степень морально-психологической мотивации.

Наряду с библейскими аллюзиями, существенную роль в военной рекламе играют

прецедентные высказывания, восходящие к ключевым текстам американской национальной культуры и основным документам государственности. Такие высказывания формируют патриотический нарратив и актуализируют концепт долга перед нацией. Например, фрагмент из ролика *«And that objective is simply to ensure that our flag is still there»* представляет собой трансформированное прецедентное высказывание, источником которого выступает национальный гимн США *«The Star-Spangled Banner»* (1814) (*«And the rockets' red glare, the bombs bursting in air, Gave proof through the night that our flag was still there»* («И летали ракеты, и снаряды взрывались, Подтверждая: форт наш ночью не сдался» – Перевод И. Коссича) (https://lingvotech.com/gimn_usa).

Смысл высказывания многослоен: флаг в американской культуре – символ национальной стойкости и независимости. Гимн был написан во время бомбардировки форта Макгенри в 1814 году, и вопрос о флаге был вопросом о том, устояла ли крепость. В контексте военной рекламы актуализируется историческая преемственность: современный рекрут становится наследником защитников форта, его служба осмысливается как участие в вековом проекте защиты свободы.

Высказывание *«It's what makes every soldier swear that I will support and defend the Constitution of the United States»* (Be All You Can Be) воспроизводит фрагмент официальной формулы присяги (Oath of Enlistment). Воспроизводится лишь начальный, наиболее узнаваемый фрагмент присяги, что соответствует принципу минимизации прецедентного феномена в когнитивной базе: для актуализации всего комплекса ассоциаций достаточно ключевого фрагмента-символа.

Рассмотренные выше прецедентные высказывания – библейские аллюзии и отсылки к национальному гимну и присяге – относятся к уровню универсальных (библейские тексты как часть общечеловеческого культурного наследия) и национальных прецедентных феноменов (гимн, присяга как маркеры американской национальной идентичности). Однако специфика военного рекламного дискурса заключается в активном использовании социумно-прецедентных феноменов – единиц, актуальных для определенной социальной или профессиональной группы [Титова, Чичерова, с. 133].

Военное сообщество как социум обладает собственным корпусом прецедентных феноменов, известных представителям военной субкультуры и маркирующих принадлежность к ней. Этот корпус формирует специфическое коллективное когнитивное пространство военного социума – общий фонд знаний, представлений и культурных кодов, которыми владеют все члены данной профессиональной группы [20, с. 83].

Апелляция к социумно-прецедентным феноменам в военной рекламе выполняет двойную функцию: с одной стороны, создает эффект инсайдерского знания для тех, кто уже знаком с военной культурой, с другой – интригует и привлекает потенциальных рекрутов, предлагая им войти в «закрытый клуб» посвященных.

Например, в рекламном ролике *«Generation»* воспроизводится высказывание президента Джона Ф. Кеннеди: *«And it reads that the Green Beret is again becoming a symbol of excellence, a badge of courage, and a mark of distinction in the fight for freedom»* («И там сказано: зеленые береты снова становятся символом превосходства, знаком мужества и отличительным признаком в борьбе за свободу» – Перевод наш. – А. Я.).

Данное высказывание восходит к выступлению Дж. Ф. Кеннеди 12 октября 1961 года в Форт-Брэгге (ныне Форт Либерти), на котором президент официально санкционировал ношение зеленого берета военнослужащими Сил специальных операций армии США.

Событие стало знаковым для американских спецназовцев, поскольку до этого момента зеленый берет носился неофициально, и выступление Кеннеди, таким образом, легитимировало его как официальный символ элитного статуса.

Прецедентный статус данного высказывания для военного социума определяется несколькими факторами. Во-первых, оно связано с ключевым моментом институциональной истории Сил специальных операций – президентским признанием их особого статуса. Во-вторых, особой значимостью для американского военного сообщества обладает прецедентное имя президента Кеннеди – последнего президента-ветерана Второй мировой войны, который активно поддерживал развитие специальных сил. Апелляция к «золотому веку» Кеннеди конструирует образ возвращения к истокам и обновления.

Особой субкультурной значимостью для вооруженных сил обладают лозунги, девизы и слоганы родов и видов войск. Так, рекламный ролик «Generation» завершается латинским изречением «*De Oppresso Liber*» («Освободить угнетенных») – официальным девизом Сил специальных операций армии США, утвержденным в 1965 году.

Прецедентный статус девиза для военного социума абсолютен: это ритуальная формула, маркирующая корпоративную идентичность спецназовцев армии США. Девиз изображен на эмблеме Сил специальных операций, произносится на церемониях, используется в официальной корреспонденции и неформальном общении военнослужащих.

Семантика девиза актуализирует миссию специальных сил как освободителей угнетенных народов, что вписывается в американский нарратив о мессианской роли США в мире. Размещение девиза в сильной финальной позиции текста, после эмоционально насыщенного обращения к рекрутам, создает эффект инициации: произнесение латинского девиза символически маркирует переход реципиента из статуса внешнего наблюдателя в статус посвященного, знающего «пароль» военной субкультуры.

Особый интерес представляет использование паремий в качестве прецедентных феноменов военного дискурса. В рекламном ролике «Soldier For Life» финальная часть построена на апелляции к паремии: «*Once a soldier, always a soldier*» («Раз солдат – навсегда солдат»). В американской культуре поговорка существует в различных вариантах («*Once a teacher, always a teacher*», «*Once a cop, always a cop*» и т.д.), что свидетельствует о ее воспроизводимости и узнаваемости. Во-вторых, и это особенно важно для военного контекста, данная паремия представляет собой трансформацию более известного варианта – официального девиза Корпуса морской пехоты США «*Once a Marine, always a Marine*».

Использование армией США трансформированного варианта морпеховской паремии представляет собой интересный случай межвидовой прецедентности – заимствования успешного прецедентного феномена из смежного военного социума. Девиз морской пехоты обладает высоким символическим капиталом в американской военной культуре и ассоциируется с элитарностью, несгибаемой верностью корпоративным ценностям и идентификацией с военной службой. Создавая армейский вариант этой формулы, рекламная кампания пытается присвоить часть этого символического капитала и сконструировать аналогичный образ армейской службы как пожизненной идентичности.

Прагматическая функция данной паремии усиливается ее позицией в структуре рекламного текста. Высказывание следует сразу после риторического вопроса «*So what now?*» («Так что теперь?»), который маркирует кульминационный момент нарратива о трансформации рекрута в солдата. Паремия выступает как ответ на вопрос о дальнейшей

судьбе военнослужащего и формирует представление о военной службе не как о временном этапе жизни, а как о перманентном состоянии, определяющем идентичность человека навсегда.

Непосредственно после паремии следует название официальной программы армии США: «*Soldier for life*» («Солдат на всю жизнь»). Данное словосочетание функционирует как прецедентный феномен для военного социума, поскольку «*Soldier for Life*» – это реальная программа армии США, запущенная в 2012 году и направленная на поддержку ветеранов и их интеграцию в гражданское общество после окончания службы. Для военнослужащих и ветеранов это название обладает конкретным референтным значением, отсылая к комплексу услуг и поддержки. Для внешней аудитории оно функционирует как слоган, усиливающий семантику принадлежности к военному сообществу.

Важно отметить, что в тексте ролика также присутствует отсылка к еще одному институциональному прецедентному феномену: «*You lived by the code. The Army values*» («Вы жили по кодексу. Ценностям армии»). Словосочетание «*Army values*» («Ценности армии») для военного социума представляет собой прецедентное имя, отсылающее к семи официальным ценностям армии США: Loyalty (верность), Duty (долг), Respect (уважение), Selfless Service (бескорыстное служение), Honor (честь), Integrity (честность), Personal Courage (личное мужество). Эти семь ценностей, образующие акроним LDRSHIP (созвучный слову leadership – «лидерство»), составляют основу военной этики и регулярно актуализируются в процессе военной социализации. Упоминание «*Army values*» без расшифровки рассчитано на инсайдерское знание: те, кто служил или служит, немедленно опознают референт, для потенциальных рекрутов это создает интригу закодированного знания, доступ к которому откроется после вступления в военное сообщество.

Приведем еще один пример из военной рекламы. Слоган «*Be all you can be*» («Будь всем, кем ты можешь быть») представляет собой особый случай автопрецедентности – феномена, ставшего прецедентным в результате собственной рекламной истории. Этот слоган использовался армией США с 1980 по 2001 год и стал одним из самых узнаваемых рекламных девизов в американской культуре. В 2024 году армия вернулась к этому слогану, что придает ему статус дважды актуализированного прецедентного феномена.

Прецедентность слогана определяется несколькими факторами: длительностью использования (21 год), массовой медийной кампанией с общим бюджетом более \$300 млн, культурной узнаваемостью – слоган пародировался в кино, телешоу, музыке, что свидетельствует о его проникновении в массовое сознание, ассоциациями с конкретным историческим периодом (окончание холодной войны, война в Персидском заливе).

Возвращение к слогану спустя 23 года после его отмены создает эффект ностальгии и апеллирует к поколению, для которого этот слоган был актуален в молодости (ныне люди 40-55 лет, которые могут влиять на решение своих детей о военной службе). Одновременно для молодого поколения слоган обладает винтажной привлекательностью «ретро», что соответствует современной эстетике ностальгии по 1980-1990-м годам.

Таким образом, социумно-прецедентные феномены военного дискурса конструируют образ военной службы как пространства элитарности, исторической преемственности и самореализации. Эти прецедентные феномены обладают специфической социокультурной

маркированностью и выполняют функцию символической границы между военным социумом и гражданским обществом, одновременно приглашая потенциальных рекрутов пересечь эту границу.

Выводы

Анализ текстов рекрутинговых кампаний армии США 2024-2025 гг. выявил высокую степень насыщенности прецедентными феноменами различных уровней: универсальными (библейские тексты), национальными (национальный гимн, присяга) и социумными (девизы, паремии военного социума, институциональные прецеденты). Апелляция к прецедентным феноменам выступает ключевым механизмом лингвопрагматического воздействия в военной рекламе, обеспечивая создание эмоционально насыщенного контекста восприятия рекламного сообщения и активизацию коллективной культурной памяти.

Прагматические функции прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе включают сакрализацию воинского труда через апелляцию к библейским текстам как высшим духовно-нравственным авторитетам, конструирование исторической преемственности путем отсылок к ключевым событиям национальной истории и прецедентным именам (президент Кеннеди), легитимацию военной службы через связь с основными документами государственности, формирование образа элитарности и эксклюзивности военного социума посредством социумно-прецедентных феноменов, создание идентификационного потенциала через метадискурсивное использование ритуальных формул и паремий, маркирующих пожизненную принадлежность к военному сообществу.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд наблюдений относительно стратегий использования прецедентных феноменов в современном военном рекламном дискурсе. Во-первых, обнаруживается тенденция к многоуровневой прецедентности: одно рекламное сообщение одновременно апеллирует к прецедентным феноменам различных уровней, что обеспечивает воздействие на различные сегменты аудитории. Во-вторых, характерной особенностью является имплицитность прецедентных отсылок: источники не эксплицируются, что рассчитано на культурную компетенцию реципиента и создает эффект инсайдерского знания. В-третьих, прослеживается стратегия ностальгической актуализации: возвращение к слогану «Be all you can be» после 23-летнего перерыва свидетельствует о намеренном конструировании связи с «золотым веком» американских вооруженных сил.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с несколькими направлениями. Представляется актуальным сравнительный анализ функционирования прецедентных феноменов в военной рекламе различных стран, что позволит выявить универсальные и национально-специфические стратегии прагматического воздействия. Кроме того, требует изучения диахронический аспект: эволюция корпуса прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе на протяжении последних десятилетий может отражать более широкие трансформации в системе культурных ценностей и коллективной идентичности. Актуальным представляется исследование визуальной прецедентности в военной рекламе: анализ прецедентных образов, символов и визуальных цитат, которые функционируют параллельно с вербальными прецедентными феноменами и создают мультимодальное пространство культурной памяти.

Можно предположить, что в условиях дальнейшей цифровизации медийного пространства и фрагментации аудитории военный рекламный дискурс будет

эволюционировать в направлении большей персонализации и интерактивности, что потребует разработки дифференцированных стратегий использования прецедентных феноменов для различных сегментов потенциальных рекрутов. Вместе с тем, базовые механизмы апелляции к коллективной культурной памяти через прецедентные феномены, по-видимому, сохраняют свою эффективность как фундаментальный инструмент конструирования военной идентичности и мотивации к военной службе.

Библиография

1. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Москва: ИТДГК "Гнозис", 2002.
2. Лешневская К. В. Прецедентные феномены в экономическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 97. № 2. С. 70-76. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-70-76 EDN: ZQZTUB.
3. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Когнитивная метафора и прецедентные феномены в поликодовой репрезентации городского пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 4. С. 152-165. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-4-152-165 EDN: HAVIJW.
4. Воронцова И. С. Прецедентные феномены в испанском медийном дискурсе: особенности семантических и синтаксических трансформаций // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 5. С. 76-88. DOI: 10.37482/2687-1505-V461 EDN: YCCUFC.
5. Рагимова Ф. С. Интенциональность прецедентного феномена в текстах современных интернет-СМИ // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 1(5). С. 7-10. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-1-7-10 EDN: RWNQZQ.
6. Чудинов А. П., Сегал Н. А. Прецедентный феномен "Преступление и наказание" в русскоязычном медиадискурсе // Русистика. 2023. Т. 21, № 2. С. 242-253. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-242-253 EDN: VPBMJZ.
7. Al-Ali M. N., Djelloul B. H. The role of multimodality and intertextuality in accentuating humor in Algerian Hirak's posters // Pragmatics. 2025. Vol. 35. №. 1. Pp. 1-24.
8. Ayokunle O. P. Discourse of Intertextuality in the Language of Political Advertisements in Selected Nigerian Newspapers // Elsy: Journal of English Language Studies. 2024. Vol. 6. №. 1. Pp. 1-19. DOI: 10.31849/elsya.v6i1.16121 EDN: GOLXLP.
9. Prathap A. J., Devimeenakshi K. Intertextuality as a cognitive process: Unveiling psychological resonance in literature, cinema, and advertising // Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Pp. 102318.
10. Ruggiero F. From Television to Social Media: Persuasive Strategies Through "Intertextual Irony" // The Journal of Communication and Media Studies. 2024. Vol. 9. №. 2. P. 99. DOI: 10.18848/2470-9247/cgp/v09i02/99-120 EDN: ILGLVT.
11. Балканов И. В., Суркова Е. В. Креолизованный текст как инструмент формирования медиаимиджа армии США (на материале рекламной кампании "The Calling") // Казанская наука. 2025. № 8. С. 216-219. EDN: PZNZUL.
12. Балканов И. В., Сербин В. А. Особенности креолизованного текста военной рекламы (на материале видеорекламы военной службы в BBC США 2021-24 гг.) // Казанская наука. 2025. № 8. С. 213-215. EDN: NAVGMF.
13. Лупанова Е. В. Сленг в армейском вербовочном слогане // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38, № 1. С. 69-

75. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-69-75 EDN: QDPGSX.

14. Мурог И. А. Креолизированный текст как оружие современной информационной войны (на материале издания the Economist) // Военно-филологический журнал. 2024. № 2. С. 24-43. EDN: ADHSVJ.

15. Субачев Ю. П., Субачева Е. Г. Парадигма политкорректности в военной рекламе (на материале рекламной продукции США и Великобритании) // Вестник Московского информационно-технологического университета-Московского архитектурно-строительного института. 2025. № 1. С. 87-94. EDN: GKQBLC.

16. Dashiell S. Analyzing gamification as capital in social media posts regarding military recruitment // Critical Studies in Media Communication. 2024. Vol. 41. №. 5. Pp. 411-424. DOI: 10.1080/15295036.2024.2422355 EDN: XDZKAM.

17. Joachim J., Schneiker A. Public or private? Blurring the lines through YouTube recruitment of military veterans by private security companies // New media & society. 2024. Vol. 26. №. 1. Pp. 7-28. DOI: 10.1177/14614448211047951 EDN: HPLSAP.

18. Elmore C. Selling to soldiers: warrior hero masculinity and missing military women in Stars and Stripes' Iraq war advertising // Feminist Media Studies. 2024. Vol. 24. №. 3. Pp. 559-574.

19. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. Москва: Изд-во ЛКИ, 2010. EDN: RTDQLX.

20. Титова А. В., Чичерова Е. А. Функциональный потенциал прецедентных феноменов военной субкультуры // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 8. С. 131-135. EDN: ZEJJSX.

21. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. Москва : МАКС Пресс, 1998. Вып. 4: Филология. С. 82-94.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Апелляция к прецедентным феноменам в военной рекламе: лингвопрагматический аспект» представляет собой интересное и цельное исследование. Название работы полностью отражает её содержание. Актуальность не вызывает сомнений и обусловлена несколькими факторами: 1) возрастающей ролью военного рекламного дискурса в современном медийном пространстве и необходимостью осмысления механизмов его воздействия на массовое сознание; 2) потребностью в систематизации и типологизации прецедентных феноменов, функционирующих в сфере военной коммуникации; 3) недостаточной изученностью прагматического потенциала апелляции к культурной памяти в контексте формирования образа военнослужащего и мотивации к военной службе. Работа, безусловно, обладает научной новизной, которая заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного лингвопрагматического анализа прецедентных феноменов в военном рекламном дискурсе с учетом их типологических характеристик, функциональной специфики и способов вербализации. В работе также обозначена цель исследования, прослеживается предмет, автор ставит перед собой совершенно конкретные задачи, которые способствуют достижению поставленной цели. Методы исследования, выбранные автором, вполне продуктивны, однако в работе они не перечислены.

Материалом исследования послужили тексты рекрутинговых видеороликов армии США серии «Be All You Can Be» (2024-2025 гг.), «Soldier For Life» (2024 г.), а также рекламной кампании специальных сил «Generation» (2025 г.). Статья соответствует научному стилю, все необходимые атрибуты к статье прилагаются. Структура статьи традиционная – основными компонентами являются введение, основная часть и выводы. Во введении автор формулирует свой исследовательский интерес и актуальность работы, обозначает цель и материал исследования, выбор которого обусловлен тем, что анализируемые тексты представляют собой актуальные образцы современного военного рекламного дискурса и демонстрируют высокую степень насыщенности прецедентными феноменами. Основное содержание статьи посвящено анализу фактического материала, выявлению и описанию лингвопрагматических особенностей функционирования прецедентных феноменов в военной рекламе. Выводы, полученные автором, аргументированы и не вызывают сомнений. В работе также намечаются перспективы исследования, кроме того, автор предполагает, что в условиях дальнейшей цифровизации медийного пространства и фрагментации аудитории военный рекламный дискурс будет эволюционировать в направлении большей персонализации и интерактивности, что потребует разработки дифференцированных стратегий использования прецедентных феноменов для различных сегментов потенциальных рекрутов. Библиография достаточно обширная (21 источник), актуальная, релевантна теме исследования, оформлена в соответствии с предъявляемыми требованиями. Автор корректно цитирует научные источники. Статья написана в рамках научной специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, будет интересна широкой аудитории, особенно тем, кто интересуется прецедентными феноменами. На основе всего вышесказанного можно заключить, что работа «Апелляция к прецедентным феноменам в военной рекламе: лингвопрагматический аспект» соответствует уровню журналов ВАК и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Оцомиева-Тагирова З.М. К созданию «Словаря фитонимов аварского языка»: принципы отбора, структура и культурно-лингвистическая значимость // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77243 EDN: UPBYAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77243

К созданию «Словаря фитонимов аварского языка»: принципы отбора, структура и культурно-лингвистическая значимость

Оцомиева-Тагирова Забихат Магомедовна

ORCID: 0000-0001-6517-8465

кандидат филологических наук

ведущий научный сотрудник; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского
федерального исследовательского центра Российской академии наук

367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

✉ zabi011@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77243

EDN:

UPBYAC

Дата направления статьи в редакцию:

11-12-2025

Аннотация: Автор подробно рассматривает концепцию, принципы составления и научную ценность «Словаря фитонимов аварского языка». Это обусловлено необходимостью системной фиксации и глубокого изучения важного пласта отраслевой лексики, который непосредственно отражает традиционный хозяйственный уклад, познавательный опыт и целостную картину мира аварского народа. В представленной работе подробно определяются и анализируются основные источники для формирования словника, включая новые полевые материалы, записи живой устной речи и уже существующие лексикографические труды. Кроме того, в статье детально описываются ключевые структурно-мотивационные модели, характерные для аварских фитонимов, такие как словосложение и суффиксация, а также предлагается их четкая тематическая классификация. Потенциал словаря заключается в его многоаспектном применении: в современной лексикографической практике, в учебном процессе при изучении

лексикологии и лингвокультурологии, а также в качестве фундаментальной базы для сопоставительного и сравнительно-исторического изучения языков дагестанской семьи. Методы, использованные в ходе выполнения данной работы, включают: приемы семантико-аналитического представления лексики, методику сопоставительного анализа и антропологически ориентированного описания слов и их классификации; приемы сплошного отбора лексики и интроспекция как способ определения онтологической природы обозначаемых явлений; задействован сравнительный метод для выявления сходств и различий между отдельными тематическими группами. Научная новизна исследования заключается в следующем: это первый специализированный труд, первый опыт создания отдельного лексикографического труда, целиком посвященного систематизации и комплексному описанию фитонимической лексики аварского языка, что восполнит существенный пробел в его терминологической документации; отражаются не только значение, но и мотивационные признаки номинации («внешний вид», «свойство», «место произрастания» – буквальный пере-вод), что раскрывает связь языка с когнитивными и культурными моделями этноса; комплекс источников и диалектный охват – словник сформирован на основе триады источников: данных существующих словарей, новых полевых материалов и записей живой устной речи; база для междисциплинарных исследований не только для лингвистики (сравнительное языкознание, семасиология), но и для этноботаники, культурной антропологии и фольклористики, демонстрируя интегративный научный потенциал издания.

Ключевые слова:

аварский язык, фитонимия, лексикография, словарь фитонимов, языковая картина мира, мотивационные признаки, принципы отбора, лексикология, структура, отраслевая лексика

Введение

Составление отраслевого словаря представляет собой комплексный научный проект, который выходит за рамки простой фиксации лексики, приобретая характер работы по сохранению и систематизации целостного фрагмента языковой картины мира. «Словарь фитонимов аварского языка» задуман именно как такой проект, призванный решить актуальную задачу всестороннего описания одного из ключевых пластов лексики, непосредственно связанного с многовековым процессом осмысления человеком растительного мира. Несмотря на богатейшую флору Дагестана и её глубинную интеграцию в материальную и духовную культуру аварцев, этот лексический пласт до сих пор остается недостаточно отраженным в лексикографической практике. Существующие общие переводные словари, выполняя свою функцию, тем не менее, не дают целостного представления о внутренних семантических, словообразовательных и, что особенно важно, мотивационных закономерностях формирования фитонимической системы [\[1; 2\]](#).

Мир растений в лингвистическом измерении рассматривается как важнейший фрагмент языковой картины мира, что предполагает изучение его в двуедином аспекте: «участия языка в создании духовной культуры и участия духовной культуры в формировании языка» [\[3, с. 25\]](#). Фитонимическая лексика выступает здесь концентрированным отражением хозяйственно-бытовой и культурной деятельности этноса, системы его ценностных ориентиров, его уникального миропредставления и миропонимания. В русле доминирующей антропоцентрической парадигмы современного языкознания работа,

посвященная исследованию фитонимического пространства аварского языка, обладает бесспорной актуальностью. Однако, несмотря на очевидную научную ценность этого материала, следует констатировать, что фитонимика аварского языка до сих пор не получила исчерпывающего и системного изучения [\[2; 3, С. 25-33; 4; 5, С. 106 – 109\]](#).

Актуальность исследования связана с современным интересом лингвистики к языковой картине мира. Фитонимическая лексика аварского языка, отражающая многовековой опыт взаимодействия с природой, хозяйственный уклад и систему ценностей этноса, остаётся недостаточно изученной. Несмотря на богатство флоры Дагестана и её значение для культуры аварцев, этот пласт лексики не имеет системного лексикографического описания. Общие словари не раскрывают словообразовательных моделей, семантических механизмов и мотивационных признаков фитонимов. Это создаёт необходимость в специализированном словаре.

Цель статьи – обосновать концепцию, принципы формирования и структуру «Словаря фитонимов аварского языка» как лингвокультурологического ресурса. Для этого решаются задачи:

1. Определить методологические основы и критерии отбора лексики.
2. Разработать структуру словарной статьи для комплексного описания фитонима.
3. Обосновать культурно-лингвистическую значимость словаря для сохранения языкового наследия и междисциплинарных исследований.

Научная новизна заключается в следующем: формулируются принципы формирования словника на основе трёх источников (полевые записи, устная речь, существующие словари), что обеспечивает репрезентативность материала; предлагается включать в словарную статью мотивационный комментарий, раскрывающий внутреннюю форму слова (признаки «внешний вид», «свойство», «место произрастания»); выявляются системообразующие признаки аварской фитонимии: преобладание описательных сложных слов и отсутствие антропонимической номинации; обосновывается междисциплинарный статус словаря как источника для исследований в этноботанике, истории материальной культуры и фольклористике.

Методы исследования включают: лексикографический анализ для выявления лакун в описании фитонимии; полевой метод (наблюдение, интервью) для сбора актуального материала, обеспечивающий диалектологическую репрезентативность; семантико-мотивационный анализ для классификации когнитивных оснований номинации растений; лингвокультурологический метод для интерпретации фитонимической лексики как культурного кода.

Настоящее исследование, результатом которого стал словарь, ставил своей целью выявление и фиксирование номинаций фитонимов аварского языка [\[5, С. 106 – 109\]](#). Это первый опыт составления данного рода словарей, и представляет собой трехязычный аварско-русско-латинский словарь, в котором отражены более 3000 словарных статей.

Работа вносит вклад в развитие нескольких научных направлений: в изучение отраслевой, и в частности растительной, лексики дагестанских языков; в проведение сопоставительных исследований с неродственными языками; а также в более углубленное комплексное изучение отдельных групп фитонимов в различных лингвистических аспектах [\[5, С. 106-109\]](#). Кроме того, она способствует прояснению способов репрезентации мира в сознании носителей языка и специфики отражения

окружающей действительности в разных картинах мира [\[6; 7; 8, С. 43 – 46; 9; 10, С. 58-64; 11; 12, С. 130-133; 13, С. 121-125\]](#).

Термины и наименования, связанные с миром растений (фитонимы), входя в язык, привносят в него не просто новые обозначения, но целые пласты смыслов, логических связей и культурных коннотаций. Таким образом, данная лексика служит тем самым «швом», через который в языковую ткань вплетаются конкретные черты человеческой деятельности, познавательные стратегии и уникальные особенности культуры. Следовательно, предлагаемый словарь задуман не как простой список эквивалентов, а как лингвокультурологический ресурс, который, фиксируя слово, одновременно раскрывает стоящий за ним фрагмент мировосприятия аварского народа, что и определяет его принципиальную научную новизну и практическую значимость.

Процесс номинации объектов растительного мира служит уникальным лингвокогнитивным механизмом, аккумулирующим и закрепляющим в языке практический жизненный опыт, систему ценностных ориентиров и специфику познания окружающей среды [\[13, С. 121-125; 14, С. 79-82\]](#). Именно через анализ принципов называния растений наиболее отчетливо проявляются глубинные, специфические черты национального менталитета. Однако, несмотря на свою значимость, данная тематика до сих пор не получила комплексного освещения и фрагментарно рассматривается лишь в отдельных диссертационных исследованиях и статьях, посвященных лексике говоров и диалектов аваро-андийской группы языков [\[8, С. 43-46\]](#).

Основная часть

Растительная лексика аварского языка характеризуется исключительным богатством и разнообразием. Эта особенность обусловлена целым комплексом исторических и природных факторов: многовековой и разнообразной хозяйственной деятельностью в авароязычном регионе, исключительным богатством местной флоры, а также сложной языковой культурой народов, исторически населявших эти территории [\[13, С. 121-125; 14, С. 79-82\]](#). Указанные обстоятельства сформировали необходимость в детальной и точной номинации объектов растительного мира, что и нашло свое отражение в лексическом составе языка.

Формирование словника специализированного словаря требует чётких критериев, обеспечивающих полноту, репрезентативность и научную достоверность материала. Для «Словаря фитонимов аварского языка» были определены следующие принципы отбора:

1. Тематический (понятийный) принцип. В словник включаются все лексические единицы, прямо обозначающие объекты растительного мира (древесные, кустарниковые, травянистые растения, их части – плоды, соцветия и т.д.), а также устойчивые фитонимические сочетания. Ключевым критерием является номинация конкретного биологического объекта, а не его абстрактного признака.
2. Принцип комплексного источниковедения. Отбор основан на триединой источниковой базе, что минимизирует субъективность и обеспечивает всесторонний охват:
 - 2.1. Письменные источники: Фиксация лексем из опубликованных «Аварско-русского» и «Русско-аварского» словарей, диалектологических исследований и фольклорных текстов.
 - 2.2. Полевые материалы: Активный сбор лексики в местах компактного проживания

носителей языка (Хунзахский, Гергебильский, Гумбетовский и др. районы) через интервьюирование, анкетирование и запись естественной речи.

2.3. Экспертные опросы: Верификация и уточнение данных через консультации с носителями-информантами, обладающими глубокими знаниями традиционной флоры и её наименований.

3. Принцип диалектологической репрезентативности регулирует включение в словарь диалектной лексики и обеспечивает сбалансированное представление общенациональной и региональных форм языка.

3.1. Приоритет литературной нормы. Основой словаря являются фитонимы, зафиксированные в литературном аварском языке.

3.2. Включение уникальных диалектизмов. Диалектные наименования растений, отсутствующие в литературном языке, подлежат обязательному включению в словарь. Они регистрируются в качестве самостоятельных словарных статей. Этот подход позволяет сохранить уникальные фрагменты диалектных картин мира и лексическое богатство языка в целом.

3.3. Ограничение на фонетические варианты. Из лексикографического описания исключаются сугубо фонетические (звуковые) варианты одной и той же лексемы, не несущие самостоятельной семантической или мотивационной нагрузки (например, регулярные междиалектные соответствия типа «у» / «о»). Их фиксация относится к компетенции диалектологических атласов и специальных исследований.

Принцип диалектологической репрезентативности в данном словаре реализуется не через тотальную фиксацию всех вариантов, а через селективное включение лишь тех диалектных единиц, которые вносят новый, семантически или культурно значимый компонент в общую систему фитонимической номинации.

4. Принцип лексикографической и мотивационной значимости

В приоритете – отбор единиц, наиболее ярко демонстрирующих:

4.1. Системные связи: лексемы, входящие в словообразовательные гнёзда или мотивационные цепочки (например, ряд названий, образованных от признака формы или цвета).

4.2. Культурный код: наименования, отражающие утилитарное применение растения в традиционном хозяйстве, медицине, обрядах или фольклоре.

5. Принцип верификации и перекрёстной проверки

Каждая отобранная лексема проходит процедуру проверки по нескольким независимым источникам или информантам для подтверждения её реального употребления, значения и мотивационной модели.

Реализация этих принципов позволяет сформировать не просто список названий растений, а научно обоснованный корпус лексики, репрезентативно отражающий фитонимическую систему аварского языка в её структурном, семантическом и культурном своеобразии.

Анализ фитонимической лексики аварского языка выявляет чёткую систему мотивационных признаков, лежащих в основе номинации. Наиболее продуктивными из них являются:

1) сходство по внешней форме растения:

БетІербагІар (букв. красная голова) *чІахІ* Кровохлебка *трава* – *Sanguisorba* L.

БорхьилкІал (букв. пасть змеи) *чІахІ* Касатик // Ирис // Петушók *трава* – *Iris* L. *См. ХІелкирачІ*

ГІарац хер (букв. деньги-трава // денежная трава) Донник – *Melilotus* L.

2) свойство растения (вкусовое, лечебное, физическое):

БетІер чурулеб тІегь (букв. голову моющий цветок) *чІахІ* Шпажник // Гладиолус дикий *трава* – *Gladiolus* L.

ГІосохер (букв. зубная трава // трава от зубной боли) *чІахІ* Нивяник // Попóвник – *Leucanthemum* Mill.

Гьуйнкьибил (букв. сладкий корень) *чІахІ* Солодка *трава* – *Glycyrrhiza* L.

КьогІаб кьибил (букв. горький корень) *чІахІ* Горец *трава* – *Montibus*. *См. Хьазилхер*

3) место произрастания/происхождения:

ГІалхул гьоло (букв. дикие бобы) *чІахІ* Вязель *трава* – *Coronilla* L.

ГІурда зазил тІегь – Акантолимон – *Acantholimon* Boiss.

Курак ансадерил // Ансадерил курак (букв. ансалтинские абрикосы // абрикосы с селения Ансалта) *гьветІ* – Унцукульский поздний (Сорт Дагестанской селекционной опытной станции плодовых культур (ДСОСПК), сеянец от свободного опыления сорта Субханы. Авторы: Ш.Г. Батырханов, А.С. Покровская, Н.В. Малиновская. Районирован с 1997 г. по Северо-Кавказскому региону.) *дерево*

4) способ/характер произрастания / особенность внешнего вида:

БакьватІегь (букв. сухой цветок // высушенный цветок) *чІахІ* БесСмертник *трава* – *Helichrysum* Mill. *См. МеседтІегь*

БетІерххер хьуцІцІилаб (букв. острая трава) Меч-трава – *Cladium* Schrad.

ГІицІхер (букв. голая трава) *чІахІ* Восковник // Воскоцветник // Вощанка *трава* – *Cerinth* L.

Данная совокупность признаков свидетельствует о глубокой антропоцентричности аварской фитонимии: наименования ориентированы не на абстрактную классификацию, а на непосредственное, чувственное восприятие человека, его практический опыт и наблюдательность. Растение именуется не «само по себе», а через его понятные и значимые для носителя языка характеристики – как оно выглядит, где растёт, какую пользу приносит. Эта иерархия мотивов подчёркивает утилитарно-познавательный характер освоения растительного мира, где на первый план выходят внешняя наблюдаемость и практическая полезность объекта.

Важной отличительной чертой аварской фитонимической модели является отсутствие антропонимической номинации. В отличие от некоторых других языковых традиций, в аварском языке не зафиксировано использование личных имён (исторических, мифологических или бытовых) для обозначения растений. В основном имя человека включается только в селекционных сортах фруктов:

Курак Муса // Мусакурак // Мусал курак *гъветІ* – Муса (Аборигенный сорт народной селекции Дагестана (Хаджал-Махи). Оригинатор Дагестанская селекционная опытная станция плодовых культур (ДСОСПК). Районирован в горно-долинной подзоне в 1947 г.) *дерево*

Это указывает на иную культурно-когнитивную установку: связь «человек–растение» устанавливается не через персонификацию или легендарные ассоциации, а через непосредственные, объективированные признаки самого объекта.

С лексико-грамматической точки зрения такая установка находит своё отражение в преобладании описательного способа номинации. Названия растений часто формируются путём комбинации основ или использования суффиксов, которые прямо указывают на эталонный, ключевой признак (*например, форма листа (ЛъабгІин (букв. трилисник) чІахІ Клевер трава – Trifolium L.; ГІонкІогІин (букв. мышинное ухо) чІахІ Ястребинка – Hieracium L.), цвет плода (БагІарчІегІер (букв. красно-чёрное) хъарахъ, гъветІ Крушина куст., дерево – Frangula Mill. См. БацІил пихъ; ЧІегІержо (букв. черная вещь) хъарахъ Черника – Vaccinium L.), характер стебля (ЧІегІерцІул (букв. черные дрова) гъветІ Карагач дерево – Úlmus L.; Макъар багІар (букв. с красной корой) хъарахъ Свидина куст. – Thelycrania Four.)). Таким образом, грамматическая структура слова становится прямым выражением его мотивационной семантики, а сама фитонимическая лексика предстаёт как система «кратких описаний», закрепляющих в языке результаты народного наблюдения и классификации флоры.*

Разделы фитонимической лексики при сборе аварского языка условно выделены на три блока:

I. Фитонимическая лексика, обозначающая «Цветы и травы»:

АзарбетІер (букв. тысяча голов) *чІахІ* Тысячеголов *трава* – Vaccaria. См. **Къимзахъу**

ВехъмичІчІ (букв. чабан-крапива) *чІахІ* Крапива глухая // Яснотка белая *трава* – Lamium album L.

ГІалхул гъоло (букв. дикие бобы) *чІахІ* Вика *трава* – Vicia L. См. **Полох**

II. Фитонимическая лексика, обозначающая «Кустарники и полукустарники»:

Базагъу хъарахъ – Азалия // Рододендрон *куст.* – Azalia (Rhododendron) L.

Бигъа чІахІ Сафлор *трава* – Carthamus L.

ГІанцІили хъарахъ Бузина *куст.* – Sambucus L.

III. Фитонимическая лексика, обозначающая «Деревья»:

АлжангъветІ (букв. райское дерево) *гъветІ* Клещевина *дерево* – Ricinus L. См. **ТІамахІемер**

Бахълъор гъветІ Осина *дерево* – Populus L. См. **Лъор**

Бигъаро гъветІ Тополь *дерево* – Populus L.

О построении словаря. Аварское заглавное слово дается полужирным строчным шрифтом; далее в скобках – буквальный перевод; далее курсивом – тематическая помета на аварском языке; после фитоним на русском языке с курсивом пометы на

русском; через черточку – латинское название:

БагІар лай *хъарахъ* Брусника *куст.* – *Vaccinium vitisidae* L.

БакъватІегъ *чІахІ* Сухоцвет *трав*а – *Xeranthemum* L.

В лексических вариантах одного даются с отсылкой через помету см. (смотри).

БегІер хер (букв. острая трава) *чІахІ* Пырей *трав*а – *Elytrigia* Desv. См. **ХъахІ кьибил**

БуцІура *чІахІ* Клевер *трав*а – *Trifolium* L. См. **ЛъабгІин**

Выводы:

Созданный словарь восполняет существенный пробел в лексикографии, предлагая первое системное описание фитонимической системы аварского языка, основанное на комплексном анализе её внутренней организации. Он объединяет данные из существующих лексикографических трудов, результаты полевых исследований в ареалах компактного проживания носителей языка и записи живой устной речи, что обеспечивает достоверность и диалектологическую полноту материала. Ключевым элементом каждой статьи стал мотивационный комментарий, который раскрывает когнитивные механизмы номинации.

Исследование выполняет не только узко лингвистическую функцию, но и служит важным источником для исследований в области этноботаники, культурной антропологии и истории материальной культуры Дагестана, способствуя документации и сохранению традиционных знаний. «Словарь фитонимов аварского языка» представляет собой значимый вклад как в развитие аварской лексикографии, так и в изучение языковой картины мира дагестанских народов. Концепция словаря, изложенная в статье, базируется на тщательном анализе структурных и семантических закономерностей фитонимической лексики. Словарь восполняет пробел в документации лексики аварского языка, обеспечит материал для сравнительно-исторических и сопоставительных исследований в дагестановедении и кавказоведении. Кроме того, он будет востребован в образовательной сфере – при преподавании аварского языка, в подготовке курсовых и дипломных работ, а также всеми, кто интересуется культурным наследием и природой Дагестана. Таким образом, разработка и издание такого словаря является актуальной и социально значимой научной задачей.

Библиография

1. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965. С. 14.
2. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. С. 6.
3. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25-33.
4. Оцомиева-Тагирова З.М. Наименования фауны в аварских топонимах-конверсивах // Филология: научные исследования. 2019. № 6. С. 127-133. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.6.31400 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31400
5. Тагирова З. М. Отражение ботанических и зоологических терминов в аварской топонимии // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 106-109. EDN: UJWEAT.
6. Халилов М. Ш. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа:

сопоставление основной лексики. Языки и диалекты народов Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии-Алании и Чечни, а также нахско-дагестанских народов Азербайджана и Грузии. Лейпциг-Махачкала, 2010. 898 с. EDN: RRNKDJ.

7. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 183 с.

8. Тагирова З. М. Из истории изучения топонимики на Кавказе и ее актуальность // В сборнике: Контенсивная типология естественных языков: Материалы международной научно-практической конференции языковедов. Ответственный редактор: Магомедова П. А. 2007. С. 43-46.

9. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. Сб. науч. тр. / Ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 32.

10. Тагирова З. М. Исследование терминсистем аварского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 2. С. 58-64. DOI: 10.20339/PhS.2-25.058. EDN: FVSPVZ.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2018. 1376 с.

12. Тагирова З. М. Топонимизированные дендрофлорические апеллятивы в аварском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2024. № 95. С. 130-133. DOI: 10.31029/vestdnc95/20. EDN: KBBQPH.

13. Оцомиева З. М. Фитонимы аварского языка: из опыта собирания и лексикографирования // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2024. № 92. С. 121-125. DOI: 10.31029/vestdnc92/13. EDN: EYJIIV.

14. Суперанская А. В. Грамматические наблюдения над именами собственными // Вопр. языкознания. 1957. № 4. С. 79-82.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является фитонимическая лексика аварского языка, рассматриваемая как особый лексико-семантический пласт, отражающий традиционные представления носителей языка о растительном мире. В центре внимания автора — принципы отбора, систематизации и лексикографического описания фитонимов, а также их культурно-лингвистическая значимость для отраслевого словаря.

Методологическая база исследования носит комплексный характер и опирается на сочетание лексикографического, семантического, словообразовательного и лингвокультурологического анализа. Используются данные существующих словарей, материалы полевых исследований и записи живой разговорной речи. Автор упоминает и принципы антропоцентрической парадигмы, что позволяет выявить мотивационные модели номинации и соотнести языковые факты с культурным и когнитивным опытом носителей аварского языка.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Фитонимическая лексика аварского языка, по свидетельствам автора, оставалась фрагментарно представленной в лексикографических источниках, преимущественно в виде разрозненных фиксаций в переводных словарях. Создание специализированного словаря отвечает задачам сохранения языкового и культурного наследия народов Дагестана, а также современным тенденциям развития этнолингвистики и лингвокультурологии.

Научная новизна работы заключается в концепции словаря как лингвокультурологического ресурса, а не простого перечня номинаций. Фитонимы аварского языка системно описываются с учетом мотивационных признаков, способов словообразования и тематической классификации.

Стиль, структура, содержание

Теоретические положения органично сочетаются с анализом фактического языкового материала. Стиль научный, выдержанный, терминологически точный.

.

Библиография

Библиография представлена достаточно полно и включает как классические труды по семасиологии, номинации и лингвокультурологии, так и современные исследования по аварскому языку и дагестанской лингвистике. Источники релевантны теме исследования и адекватно отражают его теоретическую и эмпирическую базу.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно соотносит свои выводы с существующими исследованиями, опираясь на работы отечественных и региональных ученых.

Выводы, интерес читательской аудитории

Работа демонстрирует, что «Словарь фитонимов аварского языка» представляет собой значимый вклад в развитие аварской лексикографии и изучение языковой картины мира дагестанских народов. Статья будет представлять интерес для лингвистов, этнолингвистов, лексикографов, а также для преподавателей и студентов, изучающих языки и культуру Кавказа.

Замечания:

1. Статья не содержит отдельного введения, в котором были бы чётко сформулированы цель исследования, его научная новизна и методы анализа. При этом отдельные элементы, традиционно относимые к введению (цель работы, значимость словаря), фактически перенесены в раздел выводов. Представляется целесообразным структурно оформить введение в соответствии с требованиями научной статьи.

2. В статье не указано общее количество лексических единиц, включённых в словарь и подвергнутых анализу. Отсутствие количественных параметров словника затрудняет оценку репрезентативности материала и масштабов проведённой лексикографической работы. Указание объёма корпуса (общее число фитонимов, соотношение диалектных и общеязыковых единиц и т. п.) сделало бы исследование более информативным.

3. В тексте содержатся развернутые рассуждения о функциях языка, его роли в формировании языковой картины мира и когнитивных моделей, однако данные теоретические положения не всегда снабжены ссылками на соответствующие источники и не в полной мере соотношены с конкретными лексикографическими решениями, реализованными в авторском словаре.

4. Ряд важных обобщающих утверждений, касающихся мотивационных признаков фитонимической номинации, остаётся декларативным и не подкреплён систематически приведёнными примерами из словарного материала. В частности, тезисы о продуктивности таких мотивационных признаков, как «сходство по внешней форме растения», «свойство растения», «место произрастания» и «способ/характер

произрастания», а также выводы об антропоцентричности аварской фитонимии и отсутствии антропонимической номинации, нуждаются в более развернутой иллюстрации конкретными фитонимами.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена вопросу создания «Словаря фитонимов аварского языка», а именно: его структуре и принципам отбора лексики, культурно-лингвистической значимости словаря. Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что «несмотря на богатство флоры Дагестана и её значения для культуры аварцев, этот пласт лексики не имеет системного лексикографического описания. Общие словари не раскрывают словообразовательных моделей, семантических механизмов и мотивационных признаков фитонимов. Это создаёт необходимость в специализированном словаре».

Теоретической базой научной работы послужили как фундаментальные, так и актуальные труды по семасиологии русского языка, номинативному аспекту речевой деятельности, культурному коннотативному компоненту лексики, истории изучения топонимики на Кавказе, исследованиям терминосистем аварского языка и др. Библиография насчитывает 14 источников, в том числе лексикографические (Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа М. Ш. Халилова, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова), соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи.

Методология проведенного исследования в работе носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели («обосновать концепцию, принципы формирования и структуру «Словаря фитонимов аварского языка» как лингвокультурологического ресурса») и задач в исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод и интерпретативный анализ отобранного материала, лексикографический анализ для выявления лакун в описании фитонимии; полевой метод (наблюдение, интервью) для сбора актуального материала, обеспечивающий диалектологическую репрезентативность; семантико-мотивационный анализ для классификации когнитивных оснований номинации растений; лингвокультурологический метод для интерпретации фитонимической лексики как культурного кода.

В ходе проведенного исследования сформулированы принципы формирования словника (тематический принцип; принцип комплексного источниковедения; принцип диалектологической репрезентативности; принцип лексикографической и мотивационной значимости; принцип верификации и перекрёстной проверки) на основе трёх источников (полевые записи, устная речь, существующие словари); выявлены системообразующие признаки аварской фитонимии (преобладают описательные сложные слова и отсутствует антропонимическая номинация); обоснован междисциплинарный статус словаря как источника для исследований в этноботанике, истории материальной культуры и фольклористике. В заключении обобщены полученные результаты и

сформулированы выводы. Все выводы соответствуют поставленным задачам, логичны и отражают содержание работы.

Результаты, полученные в ходе исследования, однозначно имеют теоретическую значимость: «Словарь фитонимов аварского языка» представляет собой значимый вклад как в развитие аварской лексикографии, так и в изучение языковой картины мира дагестанских народов» и практическую ценность: «словарь восполняет пробел в документации лексики аварского языка, обеспечит материал для сравнительно-исторических и сопоставительных исследований в дагестановедении и кавказоведении, будет востребован в преподавании аварского языка, в подготовке курсовых и дипломных работ, а также всеми, кто интересуется культурным наследием и природой Дагестана».

Содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Работа соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гилемшин Ф.Ф., Арзамазов А.А. Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кысса на татарский язык // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77132 EDN: UQQWEY
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77132

Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кысса на татарский язык

Гилемшин Флер Фоатович

ORCID: 0000-0003-1957-5042

доктор филологических наук

доцент; институт международных отношений, истории и востоковедения; Казанский (Приволжский) федеральный университет
главный научный сотрудник; Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ; Академия наук Республики Татарстан
ведущий научный сотрудник; Лаборатория МГСК ФИЦ КазНЦ РАН

420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

Арзамазов Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0001-7577-5917

доктор филологических наук

профессор; институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
Заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии; ФИЦ Казанский научный центр РАН

420111, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Вахитовский р-н, ул. Лобачевского, д. 2/31

✉ arzami@rambler.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77132

EDN:

UQQWEY

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2025

Аннотация: Предметом исследования стали арабоязычное издание «Тысячи и одной ночи» в четырех томах (Бейрут, 2009), татарский перевод данного сборника,

переведенное Фатихом Халиди в шести томах (Казань, 1897–1899), текст произведения «Тысяча и одна ночь» на староосманском языке, в переводе Ахмеда Назифа (Стамбул, 1851, шесть томов; 1870, четыре тома) и русского перевода М.А. Салье в восьми томах (Москва, 1996). Дополнительно, для подтверждения гипотезы о типичности выявленных трансформаций, мы рассмотрели примеры из других произведений, таких как «Калила и Димна», «Тутыйнаме», «Кырык вэзир китабы» и «Абугалисина». Исследование направлено на выявление конкретных приемов адаптации (например, замены реалий, изменения сравнений, трансформации описаний) и определение их роли в передаче культурного кода и художественного смысла оригинала в новой языковой и культурной среде. Теоретическую основу исследования составляют труды исследователей, в которых раскрываются: лексико-семантические и морфологические аспекты татарского языка; теория перевода, в частности, классификация семантических соответствий, которая используется для анализа лексических трансформаций; принципы лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации. Методологической основой является детальное сравнение оригиналов и татарских переводов для выявления специфических трансформаций. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе лингвокультурных трансформаций при переводе восточных текстов (кысса) на татарский язык. Впервые выявлены специфические переводческие стратегии татарских просветителей, включая семантические адаптации, модификацию образов, использование османско-турецких версий как основного источника, а не арабских оригиналов, сознательное сокращение или расширение текстов для усиления дидактичности и культурной близости. В результате исследования установлено, что переводчики не просто механически переводили тексты, а творчески переосмысливали их, формируя новые литературные традиции и обогащая татарский язык. Данные трансформации не только обогатили татарскую литературу новыми сюжетами, а язык – новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, но и способствовали формированию новых языковых традиций. Направленность и характер этих изменений были обусловлены как объективными потребностями и возможностями языка соответствующего периода, так и спецификой мировосприятия, и культурными ожиданиями татарской аудитории.

Ключевые слова:

Художественный перевод, татарский язык, эквивалентность, художественное произведение, лингвокультура, художественный прием, адекватность перевода, арабский оригинал, турецкий перевод, восточный менталитет

Перевод рассматривается нами как создание нового текста, эквивалентного оригиналу по содержанию и стилю, но адаптированного к нормам языка-реципиента. Качество перевода во многом зависит от психологической и ценностной ориентации переводчика, чья главная задача — достижение адекватности перевода. В старотатарском литературном языке, изобиловавшем арабо-персидскими и турецкими заимствованиями, переводчики нередко использовали эти лексемы без изменений, поскольку их семантика была понятна носителям языка.

Такая картина наблюдается и в татарском переводе произведения «Тысяча и одна ночь». Нередко автор пытается приблизить содержание кысса к реалиям татарского мира при помощи замены некоторых деталей. Это наглядно можно встретить в «Сказке о купце и духе». Например, в арабском оригинале старец рассказывает свою историю джину:

اتعلم يا أيها العفريت أن هذه الغزالة هي بنت عمي ومن لحمي ودمي وكنت تزوجت بها وهي صغيرة السن وأقمت معها نحو ثلاثين سنة فلم أرزق منها بولد فأخذت لي سرية فرزقت منها بولد ذكر كأنه البدر إذا بدا بعينين مليحتين وحاجبين مزججين وأعضاء كاملة فكبر شيئاً فشيئاً إلى أن صار ابن خمس عشرة سنة فطرات لي سفرة إلى بعض المدن فسافرت بمتجر عظيم وكانت بنت عمي هذه الغزالة تعلمت السحر والكهانة من صغرها فسحرت ذلك الولد [131. c.](#) عجلًا وسحرت الجارية أمه بقرة وسلمتها إلى الراعي [51](#).

'Знай, о ифрит, — сказал тогда старец, — что эта газель — дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от нее ребенка; и тогда я взял наложницу, и она наделила меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в теленка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху' [\[6, c. 281\]](#).

Сравнение отрывка из арабского оригинала с русским переводом показывает, что перевод М. Салье достаточно точно передает смысл данного отрывка оригинала. Однако при сопоставлении турецкого текста с арабским оригиналом, на первый взгляд, кажется, что турецкий перевод идентичен оригиналу, но при внимательном сравнении выявляется, что турецкий переводчик акцентирует внимание на бесплодии супруги рассказчика и пропускает описание внешних данных ребенка: *افندم المده اولان اوشبو كيك بنم عمم قزى اولوب كچك ايكن بكا تزويج ايتمشلر ايدى بونيچه سنين بينمزده معامله زوجيت اولمش ايسه ده عقميه اولمق حسبيله اولادى اولمديغندن بر جاريه اشترا واستفراش ايلدم و اندن بر اوغلم دنيايه كلدى اوغلم اون بش ياشنه وارمقده ايكان لاجل التجاره بنده كز طشره يه عاظم اولديغمده اوشبو زوجه م اوغلم ايله جاريه مى چكا ميوپ زياده سيله سحاره اولديغندن سحر ايله اوغلمى بوزاغو صوره تنه جاريه مى اينك صوره تنه تحويل ايدوب* [\[121. c.\]](#) چوبانمزده تسليم ايتمش [71](#).

Efendem elemde ulan işbu kijek benim amym qyzy ulub küçek iken bana tezvîc itmeşler ide bu niçe sinin bejnemezde muamele zevcijet ulmyş ise de ğaqamije ulmaq xesabijla evlade ulmadyndan bir carije iştire ve istifraş ejledem ve andan bir oğlum dunjaje geldi oğlum unbiş jeşene varmaqda iken liecli et-ticere bendeniz taşraja ğazim ulduğumda işbu zevcem oğlum ile carijeme çakamejub zijedesile saxxara uldyğyndan sixer ile oğlumu buzağuşuretime carijeme inek suretime texvil idüb çubanymyza teslim itmeş. '... мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юном возрасте её выдали за меня замуж; мы в браке прожили много лет, из-за её бесплодия, детей у нас не было, и я купил себе наложницу; от неё родился у меня сын. Когда сын достиг пятнадцати лет, я из-за торговли вынужден был уехать. Моя жена не любила моего сына и наложницу, сверх того, будучи колдуньей, при помощи колдовства, она превратила сына в теленка, а наложницу в корову, и передала их в руки нашего пастуха' (перевод наш).

Акцентирование внимания на бесплодии супруги старца – рассказчика, по нашему мнению, вызвано попыткой оправдания покупки рабыни, т.е. супруг вынужден был пойти на этот шаг в целях иметь наследника.

Татарский перевод в основном соответствует турецкому варианту текста: *qart äjtäder äfändem qulymdağy kijek bänem ğamym qyzy ulyb jâş waqytda bāna nikax ideb wirmeşlär ide, ničä jyllar bergä irle xatynly bulyb torsağ da, balalarymyz bulmağanlyqdan, ber carijä satyb aldym, andan ber uğyl dönjağa kileb unbiş jäšenä kerdekdä bän säwdä öčen çit şähärgä kitdem, bu xatynym carijä berlän uğlymny ber jaratmajynča, bik säxirä ukdyğynnan sixer ilän uğlymny bozaw surätenä carijämne kăcä surätenä qujmyşda, kötüçemeznen älenä*

tabşyryb [8, с. 12] 'Старик говорит: 'Мой господин, эта дичь, которую я привел, является дочерью моего дяди и в очень юной она стала моей женой; несмотря на то, что мы в браке прожили много лет, детей у нас не было; и я купил себе наложницу, она родила мне сына. Когда сын достиг пятнадцати лет, я поехал в другой город заниматься торговлей. Моя жена была колдуньей и не любила моего сына и наложницу; она превратила сына в теленка, а наложницу в козу и передал их в руки нашего пастуха' (перевод наш).

Как мы видим, творческий «трансформирующий» подход татарского переводчика в данном случае проявлен в виде *замены детали*. В арабском и турецком вариантах рассказывается о том, что злая жена-колдунья купца превращает его рабыню и сына в корову и теленка, а Фатих Халиди в татарском варианте по неизвестным причинам корову заменил на козу. Возможно, такой подход был обусловлен тем, что в сказках, которые были известны татарскому народу, превращение кого-либо с помощью колдовства в козу было довольно распространенным сюжетом.

Ситуация *замены детали* прослеживается и у других авторов. В переводе произведения «Калила и Димна», выполненного Г. Фаизхановым, нами зафиксирована примечательно-пикантная трансформация: если в арабском оригинале обезьяна прищемила бревном свой хвост, то в татарском переводе – хвост заменен на половые органы:

فقام القرد و تكلف ما ليس من شأنه فركب الخشبة و جعل ظهره قبل الوند و وجهه قبل الخشبة فتدلى ذنبه في الشق و نزع الوند فلزم الشق عليه فكاد يغشى عليه من الألم. [91, с. 69]

'Она забралась на козлов и уселась на бревно, не заметив, что хвост ее попал в щель. Когда она вытащила клин, то бревно защемило ей хвост и от боли обезьяна потеряла сознание' [10, с. 84]; *Ul keşe ber jaqğa kitkäč tiz ük anyñ uryñyna kileb xasijälärenjaryqğasalyndyrybutyrdy. Alaj-bolaj iteb teşe tyrnağay belän tartyb jaryqğa qalğan čöjne suyrdy. Ul waqyt jaryq jabylyb kitde dä monyñ xasijäläre qysylyb qaldy. Majmun awyrtudan issez bulyby jyğyldy*. [11, с. 35] 'Когда тот человек ушел в сторону, (обезьяна) быстро села на его место и её причиндалы попали в щель, она различными способами, зубами и ногтями пыталась извлечь клин из щели. Вдруг щель закрылась и бревно защемило его причиндалы. От боли обезьяна потеряла сознание...' (перевод наш).

В притче про ворона и ядовитую черную гадюку рассказывается о цапле, которая обманывала рыб на озере:

[85, с. 85] *قال ابن آوى: زعموا أن علجوماً عشنش في أجمة كبيرة السمك؛ فعاش بما ما عاش. 91*

'И шакал начал: «Говорят, что одна цапля поселилась на болоте, где было много рыбы, и спокойно жила там долгое время' [10, с. 99].

В татарском переводе речь идет о чайке: *Ber aqčarlaq ber küñ jaqasynda maqam tota ide* [11, с. 47] 'Жила-была некая чайка на берегу озера' (перевод наш).

В этой же притче говорится о том, как ворон украл драгоценное кольцо у молодой богатой женщины:

فانطلق الغراب محلّقاً في السماء فوجد امرأة من بنات العظماء فوق سطح تغتسل و قد وضعت ثيابها و حلّيها ناحية. فانقضّ و اختطف من حلّيها عقداً و طار به. [87, с. 87]

'Пролетая над городом, он увидел на крыше высокого дома молодую женщину, дочь

богатого вельможи, которая мылась, сняв одежды и украшения и отложив их в сторону. Ворон камнем пал на крышу, схватил блестяще е драгоценное ожерелье и взлетел' [\[10, с. 101\]](#).

В татарском переводе в этом эпизоде ворон украл сверток с множеством драгоценностей: *Ber baj xatyny üze suğa kereb cawähirdän beläzeklären, jözeklären, alqalaryn, kül jaqasynda ber jawlyqğa töjnäb qaldyrğan ikän, qarğa şul töjenne kütäreb oçdy* [\[11, с. 49\]](#) 'Жена богача, когда пошла купаться, завернула свои браслеты, кольца, сережки и другие украшения в платок и оставила на берегу озера. Ворон схватил этот сверток и улетел' (перевод наш).

В арабском оригинале имеет место рассказ об отшельнике, который ищет вора, укравшего его вещи, ставшего свидетелем бойни между двумя баранами:

[с. 69\]](#) *فمرّ في طريقه بوعلين يتناطحان حتى سالت دماؤهما* [\[9\]](#).

'На обочине увидел он двух баранов, которые сшибались рогами и бились так жестоко, что нанесли друг другу глубокие раны' [\[10, с. 95\]](#).

В татарском переводе в этом же рассказе речь идет не о баранах, а о быках:

Menä julda ike ügez ber bere belän oryşyb mögezläre belän sözeşeb či qanğa töşkännär [\[11, с. 45\]](#) 'Вот на дороге два быка бились друг с другом рогами и проливали кровь...' (перевод наш).

«Новаторство» татарских переводчиков наблюдаются и в других аспектах. Хотя эти изменения не касаются лексико-семантического уровня, они демонстрируют адаптацию на содержательном и ментальном уровнях текста оригинала, что прослеживается на таком приеме как *сравнение*. Рассмотрим арабский оригинал сказки «Тысяча и одной ночи»:

قالت: بلغني أيها الملك السعيد، أن السندباد البحري لما زاد تعجبه من الطائر الذي رآه في الجزيرة تذكر حكاية أخبره بها قديماً أهل السياحة والمسافرون، وهي أن في بعض الجزائر طيراً عظيماً يقال له الرخ يرق أولاده بالأفيال فتحققت أن القبة التي رأيتهما إنما هي بيضة من بيض الرخ؛ ثم إني تعجبت من خلق الله تعالى. فبينما أنا على هذه الحالة وإذا بذلك الطير نزل على تلك القبة وحضنها بجناحيه وقد مد رجله من خلفه على الأرض ونام عليها [\[12\]](#) [\[125\]](#).

'... она сказала: 'Дошло до меня, о счастливый царь, что Синдбад-мореход ещё больше удивился птице, увидав ее над островом; и вспомнил одну историю, которую ему давно рассказывали люди, странствующие и путешествующие, а именно: что на неких островах есть огромная птица, называемая Рух, которая кормит своих детей слонами. 'И я убедился, — говорил, — что купол, который я увидел, — яйцо Руха, и принялся удивляться тому, что сотворил Аллах великий. — И в это время птица вдруг опустилась на этот купол, и обняла его крыльями, и вытянула ноги на земле сзади него, и заснула на нем' [\[13, с. 394\]](#).

Сопоставление арабского оригинала и русского перевода не дает никакого основания выносить какие-либо критические мнения о качестве мастерски выполненного перевода М. Салье.

Турецкий перевод на семантическом уровне почти повторяет арабский оригинал сказок, единственная особенность турецкого текста – птица Рух кормит своих детей детенышами

СЛОВОВ:

پس اول عظيم الجنه مانند كوه اولان مرغ جزيره به تقرب ايله اول قبه اوزرينه قونوب قنادلر ايله اورتوب ياتدى چون بن من القديم سياح و سفر زمين ايدن ذواتدن بر حكايه ايشتمش ايدم شويله كى بعض اطه لرده رخ نامنده بر بيوك قوش وار ايدكه يارولرى فيل ياورورايله يوررايدى اول حكايه حاطريمه كلوب قبه مذكوره رخ يمورطه سى اولدغنى بيلدوم و اوزرينه قونوب يانمغله زيادجه تقينم حاصل اولدى دينجه شهرزاد صباح تقرب اينديكى كوروب سكوت
[c. 501](#)...[141](#).

Приведём транскрипцию данного текста: *pes ul azim -l- cessa meninde guh olan mereğ cezireje taqarrub ejle ul qubbe uzrene qunub qanadlar ile uratub jatdy čun ben min -l- qadim sejah ve sefer zemin iden zevetdan bir xikeje išetmeš idem šöile ki bağze atalarda rux namynda bir bñjñk quš var ideki javrulari fil javrularile jururide ul xikaje xatyryma gelib qubbe-i mezkurā rux jumurtasy uldyğyny bildüm ve uzerene qunub jatmağla zijedece tagjynym xasil oldu dejnce Šährezad sabax taqarrub itdegen kürüb sukut ejledi* '...потом птица Рух, имеющая огромное тело, приблизилась к острову, приземлилась на этот купол и, обняв его крыльями, легла на него. Когда-то давно я слышал от путешественников рассказ о том, что на некоторых островах живут огромные птицы по имени Рух, птенцов своих кормят детенышами слонов; вспомнив этот рассказ, я понял, что указанный купол является яйцом Руха. Манера её высиживания дополнительно убедила меня в этом', – сказала Шахрезада, – и увидев, что наступило утро, прекратила свою речь' (перевод наш).

В приведенных выше примерах из арабского и турецкого переводов говорится о том, что слон служит в качестве пищи для птенцов Руха. В татарском переводе лексема *фил* (кебек) (как) 'слон' используется для выражения размеров птенцов Руха: *šundyj zur qoš taw kebi kileb bu kübbäneñ üzrenä quny b qanatlar y ilä uratyb jatdy bñn bağze adamlärdän išedeb idem rux digän qoš bar anyñ jomyrqadan čyqğanda balasy fil kebi zur ulyr diheb bu süzlär xäteremgä kileb kübbä bu qoşnyñ jomyrqasy ikänen beldem – čönki bu qoš basyb jatuyndan beldem - Šährezad tañ jaqyn diheb süküt äjläde*. 'Большая птица, словно гора, прилетела к этому куполу и, обняв его крыльями, легла на него. Я слышал от некоторых людей о том, что существует птица Рух и её птенцы, которые вылупляются из яиц, размером со слона, я вспомнил об этом и понял, что данный купол является яйцом этой птицы – узнал по манере её высиживания. Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь' (перевод наш).

В восточной литературе лицо красивой девушки нередко уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца. В татарском тексте переводчик сравнивает прекрасное лицо девушки с луной в пятнадцатую ночь месяца: *bik matur qyz janyna kileb čähräse ajnyñ unbišenče kičäse kebi jaltyrar ide* [\[8, c. 138\]](#) 'К нему подошла прекрасная девушка, лицо ее блестело как луна в пятнадцатую ночь месяца'.

В турецком варианте:

[c. 931](#)...[71](#) *bir sahibetü-l cemat duxter janimiza geldeki čehresi ajin undürdi gebi lemğan idüb* 'К нам подошла красивая девушка, лицо сияло как луна в четырнадцатую ночь месяца' (перевод наш).

Сравнения арабского и турецкого вариантов сборника сказок «Тысяча и одна ночь» показывают, что турецкий переводчик пытался наиболее полно и точно передать содержание оригинала. Это заметно при исследовательском обращении к разным текстам. Рассмотрим отрывок из арабского оригинала:

وبعد ذلك قمت على حيلي وتمشيت في الجزيرة يميناً وشمالاً وصرت لا أستطيع الجلوس في محل واحد. ثم إنني صعدت على شجرة عالية وصرت أنظر من فوقها يميناً وشمالاً فلم أر غير سماء وماء وأشجار وأطيار وجزر ورمال، ثم حققت النظر فلاح لي في الجزيرة شيء أبيض عظيم الخلقة فنزلت من فوق الشجرة وقصدته وصرت أمشي إلى ناحيته، ولم أزل سائراً إلى أن وصلت إليه، وإذا به قبة كبيرة بيضاء شاهقة في العلو كبيرة الدائرة فدنت منها ودتر حولها، فلم أجد لها باباً ولم أجد لي قوة ولا حركة في الصعود عليها من شدة النعومة فعلمت مكان وقوفي ودتر حول القبة أقيس دائرتها فإذا هي خمسون خطوة وافية، فصرت متفكراً في الحيلة الموصلة إلى دخولها. [\[12\]](#)

[\[126\]](#)

‘И я поднялся, и стал ходить по острову направо и налево, и не мог уже больше сидеть на одном месте, и затем я влез на высокое дерево и стал смотреть с него направо и налево, — но не видел ничего, кроме неба, воды, деревьев, птиц, островов и песков. И я посмотрел внимательно, и вдруг передо мной блеснуло на острове что-то белое и большое; и тогда я слез с дерева, и отправился к этому предмету, и шел в его сторону до тех пор, пока не дошел до него, и вдруг оказалось, что это — большой белый купол, уходящий ввысь и огромный в окружности. И я подошел к этому куполу и обошел вокруг него, но не нашел в нем дверей и не ощутил в себе силы и проворства, чтобы подняться на него, так как он был очень гладкий и скользкий. И я отметил то место, где я стоял, и обошел вокруг купола, вымеряя его окружность, и вдруг он оказался в пятьдесят полных шагов. И я стал придумывать, как бы мне проникнуть туда’ [\[13, с. 394\]](#).

Турецкий переводчик, стараясь передать в содержании фрагмента перевода арабского оригинала внутренние переживания моряка, расширяет описания душевного состояния героя предложением: ... *mecnun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem* ... ‘... как сумасшедший, бродил по острову без цели...’:

و شدت قساوتمدن بر برده تك طورمغه قدرت بولمبوب مجنون كبی جزیره ده كزرك غرضسن اطرافه صایوب یورر ایدم اغاجدن وقوم و طوپراقدان و كوك و دكردن غیرى بر شئ كورمدم اول وجهله حرکت قسریه ايله یورر ایكن قارشومه بر عظیم بیاض قبه نمایان اولمغله صوبنه عزیمت و یاننه وصول ایتدیكمده غایت مرتفع و دوز بر قبه جسیمه كوروب هر تقدیر قپوسنی ارامش ایسه مده بوله میوب اطرافنده طولاشور قالدیم و دائرة محیطه سینى اولچوب ایللى خطوه [\[14\]](#) [\[50\]](#) قدر اولدیغنى بولدم.

Приведем транскрипцию данного текста: *ve šiddet qasavetimden bir jirde tik turmağa qudret bulmajub mecnun gebi cezirede gezerek ğaryzsyz etrafa sapub jurur idem ağačdan ve qum ve tupraqdan ve kük ve dinezden ğajre ber šej kurmedem ul vecehile xareket qasrije ile jurer iken qarşyma ber ğazyjm bejaz qubbe nemejan ulmağile subene ğazimet ve janyna vusul itdekemde ğajet murtafiğ ve düz bir qubbe cesime kurub her nikadär qapusyn aramyş isemde bulamujub atrafynda tulaşur qaldym ve daire muhiteseni ülčeb ille xatve qader uldyğny buldum*. ‘Из-за своего очень сурового положения я не мог находиться на одном месте и, как сумасшедший, бродил по острову без цели и не видел ничего кроме деревьев, песка, почвы, неба и моря. Ходил таким образом, пока не показался передо мной огромный белый купол, и когда я подошел к этому большому строению, увидел очень высокий, ровный, огромный купол. Как бы ни старался найти вход в него, не смог и остался бродить вокруг него. Измерив окружность его, определил, что она составляет в пределах пятидесяти шагов’ (перевод наш).

Что касается татарского перевода, то Ф. Халиди мало уделяет внимание психологическому состоянию персонажа, прибегая к сокращению текста, он игнорирует описание размеров купола. В результате татарский вариант данного фрагмента оказался более коротким: *axyr xafamdan ber jirdä tik tora almağ däimän jöreb ber kön qarşymda bik bijek ber aq qubbä küreneb janyna bardym şul qadär qapusyn ezlädem tabmaj atrafyndan*

qarab jördem [15, с. 80] 'Из-за страха я не мог находиться на одном месте и постоянно ходил. Однажды увидел перед собой высокий, белый купол, подошел к нему, ходил вокруг, пытаюсь найти вход, но не смог' (перевод наш).

Мы выше уже отметили, что для перевода Ф. Халиди характерны сухость языка, скупость описания. Переводчик большое внимание уделяет действиям, при этом игнорирует описательные стратегии, разнообразные приемы визуализации.

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника наблюдается и в других сказках татарского перевода сборника «Тысяча и одна ночь». Например, в арабском оригинале, в сказке о Синдбаде-мореходе есть такой отрывок:

ولم نزل سائرين إلى أن أتينا بستاناً في جزيرة عظيمة مليحة وفيها شجر الكافور وكل شجرة منها يستظل تحتها مائة إنسان، وإذا أراد أن يأخذ منه أحد يثقب من أعلى الشجرة ثقباً بشيء طويل وينزل ما ينزل منه فيسيل منه ماء الكافور ويعقد مثل الشمع وهو عسل ذلك الشجر وبعد ذلك تيبس الشجرة وتصير حطباً. [1301, с. 130]

'И мы шли до тех пор, пока не пришли в сад на большом и прекрасном острове, и в саду росли камфарные деревья, под каждым из которых могли найти тень сто человек. А когда кто-нибудь хочет добыть камфары, он сверлит на верхушке дерева дырку чем-нибудь длинным и собирает то, что из нее течет, и льется из нее камфарная вода и густеет, как клей, — это и есть сок камфарного дерева. И после этого дерево засыхает и идет на дрова' [13, с. 402].

Несомненно, русский перевод М. Салье адекватно передает содержание арабского оригинала. Турецкий переводчик также стремился довести до читателя содержание оригинала, однако в нем прослеживается скупость описаний:

اول باغچه ده كافوراغاچنى كوردىم هر بر اغاچ يوز كىشى كولكه سنه اوتوره بيلورو كافورى المقى استىكلرندى اغاچى
 531
 141
 531

Транскрипция данного текста: *ul bağçada kefur ağačyn gördüm her bir ağaç jüz keşe külegesene utyra bilur ve kefur almaq istediklerinde ağačy delerler emiş delendekde andan bir su aqub beğde tunub kefur ulur ve samuğ kebi inğiqad ider lekin ağaç qurur kider*. 'Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек; если захотят добыть камфору, сверлят его и из отверстия вытекает жидкость, которая застывает и превращается в камфору и, как клей, густеет, но дерево погибает' (перевод наш).

Татарский перевод данного фрагмента характеризуется чрезмерной краткостью и недосказанностью. Ф. Халиди не счёл нужным донести до читателя информацию о способе добычи камфоры и о дальнейшей судьбе дерева: *Ul baqçada kăfur ağačy kürdem hâr ber ağačynuñ küläğäsändä jöz keşe utyryrlyq ide hâm bu baqçada ânwağy xajwanlar kürdem*. [15, с. 82] 'Я видел в том саду камфорное дерево, в тени каждого дерева могут поместиться сто человек, также в этом саду видел различных животных...' (перевод наш).

Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника характерны и для других исследуемых произведений.

Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается далеко не всегда. Обычно объем татарских текстов больше, чем оригиналы произведений. То есть полноценно утверждать о том, что переводы ориентированы на сокращение текста

оригинала или турецкого варианта не совсем правильно. Например, в «Абугалисина» К. Насыри мы, напротив, наблюдаем расширение текста: в турецком тексте: *Bir qač gün bir küşede aram ve teneffus idub bir gün tamaşaji küçe ve bazar idereken july çerşevi xelve fruşene ... irde* [17, с. 22] 'Несколько дней он отдохнул 'успокоился и отдышался. Однажды, когда он вышел прогуливался по улицам и базарам, дорога привела его к палатке продавцов сладостями...' (перевод наш).

В татарском переводе: *Berničä kön ber jirdä qarar ideb sačyny kitäreb saqal wä tynmaqlaryn kiseb adäm syjfatyna kerde, čönki ber jyl mäğarädä jatyb, ğoli biabanğa biñzäleš, jäğni biğajnihi urmandağy šüräle kebek bulğan ide. Ber kön käseb hawa öčen tamaşa qylyb bazarlarda wä uramlarda gizeb Jörgändä july xälwäfrušlär jäğni xälwä satučylar uramyna turğy kilde* [17, с. 24] 'На несколько дней он решил сделать привал, привести себя в человеческий вид: поднял волосы, постриг бороду и ногти, т.к. прожив целый год в пещере, они походили на степных привидений, то есть на шурале. Однажды, когда он вышел подышать воздухом и прогуливался по базарам и улицам, дорога привела его на улицу продавцов сладостями...' (перевод наш).

Такой прием присущ и другим авторам. То есть в произведениях мы наблюдаем как сокращение, так и расширение текстов, в том числе полное соответствие оригиналу, на чем остановимся более подробно.

Авторы-переводчики подходят весьма оригинально к передаче содержания текстов оригинала. Заметен авторский подход к переводу, они переосмысливают тексты исходя из потребностей читателей. Большинство рассказов интерпретируемых произведений полноценно передают содержание как арабского оригинала (в случае «Тысячи и одной ночи»), так и турецких вариантов. Приведем фрагмент из арабского оригинала, где речь идет о попытке Синдбада покинуть необитаемый остров:

فَعِنْدَ ذَلِكَ فَكَتَتْ عِمَامَتِي مِنْ فَوْقِ رَأْسِي وَثَنَيْتُهَا وَفَتَلْتُهَا حَتَّى صَارَتْ مِثْلَ الْحَبْلِ وَتَحَزَمْتُ بِهَا وَشَدَدْتُ وَسْطِي وَرَبَطْتُ نَفْسِي فِي رَجْلِي ذَلِكَ الطَّيْرَ وَشَدَدْتُهَا شَدًّا وَثِقًا وَقُلْتُ فِي نَفْسِي لَعَلَّ هَذَا يُوَصِّلُنِي إِلَى بِلَادِ الْمَدَنِ وَالْعَمَارِ [126] с. 126 وَيَكُونُ ذَلِكَ أَحْسَنَ مِنْ جُلُوسِي فِي هَذِهِ الْجَزِيرَةِ. [16]

'... и тогда я поднялся и, развязав свой тюрбан, снял его с головы, и складывал его, и свивал, пока он не сделался подобен веревке, а потом я повязался им и, обвязав его вокруг пояса, привязал себя к ногам этой птицы и крепко затянул узел, говоря себе: 'Может быть, эта птица перенесет меня в страны с городами и населением. Это будет лучше, чем сидеть здесь, на этом острове' [13, с. 394].

Сравнение фрагмента турецкого перевода с текстом оригинала показывает, что переводчику удалось полностью передать содержание отрывка из арабского оригинала:

چن بن مرغ مذکور رخ اولدیغنی تیقن ایتدم و بن بو اطه دن خلاص و نجاتم انجق بو قوشك واسطه سیله اوله بیلور الامطلقاسنی کمیسه بوندن قورنارمز دیوب وصاریغمی چیقاروب ایب کبی بوکدم بعده بلمه اوچیله کوزلجه باغلیوب و دیگر اوجی قوشك ایاغنه بندایدوب تحتنده یاتدم و بهر حال بو قوش بنی اشبو خراب اطه دن چیقاروب معمور یره [51] с. 51 کیتوروو کیفیت بوراده اقامتمدن کوزلدر. [14]

Приведём транскрипцию данного текста: *čun ben mereğ mezkur rux uldyğn tejqyn itdem ve ben bu atadan xalas ve necatym ancaq bu quşun vasitasi ile ula bilur -I-imtileqasyny kimise bundan qurtarmaz dijub ve saryğymy čiqarub jib kebi bukdım beğde belme uçu ile guzelce bağlajub ve diger uçu quşuñ ajağyna bendejdub taxtında jatdim ve biherxel bu quş beni işbu xarab adadan čiqarub meğmur jire kiterur ve bu kejfijet burada iqametden güzeldür.* 'Когда я убедился в том, что эта птица – птица Рух, и подумал о том, что мое спасение из

этого острова можно осуществить только при помощи этой птицы, я развязал свою чалму, свил её как веревку, один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, и лег возле неё, в любом случае, эта птица унесёт меня из этого заброшенного острова на населенную людьми землю, это будет лучше, чем оставаться здесь’ (перевод наш).

Сопоставление татарского и турецкого переводов дает нам основание утверждать, что татарский переводчик опирался на турецкий текст: *bāğdā bān bu qoşnuñ ruх qoşу ideken beldem başymdağу ĉalmany alyb işeb ber başyn bilemgä bağlab ber başyn qoşnuñ ajağyna bağladym da qoşnuñ kütärelgänen köteb jatdym ĉönki niĉek bulsa da qoş bane bu xarab cäzirädän qotqaryb ber jaxşу cäzirägä atar diheb tordym* .[\[15, с. 80\]](#). ‘Потом я узнал о том, что эта птица – птица Рух. И, развязав свою чалму, свил её, и один конец привязал к своему поясу, другой – к ноге птицы, лег и стал ждать её вылета, так как надеялся на то, что эта птица как-нибудь унесёт меня из этого заброшенного острова на более лучший остров’ (перевод наш).

Сравнение татарского и турецкого текстов показывает, что Ф. Халиди в своем переводе очень точно воспроизвел нюансы турецкого текста, смог достоверно передать эмоциональный фон и семантический контекст турецкого перевода: *könlärdä ber kön mälik xozurynda utyrğan waqytda bāna äjtde äj Sindbad bezlär sine küb mähäbbät ideb ğyjjzät wä xörmät äjlädem – imde sine šähärenä jibärrergä bezneñ täqatemez juqdyr bānem siña äjtäse süzem bar ägär qabul idär isāñ died – bān äjtdem äj ğyjjzätle šahymyz nä färman bulsa seznekeder bān sezneñ qolnyzymyn didekemdä mälik äjtde äj Sindbad bānem muradym şuldyr bānem ber matur güzäl bākirä qyzym bar şuny siña bireb sin bezdä qalyb hām siña ber uryñ täğajen idäsem kiläder dide* [\[15, с. 91\]](#) ‘Однажды, когда я сидел у царя, он сказал: ‘Синдбад, мы тебя очень любим, дорожим и уважаем; нет у нас сил, чтобы тебя отпустить в свой город. У меня есть к тебе разговор, если ты не будешь против?’ – Я сказал: ‘О, уважаемый мой царь, что скажете, то и будет, я ваш раб! ‘... Царь сказал: ‘Синдбад, моя цель такая: у меня есть прекрасная, целомудренная дочь, я хочу её выдать за тебя замуж, оставить тебя здесь и назначить тебя на должность’ (перевод наш).

Подтверждение того, что авторы часто буквально воспринимали оригинал, можно найти в большом количестве и в других произведениях, например, в «Тутыйнамә»: *Tuti ejtde: zaman euvelde dijer Hindde bir bazarken var ide* [\[19, с. 12\]](#) ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец...’ (перевод наш). Татарский аналог: *Tutyj äjtde: äwälge zamanda Hind jortynda ber säwdägär bar ide* [\[20, с. 10\]](#) ‘Попугай сказал: в древние времена в Индии жил-был некий купец...’ (перевод наш).

Atrafynda dexti ĉuq šeherler ve biled ve der ve dijer var ide [\[19, с. 3\]](#) ‘Вокруг него было построено много городов, поселков и домов’. Татарский перевод полностью повторяет турецкий оригинал: *Wä atrafynda küb awyllar wä šähärlär tözelmeş ide* [\[20, с. 2\]](#) ‘Вокруг него было построено много деревень и городов’ (перевод наш) и др.

При сравнении татарского и турецкого текстов «Кырык вәзир китабы» также наблюдается следование татарского переводчика турецкому оригиналу, например: *Mexmüden xas Ijes namynda ber sükle xezmetkere var ide* [\[21, с. 1\]](#) ‘У Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс’ (перевод наш).

Татарский перевод полностью соответствует турецкому тексту: *Soltan Mähmüdneñ Ijäs isemle ber sükle xas xezmätĉese bar ide* [\[23, с. 2\]](#) ‘У султана Махмуда был особый, любимый слуга по имени Ияс’; *Sin дәxi adämlärne күnder ki, šäjxe totsynlar dide* .[\[21, с. 16\]](#) ‘Сказал, ты снова отправь людей, пусть схватят шейха’; *Sin şul waqytda adämlär күnder,*

šäyxne totsınlar dide [23, с. 11] 'Сказал, ты в то время отправь людей, пусть схватят шейха' (перевод наш).

Приведем примеры из «Кырык вәзир кыйссасы»: в турецком варианте: *Vezir ejder Hindstanda ber xuca var ide, ve anyñ ber cemile xatuny var ide* [21, с. 22] 'Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена...' (перевод наш). Татарский текст соответствует оригиналу: *Vezir äjtde Hindstanda ber xuca bar ide, anyñ ber güzäl xatyny bar ide* [23, с. 14] 'Визирь говорит: в Индии жил-был некий богач, у него была красивая жена...' (перевод наш) и др.

В турецком тексте: *Gylme simija quete ile Äbuğalisina Nilden Misra çyqdy* [17, с. 10] 'С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет' (перевод наш). В татарском переводе: *Äbuğalisina simija quäte belän Nil dārjasyndan Misyrşähärenä çyqdy* [18, с. 8] 'С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет' (перевод наш).

Нередко авторы исследуемых произведений прибегают к приему лексической замены, это происходит преимущественно в тех случаях, когда обозначаемые реалии либо отсутствуют в татарском языковом пространстве, либо характеризуются пассивным характером употребления. В подобной ситуации переводчики актуализируют наиболее релевантные и приближенные к восприятию татарского читателя языковые эквиваленты или синонимичные конструкции.

В качестве иллюстрации данного тезиса целесообразно обратиться к примерам из произведения «Кырык вәзир китабы»: *Äj şah, bu uğlan kälb çuqur kebider* [21, с. 17] 'Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку' (перевод наш). В татарском варианте наблюдается замена исходного словосочетания *kälb çuqur* на устойчивое выражение *qotyrgan et*: *Äj padişah, bu uğlan qotyrgan et kebider* [24, с. 11] 'Эй, правитель, этот пацан похож на бешенную собаку' (перевод наш).

Xatun äjde, şu ile rivajet iderler ki, cihan sarajynda ber ulu ämir var ide [21, с. 17] 'Женщина говорит: повествуют так, в мире жил-был крупный правитель...' (перевод наш).

В переводе титул эмир, обладавший низкой частотностью в старотатарском языке, замещается более употребительным в исторических и фольклорных памятниках персизмом падишах: *Xatyn äjtde, äjtälär, cihan sarajynda ber oluğ padişah bar ide* [24, с. 12] 'Женщина говорит: повествуют, что в мире жил-был крупный царь...' (перевод наш), что отражает стремление автора выбрать вариант, максимально соответствующий языковой картине мира татарского читателя.

Аналогичная трансформация представлена в следующем контексте: *Ul mämläkätä şahzadä ädäb säbäbe ilä ana wä ata wä ostaz tärbijäse bäräkäte ilä şah uldy* [21, с. 20] 'Принц, из-за своей культурности и результата воспитания родителей и учителей, стал правителем того царства' (перевод наш). Лексема *шаһзадә* ('принц') заменяется описательным и семантически более прозрачным для татарского языка выражением *падишаһ улы* ('сын падишаха'): *Ul mämläkätkä şul kilgän padişah uğly ädäb säbäble ata-ana, ostaz tärbijäse bäräkätendä ğadel padişah buldy* [24, с. 14] 'Приезжий сын царя, благодаря своей культурности и результату воспитания родителей и учителей стал справедливым правителем того царства' (перевод наш).

Показателен также пример нейтрализации суфийской коннотации: *Cafany čikmäjän ğaşıq*

safanyñ qaderen belmäs [21, с. 18] 'Влюбленный, не переживший трудностей, не оценит удовольствие'; в татарском переводе автор заменяет специфическую лексику гашыйк ('влюбленный', 'приверженец'), ассоциирующуюся с суфийской терминологией, на общеупотребительное и обобщающее понятие адәм ('человек'): *Cafany čikmägän adäm safanyñ qaderen belmäs* [24, с. 18] 'Человек, не переживший трудностей, не оценит удовольствие' (перевод наш).

Еще один случай демонстрирует выбор более естественного для татарского синтаксиса выражения: *Ve bir qač dexi ğaqyl kemseler cemiğ ejledi* [21, с. 90] 'Собрал также несколько ученых ...'. В переводе используется иная, но равноценная конструкция: *däxi ğaqyl ijäsändän bernič ä kešene cyjyb* [24, с. 54] 'Собрал также несколько ученых ...' (перевод наш).

Для каждого исследуемого кысса можно привести множество аналогичных примеров, где лексико-семантическая трансформация выполняет важнейшую функцию адаптации текста для татарского читателя.

Таким образом рассмотрение наиболее распространенных в изучаемых произведениях вне- и внутриязыковых трансформаций, в первую очередь лексико-семантического и смыслового характера, позволяет прийти к следующему выводу. Данные трансформации не только обогатили татарскую литературу новыми сюжетами, а язык — новыми стилистическими приемами и лексическими единицами, но и способствовали формированию новых языковых традиций. Направленность и характер этих изменений были обусловлены как объективными потребностями и возможностями языка соответствующего периода, так и спецификой мировосприятия, и культурными ожиданиями татарской аудитории.

Изучение универсальных для всего корпуса текстов особенностей переводческой стратегии приводит к заключению, что авторам-переводчикам удалось достичь сложного баланса: передать восточный колорит и литературные традиции оригиналов, сохранив при этом их структурную основу; усилить назидательно-дидактический компонент путем введения коранических хадисов и комментариев религиозно-нравственного характера; а также донести эстетическую и смысловую насыщенность кысса через синтез средств старотатарского литературного языка и народно-разговорного стиля. Именно этот синтез и предопределил широкую популярность и долговечность данных произведений в татарской читательской среде на протяжении целого исторического периода.

Библиография

1. Әхмәтъянов, Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А-Л). – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015.
2. Галиуллина, Г. Р. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация / Г. Р. Галиуллина, Э. Х. Кадирова, Г. К. Хадиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.
3. Ганиев, Ф. А. Избранные статьи / Ф. А. Ганиев. – Казань: Паравитта, 2010.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975.
5. ٢٠٠٩، بيروت، دار المكتبة الهلال. المجلد الاول. الف ليلة و ليلة. = Тысяча и одна ночь. 1 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009.
6. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 1. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра,

1996.

7. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الاول. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 1. – Стамбул: [Б. и.], 1870.

8. الف ليلة و ليلة، بو منكدہ بركيچہ كتابنى ترجمہ قيلدم عثمانلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه. = Өлф ләйлә вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 1. Казань, Изд. Казанского университета, 1897.

9. كتاب كاليلا و ديمنى = Книга Калилы и Димны, напечатанная на средства кутубхана "Миллят". – Казань: Миллят, 1911.

10. Ибн аль-Мукаффа. Калила и Димна – М.: Худ. лит., 1986.

11. كاليلا و ديمنه كتابي. بو كتاب باصمه اولنمشدر قزان اونيويرسيتيني ننگ طبع خانه سنده. = Кәлилә вә Димнә китабы = Книга Калилы и Димны. Казань, Изд. Казанского университета, 1889.

12. الف ليلة و ليلة. المجلد الثالث. دار المكتبة الهلال. بيروت. = Тысяча и одна ночь. 3 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009.

13. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок: в 8 т. Т. 5. / пер. и комм. М. Салье. – М: Терра, 1996.

14. ترجمة الف ليلة و ليلة. الجلد الثالث. = Arabian nights = Tercume-i elf leylet ve leylet = Тысяча и одна ночь: сказки. Т. 3. – Стамбул: [Б. и.], 1870.

15. الجلد الرابع ترجمة الف ليلة و ليلة. درتچى جلد منكدہ بركيچہ ترجمہ سيننگ. بو منكدہ بركيچہ كتابنى ترجمہ قيلدم عثمانلى تركي تلندن روسيه داكى مسلمانلر تركى تلينه مجد فاتح ملا حماد اوغلى خالدي اول مرتبه. = Өлжилдү рәбигу тәржәмәти әлфи ләйләти вә ләйлә = Тысяча и одна ночь. Т. 4. Казань, Изд. Казанского университета, 1899.

16. الف ليلة و ليلة. المجلد الرابع. دار المكتبة الهلال. بيروت. = Тысяча и одна ночь. 4 т. – Бейрут: Дарул-мактабатил-хилал, 2009.

17. هذه حكاية رّس الحكماء اخي ابي الخارث و هو ابو علي سينا. كنجنهء حكمت. = Канжинаи хикмет. Это история главы мудрых, брата Абуль-Хариса, и он – Абу Али Сина. – [Б. м.]: [Б. и.], [Б. г.].

18. ابو علي سينا قصه سي ديمكله مشهور تخيلات ننگ ترجمہ سي. عبدالقيوم عبدالناصر اوغلي ننگ ترجمات و. = تصنيفاتندندر. قزان اونيويرسيتيتي ننگ طبع خانه سنده باصمه اولنمشدر ۱۸۹۴ نجی يلده. ۱۱۲ ب. = Өбугалисина кыйссасы димәклә мәһһүр тәһйиләтнең тәржемәсе = Рассказы Аbugалисины. Казань, Изд. Казанского университета, 1894.

19. طوطي نامه. = Тутинаме. – Стамбул: Дар ас-Султана ас-Сунния, 1931.

20. طوطي نامه. عبدالعلام فيض خان اوغلي ننگ ترجماتندن. مطبعة كريميه، قزانده. = Тутыйнәмә = Тутинаме, Казань, Матбага Каримия, 1916.

21. تاريخ فرق وزير. طابع و ناشري امنيت كتيخانه سي. مطبعة ابو الضيا ۱۳۲۱. = История сорока везирей. – Стамбул: Абу Дайя Пресс, 1903. – 261 с.

22. تاريخ فرق وزير. = История сорока везирей. – Стамбул: [Б. и.], [Б. г.].

23. تاريخ فرق وزير. مجد جمال افندينگ مطبعة سنده طبع اولنمشدر. استانبول، سنه ۱۳۰۳. = История сорока везирей. Издано в типографии господина Мухаммада Джамала. – Стамбул, 1885.

24. قرق وزير قصه سي، عثمانلى تلندن ترجمہ قيلنوب قزانده اوچونچى مرتبه باصلدى. عبدالقيوم عبدالناصر. = Кырык вәзир нәң тәржәтәндәндәр. قزانده انيويرسيتيت طبع خانһسنده باصما اولنمشدر ۱۸۸۳ سنه ده. ۱۶۰ ب. = Кырык вәзир кыйссасы = Рассказы сорока визирей. Казань, Изд. Казанского университета, 1883. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Лингвокультурные преобразования при переводе текстов кысса на татарский язык», представленной для публикации в журнале «Филология: научные исследования», содержится материал по языковым особенностям, обнаруживаемым при переводе на татарский язык произведений жанра кысса, созданных на основе сюжетов арабской и персидской культуры.

Вместе с тем, что работа очень интересна в содержательном плане, она не оригинальна: текст статьи является выдержкой из диссертации «Эволюция языка кысса в системе татарского литературного языка во второй половине XIX – начале XX века», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук в Казани в 2022 году (место защиты: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»). Текст диссертации размещен на сайте Академии наук Республики Татарстан по адресу <https://www.antat.ru/ru/activity/dissertatsionnyy-sovet/dokumenty-doktorskaya/%D0%93%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%88%D0%B8%D0%BD%20%D0%A4.%D0%A4/%D0%93%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%88%D0%B8%D0%BD%20%D0%A4.%D0%A4.%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81-10-02.pdf>

Текст слово в слово совпадает с отрывками из диссертации, а именно является подборкой нескольких фрагментов из параграфа 2.4. «Трансформации при переводе текстов кысса на татарский язык»: 1) со слов «автор пытается приблизить содержание кысса к реалиям татарского мира при помощи замены некоторых деталей» на с. 155 диссертации до предложения «Шахрезада, сказав, что наступило утро, прекратила свою речь» на с. 161; 2) со слов «В восточной литературе лицо красивой девушки нередко уподобляется луне в четырнадцатую ночь месяца.» на с. 162 до слов «Сокращение текста и уход от подробного изложения текста источника характерно и для других изучаемых произведений» на с. 165; 3) со слов «Однако наличие подобных кратких версий татарских переводов встречается далеко не всегда» на с. 166 до слов «Вокруг него было построено много деревень и городов» на с. 169; 4) со слов «При сравнении татарского и турецкого текстов «Кырык вазир китабы»...» на с. 170 до слов «С помощью силы магии Абу Али Сина вышел из Нила в Египет» на с. 171.

Далее идет перефразирование абзаца, начинающегося со слов «Нередко авторы исследуемых произведений прибегают к приему лексической замены,...», что соответствует тексту со с. 173 диссертации.

Выводы также полностью идентичны с представленными на с. 175 диссертации.

Поскольку работа является выдержкой из диссертации, замечание о том, что «Мы выше уже отметили, что для перевода Ф. Халиди характерны сухость языка, скупость описания» не находит подтверждения в тексте статьи, хотя находит обоснование на с. 145 вышеназванной диссертации: «Также в татарском переводе Ф. Халиди имеются и отличия от турецкого перевода, в частности язык татарского перевода выделяется своей лаконичностью и 'сухостью', скупостью описаниям» (с. 145).

Таким образом, представленная статья не соответствует требованиям издательства в части написания статей: «Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях», поэтому не может

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного](#)

[Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена многоаспектному анализу лингвокультурных преобразований, наблюдаемых при переводе текстов жанра кысса на татарский язык. Предмет исследования очерчен чётко и логично: автор рассматривает перевод как процесс создания нового текста, который должен быть содержательно и стиливо эквивалентен оригиналу, но адаптирован к нормам и культурным ожиданиям аудитории языка-реципиента. Выбор объекта — татарские переводы арабских и турецких классических памятников (включая «Тысячу и одну ночь», «Калилу и Димну», «Кырык вазир китабы», «Тутыйнамә», «Абугалисину») — выглядит чрезвычайно удачным, поскольку позволяет выявить закономерности трансформаций, отражающие не только переводческие стратегии, но и процессы становления старотатарской письменной традиции и её культурной самоидентификации.

Методология исследования опирается на комплексный сопоставительный анализ: автор привлекает арабские оригиналы, турецкие версии и татарские переводы, выявляя расхождения на лексико-семантическом, стилистическом, прагматическом и содержательном уровнях. Такой подход позволяет не ограничиваться поверхностным сравнением, а раскрыть мотивы переводческих решений, связанные с культурным кодом татарской аудитории. Особое значение имеет анализ трансформаций — замены деталей, опущения, добавления, смыслового перераспределения, адаптации реалий, а также интерпретационных дополнений. Выбор иллюстративного материала отличается широтой и репрезентативностью: автор анализирует десятки примеров, что обеспечивает убедительность выводов и высокую степень аргументированности.

Актуальность статьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, изучение восточных традиций повествования и их рецепции в тюркских культурах представляет значительный интерес для исторической лингвистики, переводоведения и текстологии. Во-вторых, вопросы взаимодействия арабской, персидской, османской и татарской литературных традиций сегодня находятся в центре внимания исследователей, поскольку отсылают к более широкому контексту формирования культурной идентичности средневекового и раннего нового периода. В-третьих, выявление механизмов адаптации текста к культурным потребностям читателя позволяет объяснить жанровую эволюцию кысса и её длительную популярность в татарской книжной культуре.

Научная новизна исследования проявляется в попытке систематизировать устойчивые переводческие стратегии, применяемые в татарских версиях знаменитых восточных памятников. Автор показывает, что татарские переводчики ориентировались как на турецкие образцы, так и на собственные представления о приемлемости содержания. Новизна особенно заметна в анализе нестандартных трансформаций: замена коровы на козу; замена обезьяньего хвоста на «причиндалы», что создаёт пикантный эффект; замена цапли на чайку; преобразование отдельных деталей сюжета (ворон крадёт не ожерелье, а целый свёрток драгоценностей). Автор убедительно демонстрирует, что такие изменения обусловлены не ошибками перевода, а попыткой адаптировать текст к татарской культурной традиции и читательским ожиданиям.

Стиль и структура статьи выдержаны в научном академическом формате. Текст логически последователен и богат иллюстрирован примерами, которые не выглядят случайными, а встроены в общую систему аргументации. Обширный корпус цитат на арабском, османском, татарском и русском языках демонстрирует профессиональное владение материалом. При этом статья остаётся доступной благодаря авторским

пояснениям. Единственный элемент, который мог бы улучшить читабельность текста, — это введение обобщающих таблиц или схем, позволяющих систематизировать основные типы трансформаций.

Библиография отличается широтой и включает лексикографические, историко-лингвистические, текстологические и переводоведческие источники, а также оригинальные тексты и их версии. Это создаёт прочную научную основу исследования и демонстрирует серьёзную работу автора с первоисточниками. Привлечение арабских и турецких изданий XIX–XX вв. делает работу особо значимой для исследователей восточных рукописей и переводных традиций.

Апелляция к оппонентам выражена не в прямой полемике, а в последовательном сопоставлении переводческих стратегий, отражающих разные культурные установки. Автор демонстрирует, что татарские переводчики балансировали между буквальностью и адаптацией, стремясь сохранить структуру и сюжет, но при этом трансформировать текст в соответствии с культурными матрицами татарского мира.

Выводы статьи содержательны и хорошо обоснованы: переводчики формировали своеобразный «татарский взгляд» на восточные сюжеты, адаптируя текст как в направлении упрощения (сокращения, опущения), так и в направлении расширения (описательные дополнения, комментарии, религиозно-нравственные вставки). Эти изменения оказали влияние на развитие татарского литературного языка, включая появление новых лексем, стиливых приемов и фольклорных мотивов. Статья, несомненно, представляет интерес для лингвистов, текстологов, специалистов по восточным литературам, преподавателей филологических дисциплин, а также для исследователей переводческих традиций Поволжья. Полагаем, что рецензируемую работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ху Ц. К вопросу о переводе рассказа И. А. Бунина «Мадрид» на китайский язык (в переводе Чэнь Фу) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77404 EDN: UEZJGD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77404

К вопросу о переводе рассказа И. А. Бунина «Мадрид» на китайский язык (в переводе Чэнь Фу)

Ху Цзяци

магистр; высшая школа перевода (факультет); Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

108802, Россия, Москва, Новомосковский административный округ, район Коммунарка, улица Малое Понизовье, 10, подъезд 3, квартира 78

✉ cuy06242021@163.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77404

EDN:

UEZJGD

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые проблемы и потери, возникающие при переводе рассказа «Мадрид» Ивана Бунина на китайский язык. В качестве объекта исследования выступает русско-китайский художественный перевод «Ресторан "Мадрид"», выполненный китайской переводчицей Чэнь Фу, тогда как предметом исследования являются лингвостилистические трансформации в китайской версии рассказа, затрагивающие уровень заглавия, речевую характеристику, звуковую организацию и передачу субъективной модальности. На конкретных примерах демонстрируется, как переводческая стратегия, направленная на упрощение и «сглаживание» текста, приводит к нивелированию тщательно выстроенной Буниным системы смысловых и стилистических оттенков. В заключении автор приходит к выводу, что хотя идеального художественного перевода не бывает, постоянное и глубокое погружение в русский язык и поэтику писателя всегда открывает путь к совершенствованию перевода бунинского рассказа. В основе исследования лежит метод сопоставительного лингвостилистического анализа русского оригинала и китайского перевода, также интерпретационный метод. Научная новизна данного исследования

состоит в том, что автор впервые проводит сопоставительный анализ между бунинским рассказом «Мадрид» и его китайским переводом «Ресторан "Мадрид"» Чэнь Фу. На фоне активного русско-китайского культурного обмена научные круги обеих стран обращали и обращают внимание на проблематику перевода русской литературы на китайский язык, перевода китайской литературы на русский язык, но до сих пор публикация, затрагивающая именно бунинский рассказ «Мадрид» и его китайский перевод «Ресторан "Мадрид"», не нашлась. Настоящая статья восполняет этот пробел. Так как данная статья специфицируется на одном рассказе русского прозаика, выводы, к которым автор приходит, тоже конкретные: хотя идеального художественного перевода не бывает, особенно когда речь идет о переводе таких тонких художников слова, как Иван Бунин, но все-таки постоянное и глубокое погружение в русский язык и поэтику русского писателя всегда открывает путь к совершенствованию перевода рассказа «Мадрид», китайская аудитория ждет новую версию перевода данного рассказа.

Ключевые слова:

Иван Бунин, Темные аллеи, рассказ, русская литература, художественный перевод, переводчица, китайский перевод, проблематика, поэтика, ирония

Введение

Художественный перевод, будучи продуктом межлитературной коммуникации, представляет собой искусство особой сложности. Эта сложность многократно возрастает при работе с текстами, отличающимися лаконизмом, смысловой плотностью и стилистическим совершенством, каковыми являются произведения Ивана Бунина. Перевод его прозы требует от переводчика не только филигранного владения языками, но и глубокого проникновения в поэтику автора, где за кажущейся простотой скрывается многогранный подтекст, а каждое слово несет тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки. В данном контексте актуальным представляется детальный анализ конкретных переводческих решений, позволяющий выявить системные проблемы передачи бунинского стиля на другие языки.

Основная часть

По жанрово-стилистической окраске переводимого материала переводы классифицируют на следующие основные типы: научно-технический, общественно-политический, юридический, военный, бытовой и художественный [\[1\]](#). Художественный перевод – это искусство особой сложности. Будучи, по своей сути, продуктом межлитературной коммуникации, он одновременно во многом ее обуславливает и определяет [\[2\]](#). Он требует от переводчика не только знания языков, но и глубокого проникновения в поэтику автора. В статье «Проблема перевода удмуртских междометий на русский язык (на материале художественных произведений)» современная русская исследовательница справедливо замечает, что перевод художественных произведений – это сложный творческий процесс, так как результатом его должно быть создание текста, максимально близкого к оригиналу, как по содержанию, так и по эмоциональному воздействию на

читателя [\[3\]](#).

В случае с русским классиком Иваном Буниным эта задача усугубляется: при кажущейся простоте и ясности его прозы за лаконичными фразами скрывается многогранный подтекст, а каждое слово отточено и несет тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки. Именно поэтому перевод бунинских текстов на другие языки, включая китайский, представляет особую сложность. Переводчики русского прозаика стоят перед задачами – не только точно передать его сюжет, но и сохранить ту изысканную бунинскую интонацию, ту зыбкую атмосферу, которая и делает его произведения шедеврами мировой литературы.

Фигура Ивана Бунина занимает исключительное место в истории русской литературы. В своем художественном творчестве Бунин по праву стал завершителем классической традиции русской литературы, писателем, открывшим в ней новую страницу – неореализм, отмечает О. Н. Михайлов в статье «Мировое значение Бунина» [\[4\]](#). Значимость Бунина для русской литературной традиции также была метафорически и точно зафиксирована его современником Максимом Горьким: «Выньте Бунина из русской литературы, и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой страннической души» [\[5\]](#). Стоит отметить, что мастер слова пользуется большой популярностью не только на родине, но и за рубежом, в том числе в Китае. Как отмечают современные китайские буниноведы, мастерство русского прозаика заключается в том, что «он с удивительной тонкостью и проникновенностью улавливает психологию и внутренний мир персонажей, раскрывая многогранный и богатый характер русского народа» [\[6\]](#). После многолетних долгих и жестких споров исследователи сходятся во мнении, что вершиной мастерства писателя признан поздний, не оцененный при жизни автора цикл рассказов «Темные аллеи». В статье-послесловии к «Темным аллеям» русская и советская исследовательница А. Саакянц определила жанр цикла как «энциклопедию любви», по аналогии с «энциклопедией русской жизни» Белинского [\[7\]](#). Цикл был переведен китайской переводчицей Чэнь Фу и опубликован в первый раз в Поднебесной в 2004 году, и с тех пор много раз переиздавался, но ни разу не внесли изменения в перевод [\[8\]](#). В китайский перевод входят 23 произведения, среди которых именно рассказ «Мадрид» (1944) представляет наибольший интерес с переводческой точки зрения, так как он наиболее ярко демонстрирует типичные проблемы и сложности, возникающие при передаче бунинского текста на китайский язык.

По наблюдениям китайской школы буниноведения, в прозе Ивана Бунина последовательно выстраивается психологически сложный характерный тип женских персонажей. Его определяющими чертами выступают не только юность, физическая красота и социальная наивность, но и глубоко заложенная в них изначальная надежда – упование на счастье, достойную жизнь или возвышенную любовь. Однако нарративная логика бунинских текстов неумолимо подчиняет судьбы этих героинь трагическому механизму: под давлением фатального стечения внешних обстоятельств они переживают стремительное социальное падение, низвергаясь на самое дно общественной иерархии. По словам современных ученых, этот архетип «падшей невинности» или «жертвы обстоятельств» является одним из ключевых в художественной антропологии писателя, выполняя важную функцию в раскрытии тем рока, одиночества и социальной несправедливости. К данному архетипу относится и героиня рассказа «Мадрид» [\[9\]](#).

Уже в самом названии рассказа скрывается тонкая авторская ирония, составляющая смысловой ключ ко всему произведению. Выбирая для заглавия имя блистательной

европейской столицы – «Мадрид», – Бунин намеренно активизирует у читателя самые романтические ассоциации: солнце, лето, страсть, любовь, искусство, отдых... Однако, все эти представления мгновенно сметаются содержанием рассказа. Познакомившись с сюжетом, читатель поймет, что история разворачивается в совсем другую сторону. Там нет испанского солнца, есть только бедная девушка, которая в русский мороз за кусок хлеба предлагает свое тело. А гостиница, куда мужчина привел несчастную, носит то же самое, теперь уже горько-насмешливое название – «Мадрид».

Бунинскую иронию, по всей видимости, не распознала китайская переводчица. Конкретизировав место действия, Чэнь Фу дала рассказу название «Ресторан "Мадрид"». В своей статье «О чем бунинские "Темные аллеи"» современный литературовед В. А. Мескин справедливо замечает: «Прочитавший его (рассказ «Мадрид») оценит желчь авторской иронии в заглавии» [\[10\]](#). Однако, ту «желчь авторской иронии» вряд ли поймет китайский читатель, прочитав название «Ресторан "Мадрид"». Трансформация в переводе смещает акцент с символическо-иронической функции названия на нейтральное обозначение места, тем самым «заземляя» ключевую метафору и лишая заголовок роли смыслового ключа ко всему произведению. Это можно рассматривать как первичный сигнал о выбранной стратегии адаптации, направленной на упрощение сложного авторского приема.

Однако проблема передачи бунинской стилистики не ограничивается уровнем заглавия, она особенно остро проявляется в ключевой сфере художественного текста – в речи персонажей. Как справедливо замечает современная ученая, «основными стилистическими компонентами художественного произведения являются авторская речь и речь персонажа, поэтому язык художественного произведения представляет собой сложное смещение разных типов монолога и диалога, многообразных форм устной и письменной речи» [\[11\]](#). Речевая характеристика является одним из ключевых инструментов в создании литературного образа, особенно у такого мастера психологического письма, как Иван Бунин.

В рассказе «Мадрид» речевую деталь «хочете» три раза произносит девушка-проститутка, и это, конечно, не случайная оплошность русского мастера слова. Данный языковой элемент выполняет в рассказе сразу несколько художественных задач: он служит маркером простонародного, возможно, деревенского происхождения девушки, подчеркивает ее недостаточную образованность и, как следствие, социальную уязвимость, а также усиливает ощущение ее отчужденности от мира ее собеседника, от мира светского, образованного и привилегированного.

Однако при переводе на китайский язык эта содержательная деталь была полностью утрачена. Переводчица Чэнь Фу во всех трех случаях заменила диалектизм «хочете» на нейтральное и грамматически правильное «хотите». Таким образом, речь героини была «выровнена», что неизбежно обеднило и упростило бунинский замысел. Но, стоит отметить, что у переводчицы был выход из этой сложной языковой ситуации. Например, можно было прибегнуть к аналогу из китайских диалектов или региональных говоров, который носителями также воспринимался бы как признак нестандартного, просторечного произношения. Другим, более академичным, решением могло стать использование подстрочного комментария или краткого пояснения в тексте, разъясняющего лингвистическую и художественную природу этой детали для китайской аудитории. Игнорирование же этого приема можно расценивать как недостаточное погружение в поэтику Бунина или как сознательную адаптацию, направленную на облегчение восприятия, что, однако, ведет к смысловой потере. Этот пример наглядно

показывает, как переводческая стратегия, отдающая приоритет «гладкости» текста, может нивелировать тщательно выстроенную автором систему социальных и психологических различий.

Важнейшим аспектом литературы вообще и бунинской в частности является музыкальность речи, которую любой искусный переводчик стремится сохранить и на другом языке. Когда мужчина заинтересовался возрастом девушки и сказал наугад – «Восемнадцать?» Девушка с радостью его похвалила – «Чудной вы! Все знаете! Восемнадцатый.» В китайской версии переводчица поменяла слово «восемнадцатый» на «семнадцать». Хотя с точки зрения фактического смысла такая замена верна, с точки зрения поэтики текста она приводит к потере. С такой заменой была изменена звуковая окраска фразы: мелодичный повтор однокоренных слов «восемнадцать» и «восемнадцатый» разрушается, вступая в диссонанс со словом другого корня – «семнадцать». И еще, такая замена неизбежно вызовет у китайского читателя недоумение: если мужчина не угадал возраст девушки, зачем же она называет его «чудным»?

Конечно, есть неточности объективного порядка, например, отсутствие эквивалента русского слова в китайском языке. Например, уменьшительно-ласкательные слова, которых Бунин много использовал в рассказе и которых нет в китайском языке. Хотя в китайском есть свои способы передать чувство нежности, ласки и умиления по отношению к предмету, но они не универсальны, и, соответственно, не все слова уменьшительно-ласкательных формы, использованные Буниным в тексте, могут быть переведены на китайский уместно.

Вот пример:

В русском оригинале:

«Он посмотрел: небольшая, курносенькая, немножко широкоскулая, глаза в ночном полусвете блестят, улыбка милая, несмелая, голосок в тишине, в морозном воздухе чистый...»

В китайском переводе:

«他看了看那女子, 个儿不大, 鼻头翘着, 颧骨略微宽了一点, 眼睛在夜色中闪光, 笑容可亲, 怯生生的, 嗓音在静夜寒冷的空气中显得清纯.....» (прямой перевод на русский язык: «Он посмотрел на девушку: небольшая, курносая, немножко широкоскулая, глаза в ночном полусвете блестят, улыбка милая, несмелая, голос звучит чисто в холодном, тихом ночном воздухе...»)

Еще пример:

В русском оригинале:

«Губы у нее сморщились довольной улыбкой, она, слегка покачиваясь, вошла в прихожую освещенного номера, на ходу расстегивая пальтецо с каракулевым воротничком.»

В китайском переводе:

«她的嘴上漾起一抹得意的微笑, 接着她就微微晃着身子走进开着灯的客房外室, 一面走一面解开镶黑卷毛羊羔皮领的大衣纽扣.» (прямой перевод на русский язык: «На ее губах расплылась довольная улыбка, и слегка покачиваясь, она вошла в прихожую освещенного номера, на ходу расстегивая пальто с каракулевым воротником.»)

Современные ученые справедливо замечают, что в художественных литературных произведениях уменьшительно-ласкательные формы могут «реализовывать интенции говорящего, выполняя при этом самые разные функции», они играют немаловажную роль «в создании речевого портрета персонажа, а также для выражения авторской оценки» [12-13]. Данные примеры показывают, что потеря уменьшительно-ласкательных форм – это не просто лингвистическая компенсация, а существенное изменение самой оптики повествования. У Бунина слова вроде «курносенькая», «голосок», «пальтецо» выполняют функцию внутренней точки зрения, часто отражая восприятие персонажа (мужчины), его смесь нежности, снисходительности и интимного интереса. Замена их нейтральными аналогами переводит описание в объективный регистр, нивелируя этот сложный психологический подтекст.

В ходе лингвистического анализа представленного переводного текста были выявлены ряд фактических неточностей, которые не только искажают семантическое содержание исходного материала, но и свидетельствуют о недостаточном владении переводчицей русским языком. К подобным досадным ошибкам относится, в частности, неверная лексическая трансформация выражения «раз пять», которое было некорректно интерпретировано как «пять раз» – данная неточность не только искажает количественную семантику, но и демонстрирует отсутствие знаний о специфике русских числительных конструкций. Также стоит отметить неверную лексическую подстановку при передаче понятия «чулки», которое было заменено на лексему «носки» – указанная ошибка свидетельствует о неумении дифференцировать лексические единицы, относящиеся к одной лексико-семантической группе, но отличающиеся по денотативным признакам. Наблюдаются и неточности в дифференциации видовых и временных форм глаголов («одеваться» передано как «переодеться», «завтракать» – как «обедать»), а также ошибочную интерпретацию предложно-падежных конструкций («к семи» преобразовано в «до семи»).

Важно подчеркнуть, что указанные переводческие неточности не носят случайного характера, и не являются объективно неразрешимыми – они относятся к категории субъективных ошибок, возникновение которых напрямую связано с недостаточным лингвистическим погружением переводчицей в системные особенности русского языка, а также с игнорированием контекстных нюансов исходного текста. Следовательно, подобные неточности могут быть минимизированы за счет более глубокого погружения в лингвоспецифическую систему исходного языка, а также за счет проведения комплексного контекстуального анализа, обеспечивающего адекватную передачу не только денотативного содержания, но и коннотативных, прагматических и культурно-обусловленных компонентов текста.

Заключение

На основании проведенного сопоставительного лингвистического анализа можно утверждать, что перевод Чэнь Фу утрачивает ряд фундаментальных черт бунинской поэтики.

Ирония, заложенная в символическом названии, теряется при его конкретизации. Речевая характеристика персонажа, маркирующая его социальный статус и психологический облик, нивелируется. Звуковая организация фразы, несущая эмоциональную и смысловую нагрузку, приносится в жертву буквальной точности. Субъективная модальность, передаваемая через непередаваемые грамматические

категории, исчезает без полноценной компенсации. Кроме того, наличие ряда фактических ошибок указывает на недостаточную погруженность в языковую ткань оригинала.

Советский и российский лингвист В. Н. Комиссаров в своей книге «Теория перевода (лингвистические аспекты)» выражает такое мнение, что оригинал художественного текста, изначально написанный для читателей своего языка, обладает своими национальными особенностями и характеристиками, которые характерны только для данного народа, практически не может быть в абсолютной точности воссоздан на языке другого народа [14]. Отсюда можно предполагать, что идеального художественного перевода не бывает. Все так, но все-таки существует возможность улучшать перевод рассказа «Мадрид» при должном погружении в язык оригинала и поэтику писателя. Исследование подтверждает, что адекватный перевод прозы Бунина требует от переводчика не только высокой языковой компетенции, но и глубокого литературоведческого понимания, а также готовности к поиску сложных, нестандартных компенсаторных решений, позволяющих сохранить многомерность оригинала даже ценой некоторого усложнения текста перевода.

Библиография

1. Сирипля М. А., Кан В. А. Некоторые проблемы перевода художественных текстов // *Lingua mobilis*. 2013. № 7 (46). С. 68-73. EDN: TGDBDR.
2. Ивахненко М. Н., Решетарова А. М. Трудности художественного перевода и авторский стиль (на примере русскоязычных переводов романа Дж. К. Роулинг "Гарри Поттер") // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. 2018. № 1-2. С. 108-118. EDN: IOHKPG.
3. Широбокова С. Н. Проблема перевода удмуртских междометий на русский язык (на материале художественных произведений) // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2013. № 4 (80). С. 175-178. EDN: RPSURR.
4. Бунин И. А. И. А. Бунин и русская литература XX в.: по материалам международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина, 23–24 окт. 1995 г. / РАН. Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1995.
5. Бунин И. А. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1978.
6. Цзоу Цзялинь, Чжан Фанли. Сравнительный анализ взглядов на любовь в произведениях Ивана Бунина и Чжан Айлин на примере "Темного пути" и "Любви в падшем городе" // *Обзор и критика художественных литературных произведения Чанцзян*. 2024. № 31. С. 24-27. (邹佳林, 张芳丽. 伊万·布宁和张爱玲小说中的爱情观对比分析--以《暗径》和《倾城之恋》为例. 长江小说鉴赏, 2024. № 31. С. 24-27.)
7. Саакянц А. Комментарии // Бунин И. А. Собр. соч. в 6 тт. Т. 5. 1988. С. 571-593.
8. Чамсединова Г. Ш. Философия любви (по "Темным аллеям" И. А. Бунина) // *Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки*. 2015. № 4. С. 116-119.
9. Лю Цзыюань, Лю Даньхуэй. Образ "уличной девушки" в рассказах И. Бунина // *Журнал социальных наук Университета Цзямусы*. 2022. № 40(2). С. 136-138. (刘子元, 刘丹慧. 伊·布宁短篇小说中的“街头女郎”形象叙事. 佳木斯大学社会科学学报, 2022. № 40(2). С. 136-138.)
10. Мескин В. А. О чем бунинские "Темные аллеи"? // *Вопросы литературы*. 2021. № 1. С. 65-79. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-65-78. EDN: CEROCA.
11. Солнцева К. В. Типовая речевая характеристика детских персонажей в англоязычной художественной прозе // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2007. № 39. С. 193-198. EDN: KVARFL.
12. Го Чжинань, Го Юйцзинь, Гао Ни. Функции уменьшительно-ласкательных образований

в романе "Преступление и наказание" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 6. С. 17-21.

13. Есакова М. Н., Леоненкова Е. Д. Русские диминутивы как особые единицы перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 3. С. 75-91. EDN: BAPTBZ.

14. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник. М.: Высш. шк., 1990.

15. Бунин И. А. Темные аллеи. М.: Эксмо, 2025.

16. Бунин И. А. Темные аллеи (в переводе Чэнь Фу). Пекин: Издательство Народная литература, 2020. (布宁. 暗径集. 陈馥译. 人民文学出版社, 2020.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

В представленной статье заявлен анализ особенностей перевода рассказа И. А. Бунина «Мадрид» на китайский язык. Однако в тексте не обозначены ни объект, ни предмет исследования в явном виде. Неясно, рассматривается ли перевод как целостный феномен, как частный случай художественного перевода, либо как материал для анализа отдельных стилистических и языковых приемов. Отсутствие четкой формулировки объекта и предмета затрудняет понимание исследовательской задачи и целей анализа.

Методология исследования

Методологическая база статьи не обозначена до конца. Анализ носит преимущественно описательный и интерпретационный характер. При этом не уточняется, какие именно методы используются (сопоставительный анализ, стилистический анализ, элементы переводоведческого анализа и т. п.), а также по каким критериям отбираются языковые примеры. Это снижает научную строгость работы.

Актуальность

Тема художественного перевода русской классики на китайский язык, безусловно, актуальна, особенно в контексте растущего интереса к русской литературе в Китае и расширения межкультурных контактов. Обращение к прозе И. А. Бунина и анализ конкретного перевода потенциально представляет интерес как для переводоведения, так и для сопоставительной лингвистики и литературоведения.

Научная новизна

Заявленная проблематика и научная новизна в представленном виде реализованы лишь частично. Автор ограничивается анализом фрагментарных переводческих эпизодов (заглавие, отдельные речевые и стилистические особенности), что не позволяет сделать обобщающие выводы о переводческой стратегии Чэнь Фу или о системных трудностях передачи бунинской поэтики на китайский язык. Новизна исследования не обозначена и не подкреплена достаточным объемом материала.

Стиль, структура, содержание

Текст статьи содержит преимущественно общие рассуждения о специфике художественного перевода и о сложности перевода прозы И. А. Бунина. Подобные формулировки по своей жанрово-стилистической природе скорее соответствуют научно-популярному изложению или эссеистике, чем академической статье. Вводные абзацы

перегружены общеизвестными положениями и не всегда снабжены ссылками на источники (в частности, при характеристике бунинской прозы).

Аналитическая часть выглядит фрагментарной: автор рассматривает лишь два примера перевода, при этом заявленные критические замечания (в частности, о нарушении передачи речи персонажей и стилистических нюансов) не всегда получают достаточное подтверждение. Отсутствует четко оформленный раздел с выводами, где результаты анализа были бы обобщены и соотнесены с заявленной проблематикой.

Библиография

Библиография, в целом, адекватна теме статьи и включает как работы по теории художественного перевода, так и исследования, посвященные творчеству И. А. Бунина. Вместе с тем корпус источников используется ограниченно: ряд теоретических положений в тексте либо не сопровождается ссылками, либо опирается на общеизвестные утверждения без научной конкретизации.

Апелляция к оппонентам

Полемический аспект в статье практически не представлен. Автор не вступает в диалог с существующими переводоведческими концепциями и не соотносит свои наблюдения с альтернативными точками зрения.

Выводы, интерес читательской аудитории

В статье отсутствуют четко сформулированные выводы, что является существенным недостатком. В результате читатель не получает систематизированного представления о результатах исследования и их значимости. При этом сама тема и отдельные наблюдения могут быть интересны широкому кругу читателей, включая специалистов по художественному переводу, русской литературе. Однако для академической аудитории статья нуждается в доработке: уточнении объекта и предмета исследования, усилении методологической базы, расширении корпуса примеров и формулировании обоснованных выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает перевод на китайский язык рассказа И. А. Бунина «Мадрид», выполненный китайской переводчицей Чэнь Фу и опубликованный в 2004 году. Актуальность работы обусловлена как повышенным интересом к творчеству Бунина в Китае, так и важностью изучения китаеязычных переводов его прозы, которые «требует от переводчика не только филигранного владения языками, но и глубокого проникновения в поэтику автора, где за кажущейся простотой скрывается многогранный подтекст, а каждое слово несет тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки». Выбор рассказа «Мадрид» (1944) в качестве материала исследования определяется тем, что среди имеющихся 23 переведенных произведений Бунина данный рассказ «наиболее ярко демонстрирует типичные проблемы и сложности, возникающие при передаче бунинского текста на китайский язык».

Теоретической основой работы выступили труды, посвященные теоретическим аспектам

перевода, авторскому стилю и проблемам перевода художественного текста, а также изучению творчества Ивана Бунина. Библиография насчитывает 12 источников, в том числе литературные, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам (провести «детальный анализ конкретных переводческих решений, позволяющий выявить системные проблемы передачи бунинского стиля на другие языки»), применяются общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного анализа; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение и интерпретацию; сравнительно-сопоставительный анализ.

В ходе исследования изучены особенности идиостиля Бунина, вызывающие основные трудности передачи его произведений на другие языки (бунинская ирония, музыкальность речи, диалектизмы, уменьшительно-ласкательные слова и др.); проведен сравнительно-сопоставительный лингвистический анализ перевода рассказа «Мадрид» на китайский язык, позволивший установить, что «перевод Чэнь Фу утрачивает ряд фундаментальных черт бунинской поэтики». Полученные результаты свидетельствуют о том, что «адекватный перевод прозы Бунина требует от переводчика не только высокой языковой компетенции, но и глубокого литературоведческого понимания, а также готовности к поиску сложных, нестандартных компенсаторных решений, позволяющих сохранить многомерность оригинала даже ценой некоторого усложнения текста перевода».

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие китайского переводоведения. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, теории и практике китайского переводоведения и может служить основой для дальнейших исследований межкультурных переводов.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Однако объем материала мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить его, в том числе за счет более подробной характеристики используемой методики, расширенного представления полученных результатов и их сравнения с результатами других исследователей. Рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков.

Обращаем внимание, что в тексте дважды встречается некорректное написание слова «прямой» (см «прямой перевод на русский язык»).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «К вопросу о переводе рассказа И. А. Бунина «Мадрид» на китайский язык (в

переводе Чэнь Фу)» представляет собой интересное оригинальное исследование, посвященное анализу объективных трудностей, возникающих при переводе художественного текста.

Актуальность данной работы не вызывает сомнений и объясняется необходимостью проведения детального анализа конкретных переводческих решений, позволяющий выявить системные проблемы передачи стиля И. А. Бунина на другие языки. Как справедливо отмечает автор статьи «при кажущейся простоте и ясности его прозы за лаконичными фразами скрывается многогранный подтекст, а каждое слово отточено и несет тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки. Именно поэтому перевод бунинских текстов на другие языки, включая китайский, представляет особую сложность». Также важное место в переводоведении занимает вопрос оценки качества перевода.

Научная новизна исследования состоит в комплексном лингвостилистическом анализе китайского перевода рассказа «Мадрид». Автор статьи анализирует утрату иронической функции названия рассказа, уменьшительно-ласкательных слов, замену просторечных слов героини словами нейтральными, а также разрушение музыкальности стиля прозы И.А. Бунина. Данные аспекты нечасто становятся объектом исследования, а особенно исследования комплексного и междисциплинарного.

Объектом исследования является китайский перевода рассказа И.А. Бунина «Мадрид», выполненный Чэнь Фу, а предметом – специфика передачи стиля И.А. Бунина на китайский язык, трудности, возникающие в процессе перевода и возможные пути их преодоления. Автор статьи объясняет обращение к избранному рассказу следующим образом: «рассказ «Мадрид» (1944) представляет наибольший интерес с переводческой точки зрения, так как он наиболее ярко демонстрирует типичные проблемы и сложности, возникающие при передаче бунинского текста на китайский язык».

В работе автор использует сравнительно-сопоставительный метод как ведущий для переводческих исследований, контекстуальный анализ, анализ функционирования языковых единиц, а также герменевтический метод, основанный на анализе скрытых смыслов в тексте произведения.

Структура работы соответствует всем требованиям, предъявляемым к научным статьям. Работа написана хорошим научным языком. Она характеризуется грамотным использованием переводческой терминологии и логичным изложением материала.

В начале основной части автор кратко анализирует особенности стиля И.А. Бунина и связанные в связи с этим сложности для переводчика на китайский язык. Среди языковых особенностей перевода рассказа автор анализирует перевод названия «Ресторан «Мадрид»» вместо «Мадрид», вследствие чего, как он справедливо отмечает, оказывается утраченной иронический замысел автора исходного текста. К недостаточному пониманию переводчицей культурной специфики автор статьи относит и передачу на китайский язык просторечного «хочете», которую переводчица заменила на стилистически нейтральный аналог. Данная глагольная лексема ярко свидетельствует о деревенском происхождении девушки и подчеркивает ее низкую образованность, утрата такого компонента упрощает замысел И.А. Бунина. Автор статьи не только критикует данное решение переводчицы, но и предлагает выход из сложной языковой ситуации (использование аналога из китайских диалектов или региональных говоров, использование подстрочного комментария или краткого пояснения), что говорит о его корректности к оппонентам и подчеркивает глубину анализа.

В ходе дальнейшего лингвистического анализа переводного текста автор статьи выявляет ряд фактических неточностей, в частности неверную лексическую подстановку при передаче понятия «чулки», которое было заменено на лексику «носки». Это позволяет прийти к важному выводу о системном характере анализируемых неточностей,

связанным с недостаточно высоким уровнем русского языка у переводчицы. Автор подчеркивает, что подобные неточности могут быть минимизированы за счет проведения комплексного контекстуального анализа.

Главным выводом проведенного исследования можно считать следующий: «адекватный перевод прозы Бунина требует от переводчика не только высокой языковой компетенции, но и глубокого литературоведческого понимания, а также готовности к поиску сложных, нестандартных компенсаторных решений, позволяющих сохранить многомерность оригинала даже ценой некоторого усложнения текста перевода».

Как видно из приведенного анализа сильной стороной рецензируемой работы является грамотный лингвистический анализ переводов романа. Автор приводит убедительные выводы, сопровождаемые грамотным, обширным и релевантным лингвистическим комментарием.

Библиография работы весьма обширна. Она включает в себя 16 источников, в том числе произведения И.А. Бунина, работы, которые посвящены анализу его произведений, учебники, отражающие основные положения теории перевода.

Практическая ценность данного исследования обусловлена возможностью использования его результатов на практических занятиях по теории перевода, посвященным переводческим трудностям и трудностям перевода литературных произведений, а также проблемам адекватности и эквивалентности перевода.

Рецензируемая статья может быть интересна специалистам в области теории перевода, литературоведения, практикующим переводчикам, а также преподавателям и студентам переводческих, филологических и лингвистических направлений.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аливалиева Д.А. Интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках //

Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77171 EDN: UNOSQI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77171

Интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках

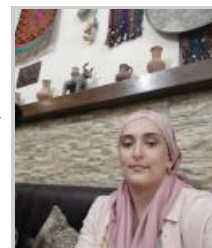
Аливалиева Джамилат Абдулкадировна

ORCID: 0009-0009-4958-2674

преподаватель; кафедра английского языка; Дагестанский государственный университет
аспирант; кафедра теоретической и прикладной лингвистики; Дагестанский государственный университет

367009, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, Кировский район, ул. Каражского, д. 43

✉ djam.schagbanova2014@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77171

EDN:

UNOSQI

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ, репрезентируемого в аварских и русских пословицах. Объектом исследования являются паремиологические единицы, вербализующие нравственный концепт ЯХІ/ЧЕСТЬ в аварском и русском языках. Основная цель настоящего исследования состоит в выявлении универсальных и этноспецифических признаков концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в исследуемых языках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: – проанализировать энциклопедическую зону исследуемого концепта в сопоставляемых языках; – выявить утилитарную зону концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ; – выделить регулятивную зону данного концепта; – определить общеоценочную зону исследуемого концепта. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения интерпретационного поля исследуемого концепта в аварском и русском языках с применением современных научных методов. Для решения вышеперечисленных задач использовались следующие методы исследования: метод сплошной выборки, дефиниционный метод, сопоставительный

метод; анализ литературы по рассматриваемой проблеме. Научная новизна статьи определяется тем, что подобного сравнительного исследования концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках на материале паремий ранее не проводилось. Универсальными признаками в исследуемых лингвокультурах являются когнитивные признаки: «соблюдение честь смолоду», «уважение старших», «вред от чрезмерной честности», «отказ от проявления чести себе во вред». Этноспецифические признаки в аварской лингвокультуре: понятия «честь» и «героизм», «честь» и «душа» взаимосвязаны; в русской лингвокультуре – честность и признательность – равноценны, а честь и слава – различаются. В русской лингвокультуре незваные гости не являются почётными, состоятельность не приравнивается почёту. В аварской лингвокультуре нельзя продавать честь за мирские блага и продукты питания, а в русской – пропитание ценнее чести. В аварской наивной картине лучше потерять голову, чем честь.

Ключевые слова:

нравственный концепт, честь, паремия, интерпретационное поле, энциклопедическая зона, регулятивная зона, общеоценочная зона, утилитарная зона, лингвокультура, паремиологическая картина мира

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения интерпретационного поля концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках. Исследованием нравственного концепта ЧЕСТЬ занимались различные исследователи: Е. М. Спивакова изучала концепт ЧЕСТЬ на материале русских, английских и китайских паремий^[9]; А.Р. Дадаева проводила анализ лингвокультурных особенностей концепта ЧЕСТЬ/СОВЕСТЬ на материале русского, немецкого и чеченского языков^[3], а также анализ концептов ЛИЦО / СОВЕСТЬ /ЧЕСТЬ в метаязыковой системе русского, немецкого и чеченского языков^[4]; С. А. Гучепшкова исследовала архитипический концепт ЛИЦО/ЧЕСТЬ/СОВЕСТЬ и лингвокультурные особенности на материале русского адыгского, английского и французского языков^[2]; С. В. Терина изучала древнерусский концепт ЧЕСТЬ и его языковую репрезентацию в летописи «Повесть временных лет»^[11]; М. Шафаги, Ю.А. Зотова анализировали концепт ЧЕСТЬ в этикетных речевых актах на материале русского и персидского языков^[13]; Е.А. Юрина, Ж.Г. Темирова исследовали концепт ЧЕСТЬ в русской языковой и контаминированной (казахско-русской) художественной картинах мира^[14]; Б.В. Кунавин, И.К. Тедеева анализировали концепты ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ в русской языковой картине мира^[5]; М.М. Хайбулаева исследовала особенности реализации концепта НАМУС (ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО) во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой картины мира^[12]; Н. Ю. Субиркина изучала концепт ЧЕСТЬ во французской средневековой картине мира^[10]; Ян Ю. и Митрофанова И.И. исследовали концепт ЧЕСТЬ в русской и китайской лингвокультурах^[15]; И. В. Мусханова исследовала лингвопедагогический аспект концепта СИЙ (честь) в парадигме духовно-нравственного воспитания личности^[6]. Научная новизна нашего исследования определяется тем, что подобного сравнительного исследования нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварской и русской паремике ранее не проводилось.

Концепт ЧЕСТЬ играет важную роль в русской языковой картине мира, так как передает содержательные денотаты национальной культуры, проявленные в формах русского

языка. Традиционно честь описывала душевное качество человека, а социальная оценка выражалась термином «слава». За счет репликации данных лексем достигалось выражение нужного термина. Так появилась формула «честь» и «слава», в которой первое слово обозначало душевное качество личности (личное переживание), а второе служило выражению его оценки со стороны социума [\[5, с.184-186\]](#).

Интерпретационное поле концепта содержит признаки, которые обосновывают ключевое информационное содержание концепта, являются его следствием, либо дают ему оценку. Интерпретационное поле многокомпонентно, в нем довольно наглядно выделяются несколько зон – представителей интерпретационного поля, характеризующихся конкретным внутренним глубинным сходством, группирующим сходные по составу признаки [\[7, с.78\]](#).

Энциклопедическая зона

Энциклопедическая зона обобщает когнитивные признаки, обозначающие признаки концепта, необходимые для изучения их на базе практики, ознакомления, взаимоотношения со смыслом концепта [\[7, с.78\]](#).

В аварском языке для бесчестного человека, ушедшего из жизни, мир необъятен: авар. *ИяхI гьечлого хварасе – дуниял гIатIидаб жо* [\[11\]](#) (Мир просторен для человека, покинувшего этот мир без совести/честь), а в русском языке утрата чести и достоинства для человека мучительнее и томительнее, чем сама смерть: *Бесчестье хуже (тяжелее) смерти* [\[8\]](#).

В паремиологической картине аварского языка честь и душа равносильны: авар. *ЯхIги рухIги – бащадаб жо* [\[11\]](#) (Совесть/честь и душа – равные вещи). Иногда необходимо преодолевать трудности, испытания и даже издевательства, чтобы в итоге получить то, что действительно важно: русс. *Хоть с нуждой, а добился чести (т. е. натерпелся)* [\[8\]](#).

Почёт соответствует репутации или званию: русс. *Каков сан, таков и почет. По сану и почет* [\[8\]](#). Понятия «почёт» и «уважение» могут претерпеть изменения, и то, что сегодня считается почётным, завтра может утратить свою актуальность: русс. *Сегодня в чести, а завтра – свиней пасти* [\[8\]](#). В старославянском культурном наследии угощение гостя выпивкой воспринималось как традиция, а воздержание от спиртного рассматривалось как неуважение к человеку, предлагающему выпить: русс. *Честь пива лучше (о приглашении)*, т. е. честь в данной паремии связывается с приглашением в гости. Почёт и уважение к покупателю важнее финансов и выручки: русс. *Почтенный покупатель дороже денег* [\[8\]](#); почёт – это нечто большее, чем материальные блага: русс. *Этот почет не денежкам в зачет* [\[8\]](#). В следующей паремии демонстрируется, что почёт оказывается простому гонцу, в то время как носителю высокого звания отводится роль носителя чести: русс. *По посылщику и посланцу (и гонцу) почет* [\[8\]](#), т. е. в данной пословице иронически подчёркивается, насколько весомым в глазах окружающих оказывается человек – носитель высокой должности. В вышеупомянутых паремиях понятие «честь» используется в значении уважение, почёт.

В паремии: русс. *Попову собаку не батькой звать* [\[8\]](#) подчёркивается необходимость уважения случайных людей. Предпочтение не уважать людей, в том числе духовенство, не по заслугам продемонстрировано в следующей паремии: русс. *Стара попова собака, да не батькой звать* [\[8\]](#). Паремия: русс. *Посади мужика у порога, а он под образа лезет*

[6] указывает на незваного, непрошеного или бестактного гостя. Святой угол в крестьянской избе считался самым престижным местом, он имел духовное значение, под образа сажали почитаемых гостей, а всё, что находилось ближе к порогу, было связано с удалением от богобоязненности и истинности. Несмотря на скромное финансовое положение, человек обладает заслуженным уважением и имеет безупречную репутацию: русс. *Не богат, да славен: тот же барин* [6]. В следующей паремии описываются военнослужащие или те, кто своим поведением демонстрируют полное уважение к чину, званию или возрасту кого-либо: русс. *Вытянулся в струнку, и руки по швам*. Понятие «честь» в следующей паремии связано с такими дефинициями, как почести, репутация, слава, благородство: русс. *Кому первая чарка, тому и первая палка» (солдатское)* [6]. Вышеуказанные пословицы репрезентируют понятие «честь» без участия номинирующей лексики.

В аварском языковом сознании понятия «героизм» и «честь» тесно связаны: если потерять одно из них, то автоматически потеряется и другое: авар. *БахIарчилъи ги намус ги – кIияб го цадахъ букIунеб, цоябни ги билани, хадуб цояб ги унеб* [1] (Геройство и совесть/честь всегда вместе, потеряешь одно – потеряется и другое), а в следующей паремии понятие «честь» связано с понятием «признательность»: русс. *Честь добра: во всю спину равна* [8]. В аварском языке героизм и честь взаимосвязаны, а в русском – честь и слава могут различаться, рассматриваться как обособленные понятия: русс. *Честь честью, да славы нет* [8], русс. *Честь честью, а слава не хороша* [8].

В аварской лингвокультурной общности чувство обязательства, чести и совести являются ключевыми морально-этическими категориями: авар. *НигIматазул бетIер – чед, чилъиялъул бетIер – намус* [1] (Голова благ – хлеб, голова человечности – честь/совесть), честь воздаётся человеку по заслугам: русс. *Дай Бог тому честь, кто умеет ее снести* [8], более того честный человек всегда соблюдает моральный кодекс и верит другим людям: русс. *Честь чести и на слово верит* [8].

В паремиологической картине русского языка для дурака недостаточны честь, почтение и почёт: русс. *На дурака чести (т. е. почет)*. В следующей паремии человек не удостоен ни чести и славы: русс. *Учестили Савву ни в честь, ни в славу* [8].

Утилитарная зона

Утилитарная зона обобщает когнитивные признаки, определяющие практическое, рациональное отношение людей к денотату концепта, сведения, связанные с реальностью и уникальностью его употребления для каких-либо прикладных задач [7, с.78].

В паремиологической картине русского языка радушному гостю и владельцу дома предоставит кров, встретит с улыбкой: русс. *Честь да место, а за пивом пошлем*; грамотное овладение мастерством, помимо прибыли, приносит умельцу уважение и славу в обществе: русс. *Доке честь, доке слава, дока денежку берет* [8].

Ум приобретается благодаря чести, а бесчестье, наоборот, избавляет от него: русс. *Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает*; храбрость, искренность, великодушие и честь способствуют развитию ума, а невзгоды, отсутствие необходимых условий для развития лишают ума: русс. *Честь ум рождает, а безвременье последнего лишает* [8]; наличие денег может помочь завоевать честь и почет: русс. *Были бы деньги,*

а честь (т. е. почет) найдем [8]. Честь воздаётся людям, умудрённым жизненным опытом, убеленным сединой: русс. *Старый полковник старше молодого генерала* [8].

Регулятивная зона

Регулятивная зона охватывает когнитивные признаки, ссылающиеся на то, что надо, а что не надо делать в области, включающей в себя концепт [7, с.78].

Надо

В аварской и русской лингвокультурах необходимо оберегать честь и достоинства с раннего возраста: авар. *РетІел цІидальго цІуне, намус гьитІинго цІуне!* [11] (Одежду снова береги, честь смолodu береги!), рус. *Береги честь смолodu, а здоровье под старость* [8]. Кроме того, уберечь честь трудно, а восстановить доброе имя нереально: авар. *Намус гьечІеб черхалдасаги цІунаги, чи божулареб гІумруялдасаги цІунаги* [11] (букв. Берегитесь бесчестного тела, и жизни, в которой тебе не верят).

Такая фундаментальная нравственная ценность, как честь позволяет мужчине сделать верный выбор и совершить правильный поступок, это уникальный образец аварского мужчины: авар. *Намусальул лагълъунги, напсальул ханлъунги вукІине ккола бихьинчи* [11] (Слугой совести/чести, правителем эго должен быть мужчина). В другой паремии описываются этические нормы аварца: *Нич бахъарасдаса бер бахъарав лъикІав* [11] (Чем без стыда/совести [человек] – лучше без глаза) [8], в паремии демонстрируется, что лучше иметь физический недостаток, чем лишиться стыда и совести.

Проявляя гостеприимство, важно не утратить чувство меры и почитать образ жизни людей, проявляющих гостеприимство: русс. *Знай, солдат, честь: погрелся, да и вон* [6]; прежде чем обсуждать честь и восхищаться чем-то, нужно подумать о потребностях людей: русс. *Что и честь, коли нечего есть; уважения и почёта можно добиться естественным путём, а прежде всего необходимо проявить гостеприимство: русс. Было бы чем честить (потчевать), а честь добудем* [8]; если человека уважают, ценят, почитают, то этому человеку необходимо проявить благородство, чтобы оправдать ожидания людей: русс. *Больше почет, больше хлопот* [8], русс. *Велик почет не живет без хлопот* [8].

Нужно уважать и почитать не только хозяина, но и его собаку: русс. *По хозяину и собаке честь* [6]; человек должен выполнить своё обещание так же, как опора должна держать конструкцию: русс. *Честь в слове стойка* [8], русс. *Честь тверда, в слове стойка*. В данной паремии честь представляет собой морально-этическую категорию, ассоциирующуюся с честностью.

Не надо

В следующих паремиях демонстрируется отрицательная оценка к проявлению чести в ущерб себе. В аварской наивной картине описывается трудная жизнь честного человека, не получающего удовольствий от земных наслаждений: авар. *ЯхІ бугесе дуниял ги хоб* [11] (Совестливому/честному и мир могила), а в русской наивной картине не легко оставаться благородным человеком, испытывая голод и материальные трудности: русс. *И честь не в честь, коли нечего есть* [6], *Худая честь (или: что за честь)* [8], *Коли нечего*

ест, Нелюба и честь (Пропaday честь), как нечего есть [8].

Данные пословицы учат ценить себя и других людей, искать выход из сложных жизненных ситуаций: авар. *ЯхI бичун, чед босуге, чильи бичун, багъа босуге* [1] (Продав совесть/честь, хлеб не покупай, человечность продав, достоинство не поднимай), *БоцIухъ гIумру бичуге, чадиxъ намус бичуге* [1] (За блага мирские жизнь не отдавай, за хлеба кусок совесть/честь не продавай).

В аварском лингвокультурном обществе потеря нравственных ценностей может привести к утрате авторитета и славы: авар. *Намус бичани, мун чи вукIунарев, чильи хвани, дур багъа букIунареб* [1] (Если честь/совесть продашь, ты человеком не будешь, если человечность потеряешь, тебя ценить не будут), *Намус билизегIан, бетIер ками лъик!* [1] (Лучше голову потерять, чем честь)», *Намусалда хъубаб тIанкI лъезе тоге, нахъебацIцIине захIмалъула* [1] (Не допускайте чёрных пятен на чести, стереть будет тяжело). Пьянство приводит к бесчестию и утрате достоинства: русс. *Со хмелиной спознаться – с честью расстаться* [8]; не следует насмехаться над уродством и телесными повреждениями: русс. *Увечье не бесчестье*, русс. *За увечье берут бесчестье* [8]. В следующей паремии описываются люди, занимающиеся скупкой различных товаров, скупавшие в деревнях продукты питания и обманывавшие при этом людей: русс. *Маяк приехал, так пришла честь и на свиную шерсть* [8].

Общеоценочная зона

Общеоценочная зона сочетает в себе когнитивные признаки, характеризующие общую оценку (положительный/ отрицательный) [7, с.78].

Хорошая оценка

В следующей паремии демонстрируется ироническое сопоставление чести и славы с чем-то реальным и обычным: рус. *Хороша и честь и слава, а лучше того каравай сала*. В исследуемых лингвокультурах дети уважают старших: в русской пословице подчёркивается, что зрелый, здравомыслящий человек уважает пожилых людей: русс. *Не у детей и сидни (и седин) в честь (сидень, кто смирно и чинно сидит, кто без ног: сидень – старец)* [8], в аварской лингвокультуре проявляется уважение к родителям: авар. *Эбел инссул хIурмат гъабулев кидаго гIадада холаро* [1] «Кто уважает родителей (мать-отца) никогда не пропадет». В последней паремии концепт ЯХI репрезентирован через лексему *хIурмат* (уважение). В следующей аварской паремии говорится о проявлении мужского героизма, выдержки, силы воли и духа, твёрдости, честности: авар. *Бихъинчиясул яхI гурони, жужахIалъул цIеца бухIулареб жо гъечIебила* [1] (Единственное, что не горит в адском пламени – это совесть (честь) мужчины). Человек не отречется от чести, даже если он сможет лишиться головы: русс. *Честь дворянин не кинет, хоть головушка погинет (сгинет)* [8].

Плохая оценка

Честность – это добродетель, включающая такие качества, как искренность, бескомпромиссность, преданность долгу, личностную непоколебимость, истинность деятельности, верность по отношению к себе и людям.

Честность является достоинством, но иногда чрезмерное её проявление может вызвать трудности у людей: авар. *ИяхI баччулаго, хIулун тагIарав, хварал рукъулаго, вакъуца*

хварав ^[1] (Совість цєнящєго разорили бєссєвєстнє, тєт, ктє помогал другим [букв. зє свой счєт хорєнил ближнєго] сам с голоду умєр); почєт нє вєгдє приносит пользу чєловєку: русс. *Почєтно, дє уши мєрзнут (зимєю бєз шєпки стєя)* ^[8], русс. *Этєт почєт лєудям нє впрочєт (нє видєн, нє замєтєн)* ^[8].

В парємиєлогическєй картинє аварскєго языкє у подлєцє горит грудь: авар. *Бєжун ях/кварасул кєрєн бухлаги* ^[1] (У тєго, ктє съєл совєсть/чєсть, пусьт горит грудь), в русскєй лингвокультуре бєсчєстьє мєжєт привєсти к смєрти чєловєкє: русс. *Зє чєсть (зє стьд) головє гинєт (погибєєт)!* Прєдєжє нравствєнных цєнностей мєжєт рассмєтривється в аварскєй лингвокультуре кєк ущємлєниє моральных норм и канєнов, тєк кєк нравствєнные цєнности нє подлєжєт прєдєжє: авар. *Чиядє цєбє хьєт ккурєс чєрх бичулє, чияє нєку чІварєс нємус бичулє* ^[1] (Тєт, ктє просит у чужих, – тєло прєдєжєт, тєт, ктє нє колєни встал прєд чужими, – чєсть/совєсть прєдєжєт).

В слєдующєй русскєй парємии дємонстрируєтсє нєгативнєє отношєниє к нєзванєму гєстєу, кєторєму нє прєявлят уважєниє: русс. *Нєзван гєсть, нєпасєнє и чєсть* ^[8]; а вєобщє почєт прєявлялсє нє кє вєсм гєстєям: русс. *Нє вєський гєсть к прєднєму крыльцу (в прєдний угєл)* ^[8].

В русскєй лингвокультуре чєловєк нє мєжєт дєрожит чєстьєу, кєторєє бьлє дарованє єму нє короткий пєриєд: русс. *Обьдєннє чєсть (т. є. нє один дєнь), дє и тє нє умєл снєсть* ^[8]; чєловєк нє смєг убєрєчь чєсть, блєгородствє и рєпутєцию к сєбє: русс. *Припєлє бьлє чєсть, дє нє умєл єє снєсть!* ^[8] Оскєрблєниє, нє соотвєтствующєє чєсти и долгу, описывєтсє в слєдующєй парємии: *С пєзволєния скєзєть! Нє пє чєсти словє* ^[8]; чєсть и почєт мєгут принєсти мнєгє нєприятнєстєй: *Чтє бєльшє чєсти (т. є. почєту), тє бєльшє нєпєсти* ^[8].

Зєкєчєниє

В обєих иєсслєдуємых лингвокультурах нєобхєдимо блєйти чєсть смєлоду, нє слєдует прєявлять чєсть во вєрд сєбє, нужнє уважєть старших, чєрєзмєрнєє чєстнєсть приносит вєрд. В русскєй лингвокультуре гєстєпримєствє прєявлялєсь пє-разнєму: нєзванєє гєсти нє бьлєи почєтными, уважєниє нужнє бьлє прєявлять нє тєлькє хєзяину, нє и єго собєкє, блєстєщєє финєнсовєє полєжєниє нє гєрєнтирует почєт, в понимєнии диядє почєт/ уважєниє вєгдє прєисхєдят иємєнєния, вьсокопєставлєннєму чєловєку оказывєтсє почтєниє. В аварскєй лингвокультуре нєлєзь прєдєвєть чєсть зє мирские блєга и прєодукты питєния, а в русскєй – прєпитєниє цєннєє чєсти. В аварскєй нєивнєй картинє лєчшє пєтєрять голєву, чєм чєсть; понєтия «чєсть» и «гєроизм», «чєсть» и «душє» вєзємєсвєязєны, а в русскєй – чєстнєсть и признєтєльнєсть – рєвноцєнны, а чєсть и слєвє – рєзличєются.

Библєиєграфия

1. Алиханов З. А., Алиханов С. Аварские пословицы и поговорки. М.: Издєниє 2-є, иєсправлєннєє, дєполнєннєє, 2013. 566 с.
2. Гучєпшєковє С. А. Архитипический концєпт ЛИЦЄ/ЧЄСТЬ/СЄВЄСТЬ и лингвокультурнєє особєннєстєи (нє мєриєлє русскєго, адыгскєго, англєйскєго и фрєнцузскєго языкєв): авторєф. дис. ... канд. филол. н. Майкєп, 2011. 30 с. EDN: ZODWUZ.
3. Дєдєєвє А. Р. Анализ лингвокультурных особєннєстєй концєпта ЧЄСТЬ / СЄВЄСТЬ нє мєриєлє русскєго, нємєцкєго и чєчєнскєго языкєв // Прєподавєтєль XXI вєк. 2021. №

1. Часть 2. С. 334-343. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-334-343. EDN: UPFBMZ.
4. Дадаева А. Р. Анализ концептов ЛИЦО / СОВЕСТЬ / ЧЕСТЬ в метаязыковой системе русского, немецкого и чеченского языков // Казанская наука. 2022. С. 76-79.
5. Кунавин Б. В., Тедеева И. К. Концепты ЧЕСТЬ и СОВЕСТЬ в русской языковой картине мира // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 183-189. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/03/Tedeeva.pdf>. DOI: 10.5281/zenodo.4686849. EDN: XPIBUE.
6. Муханова И. В. Лингвопедагогический аспект концепта ЧЕСТЬ в парадигме духовно-нравственного воспитания личности // KANT. 2024. № 2(51). С. 372-377. EDN: VNLKRP. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.62.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: ИСТОКИ, 2007. 250 с. EDN: QUJZYF.
8. Пословицы русского народа: Сборник В. И. Даля. М.: Гослитиздат, 1989. 991 с.
9. Спивакова Е. М., Спивакова М. М. Национальная специфика русского концепта ЧЕСТЬ // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4-2 (111). С. 415-419. EDN: TZZXYX.
10. Субиркина Н. Ю. Эволюция концепта ЧЕСТЬ во французской средневековой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 2010. 27 с. EDN: QGRVXL.
11. Терина С. В. Древнерусский концепт ЧЕСТЬ и его языковая репрезентация в летописи "Повесть временных лет": автореф. дис. ... канд. филол. н. Тамбов, 2007. 26 с. EDN: NJMAAF.
12. Хайбулаева М. М. Особенности реализации концепта НАМУС (ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО) во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой картины мира // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 17(1). С. 128-133. URL: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-128-133>. EDN: KFQEKR.
13. Шафаги М., Зотова Ю. А. Концепт "честь" в этикетных речевых актах русского и персидского языков // Русский язык за рубежом. 2022. № 1. С. 40-49. DOI: 10.37632/PI.2022.290.1.005. EDN: ALCTRG.
14. Юрина Е. А., Темирова Ж. Г. Концепт ЧЕСТЬ и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва на материале рассказа Р. Сейсенбаева "Честь" // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 61. С. 149-176.
15. Ян Ю., Митрофанова И.И. Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2023. № 2. С. 125-137. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39529 EDN: DBSHEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39529

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ / ЧЕСТЬ в аварском и русском языках. Актуальность работы не вызывает сомнения: когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления. Изучение интерпретационного поля концепта представляется важным в силу того, что оно «содержит признаки, которые обосновывают ключевое информационное содержание концепта, являются его следствием, либо дают ему оценку».

Теоретической основой научной работы явились труды, посвященные проблемам семантико-когнитивного анализа языка, национальной специфике концепта «честь» в русской и аварской языковых картинах мира и другим аспектам данного концепта в языках. Библиография насчитывает 14 источников, в том числе лексикографические (Аварские пословицы и поговорки З. А. Алиханова и С. Алиханова и сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа»), соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах рукописи: в тексте отсутствуют ссылки на источники 13 и 14, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются в тексте статьи». Также обращаем внимание, что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, сравнительно-сопоставительный и контекстуально-интерпретационный методы; семантический и культурологический анализы; методы концептуального и когнитивного анализов.

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен подробный анализ энциклопедической («обобщает когнитивные признаки, обозначающие признаки концепта, необходимые для изучения их на базе практики, ознакомления, взаимоотношения со смыслом концепта»), утилитарной («обобщает когнитивные признаки, определяющие практическое, рациональное отношение людей к денотату концепта, сведения, связанные с реальностью и уникальностью его употребления для каких-либо прикладных задач»), регулятивной («охватывает когнитивные признаки, ссылающиеся на то, что надо, а что не надо делать в области, включающей в себя концепт») и общеоценочной зон интерпретационного поля концепта «ЯХІ / ЧЕСТЬ» на материале паремий русского и аварского языков. В заключительной части статьи обобщаются полученные результаты.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика и прагматика, в сравнительно-сопоставительное изучение национальных концептосфер и нравственного концепта «ЯХІ / ЧЕСТЬ» в аварском и русском языках. Полученные результаты создают основу для дальнейших сопоставительных исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения тяготеет к научному типу. Обращаем внимание, что в рукописи встречаются языковые недочеты (см «В аварском лингвокультурной общности чувство обязательства, чести и совести...», «общеоценочная зона сочетает в себе когнитивные признаки, характеризующие общенную оценку», Попова З. Д., Стерни И. А. Семантико-когнитивный анализ языка).

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

НА НАУЧНУЮ СТАТЬЮ «ИНТЕРНАЦИОННОЕ ПОЛЕ НРАВСТВЕННОГО КОНЦЕПТА ЧЕСТЬ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ»

Работа посвящена анализу интернационального поля нравственного концепта ЯХІ в двух языках.

Цель исследования - сравнить интернациональное поле нравственного концепта ЯХІ в аварском и русском языках.

Предметом исследования является нравственный концепт ЯХІ.

Методология исследования. В научной работе автор применяет комплексный подход, проводит сравнительно-сопоставительный анализ (выявляет универсальное и специфическое), проводит социокультурный и контекстуальный анализ.

Материалом исследования послужили научные статьи (на аварском и русском языках), словари, репрезентативный материал.

Актуальность исследуемой темы объясняется тем, что рассматриваемый концепт в двух языках сегодня является актуальным в рамках межкультурного диалога.

Научная новизна исследования состоит в том, что в научной работе проводится комплексный анализ концепта ЯХ/ЧЕСТЬ в аварском и русском языках. Результаты анализа вносят вклад в лексикографическую базу.

В результате анализа концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках автор научного исследования выявляет, что в аварской лингвокультуре нельзя продавать честь за мирские блага и продукты питания, а в русской – пропитание ценнее чести. В аварской наивной картине лучше потерять голову, чем чест, а в русской – честность и признательность – равноценны, а честь и слава – различаются.

Стиль, структура, содержание. Научная статья написана в научном стиле и состоит из Введения, Основных результатов, Обсуждения и Заключения, которые посвящены концепту ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках.

Заключение подводит итоги проведённого исследования, в том числе, формулируя рекомендации для перспективы дальнейших исследований.

Библиография научной статьи включает различные источники, как например, научные публикации, по теме:

1. Алиханов З. А., Алиханов С. А. Аварские пословицы и поговорки. М.: Издание 2-е, исправленное, дополненное, 2013. 566 с.
2. Хайбулаева М. М. Особенности реализации концепта НАМУС (ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО) во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой картины мира // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 17(1). С. 128-133. URL: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-128-133>. EDN: KFQEKR

Замечания к статье:

1. В разделе Введение не прописана актуальность и новизна исследования, не соответствует требованиям оформления.
2. Список источников рекомендуется расширить, добавить публикации за последние 3 года.

В соответствии с вышеизложенным целесообразно отклонить представленный материал с правом повторного представления в журнал «Филология: научные исследования» только при условии учёта автором замечаний рецензента.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Интерпретационное поле нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках» является оригинальным интересным исследованием, выполненным в русле лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений. Объектом исследования является лингвокультурологический концепт ЯХІ/ ЧЕСТЬ в аварском и русском языках. Предметом исследования являются паремиологические средства объективации данного концепта в двух языках.

Актуальность работы определяется обращением к анализу столь сложного базового для двух лингвокультур концепту. Сравнение двух лингвокультур – славянской и кавказской дает возможность выявить универсальные общечеловеческие черты в понимании чести. Актуально также обращение к семантико-когнитивному анализу, позволяющему значительно расширить объект исследования, позволяющий включить в исследовательский корпус большее число паремий.

Научная новизна рецензируемого исследования определяется двумя факторами. Во-первых, выбором именно паремий в качестве объекта для сравнительного анализа, а также тем, что подобного сравнительного исследования нравственного концепта ЯХІ/ ЧЕСТЬ в русском и аварском языке ранее не проводилось.

Методология исследования обусловлена выбором антропоцентрического направления в лингвистике. Главным методом исследования является концептуальный анализ, который автор дополняет традиционными методами лингвистического анализа – дефиниционным анализом и контекстуальным анализом.

В ходе исследования автор решает задачу моделирования структуры концепта, выделяя в его интерпретационном поле несколько компонентов. Энциклопедическая зона обобщает когнитивные признаки, необходимые для изучения их на базе практики, ознакомления, взаимоотношения со смыслом концепта. Утилитарная зона обобщает когнитивные признаки, определяющие практическое, рациональное отношение людей к денотату концепта, сведения, связанные с реальностью и уникальностью его употребления для каких-либо прикладных задач. Регулятивная зона охватывает когнитивные признаки, ссылающиеся на то, что надо, а что не надо делать и, наконец, общеоценочная зона сочетает в себе когнитивные признаки, характеризующие общую оценку.

К несомненным достоинствам работы относится большое количество грамотно подобранного иллюстративного материала, снабженного подробным анализом.

Структура работы соответствует требованиям к научным статьям. Работа состоит из введения, основной части и заключения. Работа написана грамотно, с соблюдением норм научного стиля, цитаты оформлены корректно.

Библиография обширна и включает 15 источников. Автор тщательно изучил работы предшественников, исследовавших нравственный концепт ЧЕСТЬ на материале различных языков. Это исследования С. А. Гучепшковой, А. Р. Дадаевой, Е. М. Спиваковой и М. М. Спиваковой, И. В. Мусхановой, Б. В. Кунавина, И. К. Тедеева и

других. Источником фактического материала послужили авторитетные лексикографические источники (Пословицы русского народа: Сборник В. И. Даля., Алиханов З. А., Алиханов С. Аварские пословицы и поговорки). Однако автор упоминает лишь один теоретический источник по семантико-когнитивному анализу – монографию З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Вклад данных лингвистов в развитие концептуального анализа весьма значителен, однако включение в исследовательский корпус работ таких известных специалистов в области концептуального анализа как Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, М.В. Пименова, В.И. Карасик придало бы работе большую теоретическую значимость.

Данная статья может быть интересна широкому кругу ученых и исследователей в области лингвокультурологии, сопоставительной лингвистики, когнитивной лингвистики, специалистам в сфере межнациональных отношений, а также всем, кто интересуется русским фольклором и культурой народов Кавказа.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Нестеренко С.А., Южанинова Е.В. Сопоставительное исследование структурно-семантических особенностей молодёжного сленга в немецком и английском языках // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.73127 EDN: UOAXSK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73127

Сопоставительное исследование структурно-семантических особенностей молодёжного сленга в немецком и английском языках

Нестеренко Софья Александровна

преподаватель; кафедра иностранных языков и русской филологии; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ sofya.nesterenko.00@inbox.ru

Южанинова Елена Владимировна

ORCID: 0000-0001-7623-0214

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра иностранных языков и русской филологии; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ elena-yuzh@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.73127

EDN:

UOAXSK

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2025

Аннотация: Целью настоящей работы является проведение сопоставительного исследования структурно-семантических особенностей сленговых единиц в немецком и английском языках. Сленг, который молодые люди используют в речи, отражает изменения, происходящие в окружающем мире. Молодёжный сленг содержит

уникальный запас слов со специфическими свойствами, множество словосочетаний. Представляется интересным рассмотреть общие черты и различия способов пополнения и значения сленговых единиц в разных языках – немецком и английском. Предметом исследования выступают структурно-семантические особенности сленговых единиц в немецком и английском языках. Материалом исследования послужили 100 немецких сленговых единиц, взятых из текстов немецкоязычных средств массовой информации – Deutsche Welle, Der Spiegel, Stuttgarter Nachrichten и 100 английских сленговых единиц из текстов англоязычных СМИ – The Guardian, Daily Mail, Times Live. В работе применяются метод сплошной выборки, сопоставительный лингвистический анализ сленговых единиц, количественные методы обработки данных. Научная новизна исследования состоит в многоаспектном описании немецко- и англоязычных единиц молодежного сленга, выделенных из современных источников за период с 2018 по 2023 год, и в их комплексном сопоставлении. Результаты проведенного исследования показывают, что молодежный сленг, в целом, отражает общие тенденции развития языка. Действительно, словообразовательные модели являются самым продуктивным способом пополнения сленга в обоих языках. Вместе с тем, для образования немецких сленговых единиц наиболее продуктивным способом является сочетание различных словообразовательных моделей и заимствований, прежде всего из английского языка. Данные семантического анализа показывают незначительные различия в сопоставляемых языках, что позволяет сделать вывод о том, что немецкоязычную и англоязычную молодежь интересуют одинаковые сферы жизни. Настоящее сопоставительное исследование даёт возможность достаточно подробно изучить молодежный сленг, его тенденции формирования и употребления в немецком и английском языках.

Ключевые слова:

сленг, молодежный сленг, словообразовательная модель, семантика, структура, сопоставительный анализ, способы пополнения сленга, немецкий язык, английский язык, СМИ

Настоящая статья посвящена проблеме изучения молодежного сленга в немецком и английском языках. Предметом исследования выступают структурно-семантические особенности немецко- и англоязычных сленговых единиц. Материалом исследования послужила выборка, включающая 100 немецких сленговых единиц, взятых из текстов немецкоязычных средств массовой информации – Deutsche Welle, Der Spiegel, Stuttgarter Nachrichten и 100 английских сленговых единиц из текстов англоязычных СМИ – The Guardian, Daily Mail, Times Live.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что структурно-семантические особенности молодежных сленговых единиц изучаются в сопоставительном аспекте на примере немецко- и англоязычного дискурса СМИ на материале текстов, опубликованных за последние пять лет. Полученные результаты вносят определенный вклад в изучение особенностей языка отдельных социальных групп.

Сленг является неотъемлемой частью языка и важным направлением изучения лексикологии, так как он отражает языковые и культурные особенности общества. Кроме того, сленг – это одна из самых открытых и подвижных систем, существующих сегодня в лингвистике [\[1\]](#). Сегодня сленг используется не просто в качестве средства

неформального общения, он также встречается в средствах массовой информации [2]. Сленг рассматривается как особый пласт лексики, находящийся за пределами литературного языка и представляющий собой набор метафор, фразеологизмов, реже слов в прямом значении [3].

Следует отметить возрастающий интерес лингвистов к процессам языковых трансформаций, происходящих при взаимодействии языков, что обуславливает актуальность проведения сопоставительного исследования структурно-семантических особенностей молодёжного сленга на примере немецкого и английского языков.

Проблемой изучения сленга занимались многие лингвисты, например, Л. М. Цекова, Е. В. Шелестюк, Д. Б. Ханова, С. Х. Жураева, Ю. В. Лаптева, К. В. Кулакова, Э. Партридж [4], однако на сегодняшний день в языкознании нет единства в трактовке термина «сленг». Исследователи сленга предлагают различные определения для этого явления. Вслед за Е. В. Шелестюк, мы понимаем «сленг» как лексическую единицу, слово или фразу, которая употребляется молодыми людьми или отдельными группами, зависит от моды, сохраняет сниженные коннотации и часто имеет метафорическую образность [5].

По мнению Д. Б. Хановой, сленг – это открытая подсистема лексических и фразеологических средств, часто обладающих экспрессивным характером и использующихся в речи представителей разных социальных групп [6].

Отдельные авторы признают сленг важным элементом любого языка и культуры, и призывают обратить на него особое внимание, так как он содержит в себе большое количество идиоматических выражений, неформальных речевых оборотов, что приобретает особую важность при изучении иностранного языка [7]. Кроме того, использование сленга в речи позволяет сделать ее более яркой, лаконичной; с помощью сленга можно передать мысль более полно и свободно, что позволяет быть кратким, но при этом оригинальным [8].

Л. В. Милёшина полагает, что сленг чаще всего используется в речи молодых людей, так как именно они являются наиболее социально-активным слоем населения. Возрастные рамки, использования молодёжного сленга от 12 и до 23–30 лет [9]. Л. М. Цекова понимает молодёжный сленг как способ общения и самовыражения молодых людей, который обладает повышенной эмоциональностью [2]. Существует мнение о том, что молодёжный сленг является более живым и личным по сравнению со стандартным языком в общении [10].

Лингвисты выделяют ряд особенностей молодёжного сленга: образность речи, эмоциональность и выразительность речи [11].

Сленгу присущи определенные функции, однако не существует единого мнения по поводу их количества. Одни ученые выделяют коммуникативную, когнитивную и номинативную функции. Другие к этим функциям добавляют мировоззренческую, эзотерическую, идентификационную, экспрессивную и функцию экономии времени [12].

Рассмотренные выше теоретические положения позволяют перейти к сопоставительному исследованию структурно-семантических особенностей молодёжного сленга в немецком и английском языках, для которого предварительно были отдельно рассмотрены указанные особенности немецкоязычных [13] и англоязычных сленговых единиц [14].

Лингвистическому анализу подлежат способы пополнения молодежного сленга, структура сленговых слов и их семантика. Семантический анализ выполнен в русле семантического подхода, предложенного К. В. Кулаковой [15].

Результаты проведенного сопоставительного анализа способов пополнения молодежных сленговых единиц в немецком и английском языках представлены в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1

Способы пополнения молодежных сленговых единиц

Название блока	Входящие группы	Процент	
		Немецкий язык	Английский язык
Заимствование и словообразование	Словосложение	36%	-
	Словопроизводство		
	Сокращение		
Словообразование	Словопроизводство	35%	60%
	Словосложение		
	Сокращение		
Заимствование	-	12%	-
Изменение значения	Перенос наименования	9%	32%
	Расширение значения		
Выражения	-	7%	2%
Использование эмодзи	-	1%	2%
Фонетические приёмы	-	-	4%

Для немецкого языка наиболее продуктивным является применение сразу двух способов, а именно – заимствования и словообразования (36%). Следует отметить, что заимствования пришли из английского языка, что подтверждает его большую популярность. Примерами таких сленгизмов являются слова: *die Gammelfleischparty* – «вечеринка тухлого мяса», которое образовано путем сложения двух существительных *das Gammelfleisch* – испорченное мясо и *party* – вечеринка. Данная сленговая единица предназначена для определения встреч пожилых людей; *die Speckbarbie* – «бекон-Барби». Слово образовано сложением существительных *der Speck* – сало и *Barbie* – красотка, куколка. Сленгизм используется для описания девушки с лишним весом, которая одета в слишком облегающую одежду.

Между тем, чистых заимствований при анализе немецких сленговых единиц выявлено не так много – всего 12%. Например, *chillen* – расслабляться от английского глагола *to chill*, существительное *cringe* – стыд и т. д.

Нужно указать, что немецкий язык сохраняет свои словообразовательные тенденции, поскольку немецкие сленговые единицы, образованные по современным

словообразовательным моделям (словосложение, словопроизводство, сокращение), имеют также высокий процент – 35%. Подтверждением этому служат следующие примеры: существительное *der Bildschirmbraun* служит для описания человека, проводящего слишком много времени перед компьютером и имеющего бледный цвет лица. Данное существительное образовано путем сложения существительного *der Bildschirm* – экран и прилагательного *braun* – коричневый; глагол *unterhopft sein* – опохмеляться – образован от причастия глагола *hopfen* – охмелять, префикса *unter-*, который указывает нахождение чего-либо «внизу», «под» и глагола-связки *sein* – быть; *Hallöchen* – приветик, которое образовано от слова-приветствия *Hallo* и немецкого уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*.

Таким образом, в сумме словообразовательные процессы участвуют в пополнении состава сленгизмов в 71% единиц, что однозначно подтверждает высокую продуктивность словообразования как пути пополнения состава немецкого молодежного сленга.

Что касается способов пополнения словарного состава английского молодёжного сленга, то самым продуктивным способом для данного языка также стало словообразование (60%). Примерами сленговых единиц, образованных по словообразовательным моделям, являются: существительное *avotoast* – тост с авокадо (представляет собой популярную тему фото для постов в социальных сетях), которое состоит из двух существительных *avocado* – авокадо и *toast* – тост; глагол *to rent-free* – «жить» в чьей-то голове, образован от слова *rent-free* – бесплатная аренда; прилагательное *parasocial* – парсоциальный, которое получено присоединением приставки *para-* к прилагательному *social* – общественный.

Вместе с тем подчеркнем, что в немецком и английском сленге словообразовательные модели имеют разную степень продуктивности. Так, словообразовательная модель «Словопроизводство» примерно схожа по продуктивности: 19% в английском молодёжном сленге и 16% в немецком молодёжном сленге (плюс 11% из группы «Заимствование и словопроизводство»). А вот модель «Словосложение» – всего 7% в английском сленге, при этом 10% в немецком сленге (плюс 15% из группы «Заимствование и словосложение»). Напротив, словообразовательная модель «Сокращение» в английском сленге представляет собой 34%, в отличие от немецкого, где её процент достаточно небольшой – всего 9% (плюс 10% из группы «Заимствование и сокращение»).

Между тем, способ пополнения словарного состава сленга путём изменения значения имеет абсолютно разное процентное соотношение: 9% в немецком сленге, и 32% в английском сленге, то есть это второй по величине блок. Примерами немецких сленговых единиц, полученных путем изменения значения, являются: *französisch duschen* – пользоваться дезодорантом или дословно «принимать французский душ»; глагол *baggern* – подкатывать (флиртовать) ранее использовался в значении «работать на экскаваторе», но после расширения значения стал применяться в контексте игры в волейбол и служил для описания особого отбивания мяча, а спустя ещё некоторое время этот глагол стал использоваться для описания способа знакомства – «подкат», флирт. Примерами английских сленговых единиц, полученных путем применения такого способа, являются: *wig snatch* – «сорвать парик» – сленгизм, который используется для публичной критики; словосочетание *soft launch* обозначает публикацию фотографии, которая намекает на существование в вашей жизни «особенного» человека. На фото может быть только половина лица или силуэт.

Следует обратить внимание на то, что заимствований в английском молодёжном сленге не было выявлено. В этом заключается существенное отличие от немецкого молодёжного сленга, где заимствования встречаются как в чистом виде (12%), так и в составе словообразовательных моделей (36%). Это позволяет нам судить о том, что для образования немецких сленговых единиц данный способ является весьма продуктивным, а для английского нет. Безусловно, это связано с тем, что английский язык – это международный язык общения, так называемый «язык-донор», который не нуждается в заимствовании слов из других языков. И напротив, немецкий язык, в котором заимствования всегда играли очень большую роль, сегодня испытывает засилье английских заимствований, которые часто выступают избыточными синонимами.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в английском сленге был выявлен способ пополнения с помощью фонетических приёмов, хотя данный способ имеет достаточно маленький процент – 2%, однако, в немецком языке этот способ не представлен. Например, сленговая единица *shook* произошла от английского существительного *shock* – *шок*, в котором заменена 1 буква *o* сразу на 2 для большей экспрессивности, при этом происходит потеря буквы *s* в сочетании *sk*, возможно, для простоты написания; существительное *bozz* – лидер (от слова *boss* – *шеф*, *босс*), в котором также произошла замена конечных глухих согласных *ss* на звонкие *zz*, что, по нашему мнению, служит способом придания большей эмоциональности.

Интересным способом пополнения сленговых единиц стало использование эмодзи. Данный способ был выявлен как в немецком сленге – 1% (*Emo-CV* – использования эмодзи при написании резюме для устройства на работу), так и в английском сленге – 2% (*crying emoji*, *skull emoji*). Первое эмодзи используется в значении «смешно до слёз», а второе эмодзи обозначает «что-то смешное в шутливо-злом смысле». Возможно, использование эмодзи будет новой тенденцией пополнения словарного состава сленговых единиц.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что самым продуктивным способом пополнения словарного состава сленга является словообразование (35% в немецком и 60% в английском), при этом, для образования немецких сленговых единиц данный способ еще более продуктивен в сочетании с заимствованием (плюс 36%). Таким образом, заимствование в немецком молодёжном сленге в общей сумме представляет почти половину единиц (48%) – как в чистом виде (12%), так и в составе гибридных слов (36%).

Обратимся к данным структурной классификации немецкого и английского молодёжного сленга (табл. 2).

Таблица 2

Структурная классификация сленговых единиц

Тип слова	Процент	
	Немецкий язык	Английский язык
Сложные слова	31%	6%
Производные слова	28%	19%
Простые слова	19%	36%
Сокращения	9%	35%
Сложнопроизводные слова	5%	-
Выражения	7%	2%
Использование эмодзи	1%	2%

использование сленга	1 %	2 %

Среди немецких сленговых единиц преобладают сложные слова (31%), состоящие их двух и более основ. Например, существительное *die Facebookschlampe* – девушка, которая добавляет в «друзья» «подходящих» мужчин состоит из двух основ – *Facebook* и *die Schlampe* – «девушка лёгкого поведения». Данный структурный тип очень характерен для немецкого языка.

Однако, в структурной классификации английских сленговых единиц сложные слова не являются частотным типом, они представляют собой всего лишь 6%. Например, существительное *babygirl* – «малышка», которое образовано сложением двух основ: *baby* – ребёнок и *girl* – девочка.

Следующим по частотности типом в немецком языке являются производные слова (28%), т. е. те слова, которые образованы в результате словопроизводства (в нашем случае, конверсии или аффиксации). Например, глагол *abgehen* – восхищаться образован присоединением приставки *ab-* к глаголу *gehen* – идти. В английском языке производные слова представлены реже – всего 19%. Например, существительное *rizzler* – парень, который успешно «подкатывает» к девушкам, образовано присоединением суффикса *-ler* к основе.

Вместе с тем, самым частотным типом английских сленговых слов стали простые слова – 36% (*brain* – умный), в отличие от немецкого, где простые слова составляют лишь 19% (*der Lauch* – идиот). По нашему мнению, частотность данного типа сленговых единиц обусловлена тем, что простые по своей структуре слова преобладают при пополнении словарного состава сленга путём изменения значения. При этом, как отмечалось выше, именно изменение значения является вторым по продуктивности способом пополнения словарного состава английского сленга (32%).

Следующим частотным типом английских сленговых единиц является сокращение – 35% (*bestest* – *best of the best* – лучший из лучших). Такой высокий процент, на наш взгляд, обусловлен функцией языковой экономии, которая достаточно сильно проявляется в английском языке. Напротив, в структурной классификации немецкого сленга сленговые единицы, представляющие собой сокращение, имеют довольно небольшой процент – всего лишь 9% (*Stip* – стипендия, «стипуха»)

Следует отметить, что сложнопроизводные слова являются наименее частотным типом как в немецком молодежном сленге – 5% (существительное *der Discopumper* – молодой мужчина, который «поклоняется» красивому телу – образовано от английских существительных *disco* – дискотека, *pumpkin* – тыква и немецкого суффикса *-er*), так и в английском, где вообще не представлены такие примеры.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что структура сленговых единиц в немецком и английском языках достаточно сильно отличается. Так, для немецкого сленга наиболее частотны сленговые единицы, представляющие собой сложные слова, а для английского сленга – сленговые единицы, представляющие собой простые слова.

Следующий пункт сопоставления — это семантика сленговых единиц (табл. 3).

Таблица 3

Семантическая классификация сленговых единиц

Название блока	Процент

	Немецкий язык	Английский язык
Характеристика человека	32%	30%
Выражение эмоций	29%	33%
Жизнедеятельность	28%	32%
Covid-19	6%	2%
Политика	5%	3%

Самой частотной тематической группой немецкого молодёжного сленга стала «Характеристика человека» – 32% (*die Tinderella* – девушки, постоянно сидящая на сайтах знакомств; *der Schatzlos* – одиночка, без пары), сопоставимой в процентном отношении в английском молодёжном сленге – группа «Выражение эмоций» – 33% (*PROPS* от *proper respect* – должное признание; *for sho* от слова *sure* – обязательно, конечно).

Следующей по популярности сферой употребления сленга в немецком языке стал блок «Выражение эмоций» – 29% (*durch sein* – быть не в себе; *isso* – выражение согласия), а в английском языке – блок «Жизнедеятельность» – 32% (*finsta* – фейковый профиль в Инстаграм; *spilling tea* – сплетничать).

На третьем месте находятся блоки: «Жизнедеятельность» – 28% в немецком молодёжном сленге (*Hopfensmoothie* – пиво; *napflixen* – сон во время просмотра сериала) и «Характеристика человека» – 30% в английском молодёжном сленге (*goblin mode* – тип поведения, заключающийся в проявлении лени, неряшливости и жадности; *rizz* – романтически привлекательный или очаровательный человек).

Можно утверждать, что данные тематические группы, выделенные в ходе семантической классификации немецкого и английского молодёжного сленга, имеют примерно одинаковый процент, а это значит, что они одинаково часто употребляются в данных сферах как немецкоязычными, так и англоязычными молодыми людьми.

Установлено, что наименее популярными тематическими сферами стали «Политика» и «Covid-19». В семантической классификации немецкого молодёжного сленга блок «Covid-19» составляет 6% от общего числа (*die Lockdown-Kinder* – дети, имеющие проблемы в разных сферах во время пандемии; *die Freitesten* – не вакцинированные люди, которые могут обойти ограничения с помощью теста на коронавирус), а блок «Политика» – 5% (*guttenbergen* – списывать; *merkeln* – откладывать решения на потом). В аналогичной классификации английского молодёжного сленга проценты еще ниже – 3% и 2% соответственно. Примером сленга, входящего в блок «Политика», является сленговое слово *trumpism*, используемое как название политики Дональда Трампа, а примером из блока «Covid-19» является сокращение *sus* от *suspicious* – подозрительный.

Непопулярность данных блоков, на наш взгляд, обусловлена тем, что молодые люди мало интересуются данными сферами жизни. Молодых людей гораздо больше интересует своя жизнь, происходящее с ними и с их знакомыми, вечеринки и проблемы, характерные для их возраста. Молодёжи интересно придумывать новые, непонятные другим людям слова, описывающие ощущения, эмоции, действия и даже внешний вид.

Сопоставление семантических особенностей немецкого и английского молодёжного сленга привело к следующим результатам: тематические блоки «Выражение эмоций», «Характеристика человека» и «Жизнедеятельность», имеющие примерно одинаковый

процент, являются самыми популярными сферами употребления сленга в обоих языках. Напротив, «Политика» и «Covid-19», демонстрирующие одинаково низкие проценты в соответствующих семантических классификациях стали наименее частотными сферами употребления молодежного сленга в обоих языках.

Таким образом, проведя сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей немецкого и английского молодежного сленга мы пришли к выводу о том, что в сленге обоих языков наблюдаются в целом схожие тенденции. Наиболее продуктивным путём пополнения сленговых единиц в обоих языках стало словообразование, менее продуктивным – изменение значения. Перспективной тенденцией пополнения словарного состава сленга нам представляется использование эмодзи, которые могут заменить некоторые слова в переписке. Данный способ является не только выражением языковой экономии, но и даёт возможность оценивать эмоциональное состояние человека.

Важно отметить большую значимость заимствования в немецком языке, которое является вторым по продуктивности путем пополнения словарного состава молодежного сленга. Как отмечалось выше, в немецкий сленг массово заимствуются слова из английского языка и некоторое число из турецкого языка. Не случайно в немецком языке существует такое языковое явление как *Denglisch*, т. е. употребление и немецких, и английских слов. Данное явление оказывает негативное влияние на развитие немецкого языка, так как немецкие слова могут потерять свою уникальность и актуальность под влиянием многочисленных английских эквивалентов.

Структура сленговых единиц в немецком и английском различается. Так, для немецкого молодежного сленга больше характерны сложные слова, в том числе, гибридные (то есть с заимствованным компонентом), а для английского сленга – простые слова.

Семантические особенности немецкого и английского молодежного сленга подтверждают, что сленговые единицы употребляется немецкоязычной и англоязычной молодежью в практически одинаковых сферах.

Проведённое исследование даёт возможность рассмотреть молодежный сленг, его тенденции формирования и употребления достаточно подробно, тем самым вносит определенный вклад в развитие теории социолингвистики, а также может иметь практическую значимость, в частности, для студентов языковых вузов, планирующих принять участие в международных программах по обмену, так как знакомство с тенденциями развития и функционирования сленга даёт возможность легче интегрироваться в иноязычную среду.

Библиография

1. Абайдельданова М. К., Р. Гусман Тирадоб. Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17. С. 177–189.
2. Цекова Л. М. Сленг в лингвокультуре современной молодежи // Власть истории – История власти. 2022. № 42. С. 31–34.
3. Pesina S. A., Vinogradova S. A., Tomin V. V., Trofimova N. A., Rubtsova S. Y., Morozova M. N., Velikanova S. S. Youth Slang as a Social Language Code: Functions and Formation // Brazilian Journal of Education, Technology and Society (BRAJETS). 2024. № 17. P. 803–811. URL: <https://doi.org/10.14571/brajets.v17.n2.803-811> (дата обращения: 15.12.2024).

4. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London : Routledge, 2015. 488 p.
5. Шелестюк Е. В. Перевод сленга в англоязычных кинотекстах в свете несовпадения жанрово-стилистических канонов русского и английского языков // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 49–58.
6. Hanova D. B. Youth slang in the speech of modern students // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2021. № 12. P. 272–276. URL: <https://giirj.com/index.php/giirj/article/view/674> (дата обращения: 15.12.2024).
7. Djuraeva V., Fayzullaeva G. Youth slang as a modern language phenomenon // GOLDEN BRAIN. 2023. № 6. P. 91–93. URL: <https://researchedu.org/index.php/goldenbrain/article/view/1956> (дата обращения: 15.12.2024).
8. Жураева С. X. Interaction of youth slang and cultural values of the people // Multidisciplinary and Multidimensional Journal (MMJ). 2024. № 4. P. 119 –126. URL: <http://multidiciplinaryjournal.com/index.php/mm/article/view/212> (дата обращения: 15.12.2024).
9. Милёшина Л. В. Особенности молодёжного сленга в речи современного школьника // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 365–368.
10. Чжан Вэй. Проблемы применения молодёжного сленга на уроке русского языка как иностранного в Китае // Образование и право. 2020. № 7. С. 215–216.
11. Воронкова А. А. Функциональные особенности молодёжного сленга студентов // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 237–240.
12. Лаптева Ю. В. Функции молодёжного сленга (на материале французского языка) // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 1. 2012. С. 158–161.
13. Нестеренко С. А., Южанинова Е. В. Структурно-семантическая характеристика молодежного сленга (на материале немецкого языка) // Ученые записки НТГСПИ. Серия: история и филология. 2022. № 2. С. 76–90.
14. Нестеренко С. А., Южанинова Е. В. Структурно-семантическая характеристика английского молодежного сленга // Ученые записки НТГСПИ. Серия: история и филология. 2024. № 3. С. 67–82.
15. Кулакова К. В. Молодежный сленг как отражение современной действительности (на примере немецкого языка) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 4. С. 23–30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают структурно-семантические особенности молодёжного сленга в немецком и английском языках, актуальность изучения которого обусловлена тем, что «сленг – это одна из самых открытых и подвижных систем, существующих сегодня в лингвистике», которая «отражает языковые и культурные особенности общества». Как отмечено в работе, проблемой изучения сленга занимались многие лингвисты, однако на сегодняшний день в языкознании нет единства в трактовке данного явления. Чаще всего сленг рассматривается как особый пласт лексики, находящийся за пределами литературного языка и представляющий собой набор метафор, фразеологизмов, реже слов в прямом значении. Теоретической базой исследования послужили работы таких российских и зарубежных

ученых, как Л. М. Цекова, Е. В. Шелестюк, Д. Б. Ханова, С. Х. Жураева, Ю. В. Лаптева, К. В. Кулакова, С. А. Нестеренко, Е. В. Южанинова, Л. В. Милёшина, А. А. Воронкова, С. А. Песина, С. А. Виногадова, В. В. Томин, Э. Партридж, Чжан Вэй и др. Библиография насчитывает 15 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Большинство источников актуальные (изданы в последние 3 года), что еще раз свидетельствует об актуальности проблемы. Материалом исследования послужила выборка, включающая 100 немецких сленговых единиц, взятых из текстов немецкоязычных средств массовой информации – *Deutsche Welle, Der Spiegel, Stuttgarter Nachrichten* и 100 английских сленговых единиц из текстов англоязычных СМИ – *The Guardian, Daily Mail, Times Live*.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; сравнительно-сопоставительный метод; методы когнитивного и семантического анализа. Семантический анализ выполнен в русле семантического подхода, предложенного К. В. Кулаковой.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) провести сопоставительное исследование структурно-семантических особенностей молодёжного сленга в немецком и английском языках. Промежуточные результаты отражены в таблицах «Способы пополнения молодежных сленговых единиц», «Структурная классификация сленговых единиц», «Семантическая классификация сленговых единиц», что является несомненным преимуществом данной научной работы, так как визуализация и авторская интерпретация данных позволяет сделать материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенного исследования. Сформулированы обоснованные выводы о том, что в сленге обоих языков наблюдаются в целом схожие тенденции: наиболее продуктивным путём пополнения сленговых единиц в обоих языках стало словообразование, менее продуктивным – изменение значения; перспективной тенденцией пополнения словарного состава сленга представляется использование эмодзи. Структура сленговых единиц в немецком и английском различается. Семантические особенности немецкого и английского молодёжного сленга подтверждают, что сленговые единицы употребляются немецко- и англоязычной молодёжью в практически одинаковых сферах.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение теоретических проблем социолингвистики, в изучение словообразовательной и лексической подсистем современного молодёжного сленга, дополняют имеющиеся в лингвистике представления о понятии «сленг» и помогают лингвистическому и экстралингвистическому осмыслению данного явления, а также могут применяться в курсах по теории дискурса, прагмалингвистике, лексикологии и стилистике немецкого и английского языков, словообразованию и развитию словарного состава данных языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сафина З.М., Лукахина Д.Н. Лексико-семантический анализ оригинала и перевода художественного текста с использованием инструментов Python // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.76918 EDN: VBLFUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76918

Лексико-семантический анализ оригинала и перевода художественного текста с использованием инструментов Python

Сафина Зарема Миниаминовна

ORCID: 0009-0009-3486-7757

кандидат филологических наук

доцент, кафедра лингводидактики и переводоведения; ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 22

✉ safinazarem@yandex.ru

Лукахина Дарья Николаевна

магистр, кафедра лингводидактики и переводоведения; ФГБОУ ВО Уфимский университет науки и технологий

450019, Россия, респ. Башкортостан, г. Уфа, Ленинский р-н, ул. Уршакская, д. 2а

✉ dlukaxina@mail.ru

[Статья из рубрики "Автоматическая обработка языка"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.76918

EDN:

VBLFUI

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2025

Аннотация: В статье рассматриваются возможности автоматизированного лексико-семантического анализа художественного текста и его перевода с применением библиотеки NLTK на языке программирования Python. Языки программирования позволяют значительно ускорить работу лингвистов, систематизировать результаты сбора данных в упорядоченном виде. Объектом анализа выступают оригинал повести

американского писателя XIX века Уильяма Гилмора Симмса «Grayling: or, "Murder Will Out"» и перевод на русский язык, выполненный М.Л. Павлычевой. Особое внимание уделяется выявлению различий в структуре лексики, частотности употребления слов и словосочетаний, в распределении частей речи, а также степени лексического разнообразия. Исследование направлено на выявление переводческих трансформаций, влияющих на семантическую и стилистическую организацию текста, и на оценку возможностей автоматизированного анализа при сравнении оригинала и перевода. В работе применяются методы обработки естественного языка (NLP) с использованием библиотеки NLTK в среде Python, включая нормализацию текста, частеречное тегирование, частотный анализ, биграммное моделирование и расчет коэффициента лексического разнообразия. Исследование демонстрирует, что автоматизированный лексико-семантический анализ позволяет объективно выявить ключевые различия между оригиналом и переводом: в тексте перевода наблюдается более высокое лексическое разнообразие, обусловленное флективной природой русского языка и активным использованием переводческих трансформаций; увеличивается частотность связующих элементов, а тематически маркированные биграммы заменяются более нейтральными конструкциями. Кроме того, выявлены существенные ограничения стандартных NLP-инструментов при обработке русскоязычных текстов, что подчеркивает необходимость адаптации методов к специфике русского языка. Исследование подтверждает необходимость комплексного подхода при анализе оригинала и перевода художественного текста, сочетающего вычислительные методы и лингвистическую интерпретацию. Перспективы исследования включают применение современных морфологических анализаторов, расширение корпуса текстов и интеграцию методов машинного обучения для глубокого сравнительного анализа оригиналов и переводов художественных текстов.

Ключевые слова:

обработка естественного языка, Python, NLTK, лексико-семантический анализ, частотный анализ, биграммы, лексическое разнообразие, частеречное тегирование, художественный перевод, переводческие трансформации

Введение

Современные цифровые технологии кардинально изменили подходы к лингвистическим исследованиям. Особенно актуальным стало применение методов обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) для автоматизированного анализа больших текстовых корпусов. NLP объединяет достижения лингвистики, информатики и искусственного интеллекта, позволяя извлекать смысловую и структурную информацию из текстов, недоступную при традиционном ручном анализе [\[1\]](#). В контексте сравнительного анализа оригинала и перевода такие методы открывают новые горизонты для изучения переводческих стратегий, лексической плотности, стилистических особенностей и семантической эквивалентности [\[2\]](#). Исследование с применением методов NLP «является ценным инструментом для изучения перевода художественного текста, позволяющим получить объективные данные и выявить объективные закономерности» [\[3, с. 64\]](#). Цель настоящей статьи — продемонстрировать возможности библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit) в рамках языка программирования Python для проведения лексико-семантического анализа художественного текста и его перевода. Python — многоцелевой высокоуровневый язык программирования, в котором

используется динамическая система типов и автоматическое управление памятью, а также обширная библиотека [4, p. 1856]. Применение библиотеки NLTK дает возможность осуществить предварительную обработку данных, «позволяющую машинным алгоритмам работать с текстовыми данными и выполнять анализ текста» [5, с. 177].

Обработка естественного языка является одной из высокоприоритетных задач современной лингвистики, что во многом связано с необходимостью получения быстрых и качественных результатов анализа большого массива данных. Языки программирования позволяют значительно ускорить работу лингвистов, систематизировать результаты сбора данных в упорядоченном виде, а также, в отличие от традиционных методов, могут гарантировать точность и объективность полученных результатов. Однако как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике исследования текстов с помощью инструментов Python начали появляться относительно недавно и не носят систематический характер. Так, работа российского исследователя М. И. Ладушиной посвящена описанию техники предварительного анализа текста в лексикографических целях [6]. С. Н. Гагарин предлагает использовать язык Python и библиотеку NLTK для изучения языковых картин мира на примере парламентского дискурса [7]. Зарубежные исследователи активно разрабатывают методики использования Python для анализа текста в различных научных областях, но непосредственный лингвистический анализ текста также не представлен должным образом. Отметим проект "Digital Dostoyevsky", в рамках которого создан корпус из пяти романов и двух повестей Ф. М. Достоевского. Текстовые разметки выполнены с помощью инструментов Python. Таким образом, лексико-семантический анализ оригинала и перевода художественного текста, направленный на изучение лексического состава текста, семантических связей между словами, частотности употребления и функциональной роли лексических единиц в дискурсе, не получил своего должного внимания в работах исследователей, что подчеркивает новизну и актуальность данной работы.

Для проведения настоящего анализа использовалась библиотека NLTK версии 3.8 на языке Python 3.11. Материалом исследования послужило произведение американского писателя XIX века У. Г. Симмса «Grayling: or, "Murder Will Out"» [8] и его русский перевод, выполненный М. Л. Павлычевой [9].

Основная часть

Ключевым понятием в NLP является нормализация текста — процесс приведения текста к унифицированному виду, пригодному для дальнейшего анализа. Он включает удаление пунктуации, приведение слов к нижнему регистру, фильтрацию стоп-слов (служебных слов, не несущих смысловой нагрузки) и лемматизацию [10]. На первом этапе для обоих текстов выполнена следующая последовательность преобразований: произведена сегментация на токены (слова), удалены все лишние символы (знаки препинания, цифры), все слова приведены к нижнему регистру (это делается для того, «чтобы одно и то же слово, написанное строчной и прописной буквой, не воспринималось системой как два разных токена» [5, с. 178]), а также удалены стоп-слова с использованием встроенных списков NLTK для английского и русского языков (стоп-слова – единицы, не имеющие самостоятельного значения и способные повлиять на статистику встречаемости значимых слов). В результате нормализации получены тексты оригинала и перевода, подготовленные для последующего анализа, длина которых составила 9618 и 10811 токенов, соответственно.

Далее было выполнено частеречное тегирование (Part-of-Speech tagging, POS-tagging), представляющее собой «способ автоматического морфологического анализа, когда каждая словоформа входной фразы рассматривается изолированно, вне связей с другими словами предложения. В результате такого анализа каждому слову в тексте (корпусе) приписывается метка или тег, обозначающие часть речи и грамматические характеристики данного слова» [11, с. 64]. Для английского языка эта задача решена достаточно эффективно благодаря развитым морфологическим и синтаксическим моделям. Однако для флективных языков, таких как русский, POS-теггеры часто дают ошибки без использования дополнительных морфологических анализаторов (например, *rumorphy3*). Для частеречного тегирования использована функция ``nltk.pos_tag()`` для обеих версий текста. Для английского языка теги соответствуют стандарту Penn Treebank. Теггер корректно определил основные части речи: `[('world', 'NN'), ('become', 'VBP'), ('monstrous', 'JJ'), ('matter', 'NN')]`. Данные частеречного анализа позволяют проводить грамматический анализ, который выявил доминирование в тексте оригинала существительных и глаголов, что типично для повествовательного дискурса. Что касается текста перевода, то почти все слова были помечены как `'NNP'` (имена собственные), например, `[('последнее', 'NNP'), ('время', 'NNP'), ('мир', 'NNP')]`, что свидетельствует о недостаточной адаптации теггера к морфологической структуре русского языка. Применение анализатора *rumorphy3* ненамного улучшило картину, поэтому пришлось исправлять ошибки вручную, что не представляется удобным при работе с большим корпусом текстов. В целом, анализ показывает, что разница в распределении частотности частей речи между исходным текстом и его переводом невелика. В текстах оригинала и перевода имена существительные доминируют, занимая первое место по частоте, в то время как глаголы занимают второе место. При дальнейшем исследовании были выявлены случаи грамматических замен в переводе, например, *The world has become monstrous matter-of-fact in latter days. – В последнее время мир стал чудовищно прозаичным* (замена прилагательное на наречие). *A man may properly be hung for murdering another... – Закон разрешает повесить человека за убийство другого человека...* (замена глагольной формы на существительное), *I felt as if I should have died with vexation. – У меня было ощущение, что я умру от расстройства* (замена глагола на существительное). Подобного рода замены не повлияли существенно на частотность частей речи в переводе по сравнению с оригиналом.

Среди многочисленных задач квантитативной лингвистики можно выделить составление частотных списков слов, которые формируются, исходя из задач исследования, на основе релевантных текстов или их частей, и отражают частоту обнаруженных элементов. Общим правилом является то, что наиболее часто встречающиеся элементы играют главную роль в тексте и являются значимыми, в то время как элементы с малым количеством упоминаний свидетельствуют об их редком использовании в речи. В целом, «частотные списки позволяют выявить ядро и периферию лексики» [12, с. 741]. Частотный анализ позволяет выявить наиболее употребительные лексемы для определения тематики текста, ключевых персонажей и стилистических предпочтений автора. В художественных текстах частотные имена собственные часто указывают на протагонистов или значимые объекты сюжета. С помощью класса `'FreqDist'` из NLTK в ходе настоящего исследования построены частотные распределения слов и биграмм. Данные демонстрируют, что первые десять самых частотных слов оригинала составляют, в основном, имена собственные: *james, major, grayling, spencer, man, macnab, sparkman, youth, night, mind*. В переводе также доминируют имена: *джеймс, майор, грейлинг, спенсер, мочь, сказать, человек, макнэб, юноша, шотландец*. Одной из причин

расхождений в количестве употребления некоторых лексем в тексте оригинала и перевода является использование в переводе трансформаций, направленных, чаще всего, на сужение значения английского слова, обладающего широким значением. Так, при переводе слова *man* в анализируемом тексте используется девять соответствий: человек, люди, он, мужчина, тип, незнакомец, кто-нибудь, фермер, постоялец. Например: *"That's he! That must be the **man**!"* — Это он! Это наверняка **он**! *"There was one **man** stayed with me last night"* – Вчера был только один **постоялец**... В ряде случаев переводчик применяет трансформацию опущения, например, *...but Sparkman was a knowing **man**...* — Но Спаркмен знал, что делает... Подобная трансформация наблюдается и при передаче глагола движения *go*, переданного в переводе двадцатью соответствиями, среди которых *ехать* встречается 7 раз, *идти* – 6, *отправиться* – 4, *уйти* – 3, *блуждать* – 2 раза. Остальные соответствия использованы по одному разу. Такое разнообразие переводческих соответствий может быть объяснено тем фактом, что «в русском языке глаголы движения почти всегда выражают информацию не только о движении как таковом, но и о способе движения, в то время как в английском языке информация о способе движения может быть опущена» [13, с. 133]. Например: *MacLeod ...**hadgone** below even while the boat was rapidly approaching the vessel.* – Маклеод ... **спустился** вниз, когда увидел, как к пакетботу идет какая-то лодка. *... you have **tobegoing** to England for money...* – ... какой смысл тебе так далеко, в саму Англию, **ехать** за деньгами. *... I **hadgone** too far...* – ... не знал, как далеко **ушел**.

В последней части нашего исследования была подсчитана основополагающая количественная характеристика – коэффициент лексического разнообразия (Lexical Diversity Index) — метрика, отражающая соотношение уникальных слов к общему количеству слов в тексте. Высокий коэффициент лексического разнообразия может указывать на богатую лексику, но в контексте сравнения языков он также зависит от морфологической сложности: например, русский язык, будучи флективным, генерирует больше форм одного и того же корня, что искусственно увеличивает количество токенов [14].

Коэффициент лексического разнообразия предполагает «диапазон и вариативность словарного запаса, который говорящий реализует в тексте» [14, p. 459]. Данный показатель позволяет не только охарактеризовать лексическое богатство текста, но также рассмотреть стиль отдельного автора. В основе данного коэффициента лежит соотношение числа уникальных лексических единиц (лемм) и количества их употреблений в тексте (всех словоформ). Лемма – это грамматическая форма, которая используется для представления лексемы [15, p. 611], другими словами, начальная форма слова, например, *go* – это лемма для словоформ *goes, going, went* и т.д. Процедура лемматизации представляет собой довольно сложный процесс, поскольку лемматизаторы допускают погрешности, которые приходится корректировать вручную. В данном исследовании лемматизация русского текста произведена с помощью морфологического анализатора *rumorphy3*, лемматизация оригинала осуществлена с помощью готовой базы английских лемм *WordNetLemmatizer*.

Результаты вычисления показали, что коэффициент лексического разнообразия оригинала равен 2.35, коэффициент перевода – 1.67. Меньшее значение коэффициента перевода формально указывает на большее лексическое разнообразие, поскольку коэффициент обратно пропорционален разнообразию (чем выше коэффициент, тем меньше разнообразие). Это наблюдение объясняется как флективной природой русского языка, так и применением в переводе лексической трансформации добавления, что также повышает разнообразие, например: *...one sunny morning in April, their wagon*

*started for the city – ...в одно прекрасное апрельское утро их фургон двинулся по дороге в город. He was always the first to go forward ...– Во всякое **дело** всегда вызывался первым ... but James, who felt himself equal to any man... – но Джеймс, который чувствовал себя равным любому **взрослому** мужчине...*

Еще одной возможностью анализа текста программными средствами является выявление *n*-грамм – последовательности из *n* элементов. *N*-граммы позволяют учесть контекст и основную тему текста. Для выявления *n*-грамм проводится токенизация текста, затем импортируются *n*-граммы. После выполнения этих шагов выводится список *n*-грамм, состоящих, в нашем случае, из двух элементов. Такие *n*-граммы называются биграммами. Каждая биграмма представлена кортежем из двух слов. Самыми часто встречающимися биграммами в оригинале текста оказались биграммы *james grayling, major spencer, joel sparkman, mrs grayling, falmouth packet*. Самые часто встречающиеся биграммы в переводе: *джеймс грейлинг, майор спенсер, миссис грейлинг, майора спенсера, джоуль спаркмен*. Можно заметить, что в русском тексте используется несколько форм одного имени, что объясняется грамматическими особенностями русского языка.

Большое количество в английском оригинале таких биграмм как *sheriff officer, murdered man, ghost story* свидетельствует о детективной и мистической тематике текста. В тексте перевода более частотны другие словосочетания, например, *вполне естественно, потерпел поражение, весь день*, которые не дают определенного представления о теме текста. Данное обстоятельство объясняется тем, что при переводе английских биграмм происходит их трансформация, влекущая за собой изменение грамматической структуры словосочетания. Так, *sheriff officer* переведено как *офицер из ведомства шерифа* (здесь наблюдается перестановка компонентов биграммы и добавление лексических элементов). Другими вариантами перевода этого же словосочетания являются *представитель шерифа* (в данном случае также применена трансформация перестановки) и *офицер* (трансформация опущения). При переводе биграммы *murdered man* применяется трансформация опущения – *убитый*. Биграмма *ghost story* переводится с использованием трансформаций перестановки, влекущей за собой добавление предлога: *история о приведениях, история про призрак*, а также трансформации опущения: *As the old lady finished the **ghost story**... – Затем почтенная дама закончила свою **историю**...* В целом, разница в полученных данных объясняется тем, что «русский язык имеет развитый процесс формирования слов в предложении и словосочетании с помощью формообразующей морфемы в отличие от английского языка, где слова меньше подвержены изменениям, а связь слов в предложении зависит в большей степени от места, а не от формы самого слова» [\[16, с. 1131\]](#)

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что инструменты Python и библиотека NLTK являются эффективными средствами для лексико-семантического исследования текстов. Тем не менее, их применимость зависит от языковых особенностей. Английский текст поддается автоматизированному анализу с высокой точностью, в то время как русскоязычные данные требуют дополнительной обработки с использованием морфологических анализаторов, таких как *ru morphology3*, и ручной коррекции результатов.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что перевод, особенно художественный, обладает иной лексико-грамматической структурой по сравнению с оригиналом. Это проявляется в увеличении числа связующих элементов, вариативности форм имен собственных и в определённой степени — в сглаживании тематически

маркированной лексики. Более того, переводческие трансформации (опущение, добавление, перестановка, замена частей речи) систематически влияют на количественные и качественные характеристики текста: лексическое разнообразие возрастает, а ключевые тематические маркеры утрачивают четкость. Данное наблюдение подчеркивает важность комплексного подхода, сочетающего вычислительные методы и лингвистическую интерпретацию, особенно при анализе переводов художественных текстов между языками с различной морфологической структурой.

Библиография

1. Van Der Post H. Natural Language Processing with Python: A comprehensive guide to NLP in the age of AI for 2024. Reactive Publishing, 2023.
2. Hammond M. Python for Linguists. Padstow, Cornwall: TJ International Ltd, 2020.
3. Сафина З.М. Методы квантитативной лингвистики при исследовании оригинала и перевода художественного текста // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 56-64. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76298 EDN: NGJXWK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76298
4. Rana Y. Python: Simple though an Important Programming language // International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET). 2019. Vol. 06, Iss. 2. Pp. 1856–1858.
5. Сафина З. М. Переводческий анализ художественного текста на языке Python // Глобальный научный потенциал. 2024. № 11 (164), Т. 1. С. 177-180. EDN: RTJTGQ.
6. Ладушина М. И. Как язык Python помогает лексикографам // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2022. Т. 4, № 2. С. 107-121. DOI: 10.33910/2687-0215-2022-4-2-107-121. EDN: UIYYDM.
7. Гагарин С. Н. Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса) // Филологические науки в МГИМО. 2024. 10(2). С. 125-140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140. EDN: GDGMAO.
8. Simms G.W. Grayling; or Murder Will Out // The Wigwam and the Cabin. New York: Redfield, 1856. Pp. 2-36.
9. Симмс У. Г. Грейлинг, или "Тайное становится явным" (пер. М. Л. Павлычевой) // Вигвам и хижина. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. С. 27-55.
10. Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python. O'Reilly Media, 2009.
11. Хайрова Н. Ф., Мамырбаев О. Ж., Петрасова С. В., Мухсина К. Ж. Современные технологии обработки текстовых данных на базе пакета NLTK Python: учеб. пособ. Харьков: ООО "В деле", 2020.
12. Сафина З. М., Корнилова А. Д., Смакова А. Л. Количественный и статистический анализ лексических единиц в художественном переводе // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27, № 3. С. 741-746. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.42. EDN: FGZGYW.
13. Морозкина Е. А., Воробьев В. В., Сафина З. М. Статистические методы исследования в художественном переводе // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8, № 3. С. 130-137. DOI: 10.33184/dokbsu-2023.3.15. EDN: KHORTY.
14. McCarthy P.M., Jarvis S. vocd: A theoretical and empirical evaluation // Language Testing. 2007. 24 (4). Pp. 459-488. DOI: 10.1177/0265532207080767. EDN: JTJVN.
15. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. New Jersey: Prentice Hall, 2009.

16. Мифтахова Р. Г., Морозкина Е. А. Нейронное представление семантического поля // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 4. С. 1130–1135. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.48. EDN: KWAPJJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье анализируются возможности библиотеки Natural Language Toolkit (NLTK, версия 3.8) на языке программирования Python 3.11 при проведении лексико-семантического анализа художественного текста и его перевода. Актуальность работы не вызывает сомнения. Как верно отмечается, «обработка естественного языка является одной из высокоприоритетных задач современной лингвистики, что во многом связано с необходимостью получения быстрых и качественных результатов анализа большого массива данных», «языки программирования позволяют значительно ускорить работу лингвистов, систематизировать результаты сбора данных в упорядоченном виде, а также, в отличие от традиционных методов, могут гарантировать точность и объективность полученных результатов».

Теоретической основой обоснованно послужили работы отечественных и зарубежных ученых по компьютерной лингвистике, вопросам применения методов обработки естественного языка и использованию языка программирования Python в лингвистике. Библиография насчитывает 12 источников, в том числе художественные, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако теоретическая часть, так называемый обзор литературы, по мнению рецензента, раскрыта недостаточно. Также следует отметить, что несмотря на высокую актуальность изучаемой проблематики, автор(ы), апеллируют к узкому кругу работ российских авторов (все с участием З. М. Сафиной). Рекомендуем проанализировать исследования в данной области и других отечественных ученых.

Методология исследования продиктована поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию, сравнительно-сопоставительный и статистический методы, а также методы обработки естественного языка. Материалом исследования послужило произведение американского писателя XIX века Уильяма Гилмора Симмса «Grayling: or, "Murder Will Out"» (1841) и его русский перевод «Грейлинг, или "Тайное станет явным"», выполненный М. Л. Павлычевой).

В ходе анализа рассмотрены особенности лексико-семантического анализа художественного текста с использованием библиотеки NLTK на языке Python: нормализация текста, частеречное тегирование, частотный анализ, коэффициент лексического разнообразия, выявление n-грамм. Полученные результаты подтвердили гипотезу о том, что перевод, особенно художественный, обладает иной лексико-грамматической структурой по сравнению с оригиналом, причем «переводческие трансформации систематически влияют на количественные и качественные характеристики текста: лексическое разнообразие возрастает, а ключевые тематические маркеры утрачивают четкость». В заключении отмечено, что, несмотря на эффективность инструментов Python и библиотеки NLTK в лексико-семантическом исследовании художественного текста, «их применимость зависит от языковых особенностей»: «английский текст поддается автоматизированному анализу с высокой точностью, в то

время как русскоязычные данные требуют дополнительной обработки с использованием морфологических анализаторов и ручной коррекции результатов».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, контрастивная лингвистика, корпусная лингвистика; методологии квантитативной лингвистики. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов при проведении автоматизированного лексико-семантического исследования художественного текста и его перевода.

Статья имеет четкую, логически выстроенную структуру (введение, основная часть, заключение). Тем не менее, объем рукописи близок к минимальным требованиям редакции. Также, по мнению рецензента, название статьи требует уточнения: в представленном материале речь о лексико-семантическом анализе художественного текста и его переводе с использованием инструментов Python.

Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после внесения соответствующих правок.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена лексико-семантическому анализу оригинала и перевода художественного текста с применением инструментов Python и библиотеки NLTK, что позволяет отнести её к междисциплинарным исследованиям на стыке лингвистики, цифровых гуманитарных наук и переводоведения. Предмет исследования сформулирован чётко и последовательно: автор ставит цель продемонстрировать возможности инструментов NLP (Natural Language Processing) для анализа художественного текста и его перевода, а также выявить переводческие трансформации и их влияние на количественные и качественные параметры текста. Работа опирается на сопоставление оригинального произведения У. Г. Симмса и его русского перевода, что делает исследование методологически выверенным и релевантным задачам современного компьютерного текстового анализа.

Методология исследования отличается комплексностью и системностью. Автор последовательно описывает этапы обработки текста: нормализацию, токенизацию, удаление пунктуации, лемматизацию, исключение стоп-слов, частеречное тегирование, построение частотных списков, анализ биграмм и вычисление коэффициента лексического разнообразия. Подробное изложение каждого этапа делает методику воспроизводимой и научно достоверной. Особое внимание уделено трудностям обработки русскоязычных текстов: показано, что стандартные инструменты NLTK адекватно работают с английскими данными, но дают значительные ошибки при анализе русского материала, требуя дополнительного использования морфологических анализаторов (morphy3) и ручной корректировки тегов. Это наблюдение важно для всей области русскоязычного NLP и корректно обозначено автором как

методологическое ограничение исследования.

Актуальность работы определяется сразу несколькими факторами: растущей ролью цифровых методов в лингвистике, интересом к количественным параметрам художественного текста, потребностью в объективных критериях анализа перевода и очевидной недостаточной разработанностью этой темы в отечественной филологии. Автор обоснованно отмечает, что исследования, сочетающие компьютерный анализ и художественный перевод, в российской и зарубежной науке пока немногочисленны, а потому предложенная работа заполняет важный исследовательский пробел.

Научная новизна статьи проявляется в сочетании нескольких подходов: сопоставлении частеречной характеристики оригинала и перевода, анализе частотности слов и биграмм, выявлении корреляции между переводческими трансформациями и изменением лексического разнообразия текста. Автор демонстрирует, что русскоязычный перевод использует значительно более вариативный словарь: для передачи английского *tap* задействовано девять лексических соответствий, глагол *go* передаётся более чем 20 эквивалентами. Такой подход позволил сделать важный вывод: перевод не только меняет структуру текста, но и формирует иной семантический рельеф произведения. Это существенный вклад в переводоведение и компьютерную лингвистику.

Стиль и структура статьи отличаются логичностью, научной чёткостью и последовательностью. Текст разбит на тематические блоки, плавно переходящие от теоретической части к аналитической. Описание инструментов и этапов анализа выполнено корректно, без излишней технической детализации, что делает статью доступной для широкого круга исследователей. Большим достоинством является наличие конкретных примеров из текстов оригинала и перевода — они наглядно иллюстрируют выявленные закономерности. В то же время можно рекомендовать более явно выделить промежуточные аналитические выводы после каждого крупного этапа исследования, чтобы усилить структурную целостность текста.

Библиография включает широкий спектр источников: труды по NLP, переводоведению, количественной лингвистике, современные статьи, учебные пособия и программную документацию. Такой подбор литературы подтверждает междисциплинарный характер работы и демонстрирует её опору на актуальные научные исследования. Источники корректно отражают теоретическую базу исследования и подтверждают авторскую интерпретацию данных.

Апелляция к оппонентам проявляется в обсуждении современных подходов к компьютерному анализу текста и критическом рассмотрении ограничений существующих инструментов. Автор корректно указывает на недостатки моделей POS-тегирования для русского языка и предлагает пути их компенсации, что свидетельствует о профессиональном владении предметом исследования.

Выводы статьи обоснованы и логически следуют из проведённого анализа. Автор показывает, что применение Python и NLTK позволяет выявить ключевые закономерности перевода, отличия в распределении частей речи, структуре биграмм, частотности слов, а также вычислить коэффициент лексического разнообразия, который демонстрирует отличия между переводом и оригиналом. Исследование представляет несомненный интерес для лингвистов, переводоведов, специалистов по цифровым гуманитарным исследованиям и разработчиков NLP-инструментов.

Работа является зрелым, качественным и актуальным исследованием, и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Семенова Е.М., Крючкова Ю.В., Ефремова М.П. Роль медийного дискурса в формировании культурных стереотипов // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77366 EDN: UVNIQE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77366

Роль медийного дискурса в формировании культурных стереотипов

Семенова Елена Михайловна

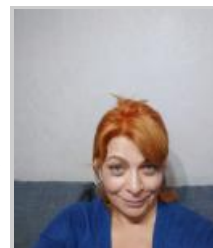
ORCID: 0000-0001-5923-6032

доктор филологических наук

профессор; кафедра языковых коммуникаций и психологии; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

196634, Россия, г. Санкт-Петербург, Колпинское шоссе, 59, кв. 66

✉ semenovae63@gmail.com

Крючкова Юлия Викторовна

ORCID: 0009-0007-7807-8974

кандидат филологических наук

доцент; кафедра теоретической и прикладной лингвистики; Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова

197350, Россия, г. Санкт-Петербург, проспект Королева 69, кв.164

✉ jul.cru4kova@yandex.ru

Ефремова Мария Павловна

ORCID: 0000-0001-6041-6006

кандидат филологических наук

доцент; кафедра английской филологии и перевода; Санкт-Петербургский государственный экономический университет

193231, Россия, г. Санкт-Петербург, Невский р-н, Российский пр-кт, д. 1 литера А, кв. 22

✉ efremova.mp@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77366

EDN:

UVNIQE

Дата направления статьи в редакцию:

19-12-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу российского медийного дискурса с целью выявления его роли в формировании культурных стереотипов в сознании массовой аудитории. Предметом анализа послужили дискурсивные стратегии медийного дискурса, направленные на формирование определенной картины мира в сознании получателей информации. Эмпирическую базу исследования составили новостные сообщения культурной тематики, за период май–октябрь 2025 года, опубликованные на четырех популярных русскоязычных интернет-ресурсах: Lenta.ru, Газета.ru, Super.ru и Ura.ru. Для сравнения дискурсивных стратегий дополнительно были проанализированы заголовки статей из издания, позиционирующего себя как "качественная пресса" ("РБК") за тот же период. Представленное исследование включает анализ заголовков новостных сообщений с точки зрения их синтаксического и лексического наполнения, анализ тематики статей, а также приемов оказания эмоционального воздействия на реципиента, способствующего некритическому восприятию транслируемого контента. Методологической основой исследования послужили метод случайной выборки при отборе примеров для анализа и метод контент-анализа, направленные на выявление способов репрезентации информации с целью формирования в массовом сознании системы ценностей прагматического характера. В ходе анализа выявлено, что структурирование информации в медиатекстах происходит согласно следующей логической схеме: специфический отбор информации и способов ее передачи, формирование конкретного устойчивого образа и, вслед за ним, определенного стереотипа восприятия информации в нужном культурно-идеологическом контексте. В результате проведенного исследования сделано заключение, что СМИ целенаправленно воздействуют на сознание людей, обеспечивая картину мира, не имеющую отношения к базовым культурным ценностям, так как фокус их внимания сосредоточен, главным образом, на прагматических целях и коммерческом интересе. Медийный дискурс в этом случае не является пространством культурного взаимодействия отправителей и получателей информации, превращаясь в инструмент манипуляции сознанием масс в соответствии с требованиями общественной и политической идеологии.

Ключевые слова:

медиа-дискурс, культурные ценности, контент-анализ, российские СМИ, массовое сознание, культурно-идеологический контекст, интернет-источники, способы воздействия, межкультурная коммуникация, идентичность

Вопросы межкультурной коммуникации и роли медийного дискурса в отражении, сохранении и упрочении культурных ценностей освещаются на протяжении достаточно долгого периода времени во многих работах лингвистов, культурологов, социологов и представителей других научных направлений.

Известно, что дискурсивные практики направлены на изучение закономерностей организации значений, способов приписывания смыслов тем или иным объектам или явлениям объективной реальности. Через дискурсивные практики происходит встраивание объектов познания в социальную реальность, определение степени их значимости и актуальности. Дискурс способствует формированию идентичности субъекта

познания, его социальной роли. Наконец, дискурс устанавливает и поддерживает отношения власти, определяет какие высказывания являются легитимными, авторитетными, а какие - нет.

Что касается места дискурса в системе культуры, то здесь акцент в изучении дискурсивных практик делается прежде всего на воспроизведение культурных смыслов, а именно, тех, которые опираются на идеи, концепты и ценности, способствующие духовному развитию членов общества. Благодаря дискурсу осуществляется прием и передача информации о различных культурных событиях, в сознании людей конструируются новые социокультурные формы бытия.

Цель статьи.

Целью данной статьи является рассмотрение способов влияния современных СМИ на массовое сознание людей в процессе освещения новостей, касающихся жизни и творчества известных личностей, имеющих отношение к культурной сфере. Рассматриваются вопросы взаимосвязи базовых ценностных установок культуры и дискурсивных практик, реализующихся в российском медиапространстве. Устанавливается логическая зависимость между созданием устойчивых образов культовых личностей и формированием стереотипов восприятия успешных людей в конкретном социо-культурном контексте. Ставится задача выявления приемов и способов репрезентации информации в медийных текстах, способствующих исключительно эмоциональному восприятию предлагаемого контента, нивелирующего способность к рациональному критическому мышлению. Доказывается, что нарушение этических норм, границ личностного пространства известных людей тиражируется СМИ намеренно, с целью акцентуации внимания массовой аудитории к темам, создающим «сказочную» картину мира, далекую от реальности.

Обзор литературы.

Интерес к медийному дискурсу, исследование его функций, значимости в формировании культурных ценностей не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий и продолжает привлекать исследователей, занимающихся изучением способов оказания воздействия на общественное сознание в определенном социо-культурном аспекте.

Обзор последних публикаций на эту тему показывает, что большинство подобных исследований посвящены либо терминологическим вопросам, либо представляют собой многословные неоспоримые рассуждения о значимости роли СМИ в обеспечении культурного взаимодействия народов, с опорой на труды авторитетных ученых.

Так, например, Е.Н. Курбан и М.В. Кривошлыкова в своей работе «Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов» пишут, что «проблемы межкультурного взаимодействия раскрываются в трудах М.М. Бахтина, В.С. Библиера, П.С. Гуревича, М.С. Кагана, Ю. Хабермаса. Их позиция позволяет взглянуть на данный процесс как на систему взаимного обмена идеями, представлениями, концепциями, разрешает раскрыть уникальность культуры другого народа и заставляет осознать особенности собственной культуры» [Курбан, Кривошлыкова 2013].

Бирюкова Е.А. в статье «О значении понятия "культура"» отмечает, что «слово «культура» пришло к нам из латинского языка (cultura) и уже тогда имело три значения... первое значение – это взращивание, разведение, уход, некая защита живого (то, что связано непосредственно с жизнью). Второе – воспитание, образование

и развитие. И третье – поклонение, почитание, культ [Бирюкова 2016]. Кроме того, она цитирует «поэтическое» определение культуры, данное Н.К. Рерихом: «Культура есть почитание света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце» [Рерих 1990: 267].

Среди множества представленных ею определений данного понятия выделим те, которые резонируют с темой нашего исследования. «Ценностные определения: культура – это материальные и социальные ценности группы людей, их институты, обычаи, реакции поведения. Идеологические определения: культура – это поток идей, переходящих от индивида к индивиду посредством особых действий, т.е. с помощью слов или подражаний. Символические определения: культура – это организация различных феноменов (материальных предметов, действий, идей; чувств), состоящая в употреблении символов» [Бирюкова 2016: 132].

Описывая медийный дискурс как объект лингвистического исследования, Джабраилова В.С. и Фомичева М.П. приходят к выводу, что «цифровые средства массовой информации могут оказать революционное влияние на наш язык общения, и они могут изменить весь строй нашего мышления», а «изучение медиатекстов является основой для формирования представления о том, как реальность конструируется и репрезентируется в средствах массовой информации» [Джабраилова, Фомичева 2006].

Что касается взаимосвязи понятий медиатекст и медиадискурс, следует упомянуть статью Т.Г. Добросклонской «Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве», в которой автор подчеркивает, что «медиатекст является дискретной единицей медиадискурса» [Добросклонская 2015: 5]. При этом она уточняет, что в метафорическом смысле «текст — это фотографическое отображение действительности, медиатекст — это видеоизображение, или «moving image», а дискурс — это изображение голографическое, дающее полное и всестороннее представление об объекте, в данном случае о речевой деятельности» [Там же].

На этом фоне «жонглирования» терминами выгодно выделяется исследование В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина «Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения», в котором авторы убедительно показывают, как современные средства массовой информации способствуют «возрастанию количества людей с депрессивной и маниакально-фобической акцентуацией» [Карасик, Слышкин 2023: 10], публикуя сведения о природных катаклизмах и криминализации общества. Данная публикация направлена на выявление приемов манипулятивного воздействия представителей власти на сознание населения. По мнению авторов, способы изложения информации подобного рода способствуют «понижению критичности по отношению к воспринимаемой речи и иррационализации поведения населения» [Карасик, Слышкин 2023: 12], нагнетая страхи среди людей посредством целенаправленного отбора и специфического лингвистического оформления новостных сообщений, тем самым «превращая личности в толпу» [Lebon 1995].

В статье указывается, что, призывы опираться на традиционные культурные ценности патриархального общества, доведенные до абсурда, и демонстрация истеричного поведения некоторыми общественными деятелями, возможно, имеют единственную цель - привлечь к себе внимание публики любой ценой. Важно понять, зачем средства массовой информации тиражируют такое поведение, справедливо отмечают авторы публикации.

И, наконец, обратимся к некоторым положениям, изложенным в статье В.Г. Рощупкина «Роль субъекта культуры в развитии современного общества», так как именно личности, имеющие отношение к культурной сфере, являются предметом предлагаемого здесь краткого исследования. После цитирования определений понятия «субъект», предлагаемых Р. Декартом и И. Кантом, автор переходит к анализу современного понимания данного термина, указывая на то, что «важной характеристикой субъекта является способность к творчеству» [Рощупкин 2019: 134], а одним из факторов развития субъекта «выступает совокупность его отношений к миру» [Там же].

Обзор некоторых источников, имеющих отношение к теме нашего исследования, убедительно показывает, что средства массовой информации играют важную роль в осуществлении культурного взаимодействия между людьми, а исследование медийного дискурса как инструмента сохранения базовых культурных ценностей в обществе является актуальным и остро значимым в условиях современного быстро и непредсказуемо меняющегося мира.

Методы и материал исследования.

В ходе работы над темой использовались следующие методы исследования: метод наблюдения, метод сплошной выборки, метод контент-анализа и метод критического дискурс-анализа.

Метод наблюдения применялся для отбора и систематизации практического материала исследования. Метод сплошной выборки использовался при отборе публикаций для анализа. Для обеспечения репрезентативности выборки был проведен сплошной анализ всех публикаций, посвященных деятелям культуры, за период май-октябрь 2025 года на четырех популярных русскоязычных интернет-ресурсах: Lenta.ru, Газета.ru, Super.ru и Ura.ru. Из общей совокупности в 347 материалов методом случайной выборки было отобрано 120 статей для детального анализа (по 30 с каждого ресурса), что позволяет считать результаты исследования статистически значимыми. Для сравнения дискурсивных стратегий дополнительно были проанализированы 30 статей из изданий, позиционирующих себя как "качественная пресса" ("РБК").

Метод контент-анализа направлен на выявление особенностей организации информации в отобранных медиатекстах, обозначение основных паттернов и моделей организации смыслового содержания с последующей количественной обработкой данных.

Метод критического дискурс-анализа позволил прийти к пониманию, как именно, и с какой целью осуществляется воздействие на массовое сознание получателей информации в конкретном социо-культурном и идеологическом контексте.

Результаты и дискуссия.

Прежде чем перейти к анализу конкретных примеров актуализации медийного дискурса культурной направленности, необходимо определиться с понятием «ценности» в его философском и прагматическом понимании.

В самом простом смысле под данным понятием обычно подразумевается нечто абстрактное, идеальное, «существующее в сфере должного, а не в сфере сущего», не имеющее отношение к базовым потребностям человека [Зеленцова 2010].

Однако, многочисленные эксперименты над животными показали, что даже в анималистическом мире не все поведенческие реакции определяются так называемой «полезностью». Оказалось, что потребность в новизне является необходимым условием

сохранения вида и его эволюции. «Если бы живые существа стремились только к заведомо "полезным результатам", они остановились бы в своем развитии и деградировали», – пишет П. В. Симонов [Симонов, Ершов 1989: 24].

Что касается наследственной природы человека, то кроме базовых физиологических потребностей, ему, согласно исследованиям Э. Фромма, необходимо реализовывать «тенденцию к росту, развитию, способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям» [Фромм 2022]. В свою очередь, желание совершенствоваться и развиваться приводит к стремлению к свободе, так как свобода является неременным условием любого роста, пишет М.Г. Зеленцова [Зеленцова 2010: 79]. Из этих данных выстраивается логическая цепочка: «из объективно обусловленной природы человека вытекают его потребности, из потребностей – цели, а из целей – ценности» [Там же: 80], под которыми понимаются предметы или объекты материального и духовного мира, обладающие большей или меньшей значимостью в соответствии с их способностью помочь человеку достичь главной цели – реализоваться как личность.

Какую роль играют средства массовой информации в этом вечном и неизменном стремлении человека к самосовершенствованию?

Теоретически, масс медиа, конечно же, должны всеми силами укреплять моральные устои общества, обеспечивая такую интерпретацию освещаемого материала, которая соответствует общественным нормам и подчиняется главенствующей идеологии.

Так, в своей статье «Роль и функции СМИ в современном обществе» Л.В. Васильева пишет: «В США и странах Западной Европы журналисты должны руководствоваться принципом социальной ответственности (social responsibility). Он заключается в том, что своими материалами корреспонденты должны способствовать улучшению, совершенствованию общества [Васильева 2010: 11], призывая к этому аудиторию («... newspeople expect to contribute to the betterment of society, spurring media audiences to behave in socially responsible way») [Le Roy 1992: 22].

Выполняя основные функции, а именно - информативную, идеологическую, когнитивную, развлекательную, образовательную и рекламную, СМИ должны соблюдать «определенные конвенциональные ограничения, основанные на социокультурных регулятивах общения (следование этическим нормам, право личности на частную жизнь) [Васильева 2010: 11].

В целом, журналисты призваны формировать ценностные ориентиры общественного сознания, создавать определенную картину мира, контролировать и регулировать поведение огромных масс людей «на основе тех ценностей и политических идеалов, которые задаются особенностями государственного устройства и демонстрируются в СМИ» [Там же: 12]

Что же происходит на самом деле?

Обратимся к подборке публикаций о жизни и творчестве известных личностей, имеющих непосредственное отношение к культурной сфере – певцам, музыкантам, актерам и другим популярным людям, которых можно смело отнести к «субъектам культуры», то есть тем представителям общества, которые призваны способствовать духовному росту и саморазвитию обыкновенных граждан, поднимать их культурный уровень и являться примером для подражания.

Контент-анализ показал, что лишь 15% от общего массива публикаций были посвящены непосредственно творческой деятельности (анонсы премьер, рецензии, интервью о новых проектах). Остальные 85% освещали личную жизнь, внешность, быт и скандалы, связанные с деятелями культуры.

Экономический аспект данной тенденции очевиден и является ключевым драйвером подобного контента. В условиях рыночной экономики и цифровизации медиа, основная бизнес-модель большинства интернет-СМИ строится на привлечении максимального количества кликов и просмотров, что напрямую конвертируется в доход от рекламы. Таким образом, сенсационный, эпатажный и личностно-ориентированный контент, эксплуатирующий низменные интересы и любопытство, оказывается экономически более выгодным, чем материалы, требующие глубокого осмысления и способствующие культурному развитию.

Прежде всего обратимся к заголовкам информационных сообщений и дадим им краткий анализ.

Как правило, они состоят из двух предикативных конструкций: собственно заголовка и подзаголовка, дублирующих одно и то же смысловое содержание. При этом подзаголовок обладает чуть большей конкретикой, которая выражается как в синтаксически упрощенной (укороченной) структуре предложения, так и в лексическом оформлении. Ниже предлагаются примеры, демонстрирующие эту закономерность. Курсивом выделены лексические единицы, выполняющие функцию уточнения значения главных пропозиций.

1) Билли Айлиш опубликовала кадры с полуобнаженной грудью

Певица показала откровенное фото^[1]

2) 61-летний Ленни Кравиц похвастался голым торсом

Певец опубликовал откровенное фото^[2]

3) Артемий Лебедев снова стал отцом: у дизайнера родился 11-й ребёнок

У дизайнера Артемия Лебедева родился 11-й ребёнок^[3]

4) Звезда «СашиТани» приехал на Аляску накануне встречи Путина и Трампа

Актёр Гайдулян приехал на Аляску перед встречей Путина и Трампа^[4]

5) Галкин поделился архивным фото Пугачевой в кожаном мини-платье

Шоумен Галкин показал несколько фото с Пугачевой из музеев^[5]

6) Нюша показала редкое фото в крошечном бикини

Певица Нюша снялась в купальнике на отдыхе у океана^[6]

7) Пожар охватил дом рядом с особняком Филиппа Киркорова

В Красногорске горит дом соседей певца Киркорова^[7]

8) 49-летняя Тина Канделаки в велосипедках показала тренировку на палубе

яхты

Бизнесвумен Тина Канделаки в велосипедках снялась на яхте^[8]

9) Звезда «Универа» показала фигуру в купальнике на яхте: «Модель»

Актриса Наталья Рудова снялась в купальнике на яхте^[9]

10) Фильмы Балабанова проверяют на соответствие традиционным ценностям

Депутат Драпеко заявила, что некоторые фильмы Балабанова могут запретить^[10]

11) Ди Каприо остановили для обыска на частной вечеринке на Ибике

На Ибике полиция не узнала и обыскала *актера Леонардо Ди Каприо*^[11]

12) 42-летняя Светлана Ходченкова в мини-платье из страз снялась на пляже

Актриса Светлана Ходченкова снялась в мини-платье из страз^[12]

13) Волочкова рассказала, готова ли она присоединиться к гарему арабского шейха^[13]

Балерина Волочкова заявила, что никогда больше не выйдет замуж

14) Жена Natan призвала женщин не винить себя в изменах мужа

Жена Natan *Швецова* заявила, что в изменах виновата только одна сторона^[14]

Очевидно, что приведенные заголовки, наряду с информационной, выполняют и рекламную-сенсационную функцию. Их назначение – привлечь внимание читателя к необычным событиям или пикантным деталям личной жизни и внешности известных лиц, и тем самым вызвать у читателей интерес, любопытство, эмоциональное возбуждение.

В указанных информационных сообщениях можно выделить несколько ведущих тем:

- вызывающий внешний вид звезд, демонстрируемый на публике («полуобнаженная грудь», «голый торс», «мини-платье из страз», «крошечное бикини», «кожаное мини-платье», «фото в купальнике», «тренировка в велосипедках»);
- подробности личной жизни знаменитостей (измена мужа, решение не выходить больше замуж, рождение 11-го ребенка, отдых на яхте, у океана, на частной вечеринке на Ибике,);
- неприятные события, касающиеся жизни и карьеры культовых персон (пожар недалеко от дома известного певца, финансовые проблемы мужа певицы, обыск популярного американского актера, арест имущества российского актера из-за долгов, запрет на фильмы талантливого режиссера).

Тексты сообщений изобилуют подробным описанием деталей гардероба и внешнего вида знаменитостей: «Артистка позировала в бюстгальтере, дополнив образ красными заколками для волос, серьгами-кольцами и серебристой цепочкой с кулоном», «61-летний исполнитель предстал на черно-белом снимке в одних штанах, похваставшись

голым торсом с рельефными мускулами. Также он надел цепочки с кулонами и продемонстрировал дреды», «Нюша показала редкое фото в крошечном бикини с металлическими вставками. Волосы она собрала в пучок и отказалась от макияжа. До этого Нюша выступила на вечеринке журнала *Marie Claire*, которая прошла в Москве. Певица вышла на сцену в розовом мини-платье с глубоким декольте и открытой спиной, украшенном стразами. Поп-исполнительница также надела блестящие ботильоны на каблуках, серьги-кольца и массивный браслет», «Несколько недель назад Тина Канделаки выложила в личном блоге видео, где позировала в черном облегающем платье с желтыми перьями и разрезом до бедра. Образ дополнили розовый жакет, золотые мюли, бежевая сумка и очки в золотой оправе. Волосы знаменитости уложили в аккуратный низкий пучок и легкий дневной макияж с акцентом на губах. Позже Тина Канделаки снялась в черном макси-платье, под которое надела бюстгальтер из прозрачного кружева. Телеведущая дополнила образ солнцезащитными очками, красным клатчем, украшениями и босоножками на каблуках», «Наталья Рудова позировала в горчичном топе от бикини с вырезом между чашками и черной пляжной мини-юбке. Образ дополнила бейсболка и серебристая цепочка с крестом. Недавно знаменитость опубликовала в личном блоге видео, где предстала в черном крошечном бикини и ладах в тон. Наталья Рудова снялась с распущенными волосами и без макияжа», «В июне Светлана Ходченкова выложила в личном блоге фото, где позировала в черном топе, поверх которого надела белую рубашку с принтом. Актриса добавила к образу оранжевую мини-юбку, шорты, кроссовки, перчатки, шлем и солнцезащитные очки. Знаменитость снялась с распущенными волосами, стоя на ветке дерева. На одном из снимков Светлана Ходченкова предстала перед камерой в укороченной белой рубашке, которую дополнила мини-юбкой. Ранее Светлана Ходченкова снялась в рубашке и кружевном топе на пляже» и т.д.

Невозможно не заметить многократное повторение приема детализации имиджа известных людей в отобранных для анализа публикациях, используя который авторы решают задачу создания устойчивого образа знаменитостей, воспринимаемого поклонниками в качестве примера для подражания.

Создание устойчивого образа приводит к формированию стереотипа – «распространенного обобщенного и упрощенного представления о предмете или явлении действительности, обладающего выраженной эмоционально-оценочной окраской, обусловленной социокультурными факторами» [Павловская 1998: 6–7]. «Стереотипы», – как пишет Т.Г. Добросклонская, «оказывают влияние на систему ценностей и отношений, на идеологическую подоснову, что в свою очередь неизбежно влияет на восприятие окружающей действительности и формирование культурно-идеологического контекста» [Добросклонская 201: 12].

Из этой логической цепочки следует вывод, что акцентуация эпатажного поведения в виде демонстрации полуобнаженного тела на публике, ношения яркой сексуальной одежды, модной прически и макияжа, воспринимаемых читателями СМИ в качестве символов успеха, вносят существенный вклад в формирование такой системы общественных ценностей, которая не имеет никакого отношения к культуре и не может способствовать ни самосовершенствованию, ни духовному росту людей, потребляющих подобную информацию.

Авторы публикаций не обходят своим вниманием и финансовую сторону жизни знаменитостей. Приведем ряд примеров.

«Певец купил особняк в 2017 году. Общая площадь усадьбы Киркорова — более

гектара. Его ориентировочная стоимость — \$12 млн», «Имущество актера Артура Смольянинова (признан в РФ иноагентом, включен в список террористов и экстремистов) арестовано из-за долгов, передает РИА Новости ссылкой на столичное управление Федеральной службы судебных приставов. Три дня назад стало известно, что судебные приставы забрали Mazda CX-5 Смольянинова за штрафы и просрочку по ипотеке. В феврале ему заблокировали банковские счета в России», «Алла Пугачева снизила гонорар в два раза на лето. По данным СМИ, Пугачева выступила на частном мероприятии в Латвии за 14 млн рублей», «Тем временем молодой муж певицы (Татьяны Булановой), предприниматель Валерий Руднев, оказался в центре финансовых трудностей» и т.д.

Тема финансового благополучия или финансовых затруднений звезд шоу бизнеса вызывает, как правило, негативные переживания у получателей информации (зависть или злорадство), расширяя таким образом спектр эмоциональных впечатлений, и, попутно, нивелируя базовое правило культуры общения – не интересоваться финансовым положением незнакомых людей.

Целевая аудитория подобного контента, судя по тональности и тематике, — это преимущественно молодежь и люди со средним и низким уровнем образования, чье медиапотребление носит развлекательный характер и направлено на заполнение досуга. Именно для этой аудитории стереотипный образ успеха, сводящийся к демонстрации богатства, роскоши и эпатажа, является наиболее привлекательным и легкоусвояемым.

Представляется, что обсуждение интернет-источниками тем, формирующих подобные «культурные» стереотипы в массовом сознании, направлено на заполнение «семантического вакуума», удовлетворение генетически обусловленной потребности людей в новизне ощущений, эмоций, впечатлений, способствующих отключению способности к критическому мышлению.

Поскольку «чем выше развита культура мышления, тем меньше человек склонен оперировать стереотипами» [Благов 2022: 24], то логично предположить, что верна и противоположная закономерность – чем больше заполнено сознание человека навязываемыми СМИ стереотипами, тем труднее ему сформировать свое собственное представление о том, что может быть отнесено к смысловым образцам культуры, а что – нет.

Анализ материалов, опубликованных в изданиях «РБК» и «Коммерсантъ» показал, что они демонстрируют несколько иной подход к освещению культурной жизни страны по сравнению с развлекательными таблоидами. Обратимся к примерам заголовков статей из этих источников.

1) 15) «Книжная дипломатия: как растут продажи книг на русском языке в Европе»^[15]

2) 16) «Писатели активно используют ИИ. К каким проблемам это может привести»^[16]

3) 17) «Музыкальные сервисы начали отказываться от созданной нейросетями музыки»^[17]

4) 18) «Потери \$4 млрд: почему суды не справляются с блокировкой книжных пиратов»^[18]

5) 19) «Как закон против «крестопада» повлияет на музеи и кино»^[19]

- 6) 20) «Почему российские музеи стали зарабатывать почти на треть больше»^[20]
- 7) 21) «Почему кинотеатры в России теряют зрителей»^[21]
- 8) 22) «Как российская анимация зарабатывает на Западе вопреки геополитике»^[22]
- 9) 23) «Джей Ло в Астане, Тимберлейк в Баку: как мировые звезды выступают в СНГ»^[23]
-) 24) «Культурная гильотина. Что изменят в законах об усадьбах и памятниках»^[24]
- 2 25) «Первый канал» завалили судебными исками по поводу музыки»^[25]
- 26) «Продажи переводных книг падают. Как геополитика изменила чтение россиян»^[26]
- 27) «Как нейросети нарушают авторское право и как это меняет законы»^[27]
- 14) 28) «НТВ вышел на рынок ЦОДов: телеканал решил заработать на обработке данных»^[28]

Как видно из примеров, дискурс «качественной прессы» («РБК», «Коммерсантъ») значительно отличается от дискурса развлекательных медиа (Lenta.ru, Super.ru).

В центре внимания репортеров этих изданий – коммерческие интересы объектов культуры (музеев, кинотеатров, телеканалов, музыкальных серверов), правовая сторона организации их деятельности и влияние ИИ на их деятельность.

Вместо создания стереотипов через призму личной жизни и внешности, эти издания сосредотачивают внимание читателей на экономической стороне деятельности каналов культуры. Поскольку их аудитория — это деловые круги, инвесторы, профессионалы индустрии и более образованная часть общества, ожидающая не развлечения, а анализа конкретных событий, предлагаемый ими подход - это фактологический взгляд на индустрию культуры и шоу-бизнеса как на сектор экономики, что также не приближает читателя к осознанию духовных или культурных ценностей, настраивая его исключительно на прагматический лад.

Заключение.

Подведем итог представленному здесь краткому исследованию.

Критический анализ медиа дискурса показал, что создатели новостных сообщений так называемой «желтой прессы», рассказывающих о повседневной жизни знаменитостей, имеющих отношение к культурной сфере, сосредотачивают свое внимание, прежде всего, на описании внешности, предметов гардероба, мест отдыха, личной жизни, финансовом положении звезд. Ключевым драйвером такой подачи является «экономическая модель» современных цифровых медиа, ориентированная на извлечение прибыли через клики и просмотры, что делает сенсационный контент финансово более целесообразным, чем культурно-просветительский.

К основным приемам нарратива можно отнести детализацию (описание внешнего вида) и повтор (структура заголовков, дублирование тематического содержания новостных сообщений).

Установлено, что, создание устойчивого образа предмета нарратива приводит к формированию стереотипического представления о системе ценностей в конкретном

культурно-идеологическом контексте. При этом в массовом сознании читателей происходит нивелирование базовых культурных смыслов, восприятие информации происходит на эмоциональном уровне, критическое мышление оказывается невостребованным.

Думается, что такого рода информация не может способствовать формированию культурной идентичности, а медийный дискурс в этом случае не является пространством культурного взаимодействия СМИ и читателей, превращаясь в инструмент манипуляции сознанием масс, который используется в соответствии с законами рыночной экономики, прежде всего, с целью монетизации внимания аудитории, а не ее просвещения.

Источники примеров:

[1] Ценности: Личности. Lenta.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://lenta.ru/news/2025/08/15/billi-aylish-opublikovala-kadry-s-poluobnazhennoy-grudyu/?ysclid=mepmqncdkg494850151>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://lenta.ru/news/2025/08/15/billi-aylish-opublikovala-kadry-s-poluobnazhennoy-grudyu/?ysclid=mepmqncdkg494850151>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[2] Ценности: Личности. Lenta.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://lenta.ru/news/2025/08/15/61-letniy-lenni-kravits-pohvastalsya-golym-torsom/?ysclid=mepr3gvpiq803808208>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://lenta.ru/news/2025/08/15/61-letniy-lenni-kravits-pohvastalsya-golym-torsom/?ysclid=mepr3gvpiq803808208>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[3] Интернет и СМИ: Интернет. Lenta.ru. 14.08 2025 Доступно по: <https://lenta.ru/news/2025/08/13/artemiy-lebedev-stal-ottsom-v-11-y-raz/?ysclid=meprnaouy4i558074197>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://lenta.ru/news/2025/08/13/artemiy-lebedev-stal-ottsom-v-11-y-raz/?ysclid=meprnaouy4i558074197>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[4] Развлечения: Знаменитости. Ura.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://ura.news/news/1052980915?ysclid=meprnmlfqpn21065971>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://ura.news/news/1052980915?ysclid=meprnmlfqpn21065971>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[5] Новости. Газета.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26501636.shtml?ysclid=mepr02wlnim162289611>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26501636.shtml?ysclid=mepr02wlnim162289611>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[6] Новости. Газета.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498882.shtml?ysclid=mepr09zkg1g107420190>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498882.shtml?ysclid=mepr09zkg1g107420190>. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[7] Новости. Газета.ru. 15.08 2025 Доступно по: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26503394.shtml?ysclid=mepr0dgaaw6271204208>. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26503394.shtml?ysclid=mepr0dgaaw6271204208>.

ysclid=mepodgaaw6271204208. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[8] Новости. Газета.ru.15.08 2025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498894.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498894.shtml?ysclid=mepogl1qaa823765214)

ysclid=mepogl1qaa823765214. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498894.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/15/26498894.shtml?ysclid=mepogl1qaa823765214)

ysclid=mepogl1qaa823765214. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[9] Новости. Газета.ru.14.08 2025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26498480.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26498480.shtml?ysclid=meposqcw9b916905595)

ysclid=meposqcw9b916905595. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26498480.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26498480.shtml?ysclid=meposqcw9b916905595)

ysclid=meposqcw9b916905595. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[10] Общество. Ura.ru. 14.08 2025 Доступно по: [https://ura.news/news/1052980321?](https://ura.news/news/1052980321?ysclid=мерох01sm699168074)

ysclid=мерох01sm699168074. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

<https://ura.news/news/1052980321?ysclid=мерох01sm699168074>. Accessed: August 24,

2025. (In Russ.)

[11] Новости. Газета.ru.14.08 2025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26491172.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26491172.shtml?ysclid=мепп2ppx35300542002)

ysclid=мепп2ppx35300542002. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26491172.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26491172.shtml?ysclid=мепп2ppx35300542002)

ysclid=мепп2ppx35300542002. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[12] Новости.Газета.ru14.082025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26496956.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26496956.shtml?ysclid=мепп4zeel5895233646)

ysclid=мепп4zeel5895233646. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26496956.shtml?](https://www.gazeta.ru/style/news/2025/08/14/26496956.shtml?ysclid=мепп4zeel5895233646)

ysclid=мепп4zeel5895233646. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[13] Новости. Газета.ru.15.08 2025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26500136.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26500136.shtml?ysclid=мепп7we5qn930389973)

ysclid=мепп7we5qn930389973. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26500136.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/15/26500136.shtml?ysclid=мепп7we5qn930389973)

ysclid=мепп7we5qn930389973. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[14] Новости. Газета.ru.14.08 2025 Доступно по:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26492816.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26492816.shtml?ysclid=меппа534mj482738816)

ysclid=меппа534mj482738816. Ссылка активна на 24.08.2025. Available at:

[https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26492816.shtml?](https://www.gazeta.ru/culture/news/2025/08/14/26492816.shtml?ysclid=меппа534mj482738816)

ysclid=меппа534mj482738816. Accessed: August 24, 2025. (In Russ.)

[15] Технологии и медиа. РБК11.10 2025 Доступно по:

https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025.

Available at: [https://pro.rbc.ru/channel/technology media?from=topline](https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline)

Accessed: October 15, 2025. (In Russ.)

[16] Технологии и медиа. РБК20.08 2025 Доступно по:

https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025.

Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

Accessed: October 15, 2025. (In Russ.)

[17] Технологии и медиа. РБК13.08 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

Accessed: October 15, 2025. (In Russ.)

[18] Технологии и медиа. РБК12.09 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

Accessed: October 15, 2025. (In Russ.)

[19] Технологии и медиа. РБК18.07 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[20] Технологии и медиа. РБК10.07 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[21] Технологии и медиа. РБК03.07 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[22] Технологии и медиа. РБК 01.07.2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[23] Технологии и медиа. РБК20.06.2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[24] Технологии и медиа. РБК21.08 2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[25] Технологии и медиа. РБК14.07.2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[26] Технологии и медиа РБК.30.07.2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[27] Технологии и медиа РБК.01.08.2025 Доступно по: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025. Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

[28] Технологии и медиа РБК.04.06.2025 Доступно по:

https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline Ссылка активна на 15.10.2025.
Available at: https://pro.rbc.ru/channel/technology_media?from=topline

Библиография

1. Бирюкова Е. А. О значении понятия "культура". Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12 (4). С. 131-134. EDN: XECEBP.
2. Благоев Ю.В. Межкультурное взаимодействие в СМИ. Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. № 1 (1). С. 20-27. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_1_20. EDN: UDWEAL.
3. Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе. Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 50. С. 9-13. EDN: PZMJGR.
4. Джабраилова В.С., Фомичева М.П. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования. Вестник Московского университета. Журналистика. 2006. № 2 (10). С. 20-33.
5. Добросклонская Т.Г. Моделирование информационных процессов в современном медиапространстве. Вестник Московского университета. Журналистика. 2015. № 4 (10). С. 3-15. EDN: UIXFCB.
6. Зеленцова М.Г. К критике дуалистической теории ценностей в современной философии. Философия и общество. 2010. № 2. С. 77-89. EDN: MWAJZB.
7. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Медийный дискурс как стимулятор истероидного и фобического поведения. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2023. № 3. С. 1-22. EDN: GSIXUB.
8. Курбан Е.Н., Кривошлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов. Социум и власть. Культура. 2013. № 1 (39). С. 97-101.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. Санкт-Петербург: Макет; 1995.
10. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. Россия глазами американцев. 1850–1880 годы. Москва: МГУ; 1998.
11. Рерих Н.К. Избранное. Москва: Правда; 1990.
12. Рощупкин В.Г. Роль субъекта культуры в развитии современного общества. Человеческий капитал. 2019. № 7 (127). С. 132-137.
13. Симонов П.В., Ершов П.М., Вяземский Ю.П. Происхождение духовности. Москва: Наука; 1989. EDN: XSXLTP.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. Москва: АСТ; 2022.
15. Le Roy W.S. Mass media / mass culture. N.Y.: McGraw-Hill, Inc.; 1992.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию медийного дискурса как инструмента формирования культурных стереотипов в современном информационном пространстве. В частности, автор анализирует механизмы воздействия СМИ на массовое сознание через освещение жизни культурных деятелей, способы конструирования устойчивых образов знаменитостей, транслируемую в медиа систему ценностей, дискурсивные практики в освещении темы культуры в «желтой» и «качественной»

прессе.

Автор отмечает, что задачей исследования является «выявление приемов и способов репрезентации информации в медийных текстах, способствующих исключительно эмоциональному восприятию предлагаемого контента, нивелирующего способность к рациональному критическому мышлению». Доказывается, что «нарушение этических норм, границ личностного пространства известных людей тиражируется СМИ намеренно, с целью акцентуации внимания массовой аудитории к темам, создающим «сказочную» картину мира, далекую от реальности».

В качестве методов исследования используются наблюдение, сплошная выборка, контент-анализ и критический дискурс-анализ. Материалом для исследования послужили публикации за период май-октябрь 2025 года на пяти интернет-ресурсах: Lenta.ru, Газета.ru, Super.ru, Ura.ru РБК. Всего проанализировано 150 медиатекстов, что говорит о широте охвата эмпирического материала и подтверждает статистическую обоснованность сделанных выводов.

Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью СМИ в формировании культурной картины мира и трансляции культурных ценностей, необходимостью осмысления механизмов манипуляции сознанием в медиадискурсе, потребностью в критическом анализе стереотипов, транслируемых СМИ, значимостью проблемы для развития осмысленного медиапотребления и критического мышления в обществе.

Работа дополняет существующие исследования конкретными примерами и анализом современных медиапрактик. Научная новизна исследования обусловлена внедрением нового эмпирического материала, систематизацией дискурсивных практик в освещении новостей массовой культуры, выявлении типичных приемов, способствующих формированию стереотипных образов, обоснованием влияния экономических факторов на содержание и тональность медиатекстов о деятелях культуры.

Стиль работы соответствует научному. Структура статьи отражает логику исследования и включает шесть разделов. Во «Введении» определяется актуальность исследования и его проблематика. В разделе «Цель статьи» сформулированы задачи исследования и его цель. В «Обзоре литературы» представлены базовые научные труды, в которых отражены такие понятия, как «культура», «межкультурное взаимодействие», «медиадискурс», «медиатекст», «стереотип» и проч. В разделе «Методы и материал исследования» обозначена и обоснована эмпирическая база, охарактеризованы используемые методы и методики исследования. В разделе «Результаты и дискуссия» представлен анализ эмпирического материала и умозаключения автора. В разделе «Заключение» сделаны релевантные выводы.

Библиографический список репрезентативен (28 источников эмпирического материала и 15 наименований теоретических работ) и включает работы по теории культуры, исследования медийного дискурса, труды по межкультурной коммуникации, публикации о роли СМИ и манипулятивных практиках, источники эмпирического материала. Отметим, что в работе использованы актуальные издания, что свидетельствует о знакомстве автора с современными научными трудами.

Второй делает ряд интересных выводов. Во-первых, современный медийный дискурс «жёлтой прессы» фокусируется на внешности, личной жизни и финансах знаменитостей, формируя стереотипные образы успеха, далёкие от культурных ценностей. Во-вторых, ключевой фактор такой подачи материалов – экономическая модель цифровых медиа, ориентированная на клики и просмотры. В-третьих, приёмы детализации и повтора способствуют закреплению стереотипов и снижению критического мышления. В-четвертых, «качественная пресса» предлагает иной подход в освещении подобных тем, но также не способствует осмыслению духовных и культурных ценностей. В-пятых, медиатексты, посвященные знаменитостям, зачастую манипулируют общественным

сознанием, выполняют развлекательно-сенсационную функцию, не транслируют культурные ценности, не выполняют просветительскую функцию.

Рецензируемая научная работа будет интересна медиаспециалистам, теоретикам журналистики, культурологам, социологам. Данная статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бугров А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы //

Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77314 EDN: VAXACE URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77314

Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы

Бугров Артём Юрьевич

ORCID: 0009-0006-6267-2517

преподаватель; факультет Журналистика ИГСУ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
аспирант; институт журналистики и медиаиндустрий; Российский государственный гуманитарный университет
Ведущий специалист; центр ДПО ИГСУ; ФГБОУ ВО РАНХиГС

125627, Россия, г. Москва, р-н Куркино, ул. Соколово-Мещерская, д. 36, кв. 17

✉ lst0r1kk@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77314

EDN:

VAXACE

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Аннотация: Статья представляет собой сравнительный анализ восприятия Крестьянской реформы 1861 года в ведущих российских («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости») и британских (The Times, The Guardian, Daily Telegraph) газетах. Российская пресса, особенно официальная, формировала нарратив всенародного единения, сакральности акта освобождения и верности монарху, детально освещая практические трудности реализации реформы, но в рамках её безусловной исторической необходимости. Британская пресса прошла путь от осторожного оптимизма (1857–1861) к глубокому скепсису и критике (1865–1870), акцентируя половинчатость реформы, сохранение экономической зависимости крестьянства, авторитарные методы её проведения и прогнозируя долгосрочные системные противоречия. Ключевое различие заключалось в перспективе: российские издания фокусировались на текущих проблемах исполнения внутри принятой парадигмы, тогда как британские оценивали

реформу через призму либерального капитализма и парламентаризма, делая акцент на её системных последствиях для политики, общества и военного потенциала империи. Применяется сравнительно-историческое изучение газетных источников с использованием дискурсивного анализа текстов британской и российской прессы середины XIX века. Научная новизна исследования заключается в выявлении исторической преемственности нарративных моделей, формирующих восприятие крупных социально-политических преобразований в контексте международного взаимодействия государств. Сравнительный анализ показывает, как механизмы легитимации реформы в официальной российской прессе XIX века и её критика в британских медиа формируют прообразы современных стратегий освещения социально-политических преобразований. Исследование демонстрирует существование устойчивых дискурсивных рамок, в которых Россия осмысливает собственные реформы, а западный мир интерпретирует её политику и стратегические намерения. Этот историко-медийный анализ предоставляет ключ к пониманию долгосрочных моделей информационного взаимодействия между Россией и Западом, открывая новые перспективы исследования генезиса расходящихся нарративов о характере и значении государственных трансформаций в условиях современного информационного противостояния.

Ключевые слова:

Крестьянская реформа, сравнительный анализ, Санкт-Петербургские ведомости, Московские ведомости, Зэ Таймз, Зэ Гардиэн, Дейли Тэлиграф, британская пресса, Александр II, общественное мнение

Введение. Крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право, представляет собой ключевой этап социально-экономической и политической модернизации Российской империи. Манифест Александра II от 19 февраля 1861 г. инициировал системную трансформацию аграрных отношений, освободив свыше 22 миллионов человек. Однако значение реформы простирается за пределы юридического акта, выступая катализатором общественных дискуссий, активно рефлексировавшихся в медийном пространстве России и Европы. Сравнительный анализ её преломления в прессе Российской и Британской империй позволяет реконструировать идеологические контексты эпохи и механизмы формирования международного общественного мнения в условиях геополитического соперничества.

Актуальность исследования восприятия реформы обусловлена тремя факторами. Во-первых, пресса являлась ключевым каналом её легитимации в России, где власти стремились представить преобразования как «своевременный и милостивый дар» монарха. Во-вторых, британская пресса, сохранившая память о Крымской войне (1853-1856), интерпретировала реформу через призму конкуренции империй, совмещая оценку её потенциала с критикой российской автократии. В-третьих, сравнительный анализ выявляет транснациональные нарративы либерализма и консерватизма, сформировавшие дискурс модернизации XIX века.

Историографический контекст включает фундаментальные труды по правительственной политике и «крестьянскому вопросу» [Христофоров 2013]; [Долгин 2011], демографическим и экологическим аспектам реформы [Цинцадзе 2009], её культурологическому осмыслению [Колосова 2005]. Современные исследования охватывают сравнительные аспекты освещения в прессе США и Великобритании [Большакова 2011], рецепцию зарубежной историографии, настроения дворянства

[Лузанова 2021], аграрно-правовые противоречия [Обоимова, Ипатов 2024]; [Чашников 2021]. Однако, как справедливо отмечает О.В. Большакова, целостный компаративный анализ медийного освещения, особенно проблемы публичного восприятия реформы за рубежом, остается недостаточно разработанным: «между двумя юбилеями ... англоязычная историография сосредотачивалась преимущественно на институциональных аспектах» [Большакова 2011].

Материалы исследования. В качестве материалов исследования выступили ключевые периодические издания Российской и Британской империй периода подготовки, проведения и непосредственного осмысления Крестьянской реформы 1861 года. Корпус российских источников составили официальные «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» и отражавшие позицию консервативного либерализма «Московские ведомости». Британская пресса представлена влиятельными общественно-политическими изданиями — «The Times», «The Guardian» и «Daily Telegraph». В качестве исследовательского инструментария был применен сравнительно-исторический метод, дополненный дискурс-анализом и элементами контент-анализа. Это позволило не только сопоставить нарративы и оценочные суждения, но и реконструировать идеологические контексты, механизмы формирования общественного мнения и транснациональные дискурсивные практики, определяющие восприятие модернизации в двух империях-соперницах.

Источниковую базу составляют официальные издания Российской империи («Санкт-Петербургские сенатские ведомости», «Московские ведомости») и ведущие британские газеты («The Times», «The Guardian», «Daily Telegraph»). Положения Манифеста^[1] и 17 сопроводительных актов создавали двойственную ситуацию. Тексты Манифеста, сочетая правовую норму, идеологическое обоснование и риторику легитимации, сакрализировали власть монарха и преподносили реформу как акт «царской любви» и милости, а не социальную необходимость. Критический пафос направлялся на «неопределенность» прежних помещичьих прав, при этом создавался идеализированный образ утраченных «патриархальных отношений». Исторические прецеденты (Указ о вольных хлебопашцах 1803 г.^[2], инвентарные правила 1840-х гг. [Ружицкая 2005: 172]) представлялись недостаточными, а сама реформа 1861 г. — исполнением «завещания предшественников». Ключевой для социального примирения стала риторика о «добровольном отказе» дворянства от крепостных прав, маскировавшая факт правительственного давления.

Методологическую основу исследования составляет компаративный анализ дискурсов, позволяющий сопоставить не только содержание, но и идеологические рамки, риторические стратегии и целеполагание публикаций в прессе двух империй. В качестве ключевого исследовательского инструментария был применен сравнительно-исторический метод, который дал возможность проследить эволюцию оценок реформы в динамике (1857–1870 гг.) и выявить национальную специфику нарративов. Для детального анализа текстового материала использовались методы дискурс-анализа, направленные на реконструкцию систем ценностей, латентных смыслов и языковых конструкций, легитимирующих или оспаривающих преобразования. Элементы контент-анализа позволили систематизировать ключевые темы, частоту их появления и оценочные суждения, что обеспечило верифицируемость наблюдений. Такой синтез методов позволил перейти от простого сопоставления мнений к пониманию того, как различные политические системы и медийные среды конструировали фундаментально

разные образы одного исторического события.

Результаты исследования

Санкт-петербургские и Московские ведомости. Анализ материалов «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1860-1861 гг. позволяет реконструировать сложный процесс подготовки, обнародования и начальной реализации Крестьянской реформы 1861 года. Газета выступала не только хроникером, но и активным интерпретатором, формируя общественное восприятие «великого дела»^[3] [Гаес 2023: 205]. Сообщения о деятельности Редакционных комиссий и Главного комитета по крестьянскому делу подчеркивали значимость преобразований, хотя детали оставались секретными^[4]. Параллельно освещалась работа комиссий по смежным вопросам, таким как устройство земских банков, понимаемая как критическая для выкупной операции^[5].

Обнародование Манифеста 5 марта 1861 г. представлено как событие всенародного масштаба. Телеграммы из губерний создавали картину единодушного ликования^[6]. Описание сцены оглашения Манифеста в церкви несло мощный символический заряд перехода от крепостничества к свободе^[7]. Газета отмечала «необычайно трезвое и благоговейное поведение народа», интерпретируя это как признак глубокого осознания значимости события: «Он почти не пил, он словно готовился к великому таинству... забыв кабаки». Этот образ «трезвого народа» стал элементом нарратива о нравственном возрождении.

Однако за риторикой ликования газета фиксировала огромные практические трудности. Публикация текста «Положений» [Антонова 2024: 7] сопровождалась информацией о беспрецедентном спросе, свидетельствующем о жгучем интересе общества. Материалы губернских присутствий по крестьянским делам демонстрировали лавину юридических казусов и конфликтов [Самсонов 2025: 775], вызванных правовой неопределенностью^[8]. Фиксировались многочисленные конфликты между помещиками и временнообязанными крестьянами, обусловленные сопротивлением части дворянства духу реформы. Ярким примером служат действия помещика Остолопова в Ярославской губернии, чья «уставная грамота... по всем пунктам почти противоречащая „Положению“» и требования наказаний крестьян игнорировали реальные обстоятельства, демонстрируя болезненность отказа от внеправовых форм господства и важность мировых посредников как арбитров^[9]. К примеру, возник конфликт между военным губернатором А.Н. Муравьевым и нижегородским дворянством [Селиверстова 2023: 549]. Он был спровоцирован противоречиями в отношении методов проведения реформы и её последствий для дворянства. Конфликт достиг своего апогея, когда Муравьев попытался провести ряд реформ, направленных на перераспределение земель в пользу крестьян. Эти меры вызвали ожесточенное сопротивление со стороны дворянства, которое видело в них угрозу своему социальному положению.

В противовес конфликтам газета приводила единичные примеры конструктивного взаимодействия, как соглашение помещика Запольского с крестьянами Путивльского уезда Курской губернии, заключенное «по обоюдному соглашению». Запольский снизил установленный оброк и способствовал выкупу, создав образец перехода к новым отношениям, подчеркивая зависимость успеха реформы от доброй воли помещиков^[10].

Особое внимание уделялось роли новых институтов – мировых посредников [Шендыгаева 2023: 164] и их съездов. Сообщения подчеркивали их стремление к согласованию действий и разрешению проблем через личное общение, противопоставляя это «вялости

бюрократических приемов» [Там же: 165]. Циркуляр губернатора указывал на необходимость разрешения «недоразумений» между новыми мировыми учреждениями и традиционной полицией для обеспечения «единства действий»^[111], свидетельствуя о сложности интеграции сословно-общественных институтов в бюрократическую систему. Экономические аспекты, включая дискуссию о преимуществах децентрализованной системы земских банков^[12], указывали на осознание необходимости финансовой инфраструктуры для выкупной операции. Однако после начала реформы письма помещиков, подобные письму А.Роота^[13], жаловавшегося на резкое падение производительности труда временно обязанных крестьян, показывали тяжелые экономические реалии переходного периода, вынуждавшие сокращать запашку и искать альтернативы [Карпачев 2023: 8].

Газета фиксировала рост общественной инициативы, связываемый с духом преобразований: бурный рост воскресных школ^[14], открытие клубов, сбор средств крестьянами на храм в честь освобождения^[15]. Обсуждение в дворянских собраниях вопросов гласного суда^[16] показывало восприятие реформы как начала широкой модернизации. «Санкт-Петербургские ведомости» представляли реформу как сложный, многомерный процесс, активно формируя ее символизм и подчеркивая историческую роль Императора-Освободителя, одновременно фиксируя практические трудности и сохраняя позитивный контекст^[17].

«Московские ведомости», заняв более консервативную позицию под влиянием М.Н. Каткова (редактор-арендатор с 1863 г.), признавали историческое значение реформы, но жестко критиковали ее механизмы и выражали глубокую озабоченность последствиями^[18]. Финансовое бремя выкупной операции рассматривалось как главный источник экономического стресса государства, «значительно увеличивающий обязательства государства» и ограничивающий финансовый маневр. Глубокую тревогу вызывало влияние реформы на стабильность империи, ассоциируемое с рисками «разложения», «центробежных стремлений» и проникновения «яда всесветной революции». Парадоксально, но опыт реформы и мобилизации во время Польского восстания 1863 г. [Бендин 2023: 189] служил главным аргументом в пользу «политической зрелости» русского общества: «помещик и крестьянин бросили свои счета, все собралось вокруг престола... жертвовать всем для сохранения чести и целостности отечества», косвенно признавая формирование новой общероссийской идентичности.

В полемике со славянофилами (Ю.Ф. Самарин) газета резко критиковала сохранение общинного землевладения и круговой поруки, видя в них пережитки крепостничества. Круговая порука оценивалась как «продолжение крепостного права» и «тормоз прогресса»^[19]. Будущее развитие связывалось с эволюционным усилением личной свободы крестьянина и развитием земского самоуправления^[20]. Программная статья 1864 г. резюмировала позицию: признавая, что реформа пробудила «науку, гуманность, доброжелательство»^[21], газета настаивала на разделении благого «руководящего чувства» и проблемного «практического исполнения», где финансовое бремя оставалось ключевой проблемой. Резко критиковался петербургский «прогрессизм» за увлечение процессом в ущерб содержанию. Урок реформы виделся в необходимости осмотрительности, последовательности и прагматизма: «Мы должны знать, что мы делаем».

Публикации 1865-1870 гг. развивали либерально-экономическую программу. Велась последовательная борьба против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов, объявленного тормозом развития и аналогичного крепостному праву [22]. Особое внимание уделялось дискриминационному положению государственных крестьян [Новикова 2023: 27], оказавшихся в худшем положении, чем бывшие помещичьи [23]. Проблема свободы передвижения «передвижене» увязывалась с критикой неотчуждаемости и общины [Баранов 2025: 66]. Свобода миграции виделась ключом к преодолению отсталости: «рабочая сила... только и может свободным своим движением восстановить кровообращение... русской земли» [24]. Требовалась отмена подушной подати и барьеров для переселения как «второе действительное освобождение». Критиковались общинные институты, особенно круговая порука и общественные запашки, объявляясь шагом к чуждому коммунизму [25]. Несмотря на критику, высоко оценивалась роль дворянства в проведении реформы, его «великий гражданский подвиг» и патриотизм [26], а также «здравый смысл народа», проявленный в удивительном спокойствии после освобождения. Публикации «Московских ведомостей» представляли последовательную программу углубления экономических реформ (частная собственность, свобода договора и передвижения) при сохранении социально-политической стабильности, являясь ценным источником для понимания идеологических течений пореформенной эпохи.

Таблица 1. Сравнение Санкт-петербургские ведомостей и Московских ведомостей

Критерии Сравнения	Санкт-петербургские ведомости (Официальная позиция)	Московские ведомости (консервативно-либеральная позиция под редакцией М.Н. Каткова)
Общая идейно-политическая позиция	Официально-лояльная, проправительственная.	Критически-консервативная с элементами либерального, признание исторической необходимости, но резкая критика исполнения и последствий
Основная задача дискуса	Сформировать символический нарратив всенародного единства и поддержки “великого дела”, представив реформу как исполнение воли монарха-освободителя	Анализировать практические провалы и системные риски, сформулировать программу “исправления” реформы через углубление экономических свобод
Тон и риторика в 1861 г.	Торжественно-лидирующий, сакральный. Описание “благотворительного” и	Ранний период (до 1863 г.) - более сдержанный, в последующем - аналитически-

	“трезвого” народа, “великого таинства” освобождения	критичный, тревожный
Ключевые символы и нарративы	- Император: сакральная фигура Освободителя; - Дворянство: в целом позитивно, но отмечается сопротивление части; - Крестьяне: “благоговейный”, сознательный народ; - Новые институты: (мировые посредники): позитивно, как арбитры и двигатели согласия	- Император: признается инициализатор, но критикуется за допущенные ошибки; - Дворянство: высоко оценен “великий гражданский подвиг” и патриотизм; - Крестьяне: “здравый смысл народа”, но они - жертвы плохих законов; нуждаются в “втором освобождении”; - Петербургская бюрократия (“прогрессизм”): резкая критика за увлечение процессом в ущерб содержанию
Видение будущего развития	Реформа - начало широкой модернизации (развитие суда, земств, народного образования). Акцент на эволюционном развитии в рамках существующей системы	Необходима программа углубления реформ: • Частная собственность на землю (отмена неотчуждаемость наделов); • Свобода договора передвижения (отмена подушной подати и барьеров) • Учреждение общинных институтов (круговая порука, общественные запашки)
Роль в общественной дискуссии	Интерпретатор и проводник официального курса, формирование “позитивного” общественного восприятия	Критик и идеолог альтернативного (либератно консервативного) пути развития, выразитель интересов части поместного дворянства и формирующейся либеральной бюрократии

Times, Daily Telegraph, The Guardian) 1857–1870 гг. представляет ценный источник для изучения международного восприятия отмены крепостного права в России. Эволюция оценок демонстрирует смену фаз: от осторожного оптимизма к разочарованию реализацией и анализу системных последствий^[27].

Первые публикации фиксировали переход российского правительства от деклараций к поиску механизмов реформы. The Times (1857) выделяла ключевые препятствия: региональную дифференциацию крепостничества и сопротивление дворянства как главный барьер "opposition on the part of the nobles... is as great as it is"^[28]. Daily Telegraph (1857) акцентировала морально-этическую составляющую, подчеркивая принципиальное отличие от положения английского рабочего – отсутствие у крепостного контроля над собственной судьбой "no control over his future destinies" и унижительную суть зависимости. Анализ указа о реформе в западных губерниях отмечал его компромиссный характер.

По мере приближения 1861 года тон становился критичнее. The Times (1860) фиксировала углубляющийся конфликт между правительством и дворянством, сосредоточенным на финансовых аспектах, а также провал создания ипотечных банков из-за капиталистического недоверия^[29]. Daily Telegraph (1860) детализировала программу консервативной оппозиции, предлагавшей ограниченное освобождение и игнорирующей системную коррупцию^[30]. Непосредственно перед публикацией Манифеста Daily Telegraph (февраль 1861) предупреждала о рисках крестьянских волнений, связывая их со злоупотреблениями помещиков "short lease of tyranny", иллюстрируя это случаями вроде Воронежского инцидента^[31]. The Times (февраль 1861) подвергла критике пассивность дворянства и авторитарный метод проведения реформы, создавший опасный прецедент: "When an autocrat... aspires to effect by a coup de main an organic change... he must expect to see it followed by a period of stagnation, reaction, and mutilation"^[32]. Восприятие самого Манифеста Daily Telegraph (март 1861) отличалось акцентом на его декларативности и непонимании народом реальных условий, а также критикой компромиссного механизма^[33]. Уже к концу 1861 года The Times отметила нарастание системного кризиса, проявившегося в репрессиях власти^[34], а Daily Telegraph констатировала радикальный сдвиг в позиции дворянства, превратившегося в силу, требующую конституционных ограничений монархии^[35].

К середине 1860-х оценки ужесточились. The Guardian (1865) анализировал институциональные противоречия, подчеркивая антагонизм между бюрократией и дворянством, цитируя презрительное отношение чиновников к помещикам "spat upon the nobles"^[36]. Разоблачалась коррупция и искусственное завышение цен при выкупных операциях. Daily Telegraph (1865) прямо называла реформу половинчатой "emancipation means in fact only one-half of the operation", проводя аналогии с эксплуатацией ирландских арендаторов^[37]. Экономические потери дворянства порождали конституционные инициативы, но их мотивы оценивались скептически.

К 1870 году фокус сместился на долгосрочные последствия. Daily Telegraph отмечала парадоксальный эффект: формирование класса мелких собственников создавало антивоенные настроения, но качественно меняло мотивацию солдат – "free men, with a stake in the country"^[38]. Подчеркивалась трансформация основ лояльности (от защиты от помещика к религиозно-патриотическому компоненту) и кардинальное изменение стратегических возможностей империи благодаря развитию железнодорожной

инфраструктуры [\[39\]](#).

Эволюция британских оценок демонстрирует переход от анализа предпосылок к осмыслению системных политических, социальных и военных последствий. Критический анализ половинчатости реформы, бюрократического произвола и сохранения элементов экономической зависимости крестьянства оказался во многом пророческим, предвосхитив проблемы пореформенного развития России. Британские корреспонденты, несмотря на определенную тенденциозность, сумели зафиксировать ключевые противоречия «революции сверху», осуществлённой без трансформации политической системы.

Таблица 2. Сравнение The Times, Daily Telegraph, The Guardian

Критерии Сравнения	The Times	Daily Telegraph	The Guardian
Общая идейно- политическая позиция	Официальный голос британского истеблишмента. Оценка через призму государственных интересов, стабильности и геополитического соперничества.	Популярная газета, отражающая взгляды среднего класса. Акцент на моральной оценке, человеческом аспекте, сенсационных деталях.	Орган либеральной интеллигенции. Аналитический фокус на институциональных противоречиях, социальной справедливости и принципах либерализма
Основная задача дискуса	Анализ системных последствий реформы для внутренней стабильности и внешнеполитического потенциала Российской империи. Предупреждение об опасностях авторитарной модернизации.	Донести драматизм события до широкой публики, дать яркую моральную оценку, связать с понятными британцу реалиями (ирландский вопрос).	Выявить глубинные институциональные и социальные противоречия российской системы, которые реформа не разрешает, а зачастую усугубляет.
Ключевые символы и нарративы	- Авторитарный произвол: реформа как «coup de main», ведущий к стагнации. - Конфликт элит: правительство против дворянство. - Системный кризис	- Моральная драма: крепостной как человек «без контроля над судьбой». - Половинчатость: «только одна	- Институциональный антагонизм: презрение бюрократии к дворянству («spat upon the nobles») - Системная коррупция: как

	как закономерный итог.	половина операции». - Яркие аналогии: прямое сравнение с эксплуатацией ирландских арендаторов.	механизм реализации реформ (завышение выкупных цен)
Видение будущего развития	Фокус на политических последствиях: радикализация дворянства, превращающегося в конституционную оппозицию. Оценка изменений в социальной базе империи.	Фокус на социальных и военных последствиях: формирование нового класса солдат-собственников («free men, with a stake in the country»), изменение мотивации армии.	Общий анализ системных противоречий, которые реформа не устранила, сделав их лишь менее явными, но более взрывоопасными.
Видение движущих сил и препятствий	Главное препятствие: корыстное, пассивное дворянство, чьи финансовые интересы блокируют прогресс. Главная сила/проблема: авторитарное правительство, чьи методы порождают новые конфликты.	Главное препятствие: злоупотребления и «тирания» помещиков («short lease of tyranny»). Акцент: на человеческом страдании крестьян и их потенциальном бунте.	Главное препятствие: сама бюрократическая система, коррумпированная и презирующая все сословия. Фокус: на институтах как источнике зла.
Отношение к России в целом	Соперничающая, но значимая империя, чьи внутренние процессы напрямую влияют на европейский баланс сил. Оценка трезвая и стратегическая.	Объект морального осуждения и одновременно любопытства. Часто изображается как экзотический, отсталый и	Объект критического социального исследования. Рассматривается как наглядный пример пороков автократии и отсутствия правовых

		жестокий антипод Британии.	институтов.

Обсуждение. Сравнительный анализ медийных нарративов Крестьянской реформы 1861 года в Российской и Британской империях выявляет не просто разницу в тональности, а фундаментальное различие в самих целях и эпистемологических рамках публичного высказывания. Российская пресса, функционировавшая в поле государственного давления и цензуры, была вынуждена решать в первую очередь внутреннюю политическую задачу: сконструировать и внедрить в общественное сознание легитимный образ реформы как национального проекта, направляемого сакральной волей монарха^[40]. Даже критический дискурс «Московских ведомостей», сфокусированный на финансовой обузе и институциональных недостатках^[41], оставался в границах «системной» критики, нацеленной не на отрицание преобразования, а на его «исправление» и углубление через развитие экономического либерализма^[42]. Таким образом, отечественная пресса выступала активным участником сложного процесса социального примирения и легитимации, формируя символический капитал власти и одновременно фиксируя «болезни роста» нового общественного устройства.

Британская же пресса, свободная от внутренних ограничений российской политической системы, могла позволить себе позицию внешнего, аналитического наблюдателя, чья критика была обусловлена не только геополитическим соперничеством, но и нормативными установками либерального капитализма и парламентаризма. Её центральным нарративом стала критика системной половинчатости и авторитарного метода^[43]. Британские издания мгновенно перевели дискуссию с констатации факта освобождения на анализ его институциональных изъянов: коррупции при выкупных операциях^[44], сохранения экономической зависимости^[45] и трансформации политического ландшафта империи. Поразительна их прогностическая точность: предсказания о нарастании конфликта между бюрократией и дворянством, о сохранении глубинных социальных антагонизмов и о трансформации военного потенциала России через создание класса солдат-собственников^[46] в полной мере оправдались в пореформенный период.

Итоговое противопоставление можно свести к дихотомии «дискурс легитимации» versus «дискурс системной критики». Российская пресса создавала комплексный, внутренне противоречивый, но в целом лояльный образ национальной модернизации, в котором практические трудности выступали как преодолимые издержки исторически верного пути. Британская пресса сконструировала последовательно критический мета-нарратив, разоблачавший фундаментальные пороки авторитарной модели развития. Это сравнение демонстрирует, как одно и то же историческое событие кардинально преломляется в медийных полях, структурированных разными политическими системами, идеологиями и задачами. Изучение этих отражений позволяет реконструировать не только ход реформы, но и сами принципы формирования общественного мнения и идеологических баталий в трансатлантическом пространстве XIX века.

Таблица 3. Сравнение Русской и Британской прессы

Критерии сравнения	Российская пресса («Санкт-	Британская пресса («The Times», «The Guardian»,

	Петербургские ведомости», «Московские ведомости»)	«Daily Telegraph»)
Идеологическая позиция и перспектива	Внутрисистемная. Лояльная или критическая, но в рамках национального проекта имперской модернизации.	Внешняя, либерально-критическая. Оценка через призму геополитического соперничества и ценностей парламентаризма.
Основной фокус внимания и нарратив	Легитимация и практика: Сакрализация Манифеста как «дара», фиксация трудностей реализации (юридические казусы, конфликты, критика механизмов (финансовая обуза)	Системная критика и последствия: Осуждение авторитарного метода («coup de main»), половинчатости («one-half of the operation»), коррупции («spat upon the nobles»), анализ долгосрочных эффектов
Оценка ключевых акторов	Император: Сакральный Освободитель. Дворянство: Носитель «гражданского подвига», но часть – сопротивление. Крестьяне: «Благоговейный» народ или объект дальнейшего освобождения.	Император/Правительство: Автократ и коррумпированная бюрократия. Дворянство: Препятствие, затем конституционная оппозиция. Крестьяне: Жертвы системы, будущие солдаты-собственники.
Видение причин и последствий	Реформа – исторически необходимое, но сложное «великое дело», начало дальнейших преобразований (суд, земство). Проблемы – трудности роста, требующие эволюционных реформ (отмена	Реформа – вынужденная полумера, вскрывающая пороки автократии. Последствия – системный кризис, социальная нестабильность, но и изменение военного потенциала империи. Прогноз преимущественно пессимистичный.

	общины).	
Хронологическая динамика тона	От ожидания и ликования (1861) к прагматичной фиксации проблем и программной критике (1864-1870).	От осторожного оптимизма (1857) к резкой критике (1860-1861) и разочарованию с анализом системных провалов (1865-1870).

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует, что пресса выступала не просто регистратором, но и активным конструктором исторического знания о реформе. Отечественные издания формировали «живой» и многогранный нарратив, в котором официальная сакрализация событий сочеталась с пристальным вниманием к болезненным практическим коллизиям, от юридических казусов до падения производительности труда. Британская пресса, в свою очередь, создала целостный аналитический мета-нарратив, который перевел обсуждение из плоскости конкретного события в плоскость системной критики политического устройства России. Таким образом, медийное поле стало эпистемологическим фильтром, кардинально преломлявшим смыслы одного события для двух разных цивилизаций.

Исследование также выявляет ключевую роль нарративных мифологем и символов в медийной легитимации масштабных социальных преобразований. Образы «трезвого народа», «монарха-освободителя», «великого гражданского подвига» дворянства в российской прессе или, напротив, метафоры «coup de main» и «половинчатой операции» в британской — выступали не просто риторическими фигурами, а смысловыми ядрами, вокруг которых кристаллизовалось общественное мнение. Умение создавать и внедрять такие символические конструкции оказывалось не менее важным инструментом политики, чем сами законодательные акты.

В конечном счете, работа подтверждает историческую преемственность базовых механизмов медийного освещения реформ. Стратегии XIX века — от формирования сакрального ореола вокруг власти и акцента на практических трудностях до внешней критики системных изъянов — находят прямые аналогии в современных информационных кампаниях. Это позволяет рассматривать прессу не как пассивное зеркало эпохи, а как самостоятельную силу, которая, оперируя специфическими для каждой политической культуры дискурсивными практиками, участвует в долгосрочном проектировании коллективной памяти и национальной идентичности.

[1] Манифест 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 7: Документы крестьянской реформы / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1989. С. 27–32.

[2] Российское законодательство X-XX вв. Т.6, 1988

[3] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 52.

[4] Санкт-Петербургские ведомости. 1860. №227.

[5] Санкт-Петербургские ведомости. 1860. №60.

- [6] Санкт-Петербургские ведомости. 1861, №56, №57, 58, №59.
- [7] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. №60.
- [8] Санкт-Петербургские ведомости.1861. №110.
- [9] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. №216.
- [10] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. №264.
- [11] Санкт-Петербургские ведомости, №227, 1861.
- [12] Санкт-Петербургские ведомости, №54, №60, 1860.
- [13] Санкт-Петербургские ведомости, №227, 1861.
- [14] Санкт-Петербургские ведомости, №60, 1861.
- [15] Санкт-Петербургские ведомости, №88, 1861.
- [16] Санкт-Петербургские ведомости, №56, 1860.
- [17] Санкт-Петербургские ведомости, №60, 1861.
- [18] Московские ведомости. Февраль 1864.
- [19] Московские ведомости. Февраль 1864.
- [20] Московские ведомости. Апрель 1864.
- [21] Московские ведомости. Декабрь 1864.
- [22] Московские ведомости. Февраль, 1865.
- [23] Московские ведомости. Январь 1865, Апрель, 1868.
- [24] Московские ведомости. Апрель, 1868.
- [25] Московские ведомости. Апрель, 1868.
- [26] Московские ведомости. Февраль, 1870.
- [27] The Times, July 28, 1857, Daily Telegraph, December 25, 1857, The Times. January 21, 1860
- [28] The Times, July 28, 1857
- [29] The Times. January 21, 1860.
- [30] Daily Telegraph. March 29, 1860.
- [31] Daily Telegraph. February 19, 1861.

- [32] The Times. February 19, 1861.
- [33] Daily Telegraph. March 16, 1861.
- [34] The Times. November 1, 1861.
- [35] Daily Telegraph. November 8, 1861.
- [36] The Guardian, July 28, 1865
- [37] Daily Telegraph, February 4, 1865.
- [38] Daily Telegraph, November 19, 1870
- [39] Daily Telegraph, November 19, 1870
- [40] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 59.
- [41] Московские ведомости. Февраль 1864.
- [42] Московские ведомости. Февраль 1870.
- [43] The Times. February 19, 1861.
- [44] The Guardian, July 28, 1865.
- [45] Daily Telegraph, February 4, 1865.
- [46] Daily Telegraph, November 19, 1870.

Библиография

1. Новикова Е.В. Крестьянская повседневная жизнь в Российской империи в XIX веке // Аграрная история. 2023. № 14. С. 23-32. EDN JBXZYG. https://doi.org/10.52270/27132447202314_23
2. Антонова Е.Г. Правовые аспекты аграрной реформы 1861 года // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 6-8. EDN VITOMY. https://doi.org/10.47643/1815-132920243_6
3. Баранов Д.А. Анализ взглядов на эволюцию крестьянской общины в российской историографии // Аграрная история. 2025. № 21. С. 63-72. EDN LERZZW. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15168891>
4. Бендин А.Ю. Решение "русского вопроса" польскими сепаратистами и русскими "революционерами" в 1861–1863 годах // Тетради по консерватизму. 2023. № 3. С. 187-202. EDN FARMFZ. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-187-202>
5. Большакова О.В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 14-26. EDN OFXJWB.
6. Гаес М.А. К вопросу о готовности общественных масс к отмене крепостного права в России в 1861 году // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5(81). С. 202-206. EDN RXLHMZ.
7. Долгих А.Н. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796–1825 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара: [б.и.], 2011. 35 с. EDN: ZODYFD.
8. Иерусалимский Ю.Ю. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX

- века о крестьянской реформе 1861 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 71-75. DOI: 10.17223/15617793/415/9. EDN: VNMEYV.
9. Карпачев М.Д. Крестьянский консерватизм и аграрные реформы в России в начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 5-12. EDN PLVNXJ.
10. Колосова Н.Н. Общественная реформа в контексте культурологического анализа: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону: [б.и.], 2005. 22 с. EDN: NJUPVB.
11. Кондратьев С.В. Предреволюционная Шотландия // Европа. 2012. № 11. С. 112-138. EDN PENONZ.
12. Лузанова Н.А. Теоретико-методологические проблемы изучения вопроса "Общественные настроения российского дворянства накануне крестьянской реформы 1861 г." // Энигма. 2021. № 32. С. 109-121. EDN UUTAE.
13. Обоимова Р.В., Ипатов А.М. Проекты решения земельного вопроса и их реализация в ходе крестьянской реформы 1861 года // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 2(303). С. 25-31.
14. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
15. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: Наука, 2005. 314 с. EDN: QWNOYV.
16. Самсонов Д.Д. Организация формирования нормативной базы крестьянской реформы (1857–1861 гг.) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 4(104). С. 773-778. EDN MIDNMN.
17. Селиверстова Н.М. Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева с нижегородским дворянством в период крестьянской реформы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 4. С. 546-558. EDN QNNFKO. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>
18. Христофоров И.А. Риторика обращения к "истории" при решении крестьянского вопроса в правительственных кругах в XIX в. // Пути России. Историзация социального опыта: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 04-05 февр. 2011 г. / под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.П. Жаркова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 528-539. EDN YWKGOK.
19. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические аспекты подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года в оценках современников: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Тамбов: [б.и.], 2009. 24 с. EDN: NKSEGX.
20. Чашников М.А. Крестьянская реформа 1861 г. Изменение правового положения крестьянства // Вестник науки. 2021. Т. 4, № 1(34). С. 145-150. EDN: NHFRUM.
21. Шендыгаева А.В. Трансформация образа мирового посредника в контексте реализации Крестьянской реформы 1861 г. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8(112). С. 163-171. EDN AOFYGJ. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.24>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию репрезентации реформы

отмены крепостного права в России в качественной отечественной и английской прессе. Исследуется роль СМИ в формировании общественного мнения, выявляются ключевые нарративы, мифологемы, риторические приемы, идеологические и оценочные компоненты, объективированные в анализируемых изданиях.

В исследовании применяются дискурс-анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод, что позволяет определить «как различные политические системы и медийные среды конструировали фундаментально разные образы одного исторического события» и выявить «систему ценностей, латентных смыслов и языковых конструкций, легитимирующих или оспаривающих преобразования в России».

Актуальность исследования обусловлена тремя факторами. Во-первых, выявлены базовые нарративы российской прессы, где политические и социальные преобразования представлены как «своевременный и милостивый дар» монарха. Во-вторых, установлено, что в британской прессе представлена преимущественно критика действий российской власти. В-третьих, проведенный сравнительно-сопоставительный анализ выявляет доминантные нарративы, сформировавшие дискурс модернизации XIX века в отечественных и зарубежных СМИ.

Научная новизна исследования определена тем, что в научное поле вводится новый корпус текстов, проведен сопоставительный анализ репрезентации темы «Отмена крепостного права в России», выявлены субтемы, идеологические, оценочные и критические аспекты их освещения.

Стиль работы соответствует научному. Структура работы позволяет проследить логику исследования. Во «Введении» обозначены предмет и актуальность работы, определена теоретическая база исследования, включающая фундаментальные труды по правительственной политике и «крестьянскому вопросу», демографическим и экологическим аспектам реформы, её культурологическому осмыслению. Кроме того, представлена теоретическая база, в которую вошли труды, посвященные анализу освещения реформы отмены крепостного права в российских, американских и британских СМИ. В разделе «Материалы исследования» охарактеризован корпус текстов, который был изучен автором. Так, в эмпирическую базу вошли публикации в отечественных газетах «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» и «Московские ведомости» и в английских СМИ – «The Times», «The Guardian», «Daily Telegraph». Кроме того, были изучены Положения Манифеста и 17 сопроводительных актов. В разделе «Результаты исследования» проведен сравнительно-сопоставительный анализ репрезентации изучаемой темы на страницах указанных изданий. Данные представлены в таблице, что резюмирует и систематизирует умозаключения автора.

В источниковую базу исследования включено 45 текстов анализируемых изданий и текст Манифеста 19 февраля 1861 года. В Библиографическом списке представлен 21 источник, включая как фундаментальные монографические работы, так и современные научные статьи, связанные с заявленной проблематикой.

Конфликт интересов не обнаружен. Автор корректно цитирует работы других исследователей, расширяя тематическое и содержательное поле научных работ по данной теме.

Автор делает выводы, что, во-первых, пресса выступала активным конструктором исторического знания о реформе. Отечественные издания «формировали «живой» и многогранный нарратив, в котором официальная сакрализация событий сочеталась с пристальным вниманием к болезненным практическим коллизиям, от юридических казусов до падения производительности труда. Британская пресса зачастую переходила в плоскость системной критики политического устройства России». Во-вторых, в отечественной прессе выявлены мифологемы «трезвый народ», «монарх-освободитель», «великий гражданский подвиг» дворянства в российской прессе, в то время как

британские СМИ использовали метафору «половинчатой операции» и последовательно критиковали проведенную реформу. В-третьих, определена динамика трансформации освещения темы, связанной с реформой отмены крепостного права: российская пресса «создавала комплексный, внутренне противоречивый, но в целом лояльный образ национальной модернизации, в котором практические трудности выступали как преодолимые издержки исторически верного пути, а британская пресса сконструировала последовательно критический мета-нарратив, разоблачавший фундаментальные пороки авторитарной модели развития».

Рецензируемая научная работа может быть интересна историкам, культурологам, специалистам по истории отечественной и зарубежной журналистики. Статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван П. Профессиональная идеология журналистского образования в КНР (2001–2024) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.76972 EDN: VCFLCM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76972

Профессиональная идеология журналистского образования в КНР (2001–2024)

Ван Пин

ORCID: 0009-0009-9188-0579

Санкт-Петербургский государственный университет, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербург, Россия.
аспирант

199178, г. Санкт-Петербург, 5-я линия Васильевского острова, д. 66, кв. 225

✉ 1366892929@qq.com

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.76972

EDN:

VCFLCM

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2025

Аннотация: Предметом исследования является трансформация профессиональной идеологии журналистского образования в современном Китае, а объектом – функционирующая в этой сфере образовательная система, включающая цели подготовки, структуру программ и практико-ориентированные механизмы формирования профессиональных установок. В данном контексте автор подробно анализирует изменение образовательных приоритетов, обновление содержания учебных дисциплин, усиление нормативно-ценностных компонентов и способы их закрепления через учебные планы, обязательные курсы, медиапрактику и деятельность университетских медиа. Особое внимание уделяется тому, как процессы цифровизации, внедрение технологий медиаконвергенции и расширение цифровых платформ влияют на формирование компетентностного профиля будущего журналиста, определяют требования к его профессиональному образу и способствуют выстраиванию целостной модели подготовки в условиях быстро меняющейся коммуникационной среды. Методология исследования опирается на институциональный и идеологический подходы, в качестве основных

методов применяются анализ нормативных документов, учебных материалов и научной литературы, а также анализ кейса на примере Пекинского университета. Новизна исследования состоит в системном применении и контекстной адаптации параметрически-индикаторного подхода И. Н. Блохина к анализу профессиональной идеологии журналистского образования Китая. В работе предложена трёхуровневая аналитическая рамка – ценностно-нормативная, институциональная и технологическая, – операционализированная в виде прикладных критериев и пригодная для межвузового сопоставления (пример – учебный план Пекинского университета). Мой вклад заключается в адаптации методологии И. Н. Блохина к китайскому контексту и разработке индикаторов, обеспечивших прикладной анализ и структурное сравнение образовательных моделей. В заключении отмечается, что в 2001–2024 гг. журналистское образование КНР оформилось как многослойная политико-технологическая система, где марксистско-ленинское ценностное ядро институционализировано, а государственные инициативы и медиаконвергенция формируют регулятивные рамки. На фоне цифровизации профессиональные компетенции включают владение платформами, данными и ИИ-инструментами, а также обеспечение ценностно ориентированного содержания и задач внешней коммуникации. В этих условиях подготовка журналистов с развитой международной коммуникационной компетентностью – от межкультурного нарратива до анализа глобальных повесток и стратегий продвижения – становится ключевым элементом образовательной модели и инструментом реализации целей «рассказа о Китае» и укрепления международной дискурсивной позиции страны.

Ключевые слова:

журналистское, К Н Р , профессиональная идеология, параметрически индикаторный подход, Пекинский университет, образование, механизмы, компетентностная модель, цифровая трансформация медиа, медиаконвергенция

В условиях глобализации и цифровизации журналистское образование переживает глубокую трансформацию. Расширение трансграничной информационной среды требует включения в учебные программы компонентов, связанных с межкультурной коммуникацией и глобальной медиаграмотностью [\[1\]](#). Одновременно с этим, формируется новый набор профессиональных компетенций: всё большее значение приобретают навыки работы с данными, алгоритмическое мышление и управление медиаплатформами [\[2\]](#). Это свидетельствует об отходе от классической модели подготовки, ориентированной исключительно на работу в редакции .

Растёт интерес к переосмыслению социальной функции журналистского образования. Deuze подчёркивает, что оно должно формировать не только технические умения, но и способность к критическому мышлению, осознание общественной миссии журналиста [\[3\]](#). В свою очередь, Patterson указывает на нехватку в современных программах социальных и гуманитарных знаний и предлагает концепцию «журналистики, основанной на знаниях», которая помогает будущим журналистам осмысленно интерпретировать происходящее и действовать в интересах общества [\[4\]](#). Подобные ориентиры легли в основу международных подходов, таких как модель учебных планов ЮНЕСКО, где особое внимание уделено этическим нормам, мультимедийным навыкам и цифровой грамотности [\[5\]](#).

Данные международного исследования Worlds of Journalism Study подтверждают:

трансформация затрагивает не только образовательные подходы, но и само профессиональное самосознание журналистов. На первый план выходят аналитические компетенции и цифровые практики, расширяются ожидания к функционалу журналиста [6]. В итоге, система подготовки сдвигается от ремесленной логики к междисциплинарной модели, объединяющей технологии, ценности и общественную ответственность.

В международной академической среде отсутствует четко сформулированное понятие профессиональной идеологии журналистского образования в условиях цифровизации. Однако российские исследователи высказывают по поводу этого понятия целый ряд различных подходов и интерпретаций [7].

Российские исследователи всё чаще рассматривают модернизацию журналистского образования как структурную трансформацию, происходящую под двойным давлением технологических изменений и ценностных конфликтов. В условиях стремительного развития цифровых технологий, по наблюдению Дёминой, радикально меняются логика функционирования медиа и характер коммуникационных процессов: возрастает значимость взаимодействия человека с высокими технологиями, психологии цифровой коммуникации [8], а также исследований культурного наследия, коллективной памяти и идентичности в современном обществе. В этой связи образование понимается как ключевой фактор развития «интеллектуального потенциала» и «человеческого капитала» медиасферы [9]. Следовательно, подготовка журналистов должна включать не только овладение техническими навыками, но и формирование способности к ценностным суждениям и этической рефлексии в условиях интеллектуализированной медиасреды.

На государственном уровне подчёркивается, что в условиях «гибридных угроз» и распространения «ноополитики» медиа становятся пространством когнитивного противоборства, что усиливает значимость культурной безопасности и устойчивой национальной идентичности — в том числе в системе журналистского образования. В институциональном плане ФГОС закрепляют цифровую грамотность, медиабезопасность, социальную ответственность и этическое суждение как обязательные результаты обучения, превращая цифровые компетенции в нормативное требование подготовки журналистов.

При этом китайская система журналистского образования в 2001–2024 гг. отвечала на те же глобальные вызовы — цифровизацию, рыночные изменения и рост требований к международной коммуникации, — однако делала это в иной институциональной и идеологической конфигурации. Автор представит объяснение в трёх этапах.

В начале XXI века система журналистского образования Китая столкнулась с глубокой институциональной перестройкой. Стремительное развитие цифровых медиа, всё более активное международное присутствие страны и расширение медиарынка бросили вызов вузам, требуя готовить специалистов, способных работать в условиях медиаконвергенции и глобальной конкуренции. Одновременно заметнее стала роль идеологических факторов: Коммунистическая партия Китая подчёркивает, что журналистика должна неизменно служить инструментом формирования общественного мнения и продвижения социалистических ценностей [10]. На этом фоне профессиональная идеология журналистского образования приобретает двойственный характер: с одной стороны, она ориентируется на запросы рынка и глобальной коммуникации, с другой — сохраняет жёсткую идеологическую рамку. В статье на материале Пекинского университета рассматривается, как профессиональные

компетенции, глобальное мышление и политико-идеологическая составляющая соединяются в образовательном процессе.

Чтобы не оставаться на уровне абстракций и обеспечить сопоставимую оценку, я привлекаю параметр-индикаторный подход Игоря Николаевича Блохина: в качестве параметров задаются «ценности и нормы», «институциональные механизмы» и «технологические компоненты»; каждому параметру соответствуют наблюдаемые индикаторы с привязкой к источникам доказательств. На этой основе проводится кодирование и оценивание учебных планов, силлабусов и практических платформ, что позволяет перевести «идеологию» в измеримые, сравнимые и управляемые институциональные переменные [\[11\]](#).

Исходя из предложенного каркаса и учитывая политический контекст, медиасреду, ключевые решения и траекторию реформ, эволюция 2001–2024 гг. делится на три этапа.

Первый этап: период начальной интеграции в глобализацию и адаптации к рыночным механизмам (2001–2011)

После вступления Китая в Всемирную торговую организацию в 2001 году журналистское образование вошло в этап адаптационной трансформации под влиянием процессов глобализации. Данная трансформация, опираясь на результаты формирования рыночных механизмов в период реформ и открытости, была направлена на поиск институциональной интеграции идеологического руководства с процессами индустриализации средств массовой информации и реализации государственной стратегии информатизации. В целом этот этап характеризуется переходом от модели «политического доминирования и структурного плюрализма» к новому типу развития, основанному на «институциональной интеграции и функциональной координации».

На основе материалов, относящихся к периоду руководства Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, можно отметить, что особое внимание уделялось управлению сетевым общественным мнением и обеспечению идеологической безопасности в интернет-пространстве. Курсы по политической теории были институционализированы и включены в число обязательных дисциплин, а также постепенно сформировалась система подготовки по направлению «идеологическая работа в сфере СМИ», направленная на укрепление политической лояльности журналистов и их ценностных ориентаций.

В целях адаптации к волне медиарынка система журналистского образования систематически внедрила курсовые модули, ориентированные на развитие практических навыков, такие как «рекламное планирование», «медиаменеджмент» и «управление средствами массовой информации». В ряде университетов были учреждены самостоятельные специальности по рекламе, что ознаменовало переход модели подготовки журналистских кадров к двойной цели — сочетанию политической зрелости и способности адаптироваться к рыночным условиям [\[12\]](#).

С технической точки зрения стремительное развитие цифровых технологий становится ключевым драйвером трансформации журналистского образования. Как подчёркивает Си Цзиньпин в статье «Ускорить построение мощной державы в сфере образования», цифровизация рассматривается как стратегический ресурс, определяющий направление модернизации всей образовательной системы, включая подготовку журналистских кадров. В целях адаптации к тенденции цифровизации многие вузы начали поэтапно вводить такие курсы, как «интернет-журналистика» и «практика новых медиа», активно исследуя модели преподавания, интегрирующие традиционное журналистское

образование с новыми технологическими компетенциями. Так, в этот период Китайский университет коммуникаций учредил специальность «Международная коммуникация», сформировав образовательную модель, сочетающую «политическую лояльность» и «межкультурную коммуникацию», направленную на обслуживание стратегии культурной мягкой силы государства и укрепление международного дискурсивного влияния Китая [13]. Это направление стало откликом на стратегическую цель «интернационализации образования», обозначенную в опубликованной в 2010 году «Государственной программе средне- и долгосрочной реформы и развития образования (2010–2020)», и ознаменовало начальное включение журналистского образования в рамки государственной стратегии по укреплению «мягкой силы».

В целом на данном этапе профессиональная идеология журналистского образования проявлялась в виде переплетения трёх ключевых направлений — политической лояльности, адаптации к рыночным условиям и цифровой трансформации, что позволило на первоначальном уровне сформировать модель «функциональной открытости при институциональном контроле» и заложить практическую основу для последующего системного развития идеологической составляющей.

Второй этап: период стратегии медиаконвергенции и укрепления господствующей идеологии (2012–2017)

На данном этапе трансформация журналистского образования была во многом определена провозглашённой на XVIII съезде КПК стратегической установкой на «строительство мощной страны в сфере общественного мнения», что обозначило переход к системному включению доминирующей идеологии в подготовку журналистских кадров. Как подчёркивает Си Цзиньпин в статье «Ускорить построение мощной державы в сфере образования», развитие образования рассматривается как ключевой ресурс укрепления национальной мощи, а цифровизация — как стратегическое направление модернизации всей системы подготовки специалистов. Такой стратегический поворот предопределил углубление идеологической составляющей в образовательной практике. Идеологические установки больше не ограничиваются содержанием политических дисциплин, а внедряются во все звенья образовательного процесса — через политическое регулирование, учебные планы, стандартизацию учебников и создание практико-ориентированных платформ — формируя институционализированную модель идеологического управления в сфере образования.

Совместный план Министерства образования и Департамента пропаганды ЦК КПК (2013) стал ключевым документом модернизации подготовки журналистских кадров. Эту линию продолжает ответное письмо Министерства образования КНР на предложение № 4004 НПКСК (22 января 2019), где подчёркивается необходимость подготовки специалистов для медиаконвергенции и обеспечения идеологической безопасности в цифровой среде. В документе акцентируется подготовка «всесторонне развитых кадров для медиасреды» и подчёркнута приоритетность политической надёжности как основания профессиональной подготовки. На основе данных программ ведущие университеты начали структурную модернизацию учебных планов, последовательно вводя модули «руководство общественным мнением», «информационно-идеологическая безопасность», а также институционализируя курс «Марксистское представление о журналистике» в качестве обязательного компонента.

В сфере образовательной практики постепенно формируется трёхзвенная модель «партийное воспитание — учебные курсы — практическая подготовка». Так, в Китайском народном университете «Идеи Си Цзиньпина о журналистике» интегрированы в

образовательную платформу, а посредством практики в университетских СМИ и участия в социальных проектах обеспечивается сопряжение идеологического воспитания с формированием профессиональных компетенций, что способствует распространению политического образования в сферу практического обучения.

По данным, опубликованным на сайте Ассоциации журналистов Китая (2025), медиаконвергенция рассматривается как один из значимых факторов трансформации программ журналистского образования. Министерство образования КНР акцентирует необходимость формирования таких компетенций, как «платформенное мышление», «алгоритмическая грамотность» и «коммуникационные стратегии», что отражает переход от односторонней пропагандистской модели к интегрированной конфигурации «политика — платформа — компетенции».

На этом этапе институционализация идеологии выразилась в органическом включении политического компонента в систему подготовки кадров и в адаптации к условиям медиаконвергентной среды, что создало основу для последующего структурного переосмысления.

Третий этап: Переход к всеплатформенной трансформации и институционализированная реконструкция идеологической системы (2018–2024)

Начиная с 2018 г., после публикации «Плана подготовки выдающихся кадров в области журналистики и коммуникации 2.0» и выхода «Руководящих указаний по ускорению углублённой медиаконвергенции», система журналистского образования вступила в фазу «всеобщих медиа». В отличие от предыдущего этапа, где ключевым направлением было внедрение идеологических требований в уже существующие образовательные структуры, на данном этапе приоритет смещается к их структурной реконфигурации. Центральным становится формирование модели подготовки, в которой идеи Си Цзиньпина о журналистике выступают теоретическим основанием, а политические установки, медиатехнологические компетенции и задачи внешнеполитической коммуникации объединяются в единую институциональную систему.

В политико-идеологическом контуре подготовки кадров «Идеи Си Цзиньпина о журналистике» закреплены в качестве базового нормативного ориентира. По инициативе Министерства образования введены требования «трёх включений» — включения в учебники, в образовательный процесс и в профессиональное сознание студентов. В этих условиях по всей стране унифицируется использование курсов «Основы идей Си Цзиньпина о журналистике» и «Марксистское понимание журналистики», что усиливает регулятивную роль политического стандарта в структуре образовательной практики и системе формирования профессиональной идентичности будущих журналистов.

На институциональном уровне была выстроена трёхуровневая система:

I Ценностный механизм: через содержание курсов, образовательную среду и практические модули акцент делается на укрепление социалистических ценностей и национальной идентичности [\[14\]](#).

I Системный механизм: политическая направленность институционализирована в учебных планах, стандартах подготовки кадров и механизмах оценки, что формирует комплексную модель «политическая состоятельность + профессиональная компетентность» [\[15\]](#).

I Практический механизм: при помощи «красных образовательных баз» и «медиаплатформ университетов» осуществляется тесная интеграция между

теоретическим обучением и реальной медийной практикой [16].

Особое значение приобретает технологический фактор: медиатехнологии рассматриваются не просто как инструмент, а как структурный элемент идеологического контроля и воздействия. Ведущие университеты запускают курсы по «журналистике данных», «искусственному интеллекту и коммуникации», подчеркивая роль цифровых технологий в обеспечении контроля над цифровым пространством.

На международном уровне стратегический акцент государства постепенно смещается в сторону повышения эффективности глобальной коммуникации. Как отмечалось в публикации в газете «Guangming жибао», ключевой задачей признаётся укрепление базовых профессиональных умений, необходимых для повышения результативности международной коммуникации. В этой связи в учебные планы были включены дисциплины, такие как «Международная коммуникация», «Глобальный нарратив» и «Межкультурная журналистика». Их назначение состоит в подготовке специалистов, способных профессионально работать в транснациональной медиасреде и одновременно обеспечивать идеологическую безопасность Китая, усиливая его международное влияние в сфере общественного мнения. В данном контексте система журналистского образования ориентируется на формирование кадров, способных «рассказывать китайскую историю» и «доносить китайский голос» миру. Таким образом, на данном этапе журналистское образование демонстрирует системное доминирование идеологии на всех уровнях — от политических установок и институциональной архитектуры до учебных программ и цифровых решений. Это определяет модель «политическое лидерство — технологическая интеграция — глобальная миссия» как доминирующую структуру идеологического функционирования журналистского образования в условиях современной системы государственного управления Китая.

В системе китайского журналистского образования Пекинский университет занимает центральное место как национальное ключевое учебное заведение и базовая площадка для развития дисциплины. Его учебная программа и модель подготовки кадров не только отражают политические ориентиры государства и академические приоритеты, но и в практическом плане формируют репрезентативную модель, пригодную для тиражирования. В связи с этим бакалаврская программа Школы журналистики и коммуникации Пекинского университета рассматривается в настоящем исследовании как типичный кейс, с целью глубокого анализа институционализированной интеграции профессиональной идеологии журналистского образования в структуру курсов, учебно-методические ресурсы и практические платформы.

Структура учебного плана и распределение кредитов по программе бакалавриата по журналистике Пекинского университета

Таблица 1

Модуль курса	Конкретные дисциплины	Кредиты	Доля от общего числа кредитов
Общеобразовательные дисциплины	Академический английский язык, политическая теория, трудовое воспитание, военная теория, введение в информатику, физическая культура,	48	34,5%

	курсы по программе общего образования		
Обязательные профессиональные дисциплины	Базовые профессиональные дисциплины (высшая математика, теория журналистики, марксистский взгляд на журналистику, теория коммуникации и др.), ключевые дисциплины, выпускная работа и практика, курсовые работы	52	37,4%
Элективные дисциплины	Профессиональные элективы, междисциплинарные элективы в области гуманитарных/социальных наук, свободные элективы	39	28,1%

По данным, опубликованным на официальном сайте Школы журналистики и коммуникаций Пекинского университета, образовательная программа прошла соответствующую модернизацию.

Учебная программа бакалавриата по журналистике в Пекинском университете делится на три модуля: курсы общего образования, обязательные профессиональные дисциплины и элективные курсы, составляющие соответственно 34,5%, 37,4% и 28,1% от общего количества кредитов. Такое распределение отражает органическое соединение трёх институциональных логик: приоритета политической направленности, системности дисциплинарных норм и разнообразия в формировании компетенций.

В модуле общеобразовательных дисциплин центральное место занимает курс политической теории, обеспечивающий начальную политическую социализацию студентов посредством системного изучения основ марксизма и «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эпохи». Кроме того, курсы трудового и военного воспитания, основанные на коллективизме, национальной безопасности и социальной ответственности, способствуют формированию патриотического сознания и чувства принадлежности к коллективу. В условиях цифровизации курсы по информационным технологиям и английскому языку акцентируют внимание на развитии медиаграмотности и способности к международной коммуникации, формируя базовые навыки, необходимые для выполнения национальной стратегии «рассказать Китаю миру».

В модуле профессиональных дисциплин курс «Марксистское понимание журналистики» включён в число ключевых и в совокупности с курсами «Введение в журналистики» и «Введение в теорию коммуникации» формирует единую структуру, объединяющую идеологию и профессиональную теорию [\[10, 17, 18\]](#). Курсы «История китайской журналистики» и «Этика и право в СМИ» акцентируют внимание на исторической преемственности и нормативном управлении, усиливая осознание политической миссии

профессии [19, 20]. Курсы «Журналистское интервью и написание материалов», «Аналитическая журналистика», «Управление новыми медиа» ориентированы на развитие профессиональных навыков в сочетании с идеологическим содержанием, реализуя двойную цель: политическая надёжность + профессиональная компетентность [21, 22, 23]. Следует особо отметить, что курс «Высшая математика» не только развивает навыки анализа данных и логического мышления, но и служит методологической основой для быстро развивающейся дата-журналистики и количественных исследований.

Что касается учебных материалов, используемые в журналистском образовании основные пособия отражают логику «синтеза политического и профессионального». Так, в учебнике «Введение в журналистику» под редакцией Ли Лянжуна наряду с изложением западных теорий подчеркиваются партийная система СМИ и принцип партийности [17]. Учебник «Курс марксистского взгляда на журналистику» под редакцией Чэнь Лидань институционализирует требования партийной идеологии в образовательный процесс через изложение взглядов Маркса, Ленина и руководителей Коммунистической партии Китая на журналистику [10]. Учебник к курсу «Медиавоздействие и общественные трансформации» сочетает теории коммуникации с китайской политической практикой, способствуя развитию у студентов критического мышления и способности к культурному сравнению [24].

В сфере практико-ориентированной подготовки Пекинский университет создал модульные обучающие платформы на базе «Центра экспериментального преподавания», «Государственной ключевой лаборатории» и проекта «Искусственный интеллект и журналистика». После прохождения курса «Медиаэкономика и медиаменеджмент» студенты включаются в работу университетских СМИ и партнёрских индустриальных проектов, осваивая организационные и коммуникационные навыки в условиях реальной медиасреды. такие платформы рассматриваются как ключевой механизм интеграции теоретической подготовки и практического опыта.. Лаборатория медиаслияния акцентирует внимание на развитии навыков работы с данными, алгоритмами и цифровыми платформами, воспитывая у студентов как платформенное мышление, так и политическую чувствительность. Проект «Искусственный интеллект и журналистика» стимулирует переход от контент-производства к структурному мышлению, акцентируя внимание на источниках информации, транспарентности методов и этических нормах. Университет активно интегрируется с инициативой «Один пояс — один путь», предлагая курсы «Международная коммуникация» и «Межкультурная коммуникация», тем самым укрепляя у студентов способность к международному вещанию и глобальному восприятию.

Таким образом, журналистское образование в Пекинском университете реализует институционализированную интеграцию профессиональной идеологии в трёх ключевых измерениях — учебные курсы, учебные материалы и практические платформы — формируя образовательную систему, основанную на триединстве: политическая направленность, профессиональные стандарты и развитие компетенций. Эта модель не только отвечает институциональному запросу социалистической идеологии, но и служит практическим образцом построения локализованной дисциплинарной парадигмы китайского журналистского образования.

Заключение

Анализ профессиональной идеологии журналистского образования в КНР в 2001–2024 гг., сопоставленный с параметральной моделью Блохина, показывает, что за последние

два десятилетия сложилась многослойная система, объединяющая политико-идеологические установки, профессиональные требования, технологические навыки и представление о социальной миссии журналиста.

Ценностная основа образования по-прежнему формируется в русле марксистско-ленинской традиции в её современной интерпретации. Эта идеологическая рамка институционализирована через обязательные дисциплины, стандартизированные учебные материалы и обновлённые механизмы идеологического сопровождения образовательного процесса, что обеспечивает устойчивость нормативного ядра профессии. На уровне образовательной практики постепенно выстраивается модель специалиста, для которого политическая надёжность и профессиональная подготовка не противопоставляются, а образуют единое поле требований. Опыт Пекинского университета демонстрирует, как профессиональные компетенции, глобальное мышление и идеологическая идентичность интегрируются в целостный профиль современного журналиста.

Институциональная динамика последних лет делает видимым процесс, в рамках которого государственные инициативы — обновление учебников марксистской теории, программы подготовки «выдающихся кадров», развитие медиаконвергенционных платформ — задают устойчивые правила функционирования системы. Эти меры формируют среду, где профессиональная подготовка неизбежно соотносится с политическими и идеологическими установками, а образовательные стандарты приобретают выраженную нормативную направленность.

На фоне цифровой трансформации особое значение приобретают технологические аспекты профессии. Быстрое распространение цифровых медиа, аналитики данных и искусственного интеллекта усложняет задачи журналистского образования и одновременно усиливает связь между профессиональными компетенциями и идеологическими требованиями. Технологическая подготовка встраивается в систему как инструмент повышения эффективности управления информационными потоками и укрепления позиций страны в сфере международных коммуникаций.

В международном контексте журналистское образование всё отчётливее ориентируется на задачи внешнего вещания и продвижения национального образа Китая. Формирование у будущих журналистов навыков глобальной коммуникации и способности представлять страну в мировом информационном пространстве становится частью профессиональной идеологии наравне с традиционными ценностными и нормативными компонентами.

Совокупность выявленных тенденций позволяет говорить о формировании политико-технологической модели журналистского образования, где идеологическая составляющая, профессиональная подготовка и цифровые компетенции взаимно дополняют друг друга. Такая модель задаёт направления дальнейшего развития образовательной системы и определяет параметры профессиональной идентичности журналистов в Китае в начале XXI века.

Библиография

1. Hanitzsch T., Hanusch F., Mellado C. et al. Mapping journalism cultures across nations: A comparative study of 18 countries // *Journalism Studies*. 2010. Vol. 12, no. 3. P. 273-293.
2. Franklin B., Mensing D. *Journalism Education, Training and Employment*. New York: Routledge, 2010. 248 p.

3. Deuze M. Global journalism education: A conceptual approach // *Journalism Studies*. 2006. Vol. 7, no. 1. P. 19-34. DOI: 10.1080/14616700500450293 EDN: YDQSWW.
4. Patterson T. E. *Informing the News: The Need for Knowledge-Based Journalism*. New York: Vintage Books, 2013. 256 p.
5. *Model Curricula for Journalism Education: A Compendium of New Syllabi*. Paris: UNESCO, 2013. 217 p.
6. Hanitzsch T., Hanusch F., Ramaprasad J., de Beer A. S. (eds.). *Worlds of Journalism Study: Journalistic Cultures Around the Globe*. New York: Columbia University Press, 2019. 448 p.
7. Профессиональная идеология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Алетейя, 2025. 378 с.
8. Демина И. Н. Трансформация медиасистемы: человеческий потенциал // *Известия Байкальск, гос. ун-та экономики и права*. 2010. № 4 (72). С. 186.
9. Демина И. Н. Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы). 2020. URL: <http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf>
10. Чэнь Лидан. Марксистский взгляд на журналистику. 2-е изд. Пекин: Изд-во Жэньминьского университета Китая, 2015. 166 с. [Текст: кит. яз.]
11. Параметры идентификации и оценки профессиональной идеологии журналистики // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2023. Т. 12, № 2. С. 183-198. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(2).183-198. EDN: KVECAF
12. Сун Цзянь, Ло Пэн, Лю Лихуа, Ван Ян. Модель подготовки выдающихся кадров в области журналистики и коммуникаций: опыт Северо-Западного университета политологии и права // *Синьвэнь цяньсянь (新闻前线)*. 2019. № 9. С. 111-115.
13. Пань Сяотин. Будущее уже наступило: какими качествами должны обладать специалисты по журналистике и коммуникации в эпоху интеллектуальных медиа? // *Чжунвэнь бяньцзи (中文编辑)*. 2018. № 9. С. 46.
14. Е Динцзянь, Цзин Инъянь. Размышления о подготовке кадров в сфере сетевой идеологической пропаганды в вузах // *Школьное партийное строительство и идеологическое образование (学校党建与思想教育)*. 2017. № 4. С. 45-48.
15. Цай Вэньчэн. Продвижение качественного развития курсов идеологического и политического воспитания на основе верности принципам и инноваций // *Хунци вэньгао (红旗文稿)*. 2024. URL: https://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2024-06/27/c_1130169266.htm (дата обращения: 06.12.2025).
16. Китайское информационное агентство (中国新闻网). Красные культурные ресурсы "большая координация" создают "сильное магнитное поле" воспитания в вузах: в Университете науки и технологий Шанхая состоялся семинар "Современная ценность и практические пути воспитания красной культуры в вузах" // Официальный сайт Университета науки и технологий Шанхая. 22.09.2024. URL: <https://www.usst.edu.cn/2024/0922/c965a59641/page.htm> (дата обращения: 06.12.2025).
17. Ли Лянчжун. Введение в журналистику. 8-е изд. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2023. 411 с. – Текст: кит. яз.
18. Го Цингуан. Введение в теорию коммуникации. 2-е изд. Пекин: Изд-во Народного университета, 2011. 275 с. – Текст: кит. яз.
19. Фан Ханьци. История китайской журналистики и массовых коммуникаций. 4-е изд. Пекин: Изд-во Народного университета, 2024. 400 с.
20. Хуан Ху. Журналистская этика и право. 3-е изд. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2022. 476 с.
21. Лю Хайгуй. Сбор и написание новостей. 3-е изд. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2022. 448 с.

22. Ли Аньтин. Публицистическое письмо. Сиань: Изд-во Северо-Западного университета, 2020. 323 с.
23. Лю Ючжи. Управление новыми медиа. Пекин: Изд-во Народного университета, 2021. 324 с.
24. Вэй Жань. Медийное влияние и социальные изменения. Пекин: Изд-во Народного университета, 2016. 353 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность данной статьи не вызывает сомнения. Дискуссии на тему модернизации журналистского образования, начавшиеся с развитием процесса медиаконвергенции, не утихают до сих пор. В КНР журналистике всегда отводилась особая роль: неизменно служить инструментом формирования общественного мнения и продвижения социалистических ценностей. В условиях трансформации медиаобразования в эпоху медиаконвергенции «профессиональная идеология журналистского образования приобретает двойственный характер: с одной стороны, она ориентируется на запросы рынка и глобальной коммуникации, с другой — сохраняет жёсткую идеологическую рамку».

В статье на примере опыта Пекинского университета (занимает центральное место как национальное учебное заведение и базовая площадка для развития дисциплины) рассматривается, как профессиональные компетенции, глобальное мышление и политико-идеологическая составляющая соединяются в современном образовательном процессе.

Автор выделяет этапы последовательной трансформации журналистского образования в Китае в условиях глобализации и развития новых технологий (период начальной интеграции в глобализацию и адаптации к рыночным механизмам (2001–2011 гг.); период стратегии медиаконвергенции и укрепления господствующей идеологии (2012–2017 гг.); переход к всеплатформенной трансформации и институционализированная реконструкция идеологической системы (2018–2024 гг.)) На современном этапе развития «медiateхнологии рассматриваются не просто как инструмент, а как структурный элемент идеологического контроля и воздействия. Ведущие университеты запускают курсы по «журналистике данных», «искусственному интеллекту и коммуникации», подчеркивая роль цифровых технологий в обеспечении контроля над цифровым пространством».

Необходимость повышения эффективности глобальной коммуникации привела к появлению новых дисциплины («Международная коммуникация», «Глобальный нарратив», «Межкультурная журналистика»). «Их задача — подготовить специалистов, способных не только профессионально работать в транснациональной медиасреде, но и одновременно выполнять важную миссию — защищать идеологическую безопасность Китая и укреплять его международное влияние в сфере общественного мнения. В этом контексте журналистское образование нацелено на формирование универсальных кадров, способных «рассказывать китайскую историю» и «доносить китайский голос» миру».

На наш взгляд, тема может быть рассмотрена и далее, следовательно, дискуссионный

ценз данной статьи выдержан. Выводы по работе соотносятся с основной частью. Подробно описанный в статье опыт Пекинского университета по подготовке журналистских кадров в условиях глобального мира и стремительного развития новых технологий формирует репрезентативную модель, пригодную для тиражирования. Замечаний по соблюдению формальных требований в работе с текстом (стиль изложения, правильность использования терминологии, соблюдения требований к оформлению сносков, примечаний) не выявлено.

Вместе с тем статья имеет замечание:

Отсутствует обзор литературы по исследуемой теме. Необходимо сказать о мировых практиках трансформации журналистского образования в условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий.

Рекомендую статью «Профессиональная идеология журналистского образования в КНР (2001–2024)» к публикации в журнале «Litera» после доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию эволюции профессиональной идеологии журналистского образования в Китае за последние 25 лет. Автор анализирует институциональные механизмы встраивания идеологических установок в образовательные программы, трансформацию учебных планов и практик подготовки журналистов, взаимодействие политических, профессиональных и технологических компонентов в формировании профессиональной идентичности.

Статья имеет обзорный характер, в ней исследуются изменения ценностных, политических и идеологических установок, реализуемых в журналистском образовании современного Китая. Автор опирается на параметр ~~И~~ндикаторный подход И.Н.Блохина, предполагающий выделение трёх ключевых параметров: ценности и нормы, институциональные механизмы, технологические компоненты, реализуемые в сфере образования. Помимо этого, используется метод кейс ~~А~~нализа Пекинского университета как ключевого образовательного центра. Также применены исторический анализ (выделение трёх этапов трансформации), контент ~~А~~нализ учебных программ и учебно ~~М~~етодических материалов, сопоставление государственных документов, образовательных стандартов и журналистских практик.

Статья, безусловно, актуальна. Это обусловлено, во-первых, тем, что глобализация и цифровизация меняют требования к журналистскому образованию, в котором важно соблюдать баланс между профессиональными компетенциями и идеологическими установками; во-вторых, усилением роли медиа в формировании единой информационной картины мира и национальной идентичности; в-третьих, в необходимости осмысления того, как идеологические установки институционализируются в учебных планах и стандартах подготовки будущих журналистов.

В статье систематизированы и подробно охарактеризованы этапы трансформации

журналистского образования в КНР (за 2001-2024 гг.), проанализировано, как Пекинский университет интегрировал идеологическую подготовку в учебные планы подготовки студентов-журналистов, что обуславливает ее научную новизну.

Статья выстроена логично и соответствует избранному жанру. В начале обоснована актуальность исследования и обозначена его проблема. Автор отмечает, что в современных реалиях журналистское образование в России сталкивается со схожими вызовами, которые были в КНР в начале XXI века: «При этом китайская система журналистского образования в 2001–2024 гг. отвечала на те же глобальные вызовы – цифровизацию, рыночные изменения и рост требований к международной коммуникации, – однако делала это в иной институциональной и идеологической конфигурации». Далее автор последовательно раскрывает три этапа трансформации журналистского образования в Китае (2001–2011, 2012–2017, 2018–2024). На примере Пекинского университета показано, как идеологические установки успешно интегрируются в структуру курсов, учебных материалов и практическую подготовку студентов. В Заключении представлены вполне обоснованные выводы.

Библиография включает 24 источника, в том числе труды зарубежных, отечественных и китайских исследователей за последние 10 лет. Автор проводит сопоставительный анализ российского и китайского подходов к модернизации образования, анализирует данные международного исследования *Worlds of Journalism Study*, критически осмысляет принятые Коммунистической партией Китая документы в области образования.

Автор делает выводы, что за 25 лет в КНР сложилась сложная и разветвленная система журналистского образования, объединяющая идеологию, профессиональные стандарты и цифровые навыки. Образовательные компоненты институционализированы и стандартизированы в соответствии с политикой страны. Модель подготовки медиаспециалиста предполагает, с одной стороны, политическое и идеологическое просвещение, а с другой – высокие профессиональные и этические стандарты.

Рецензируемая научная работа будет актуальна для исследователей медиа, специалистов в области международных отношений, образования, истории, политологии. Статья имеет практическую ценность, связанную с анализом институциональных механизмов трансформации системы образования в КНР в условиях глобальных вызовов. Статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильев В.В. Парадигмы анализа тональности и sentiment-анализа региональных интернет-СМИ на примере новостных порталов Якутии // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77208 EDN: VFZKTU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77208

Парадигмы анализа тональности и sentiment-анализа региональных интернет-СМИ на примере новостных порталов Якутии

Васильев Василий Васильевич

ORCID: 0009-0006-2673-504X

старший преподаватель; кафедра Английский язык и перевод; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
аспирант; кафедра Германская филология; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

677008, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Чайковского, д. 30 к. 2

✉ w.vasilev@s-vfu.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77208

EDN:

VFZKTU

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2025

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию тональности текстов региональных интернет-СМИ на примере якутских новостных интернет-порталов наряду со сравнением уровней детализации комплексной модели лингвистического анализа тональности текстов с автоматизированными средствами анализа тональности. Цель исследования – сравнение парадигм категорий данных подходов и установление их совместимости и несовместимости для наиболее оптимального применения в прикладных задачах мониторинга СМИ. Производится сравнение подходов лингвистического анализа тональности и sentiment-анализа, исходя из которого строятся выводы о совместимости и взаимодополняемости данных подходов. Актуальность работы обусловлена, растущим применением автоматизированного анализа тональности в медиамониторинге, их недостаточной интеграцией в работу со специфическим региональным дискурсом и необходимостью сближения компьютерно-лингвистического и традиционного

филологического подходов к изучению данной категории. Для исследования использовались такие методы как сопоставительный анализ, анализ по непосредственным составляющим, дискурс анализ, контент-анализ, сплошная выборка, тематическая выборка. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые проведен систематический компаративный анализ уровней детализации автоматического анализа тональности с применением единой методологической рамки, что позволило выявить закономерности функционирования тональности различных видов в медиадискурсе. В результате исследования установлено, что, хотя автоматизированные системы успешно справляются с задачами первичной классификации тональной лексики и определения общей полярности текста, они демонстрируют системные ограничения. Практическая значимость работы заключается в испытании применимости и необходимости многоуровневой модели анализа тональности, лакуны в автоматизированном анализе, и возможности их совместного использования для оптимизации труда. Полученная модель позволит производить эффективный мониторинг настроений регионального медиаландшафта и при необходимости детализировать его исходя из тематической направленности материала.

Ключевые слова:

тональность, анализ тональности, субъективная модальность, оценочность, эмотивность, политический дискурс, медиаландшафт, медиадискурс, сравнительный анализ, региональные СМИ

Введение

В эпоху социальных сетей и электронных СМИ анализ тональности текстов (сентимент-анализ) расширяет сферу влияния и набирает популярность. Данный инструмент широко применяется в ведении рекомендательных сайтов, социальных сетей и бизнеса. Одной из проблемных областей анализа тональности является также и сфера средств массовой информации. Анализ тональности сегодня широко применяется и является важным инструментом мониторинга настроений в федеральных СМИ, как, например, система «Скан» ИГ «Интерфакс». Подобного рода сервисы являются важным инструментом управления репутацией и мониторинга медиапространства или социальных сетей. Представляет интерес применение подобных систем для региональных СМИ для выявления региональных настроений, что коррелирует с задачей изучения восприятия локальной повестки аудиторией [\[15\]](#). Однако для выявления достоверного отражения событий и реакций общества, необходимо определить классическую теоретическую рамку, в рамках которой будет рассматриваться валидность и применимость данных инструментов. Для этого следует рассмотреть подходы в рамках лингвистического анализа тональности, выявить подвергаемые анализу единицы и категории, исследовать их наличие в автоматизированных системах.

Постановка проблемы

Тональность текста, в свете своей междисциплинарности и обоснованности на таких лингвистических парадигмах как теория коммуникации, дискурс-анализ, стилистика, сама по себе не является жестко детерминированной и структурированной областью. Таким образом, подходы к ее анализу разнятся от автора к автору. В разных работах термин употребляется для обозначения различных его граней, таких как настрой автора [\[9\]\[10\]](#), стилистическое оформление текста, функциональная нагрузка, коммуникативная функция

[9]. Возможным решением является создание интегративного подхода к анализу тональности.

Вместе с тем, на фоне подобной многогранности категории тональности, современные автоматизированные средства sentiment-анализа, по природе своей требующие структурированности, конечности и детерминированности, широко исследуют проблемы тональности, кодируя ее в категориях статистики, индикаторов и переменных. Возникает расхождение в планах глубинной знаковой, семантической, коммуникативной природы понятия тональности и поверхностных показателей статистических подходов sentiment-анализа. Данная статья призвана соединить данные парадигмы, сравнить уровни детализации и выстроить модель взаимодействия.

Методы и материалы

Для полноценного рассмотрения и обоснования научной рамки тональности были рассмотрены различные работы по теории дискурса, эмотивности, аксиологии, и оценочности. Опорными для рассмотрения категории тональности являются работы В. И. Карасика [9], Т. В. Матвеевой [10], Т. О. Багдасарян [5]. В данных работах явление коммуникативной тональности рассматривается всесторонне, с точек зрения теории речевых актов, теории дискурса, жанрово-стилистических особенностей. Говоря о категории тональности стоит обратиться и к фундаментальным работам по эмотивной лексике (Л. Г. Бабенко) [4], функциональной семантике оценки (Е. М. Вольф) [7]. Данные работы закладывают фундаментальную базу для теоретического обоснования уровневой парадигмы тональности. Кроме того, для понимания специфики регионального медиадискурса важны эмпирические исследования тональности в контексте локальных тем, такие как работа А. С. Магранова, посвящённая анализу тональности сообщений о мигрантах в региональных СМИ [14]

Что же касательно парадигм, развертывающихся в подходе sentiment-анализа, то рассматриваемые системы будут описываться в рамках фундаментальных работ по sentiment-анализу, таких как, Б. Лиу [1], Б. Пэнг, Л. Ли [1], также теоретические основы sentiment-анализа в русскоязычных текстах рассматриваются в работах С. Сметанина [3].

Материалом исследования выступают региональные СМИ, так как они предоставляют собой уникальные предметные области, в которых возможно выражение локально-специфичных способов выражения тональности. Подобного рода тексты представляют собой идеальную базу для проверки и тестирования ограничений систем ИИ. Ожидаемый результат также представил бы вклад в развитие для региональных СМИ и медиа, пониманию социально-политического климата, специфику региональных настроений. Результаты помогут выявить смысловые доминанты, паттерны отношения авторов к смысловым доминантам, тональную характеристику и распределение, средства, выявить погрешности и лакунарные категории ИИ-систем, особенно на региональных (характеризуемых национальным компонентом, локацией) текстах.

Для исследования использовались такие методы как сопоставительный анализ, анализ по непосредственным составляющим, дискурс анализ, контент-анализ, сплошная выборка, тематическая выборка.

В качестве материала были подобраны новостные статьи за период с 9 по 24 октября 2025 г. В данные временные рамки в СМИ освещалась довольно резонансная для региона тема введения поправок в Конституцию Республики Саха (Якутия). Избранные временные рамки связаны с двумя важными датами – публичные слушания о введении

поправок 10 октября и собственно введение поправок 22 октября 2025 года. Материалы подобраны из различных по виду учредительства СМИ (согласно типологии региональных СМИ Г. С. Мельник и А. Н. Тепляшиной^[11]) таких как: правительственные СМИ (Yakutia.daily; Якутия 24), частные СМИ (1sn.ru, Sakhaday.ru), также в выборку включены межрегиональные СМИ, освещавшие данный вопрос: экспертная площадка «Региональные комментарии», частное информационное агентство «Vostok.Today». Данная выборка произведена из соображений репрезентации тональности в различных видах региональных СМИ. Для исследования автоматизированных систем анализа тональности использовались такие платформы как EurekaEgine, SentiStrength, YesChat Sentiment Analysis Classifier. В таблице 1 приведено описание функционала каждой из данных систем.

Таблица 1. Функциональные возможности систем автоматизированного анализа тональности

Критерий	SentiStrength	Eureka Engine	YesChat
Методологическая основа	Лексико-статистический анализ на основе словарей с заранее заданными весами тональности слов.	Гибридный: лингвостатистика и машинное обучение, часто с элементами NER (распознавание именованных сущностей).	Генеративная языковая модель, способная к контекстуальному пониманию.
Уровень детализации	Базовый. Оценивает общую полярность и интенсивность (сила эмоции) текста.	Средний. Способен выделять объекты оценки, тематические кластеры, присваивать тональность по шкале и проводить элементарную семантическую разметку.	Высокий. Может выполнять анализ по заданным параметрам (дискурс, эмоция, функция), генерировать развернутые комментарии.

Результаты исследования

Произведена выборка статей по резонансной для Республики Саха (Якутия) теме введения поправок к конституции касательно образования и полномочий Главы в части распоряжения фондами. Так как вопрос является социально важным, количество статей вокруг данного резонансного мероприятия представлено в достаточном объеме. Отобрано 50 текстов, отражающих разные точки зрения на данный вопрос.

Алгоритм исследования строился на основе различных подходов к исследованию тональности, которые явились фундаментом для каждого из этапов анализа. Первый этап – метатекстовое описание, выделение модальных рамок определяющих направленность статьи, дискурса, обрамляющего коммуникативную ситуацию, фрейма, в совокупности определяющих мотивированность выбора средств выражения тональности. Вторым следует этап выявления объектов тональности (элемента действительности), выявления смысловых доминант в тексте. Третий этап – идентификация индикаторов тональности на разных языковых ярусах, в которых проявлена эмоционально-оценочная компонента ^[7],

а также выражено намерение автора [\[9\]\[10\]](#). Четвертым идет этап интерпретации, выстраивается связь данных индикаторов тональности с описываемыми явлениями, регистрируются типы тональности [\[13\]](#):

- по полярности – позитивной/негативной/нейтральной (Т. Ф. Богданова) [\[6\]](#);
- с умеренным/выраженным уровнем интенсификации (Е. М. Вольф) [\[7\]](#);
- по эмоции заложенной в данном тексте (Т. О. Багдасарян) [\[5\]](#);
- коммуникативному типу (информативная, идеологическая, менторская и др.) по В. И. Карасику [\[9\]](#);
- по кооперативности относительно речевого жанра – унисонная/диссонансная (В. В. Дементьев) [\[8\]](#). Отметим, что данный набор типов является важным для области СМИ, с учетом условий формирования общественных мнений.

Пятый этап – сравнение экспертного анализа тональности с анализами произведёнными автоматизированными средствами анализа тональности.

Для иллюстрации модели анализа взята **репрезентативная** статья «Поправки в Конституцию Якутии сохранили все гарантии бесплатного образования» из правительственного источника «Якутия.Daily» [\[16\]](#).

Этап 1. Общая характеристика текста. Текст публицистический, сформирован государственным СМИ, авторство обезличенное, коллективное редакторское.

Этап 2. Установление смысловых доминант. Объект обсуждения: поправки в Конституцию РС (Я). Периферический объект – система образования.

Этап 3. Идентификация индикаторов тональности. Главным образом на лексическом уровне тональность проявлена в таких лексических единицах как «был принят», «связаны с отсутствием», «пояснял», «не гарантирует», «позволяет», «не отменяет», «гарантировано», «зачем», «легитимизируют», «появляется возможность», «также», «имеет право», «приняли».

Этап 4. Интерпретация тональной стратегии. В указанных примерах тональность в значительной степени сглажена информативным повествовательным видом статьи. Тем не менее на разных уровнях можно уловить такие, на первый взгляд, отрицательные элементы с частицей «не», которые в общем контексте используются для поддержания общего одобрительного тона с точки зрения эвиденциальности. Тон укрепляют положительно маркированные единицы, такие как «позволяет», «гарантирует», «легитимизируют». Формируется эмоция уверенности, одобрения. Полярность умеренно положительная.

Итог: Основная тональность – умеренно положительная, одобрительная, формально-деловая, информативная, объективно-коллективная, унисонная. Периферическая или дополнительная – отсутствует. Целью является положительная настройка читателей, создание одобрительного отклика.

Этап 5. Сравнение с системами автоматизированного анализа тональности.

Система Sentistrength основана на размеченных тональных словарях. Система располагает не только функцией определения полярности, но также способна согласно тональным словарям установить ее интенсивность. Сходство с экспертным анализом неполное, уровни анализа совпадают только в аспекте полярности и интенсивности.

Произведена разметка тональности по шкале (-1; +1), установлена умеренно позитивная тональность +1.

Eureka Engine является условно бесплатной, и, в отличие от специализированных коммерческих систем мониторинга СМИ, позволяет использовать демо-версию. В функционал входит выделение объектов обсуждения, выделение и маркировка лексических индикаторов полярности, шкалирование от 0 до 1, где: 0-0.5 – отрицательная тональность, 0.5-1 – положительная тональность. В тексте статьи были выделены следующие объекты обсуждения: нейтральная тональность – «Глава», «профессия», «поправка»; негативная – «детей», «образование», «ограничение»; положительная – «поправка», «обязанность», «образование». Общая характеристика тональности – положительная, с показателем в 0.78. Показатель негативной тональности – 0.08. Данный инструмент по детализации более близок к экспертному анализу, обеспечивается нахождение объектов обсуждения, имеются параметры полярности и ее интенсивности.

YesChat Sentiment Analysis Classifier. Данный сервис представляет модификацию генеративных нейронных сетей с подготовленными промптами для конечного пользователя. Для решения вопросов исследования возможно задать все необходимые параметры анализа, такие как: определение коммуникативной функции, эмоций, стратегии речевого жанра; возможно получить результаты по всем параметрам, повторяющим экспертный анализ. Так, например, система определяет выражение с положительной тональностью «сохраняем все гарантии», выявляет сложные синтаксические конструкции, а общая эмоциональная нагрузка статьи характеризуется как «надежда», «одобрение», функция статьи: информативная, формирование позитивного восприятия.

Для контраста в качестве второго примера приведена статья «"Что вы здесь цирк устроили?", – Айсен Николаев. Приняты поправки в Конституцию Якутии» (Sakhaday.ru) [\[17\]](#).

Этап 1. Общая характеристика. Текст представляет собой публицистический репортаж, опубликованный в частном независимом медиаресурсе. Автор занимает критическую позицию, выстраивая повествование в рамках конфликтного дискурса, где основное внимание уделяется не самому факту принятия поправок, а политическому противостоянию вокруг него.

Этап 2. Установление смысловых доминант. В центре анализа — два полюса: глава республики Айсен Николаев (как инициатор и защитник поправок) и его оппоненты (депутаты, общественность). Поправки, образование и вопросы управления активами выступают объектами обсуждения для демонстрации этого раскола.

Этап 3. Идентификация индикаторов тональности [\[12\]](#). Тональность формируется за счёт контрастной лексики: по отношению к власти используются выражения, передающие раздражение («смешно слушать», «урезонить критиков»). Лексика, характеризующая позицию главы республики, носит нормативный и аргументированный характер: он апеллирует к «федеральному закону», необходимости «приводить законодательство в соответствие» и своей конституционной обязанности как гаранта. Риторический вопрос «Что вы здесь цирк устроили?», вынесенный в заголовок, хотя и воспринимается как эмоциональный. Однако в контексте всего высказывания служит реакцией на неконструктивную, по мнению говорящего, критику, и подчеркивает серьёзность и ответственность законодательного процесса. Таким образом, языковые средства создают

картину напряжённого, но рабочего обсуждения, в ходе которого официальная позиция представлена через призму правовой аргументации. Описание самого процесса («заседание прошло горячо», «возникшая дискуссия») и активное цитирование создают эффект публичной напряжённости и драматизма.

Этап 4. Интерпретация тональной стратегии. Итоговая тональность текста — конфликтная и диссонансная. Она амбивалентна: в отношении власти звучит снисходительно-негативно, а к оппонентам — сочувственно. Цель автора — не информировать, а акцентировать политический раскол и поставить под вопрос легитимность действий власти, вовлекая читателя в полемику.

Этап 5. Сравнение с автоматизированными системами.

- SentiStrength присвоил тексту усреднённый положительный балл, идентифицировав формально-процедурную лексику («приняли», «поддержало»), но полностью проигнорировал контекстуально-негативные маркеры (например, «цирк устроили») и не распознал конфликтную природу текста.
- Eureka Engine оценил общий тон как «нейтрально-позитивный», выделив разнонаправленные кластеры лексики, но не смог установить связь между ними и реконструировать единую биполярную оценочную стратегию.
- YesChat Sentiment Analysis Classifier показал наиболее точный результат, определив «смешанный» тон и наличие двух оценочных фокусов (власть и оппозиция), а также верно указав на эмоции раздражения и критики. Однако и эта система не смогла в полной мере интерпретировать стилистические приёмы (например, риторический вопрос в заголовке) как инструменты неодобрения.

Таким образом, все системы успешно выполняют лексическую сегментацию и первичную классификацию по полярности, но демонстрируют системную неспособность к дискурсивно-контекстуальной интерпретации. Ни один алгоритм не смог адекватно распознать ключевую амбивалентность и диссонансную стратегию текста, сводя анализ к упрощённой статистике.

Для комплексной визуализации выявленных в ходе исследования закономерностей, а также для демонстрации разрыва между поверхностной статистикой и дискурсивной реальностью, ниже представлена сводная таблица. Она обобщает результаты количественного (автоматизированного) и качественного (экспертного) анализа тональности в выборке из 50 статей, сгруппированных по типам медиа.

Таблица 2. Сводная статистика тональности медиа-покрытия темы поправок в Конституцию РС(Я)

Общая тональность (автоматическая оценка)					
Позитивная (оценка > 0.6)	16 (89%)	5 (42%)	0 (0%)	7 (78%)	21 (50%)
Нейтральная (0.4 – 0.6)	2 (11%)	7 (58%)	3 (27%)	2 (22%)	12 (28%)
Негативная (оценка < 0.4)	0 (0%)	0 (0%)	8 (73%)	0 (0%)	8 (18%)
Преобладающая тональная стратегия (экспертная оценка)					
Унисонная (легитимация, объяснение)	18 (100%)	8 (67%)	0 (0%)	5 (56%)	31 (69%)
Информативно-трансляционная	0 (0%)	4 (33%)	2 (18%)	1 (11%)	7 (16%)
Конфликтно-разоблачительная	0 (0%)	0 (0%)	8 (73%)	0 (0%)	8 (18%)
Рационализирующе-снисходительная	0 (0%)	0 (0%)	1 (9%)	3 (33%)	4 (9%)
Преобладающие эмоциональные маркеры (лексикон)					
Уверенность / гарантия	16 (89%)	2 (17%)	0 (0%)	5 (56%)	23 (51%)
Нейтральность / констатация	2 (11%)	10 (83%)	1 (9%)	3 (33%)	16 (36%)
Критика / недовольство	0 (0%)	0 (0%)	9 (82%)	0 (0%)	9 (20%)
Ирония / снисхождение	0 (0%)	0 (0%)	1 (9%)	4 (44%)	5 (11%)
Упоминание федерального контекста	14 (78%)	9 (75%)	6 (55%)	9 (100%)	38 (85%)
Рекомендуемый этап углубленного анализа	Выборочно (20%)	Выборочно (10%)	Полностью (100%)	Полностью (100%)	-
Параметр / Категория	Гос. СМИ (n=18)	Частные СМИ (нейтральные) (n=12)	Частные СМИ (критические/оппозиц.) (n=11)	Межрегиональные СМИ (аналитич.) (n=9)	0 (г)

Таблица 2 наглядно демонстрирует расхождения между автоматической тональной оценкой (строка 1) и стратегиями, определенными экспертным анализом (строка 2), что подтверждает ключевую гипотезу статьи. Автоматические системы присваивают позитивную оценку большинству статей государственных СМИ (89%) и межрегиональных СМИ (78%). Однако, экспертный анализ показывает, что это принципиально разные позитивности: унисонная легитимация и рационализирующая снисходительность. Без экспертного вмешательства эти стратегии в отчете будут смешаны в одну категорию «позитивный тон». Автоматическая система корректно выявила кластер негативных статей (16%), что совпало с экспертным отнесением их к конфликтно-разоблачительной стратегии. Это подтверждает полезность ИИ для первичного скрининга и выделения «горячих» точек. Таблица показывает, что тема поправок не монолитна. В государственных СМИ акцент смещен на образование и фигуру Главы, в то время как в критических СМИ равное внимание уделяется МСУ, образованию и драгоценным

металлам, а также активно конструируется образ критикующей общественности (100%).

Последняя строка таблицы «Рекомендуемый этап углубленного анализа» иллюстрирует предлагаемый подход. Автоматизация позволяет быстро обработать все 50 статей, выделить кластеры и базовые тренды. Однако для понимания смысла этих трендов полный экспертный анализ необходим для статей критических и межрегиональных СМИ (20 статей, 40% выборки), где тональные стратегии наиболее сложны и значимы. Для государственных СМИ и нейтральных частных СМИ достаточно выборочной проверки для контроля качества автоматической классификации.

Выводы

Таким образом, сравнение экспертного подхода и автоматизированного инструментария позволяет выделить точки соприкосновения, которые могут послужить для оптимизации трудозатрат при анализе тональности. Экспертный подход детализируется по многогранной системе анализа и может быть адаптирован под запросы пользователя. В данном конкретном случае выделяются индикаторы в тексте, строится их взаимосвязь, в контекстуально-дискурсивном плане. Учитывается и уклон СМИ, обуславливающий подачу, тональность и унисонность по отношению к определенной теме или субъекту оценки. В то время как автоматизированные системы определяют объекты оценки, признаки оценки, индикаторы, касающиеся этих областей, группируют их. Затем по тональному словарю определяется их тональность по шкале «отрицательное-положительное». Такие задачи как определение переменных, определение полярности, статистические вычисления могут быть выполнены автоматизированной системой, что ускорит работу при обработке больших текстовых данных, что особенно актуально при пакетном анализе в режиме реального времени. Достаточно точно определяются группы по полярности на основе тональных словарей. Чего не хватает системе, так это возможности целостной, рельефной детализации общей картины, учета переакцентуации тональности, вызванной модуляцией контекста, образной лексикой и особенностями дискурса. Таким образом, предлагается выделить два основных этапа: этап автоматизированной предобработки и этап лингвистической экспертной детализации. Использование систем анализа тональности может оптимизировать трудозатраты при обработке больших данных, сократив время на этапе выделения объектов оценки и индикаторов тональности. Это позволяет в дальнейшем передать обработанную информацию на углубленную экспертную оценку.

Настоящее исследование вносит вклад в актуальную междисциплинарную проблематику, находящуюся на стыке компьютерной лингвистики, медиаисследований и политического анализа. Работа продемонстрировала, что в условиях цифровизации медиасреды и роста объемов информации примат только количественных, статистических методов анализа тональности является методологической ошибкой, особенно при работе со сложно структурированным региональным дискурсом, насыщенным имплицитными оценками, культурными кодами и политической ангажированностью.

Библиография

1. Liu, B. Sentiment Analysis and Subjectivity // Handbook of Natural Language Processing / N. Indurkha, F. J. Damerau (eds.). – 2010.
2. Pang, B., Lee, L. Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – No. 2. – P. 1-135.
3. Сметанин, С. Применение анализа тональности для текстов на русском языке: современные проблемы и перспективы // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 110693-110719. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3002215. EDN: LDJQBL

4. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 182,[2] с.
5. Багдасарян, Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2000. – 175 с. EDN: QDELZF
6. Богданова, Т. Ф., Бойчук, Е. И. Основные теоретические проблемы, связанные с понятием тональности текста // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 4 (23). – С. 136-141. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-136-141. EDN: UDFFRM
7. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
8. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. – 600 с. EDN: REJYGI
9. Карасик, В. И. Языковые ключи: научное издание. / Науч.-исслед. лаб. Аксиологическая лингвистика. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
10. Матвеева, Т. В. Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistyka. – 1996. – С. 210-221.
11. Мельник, Г. С., Тепляшина, А. Н. Современная местная газета: типология, особенности функционирования и перспективы развития: учеб. пособие. – СПб., 2011. – 130 с.
12. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2006. – 251 с. EDN: NOBFTR
13. Тупикова, С. Е. Понятие коммуникативной тональности (модальность и тональность) // Вестник ТГУ. – 2010. – № 1 (81). – С. 247-251.
14. Магранов, А. С. Тональность новостных сообщений о мигрантах в региональных СМИ: динамика и основные формы // Гуманитарий Юга России. – 2022. – № 5. – С. 184-198. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.5.15. EDN: ECBLQC
15. Павлушкина, Н. А. Реакция аудитории на региональную информационную повестку в пространстве локальных медиа и соцсетях // Caucasian Science Bridge. – 2023. – Т. 6, № 3. – С. 36-48. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.3.3. EDN: PPCSBC
16. Республиканская общественно-политическая газета "Якутия.Daily". URL: <https://yakutia-daily.ru/>
17. Портал "SakhaDay". URL: <https://sakhaday.ru/news/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению и сравнению анализа тональности и сентимент-анализа медиадискурса и их возможного синергизма в мониторинге настроений в региональных интернет-СМИ. Актуальность данной работы обусловлена повышенным интересом научного сообщества к изучению массмедиа и медийного дискурса. Одним из важных инструментов для мониторинга общественного мнения, анализа социальной активности и пр. является анализ тональности, который позволяет определить эмоциональную окраску медиатекста, выявить позитивные, негативные или нейтральные отзывы, комментарии и новости.

Теоретической базой исследования обоснованно выступили научные работы по вопросам теории речевых жанров, функциональной семантике оценки, теоретическим аспектам тональности текста, тональному компоненту модальности в коммуникации,

применению анализа тональности для текстов, специфике сентимент-анализа и др. Библиография составляет 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи.

Методология работы определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод сплошной и тематической выборки, сопоставительный анализ, методы дискурс- и контент-анализа. Для исследования автоматизированных систем анализа тональности использовались такие платформы как чат боты, EurekaEgine, SentiStrength, YesChat Sentiment Analysis Classifier. Эмпирическим материалом послужили новостные статьи из региональных СМИ Якутии за период с 9 по 24 октября 2025 г. Выбор данных временных рамок обусловлен освещением в средствах массовой информации довольно резонансной для региона темы введения поправок в Конституцию Республики Саха (Якутия).

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи. Выявлены расхождения между автоматической тональной оценкой и экспертным анализом («автоматические системы присваивают позитивную оценку большинству статей государственных СМИ и межрегиональных СМИ», «экспертный анализ показывает, что это принципиально разные позитивности: унисонная легитимация и рационализирующая снисходительность»). Установлено, что экспертный подход и автоматизированный инструментарий имеют точки соприкосновения, причем «экспертный подход детализируется по многогранной системе анализа и может быть адаптирован под запросы пользователя», в то время как «автоматизированные системы определяют объекты оценки, признаки-оценки индикаторы, касающиеся этих областей, группируют их». Сделан вывод о том, что «в условиях цифровизации медиасреды и роста объемов информации преобладание только количественных, статистических методов анализа тональности является методологической ошибкой, особенно при работе со сложно структурированным региональным дискурсом, насыщенным имплицитными оценками, культурными кодами и политической ангажированностью» и др.

Проведенное исследование однозначно имеет теоретическую значимость и практическую ценность, которая заключается в изучении возможностей использования систем анализа тональности у региональных СМИ для выявления региональных настроений. Результаты работы могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, в вузовских курсах по медиалингвистике и компьютерной лингвистике, теории дискурса, теории коммуникации и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения тяготеет к научному типу. В целом статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Антропонимикон Геннадия Ояра (на материале сборника «Отзвуки сердца») //

Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77386 EDN: VCXBQT URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77386

Антропонимикон Геннадия Ояра (на материале сборника «Отзвуки сердца»)

Савицкая Ульяна Николаевна

студент, Институт национальной культуры и межкультурной коммуникации; Марийский государственный университет

Россия, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлёвская, д. 44

✉ Ulyana2407@mail.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет

424002, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Кремлевская, 44, каб. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77386

EDN:

VCXBQT

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2025

Аннотация: Данная статья продолжает исследования авторов, актуализирующих как предмет литературоведческих исследований контекстуальную поэтику марийской поэзии XX–XXI веков. В ней рассматривается антропонимикон национального поэта, рассматриваемый авторами статьи как способ представления контекстуального содержания (способ создания особого художественного пространства литературного текста). Цель статьи – выявить особенности использования антропонимов в роли приёма контекстуальной поэтики в современной марийской лирике на примере литературно-

творческого опыта широко известного поэта Геннадия Ояра (Сабанцева). Такая цель впервые заявляется и реализуется в региональной и отечественной литературной науке. Конкретным материалом исследования стали поэтические тексты марийского поэта Геннадия Ояра, вошедшие в его сборник «Ш□мсавыш» (Отзвуки сердца) (2008), имеющие в своей художественной структуре антропонимы. Методы исследования – историко-генетический, сравнительно-типологический и структурно-семантический; в работе использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений. В ходе исследования охарактеризованы основные типы антропонимов в лирике Геннадия Ояра с учётом их структуры и источников; определены основные функции антропонимов, актуальные в рамках исследования контекстуальной поэтики; выявлены особенности авторского культурного кругозора (контекстуальной компетентности) марийского поэта; показана специфика авторской рефлексии антропонимов-интертекстом; поставлен вопрос о роли антропонимов в этноидентификации автора. Авторами статьи делается вывод о том, что разные типы антропонимов в поэтическом сборнике Геннадия Ояра «Отзвуки сердца», выполняя смыслообразующую и символическую, социально-историческую и этнокультурную, интертекстуальную, эмоционально-оценочную и авторскую, психологическую и идентификационную функции, вносят в его тексты объемное контекстуальное содержание, соответственно являются полноценным приёмом контекстуальной поэтики. Используемые поэтом антропонимы – это путь к реконструкции контекстуального содержания литературного текста, к пониманию авторского замысла, семантики и поэтики его произведений.

Ключевые слова:

Марийская литература, лирика, Геннадий Ояр, контекстуальное содержание, контекстуальная поэтика, поэтический прием, антропоним, историко-культурный контекст, контекстуальная компетентность автора, этноидентификация автора

Введение

Антропонимы – неотъемлемая и важная художественная составляющая изображённого мира в современной марийской лирике.

Антропоним – «единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека», «имя любой персоны: реальной или вымышленной» [\[1, с. 169\]](#), в т.ч. героя фольклорного и литературного произведения.

Антропонимы в художественном произведении – это не просто «ярлыки» для различения персонажей, это **художественный приём**, с помощью которого автор раскрывает характеры, задаёт смысловые акценты, выстраивает композицию, транслирует идейный замысел, создаёт стилистику и атмосферу текста.

Антропонимы «принимают статус важного информативного, смыслообразующего элемента художественного произведения» [\[2, с. 248\]](#). В этом смысле они интересны исследователю не только как средства, которые способствуют «адекватному восприятию и интерпретации идеи произведения» [\[2, с. 248\]](#), но и как способ представления его контекстуального содержания, как **приём контекстуальной поэтики**.

В данной статье именно в таком аспекте будет рассмотрен антропонимикон современного

марийского поэта Геннадия Ояра, представленный в его сборнике «Ш□мсавыш» (Отзвуки сердца) (2008).

Статья является продолжением наших исследований, посвященных изучению конкретных «поэтических приёмов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание» [3, с. 328]. Ранее нами был изучен эпиграф как приём контекстуальной поэтики [см.: 4], в данной статье в качестве такого приёма в лирическом тексте рассматриваются антропонимы.

Методы исследования – историко-генетический, сравнительно-типологический и структурно-семантический; в работе использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений.

Результаты исследования, обсуждения

В сборнике Ояра «Отзвуки сердца» представлены следующие типы антропонимов:

- **личное имя**(имя, данное при рождении): Никон («Ш□мбел йылмем»); Еремей и Васлий (Унчышто ўярня»); Семалче («Тояш нангайт гын айдемым...»);
- **фамилия**(родовое или семейное имя): Мухин («Ш□мбел йылмем»); Есенин («Ш□ргым шўалтен памаш вўд дене...»); Сен-Санс, Моцарт и Шопен («Сўретче»);
- **имя и фамилия**: Б. Пастернак («Тылат лекман, артист, тылат...»); Е. Евтушенко («Ш□мым айлыше тат-влак...»); В. Колумб (Унчышто □ярня»); Йыван Смирнов («Нигуш йокрок деч ом керт таче шылын...»); Семён Николаев («Шўм-чон ок шинче кужытын кужужым...»);
- **прозвище** (неофициальное именование): Апакай (Унчышто ўярня»);
- **псевдоним**(выбранное имя): Йыван Кырля («Илет пырля, Йыван Кырля!», «Ш□мбел йылмем»); Шабдар, Ипай, Ялкайн и Сави («Ш□мбел йылмем»); Йыван Ямберде («Сўретче»); Палантай («Марий концерт»);
- **антропонимы фольклорно-мифологических текстов и кинофильмов** (имена вымышленных персонажей): Мустафа («Илет пырля, Йыван Кырля!»); Акпатыр («Тояш нангайт гын айдемым...»); Орфей («Калык муро»); Йыван («Йомак да чын»).

В рамках исследования контекстуальной поэтики, которую «следует рассматривать как сложную систему форм представленности контекстуального содержания, средств и приемов его образования в тексте» [3, с. 327], актуальны такие традиционные **функции антропонимов в литературном произведении**:

- смыслообразующая и символическая (имя – символ эпохи, идеи, культурного кода);
- социально-историческая и этнокультурная (имя маркирует эпоху, среду, профессию, национальную и региональную принадлежность, задаёт историко-культурный контекст);
- интертекстуальная (имена связывают произведение с другими текстами – литературными, фольклорно-мифологическими, с религиозными сюжетами, возрождают архетипические смыслы, встраивают автора и его персонажей в традицию мировой культуры);
- эмоционально-оценочная и авторская (через имя выражается авторское отношение к персонажу; в этом случае мы имеем дело с псевдонимами и прозвищами, необычными

именами);

– психологическая и идентификационная (имя отражает самовосприятие автора или персонажа, символизирует внутренний перелом в судьбе).

Рассмотрим типы и функции антропонимов в лирике Ояра, акцентируя внимание на контекстуальном содержании его текстов.

Во многих произведениях автора представлены имена и фамилии известных русских поэтов, а также имена, фамилии, псевдонимы и прозвища марийских писателей.

Из **русских поэтов** особое внимание в сборнике «Отзвуки сердца» уделено Сергею Есенину; в нём размещены переводы есенинских стихотворений, а также размышления (эссе) Ояра о русском поэте. Своё эссе марийский поэт озаглавил «Мыйын Есенинем» (Мой Есенин), указав таким образом на свою искреннюю любовь к русскому автору и трепетное отношение к нему как учителю в поэзии. Ояр создаёт контекстуальный портрет Есенина-поэта и витальный (авторский) контекст, представляя свои переводы фрагментов его стихов и прибегая к ярким образно-оценочным выражениям типа: «*Руш поэзийын шӧртньӧ шиялтышыже*» [5, с. 58. [Здесь и далее цитаты Ояра даются по данному изданию, в квадратных скобках указываются только страницы. – У.С., Р.К.](#)] (Золотая свирель русской поэзии [Здесь и далее подстрочный перевод цитат на русский язык везде наш. – У.С., Р.К.]); «*кечан поэзийже*» [с. 63] (его солнечная поэзия); «*шыже садер гай шӧртньӧ поэзийшыкыже*» [с. 63] (в его, похожую на осенний сад, золотую поэзию); «*А Есенинын поэзийже – чон гыч лекше муро*» [с. 63] (А поэзия Есенина – песня, вышедшая из сердца); «*Есенин – илышын мурызыжо!*» [с. 64] (Есенин – певец жизни). Эссе Ояр завершает своим стихотворением, посвященным Есенину («*Шӧргым шӧалтен памаш вӧ дене...*» – «Умывши лицо родниковой водой...»). В нём три раза упоминается фамилия русского поэта. В первый раз, когда автор указывает на народные, природные, истоки его личности и поэзии:

Шӧргым шӧалтен памаш вӧд дене,

Лай мардеж ден тудым ӱштылеш, –

Олык гоч йолгорно ден Есенин

Ошкылеш эр кечылан вашеш [с. 64]

(Умывши лицо родниковой водой,

Нежным ветерком его вытирает, –

Через луг по тропинке Есенин

Шагает навстречу утреннему солнцу).

Ояр в своём стихотворении сосредоточивает внимание на главной теме творчества русского классика (Россия, Русь) и утверждает общенациональное значение его поэзии и самого Есенина – как уникальное достояние страны, которое всегда будет в памяти народа:

Муро семын йонгышо Российжым,

Жап вошт ошкыл, стихше ден мокта [с. 64]

(Звучащую, как песня, свою Россию,

Шагая сквозь время, восхвалял своим стихом).

В рамках этой концепции Ояр прописывает слово «Есенин» и второй, и третий раз:

Но Российын шўшпыкшö – Есенин –

Нимогай йўштеш ок керт йўкшен [с. 64]

(Но соловей России – Есенин –

Ни в каком холоде не может замёрзнуть).

Ўжаран йолгорно ден Есенин

Русьшо мучко йонгын ошкылеш [с. 64]

(На заре по тропинке Есенин

По всей Руси вольготно шагает).

Борис Пастернак и Евгений Евтушенко обозначены Ояром в эпитафиях к его стихотворениям. Так, в стихотворении «Тылат лекман, артист, тылат...» (Тебе нужно выйти, артист, тебе...) в качестве эпитафия использован зачин знаменитого стихотворения Пастернака «Гамлет»: «Гул затих. Я вышел на подмостки...». Стихотворение Ояра повторяет основной конфликт пастернаковского текста – одинокий одарённый поэт и его бездарное, бездушное, фарисейское окружение. Но если пастернаковский текст построен как монолог артиста, участь которого – сыграть самую сложную (драматическую) роль мирового репертуара и, как Гамлет, неотвратимо вступить в бой с общественным лицемерием и, в конечном, итоге, став судьей своего времени, жертвовать собой; то марийский поэт строит свое стихотворение как своё обращение к талантливому («Куанлын-ойгын воштылат – / Йырвел куатым чон вий сеньш» [с. 76] – «Смеёшься радостно-печально – / Крепость души победила силу вокруг) и безмерно человеческому, светлому («...улат чонан, / Ш□м волгыдан, шинчав□дан...» [с. 77] – ...ты сердечен, – Со светом души, сердоболен [букв. слезлив. – У.С., Р.К.] поэту. Ояр пишет о своей искренней увлеченности игрой актера («Мый – почешет, пелен кылдалтын» [с. 76], а в конце стихотворения благодарит его за то, что он учит его быть бойцом в его непростой (путанной – «куктежле») жизни, и «прокладывает», таким образом, ассоциативную связь между бесстрашным Гамлетом, актёром, который должен его сыграть, и своим, созданным им, образом актёра, которого называет белым слугой светлой красоты («Яндар моторлыкын ош тарзе» [с. 77]). Именно словом «сарзе» («воин») в восклицательной позиции Ояр завершает свое стихотворение, утверждая таким образом свою философию жизни:

Куктежле илыш пасуштем

Эре лияш, кеч шкет, но – сарзе!.. [с. 77]

(На путанном поле жизни

Всегда быть, хоть одиноким, но – воином!..).

Негативная характеристика окружения пастернаковского актера и самого лирического героя «Гамлета» ограничена двумя фразами («сумрак ночи» и «всё тонет в фарисействе»), и очень лаконично представлена драма жизни («другая драма», «Жизнь прожить – не поле перейти»). У Ояра аналогичное окружение актёра кажется более

конкретизированным в плане авторской рефлексии, оно ассоциируется с такими образами, как путаница мира («т□ня куктеж» и злая земля, которая не ценит живое и сердечное («...шыде мландылан, / Чонанжым пеш ок жапле кудо...» [с. 77] («...злой земле, которая очень не уважает живых...)).

Именно концептуальным сходством конфликта рождены в стихотворении «Тебе нужно выйти, артист, тебе...» ояровские аллюзии на текст Пастернака, которые также можно рассматривать как приём контекстуальной поэтики: «лекман» – «вышел на подмостки»; «т□жем кечан т□ням» (мир с тысячами солнц) – «Тысячью биноклей на оси»; «Сандалык кўкшытыш шуат» (Поднимешься на уровень вселенной) – «Я ловлю в далёком отголоске / Что случится на моём веку»; «пич поргемыш» (в дремучую бездну) – «сумрак ночи»; «кеч шкет» (хоть одиноким) – «Я один»; «Куктежле илыш пасуштем» (На путанном поле жизни) – «Жизнь прожить – не поле перейти».

Эпиграфом к стихотворению «Ш□мым айлыше тат-влак...» (Моменты, тревожащие сердце...) стала фраза Евгения Евтушенко «Идут белые снега...» из его стихотворения 1965 года. Евтушенковский текст по смыслу – это соединение патриотической патетики и философского размышления о смерти и бессмертии:

Быть бессмертным не в силе,

но надежда моя:

если будет Россия,

значит, буду и я [\[6\]](#).

Ояр не связывает свое стихотворение с этими тематическими линиями, он продолжает периферийную смысловую линию евтушенковского стихотворения «Идут белые снега...», основанную на философской идее естественной жизни и природной красоты, предельно понятной и близкой, радующей душу марийского поэта («Шып велеш да велеш – / Шкат ок пале моланжым... / Тыге просто к□леш» [с. 85] – «Тихо падает и падает – / Сам не знает, зачем... / Так просто нужно»):

Идут белые снега, как во все времена, как при Пушкине, Стеньке и как после меня.

Идут снега большие, аж до боли светлы, и мои, и чужие заметая следы [\[6\]](#).

Принципом композиции становится реминисценция; автор самыми разными способами обыгрывает евтушенковский образ «Идут белые снега»:

– ...Лум йога пеш тыматлын... [с. 85] (...Очень спокойно падает снег...);

– Шып велеш да велеш... [с. 85] (Тихо падает и падает...);

– ...Ош лумлан лачак жап [с. 85] (...Как раз время для белого снега);

– ...Лум велеш эр-касат [с. 86] (...Снег падает и утром, и днём);

– Эркын лум велмыжат... [с. 86] (И медленное падение снега...);

– Ош лум велме пошелне... [с. 86] (Среди падающего снега...);

– ...Лум йоген чарнымеке... [с. 86] (...Как перестанет падать снег...);

– ...Лум лумеш да лумеш... [с. 86] (...Снег идет и идет...).

Из **марийских писателей** в двух стихотворениях сборника Ояра представлен Йыван Кырля, а также в контексте этого образа в одном из них – «Илет пырля, Йыван Кырля!» (Живёшь вместе с нами, Йыван Кырля!) – автором вспоминается созданный им киноперсонаж Мустафа. В начале стихотворения воспроизведена ключевая сцена из фильма «Путёвка в жизнь»:

Рельс ўмба ч дрезине талын

Чымыкта, шолтке тава.

Кудалеш, чолга муралын,

Марий рвезе – Мустафа [с. 30]

(По рельсам быстро дрезина

Удирает, бежит [букв. топает. – У.С., Р.К.] со стуком.

Едет с бойкой песней

Марийский юноша – Мустафа).

Дальнейшее лирическое повествование работает на заявленную в заглавии произведения авторскую идею: марийский поэт и актер, исполняющий песню на родном языке («Ой, луй модеш...») «въехал» на дрезине в современность и продолжает покорять сердца своих соплеменников:

Шошо гае йўкшō дене

Кызытат мура Кырля [с. 31]

(Голосом, похожим на весну,

И сегодня поёт Кырля).

В другом стихотворении Йыван Кырля представлен как часть первого поколения марийских писателей, среди которых названы автором Чавайн, Шабдар (Шабдар Осып), Мухин (Николай Мухин), Кырля, Ипай (Олык Ипай), Ялкайн (Яныш Ялкайн), Никон (Никон Игнатъев), Сави (Владимир Мухин-Сави) и для характеристики которых многократно использованы слова «спай» и «спайле», определяемые в толковом словаре марийского языка как стройный, приятный, красивый, изящный и аккуратный (*спай, спайле*), прямо, несгибаемо и твердо (*спайла*), стройно, чётко, твердо, крепко и несгибаемо (*спайлын*), изящно, красиво, чисто, точно и качественно (*спайын*) [\[7, с. 277-278\]](#).

Антропоним в этом стихотворении имеет явную социально-историческую функцию. Автор с предельной экспрессивностью представляет трагическую судьбу этого поколения творческой интеллигенции и жестко определяет самую суть трагедии народа мари в сталинскую эпоху:

Парчаштым мо – эн тўн гычак руальыч.

Шунгалте ото – нелын, йōсланен.

Шке калыкше деч, мландыж дечын нальыч,

Кō калыкшым да элжым йōратен [с. 45]

(Не мелкие ветки на дереве – рубанули по самой основе,

Упала роща – тяжело, страдая.

Оторвали от своего народа, своей земли Кто любил свой народ и свою страну).

В рамочной части стихотворения «Унчышто пайрем (Праздник в Унчо) называется Валентин Колумб – как автор эпиграфических строк. Эпиграф отсылает читателя к первым двум строчкам стихотворения Колумба «Лышташ муро» (Песня листьев, 1962), которые скрыто (по принципу реминисценции) цитирует Ояр в начале своего стихотворения, сохраняя колумбовские знаки препинания, но заменив, во-первых, одно (прежнее) название деревни на другое – популярное в народе, считающееся марийским, во-вторых, колумбовское звукоподражание (ой-ой-ой) – на своё (выж-выж-выж) с аналогичной семантикой (народу на улице собралось **очень много**), ср.:

Шор-Уньжа уремыште

Калык – ой-ой-ой!.. [8, с. 99]

(На улице Шор-Уньжи

Народу – ой-ой-ой!.. (В. Колумб)

Унчо ял уремыште

Калык – выж-выж-выж!.. [с. 88]

(На улице деревни Унчо

Народу – выж-выж-выж!..) (Ген. Ояр)

Ояровский и колумбовский тексты роднит не только место изображаемого действия и семантика звукоподражаний, главное в них обоих – мотив народного веселья. Колумб сначала любит девушкой мари, которая красиво и душевно исполняет песню («Шўмын тулыш ныжылгын / Муро й□р й□реш» [8, с. 99] – «В огонь души нежно / Идёт песенный дождь»), представляет это действие как «дрожание листьев на её маковых губах» (обратим внимание на название стихотворения «Песня листьев»), затем начинает размышлять о роли песни в судьбе мари, а также об искренности и мощи марийского народного творчества и народной души, символом которых в конце стихотворения и выступает естественная, природная «песня листьев».

Ояр продолжает эту художественную стратегию и воспроизводит картину народного праздника □ярня (Масленица) со всеми присущими ему элементами народного веселья: смех и радость (именно в этом контексте по-доброму упомянуты его друзья-поэты Еремей Герасимов, Василий Миронов и Валерий Апакаев, с марийскими вариантами их имен, а один из них даже с бытовым прозвищем Апакай): «Коштыт, шыргыж колыштыт / Еремей, Васлий, / Нунын деке кумшылан / Тольо Апакай» [с. 89] (Ходят, слушают улыбаясь / Еремей, Васлий, / Третий к ним / Подошёл Апакай); угощения – блины и крепкий квас; катания на тройке и со снежной горки, состязания силачей («□ярня кашта»; есть и упоминание о песне как неотъемлемой части народного веселья («Муро чонан улшылан / Таче тыште рай!» [с. 89] – «Тем, кто с песенной душой, – / Здесь сегодня рай!»). Автор яркими штрихами выстраивает этнокультурный контекст – воспроизводит особенности народной праздничной культуры мари: причастность к празднику каждого дома и каждого жителя деревни; гостеприимство и объединение деревень в праздничном

веселье («Ты кадырле / Й□кыш тек ушнат / Муканай, / Ямбатыр ма, / Паймыр, Сап-Уньжа...» [с. 89] – «К этим извивающимся / Звукам пусть присоединяются / Муканай, / Ямбатыр / Паймыр, Сап-Уньжа...»); единство поколений в праздничном обряде («Воктенемак – куштылго, / Чатката кова, – / Шем мыжер да пушкыдо / Ал потан йолва» [с. 89] – «Прямо рядом со мной – лёгкая, / Аккуратная старуха, – / Чёрный кафтан и мягкая / Бахрома алого кушака»); «Шо□го але самырык – / Чон икгай тава»[с. 90]) – «Старый или молодой – Сердце одинаково стучит»); благодарение всевышнего, природных сил («Ший памашын в□дышк□ / Ший оксам пыштем, / Й□штыж дене ш□ргым м / Эплын шўялтем» [с. 90] – «В воду серебряного родника / Положу серебряную монету, / Её холодом я лицо / Осторожно умою») .

Праздничная культура и философия веселья предстают как необходимый компонент жизни народа, в них – оживляющая сила, которая является залогом его будущего существования:

Вуж вел волыш каньылын

Шангысе кова.

Ош пўртўс полатыште

Татше – курымаш [с. 90]

(С шумом спустилась легко

Недавняя старуха.

В белом дворце природы

Мгновенье – вечность).

Размещённый в рамочной части антропоним «В. Колумб» задаёт основному тексту Ояра весьма импонирующий ему колумбовский смысловой контекст. У Ояра, как и у Колумба, читатель отчётливо видит глубокий интерес к исконно народной культуре и причастность к народному духу творчества. И в этом смысле использованный в произведении антропоним имеет не только этнокультурную роль, но и, отражая самовосприятие автора, выполняет идентификационную функцию.

Такую же функцию антропонима мы видим в последнем стихотворении («Ш□м-чон ок шинче кужытын кужужым...» – «Душа не знает протяженности длины...») чукотского цикла Ояра. В посвящении к нему значатся имя и фамилия поэта Семёна Николаева, стихи которого автор неожиданно для себя обнаружил на Чукотке, листая изданную в Москве книгу на русском языке. В контексте чукотской темы это стихотворение Ояра, посвященное марийскому поэту, оценивается как завершение авторской концепции чужого и своего: «познание “чужого” позволило автору по-настоящему оценить «свое» [\[9, с. 124\]](#).

Основной текст стихотворения «Душа не знает протяженности длины...» – это дань уважения учителю в поэзии, эмоциональная и в определённой мере научно-философская рефлексия его творчества. Ояр отмечает особенности поэтического языка своего наставника («ныжылгым, чеверым»), силу его слова и «высоту» художественной мысли («...Те, пыштен шомакыш вийым, / Моткочак к□ш ончалын моштеда»[с. 150] – «... Вы, вложив в слово силу, / Умеете взглянуть очень высоко»). Ему очень дорого то, что Семён Николаев по духу истинно марийский поэт, которым он остаётся даже в русском

переводе («*Рушла гычат йонча шым-чон марийын – / Вршерысе вр семын коште*» [с. 150] – «И в русском сочится душа марийца – / Ходит, как в пульсе кровь»). Образ Семёна Николаева, мастера марийского художественного слова (как, собственно, и другого марийского героя – популярного в народе певца Йывана Смирнова, тоже упоминаемого в чукотском цикле автора) – это выражение ностальгии по малой родине, глубокой связи поэта со своими сородичами в условиях «иног», немарийского, окружения. Создавая такой этнокультурный контекст личности и творчества своего учителя, Ояр предельно четко и публицистически открыто обозначает свою личную мировоззренческую стратегию:

Мый кызыт раш палем: кеч-куш ом кае,

Могай йылман коклаште мый ом лий, –

Кодам чонем ден ялт тунамсе гае –

Колумбын манмыла, шым-мокш йотке марий! [с. 150]

(Я сегодня четко знаю: куда бы ни уезжал,

Среди языком каким владеющих я б ни был, –

Душою остаюсь таким же, как тогда, –

Как сказал бы Колумб, мари до сердца-печени!).

Антропоним «Палантай» (псевдоним первого **марийского композитора**, основоположника марийской профессиональной музыки, создателя первого марийского хора Ивана Степановича Ключникова, 1886–1926), заявленный в стихотворении «Марий концерт» (Марийский концерт) имеет символическую функцию. Ояр осмысляет его как символ марийской интеллигенции революционной эпохи (марийский «соловей»), видит в нём некий «культурный код» народа, указывая на его социальный оптимизм, обвораживающую энергетику, фольклоризм и подлинную народность его музыки – ровно на то, что видел в своё время в Палантае другой марийский композитор Яков Эшпай, писавший так: «Музыка Палантая – светлая, солнечная. Оптимизм – основная черта его мировоззрения. Вера в народ, в его бессмертие – основа его музыки. <...> Палантай никогда не отрывался от неиссякаемого родника народного творчества. Он писал искренно, задушевно, тепло, иногда шутливо, весело и задорно <...>. Так поёт свои песни марийский народ. Палантай подслушал эти чудесные голоса и сумел передать их в музыке» [10, с. 47]. Именно в этом качестве первый композитор из мари, пишет Ояр, продолжает жить в современной творческой среде, продолжает влиять, вдохновлять марийских певцов и музыкантов:

Калыкын мурсемжым чонжо вошт колталын

Сугыньла эрелан шымпык-Палантай [с. 44]

(Пропустив сквозь сердце музыку народа,

Напутствует навсегда соловей Палантай).

Контекст марийского творческого мира создаётся и с помощью антропонима «Йыван Ямберде». Йыван Ямберде – это псевдоним современного **марийского художника** Ивана Михайловича Ямбердова. Посвящение ему предпослано стихотворению Ояра «Сретче» (Художник). А в основном тексте этого стихотворения автор, как и в

«Марийском концерте», размышляет об особенностях творческой личности Ямберде, например, о его страсти к художественному познанию («*Тарванен марий с□ретче Луврыш...*» [с. 111] – «Собрался марийский художник в Лувр...»; «*Логалаш ш□м-чонжотудым йодын / Курымла шедевр-влак коклаш...*» [с. 111] – «Душа звала его попасть / К вечным шедеврам»), в связи с чем в стихотворении вспоминаются Ояром мировые шедевры Лувра, а также всемирно известные европейские музыканты Сен-Санс, Моцарт и Шопен. Соответственно марийский художник вписывается в контекст мирового искусства, а автор стихотворения демонстрирует свой культурный кругозор, внося в произведение контекстуальное содержание, связанное с мировым искусством.

Ояр также говорит об истинной «марийкости» Ямберде (...*Намия марий чонан саламым?*» [с. 112] – «Принесёт привет с марийской душой?»), о народной основе его творчества («*Мыланнаже ший памаш да ото – / Лач шкенанак Лувр, Эрмитаж!*» [с. 112] – «Нам же серебряный родник и роща – / Точно наш Лувр, Эрмитаж!»), о духе поиска и склонности к философским обобщениям:

Сылным кычалеш шкежат чияште,

Шўмжō дене радамлаш тырша.

Тудынат ик татын – кенеташте –

Курымлашке почылтеш чарша [с. 112]

(И сам ищет красоту в красках,

Пытается упорядочить сердцем.

И у него в один момент – внезапно –

Откроется занавес в вечность).

Фольклорно-мифологические персонажи большей частью выступают в интертекстуальной функции, но их имена не просто связывают произведения Ояра с другими текстами, но и, возрождая архетипические смыслы, создают контекст мировой культуры.

В стихотворении «Калык муро» (Народная песня) Ояр многовекового коллективного автора старинной марийской песни, пронесшего через века её философскую глубину, эмоциональную силу и воспитательный потенциал («*Каваш н□лталше шулдыр-шонымаш / Ышта ш□метым эшеат чот сайым*» [с. 97] – Поднимающие в небо крылья-мысли / Делают твоё сердце еще более хорошим»), называет марийским Орфеем – именем героя древнегреческого мифа Орфея, легендарного певца, музыканта-лириста, поэта и философа. Архетипический лейтмотив этого образа – способность очаровывать / увлекать своей музыкой всё живое, животных и растения, даже камни и деревья. Ояр представляет это таким образом:

Орфей мурен – почешыже эветлын

Пушенге-влак йолденыт, ойгырен... [с. 97]

(Орфей поёт – за ним привередливо

Деревья бродили, тоскуя...).

Такая же магия заключена в марийской народной песне:

Мый йӧратем, шӱмем ден ваш кодмеке,

Тыматле мурын кумылжым висаш.

Тунам жапшат, шонет, пӧрдеш шенгеке,

Чыла эрталшым кожганет шераш [с. 97]

(Я люблю, оставшись наедине с собой [букв. с сердцем. – У.С., Р.К.],

Измерять настроение скромной песни.

Тогда, думается, и время крутится назад,

Боязно ворошить [букв. прочёсывать. – У.С., Р.К.] всё прошедшее).

Она бессмертна, утверждает Ояр, она очищает душу: «...Моткоч яндарын илиме шуэш!..» [с. 97] (...Очень светло хочется жить!..).

В стихотворении «Полярный йӧд нерген» (О полярной ночи) изображён главный языческий бог чукчей Пэликэн, сотворивший небо и землю, племя чукчей, огонь. Антропоним в переводе с чукотского означает толстопузый, пузатый человек. Пэликэн (Пеликен) – это «хранитель домашнего очага, пожирающий человеческую зависть, глупость, житейские неурядицы и нехорошие мысли, переваривающий всю эту поставляемую в изобилии людьми пищу в своём безразмерном животе. При этом он остаётся непорочным и чистым в помыслах и поступках, излучает смех, добро и справедливость. Приносит радость, богатство и удачу» [11]. Ояр в своем стихотворении следует мифологической традиции чукчей и изображает Пэликэна в бытовой ситуации – невозмутимым, спокойным и довольным, несмотря на беспокойство вокруг:

Пуйто полюслан тураште

Шонго-шонго Пэликэн

Шинчылтеш шкетак тораште,

Ягылге тулгӱм йыген... [с. 136]

(Как будто около полюса

Старый-старый Пэликэн

Вдали сживает в одиночестве,

Протирая полированный кремь).

Антропоним «Акпатыр», взятый из многочисленных легенд о марийском богатыре в стихотворении Ояра «Кугезе-влакын сугынышт ден толын...» (Пришли с заветами предков...), – это интертекстема, выполняющая психологическую и идентификационную функцию, ибо отражает самовосприятие автора. Акпатыр – «герой, защищающий народ мари от врага. Как и с богатырём Чумбылат, род Акпатыра обожествлен. По-доброму, уважая, народ мари молится и ему, его волшебной силе» [12, с. 175. Перевод цитаты на русский язык наш. – У.С., Р.К.]. Его имя использовано автором как этноидентификационный фактор: Акпатыр – это исконно марийское имя, как и женское имя Семалче, поставленное Ояром рядом с именем Акпатыр, образованное по аналогии с другими марийскими именами Пампалче, Йӧкталче, Ошалче и др. [см.: 13], как и метафорические

имена, соотнесённые с названиями природных явлений на марийском языке (Кава, Вуд, Мардеж, Волгенче, Тул) и тоже расположенные в тексте в одном ряду с именем Акпатыр.

Перечисляя знаки марийской культуры, поэт везде подчеркивает свою глубинную связь со своим народом и использует для этого притяжательные формы слов: существительные с притяжательными суффиксами (*койышна*, *л□мнѧ*), местоимения «*ме*» (мы) и «*мемнан*» (наш), глаголы 1 лица множественного числа (*пойдарышна*, *улына*). Народ мари представлен им как уникальный и необходимый компонент «большого мира» (вселенной), всемерно обогащающий его:

Ме курым вошт – ялт пыл вошт кечыйолла –

Кугу тўням ненчен пойдарышна [с. 83]

(Мы все века – как солнца луч сквозь облака –

Лепили, обогащали вселенную [букв. большой мир. – У.С., Р.К.]).

В произведении, озаглавленном как «Йомак да чын» (Сказка и правда) и представляющем собой творческую переработку (травестию) сюжета и морали русской народной сказки «Царевна-лягушка», Ояр использует антропоним «Йыван» – марийский вариант русского имени Иван.

В стихотворении «Ик чашкерыште» (В одной чашобе) в роли имён собственных использованы **нарицательные имена** (названия птиц) – для создания иносказательной стратегии через систему аллегорических образов (*Шўшпык* – Соловей, *Корак* – Ворона, *Тумна* – Сова, *Шемгорак* – Грач, *Шогертен* – Сорока). В этом стихотворении, похожем на басню, зарисованы две параллельные сцены, напоминающие антиномии из человеческой жизни: талантливое соловьиное пение, ласкающее тихо дремлющую землю, и бурное его обсуждение (почти как собрание в человеческом мире) среди завистливых птиц, высокомерно и зло критикующих Соловья, но заметно проигрывающих ему в мастерстве пения.

Заключение

Итак, проведённый нами анализ антропонимикона Ояра в его поэтическом сборнике «Отзвуки сердца» позволяет утверждать, что разные типы антропонимов, выполняя смыслообразующую и символическую, социально-историческую и этнокультурную, интертекстуальную, эмоционально-оценочную и авторскую, психологическую и идентификационную функции, вносят в его тексты объемное контекстуальное содержание, соответственно являются полноценным приёмом контекстуальной поэтики. Используемые поэтом антропонимы – это путь к реконструкции контекстуального содержания литературного текста, к пониманию авторского замысла, семантики и поэтики его произведений.

Библиография

1. Шарапова В.Ю. Сложности перевода единичных и множественных антропонимов в английском языке // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: сб. статей VIII Межд. науч.-практ. конф. / НОО "Цифровая наука". Саратов, 2021. С. 169-171. EDN: GHSLXU.
2. Зиннатуллина Г.Х. Роль антропонимов в структуре художественного текста // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014.

№ 5. С. 247-249. EDN: SXDKHN.

3. Старыгина Н.Н., Кудрявцева Р.А. Контекстуальная поэтика национальных литератур (к постановке проблемы) // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика: материалы V Межд. науч.-практ. семинара (25–26 сентября 2025 г., Казань) / сост. А.Ф. Ганиева, Л.Ш. Галиева, Ф.Х. Миннуллина. Казань: ИЯЛИ, 2025. С. 327-336. EDN: VPFVXS.

4. Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Эпиграф как прием контекстуальной поэтики в лирике Альберта Васильева // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 24-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76189 EDN: LGNERW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76189

5. Ояр Г. Шўмсавыш: почеламут-влак, поэме. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. 324 с.

6. Евтушенко Е. Идут белые снеги... // URL: <https://www.culture.ru/poems/26526/idut-belye-snegi> (14.12.2025).

7. Словарь марийского языка. Т. VI: Р-С / В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.

8. Колумб В. Ойырен чумырымо ойпого. I том: Почеламут-влак. Йошкар-Ола: Центр-музей Валентина Колумба, 2005. 640 с.

9. Кудрявцева Р.А. Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра "Йўдвел тулсавыш": чужое/свое в авторской картине мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 1. С. 111-127. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127> (дата обращения: 10.12.2025). EDN: GBGCAO.

10. Эшпай Я. Первый марийский композитор И.С. Палантай // Советская музыка. 1948. Вып. 4 (115). С. 43-47. URL: <https://mus.academy/archive/number/115/> (дата обращения: 18.12.2025).

11. Уникальная Чукотка // URL: https://moya-planeta.ru/reports/view/unikalnaya_chukotka_48699 (дата обращения: 11.12.2025).

12. Михайлов В.Т. Марий калык ойпого – калык чон поянлык: монографий. Йошкар-Ола: ООО ИПФ "Стринг", 2017. 410 с.

13. Черных С.Я. Словарь марийских личных имён: Около 16120 имён / Мар. гос. ун-т; ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1995. 626 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом данной статьи является такой элемент художественной поэтики как антропоним в творческом наследии марийского поэта Геннадия Ояра в его сборнике «Шўмсавыш» (Отзвуки сердца) (2008). Антропонимы автор рассматривает в данной статье не только как средства, которые способствуют «адекватному восприятию и интерпретации идеи произведения», но и в качестве способа представления его контекстуального содержания, или как приём контекстуальной поэтики. Автор в статье рассматривает следующие антропонимы в творческом наследии марийского поэта Геннадия Ояра: имя, имя и фамилии, прозвища, псевдонимы. Особенно интересным нам представляются антропонимы, которые связаны с фольклорно-мифологическими текстами и кинофильмами, в данном ключе антропонимы ранее не включались в анализ

творчества марийских писателей, поэтому эту удачную попытку литературоведческого анализа антропонимов, следует расширить и применить и к другим писателям.

Статья входит в цикл авторских статей, посвященных изучению конкретных «поэтических приёмов, с помощью которых автор включает в текст внеположное ему содержание». Следовательно, актуальность исследования заключается в нахождении новых интерпретационных кодов в творческом наследии марийского поэта Геннадия Ояра через систему антропонимов его текстов.

Автор применяет в своей статье следующие методы исследования, которые и составляют основу методологической базы. Он использует историко-генетический, сравнительно-типологический и структурно-семантический метод. Кроме того, в работе им использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений.

Новизна исследования заключается, во-первых, в том, что автор рассматривает творчество марийского поэта Геннадия Ояра с позиции нарратологической составляющей антропонимов его лирики, во-вторых, удачные авторские параллели приёмов поэта с другими художественными текстами позволяют рассмотреть творчество марийского писателя не только как национальное и самобытное, но и в контексте мировой литературы.

При подготовке статьи автор обращается к современным литературоведческим исследованиям по творчеству марийского поэта Геннадия Ояра, которые были выпущены за последние 5 лет и к фундаментальным исследованиям, которые были выпущены ранее. Это позволяет говорить, что библиография к статье показывает проработку автором данного вопроса в современном ключе и ретроспективном аспекте.

Следовательно, указывает на разносторонний охват исследований по творчеству поэта Геннадия Ояра.

Структура статьи отвечает требованиям журнала, во введении автор обосновывает основные ключевые моменты статьи, которые требует журнал, в основной части представлены основные результаты исследования, в заключении в сфокусированной форме изложены основные авторские умозаключения относительно антропонимов марийского поэта Геннадия Ояра. Следовательно, статья может быть рекомендована к печати и опубликована в журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжан Л. От локального чувства к национальной идентичности: Комплекс Сянси (западный Хунань) в художественном мире Шэнь Цунвэня // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77385 EDN: VDYWMB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77385

От локального чувства к национальной идентичности: Комплекс Сянси (западный Хунань) в художественном мире Шэнь Цунвэня

Чжан Лу

ORCID: 0009-0009-3021-7183

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им.
П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ chzhan.lu@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77385

EDN:

VDYWMB

Дата направления статьи в редакцию:

20-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются динамика этнического самосознания Шэнь Цунвэня. Объектом исследования являются его «комплекс Сянси» и литературное творчество. Автор подробно рассматривает процесс формирования и этапы трансформации данной идентичности. Цель данного исследования заключается в отслеживании эволюции этнического самосознания писателя через анализ «комплекса Сянси» и выявлении взаимодействия личного опыта с историческим контекстом. Для достижения цели были рассмотрены следующие задачи: – выявить причины формирования «комплекса Сянси» у Шэнь Цунвэня; – определить основные этапы трансформации его национальной идентичности; – анализировать конкретное влияние внешних факторов на переход его этнического самосознания к общеитайской национальной идентичности. Особое внимание уделяется влиянию культурно-исторического контекста на формирование идентичности Шэнь Цунвэня. Методологическую основу составляет комплексный подход, сочетающий биографический

и культурно-исторический анализ в рамках теории конструирования идентичности. Параллельно применяется сравнительный метод для сопоставления стилистики и содержания его произведений разных периодов. Научная новизна проведённого исследования заключается, во-первых, в последовательном анализе «комплекса Сянси» не как статичного феномена, а как динамической смысловой системы. Во-вторых, исследование предлагает новый ракурс анализа – эволюцию этнической идентичности писателя как активный процесс конструирования, детерминированный личными и историческими обстоятельствами. Основными выводами проведенного исследования являются: этническое самосознание Шэнь Цунвэня прошло сложную нелинейную эволюцию. Итогом этого пути стало формирование синтетической идентичности «этнического маргинала». Такая идентичность преодолевает частные рамки местной принадлежности. Практическая значимость работы заключается в предоставлении новой аналитической перспективы для интерпретации национального нарратива в китайской литературе. Полученные выводы представляют ценность для исследований процессов конструирования национальной идентичности в современном Китае и в сравнительных кросс-культурных исследованиях.

Ключевые слова:

Китайская литература, Шэнь Цунвэнь, Этническая идентичность, Комплекс Сянси, Национальное самосознание, Переустройство человека, Народ мяо, Народ хань, Культурный шок, Динамическая идентичность

Шэнь Цунвэнь (1902–1988) является одним из наиболее узнаваемых писателей в истории китайской литературы XX века. Своим поэтическим изображением сельского Китая он преодолел нарративные ограничения традиционной литературы, сосредоточенной на городской жизни и элитах, заняв уникальное место в процессе становления современной китайской литературы. Его литературный статус может быть сопоставим с позицией Ивана Бунина в русской литературе – они отличались тонким воссозданием родной местности и народного быта, умением вплетать философские размышления о человеческой природе и жизни в простоту повествования.

Творчество Шэнь Цунвэня укоренено в регионе Сянси, расположенном на северо-западе провинции Хунань, в горной местности Улин, на стыке провинций Хунань, Хубэй, Гуйжоу и муниципалитета Чунцин. Это территория с многонациональным составом населения, сочетающая живописные природные ландшафты и уникальную фольклорную культуру. Сянси является не только малой родиной писателя, но и ключевым топосом, центральным образным пространством его художественного мира. Его ключевые произведения, такие как «Пограничный городок» (长河) и «Путевые заметки о Сянси» (湘行散记), созданы на основе местных пейзажей, человеческих взаимоотношений и народных обычаев. Писатель создал образ аграрного мира, существующего в стороне от шума современной цивилизации. Уникальный дух Сянси сформировал творческую манеру Шэнь Цунвэня, а его литературное наследие, в свою очередь, трансформировало этот географический регион в одну из наиболее репрезентативных культурных топосов современной китайской литературы.

Обсуждение и результаты. В китайской литературе художественный мир Шэнь Цунвэня неразрывно связывается с пространством Сянси, воплотившим в его творчестве красоту человеческих чувств и естественную человечность. Как писатель, выходец из Сянси, он в своих произведениях выражает тоску по родным местам и рефлексией, причем эта

сложная эмоциональная структура тесно переплетается с динамичной эволюцией его этнической идентичности, совместно формируя ядро его мировоззрения.

«Комплекс Сянси» Шэнь Цунвэня не сводится к простой ностальгии; фактически это продукт столкновения жизненных обстоятельств: первичные воспоминания, накопленные за годы ранней жизни в Сянси, и культурный шок, пережитый им после отъезда из родных мест в качестве «городского маргинала». Значительное напряжение между этими двумя аспектами явилось ключевым механизмом формирования этого комплекса.

Во-первых, первичные воспоминания Шэнь Цунвэня представляют собой не просто фрагментарные детские впечатления, а целостную когнитивную систему, отмеченную особенностями региональной культуры Сянси. Эти воспоминания сформировались в период его жизни в Сянси с 6 до 15 лет, то есть от игр на улицах и переулках городка Фэнхуан до плаваний по реке Юаньшуй и работы подсобным рабочим в армии. Детские впечатления человека, накопленный им опыт, несомненно, играют важную роль в формировании мировоззрения [\[1, с. 8\]](#). Данный этап ознаменовал собой не просто начало жизненного пути Шэнь Цунвэня, но и ключевой момент в формировании его представлений о человеке и цивилизации. Эти представления, в свою очередь, составили уникальную когнитивную и ценностную основу, на которой сформировался его «комплекс Сянси». Обратимся к самооценке Шэнь Цунвэня из «Заклęcie. Часть о мыслях»: «Все, что я видел в детстве, оказало неизменное влияние на мою личную жизнь. Местные дела и дела человека были отвратительными, но сущность народа была чрезвычайно доброй. Процесс перехода деревни от спокойствия к распаду я видел очень ясно. Поскольку я вырос в неблагополучной семье, прошел через борьбу за выживание и учебу, мне легко было найти взаимопонимание с такими людьми, как лодочники, крестьяне, солдаты, мелкие ремесленники. Местные пейзажи прекрасны, к тому же это место, где возникла «Чуские строфы» (楚辞), все эти внешние факторы в моем детстве и юности разнообразными впечатлениями проникали в мой мозг и глубоко влияли на развитие моего характера и личности» [\[2, с. 99\]](#). Многонациональное сосуществование, естественные народные традиции и стойкая жизнеспособность Сянси стали его глубинным внутренним ресурсом для воспринимания мира.

С другой стороны окончательное формирование и усиление этого комплекса в значительной степени определилось сильным культурным шоком, пережитым писателем после отъезда из родных мест. В 1923 году, в возрасте 19 лет, Шэнь Цунвэнь покинул Сянси и отправился в Пекин. Впоследствии он пережил городские скитания в Пекине, Шанхае, Циндао и других местах, и, будучи «выходцем из деревни» из Сянси, он не смог интегрироваться в городскую жизнь. Эта неспособность вписаться проявлялась не просто в невозможности адаптироваться к образу жизни, а в всеобъемлющем отторжении – от самоидентификации и понимания человеческой природы до представлений о цивилизации. Неприятие Шэнь Цунвэнем городской жизни во многом повлияло на формирование самоидентичности, не случайно в дальнейшем «непринадлежность» городскому обществу, «инаковость», «чуждость» приобрели в произведениях писателя положительную этическую окраску [\[3, с. 40\]](#). Коммерциализация города, отторжение элитной культуры и отчуждение человеческой природы способствовали тому, что воспоминания о Сянси приобрели в его сознании особую ценность. Конкретные элементы этого мира – диалекты и обычаи народа мяо, стойкость лодочников, близкие отношения в сельской местности – перестали быть для него лишь предметом ностальгии. Они стали важным смысловым ресурсом, который он использовал для осмысления городского отчуждения и размышлений о направлении развития цивилизации. Этот процесс поиска своего места нашел отражение в ключевом

аспекте идентичности. Её сущность заключается в утверждении самосознания индивидуума или коллектива, воплощающем чувство принадлежности и осознание ценности по отношению к своей группе. Поскольку идентичность неразрывно связана со всеми аспектами общества, в котором существует индивидуум, она рассматривается как социокультурный конструкт, находящийся в политическом или историческом контексте [\[4, с. 220\]](#). Именно в условиях данного культурного столкновения Шэнь Цунвэнь прошел путь формирования и трансформации своей национальной идентичности.

Таким образом, этническая идентичность и национальное самосознание Шэнь Цунвэня являются динамическим продолжением его комплекса Сянси в конкретном историческом контексте. Они представляют собой не фиксированную форму, а постоянно корректируемую под влиянием личных жизненных обстоятельств и исторического контекста систему, проявляющую ярко выраженные этапные характеристики в переплетении множественного этнического опыта («мяо», «хань», «китайская нация»). Фактически это преобразование не было пассивным внешним формированием, а являлось активным выбором писателя перед лицом реальных трудностей и потребности в самопознании на разных исторических этапах. Этот выбор был связан с процессом развития современного государства и кризисной ситуацией выживания китайской нации, что в конечном итоге и привело к формированию уникальной идентичности «этнического маргинала» (человек, одновременно принадлежащий двум этническим культурам, порождающий двойственное этническое самосознание [\[5, с. 258\]](#)), ядро мысли которого всегда концентрировалось вокруг ценности «человека».

В данном исследовании, опираясь на комплексный диахронический анализ жизненного пути, литературного творчества и идейных высказываний Шэнь Цунвэня, выделяются четыре основных этапа формирования и эволюции его этнического сознания. Эта структура систематически раскрывает внутреннюю логику и траекторию развития его этнического самосознания – от его спонтанного появления, через сознательное формирование, до макроскопического превращения и окончательного углубления.

I. Ранний опыт в Сянси: Зарождение этнического познания

Формирование этнического самосознания Шэнь Цунвэня происходило в условиях уникальной многонациональной среды Сянси. Хотя в ранний период, предшествовавший его отъезду, у Шэнь Цунвэня не сложилось отчетливой этнической идентичности, но данный опыт заложил ключевые предпосылки для последующих изменений. Для этого этапа характерно противоречивое сочетание кровного родства с народом мяо и «ханьского воспитания».

С точки зрения происхождения Шэнь Цунвэнь имел корни, связанные с народом мяо: его прабабушка и бабушка по отцовской линии были мяо из центральной части Гуйчжоу. Однако в силу дискриминационного статуса мяо в Сянси в тот исторический период его семья намеренно скрывала эту принадлежность. Данное сокрытие привело к тому, что писатель с детства воспитывался как народ хань, и первоначально мог воспринимать окружающих его мяо лишь с позиций ханьской культуры. Это породило когнитивный диссонанс между «кровной связью с мяо» и усвоенной «идентичностью хань». В то же время сама среда многонационального проживания в Сянси невольно оказывала на него влияние, приближая к культурному полю мяо (феномен «омаоивания»). В результате под двойным воздействием ханьской и мяоской культур у Шэнь Цунвэня сложилась особая когнитивная система.

II. Удар городской культуры: Активное конструирование идентичности мяо

После отъезда из Сянси в Пекин в 1923 году мощный шок от городской культуры стал ключевым катализатором в процессе формирования этнической идентичности Шэнь Цунвэня. В пекинский период Шэнь Цунвэнь столкнулся с материальными лишениями и культурным отчуждением, а в шанхайский пережил пробуждение этнического самосознания. Этот опыт позволил ему постепенно преодолеть рамки сугубо «ханьского» восприятия. Он завершил эволюцию собственной идентичности от трактовки мяо как «фольклорного символа» до осознания «кровной принадлежности» к этому народу. Основной движущей силой этого процесса выступили тревога идентичности «деревенщины» и внутреннее сопротивление городской культуре.

По приезду в Пекин, колоссальный разрыв в социальном статусе и культурных традициях поставил его перед двойным вызовом – в средствах к существованию и духовной сфере, что и побудило его к самоидентификации как «деревенщины». Эта идентичность была одновременно инстинктивным сопротивлением городской культуре, и скрывала сложную психологию, переплетение самоуважения и неуверенности в себе. В поисках преодоления отчуждения от городской среды Шэнь Цунвэнь обратился к литературной конструкции Сянси, используя её как форму диалога с мегаполисом. В своих произведениях он акцентировал уникальность и самобытность Сянси, активно включая в нарратив диалекты, обычаи и повседневные сцены из жизни народа мяо. На данном этапе «мяо» в его творчестве выступали прежде всего в качестве элемента местного колорита Сянси, а их атрибуты (диалекты и обычаи мяо) служили строительным материалом для конструирования целостного образа Сянси. Подобное описание осталось лишь пассивной реакцией на давление мегаполиса, а подлинного признания ценности культуры мяо еще не происходит. Это хорошо видно при сравнении двух его произведений. В рассказе «Едянь» (野店, 1925 г.), где на фоне постоянного двора в мяоской местности разворачивается любовная история, акцент сделан исключительно на представлении «яркого деревенского колорита», для чего используются диалектизмы Сянси и обращения на языке мяо. Напротив в повести «Люйдянь» (旅店, 1929 г.) происходит качественный сдвиг: сюжет не ограничивается внешней этнической экзотикой, а углубляется в размышления о способах выживания и ценности жизни народа мяо в Сянси. Этот контраст знаменует переход его этнического познания от поверхностного символического культурного представления к внутреннему содержательному исследованию.

Переезд в Шанхай в 1927 году ознаменовал вступление этнического самосознания Шэнь Цунвэня в решающую фазу трансформации. На этот процесс повлияли как общий историко-политический контекст, так и углубление личного экзистенциального опыта. После образования Национального правительства, в условиях внутренних и внешних угроз, была выдвинута идея «Союз пяти народов» (Этот принцип подчеркивает гармонию между пятью основными этническими группами Китая ^[6] – ханцы, маньчжуры, монгольские народы, китайские мусульмане, тибетцы), подчеркивающая важность крови для нации. Это идеологический тренд, инициированный сверху, создал легитимное пространство для выбора этнической идентичности. Параллельно пережитое в Пекине и Шанхае чувство культурной утраты (коммерциализация литературной среды, отторжение элитной культурой и т.д.) побуждало его искать духовную опору в культуре мяо.

Переломным моментом стал 1929 год. В первом номере журнала «Хун хэй» (红黑) Шэнь Цунвэнь опубликовал повесть «Лунчжу» (龙朱), где впервые открыто декларировал свою кровную связь с народом мяо: «Я, в чьих жилах течет здоровая кровь вашего народа, чьи двадцать семь лет жизни наполовину поглощены городской жизнью» ^[7, с. 323]. Вслед за этим в рассказе «Мой второй старший брат» (我的二哥) он еще конкретизировал свое

происхождение, указав, что его прабабушка и бабушка по отцу были мяо из центральной части провинции Гуйчжоу, тем самым совершив акт «возвращения к корням предков мяо». Как отмечается в исследованиях, базовой формой этнической идентичности является признание собственной принадлежности, что составляет основу самоидентификации [8, с. 16]. Таким образом, именно на данном этапе Шэнь Цунвэнь завершил процесс личной идентификации с этнической группой мяо. В этот период он создал целый цикл «рассказов о мяо» (например, «История шамана» (神巫故事), «Сценка под луной» (月下小景)), где через экзотизированное и мифологизированное воображение о народе мяо, конструируется идеализированный культурный образ этого народа. В результате мяо трансформируются из простого знака локальности в символического носителя «здоровой, естественной человечности», что и знаменует завершение фазы активного построения данной идентичности мяо Шэнь Цунвэня.

III. Контекст национального кризиса: Поворот к национальному государству и окончательное формирование «этнического маргинала»

Во второй половине 1930-х годов усиление японской агрессии в Китай и учащение внутренних потрясений, вызванных общенациональным кризисом, подтолкнули идеологический поворот Шэнь Цунвэня от ориентации на мяо к ценностям «национального государства» и «китайской нации». Сознание «государства» постепенно стало ядром его мышления, народ мяо был включен в общую структуру «китайской нации», а размытость этнических границ окончательно кристаллизует его идентичность «этнического маргинала». Если первоначально художественная реконструкция мира Сянси служил для писателя созданием идеального духовного убежища, то после этого периода в его сознании укореняется чувство ответственности за преобразование реальности и спасение нации от упадка [9, с. 25].

События 1931-1932 года, такие как «Маньчжурский инцидент», и «Битва при Шанхае и реке Сучжоухэ» радикально изменили мировоззрение Шэнь Цунвэня, основанное на культурном противостоянии, сделав выживание государства центральной темой его размышлений. В произведениях этого периода, например в рассказе «Утро – кучка земли и солдат» (早上—一堆土一个兵), посредством монолога солдата о «защите могильной земли и почвы» («Пришли иностранцы, забрали нашу землю, предки сколько сил приложили, сколько крови пролили, а кусочек плодородной земли перед домом отдать им, это не стыдно?» [10, с. 390]) он напрямую выражал сильное национальное самосознание. Этническая идентификация с народом мяо в мировоззрении Шэнь Цунвэня постепенно интегрировалась в концепцию национального государства. В данном новом контексте «мяо» уже не выступают исключительно как символ культурного сопротивления урбанизации, а осмысливаются как составная часть китайской нации.

Возвращение на родину в 1934 году из-за болезни матери послужило важным катализатором его дальнейшей идеологической трансформации, поскольку писатель воочию убедился в глубоком упадке родного края, усугубленном междоусобными войнами. Впоследствии, работая над романом «Пограничного городка», писатель минимизировал этническую составляющую. Действие повести происходит в Чадуне (место смешанного проживания мяо и хань), однако прямое упоминание народа мяо в романе отсутствует. Вместо этого акцент смещается на естественную человечность таких персонажей, как Цуйцуй, и красоту человеческих отношений общества Сянси. Через сцены повседневного смешанного быта в произведении исследуется идеальная модель национального единства. Смещение этнического компонента (мяо) с центрального места в его самосознании свидетельствует о переходе его национального мышления на новую,

более зрелую стадию.

После начала полномасштабной войны с Японией эволюция «Восстания за отмену системы полей» в Сянси еще более укрепила его новую идентичность. Восстание, изначально вызванное локальными земельными конфликтами между мяо и хань, была переосмыслена как борьба народа мяо вместе со всей китайской нацией против иностранной агрессии. Таким образом, этническое восприятие Шэнь Цунвэня корректируется: он перестал приписывать страдания народа мяо другому народу. Его позиция заключалась не в выборе между позицией «мяо» или «хань», а в рассмотрении вопросов с общей перспективы «китайской нации». Эта двойственность «ни мяо, ни хань; и мяо и хань» окончательно оформила его идентичность этнической маргинальной фигуры.

Роман «Чанхэн» (长河, 1938), написанный в данный период, ознаменовал переход Шэнь Цунвэня от культурного идеализма к социально-политической рефлексии, от эстетического воображения к идеологическому, что придало роману, в отличие от антропологической природы «Пограничного городка» ярко выраженный идеологический характер [11, с. 19]. Повесть фокусируется на изменениях в жизни обитателей апельсиновых садов на реке Чэньхэ, показывая разрушение современностью деревенских чувств Сянси («Целостность и простота человеческого тепла сельского общества почти исчезли, уступив место вульгарному мировоззрению, одержимому материальными благами и личными интересами» [12, с. 3]). Путем сознательного конструирования образа «китайского Сянси» Шэнь Цунвэнь эволюционирует от темы «переустройства Сянси» к общей проблеме «переустройства китайской нации». Таким образом писатель завершил идейное восхождение от этнической идентичности к этнической общенациональной ответственности.

IV. Углубление идеи «переустройства»: от «культурного переустройства» к «переустройству человека»

После «Инцидента на мосту Лугоу» углубление национального кризиса побудило Шэнь Цунвэня сформулировать концепцию «переустройства», включавшую три взаимосвязанных уровня: Сянси, нации и государства. Изначально в этой идее культуре, и в частности «божественному» началу в традиции мяо (как в эпизоде исцеления горожан в «Фэнцзы» (凤子)), отводилась ключевая роль спасительной силы, способной через «естественную человечность» Сянси преобразовать «испорченные нравы» нации и вывести страну из упадка. Однако по мере углубления в социально-политическую реальность писатель пришел к выводу об ограниченности подхода, основанного исключительно на культурном идеале, который был не в состоянии разрешить острые практические проблемы, такие как политическая коррупция и общественные потрясения. Этот практический опыт привел к принципиальному смещению акцента: ядро «переустройства» было перенесено в сферу «переустройства человека». Поскольку успех «переустройства человека» является необходимым условием эффективной реализации преобразований национального и общественного масштаба [9, с. 27]. Окончательно этот идейный поворот оформился после переезда в Куньмин в 1938 году, где его очерки «Чжусюй» (烛虚) и «Каньхунлу» (看虹录), посвященные поиску смысла жизни, знаменовали собой концентрацию на проблематике внутреннего мира человека.

После окончания полномасштабной войны с Японией, на фоне хаоса гражданской войны, идея «переустройства человека» заняла центральное место в размышлениях Шэнь Цунвэня. В своих повестях «Чиянь» (赤魔), «Сюэцин» (雪晴), созданных в 1945-1947

годах, писатель сознательно отошел от буколического стиля «Пограничного городка». В своих поздних повестях Шэнь Цунвэнь делал хроникальное описание насилия в Сянси основным сюжетным материалом, чтобы подвергнуть резкой критике политическую коррупцию и социальные язвы. Эти произведения выводили локальные проблемы региона на общенациональный уровень, вскрывая «отчуждение человека» как глубинную причину национального упадка. В своих более поздних произведениях, таких как «Идеальный художественный музей» (一个理想的美术馆) и «Переустройство человека: видение будущего из Чунцина и Куньмина» (人的重造—从重庆和昆明看到将来), Шэнь Цунвэнь продолжил развивать и акцентировать фундаментальную значимость «переустройства человека» для национального возрождения. Его позиция заключалась в том, что лишь посредством воспитания прямодушной, стойкой и достойной индивидуальной личности возможно построить здоровую нацию и государство.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать утверждать, что эволюция этнической идентичности Шэнь Цунвэня представляет собой сложный, нелинейный процесс, неразрывно связанный с формированием и трансформацией его «комплекса Сянси». Анализ в диалектическом единстве личного опыта писателя и широкого историко-культурного контекста эпохи выявляет траекторию развития от локального самосознания к национальной идентификации. Было установлено, что «комплекс Сянси» сформировался в результате напряженного взаимодействия между целостной системой «первичных воспоминаний» о малой родине, составивших его ментальную основу, и глубоким культурным шоком, пережитым в городской среде. Именно это напряжение послужило ключевым механизмом, запустившим динамику его этнического самосознания. Таким образом, этническая мысль Шэнь Цунвэня, укорененная в почве региональной культуры Сянси и культуры мяо, но преодолевшая их партикулярные границы, конституирует модель инклюзивной идентичности. Эта модель, воплощающая диалектику личного опыта и исторического контекста, обладает непреходящей ценностью и предлагает продуктивные исследовательские перспективы для осмысления проблем национальной идентичности в современном Китае и за его пределами.

Библиография

1. Попова З. В. Путь Шэнь Цунвэня (1902–1988) к созданию знаменитой повести "Пограничный городок": дисс. ... к филол. н. СПб., 2004. 224 с.
2. Шэнь Ц. Заключение. Часть о мыслях // Полное собрание сочинений Шэнь Цунвэня: в 27 т. Тайюань: Изд-во "Бэйюэ вэнь", 2009. Т. 27. С. 97-123 (На кит. яз.).
3. Кузнецова М. Ю. Образы "чужих" в творчестве Шэнь Цунвэня (на примере рассказа "Огород") // Изучение и преподавание китайского языка и литературы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток. 2022. С. 40-42.
4. Ян С. Культурная память и идентичность в межкультурной коммуникации // Современная образовательная практика и педагогические исследования. 2019. С. 220-221. (На кит. яз.).
5. Степанова А. А. Этническая маргинальность как причина конфликтности межэтнического взаимодействия в трудовом коллективе // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 257-259.
6. Союз пяти народов – Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7_%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2.
7. Шэнь Ц. Лунчжу // Полное собрание сочинений Шэнь Цунвэня: в 27 т. Тайюань: Изд-во "Бэйюэ вэнь", 2009. Т. 5. С. 323-343. (На кит. яз.).

8. Сян Х. Исследование национальной идентичности Шэнь Цунвэня: дисс. ... к филол. н. Гуйчжоу, 2023. 78 с. (На кит. яз.).
9. Лю М. Идеи культурного национализма в творчестве Шэнь Цунвэня // Вестник Хэнаньского университета науки и техники. 2020. № 4. С. 23-28. (На кит. яз.).
10. Шэнь Ц. Утро – кучка земли и солдат // Полное собрание сочинений Шэнь Цунвэня: в 27 т. Тайюань: Изд-во "Бэйюэ вэнь", 2009. Т. 7. С. 388-391. (На кит. яз.).
11. У С. Медиа-коды в "Чанхэ": национальное и современное воображение Шэнь Цунвэня // Горизонты. 2003. № 12. С. 18-23. (На кит. яз.).
12. Шэнь Ц. Предисловие к "Чанхэ" // Полное собрание сочинений Шэнь Цунвэня: в 27 т. Тайюань: Изд-во "Бэйюэ вэнь", 2009. Т. 10. С. 3-9. (На кит. яз.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является творческое Комплекс Сянси (западный Хунань) в художественном мире Шэнь Цунвэня. Автор, опираясь на комплексный диахронический анализ жизненного пути, литературного творчества и идейных высказываний Шэнь Цунвэня, выделяет четыре основных этапа формирования и эволюции его этнического сознания. Эта структура систематически раскрывает внутреннюю логику и траекторию развития его этнического самосознания – от его спонтанного появления, через сознательное формирование, до макроскопического превращения и окончательного углубления. Акцент сделан автор в статье на нескольких ключевых составляющих творческого наследия Шэнь Цунвэня. Во-первых, ранний опыт в Сянси: Зарождение этнического познания, в котором автор анализирует истоки данной нарративной структуры в творчестве Шэнь Цунвэня.

Во-вторых, влияние городской культуры, что, на его взгляд, спровоцировало активное развитие и эволюцию идентичности мяо

В-третьих, автор данного исследования анализирует контекст национального кризиса через призму поворота к национальному государству и окончательное формирование «этнического маргинала», что позволяет выявить специфику национального колорита образа маргинала, отличного от мировой литературной традиции.

В-четвертых, автор статьи акцентирует внимание на таком аспекте творчества Шэнь Цунвэня как углубление идеи «переустройства»: от «культурного переустройства» к «переустройству человека», в котором автор исследования проводит интересные и закономерные, на наш взгляд, параллели.

Актуальность работы заключается в том, что рассматривается не только национальная самобытность творчества Шэнь Цунвэня, но и влияние мирового литературоведения на поэтику его произведений, что позволяет проследить интересную литературную приемсiveness между Китаем и другими странами.

Научная новизна данной работы бесспорна, так как творчество данного китайского писателя в русском литературоведении ранее не рассматривалось, кроме того, в первые раскрыты грани комплекса Сянси в художественном осмыслении Шэнь Цунвэня.

При подготовке статьи автор обращается к современным литературоведческим исследованиям по творчеству китайского писателя, которые были выпущены за последние 5 лет и к фундаментальным исследованиям, которые были выпущены ранее. Это позволяет говорить, что библиография к статье показывает проработку автором

данного вопроса в современном ключе и ретроспективном аспекте.

Следовательно, указывает на разносторонний охват исследований по творчеству исследуемого писателя.

Структура статьи отвечает требованиям журнала, во введении автор обосновывает основные ключевые моменты статьи, которые требует журнал, в основной части представлены основные результаты исследования, в заключении в сфокусированной форме изложены основные авторские умозаключения относительно предмета его исследования. Следовательно, статья может быть рекомендована к печати и опубликована в журнале, так как отвечает логике научного изложения и имеет интересный фактический материал.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Федорова И.С. Аспекты воплощения литературного архетипа «старик и старуха» в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77149 EDN: USZQRJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77149

Аспекты воплощения литературного архетипа «старик и старуха» в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница»

Федорова Инара Степановна

ORCID: 0009-0005-6322-9616

магистрант, институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации; Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
учитель; ГБОУ РС(Я) РЛИ

677014, Россия, респ. Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Мажайского 13/7

✉ teoina9@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77149

EDN:

USZQRJ

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Аннотация: Вопрос о репрезентации архетипов в литературе неоднократно освещался исследователями. Однако в якутской литературе проблема репродуцирования архетипических образов и их творческой интерпретации писателями изучена недостаточно. В статье исследуется архетипическая пара старик-старуха, получившая самобытное воплощение в рассказе якутского прозаика Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» («Кытта кырдьыбыт тэҕкэ тиит»). Писатель обращается к общечеловеческим вопросам и представляет национальный взгляд на мир, укорененный в традиционном жизненном укладе. Целью работы является описание соотношения образов главных героев старика и старухи в рассказе Василия Яковлева «Со мною состарившаяся лиственница» с архетипической парой «старик-старуха» и выявление аспектов их воплощения. Объект исследования – рассказ «Со мною состарившаяся лиственница», предмет – аспекты воплощения архетипического образа «старик и старуха» в рецепции и творческой интерпретации писателя. В рамках исследования мы

будем опираться на метод Н.В. Чернявской, в части хронологических аспектов вопроса – на метод М.М. Бахтина. Сравнительный анализ позволяет рассмотреть аспекты воплощения архетипических характеристик, присущих парному образу, созданному автором. Проведенное исследование позволило установить, что в рассматриваемом произведении писатель представляет супружескую пару старика и старухи хранителями непреходящих ценностей и традиций северного народа. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые исследуется архетипический парный образ «старик и старуха» в рассказе якутского прозаика 2 половины 20 века Василия Яковлева. Отображение архетипической пары «старик-старуха» в произведении Василия Яковлева свидетельствует о взаимосвязи якутской литературы с мировой литературой. Использование универсальных архетипов указывает на обращение автора к первоосновам человеческого опыта, что придает ему общечеловеческую значимость, акцентируя внимание на жизненных ценностях. Подобный подход к изучению литературных произведений способствует исследованию национально-культурных особенностей воплощения общечеловеческих тем.

Ключевые слова:

парный образ старик-старуха, архетипы, архетип мудреца, универсальные закономерности, традиционные ценности, природа национальной культуры, архетипы северного текста, репрезентация архетипов, архетипический парный образ, литературный архетип

Интерес к теории архетипов, введенной К.Г. Юнгом, продолжает активно разрабатываться в литературоведческой науке. Исследователи Е.М. Мелетинский, С.С. Аверинцев, М. Элиаде, Н. Фрай и другие расширили понимание архетипов, изучая их роль в культурной деятельности и способы их проявления в произведениях искусства [\[26, с. 4\]](#). Значительный вклад в изучение связи между бессознательным творчеством, дописанными формами культуры и литературой внесли работы А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана и других.

Литературный архетип «старик и старуха» в русской прозе XIX–XX веков изучен Н.В. Чернявской, отдельные аспекты вопроса исследованы Т.М. Субботиной, О.Н. Зыряновой, Н.О. Осиповой и другими. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири изучены Н.А. Непомнящих. Вопросы разграничения фольклорного и литературного архетипов на примере произведений писателей Севера рассмотрены Ю.Г. Хазанкович. Репрезентация архетипических образов в якутской женской лирике исследована в статье М.П. Поповой «Отражение архетипов в якутской женской лирике». Архетипические и символические образы и их функции в социально-психологических и философских повестях народного писателя Якутии Н.А. Лугинова проанализированы в работе В.Б. Огороковой и Т.Н. Пермяковой «Художественные функции образов - архетипов в повестях Н. Лугинова». Таким образом, теоретической и методологической основой исследования служат труды российских исследователей и якутских литературоведов. В рамках исследования мы будем опираться на метод Н.В. Чернявской, в части хронологических аспектов вопроса – на метод М.М. Бахтина.

В работе «Архетипический образ «старик и старуха» в русской прозе XIX–XX вв.» Н.В. Чернявская фиксирует, что литературный образ «старик и старуха» имеет

архетипический характер, на что указывает распространенность этого образа в мифологии, фольклоре и обрядовой культуре, а также в художественной литературе различных народов [\[26, с. 8\]](#). Исследователь ссылается на произведения И. Гете, Т. Манна, А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, затем на частое появление названного образа в творчестве писателей-деревенщиков В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Шукшина.

В произведениях деревенской прозы, констатирует Н.А. Непомнящих, «по-житейски мудрые старики и старухи» появляются в качестве хранителей исторической, крестьянской, родовой памяти об истоках жизни народа [\[14, с. 103\]](#). Основные темы деревенской прозы об утрачиваемой традиционной культуре, об уходящем укладе жизни созвучны тематике национальных литератур Севера. Исследователями отмечен изначальный интерес Василия Яковлева к «деревенской теме», углубление в которую происходило не без влияния его наставника на Высших литературных курсах в Литературном институте им. М. Горького писателя Сергея Залыгина [\[4, с.102-103\]](#).

В свою очередь, С.С. Имихелова и Е.Д. Мондуш акцентируют внимание на универсальности архетипического образа пожилого человека, которая указывает также на способность образа заключать в себе и отражать особенности национальной культуры [\[9, с. 1996\]](#).

Появление парного образа «старик и старуха (пожилые супруги)», по мнению Н.В. Чернявской, отличается длительная долитературная история: «На стадии ранней мифологии, в космогонических и этиологических мифах, стареющая супружеская пара — как правило, устроители мира, а также первопредки и (или) культурные герои. Постоянными для этого образа являются мотивы старости (как приобщенности к мировой мудрости, к абсолютному знанию) и священного брака (данный мотив одновременно указывает и на уникальность героев среди мира обычного, их соприродность друг другу, и на близость их миру людей, человеческим переживаниям и ценностям. Таковы, например, мифы о Пху Нго и Не Нгам (мифология лао, лы); Есе и Хосэдем (кетская мифология), о Сонане и Ёндын (в корейской мифологии), Асинадзути и Тэнадзути (японская мифология) и др.» [\[27, с. 8\]](#).

В якутской мифологии и фольклоре парные образы супругов обозначены как герои, обустроивающие Срединный мир. К примеру, в эпическом сказании олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» это образы родителей главной героини Туйаарымы Куо – Сабыйа Баай Хотун и Саха Саарын Тойон, в олонхо «Могучий Эр Соҕотох» родители героя – Сабыйа Баай Хотун и Сир Сабыйа Баай Тойон. В книге «Предания, легенды и мифы саха (якутов)» составителей Н.А. Алексеева, Н.В. Емельянова, В.Т. Петрова в легендах упоминается супружеская пара Омоҕой баай и его жена, выдающие свою дочь замуж за Элляя – прародителя якутов [\[19, с. 40-49\]](#).

На более поздних этапах мифологии и фольклора, как утверждает Н.В. Чернявская, старики-супруги мыслятся как воплощение взаимной любви и привязанности, как символ чуда, осеняющего счастливые браки. Таков облик стариков-супругов в античном мифе о Филемоне и Бавкиде, в ветхозаветных преданиях об Аврааме и Сарре, в сказочном фольклоре различных народов [\[26, с. 8\]](#).

В европейской культуре архетип «старик и старуха» соотносится, в первую очередь, с античным мифом о Филемоне и Бавкиде, который известен читателю по «Метаморфозам» Овидия, что отмечается исследователями [\[21, с. 253\]](#). Вспомним сюжет мифа.

Филемон и Бавкида живут в своей нищей лачуге мифологически «давно» – с незапамятных времен; так давно, что история их совместной жизни до описываемых событий как бы уже и не существует. По сути, движение этой истории начинается только с момента испытания, которое старик со старухой с честью выдерживают. Они оказывают гостеприимство и с радостью предлагают скудную пищу и кров путникам, постучавшим в их дом. Благодарные гости (ими оказались олимпийские боги – Юпитер и его сын Меркурий) награждают стариков: скудное жилище превращается в мраморный храм с золотой крышей, а Филемон и Бавкида становятся жрецами богов. Когда же их праведная жизнь подходит к завершению, исполняется заветное желание супругов: они умирают в один и тот же миг. И после смерти единство пары остается нерушимым – старики превращаются в дуб и липу, растущие из одного корня.

В сюжетной организации произведения Василия Яковлева прослеживаются параллели с упомянутым мифом: от бездетности супругов и их обособленности от внешнего мира до завязки повествования с момента испытания и последующего вознаграждения стариков. Однако обозначим и существенное различие, связанное, в первую очередь, с верованиями якутов. Если в мифо-фольклорной традиции европейских народов птица-жертва рассматривается в качестве обязательного элемента ритуала встречи старика и старухи с вечным миром [\[21, с. 255\]](#), то в якутском рассказе в жертву, по совету шамана, приносится бычок, а птица орел – неприкосновенная царь-птица.

В центре повествования рассказа – вынужденная зимовка одиноко проживающих в отдаленном аласе (урочище) старика Микииппэр и его старухи Оппуос с грозным орлом, который с приходом стужи залетает внутрь дома и остается на всю зиму. Орел в веровании якутов – священная птица, посланница Верхних Божеств, с которой связаны поверья [\[11, с. 95\]](#). Следуя наказам предков, почитая все традиции народа, старики должны смириться с грозным соседством и каждый день жить в страхе. Микииппэр – охотник, но он не убивает птицу, а обращается к духу огня и просит не оставлять их в беде, просит об избавлении ойууна (шамана) Ньахсаана, потому что именно ойуун является посредником между Верхним, миром Айыы – божеств, и Срединным – миром людей. Таким посредником, отправленным Высшими божествами, воспринимается и орел. Поэтому старики исполняют все наказы шамана после его камлания, приносят в жертву бычка, который должен был заменить в хозяйстве постаревшего быка Соморой, чтобы умиловить царственную птицу. Микииппэр смиренно принимает наказание Үрдүк Айыы тойона, когда вспоминает, что в детстве спугнул огромную когтистую птицу, вьющую гнездо. Старик, воспринявший соседство орла как неминуемое наказание, слабеет, почти не встает с постели и готовится принять смерть. Но ранней весной, после падения второго рога Быка холода (аллюзия на якутскую мифологию), птица приносит им добычу – горностая, воспринятого стариками как знак благодарности в ответ на их приют, и Микииппэр, восхищенный ее разумом, оживает и снова начинает ездить в лес осматривать силки. В его отсутствии заезжавшие с указом новой власти комсомольцы убивают орла: «Оппуос так растерялась от стремительного поворота событий, что не знала - радоваться или горевать. Первым делом подумала, что теперь молодым ребятам несмышленишкам несдобровать - посягнули на священную птицу...» [\[27, с. 81\]](#). Убийство орла является метафорой утраты связи поколений и пренебрежения мудростью предков, столкновения ценностей и традиций.

В сюжете рассказа обнаруживается мотив испытания, являющийся, по справедливому замечанию В.Б. Огороковой и Т.Н. Пермяковой, архетипическим мотивом, который имеет древние корни в мировой литературе и воспринимается как «бродячий» сюжет, имеющий

широкое бытование в сказках, произведениях всего мира [\[16, с. 151\]](#).

Отмеченные выше факты можно рассмотреть как доказательство мифологической основы произведения.

Далее остановимся на составляющих универсально-постоянного значения архетипического парного образа «старик-старуха», отмеченных Н.В. Чернявской, и рассмотрим соотношения этих составляющих в изображении пожилой пары в рассказе Василия Яковлева.

1. Солидный возраст.

«О, сколько раз за почти семьдесят лет жизни старика провожала и радостно встречала громадная лиственница, под которой приютился его балаган?». [\[27, с. 23\]](#)

2. Стаж совместной жизни.

«Родители Микииппэра преставились друг за другом уже после того, как он женился в тридцать лет, значит, уже сорок годков минуло, как их нет на этом свете. С тех пор в этом алаасе они со старухой живут вдвоём» [\[27, с. 56\]](#). Микииппэр, достигший семидесятилетнего возраста, всю жизнь прожил в своем родном алаасе. После его женитьбы на Оппуос отец предложил молодой семье перебраться в другой алас и построить свое жилище, но Микииппэр отказался. Причина его решения заключается в уважении к памяти предков и неразрывной связи с ними, символом которой является старая величественная лиственница, возвышающаяся рядом с их балаганом.

3. Особый тип любовного чувства – ровного, спокойного, глубокого и прочного. Важно, что у этой любви нет истории – старик со старухой появляются как супруги, с незапамятных времен живущие вместе.

Истории любви Оппуос и Микииппэр тоже нет. В ходе повествования автор вводит воспоминания старика, из которых читатель узнает, что они всю жизнь вместе, пережили смерть детей. Состарившиеся супруги заботятся друг о друге. В сознании старика Оппуос ассоциируется с лиственницей и домом: «В молодости, возвращаясь с дальних поездок, Микииппэр еще издали начинал искать глазами родную лиственницу и когда, после очередного поворота, наконец-то показывался лесной исполин, тревоги улетучивались. В эти волнительные мгновения Микииппэр понимал, что он уже почти одной ногой дома, где его ждет жена». [\[27, с. 24\]](#) Старуха Оппуос изображена по якутской традиции — уважаемой мужем хранительницей семейного очага, на ней домашнее хозяйство, уход за скотом. Она тоже очень привязана к своему старику, Микииппэр для нее опора и защита. Оппуос слегла, когда орел напугал ее, а «после приезда Микииппэра, почувствовала себя гораздо лучше, она ожила, ей захотелось поговорить» [\[27, с. 24\]](#).

4. Замкнутость существования супругов друг на друге обуславливает своеобразное отношение к миру – спокойное приятие и некоторую от него отрешенность.

Зачин рассказа Василия Яковлева представляет собой краткую характеристику тихой обыденной жизни стариков: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величиим, высится громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для косы, приземистого балагана, расположенного возле таёжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуногих здесь всего лишь двое — это сын Собо старик Микииппэр и его старуха Оппуос». [\[27, с.11\]](#)

Пожилая семья живет своим трудом, не нуждается: «Здесь, в верховьях реки, всегда обильное разнотравье, и в молодости, когда руки Микииппэрэ были полны сил и энергии, он содержал до двадцати коров. Это сейчас у него только пять-шесть голов осталось, но им, пожилым, и этого достаточно. Он никогда в жизни не был наёмным работягой, всегда трудился только на самого себя. Так и дожил до сегодняшних дней.

Когда все вокруг забежали-засуетились, начали говорить, что пришла новая власть, власть хамначитов - батраков, старик Микииппэр оставался спокоен. Какое ему до этого дело? Он никогда не был батраком, и это не его власть... Бог обделил его потомством, обрёк на бездетность. Трижды рожала Оппуос, но ни один из детей не выжил». [\[27, с. 57\]](#)

В непростой истории жизни, в отношении супругов к царь-птице автор показывает подчинение воле высших сил природы – духов Айыы, уважение к священной птице, смирение с ее вторжением в жилище, признание справедливости божественного возмездия и готовность нести его бремя, принять возможную смерть: «У якутов есть поверье, что орёл просто так к людям не прилетает - он выбирает семью, которая обречена на вымирание. Микииппэр и Оппуос думают, что ... не косить им боле свежей травы, не пасти круторогих, не разводить длинногривых. Самое большее им отпущено два-три года, или нет!» [\[27, с. 67\]](#)

Таким образом, в парном образе обнаруживаются соответствия с составляющими универсально-постоянного значения архетипического парного образа «старик-старуха», что свидетельствует об архетипичности образа супругов в рассказе Василия Яковлева.

Кроме универсально-постоянного значения, Н.В. Чернявской фиксируются нарушения античной традиции изображения стариков-супругов в произведениях русской литературы XX века. Исследователь утверждает, что нарушение античной традиции изображения стариков-супругов – описание их душевного состояния – является очень выразительным художественным средством, привлекающим внимание к явлениям и проблемам, находящимся в центре внимания автора и ставшим причиной этих значимых изменений [\[26, с. 13\]](#). Эти нарушения отмечаются и в рассматриваемом парном образе.

1. Отсутствует мотив безусловного душевного благополучия пары стариков – большую часть рассказа описано состояние тревоги и страха, в котором они находятся.

«В висках старика резко и неприятно застучало, гулко-гулко забилося сердце. Что это с ним? Микииппэр и не помнит, чтобы раньше с ним случалось что-то подобное. «Как говорится, дожил! Может, это какой-то знак?» [\[27, с. 18\]](#).

«Ой, не к добру прилетел орёл на мой двор! Не к добру! Видать, просто так мы теперь с ним не расстанемся», - тотчас промелькнуло в голове старика» [\[27, с. 19\]](#).

«...старуха замолчала, невесело вздохнула и сказала:- Вот, старик, мы перебрали наше скромное богатство, будто ещё сто лет собрались жить. Аж смешно стало. А ведь сегодня я чуть концы не отдала, лишь увидев эту птицу. Эх, сколько ещё будет теплиться наш очаг...» [\[27, с. 32\]](#).

Страх, невольно передающийся читателю, связан с образом орла – вестника «небес» о грядущих грозных событиях, способных изменить размеренное течение жизни человека «срединного мира».

2. Из художественных средств, образующих архетипический литературный образ, исключаются описательные элементы: бытовые детали, портретные характеристики,

изображение характера чувств героев друг к другу. В изображении Микийипэра и Оппуос отметим тоже такой подход.

Следующим шагом исследователь Н.В. Чернявская обращает внимание на хронотоп текстов: «При рассмотрении особенности временной и пространственной организации текста, воплощающего исследуемый литературный архетип, в самом общем виде можно сказать, что все моменты, составляющие хронотоп произведения, подчинены общей цели: выявить и подчеркнуть уникальность интересующих героев и их образа жизни, т.е. акцентировать внимание читателя на драматическом аспекте произведения» [\[26, с. 10\]](#).

В рассказе Василия Яковлева обнаруживаются мотивы идиллического хронотопа по классификации «некоторых хронотопических ценностей разных степеней и объемов» М.М. Бахтина, представленной в работе «Формы времени и хронотопа в романе» [\[1, с. 258-259\]](#). Отличительные черты хронотопа: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту; любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты – основные реальности идиллической жизни; сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни.

Наличие такого хронотопа в рассказе подтверждается описанием аласа и воспоминаниями о жизни старика, где прослеживаются признаки идиллии, стагнации и замкнутости: «Даже если старику завязать глаза, то он, как и в детстве, лишь по одному шелесту смог бы безошибочно угадать свою лиственницу. И так год за годом. Сколько старик Микийипэр помнит себя. Может, так было во времена его отца, деда, даже прадеда, вед никто не знает, сколько стоит на вечной земле эта величественная лиственница...» [\[27, с. 40\]](#).

В анализе, проводимом Т.М. Субботиной, выявляется тенденция к рассмотрению героев, дистанцированных от внешнего мира, как самодостаточных личностей, способных противостоять разрушительному воздействию окружения [\[21, с. 258\]](#). Важной характеристикой этого отчуждения является «локальная узость», проявляющаяся в ограничении мира персонажа конкретным местом и узким кругом близких. Указанная характеристика хронотопа, по мнению исследователей, порождает дополнительный мотив, выраженный в том, что пространство, в котором пребывает архетипическая пара, выделяется своей неординарностью, подобно им самим. Примером, подтверждающим правомерность такого взгляда, в якутском рассказе может служить описание уникальной лиственницы, подчеркивающее ее необычные качества:

«О, сколько раз за почти семьдесят лет жизни старика провожала и радостно встречала громадная лиственница, под которой приютился его балаган? Годы пролетели, Микийипэр уже состарился, а следов увядания на дереве нет и в помине; оно так же прекрасно и могуче, как и много лет назад» [\[27, с. 23\]](#), «В молодости, возвращаясь с дальних поездок, Микийипэр ещё издали начинал искать глазами родную лиственницу и когда, после очередного поворота, наконец-то показывался лесной исполин, тревоги улетучивались... Ему казалось, что лиственница, ставшая ему как родная, встречает радостным покачиванием кудряво-мохнатых ветвей и спешит рассеять беспокойство, мол, у нас всё в порядке. В минуты грусти и печали Микийипэр так же приходил к своему дереву и разговаривал с ним, молча жаловался на невзгоды. После этого обретал душевное спокойствие, чувствовал прилив сил [\[27, с. 24\]](#), «Вы бы только видели лиственницу весной, когда на её раскидистых ветвях начинают распускаться мягкие

нежно-зелёные иголки! А как она волшебно выглядит в пору появления ярко-красных шишечек! На дерево будто высыпали тысячи крупных ягод земляники, а у этих шишечек длинные-предлинные колоски, ничуть не меньше, чем у доброго хлебного злака. Зимой её укутывает пушистый снег, а когда дни становятся длиннее, её ветви шумят в порывах весеннего ветра! Кажется, что эхо дружного шелеста разносится по всей необъятной тайге» [27, с. 41], «Состарившаяся с ним громадная лиственница скинула сегодня свой пышный зимний наряд. Весь её вид – стройный стан, верхушка, упирившаяся прямо в небеса, – словно говорили ему, подбадривая его: «Пусть законы бытия говорят, что пришло время стареть, но мы вместе с тобой переживём ещё не одну метель, ещё не единожды растает снег на наших плечах» [27, с. 89].

Можно заключить, что узость социального и пространственного мира выступает своего рода символом исключительности героев и формой защиты, позволяющей сохранить внутреннюю целостность в условиях внешней угрозы.

2. Сюжетообразующим в рассказе является хронотоп порога [1, с. 280], который связан с моментом перелома в жизни, кризиса, важного изменения. Пороговая ситуация, в данном случае ситуация страха смерти в соседстве стариков с хищником, организует и пронизывает сюжет произведения.

Мы разделяем позицию Н.В. Чернявской, которая объясняет, что устойчивость драматического значения у рассматриваемого образа в литературе XX века может быть рассмотрена как свидетельство возникновения нового, катастрофического мироощущения русской культуры: осознания хрупкости, неустойчивости всех основ бытия: жизни, красоты, добра – того круга ценностей, который в предыдущие культурно-исторические эпохи представлялся незыблемым. А существование «старика и старухи» рассматривается как образцовое участие в борьбе за продолжение жизни и сохранение гармонии мира, в онтологическом противостоянии разрушительным переменам [26, с. 16].

Таким образом, архетипический парный образ старика и старухи, укорененный в коллективном бессознательном, воплощает мудрость прожитых лет и опыт поколений. Этот образ, выходя за рамки индивидуальных судеб, символизирует цикличность жизни, связь времен, через него прочитываются вечные ценности и принципы устойчивого существования.

Заключение

Архетипический образ в литературном произведении отличается смысловой многоаспектностью, его содержание отражается при помощи устойчивых мотивов, элементов сюжета и композиционных приемов. Архетипические образы позволяют осознать общие закономерности жизни и раскрыть способность архетипа охватывать специфику национальной культуры.

Образы пожилых людей в якутской литературе наделены особым символизмом. В анализируемом произведении Василий Яковлев представляет пару стариков в качестве символов как жизненной мудрости, связи между прошлым и настоящим, так и традиционного уклада жизни северного народа. Они воплощают собой идею гармоничного баланса, необходимого для существования в суровых условиях Севера.

В работе «Крайний Север как геопоэтический образ в литературе коренных малочисленных народов севера Якутии» Ж.В. Бурцева как исследователь локального северного текста подчеркивает: «Когнитивное восприятие пространства северным

человеком, будь то тунгус, ламут, одул или якут, заключается в неизбежной амбивалентности, диссонансе двух ментальных представлений. Когда приходится выживать на грани человеческих возможностей в каждодневной схватке с силами природы, и в то же время испытывать абсолютно естественное гармоничное единение с каждой частицей природы» [7, с. 340]. Переживание трудностей и признание силы природы формируют особенный взгляд на мир, свойственный аборигенному населению северных территорий. Литература коренных народов Севера позволяет не только понять их уникальное отношение к природе, но и увидеть в их опыте возможные пути решения современных экологических проблем.

Материалы исследования имеют практическую ценность, так как представляют собой опыт рассмотрения архетипического образа в якутской литературе и акцентируют необходимость его дальнейшего изучения.

Библиография

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (дата обращения: 10.12.2024).
2. Большакова А.Ю. Литературный архетип // Литературная учеба. 2001. № 6. С. 169-177. EDN YGCKNT. (дата обращения: 03.04.2025).
3. Бондаренко Е.Н. Архетип мудреца и витальность мысли в концепции авторов-натурфилософов Ч.Т. Айтматова и С.П. Залыгина // Вестник БГУ. 2010. № 2.
4. Бурцев А.А., Бурцева М.А. Особенности поэтики романов В.В. Яковлева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3(16). С. 102-110. EDN: WXIWPJ.
5. Бурцева Ж.В. Север как образ жизни в творчестве А.Н. Кривошапкина // The Scientific Heritage. 2017. № 16-1 (16).
6. Бурцева Ж.В. Формирование локального северного текста в литературе Якутии: структура и культурный код // Новый филологический вестник. 2021. № 2 (57).
7. Бурцева Ж.В. "Крайний север как геопозитический образ в литературе малочисленных народов севера Якутии" // Вестник Удмуртского университета. Серия "История и филология". 2020. № 2. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342 EDN: HDUTKO.
8. Зырянова О.Н. Архетип старика в прозе В.М. Шукшина // Глобальный научный потенциал. 2024. № 8(161). С. 208-210. EDN EBCNLK.
9. Imikhelova S.S., Mongush E.D. Archetypical image of the Old Man in Buryat literature of the 20th century // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. Vol. 13, № 12. P. 1995-2011. DOI: 10.17516/1997-1370-0699. EDN: MCHNQW.
10. Корякина А.Ф., Герасимова Л.Н. Семейные ценности якутского народа в эпосе болонхо // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.20 EDN: HSNYDQ.
11. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_70277/ (дата обращения: 07.12.2024).
12. Майкова А.Н. Интерпретация литературных произведений в свете теории архетипов Карла Юнга: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2000. 21 с. (дата обращения: 03.04.2025). EDN: NLSORV.
13. Макаров С.С. "Одиноким герой в устной и письменной традиции олонхо: модификация эпического персонажа". URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/29.html>.
14. Непомнящих Н.А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в

- русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3(12). С. 102-108. EDN: VJLVWZ.
15. Ноева С.Е. Минотаврический образ старика на быке в романе В. С. Яковлева-Далана "Доборуом, дабай күөх сыырдаргын" // Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию классика якутской литературы, просветителя, фольклориста Николая Денисовича Неустроева, Якутск, 18–19 декабря 2020 года. Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 2020. С. 87-89. EDN: IZHQEU.
16. Огорокова В.Б., Пермякова Т.Н. Художественные функции образов-архетипов в повестях Н. Лугинова // Вестник СВФУ. 2016. № 5 (55).
17. Osipova, Nina. (2017). „Жили-были старик со старухой...”: архетипическая основа и семантическая трансформация модели в русской волшебной сказке. Slavica Wratislaviensia. 163. С. 35-45. DOI: 10.19195/0137-1150.163.3.
18. Попова М.П. Отражение архетипов в якутской женской лирике // Вопросы национальных литератур. 2022. № 4. С. 56-64. URL: <https://doi.org/10.25587/litteraesvf.2022.55.28.006> (дата обращения: 03.04.2025). EDN: CVNLQK.
19. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск: "Наука" Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.
20. Семенова В.Г. Особенности олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой "Старик Кюлькюль Беги и старуха Силирикэн" // МНИЖ. 2017. № 11-2 (65). DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.144 EDN: ZXKJON.
21. Субботина Т.М. Образная конструкция "старик-старуха" в русской и венгерской новелле конца 1960-х – 1970-х гг. // Известия ВГПУ. 2021. № 10 (163).
22. Субботина Т.М. "Посреди земли": образ старика в русской и венгерской прозе 1970-х гг. // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. EDN: PYNLBS.
23. Хазанкович Ю.Г. Архетип "Волка" в фольклоре и литературе // Вестник ТГУ. 2009. № 4.
24. Хазанкович Ю.Г. Время-пространство в прозе малочисленных народов Севера // Studia Litterarum. 2017. № 2. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. EDN: YSQZBF.
25. Чернявская Н.В. Эмоционально-смысловые аспекты литературного архетипа "Старик и старуха" в русской прозе XIX–XX вв. // Вестник КГУ. 2007. № 3.
26. Чернявская Н.В. Архетипический образ "старик и старуха" в русской прозе XIX–XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhetipiche-skii-obraz-starik-i-starukhav-russkoi-proze-xix-xx-vv/read> (дата обращения: 10.12.2024). EDN: NQOPGP.
27. Яковлев В.В. Со мною состарившаяся лиственница: рассказ / пер. А. Амбросьева-Сиэн Мунду. Якутск, 2019. 83 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья авторов на тему «Аспекты воплощения литературного архетипа "старик и старуха" в рассказе Василия Яковлева "Со мною состарившаяся лиственница"» представляет собой научное исследование, обладающее новизной и актуальностью.

Согласимся с авторами в том, что "материалы исследования имеют практическую ценность, так как представляют собой опыт рассмотрения архетипического образа в якутской литературе и акцентируют необходимость его дальнейшего изучения".

Стиль изложения отличается логичностью и доказательностью, аргументированностью, обобщенностью. Структура статьи соответствует требованиям журнала, заявленной теме, а также поставленным цели и задачам, но рекомендуем авторам особо выделить следующие структурные компоненты: введение, цель, материалы и методы, результаты и обсуждение результатов, выводы/заключение. На наш взгляд, подобный подход позволит авторам более рельефно обозначить ключевые положения своих научных изысканий.

Заслуживает уважения тщательное изучение и представление истории вопроса - теории архетипов. Авторы обращаются к работам К.Г. Юнга, Е.М. Мелетинского, С.С. Аверинцева, Н.В. Чернявской и др.

Обращает на себя и работа с текстом, где все цитаты - доказательство справедливости суждений авторов: "Зачин рассказа Василия Яковлева представляет собой краткую характеристику тихой обыденной жизни стариков: «На дальнем стыке двух старинных улусов в теснине суровых хребтов... выделяясь среди других деревьев особой статью и величием, высится громадная лиственница... С небольшого, как наковальня для косы, приземистого балагана, расположенного возле таёжного исполина, вьётся сизый дым. ...двуногих здесь всего лишь двое — это сын Собо старик Микииппэр и его старуха Оппуос». [27, с.11]".

Основные выводы, к которым приходят авторы, не вызывают сомнений: "Архетипический образ в литературном произведении отличается смысловой многоаспектностью, его содержание отражается при помощи устойчивых мотивов, элементов сюжета и композиционных приемов. Архетипические образы позволяют осознать общие закономерности жизни и раскрыть способность архетипа охватывать специфику национальной культуры".

Кроме того, разрабатывая тему «Аспекты воплощения литературного архетипа "старик и старуха" в рассказе Василия Яковлева "Со мною состарившаяся лиственница"», авторы определили, что "отсутствует мотив безусловного душевного благополучия пары стариков", "из художественных средств, образующих архетипический литературный образ, исключаются описательные элементы", "сюжетообразующим в рассказе является хронотоп порога <...>, который связан с моментом перелома в жизни, кризиса, важного изменения. Пороговая ситуация, в данном случае ситуация страха смерти в соседстве стариков с хищником, организует и пронизывает сюжет произведения" и т.д. В каждом случае авторы не ограничиваются простой констатацией, а убедительно комментируют текст, обращая внимание на смыслоконструирующие детали.

Пристатейный список литературы оформлен в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Статья рекомендуется к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Новикова В.Г. Текст военного города: Лондонский Блиц в современной британской прозе // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77484 EDN: UUNNUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77484

Текст военного города: Лондонский Блиц в современной британской прозе

Новикова Вера Григорьевна

ORCID: 0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук

профессор; кафедра зарубежной литературы; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

603000, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23

✉ wnovikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77484

EDN:

UUNNUE

Дата направления статьи в редакцию:

25-12-2025

Аннотация: Предметом исследования является процесс формирования мифа о Блице в прозе Великобритании в период с 1940-х годов по первые десятилетия XXI века. События Лондонского Блица – бомбардировки столицы страны с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941 – уже в сороковые годы нашли отражение в романах и рассказах писателей. В совокупности с текстами официальной пропаганды они стали основой сформировавшегося в период Блица идеологического конструкта, получившего название «Миф о Блице». Цель данного исследования – выявление основных компонентов этого мифа на всех этапах его функционирования по настоящее время. Объектом исследования являются романы П. Акройда, М. Муркока, С. Уотерс и произведения массовой литературы XXI века. Поскольку в данной работе анализировались произведения нескольких исторических этапов развития темы Блица и привлекались труды историков, провоцирующих трансформацию мифа о нем, использовались историко-типологический и сопоставительный методы исследования.

Основным выводом проведенного исследования является утверждение, что по сей день совокупность смысловых центров Мифа о Блице остаются основанием трактовки национальной британской идентичности. Центром конструкции является представление о наивысшем в истории единстве нации. «Узлы» мифа были рассмотрены в трактовке Питера Акройда, предложившего их перечень в главе «Блиц» в книге «Лондон. Биография» (2000). Показано, что на протяжении последующих десятилетий миф подвергался сомнению, особенно в плане классового равенства. Особого внимания заслуживает тема «отказников» (тех, кто принципиально не брал в руки оружие), поднятая С. Уотерс в романе «Ночной дозор». Несмотря на зафиксированные историками и социологами доказательства отсутствия единства нации, миф о Блице остается краеугольным камнем в основе идейного содержания современной массовой литературы. Обращение к Блицу по-прежнему часты, как правило, в жанрах формульной литературы: шпионского, детективного, любовного романа, а также семейных хроник. Новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении рассматривается весь контекст британской прозы о Блице в названном ракурсе, привлекаются произведения, созданные в 2020-е годы.

Ключевые слова:

Лондонский Блиц, Миф о Блице, британский роман, Сара Уотерс, Питер Акройд, повседневность войны, британская идентичность, шпионский роман, любовный роман, эстетика огня

Введение

Проблема осмысления исторического опыта является одной из важнейших в современном гуманитарном знании, в первую очередь, в силу влияния этого опыта на состояние национального самосознания. На протяжении последних восьмидесяти лет в центре внимания остаются события Второй мировой войны. В Великобритании одним из центральных эпизодов войны стал Лондонский Блиц – бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941. Обращение к теме Лондонского Блица актуально в силу связанной с этим обстоятельством проблемы перечитывания истории и, соответственно, сохранения или разрушения системы социально-значимых ценностей. То, что внимание к Лондонскому Блицу не ослабевает, подтверждается значительным количеством как собственно художественных произведений, так и исторических, публицистических исследований, появившихся уже в первые десятилетия XXI века. Цель данного исследования – выявление основных компонентов мифологического конструкта, получившего название «Миф о Блице», в художественной литературе и нон-фикшн с 1940-х годов по настоящее время.

Терминология статьи связана с предложенным В.Н. Топоровым, уже классическим пониманием текста города как «не только структурным инвариантом, продуцирующим вариативность художественных текстов, но и мифологемой, совмещающей в себе реальность свертктекста и внетекстуальную эмпирическую реальность» [\[1, с. 261\]](#).

Миф о Блице в английской прозе 1940-х годов

Образ огромного города, подвергающегося самому большому испытанию за свою историю, появляется в произведениях, написанных уже в 40-е годы. К ним относятся

«Министерство страха» (1942) Г. Грина, «Не жалеете флагов» (1943) И. Во, «Разгар лета» (1942) Э. Боуэни и ее же рассказы начала 40-х годов, «Две пары ног» и «Воображение» (1943) М. Диккенс, а также романы Р. Лехманн, П. Гамильтона и многих других авторов.

В этих произведениях формируются основные узлы лондонского военного текста, в совокупности представляющие собой устойчивый идеологический конструкт, который можно назвать мифом Лондонского Блица. В романе «Лондон, любовь моя», написанном в 1988 году, его автор, М. Муркок, утверждает: «Мифы, выдержав испытание временем и не утратив свою актуальность, вносят в жизнь большинства людей определенный смысл. У каждого великого города есть свои особые мифы. Для лондонцев, с недавних пор, стала важна история нашей стойкости, история Блица» [\[2, с. 11\]](#). Слово "блиц" обрело глубокий смысл, обозначая британский дух военного времени, ставший основополагающим в целостной концептосфере британской идентичности. «Британскость» Блица складывается из множества текстов, созданных на протяжении военных лет и послевоенных десятилетий.

Центры лондонского текста периода Блица отчетливо обозначены Питером Акройдом в рассказанной им истории Лондона. В главе «Блиц» он выделяет ряд элементов на основе обширнейшего ряда источников. Хотя книга «Лондон. Биография» издана в 2000 году, писатель опирается главным образом на свидетельства 1940-х гг. Во-первых, он подчеркивает настроение лондонцев в период бомбардировок, которое определяет как «воодушевленный вызов». Акройд цитирует составителя антологии по лондонской истории А. Н. Уилсона: «Документы того времени свидетельствуют «о веселой дерзости, о склонности к шуткам и пению» даже и «в близком и откровенном соседстве с жестокой смертью». (Здесь и далее приведенные П. Акройдом источники цитируем по его книге) [\[3, с. 832\]](#).

Очевидец событий, писатель Г. Мортон в 1941 году написал: «Трудно представить, сколько смертоносного груза было сброшено на такую гигантскую цель, как Лондон, с 24 августа 1940 года, когда начались бомбежки. Теперь город выглядит зловеще, лежит в развалинах. В районе Гильд-холла несколько улиц стерты с лица земли. Жители Лондона научились жить под угрозой постоянной опасности, и то, во что невозможно было поверить, воспринимается теперь нами в качестве привычного условия существования. Думаю, способность снижать невероятное до уровня повседневности является исключительно английским даром. (Г. У. Мортон. «Лондон». Февраль 1941) [\[4, p. 42\]](#).

В принятии бомбежек как неизбежной повседневности воплощалась форма протеста нападающей орде нацизма. Лондонцы отказались менять свой образ жизни. Работали все службы – почтовая, пожарная, etc – города, работали рестораны и кинотеатры, пекарни и бары, заводы и фабрики. Все это символизировало для каждого из обитателей города их несгибаемый дух. Жителей города объединяло чувство гордости. «Все настроены крайне решительно, — писал Хамфри Дженнингс, один из наблюдателей тех событий, — и в глубине души испытывают восторг от того, что им дарована *привилегия* противостоять Гитлеру», в людях ощущался «дикий душевный подъем... лондонцы чувствовали себя элитой» [\[3, с. 834\]](#). Именно атмосфера несгибаемости перед лицом смертельной опасности стала основой конструкции мифа о Блице.

Во-вторых, «у спокойной решимости лондонцев осенью и зимой 1940 года была и иная сторона, связанная с неким глубинным ощущением того, что город страдал и раньше и что он, так или иначе, выстоял. Ничто прежнее, конечно, не шло в сравнение с яростью

и разрухой «блиц», однако сама многовековая живучесть Лондона и дух преемственности вселяли в людей сокровенную и пока что, может быть, еще смутную уверенность. Неизменно ощущался намерк на обновление и возрождение, которым суждено рано или поздно произойти. Поэт Стивен Спендер, находившийся в северном Лондоне после одного из налетов, писал: «Я испытывал успокаивающее чувство надежной темной огромности Лондона» [\[3, с. 833\]](#).

В то же время люди испытывали «всепроникающее чувство» нереальности происходящего [\[3, с. 838\]](#). Возможно, эта подвижная реальность вызывала к жизни и особое эстетическое чувство, какой-то театральности событий. В романах, созданных непосредственно в годы войны, писательница А. Байетт обнаруживает «зловеще освещенный, галлюцинаторный пейзаж горящего Лондона» [\[5, р. 23\]](#). В своей теоретической книге «History and story» она пишет, что «этот пейзаж с самого начала вошел в романы с темами неопределенной идентичности, предательства, неверности. Персонаж рассказа Боуэн военного времени "Летняя ночь" видит войну как апокалипсис, после которого должен быть новый мир и новое искусство: «Я говорю, что эта война – ужасное озарение; она уничтожила нашу тьму; мы должны увидеть, где мы находимся. Мы должны пробиться к новой форме – для этого нужен гений. Мы осаждены в этот момент между гением и смертью» [\[5, р. 26\]](#). В описании произведений Элизабет Боуэн и Генри Грина автор обнаруживает центральную метафору войны – яркое пламя пожара. Образ горящего Лондона полон «органической энергии и фантасмогорического движения» [\[5, р. 26\]](#).

Третьим узлом, скрепляющим элементы мифа о Блице, является образ дома. Уже в произведениях 40-х годов рассматривается взаимодействие пространства города и пространства дома. В традиции национального сознания дом был частным приютом, обеспечивающим защиту от внешнего мира. Во время Второй Мировой войны традиционные понятия уединения дома и безопасности разрушились вместе со стенами особняков, квартир, частных домов, и убежищ воздушного налета. Повторяющимся элементом текста военного города становятся описанные в мельчайших деталях разрушенные дома, скрывающие многочисленные жертвы. В ряде произведений ситуацию опасности неминуемого разрушения подчеркивает сюжетная ситуация, когда в дом попадает бомба, но не разрывается сразу. Таков финальный эпизод в романе М. Спарк «Девушки со скромными средствами» (1963). Он повторяется в романе М. Муркока «Лондон, любовь моя» (1988). И в том, и в другом случае бомба грозит разрушить идиллический мир: у Спарк это радостный мир победы, 1945 год, у Муркока это мир коттеджа, в центре Лондона сохранившего до Блица атмосферу многовековой традиции дома – идеальной среды обитания англичанина.

Бомбоубежища и станции метро не являются верной защитой. Историк приводит частную беседу об опасностях бомбоубежищ, которая иллюстрирует растущую уверенность лондонцев, что дома и убежища больше не были безопасными. Даже станции метро не были гарантированы от прямого попадания бомбы, как это случилось на станции «Бэнк», когда погибло более сотни человек. «Поэтому большинство лондонцев просто залезали дома под одеяло и молились». Романом, в котором аккумулировались многие аспекты темы убежища стал вышедший в свет в 1970 году роман Д. Лоджа «Выход из убежища». Герой романа, пятилетний мальчик Тимоти Янг оказывается бездомным во время Блица, он спит в убежище, где его приютили чужие люди. Это роман инициации – после войны мальчик оказывается в Германии, сопоставляет опыт войны и после нее, однако тема убежища остается в центре внимания автора.

Гибель дома как несомненного до этого момента надежного укрытия принципиально значима. На фоне разрушения главного оплота безопасности особый, новый смысл обретают общественные связи.

Центр, ось конструкции мифа – представление о том, что во время Блица возникла **новая общность** между людьми. Эта общность имела сложносочиненную структуру, состоящую из целого ряда составляющих. Писательница Элизабет Боуэн в романе о военном Лондоне «Разгар дня» говорит, что погибшие среди огня и развалин не должны быть позабыты. «Эти безымянные мертвецы упрекали живых не гибелью своей — ибо их нельзя было спасти, можно было только погибнуть с ними вместе, — а безвестностью, которую не развеять в одночасье». Война обнажила самую суть людского одиночества и обезличенности в большом городе. «Не позаботясь о том, чтобы они жили, — кто имел теперь право их оплакивать?» [\[3, с. 837\]](#)

Следствием стали попытки горожан «разбить скорлупу безразличия», в некотором смысле игнорируя или смягчая привычные ограничения лондонской жизни. «Чем тоньше делалась стена между живыми и мертвыми, тем более проницаемыми становились перегородки между живыми». Вечером от незнакомого прохожего можно было услышать: «Доброй ночи, удачи вам» [\[3, с. 833\]](#).

Новый смысл обретают общественные связи. Поскольку Лондон и другие британские города оказались под бомбами, необходимость национальной защиты уменьшила расстояние между солдатами и гражданскими лицами, и восстановила подразделения между праздными и рабочими классами. Для многих гражданских лиц среднего класса конвергенция тыла и линии фронта изложила идеологический вызов традиционным гендерным ролям. Поскольку стены их домов разрушились вокруг них, женщины внезапно оказались на общественной арене. На страницах дневника от Sep. 9, 1940, одна молодая женщина радостно приветствует способ, которым взрыв бомб освободил ее от обычного распорядка дня: Я испытываю чувство, неопределенно счастливое и торжествующее. "Меня бомбили!" "Я продолжал говорить мне непосредственно, много раз - примеряю фразу, как новое платье, смотрю, как это оно сидит "Меня бомбили!... Меня бомбили - меня!".

Женщина пишет о блице как способе узнавания своей социальной идентичности. Вместо того, чтобы у бояться смерти, она рассматривает это как освобождение от твердых гендерных стереотипов. Она примеряет свою новую политическую роль как примеряют платье.

В построении мифа о Блице существенную роль играет отчетливая оппозиция разрушения – созидания. Разрушаются дома и представление о защитной силе дома, под бомбами теряют свой смысл классовые различия, рарушаются гендерные стереотипы. Созидается новая общность людей и в этом есть сила нации.

Л.А. Халилова, обобщая в статье «Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей» дневники, письма, записи частных лиц, утверждает: «Именно совместные страдания и скорбь потерь, испытания, которые выпали во время Блица на долю лондонцев всех поколений и сословий, воля людей к победе и яростное сопротивление мощи Германии всех жителей Лондона и народа Соединенного Королевства способствовали формированию британской национальной идентичности». [\[6, с. 98\]](#).

Однако в последующие десятилетия XX века эта устойчивая конструкция стала подвергаться сомнению. Поскольку очевидная динамика в решении «женского вопроса»

в литературе оказалась практически на первом плане в литературной критике, она же подверглась определенным уточнениям. Одной из самых цитируемых работ в этой области является исследование К.Миллер. в первых двух главах которого она рассматривает «*Mobile Women in Elizabeth Bowen's War Writing*» и «*Immobile Women in Rosamond Lehmann's War Writing*». И Э. Боуэн, и Р. Леманн по рождению принадлежали к верхушке среднего класса, в 30-е годы обе были членами группы интеллектуалов Блумсбери. Боуэн, по мнению исследователя, «стремясь восстановить господство своего воображения во времена стольких потрясений, попыталась представить себе Блиц на другом уровне, как время для расширения своей идентичности за счет освоения новых свобод. В предисловии к "Демоническому любовнику" она утверждает, что жила в военное время "и как гражданский человек, и как писатель, с открытыми глазами", и , оглядываясь на войну в 1947 году, Боуэн с нежностью вспоминает свою жизнь подвижной женщины в тылу: "Я бы я бы ни за что не пропустил пребывание в Лондоне во время войны: это был самый интересный период в моей жизни" [7, с. 28]. Как и ее герои, Боуэн во время войны живет в такой же опасности, среди разрушаемого бомбами и ракетами Лондона. В то же время «персонажи Розамонд Леманн, как правило, живут в такой же безопасности, как и она, эвакуированные в свои загородные поместья. Леманн подчеркивает их безопасность, перенося некоторые из своих военных произведений в мирное время: события происходят до Второй мировой войны, и большая часть действия происходит в мирное время. либо до, либо после войны» [7, с. 61].

Таким образом, Миллер отмечает различие в позиции авторов, которое заключалось в самом их месте пребывания во время блицкрига. Персонажи Боуэн, принадлежащие к верхушке среднего класса, находятся в центре событий, в Лондоне. Главная героиня ее романа о Блице служит в правительственном агентстве и проявляет патриотизм. Героини Леманн также одобряют Народную войну, но делают это на безопасном расстоянии. О героинях других классов в произведениях этих авторов речь не идет, они остаются на периферии. У других авторов – свидетелей событий – классовые различия на самом деле присутствуют , как в романах о повседневности Блица Моники Диккенс, или в рассказах Инесс Холден, или в романах Грина.

Риторикой Народной войны, в той части, которая убеждает в появлении новых возможностей для женщин, на самом деле скрыты все те же классовые различия, свойственные довоенному времени. А. Колдер, шотландский историк и писатель, идет еще дальше в развенчании идеи об абсолютном единства народа в этой войне. Первая его книга на эту тему «*The People's War*» появилась в 1969 году , а в 1994 году выходит в свет «*The Myth Of The Blitz*». Он рассматривает как основу национальной мифологии триаду: Дюнкерк, битва за Британию и Блиц. Колдер подробно анализирует речи Черчилля, радиопередачи Пристли по сценариям Министерства информации и постановочные кинематографические работы Дженнингса, в комплексе представляющие мощную пропагандистскую деятельность государства. В период войны пропаганда воспринималась всеми слоями населения как руководство для поведения, осознания ситуации, конкретных действий. Впоследствии все это стало основой для укрепления политически признанной формы британской идентичности. Однако собранные автором архивные материалы, главным образом свидетельства британцев, непосредственно переживавших события Блица, заставили его сделать иные выводы. Колдер доказывает, что классовое расслоение оставалось столь фундаментально основополагающим для социума периода Блица, что и в довоенный период. И остается таковым и далее, после войны [8].

Надо отдать должное совокупности усилий историков и особенно архивистов в

стремлении сохранить свидетельства британцев, касающиеся всех событий и подробностей войны. «Особое место здесь занимают источники, хранящиеся в «The Mass Observation Archive». Эта организация была создана в Великобритании в 1937 году поэтом и журналистом Ч. Мэджем и антропологом Т. Харрисоном, которые сделали своей задачей собирание записей «голосов людей», ведущихся день за днем. Их цель состояла в том, чтобы создать «науку непосредственно о нас». Они собрали записи, фиксирующие представления обычных британцев, в том числе принятых на работу добровольцев, наблюдающих за повседневной британской жизнью и записывающих свои впечатления в дневниках и ответах на вопросы специально составленных анкет. Эти архивы теперь дают уникальное понимание жизней британских гражданских лиц, в том числе и в период войны» [\[9, с. 213\]](#).

На основе существующей огромной документальной базы политические и социальные последствия конкретных интерпретаций Народной войны анализируются в работе С. Роуз с провокационным названием «Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain». Название формулирует главную проблему: какого именно народа эта войны? Что значило быть гражданином страны в годы войны, и каковы были характеристики британца. Автор изучает все составляющие «британскости» в период войны. Именно в этот период складывается представление о нации как «особом народе». Важная проблема – каковы были последствия этой военной формулы. Концепция «британскости» оказывается уязвимой именно в силу идеи тотальности идентичности, сопоставимой с национализмом. [\[10\]](#).

События Лондонского Блица в прозе XX1 века

В первой четверти XX1 века интерес к Блицу не угас ни у писателей, ни у читателей. Следует отметить продолжающуюся работу по сбору воспоминаний очевидцев событий. Так, дневники и мемуары, записи и пометки в дневниках, записных книжках и даже на «оборотах квитанций и бланков» собраны и опубликованы Э. Х. Белл в книге «London Was Ours: Diaries and Memoirs of the London Blitz (International Library of Twentieth Century History)» [\[11\]](#). В 2016 году К. Харрис издает Путеводитель «Прогулки по Лондону Блитца» [\[12\]](#). В 2023 году Д. Конен пишет «Бомбардировки Лондона в 1940-41 годах: Блицкриг и его влияние на столицу» с вновь прослеженной хронологией Лондонского блица. Здесь указано, что происходило во время каждого налета, человеческие жертвы и материальный ущерб, разрушенные или поврежденные здания, а также убитых и раненых людей. Для расследования этих событий используются "Список погибших в гражданской войне" и "Лондон Газетт" – источники, которые ранее использовались лишь в ограниченном объеме. Часть исследования посвящена зданиям, разрушенным полностью или частично с указанием на ход их восстановления в послевоенные годы [\[13\]](#).

В прозе первых десятилетий нового века возрождаются основные узлы мифа о Блице. Одним из лучших стал роман С. Уотерс «Ночной дозор» (2006) [\[14\]](#). Эта писательница в конце 1990-х годов зарекомендовала себя как автор неовикторианской прозы. В этом качестве Уотерс получила признание и пристальное внимание критики, сохраняющееся и сегодня. «Ночной дозор» в этом смысле стоит особняком в ее творчестве, однако занимает значимое место в литературе о Блице. Три части романа выстроены в обратной хронологии: «1947», «1944», «1941», то есть «стрела времени» направлена в прошлое. И центром этого прошлого является Блиц. Это естественно для британцев, поскольку это главный период в истории нации не только XX века, событие максимального

национального единения. Отметим, что все детали повествования подтверждают факт единства, не подвергающегося автором ревизии во всех нюансах, кроме одного. Одним из героев романа является «отказник». Этот термин появился в годы Первой мировой войны. Официальная мобилизация в Великобритании началась только в 1916 году. И именно в это время возникла необходимость во внесении в законодательство статьи о тех мужчинах, которые отказались взять в руки оружие. Основным мотивом здесь назывались религиозные или просто пацифистские воззрения. Законы были приняты, отказники отправлялись на альтернативные службы, чаще всего санитарами в боевые части. Некоторые, особенно идеологически активные, направлялись в тюрьмы. В любом случае, реакция общества, как правило, была негативной. Общественному презрению подвергались не только сами отказники, но и их друзья, семьи. Возникло общество Белого пера. Такие перья вручались на улицах, в общественных местах мужчинам не в военной форме и становились знаком общественного ostracism. В послевоенные годы мнение британцев заметно изменилось под влиянием повествований «потерянного поколения», осознания исторической трагедии Великой войны и бессмысленности жертв. Но позиция отказников во Второй войне не была уже оправдана нежеланием проливать кровь врага. Это был эпоха, когда сам враг залил кровью не только всю Европу, но и сам Альбион. Не оказывать противодействия только потому, что для себя лично не желаешь никого убивать, было уже морально не убедительно. В конце 1990-х годов была опубликована трилогия «Regeneration» П. Баркер, получивший национальное признание рассказ о судьбе знаменитого «окопного поэта» Зигфрида Сассуна, пытавшегося стать отказником. В 2011 году стал известен роман Джона Бойна «Абсолютист», не столь громко прозвучавший, но все-таки художественно убедительно показав позицию человека, не желающего воевать. В том и другом случае речь идет о Первой мировой войне. Само появление в романе Уотерс отказника в период Блица говорит о социальной проблеме, которая, конечно, не была учитываемая в мифе о Блице. Слабость характера этого человека, его социальная ничтожность проблемы никоим образом не снимает (некоторые исторические источники говорят о нескольких десятках тысяч отказников).

Главная героиня характером как раз обладает. Этот образ построен по всем канонам мифа. Это женщина, получившая доступ к активному общественному действию. Она сочетает свою официальную службу с деятельностью в команде спасателей и практически ежедневно много раз выезжает к разбомбленным домам. Автор описывает несколько выездов во всем ужасе деталей разорванных тел, рыдающих спасшихся людей, их разрушенных убежищ. Повседневность войны в романе показана очень убедительно и в целом оставляет законченное впечатление о героизме города и его обитателей.

В целом, литературные произведения о Блице можно условно подразделить на группы, соответствующие наиболее признанным сегодня жанрам массовой литературы. Приведем здесь конкретные примеры из обширного ряда произведений. На первом плане романы о преступлениях, совершаемых во время бомбардировок. Начиная с Г.Грина, написавшего «Ведомство страха» в период военных событий, Блиц как время и место действия остается очень востребованным. По мнению К. Миллер, «популярные детективные и шпионские романы экспериментируют с общими условностями, чтобы донести до более разнообразной аудитории, покупающей книги, идеологические конфликты, занимающие центральное место в серьезных романах» [7, p. 98]. Таковы романы М. Коллинза «Убийства во время Лондонского блица» (2004) и Дж. Лоутона, продолжающего серию романов об инспекторе Трое, начавшейся в 1998 году с романа «Затемнение» [15].

Сегодня в английской литературе довольно заметна тенденция к изображению частного

уюта жизни, связанного с жизнью пекарен, маленьких кафе, читален. В книге С. Маккейб «Беовульф: роман о Лондонском Блице» 2020 описан быт обитателей маленького кафе в названный период. Беовульф – это не эпический герой, а просто название гипсовой фигурки бульдога, сделавшегося центром кафе и символом стойкости лондонцев [\[16\]](#).

Как и в годы войны, популярностью на протяжении всех послевоенных десятилетий пользуется роман о любви. Таков роман Лары Фейгель «Любовное очарование бомб: Беспокойные жизни во время Второй мировой войны» (2013). Он построен как хроника событий с точки зрения пяти выдающихся писателей своего времени: Элизабет Боуэн, Грэма Грина, Роуз Маколей, Хильды Спил и Генри Йорка (Генри Грина). Роман состоит из шести частей. С Блицем связаны первые две. В оглавлении указано: «Часть I. Одна ночь из жизни пяти писателей : 26 сентября 1940 года - Кинохроника - 19:00: Затемнение - 10:00: Пожар - 13:00: Спасатели - 18:00: Все чисто» [\[17, п. 4\]](#). Таким образом, читатель далее получает информацию о времени и месте действия, военном Лондоне и его обитателях. Цветовое решение романа создано в духе той самой театральности и эффекта очарования огня пожарищ, которые столь свойственны самым ранним произведениям о Блице. Здесь более всего очевидна отсылка к Г. Грину, который писал о «странной эйфории, когда Лондон стал ареной бурных любовных интриг и сюрреалистической красоты». Название "Любовное очарование бомб" связано с выражением Грина о разрывах бомб как «любовном талисмане» войны. Читатель погружается в мир известных творцов в экстремальный период Блица.

О.Г. Сидорова – автор работ о темах войны в современной англоязычной прозе [\[18, 19\]](#). Анализируя романы К. Аткинсон, семейные хроники, связанные с военным временем, она приходит к выводу о том, что авторы военных романов XXI в. «все чаще также используют документы, архивные материалы, воспоминания немногих живых свидетелей событий, которые в ряде случаев отличаются крайней субъективностью. Конкретно-историческое в этих произведениях сочетается с экзистенциальным, что, очевидно, можно объяснить особенностью исторического периода начала XXI в.: с одной стороны, события Второй мировой войны становятся — уже стали — событиями истории, с другой — еще живы их реальные свидетели и участники» [\[4, с.161\]](#). Та же тенденция относится и к литературе о Блице

Заключение

Обращение к прозе, созданной писателями Великобритании с 1940-х годов по 2020-е годы позволяет судить об устойчивости существования мифа о Блице как фундаментальной основы представлений о британской национальной идентичности. Основные компоненты мифа с самого начала представляли собой оппозиции: мощного военного насилия – бомбардировки многомиллионного города – и духовного сопротивления этому насилию, более значимого даже, чем противостояние с помощью оружия. Стремление подавить настроения патриотизма и сознательное преодоление посредством «неотмены» традиций мирной повседневной жизни. Тьма и разрушения огромного города и сияние улыбок людей, демонстрирующих доброжелательность и стремление помочь друг другу. Взрывы и пожары и театральная эстетика огня. Все это части структуры мифа, центром которого является чувство общности. Если компоненты мифа воспринимаются как характеристики особенностей стойкого британского характера, склонного с чувством юмора преодолевать трудности, то чувство общности связано и с

преодолением традиции. Согласно мифу, образовалось новое единство людей, без классовых и гендерных различий.

В послевоенные десятилетия исследования историков доказали, что многое здесь не стало реальностью. Классы по-прежнему весьма значимы, проблемы гендера не разрешились столь радикально, как ожидалось. Однако обращение к массовой литературе, отражающей значимые тенденции национального общественного сознания, показывает неизменность восприятия мифа о Блице как периоде национального подвига и объединения.

Библиография

1. Топоров В. Н. Петербург и "Петербургский текст русской литературы" (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 259-367.
2. Муркок М. Лондон, любовь моя / Пер. с англ. З. Джандосовой. СПб: ДОМИНО; М.: Эксмо, 2006.
3. Акройд П. Лондон. Биография / Пер. с англ. В. Бабкова и Л. Мотылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005.
4. Morton H. V. H. V. Morton's London. London: Methuen & Co Ltd; 3d ed., 1941.
5. Byatt S. *On Histories and Stories: Selected Essays*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
6. Халилова Л. А. Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей // Вестник РГГУ. Серия "Политология. История. Международные отношения". 2020. № 4. С. 84-98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98 EDN: RZJVOM.
7. Miller K. A. *British Literature of the Blitz: Fighting the People's War*. Palgrave Macmillan, London, 2009.
8. Calder A. *The Myth Of The Blitz*. Pimlico, 1994.
9. Новикова В. Г. Повседневность войны женской прозе Великобритании (дневники и романы о Второй мировой войне) // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 210-215. EDN: TUIMJV.
10. Rose S. O. *Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain*. Oxford University Press, 2004.
11. Bell A. H. *London Was Ours: Diaries and Memoirs of the London Blitz* (International Library of Twentieth Century History). I.B. Tauris, 2011.
12. Harris C. *Walking the London Blitz*. Pen and Sword Military, 2016.
13. Conen J. *The Bombing of London 1940–41: The Blitz and its impact on the capital*. Matador, 2023.
14. Уотерс С. Ночной дозор / Пер. с англ. А. Сафронова. СПб., ДОМИНО; М., ЭКСМО, 2010.
15. Collins M. A. *The London Blitz Murders*. Berkley Prime Crime, 2004.
16. Bryher, McCabe S. *Beowulf: A Novel of the London Blitz*. Schaffner Press, Incorporated, 2014.
17. Feigel L. *The Love-charm of Bombs: Restless Lives in the Second World War*. Bloomsbury Press, 2013.
18. Сидорова О. Г. Вторая мировая война в произведениях современной англоязычной литературы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27. N 2. С. 147-163.
19. Сидорова О. Г. Женское лицо войны в прозе современных британских писательниц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 2. С. 121-130. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130 EDN: IGMPMW.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования являются основные этапы и тенденции развития романов о Лондонском Ближе, созданных британскими авторами. Цель исследования - выявление компонентов той мировоззренческой модели, которая появилась уже в военные годы в Великобритании и стала основой для нового, по сравнению с прежней, имперского, представления о британской национальной идентичности. Избранный ракурс исследования – текст города – оправдан тем, что все произведения представляют собой лондонские тексты с отчетливо выраженными повторяющимися общими местами, в совокупности объединяющимися в мифологему, названную в Великобритании "Миф о Ближе".

Методология исследования определена его целью, предполагающей обобщение большого круга текстов, которые сопоставляются и объединяются в определенные группы, в соответствии с хронологией и осмыслением на каждом историческом этапе основных идей изучаемого мифа. Актуальность исследования определена в значительной степени внелитературными факторами, общим социокультурным контекстом эпохи, в котором постоянно переосмысляются фундаментально значимые события Второй мировой войны. Следовательно, оценка британского литературного процесса с точки зрения презентации в нем идеи самой возможности и очевидной необходимости национального единства в период сопротивления фашистской агрессии, является своевременной. Кроме того, актуальность исследования обусловлена теоретическим ракурсом, - в последние годы активно ведется изучение локальных текстов, сформировались разные методики анализа. Автор статьи вносит вклад в изучение лондонского городского текста.

Библиография статьи включает в себя труды С.Роуз, А. Колдера, Д. Конена, посвященные оценке и переоценке идеологии Мифа о Ближе, литературно-критические труды канадской исследовательницы К.Миллер и отечественных англистов, а также ряд источников, представляющих документальную прозу. В качестве основных текстов для анализа избраны главы из биографии Лондона, написанной П. Акройдом, и роман С. Уотерс «Ночной дозор». Если в первом из них представлены основные элементы лондонского текста в том виде, в каком они были созданы уже в 1940-е годы, то в романе Уотерс художественно убедительно показаны некоторые несоответствия мифу. Здесь делается акцент на образе «отказника», то есть человека, принципиально отказывающегося убивать и не берущего в руки оружия. В статье показано, что эта конкретная тема имеет свою традицию в Англии. В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи, сформулированы обоснованные выводы относительно современного состояния Лондонского мифа, который, несмотря на попытки его развенчания, до сих пор сохраняется в массовой литературе, которая транслирует мощный, объединяющий национальное сознание потенциал. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чепурная А.И. Эпистемические маркеры в русскоязычном научном дискурсе: сравнительный анализ научных статей российских и китайских авторов // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77021 EDN: UUNXDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77021

Эпистемические маркеры в русскоязычном научном дискурсе: сравнительный анализ научных статей российских и китайских авторов

Чепурная Алена Ивановна

ORCID: 0000-0002-3329-0070

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков; Ставропольский государственный аграрный университет

355017, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, Зоотехнический пер., д. 12

✉ alena-chep@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77021

EDN:

UUNXDG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованию средств выражения эпистемической модальности в русскоязычном научном тексте. Актуальность работы обусловлена важной ролью эпистемической оценки высказывания в научном дискурсе и высоким интересом ученых к проблеме эпистемической модализации научного текста. Цель исследования состоит в выявлении национально-культурных особенностей использования эпистемических маркеров в научном дискурсе. Для достижения поставленной цели был проведен сравнительный анализ русскоязычных научных статей, написанных авторами-носителями русского языка и китайскими авторами, для которых русский язык является иностранным. Для анализа было отобрано 15 статей российских авторов и 15 статей китайских авторов, опубликованных на русском языке в российских научных изданиях по лингвистике. Особое внимание уделяется выявлению различий в частотности и структурно-семантических характеристиках эпистемических показателей в сопоставляемых корпусах научных публикаций. Исследование проводилось с

использованием методов количественного и качественного контент-анализа. Количественный анализ эмпирического материала осуществлялся с помощью инструмента Voyant Tools. Научная новизна исследования заключается в том, что были определены особенности использования эпистемических модальных средств русского языка авторами-иностранцами в сравнении с российскими авторами. Были выявлены различия в функционировании показателей эпистемической модальности, заключающиеся в меньшей частотности и меньшем структурном разнообразии эпистемических маркеров, используемых китайскими авторами. Указанные отличия касаются главным образом средств выражения проблематической достоверности, тогда как в функционировании показателей категорической достоверности существенных расхождений не обнаружено. В обоих корпусах эмпирического материала было установлено количественное преобладание средств маркирования проблематической достоверности над маркерами категорической достоверности. Сделан вывод о связи выявленных различий с национально-культурной спецификой научной коммуникации и о стремлении китайских авторов к меньшей степени субъективной модализации научного текста.

Ключевые слова:

достоверность высказывания, категорическая достоверность, модальность научного текста, научная статья, научный дискурс, национально-культурная специфика, проблематическая достоверность, русский язык, эпистемическая модальность, эпистемический маркер

Введение

Как известно, язык науки, призванный отвлеченно-обобщенно вербализировать новое знание, характеризуется слабой представленностью субъективно-модальных значений [\[1, 2\]](#). Однако, как отмечают исследователи модальности научного текста, эпистемическая оценка достоверности высказывания является важным компонентом семантической и прагматической структуры научного дискурса [\[3, 4, 5, 6\]](#). Более того, эпистемический «сдвиг» [\[7\]](#) в модальной рамке высказывания обусловлен самими нормами научной коммуникации [\[8\]](#) и позволяет автору избежать излишне категоричных формулировок, подстраховаться от возможных критических замечаний оппонентов, усилить аргументацию, выразить сдержанное несогласие с точкой зрения других исследователей, продемонстрировать уважение к плюрализму мнений и профессиональную скромность [\[4, 8, 9\]](#).

Важная роль оценки информации по линии достоверности в научной коммуникации объясняет высокий интерес ученых к проблеме эпистемической модализации научного текста и актуальность обращения к ней в рамках настоящей статьи.

Цель данного исследования заключается в определении национально-культурных особенностей функционирования эпистемических маркеров в научном дискурсе на основе сравнительного анализа русскоязычных научных статей, написанных авторами-носителями русского языка и авторами, для которых русский язык является иностранным. Привлечение к анализу в качестве эмпирического материала работ китайских авторов обусловлено ростом публикаций исследователей из Китая в российских научных изданиях.

Анализ национальных особенностей использования эпистемических маркеров в научном тексте сам по себе не является новым для лингвистической науки. Так, в статьях [\[10, 11\]](#) авторы представили результаты сравнительного исследования хеджирования и функционирования эпистемических глаголов в англоязычных статьях, написанных носителями английского языка, с одной стороны, и носителями китайского языка, с другой стороны. В результате проведенного анализа авторы выявили тенденцию к выражению более сильного эпистемического обязательства китайскими авторами в сравнении с носителями английского языка [\[10\]](#), а также меньшую частотность эпистемических маркеров в статьях китайских авторов [\[11\]](#). В качестве вероятных причин этих различий авторы привели недостаточную степень сформированности прагматической компетенции у китайских исследователей, пишущих статьи на неродном языке, а также социокультурные факторы, а именно национальную традицию ведения научной коммуникации. В работе [\[12\]](#) представлены выводы о том, что китайские авторы стремятся к большей объективности и используют модальные маркеры в научном тексте более осторожно, чем немецкие исследователи.

Насколько нам известно, сравнительный анализ использования эпистемических показателей в русскоязычных научных текстах, написанных носителями русского языка и иностранцами, не проводился. Между тем подобные исследования, как представляется, могут иметь определенную теоретическую и практическую значимость, в частности, для более глубокого понимания закономерностей построения научного текста на русском языке и разработки методических рекомендаций для иностранных авторов. Настоящая работа направлена на заполнение этого пробела.

Считаем необходимым также аргументировать отсутствие отчетливых различий между терминами «научный дискурс» и «научный текст» в данной статье. Как отмечает Т. П. Третьякова, эти термины не дифференцируются в научной литературе по лингвистике, в связи с тем, что в условиях растущей цифровизации коммуникативных процессов, в том числе в области научных исследований, «языковые параметры научного текста формируются в динамических интерактивных, то есть дискурсивных, параметрах» [\[13, с. 98\]](#). В рамках настоящего исследования мы принимаем за основу определение дискурса как «социально детерминированного типа общения, формой выражения которого являются тексты» [\[14, с. 522\]](#). Как справедливо указывают О. Г. Орлова и В. Л. Каракчиева, «всякий текст является представителем своего дискурса», а следовательно, «дискурсом можно именовать и весь текст, и его часть, представленную предложением или рядом предложений» [Там же]. Этим объясняется отсутствие четкой дифференциации рассматриваемых терминов в данной работе.

Материал и методы

Для анализа было отобрано 30 научных статей (15 статей российских авторов общим объемом 23751 слово и 15 статей китайских авторов объемом 21883 слова), опубликованных в российских научных журналах в период с 2023 по 2025 год и относящихся к предметной области «Языкознание». Количественный контент-анализ отобранного материала проводился с использованием веб-приложения Voyant Tools (<https://voyant-tools.org/>).

Результаты

В результате проведенного анализа было установлено, что статьи российских авторов характеризуются большим разнообразием и более высокой частотностью эпистемических

маркеров, чем статьи китайских авторов (Табл. 1). При этом обращает на себя внимание тот факт, что различия в функционировании показателей эпистемической модальности в двух проанализированных корпусах текстов касаются главным образом маркеров проблематической достоверности, тогда как набор средств выражения категорической достоверности и их общая частотность (0,101 % в текстах российских авторов и 0,091 % в публикациях китайских авторов) существенно не различаются. В обоих корпусах эмпирического материала преобладают показатели проблематической достоверности, что может свидетельствовать о стремлении как российских, так и китайских авторов избегать повышенной категоричности высказываний.

Таблица 1. Частотность средств выражения эпистемической оценки в статьях российских и китайских авторов

Эпистемические маркеры в текстах российских авторов	Частотность, %	Эпистемические маркеры в текстах китайских авторов	Частотность, %
Показатели категорической достоверности			
факт	0,042	явно / явный	0,027
естественно	0,017	очевидно / совершенно очевидно, что	0,023
конечно	0,013	конечно	0,009
безусловно	0,013	безусловно	0,009
очевидно, что	0,008	факт	0,009
явно	0,004	фактически	0,009
несомненно	0,004	несомненно	0,005
Итого	0,101	Итого	0,091
Показатели проблематической достоверности			
можно считать / заметить / отметить / предположить / говорить / сказать / закljučить / трактовать / рассматривать / определить	0,084	можно сказать / назвать / сделать вывод / рассматривать / выделить / считать / утверждать	0,082
очевидно / вполне очевидно	0,042	предполагаем / полагаем / считаем	0,032
на наш взгляд	0,042	кажется / видится / представляется / может показаться	0,032
возможно	0,038	возможно / вполне возможно	0,023
могло	0,029	может быть	0,018
полагаем / считаем / подозреваем	0,029	видимо / по-видимому	0,018
вероятно	0,021	скорее	0,014
позволяет предположить / кажется возможным предположить / можем предположить	0,017	могло бы	0,009
кажется	0,013	вероятно	0,005
наверное	0,004	—	—

мнение	0,004	—	—
насколько мы знаем	0,004	—	—
Итого	0,328	Итого	0,233

С учетом типологии, предложенной нами в [\[15\]](#), выявленные в ходе настоящего исследования маркеры категорической достоверности представляется возможным разделить на следующие группы:

1. вводные слова, подчеркивающие уверенность автора в достоверности высказывания с опорой на естественную природу вещей и нормативные представления о мире (*естественно, конечно*) или предполагающие отсутствие условий и сомнений в достоверности сообщаемого (*безусловно, несомненно*);
2. наречия, выражающие уверенность, основанную на доступных непосредственному наблюдению признаках (*явно*), или акцентирующие фактуальный статус пропозиции (*фактически*);
3. главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, в которой ядром модального значения выступает эпистемическое наречие (*очевидно, что*);
4. существительное *факт*;
5. прилагательное *явный* (выявлено только в корпусе текстов китайских авторов).

Следует отметить, что в статьях отечественных авторов наиболее частотным средством выражения категорической достоверности выступают вводные слова, за которыми следует существительное *факт*, а затем главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным и наречия со значением уверенности. В текстах китайских авторов предпочтение отдается наречиям и прилагательному *явный*, на втором месте по частотности находятся вводные слова и главная часть сложноподчиненного предложения, а на третьем месте – существительное *факт*.

Средства выражения проблематической достоверности включают 7 групп, четыре из которых являются общими для обоих корпусов статей, две встречаются только в публикациях российских авторов, а одна была выявлена только в работах китайских исследователей:

1. вводные слова с семантикой предположения (*кажется, видимо, по-видимому*), возможности (*возможно, наверное, может быть*) или вероятности (*вероятно, очевидно*);
2. модальный оператор *можно* в сочетании с инфинитивом глагола мыслительной (*предположить, заключить, рассматривать* и др.) или речевой (*сказать, назвать, утверждать* и т.п.) деятельности;
3. путативные глаголы, снижающие категоричность высказывания и оформляющие пропозицию как мнение или предположение (*полагаем, считаем, кажется, представляется*);
4. глагол *мочь*, выражающий значение возможности в эпистемическом употреблении (*могло, могло бы*);
5. существительное *мнение* (только в корпусе статей российских авторов);
6. вводные конструкции, указывающие на принадлежность содержания высказывания к ментальному миру автора, представляющие собой предложно-именной оборот (*на наш взгляд*) или конструкцию с глагольной формой (*насколько мы знаем*) (выявлены только в публикациях российских авторов);
7. слово *скорее*, указывающее на сопоставление автором нескольких альтернативных

вариантов и выбор в пользу одного из них как более вероятного (встречается только в текстах китайских авторов).

Среди различий в функционировании модальных показателей проблематической достоверности следует отметить, во-первых, большую частотность маркеров в работах российских авторов (0,328 % в сравнении с 0,233 % в статьях китайских авторов), а во-вторых, большее лексическое и структурное разнообразие маркеров, используемых российскими исследователями.

В корпусе эмпирического материала российских авторов наиболее частотными являются вводные слова. Второе место занимают сочетания модального оператора *можно* с инфинитивом глагола, при этом в статьях российских авторов наблюдается большее разнообразие глагольных форм, употребленных в таких сочетаниях, в сравнении с публикациями китайских авторов. Третье место по числу вхождений в корпус статей отечественных исследователей делят путативные глаголы и вводные конструкции, указывающие на принадлежность содержания высказывания к ментальному миру автора. Наименее частотными оказались конструкции с глаголом *мочь* и существительным *мнение*.

Из выявленных маркеров проблематической достоверности в статьях китайских авторов лидируют конструкции типа «*можно* в сочетании с инфинитивом глагола мыслительной и речевой деятельности». Второе место с равным процентным соотношением принадлежит вводным словам и путативным глагольным формам, а на третьем и четвертом местах по частотности располагаются слово *скорее* и глагол *мочь* соответственно.

Проведенное исследование показало, что в публикациях российских авторов чаще встречаются конструкции, эксплицирующие авторское «я». Было выявлено четыре типа таких маркеров: предложно-именная конструкция с притяжательным местоимением *наш* (*на наш взгляд*), глаголы в форме первого лица множественного числа (*полагаем, считаем, подозреваем*), сочетание инфинитива с модальным глаголом в форме первого лица множественного числа (*можем предположить*), а также вводный оборот, выраженный личным местоимением *мы* в сочетании с эпистемическим глаголом (*насколько мы знаем*). В корпусе текстов, написанных китайскими авторами, был определен только один тип подобных конструкций, а именно глаголы в форме первого лица множественного числа (*предполагаем, полагаем, считаем*).

Примечательной особенностью функционирования эпистемических маркеров в научных текстах китайских авторов является достаточно широкая представленность модальных средств, в семантической структуре которых имеется перцептивная составляющая. Такие лексические единицы характеризуются высокой частотностью как в группе показателей категорической достоверности (*явно, явный, очевидно, что*), так и среди маркеров проблематической достоверности (*кажется, видится, видимо, по-видимому*). Отличительной чертой использования средств эпистемической модальности российскими авторами выступает преобладание вводных слов над другими структурными типами модальных конструкций, выражающих как категорическую, так и проблематическую достоверность.

Заключение

Проведенное исследование показало, что функционирование маркеров эпистемической оценки в русскоязычных научных статьях, подготовленных авторами-носителями русского языка и авторами-иностранцами, родным языком которых является китайский, характеризуется рядом отличий. В научных текстах, написанных носителями русского

языка, показатели проблематической достоверности являются более частотными и обладают большим лексическим и структурным разнообразием. В публикациях российских авторов чаще встречаются модальные средства, эксплицирующие авторское «я» (глаголы в форме первого лица множественного числа, местоимения *мы* и *наш*). При этом различия в использовании показателей категорической достоверности в проанализированных корпусах научных публикаций не представляются существенными.

Выявленные расхождения в функционировании маркеров эпистемической модальности позволяют сделать вывод о влиянии национальной традиции ведения научной коммуникации на подготовку научных работ на иностранном языке. Стремление к объективному изложению научного знания без непосредственного проявления авторского «я», присущее китайскому научному дискурсу, находит свое отражение и при написании китайскими авторами научных статей на иностранных языках. Результаты, полученные в рамках настоящего исследования, в целом соотносятся с результатами предыдущих исследований, предметом которых являлись национально-культурные особенности использования эпистемических маркеров в научных текстах китайских авторов.

Библиография

1. Ильченко Е. В., Булановская Т. А. Источники субъективной модальности научного текста // *Lingua-Universum*. 2023. № 1. С. 76-80. EDN: WQJHHH.
2. Комышкова А. Д., Судакова А. П. Субъективная модальность научного текста XVIII века: к вопросу о формировании специфики научного стиля русского языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2018. № 2 (13). С. 55-61. EDN: YMQXVB.
3. Мильруд Р. П., Антипов И. В. Типологические характеристики модальности в научно-исследовательском письменном тексте // *Язык и культура*. 2009. № 1 (5). С. 29-38. EDN: MUCVQX.
4. Нефёдов С. Т. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2017. Т. 14. № 4. С. 599-610. EDN: YOAVGM.
5. Нуриева Н. С., Ражева Е. С. Лингвистические средства выражения эпистемической модальности в англоязычном научном тексте // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 2. С. 63-74. EDN: QUNQXX.
6. Сахарова А. В. Языковые средства выражения объективной эпистемической модальности в научном дискурсе // *Научный диалог*. 2020. № 4. С. 151-163. EDN: OISFDP.
7. Нефёдов С. Т. Интенциональная структура и модальность научного текста // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 9-3 (63). С. 141-145. EDN: WKDXLP.
8. Нефёдов С. Т. Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // *Университетский научный журнал*. 2016. № 21. С. 34-42. EDN: XAGOYR.
9. Данилкина Е. А. Прагматическая роль высказываний со значением возможности в научном тексте // *Гуманитарный вестник*. 2017. № 6 (56). Статья № 8. EDN: YSEOXV.
10. Xie F., Patten A. Epistemic lexical verbs in academic writing: A corpus-based comparative study of L1 English and L1 Chinese writers of English // *Applied Corpus Linguistics*. 2025. No. 5 (3). Article 100144. DOI: 10.1016/j.acorp.2025.100144.
11. Yang Y. Exploring linguistic and cultural variations in the use of hedges in English and Chinese scientific discourse // *Journal of Pragmatics*. 2013. No. 50 (1). Pp. 23-36. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.01.008.

12. Yu Q., Wen R. A corpus-based quantitative study on the interpersonal functions of hedges in Chinese and German academic discourse // Heliyon. 2022. No. 8 (9). Article e10698. EDN: CYCVZO.
13. Третьякова Т. П. Детерминанты современного научного дискурса в контексте "социализации" знания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 5. С. 97-107. EDN: MHWBVA.
14. Орлова О. Г., Каракчиева В. Л. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2 (86). С. 521-531. EDN: BVYRRP.
15. Чепурная А. И. Эпистемическая ответственность в зеркале дискурса. Ставрополь: Ставропольское издательство "Параграф", 2020. EDN: ZKCXWX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Эпистемические маркеры в русскоязычном научном дискурсе: сравнительный анализ научных статей российских и китайских авторов» представляет собой оригинальное исследование, посвященное изучению модальности научного текста.

Объектом исследования является русскоязычный научный дискурс, который авторы рассматривают как единицу анализа, в рамках которой проявляется лингвистическая, прагматическая и культурная специфика.

Предметом исследования являются средства выражения эпистемической модальности в двух группах русскоязычных научных статей. Первая группа статей подготовлена российскими авторами – носителями русского языка, вторая – китайскими исследователями, пишущими на русском языке как иностранном.

Материалом для исследования послужили 30 научных статей (15 статей российских и 15 статей китайских авторов), опубликованных в российских научных журналах в период с 2023 по 2025 год и относящихся к предметной области «Языкознание».

Методология исследования является междисциплинарной и базируется на качественном и количественном контент-анализе с использованием инструмента Voyant Tools и сопоставительном анализе.

Актуальность рецензируемой работы не вызывает сомнений. В настоящее время возрастает роль межкультурной и межкультурной научной коммуникации. Автор статьи справедливо отмечает увеличение числа публикаций китайских исследователей на русском языке. В связи с этим высок интерес лингвистов к проблеме эпистемической модальности научного текста, в связи с важной ролью оценки информации по линии достоверности в научной коммуникации.

Научная новизна работы объясняется недостаточным количеством сравнительных исследований эпистемических маркеров в русскоязычных текстах, написанных носителями языка и теми, для кого он является иностранным.

Статья структурирована в соответствии с требованиями к подобного рода работам и состоит из введения, основной части, включающей разделы «материал и методы» и «результаты»

Во введении автор обращается к истории вопроса, обозначает цель исследования, аргументирует отсутствие отчетливых различий между терминами «научный дискурс» и

«научный текст» в данной работе.

Частотность средств выражения эпистемической оценки в статьях российских и китайских авторов наглядно отражена в таблице, включающей показатели категорической и проблематической достоверности. На основании ее анализа автор приходит к выводу, что статьи российских авторов характеризуются большим разнообразием и более высокой частотностью эпистемических маркеров, чем статьи китайских авторов.

Далее автор разделяет маркеры категорической достоверности на пять групп, а средства выражения проблематической достоверности на семь групп. Среди различий в функционировании модальных показателей проблематической достоверности автор отмечает, во-первых, большую частотность маркеров в работах российских авторов, и во-вторых, большее лексическое и структурное разнообразие маркеров, используемых российскими исследователями. Ценно наблюдение автора о том, что в публикациях российских авторов чаще встречаются конструкции, эксплицирующие авторское «я». В работе было выявлено четыре типа таких маркеров.

Наиболее значимым результатом проведенного исследования является, на наш взгляд, вывод о влиянии национальной традиции ведения научной коммуникации на подготовку научных работ на иностранном языке, что проявляется в стремлении к объективному изложению научного знания без непосредственного проявления авторского «я», присущее китайскому научному дискурсу.

Обширная библиография характеризуется высокой тематической релевантностью, поскольку все источники связаны с эпистемической модальностью (статьи Нуриевой Н. С., Ражевой Е. С. Сахаровой А. В., Xie F., Patten A. Yang Y. Монография Чепурной А. И.) научным дискурсом (статьи Мильруд Р. П., Антипова И. В., Ильченко Е. В., Булановской Т. А.) и языковыми стратегиями в научном стиле. Хронологически библиография охватывает период с 2009 по 2025, что подчеркивает актуальность работы и ее новизну. Автор опирается на фундаментальные авторитетные источники – статьи из рецензируемых научных журналов, монографию, корпусные исследования и исследования в области лингвопрагматики. Теоретическая база исследования основана на работах доктора филологических наук, профессора С. Т. Нефёдова, чьи исследования по модальным словам и аргументации в научном дискурсе являются основополагающими в данной научной области, а также работах А. И. Чепурной, автора концепции «эпистемической ответственности», что, несомненно, добавляет рецензируемой работе теоретической значимости.

Данная статья может быть интересна специалистам в области лингвистики, межкультурной коммуникации и академического письма.

Несмотря на несомненные достоинства работы в ходе ее прочтения возникает ряд вопросов. Первый вопрос касается размера корпуса статей. 30 научных статей, на наш взгляд, сравнительно небольшой объем. Для повышения точности результатов исследования и большей объективности следовало бы расширить корпус статей и разнообразить его за счет других научных жанров, таких как диссертации, рецензии, тезисы конференций.

Также таблица с частотностью средств выражения эпистемической оценки нуждается в дополнительном комментарии, поскольку в ней дублируются некоторые средства выражения модальности. В частности, находим «очевидно» и в показателях категорической достоверности и в показателях проблематической достоверности. Данные замечания носят рекомендательный характер и не влияют на общую высокую оценку проведенной автором работы.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пономарев Д.Р. Лингвокогнитивные механизмы персуазивности в автомобильном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77429 EDN: XCBUWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77429

Лингвокогнитивные механизмы персуазивности в автомобильном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков)

Пономарев Даниил Романович

ORCID: 0009-0000-1141-5648

ассистент; кафедра межкультурной коммуникации и перевода; Волгоградский государственный социально-педагогический университет
аспирант; институт иностранных языков; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400074, Россия, Волгоградская обл., г. Волгоград, Ворошиловский р-н, ул. Симбирская, д. 43, кв. 27

✉ daniil.ponomarev17@gmail.com

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77429

EDN:

XCBUWC

Дата направления статьи в редакцию:

23-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются лингвокогнитивные механизмы и стратегии реализации категории персуазивности в пространстве современного автомобильного рекламного дискурса. Объектом исследования выступают мультимодальные (поликодовые) тексты – видеоролики, интернет-баннеры и рекламные модули автомобильной тематики на русском и английском языках. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как взаимодействие вербального и иконического (визуального) кодов в процессе создания убеждающего воздействия на адресата. Особое внимание уделяется выявлению национально-культурной специфики: анализируется, как базовые культурные ценности России (коллективизм, патриотизм) и США (индивидуализм, прагматизм) определяют выбор языковых средств и визуальных образов. В статье также исследуется роль экстралингвистических факторов и прагматических установок, влияющих на архитектуру рекламного сообщения в условиях

цифровой коммуникации. Автомобильная реклама рассматривается как особый жанр институционального дискурса, обладающий высокой семиотической плотностью. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, включающий описательный метод для инвентаризации языковых средств, метод дискурсивного анализа для выявления социокультурного контекста, семантико-стилистический анализ, а также мультимодальный анализ (по Г. Крессу и Т. ван Левену), направленный на изучение синергии вербальных и невербальных компонентов текста. Научная новизна исследования заключается в установлении прямой корреляции между типом мультимодального взаимодействия и аксиологическими доминантами лингвокультуры. В результате доказано, что персуазивные стратегии в рассматриваемых дискурсах полярны. В русскоязычном сегменте доминирует стратегия идентификации («свой», «родной»), реализуемая через апелляцию к концептам коллективной памяти и эмоционально-оценочную лексику; визуальный ряд здесь выполняет функцию семантического модификатора, создавая культурно-символический контекст. В англоязычном (американском) дискурсе преобладают стратегии уникализации и фактуальности, опирающиеся на рациональную аргументацию, языковую игру и номинативный стиль; визуальный компонент несет преимущественно денотативную нагрузку, служа доказательством технических характеристик. Сделан вывод о том, что эффективность рекламного воздействия зависит от конгруэнтности используемых кодов базовым ментальным сценариям аудитории: «интеграция/преодоление» для российской модели и «индивидуальный успех/польза» для американской.

Ключевые слова:

автомобильный рекламный дискурс, персуазивность, стратегии убеждения, мультимодальный текст, лингвокультурный код, когнитивные механизмы, аксиологические доминанты, рекламная коммуникация, языковая игра, креолизованный текст

Введение

Актуальность темы исследования определяется сменой парадигмы современного языкознания: переходом от изучения изолированных языковых единиц к анализу поликодовых (мультимодальных) текстов, функционирующих в цифровой среде. Автомобильный рекламный дискурс представляет собой высокотехнологичный коммуникативный феномен, в котором вербальный компонент неразрывно связан с визуальным, образуя единое смысловое целое.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных языку рекламы (А. Н. Баранов [\[1\]](#), О. С. Иссерс [\[2\]](#), В. И. Карасик [\[3\]](#)), механизмы взаимодействия разноуровневых семиотических кодов в аспекте их убеждающего (персуазивного) воздействия на адресата в сравнительно-сопоставительном ключе изучены недостаточно. В частности, способы реализации персуазивности в специфических форматах, таких как видеореклама, рассматриваются в работах А. М. Ариас и И. А. Щербаковой [\[4\]](#), однако этнокультурная специфика данных механизмов требует дополнительного осмысления. Необходимость выявления универсальных и культурно-маркированных маркеров убеждения в условиях глобализации медиапространства обуславливает востребованность данного исследования для теории языка и межкультурной коммуникации.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации лингвокогнитивных моделей персуазивности, реализуемых в современной автомобильной рекламе России и США.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить статус автомобильной рекламы как особого жанра институционального дискурса и охарактеризовать его мультимодальную природу;
- классифицировать стратегии и тактики речевого воздействия, используемые в русскоязычном и англоязычном сегментах;
- провести сопоставительный анализ вербальных и иконических компонентов рекламных сообщений для выявления национально-культурной специфики персуазии.

Материалом исследования послужила выборка из 200 мультимодальных рекламных текстов (видеоролики, интернет-баннеры, модули в прессе) автомобильной тематики (100 на русском и 100 на английском языках) за период 2009–2024 гг. Источниками материала выступили официальные медиаресурсы автопроизводителей и видеохостинг YouTube.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды в области теории дискурса и лингвистики текста (Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик), теории речевого воздействия (О. С. Иссерс, Х. Перельман). Фундаментальное значение для понимания природы изучаемого объекта имеют работы, посвященные семиотике поликодовых текстов. В частности, мы опираемся на концепцию Е. Н. Пищерской, определяющей креолизированный текст как сложный коммуникативный феномен, где вербальные и иконические знаки образуют нерасторжимое единство, обладающее повышенным прагматическим потенциалом [\[5\]](#). В этом контексте также значимым представляется разграничение креолизированных, поликодовых и мультимодальных текстов, предложенное Т. М. Ж. П. Сабадин Сантосом [\[6\]](#), что позволяет точнее классифицировать эмпирический материал.

Важную роль в интерпретации данных сыграла теория культурных кодов В. М. Савицкого и Е. В. Черкасовой, согласно которой лингвокультурный код выступает вторичной знаковой системой, выполняющей регулятивную функцию и определяющей программу мышления и поведения членов социума [\[7\]](#).

Методы исследования. В работе использован комплексный подход, включающий описательный метод (для инвентаризации языковых средств), метод дискурсивного анализа (для выявления экстралингвистических факторов), семантико-стилистический анализ, а также мультимодальный анализ, направленный на изучение взаимодействия вербального и визуального кодов.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в курсах по общему языкознанию, спецкурсах по языку рекламы и межкультурной коммуникации, а также в практике копирайтинга и перевода рекламных текстов.

Обсуждение и результаты

Теоретические положения о мультимодальной природе коммуникации приобретают

верифицируемую значимость при обращении к эмпирическому материалу. В анализе мы исходим из постулата А. Ю. Калинина о том, что аудиовизуальный текст представляет собой не механическую сумму кодов, а «целостный коммуникативный конструкт», обладающий синергетическим эффектом [8, с. 72]. В цифровой среде визуальный ряд (иконический код) берет на себя функцию аргумента: согласно О. М. Куницыной, изображения становятся «сокращенными аргументами», формируя «навязанный логический вывод» еще до прочтения вербального текста [9, с. 55-56].

Анализ персуазивности в цифровой среде также требует учета метадискурсивных стратегий. Как показывают исследования М. Ю. Россиной и И. И. Икатовой, в современных информационно-рекламных текстах (как в русскоязычной, так и в англоязычной лингвокультурах) важнейшую роль играют интеракционные маркеры, создающие эффект диалога и вовлечения адресата в коммуникативное пространство бренда [10]. В автомобильном дискурсе подобные маркеры в сочетании с мультимодальными средствами (цвет, звук, ракурс) служат инструментом интимизации общения, подготавливая почву для основного воздействия.

Однако этот процесс сопряжен с прагматическими рисками. Как отмечают Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко и Н. К. Пригарина, нарушение этических или аргументативных норм ведет к «дискоммуникации» — сбою, при котором воздействие становится неэффективным [11, с. 139]. В автомобильном дискурсе мультимодальные средства служат именно тем инструментом, который предотвращает смысловой диссонанс, обеспечивая точную адресность сообщения.

Для выявления лингвокультурной специфики персуазивных стратегий нами был проведен анализ выборки из 200 единиц. Количественные данные показывают расхождение в частотности базовых фреймов. В российском сегменте (n=100) доминирует модель **«Принадлежность / Коллективная идентичность»** (48%), реализуемая в кампаниях LADA, UAZ и локализованных версиях Kia/Hyundai. В американской выборке (n=100) превалирует фрейм **«Индивидуальный успех / Self-made»** (55%), характерный для Ford, Cadillac, RAM. Это подтверждает, что культурные коды выступают когнитивным фильтром при отборе языковых средств убеждения.

Лингвокогнитивный анализ русскоязычного дискурса

Ярким примером реализации стратегии идентификации служит кампания LADA Vesta (видеоролик «Есть только один путь — свой», 2015). Вербальный ряд строится на использовании слогана с парцелляцией. Лексема «свой» в данной позиции является энантиосемичной, актуализируя два значения:

1. Притяжательное (собственный выбор, индивидуальность);
2. Идентификационное (свой = родной, отечественный, «наш»).

Использование парцелляции, согласно Г. Г. Хазагерову, выступает эффективным средством экспрессивного синтаксиса, позволяющим сфокусировать внимание адресата на рематической части высказывания [12]. Визуальный ряд (семейные сцены, узнаваемые пейзажи) снимает смысловую амбивалентность, активируя патриотический код. Как справедливо указывает О. М. Куница, «обработка изображения проходит по направлению от идентификации к непосредственной активации семантических репрезентаций» [9, с. 52]. Таким образом, персуазивный эффект достигается за счет синтаксического выделения ключевого концепта «свой» и его визуальной поддержки.

Феномен глокализации в российском дискурсе демонстрируют кампании BMW Group. Акции «M11» (оплата проезда по трассе, 2016) и «Автомобиль на улицах города» (2009) представляют собой пример **событийного дискурса**, где сам факт действия становится знаком (пресс-релизы BMW Group Russia, 2009; Ads of the World, 2017). С лингвистической точки зрения здесь происходит трансформация семантики бренда: глобальный код «свобода» (обычно визуализируемый через пустые хайвеи) заменяется на код **«преодоление»** и **«интеграция»**. Помещение премиального автомобиля в агрессивный урбанистический контекст Москвы (визуальный модус) в сочетании с прагматикой «реальной помощи» (оплата проезда) создает персуазивный эффект «близости» и «силы», что резонирует с российской ментальностью, тяготеющей к демонстрации статуса через доминирование в пространстве.

Лингвистические особенности американского рекламного дискурса

В рекламе США (Cadillac Escalade, 2021) ключевым приемом становится **языковая игра**, основанная на полисемии. Слоган *«Never Stop Arriving»* эксплуатирует двойственное значение глагола *to arrive*:

1. Прямое: прибывать в пункт назначения;
2. Метафорическое: достигать успеха, социального статуса (ср. идиому *to have arrived* — «преуспеть»).

Использование формы герундия (*Arriving*) вместо перфекта придает действию характер бесконечного процесса: успех позиционируется не как статика, а как динамика. Мультимодальный анализ (по G. Kress, T. van Leeuwen) подтверждает эту интерпретацию: ракурс *low angle* (съемка снизу) семиотически наделяет водителя властью, а векторы движения направлены вправо-вверх (символ будущего). Лингвистически здесь реализуется стратегия «ориентированности на клиента» [\[13, с. 99\]](#), где продукт становится инструментом реализации амбиций.

Иная модель представлена в дискурсе Ford F-series. Слоган *«Built Ford Tough»* (букв. «Построен крепким по-фордовски») (Ford Media Center, 2014) демонстрирует использование эллиптической конструкции и адъективации. Лексический анализ показывает преобладание семантического поля «физическая сила/выносливость». Данная стратегия коррелирует с выводами Р. М. Миндияхметовой, которая, анализируя код «Made in America» в авторекламе, отмечает, что использование национального культурного кода позволяет решить ряд прагматических задач: от дискредитации конкурентов до навязывания ценностных ориентаций [\[14\]](#). В данном случае через языковую простоту и апелляцию к маскулинным ценностям (*strength, durability*) активируется глубинный код американской идентичности, связанный с идеей превосходства и надежности отечественного продукта.

Стратегия Tesla (Model 3) может быть определена как «дискурс нулевой риторики». Отказ от традиционной рекламы компенсируется специфическим стилем коммуникации в отчетах и на сайте (Tesla Impact Report, 2020; Tesla Inc. 10-K Form, 2024). Анализ текстов [Tesla Team, 2019; Tesla Inc., 2020] выявляет доминирование **номинативного стиля** и терминологической лексики (*5-star safety rating, electric powertrain*).

Вместо эмоциональных эпитетов («потрясающий», «роскошный») используются нумеративы и фактические данные. Визуально это поддерживается минимализмом интерфейса (образ «гаджета»). С точки зрения лингвистики воздействия, отсутствие явных оценочных суждений (персуазивных маркеров) реализует тактику **объективации**:

адресату предлагается самому сделать вывод на основе «голых фактов», что повышает доверие к сообщению в эпоху информационного шума.

Обобщение результатов

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что российская модель персуазии опирается на **эмоционально-ценностную аргументацию** (история, коллектив, статус), тогда как американская — на **рационально-прагматическую** (индивидуальная выгода, техническая характеристика, личный успех).

Для систематизации выявленных различий составлена сводная таблица (Таблица 1), охватывающая три уровня анализа.

Таблица 1. Сопоставительный анализ моделей персуазивности в рекламе России и США по трём уровням исследования

Пример рекламы / Бренд	Страна	Дискурсивный уровень(цели, участники)	Когнитивно-аргументационный уровень(аргументы, убеждение)	Мультимодальный уровень(визуальные и вербальные модусы)	Пр теори
LADA Vesta, 2015	Россия	Патриотический и семейный посыл, локальные слоганы	Эмоциональная привязка к национальной идентичности и лояльности	Видеоролик и текстовые слоганы, эмоциональная визуализация	Теори инстип дискур Карас речев возде Иссер полик тексто Куниц мульт анали van Le
BMW M11, 2016	Россия	Прямое взаимодействие с клиентами, институциональные цели – продвижение бренда	Формирование положительных когнитивных схем через опыт участия	«Эмпирический маркетинг», визуальные элементы событий	Теори инстип дискур Карас онтоло аудио текста Калин критич дискур А. мульт анали визуал грамм Kress, Leeuw
					Писов

Cadillac Escalade, 2021	США	Институциональные цели: позиционирование статуса, образ личного триумфа	Эмоциональная и рациональная аргументация: исключительность, технологическое лидерство, успех	Визуализация роскоши, фокус на водителе-лидере, панорамные кадры мегаполиса	типичная персону Д. теория аргументации («Новый Ч. (Ch. мультимодальный анализ van Le
Ford F-series «Built Ford Tough»	США	Институциональные цели: ориентированность на прагматические ценности	Аргументы безопасности, практичности, рабочей идентичности	Визуальные и текстовые элементы показывают прочность и надёжность	Теория аргументации Perelman и институт дискурса Карасевича визуальная грамматика мультимедиа анализ van Le
Tesla Model 3, 2019	США	Продвижение через продукт и PR-стратегию, минимальная традиционная реклама	Аргументы: безопасность, технологичность; минимальные эмоциональные лозунги	Технологическая визуализация продукта, награды безопасности	Стратегия воздействия Иссерли Иссерли аргументация Perelman мультимедиа анализ van Le

Анализ данных таблицы подтверждает необходимость интегративного подхода.

Дискурсивный уровень (по Т. А. ван Дейку [\[16\]](#)) эксплицирует институциональные цели: патриотическое сплочение (LADA) vs прагматическая эффективность (Ford).

Когнитивно-аргументационный уровень (в терминах Х. Перельмана [\[17\]](#)) выявляет различие топосов: топос «своего» (идентичность) в России против топоса «пользы/успеха» в США.

Мультимодальный уровень (Г. Кресс, Т. ван Левен [\[15\]](#)) демонстрирует функциональную нагрузку визуальных кодов: они либо усиливают вербальный тезис (Cadillac), либо создают необходимый культурный контекст (LADA).

Следует отметить, что выявленная нами корреляция между типом культуры и структурой рекламного сообщения находит подтверждение и в других сопоставительных исследованиях 2025 года. Так, сравнительный анализ российских и китайских слоганов, проведенный Лю Юйсинь, также фиксирует, что русскоязычной рекламе свойственна ярко выраженная эмоционально-оценочная лексика [\[18\]](#). Это свидетельствует об универсальности выявленных типологических черт: российский дискурс устойчиво тяготеет к аффективным стратегиям воздействия.

Таким образом, эффективность персуазивной модели зависит от ее конгруэнтности (соответствия) культурному коду аудитории. Мультимодальные компоненты при этом выступают не просто иллюстрацией, а необходимым условием правильной интерпретации вербального сообщения, задавая модальность его восприятия.

Заключение

Проведенное лингвокогнитивное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, отражающие специфику реализации категории персуазивности в современном автомобильном дискурсе.

Во-первых, верифицирована эффективность интегративного подхода к анализу поликодовых текстов. Установлено, что интерпретация вербальных компонентов рекламного сообщения невозможна без декодирования визуального ряда. Доказано, что иконический компонент в автомобильной рекламе выступает не просто иллюстрацией, а **семантическим модификатором**, который сужает или расширяет значение языковой единицы, задавая необходимую прагматическую тональность (патриотическую, ироническую или официально-деловую).

Во-вторых, выявлена лингвокультурная детерминированность стратегий убеждения.

В **русскоязычном дискурсе** преобладает **стратегия идентификации**, реализуемая через актуализацию концептов коллективной памяти («СВОЙ», «ПУТЬ», «СИЛА»). Лингвистически это выражается в использовании конструкций с инклюзивной семантикой, парцелляции для смыслового выделения аксиологических доминант и эмоционально-оценочной лексики.

В **англоязычном дискурсе (США)** доминируют **стратегия уникализации** и **стратегия фактуальности**. Основными языковыми средствами здесь выступают языковая игра (основанная на метафоризации глаголов движения), императивные конструкции и номинативный стиль, насыщенный терминологической лексикой.

В-третьих, определена функциональная специфика мультимодального взаимодействия. Анализ показал, что в американской модели визуальный ряд преимущественно выполняет **денотативную функцию**, служа доказательством вербальных тезисов (текст говорит «безопасный» — изображение демонстрирует краш-тест или интерфейс). В российской модели визуальный ряд чаще несет **коннотативно-символическую нагрузку**, создавая культурный контекст, необходимый для считывания имплицитных смыслов (текст говорит «свой» — изображение активирует архетипические образы пространства и дома). Данное различие доказывает, что персуазивность является не только риторической, но и семиотической категорией.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы за счет включения пользовательского контента для анализа диалогических форм персуазивности в цифровой среде.

Библиография

1. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. EDN: NPLUVJ
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999. № 1. С. 74-79. EDN: UWLMNV
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и

- персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20. EDN: VWNHIZ
4. Ариас А.М., Щербакова И.А. Способы реализации персуазивности в англоязычной видеорекламе // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2021. № 3 (75). С. 21-30.
5. Пищерская Е.Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. 2023. № 5. С. 55-65. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748 EDN: ZHKUAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748
6. Сабадин Сантос Т.М. Ж.П. Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1968-1973.
7. Савицкий В.М., Черкасова Е.В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. С. 4351-4358. DOI: 10.30853/phil20230660 EDN: DZSPQS
8. Калинин А.Ю. К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 63-75. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-6 EDN: SMXQHQ
9. Куницына О.М. Анализ комплексного воздействия коммуникативных сигналов поликодового медиатекста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 51-58. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_51 EDN: TOVDIK
10. Россихина М.Ю., Икатова И.И. Роль метадискурсивных маркеров в информационно-рекламных текстах туристического дискурса в русской и английской лингвокультурах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 203-218. EDN: HDPUDG
11. Волкова Я.А., Панченко Н.Н., Пригарина Н.К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 138-150. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.11 EDN: CEUKLN
12. Хазагеров Г.Г. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
13. Романова И.Д. Особенности рекламных текстов персуазивного характера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 12 (828). С. 94-103.
14. Миндияхметова Р.М. "Made in America", или еще раз о национальном культурном коде в рекламе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 32-40. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/3/32-40 EDN: FQSCLJ
15. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London; New York: Routledge, 2006.
16. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17 No. 3. Pp. 359-383. DOI: 10.1177/0957926506060250 EDN: JRKICX
17. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique: Traité de l'argumentation. Paris: PUF, 1958.
18. Лю Юйсинь. Лингвистические особенности слоганов в российской и китайской рекламе: сравнительный анализ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 10-2 (109). С. 170-174. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-10-2-170-174 EDN: HZYINP

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Лингвокогнитивные механизмы персуазивности в автомобильном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков)» является интересным самостоятельным исследованием, выполненным в русле антропоцентрического подхода к языковым явлениям.

Объектом настоящего исследования является англоязычный и русскоязычный автомобильный дискурс, а его предметом – способы убеждения (персуазивности), которые автор статьи анализирует с когнитивной точки зрения.

Целью исследования заявлено выявление и систематизация лингвокогнитивных моделей персуазивности, реализуемых в современной автомобильной рекламе.

В качестве эмпирического материала в статье используется репрезентативная выборка из 200 мультимодальных рекламных текстов, включающая, в частности, видеоролики и интернет-баннеры автомобильной тематики за период 2009–2024 гг., расположенные на официальных медиаресурсах автопроизводителей и видеохостинге YouTube. Такая большая выборка текстов обеспечивает исследованию достоверность.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды всемирно известных и признанных специалистов. Это В. И. Карасик, развивающий теорию институционального дискурса, Т. А. ван Дейк, автор теории критического дискурс-анализа, О. С. Иссерс, являющаяся признанным экспертом в области теории речевого воздействия, Г. Кресс и Т. ван Леувен, создавшие и активно развивающие метод мультимодального анализа, О. М. Куницына, предложившая методику анализа поликодовых текстов. Безусловно, опора на такие авторитетные источники теоретического материала придает исследованию теоретическую значимость в том смысле, что данная статья развивает и совершенствует предложенные методы исследования.

Комплексная междисциплинарная методология исследования отвечает современным тенденциям развития лингвистической науки и включает лингвистические методы дискурсивного анализа, сопоставительного анализа, компонентного анализа, контекстуального анализа, мультимодального анализа, а также общефилософский метод описания. Автор также использует в работе термин «фрейм», являющийся центральным во фреймовой семантике, однако не заявляет его в качестве метода исследования, хотя, очевидно, пользуется достижениями и этого направления когнитивной лингвистики.

Методология, которую использует автор, определяет актуальность рецензируемой работы. Актуально также к обращению к анализу поликодовых (мультимодальных) текстов, функционирующих в цифровой среде.

Научная новизна также не вызывает сомнений, поскольку несмотря на внушительное количество работ, посвященных автомобильному рекламному дискурсу на материале русского и английского языков, до сих пор не существовало системного сопоставления российской и американской моделей убеждения в автомобильной рекламе с акцентом на когнитивные и культурные детерминанты. Обращение к мультимодальным текстам последних лет также обеспечивает исследованию новизну.

Работа структурирована логично написана с соблюдением норм научного стиля, в ней отсутствуют стилистические погрешности и ошибки.

Содержание работы включает лингвокогнитивный анализ русскоязычного дискурса и лингвистические особенности американского рекламного дискурса. В связи с этим

возникает вопрос, чем обусловлено такое разграничение и почему нельзя было применить лингвокогнитивный анализ к американскому дискурсу.

Автор обобщает результаты исследования в большой грамотно структурированной таблице, содержащей три уровня анализа. Первый уровень – дискурсивный. В нем автор рассматривает цели и участников. Второй уровень обозначен как когнитивно-аргументационный и включает аргументы и убеждение. И, наконец, третий уровень анализа – мультимодальный, включающий визуальные и вербальные модусы. Высоко оценивая проведенный автором анализ, представленный в таблице хотелось бы отметить, что мультимодальный анализ не в полной мере отражает концепцию его основателей Г. Кресса и Т. ван Леувена. В частности, не анализируется звуковой компонент, включающий музыку и интонацию.

Важнейшим результатом проведенного исследования автор справедливо отмечает тот факт, что эффективность персуазивной модели зависит от ее соответствия культурному коду аудитории. Мультимодальные компоненты при этом выступают не просто иллюстрацией, а необходимым условием правильной интерпретации вербального сообщения, задавая модальность его восприятия.

Данная работа может быть интересна специалистам в области анализа мультимодальных текстов, критического дискурс-анализа, теории аргументации, а также широкому кругу лиц, интересующихся особенностями рекламного дискурса.

В целом можно отметить, что задачи, поставленные автором решены, работа имеет определенную. Теоретическую и практическую ценность и может быть опубликована.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аллаги М. Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.73122 EDN: XBGIOJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73122

Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади

Аллаги Мохамед Салах

ORCID: 0009-0007-8588-3461

магистр; Высший институт языков Туниса; Университет Карфагена

1003, Тунис, Тунис, г. Тунис, пр-т Ибн Маж, 14

✉ ya.semi@bk.ru

[Статья из рубрики "Фольклор"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.73122

EDN:

XBGIOJ

Дата направления статьи в редакцию:

23-01-2025

Аннотация: Предметом исследования является связь фольклора и литературы. В частности, актуализируется вопрос о том, что фольклор не только сохраняет элементы исторического опыта повествований, но и служит источником культурных ценностей, которые эволюционируют вместе с трансформациями в художественном сознании. На материале произведений А. С. Пушкина и тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади анализируется, как эти элементы вплетаются в них, отражая социальные темы и архетипы персонажей, имеющие отношение к разным культурам. Целью исследования ставится доказательство того, что обращение к народным традициям выходит за рамки простой художественной их адаптации и становится мостом между культурными различиями как в одном, так и разных национальных обществах, образуя закономерность в отличающихся литературных традициях, а также играет определенную роль в формировании авторской идентичности. Основные методы, позволяющие изучить влияние фольклора на литературные произведения, строятся на текстологическом, историко-культурном и сопоставительном анализе. Новизна оценки традиционного и художественного наследия определяется через расширение понимания того, как

народные мотивы действуют в различных культурных контекстах, подчеркивая их универсальное литературное значение. В результате установления характера закрепления фольклорности в литературные формы выявляются такие факторы, как устная традиция, языковая реализация, символизм образов, мифологизм, культурная идентичность, синкретизм культурных традиций и др. Выводы, сделанные в ходе исследования, дают основания для выделения нескольких ключевых моментов: 1) соединение фольклорных и литературных жанров и стилей, 2) приобщение к богатству мировой литературы, 3) преодоление культурных и языковых барьеров, 4) преемственность и эволюция фольклора. Динамичная природа фольклора может свидетельствовать о тесной взаимосвязи между ним и современной литературой. Изучение именно такой взаимосвязи составляет перспективу дальнейших исследований.

Ключевые слова:

культурная идентичность, народные мотивы, народные устные традиции, повествование, пушкинский фольклоризм, синкретизм культурных традиций, сказки, тунисская литература, фольклор, художественное сознание

Если задаться вопросом, что объединяет самых разных мастеров художественного слова, таких как А. С. Пушкин и Махмуд аль-Мас'ади, то ответ окажется простым. Это их способность насыщать свой творческий гений образцами народного творчества. Для литераторов разных эпох и культур фольклорные традиции не только служат источником вдохновения. В своих произведениях они выстраивают для традиционных народных сказаний литературную трактовку, придавая их всемирной известности. С уверенностью можно утверждать, что связь между фольклором и литературой представляет собой один из фундаментальных процессов развития мировой культуры. Этот симбиоз, проявляющийся в поэтической и прозаической типах деятельности, позволяет проследить эволюцию художественного мышления от древнейших форм словесности до современного литературного процесса.

Александр Пушкин, которого можно считать отцом русской литературы, оказался под глубоким влиянием русских фольклорных традиций. Его обращение к народным истокам, мифам и устной традиции в целом не только несло в себе художественный потенциал, но и имело исследовательский интерес, отражая глубокое восприятие культурного наследия России. В его приобщении к народной культуре определенную роль сыграла его няня, Арина Родионовна. В детстве она рассказывала ему многочисленные народные сказки и пела песни, которые впоследствии могли в какой-то мере наложить отпечаток на его литературные принципы. Однако, как утверждал А. Д. Соймонов, ссылаясь на доводы П. В. Анненкова, «нельзя объяснять интерес поэта к народной словесности влиянием на него Арины Родионовны» [\[1, с. 171\]](#). Ученый-фольклорист апеллирует при этом к биографическому факту Пушкина, относящемуся к периоду ссылки 1824–1826 гг. в Михайловском, о сборе им, в частности, народной песенной поэзии и отношении его к фольклору, исходя из эволюции его творческого метода. В этой связи А. Д. Соймонов ищет истоки фольклоризма Пушкина в осмыслении народности, которую поэт понимал как «образ мыслей и чувствований», «тému обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [\[1, с. 177\]](#). Научное изучение фольклорного наследия Пушкина главным образом сосредоточилось на сказочных сюжетах его произведений. Остановимся на наиболее, с нашей точки зрения, заслуживающих внимания взглядах.

Ставя вопрос: «Ограничивается ли поэт подражанием образцам отечественной народной поэзии?», – Р. Якобсон пишет: «Пушкинская техника – это техника коллажа» [2, с. 208]. При этом он поясняет, что «персонажи пушкинских сказок, непременно заимствованные из западных источников – из сказок братьев Гримм, Ирвинга, Галлана, – представлены преимущественно в русском фольклорном обличье» [Там же]. М. Азадовский и Дж. МакГавран пересматривают происхождение сказок Александра Пушкина, соотнося их с западноевропейскими литературными источниками, в частности братьев Гримм. Авторы анализируют конкретные сказки, выявляя коренное сходство с их произведениями и другой европейской литературой, например, с произведениями Вашингтона Ирвинга. Они пытаются доказать, что обращение Пушкина к фольклору было продуманным ответом на современные литературные и политические дебаты, связанные с концепцией «народности» или идеи национального характера в литературе [3]. Этот ответ был направлен на некоторое преодоление культурных различий в сословно расслоенном обществе и выражение национальных чувств с помощью универсального литературного языка. Тем самым, демонстрируя свою способность опираться на народный язык и тематическое соответствие как русского, так и европейского фольклора, Пушкин своими произведениями добивается принятия и возвышения устного народного творчества, чтобы находиться на одном уровне культурного развития европейской литературы.

Поставив целью выяснить источники «Сказки о золотом петушке», Л. Селиванова рассматривает ее на основе сравнительно-исторического метода с использованием литературной антропологии. По ее мнению, великий поэт создал текст, воспринимаемый как настоящая русская народная сказка, творчески переработав все имеющиеся у него западные и восточные варианты, а также русский лубок и даже литературные мистификации [5]. И. Народицкая усматривает в этой сказке различные метаморфозы, которые претерпевает легенда об арабском астрологе (из «Сказок Альгамбры», 1832), перекочевывая от Вашингтона Ирвинга к Пушкину через его друга князя Д. Долгорукого [5]. В ее статье «рассматриваются пересечения между двумя литературными текстами, а также трансформация образов главных героев и их взаимоотношений в контексте центральной фабулы – в частности, то, как готическая принцесса из сказки Ирвинга превращается в пушкинскую Шемаханскую царицу, и как сюжет соотносится с историческим присоединением Азербайджана к России» [5, с. 109]. В. М. Касьянова исследует сказки Пушкина в плане отражения в них разных аспектов жизни русского человека, в том числе особенностей социального статуса героев, их традиционных занятий, коммуникативного и речевого поведения [6].

Целью настоящей статьи является обобщенное представление фольклоризма Пушкина и выявление закономерности влияния народного достояния на авторскую литературную деятельность. Доказательству того, что народные мотивы слились не только со сказками, но и другими произведениями А. С. Пушкина, способствовало применение следующих методологических подходов: 1) текстологического анализа, 2) исторического исследования культурного контекста России начала XIX в., 3) анализа народных элементов в языке Пушкина. Кроме этого, компаративный метод позволил провести параллель относительно рассматриваемого феномена в другой культуре, в частности на примере романа «Плотина» тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади. Такая сравнительная перспектива подчеркивает универсальное значение народного искусства и выделяет общие темы в различных литературных традициях, тем самым обогащая общее понимание того, как народные повествования питают и дополняют литературное творчество. Такой подход позволяет новаторски переплести историко-культурный анализ и литературную оценку, изучить, как метаморфозы народных традиций действуют как на

творчество Пушкина, так и на более широкий литературный ландшафт.

В результате изучения влияния фольклорных традиций на пушкинскую художественную картину мира удалось выделить конкретные аспекты его творческого кредо. Это:

1. Влияние сказок. Русские сказки составили структурную и содержательно-тематическую основу пушкинской сюжетности сказочного типа. Яркий пример фольклорного подхода прежде всего к композиционному характеру можно увидеть в «Руслане и Людмиле», где Пушкин начинает со строк: «У лукоморья дуб зелёный; / Златая цепь на дубе том: / И днём и ночью кот учёный / Всё ходит по цепи кругом...», – которые прямо отсылают к традиционному сказочному вступлению. В такие сказки, как «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане», вошли традиционные русские народные мотивы и персонажи. Например, в последней различимы типы персонажей, воплощающих в себе традиционные характеристики: злые сестры царицы и сватья, готовящие коварный заговор против молодой жены царя; образ царя как типичного русского правителя, могущественного, но порой вводимого в заблуждение недобрыми советниками; князь Гвидон как русский идеал благородного молодого героя; купцы, олицетворяющие важную роль торговли в русском обществе. Здесь же наблюдаются культурные маркеры: отсылки к традиционным русским праздникам и торжествам (подготовка к первой встрече зимы, что подтверждает в начале сказки рассказ о занятии девушек рукоделием в доме, которое было возможно по окончании работ в поле; свадьба царя; рождение богатыря «к исходу сентября») [\[7, с. 115-116\]](#); гостеприимство как русская добродетель. Наиболее отмеченными в национальном смысле произведениями фольклорного жанра, вероятно, являются «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о медведихе». Первая – сатирическая народная сказка, которая буквально повторяет устный стиль повествования традиционных русских сказок. В ней сохраняются антиклерикальные настроения и напрямую перенимаются языковые модели и структура устного повествования, включая характерный для него шутиливый тон и нравоучительные уроки [см.: 1; 2; 3; 8]. Вторая «написана по русским народным источникам» [\[7, с. 112\]](#).

2. Мифологические элементы. Такие произведения, как «Руслан и Людмила», демонстрируют глубокую интеграцию Пушкиным славянских мифологических персонажей. В поэме присутствуют волшебные существа из славянского фольклора Баба Яга, Кощей бессмертный, говорящие магические существа и сверхъестественные превращения, демонстрирующие его способность вплетать традиционные мифологические элементы в литературное повествование.

3. Исторический фольклор. Так, исторический контекст просматривается в «Сказке о попе и о работнике его Балде», где поп показан жадным и трусливым, что свидетельствует о более широкой социальной критике власти и сословных отношений. В «Сказке о царе Салтане» приморская обстановка отражает морские амбиции и торговые пути России. Отвлекаясь от сказок, нельзя не упомянуть роман «Капитанская дочка», в котором Пушкин использовал народные легенды, устные исторические предания и традиционные приемы сказаний. В его исторических произведениях фактические события часто сочетаются с фольклорными методами.

4. Жанр повествования. Повествовательный стиль Пушкина часто имитировал традицию устного рассказа, опираясь на разговорный тон, прямое обращение к аудитории и структурные элементы, характерные для народных повествований. Так, «Сказка о царе Салтане» отличается элементами повествования, сопряженными с национальными русскими чертами, такими как: 1) использование традиционных русских сказочных и

ритмических схем, включая характерные тройные повторы; 2) действие происходит в царской столице с ярко выраженной динамикой русского царского двора; 3) включение русской купеческой культуры через торговых гостей, которые приносят новости между царствами.

Благодаря такому подходу в его произведениях чувствовалась одновременно утонченность и тесная связь с традиционным устным творчеством. Между тем у него прослеживается трансформация отдельных народных мотивов по мере их перехода из устной традиции в литературное произведение. Например, изучение того, как поэт изменил традиционный мотив «трех испытаний» в «Сказке о царе Салтане», помогают понять, как он адаптировал и возвысил эти элементы и тем самым внес новшество в жанр повествования. Вместо того чтобы герой выполнил три задания, чтобы получить желаемое (типичная народная структура), Пушкин превратил это в три чуда, которые являются атрибутами острова Гвидона: 1) белка, раскалывающая золотые орехи с изумрудными ядрами; 2) тридцать три закованных в латы витязя, выходящих из волн; 3) Царевна-Лебедь, самая прекрасная дева в мире. Эта модификация служит сразу нескольким целям. Во-первых, вместо испытаний героических способностей эти чудеса становятся символами процветания и божественной благосклонности. Во-вторых, они создают растущую шкалу чудес, которая способствует развитию сюжета. В-третьих, каждое чудо усиливает любопытство Салтана, создавая напряжение в сюжете. В-четвертых, они служат доказательством законности правления Гвидона и его достоинства. Эта модификация отражает переход от традиционного народного внимания к индивидуальным достижениям к более широким темам управления и социальной гармонии.

5. Языковое наследие. Помимо повествовательного содержания, у Пушкина присутствует следование фольклорным языковым традициям. Он собирал и изучал народные песни, пословицы и идиоматические выражения, аутентично внедряя их в свои произведения. Возвращаясь к «Капитанской дочке», мы находим в эпиграфах и речи персонажей этого романа множество русских пословиц и поговорок, которые придают произведению народный колорит и выражают мудрость народа. Вот некоторые из них: «Береги честь смолоду» – эта пословица является эпиграфом к роману и подчеркивает важность чести и достоинства; «Береги платье снову, а честь смолоду» – так наставлял Андрей Петрович сына, отправляя его на службу; «Стерпится, слюбится» – капитанша Василиса Егоровна использует эту поговорку, чтобы выразить надежду на лучшее; «На грех мастера нет» – Василиса Егоровна, предостерегая Петра Гринёва от неблагоприятных поступков; «Незванный гость хуже татарина» – эпиграф к главе VIII, подчеркивающий нежелательность незваных гостей; «Семь бед, один ответ» – Петр Гринев использует эту пословицу, чтобы выразить решимость и готовность к трудностям; «Худой мир лучше доброй ссоры» – Иван Игнатьич употребляет эту поговорку, подчеркивая важность мира и согласия и т.д. В «Сказке о рыбаке и рыбке», например, встречается такое выражение, как «Не садися не в свои сани». Такой подход помог стандартизировать русский литературный язык, сохранив его богатые фольклорные корни.

6. Поэтическая форма. На разработку Пушкиным поэтической формы, известной как «русский метр» (тактовик), повлияло изучение народной поэзии. Эта форма позволила ему передать ритм и дух традиционного русского стиха [см.: 8]. Примером истинно народного стиля у поэта можно назвать малоизвестную и незаконченную «Сказку о медведихе», которая близка народной песне или причитанию. Сюжет сказки сводится к тому, что мужик «пускался на медведиху, / Он сажал в нее рогатину, / Что повыше пупа, пониже печени. / Грянулась медведиха о сыру землю, / А мужик-то ей брюхо порол, /

Брюхо порол, да шкуру сымал, / Малых медвежатущек в мешок покчал, / А поклавши-то домой пошел» [9, с. 3]. Дознавшись про это, «медведь запечалился, / Голову повесил, голосом завыл» [9, с. 4]. В этом плаче отразились все специфические черты горевания по покойным. Кроме этого, собравшихся на поминки зверей Пушкин, по фольклорной традиции, наделяет человеческими качествами, закрепляя за ними принадлежность к «меньшему» или «большему» сословию: сам медведь – боярин, волк – дворянин с «зубами закусливыми», «глазами завистливыми», бобр с «жирным хвостом» – торговый гость, заяк-смерд – «заяк беленький, заяк серенький», лисица – «подъячиха, казначеиха» и т.п. Медведиха же сама символизирует материнскую заботу и защиту. Все эти образы – не что иное, как символы простонародного восприятия.

7. Символизм – примечательная характеристика пушкинского фольклоризма. Он связан не только с антропоморфизмом, что очевидно в рассмотренной выше сказке или «Сказке о рыбаке и рыбке», где золотая рыбка символизирует не просто исполнение желаний, но неприятие человеческой жадности и неблагодарности, или «Сказке о золотом петушке», в которой образ петушка – символ предостережения и мудрости. Так, три девицы из «Сказки о царе Салтане» напоминают мифологических древнегреческих Мойр, которые прядут нить судьбы человека и которым соответствовали древнеримские Парки. А символика трех чудес параллельна религиозной нумерологии, где число три имеет сакральное значение.

8. Синкретический характер русских культурных традиций. Пушкин органично сочетал христианские элементы с магическими фольклорными элементами, а не явно делал религиозные отсылки. В этом он следовал примеру сказаний, в которых православное христианство часто сливалось с дохристианскими народными верованиями. В «Сказке о царе Салтане» Пушкин тонко вплел в волшебное повествование православные элементы, что просматривается в следующем: 1) тема чудесного превращения соотносится с христианскими представлениями о преображении: Царевна-Лебедь превращается из птицы в человека, что напоминает религиозные темы духовных метаморфоз; 2) тройная структура присутствует на протяжении всей сказки (отсылка к Святой Троице); 3) чудо-город на острове Буян по своим чертам напоминает православную церковную архитектуру, в том числе золотые купола – характерный атрибут русских православных храмов; 4) концепция божественного милосердия и прощения проявляется в финале сказки, где царь Салтан прощает гонителей своей жены, что отражает христианские добродетели; 5) понятие благословения и благодати вырисовывается в магических вмешательствах, помогающих добродетельным героям, подобно православному представлению о божественном провидении.

9. Взаимодействие с народными поэтами. Общение Пушкина с народными поэтами, в частности с Федором Слепушкиным, также способствовало пониманию и восприятию им фольклора. Эти обмены обогатили его творчество и помогли ему включить подлинные народные элементы в свои произведения [см.: 8, с. 138–151].

Следует отметить, что сами произведения Пушкина стали предметом народного творчества. Так, его сказки всегда были излюбленной темой для живописной школы Палеха, знаменитого старинного центра иконописи и лаковых миниатюрных шкатулок.

Таким образом, использование Пушкиным фольклорных мотивов в произведениях обусловлено личным проникновением русской народной культурой, которое совпало с возникшим в меняющемся обществе интересом к народным традициям. Вплетая народные элементы в свои литературные произведения, он создал своеобразный литературно-художественный стиль. Народные сказки давали богатый символический и

повествовательный материал, который Пушкин смог превратить в литературные произведения, ставшие доступными широкой русской аудитории. Наконец, Пушкин считал фольклор кладезем народной мудрости и духовных истин, что проявилось у него в раскрытии таких общечеловеческих тем, как любовь, судьба и справедливость, но в ярко выраженной русской манере.

Описанная тенденция не является уникальной в отношении Пушкина. Она распространяется на литературно-творческий стиль множества писателей – выразителей разных культур. Обычай устного «пересказа» историй пережил возрождение и в тунисской культуре. А. Ю. Коровкина в своей книге, исследуя сложное взаимодействие традиций и модернизации в современной тунисской народной культуре, замечает, что современный фольклорист выступает не только как хранитель фольклора, но и как новатор, адаптируя традиционные истории для отражения актуальных проблем и изменений в обществе. А истории, рассказанные сегодня или составляющие сюжетно-тематическую линию художественных произведений, могут включать в себя современные проблемы и личный опыт, демонстрируя, что фольклор динамичен и продолжает развиваться [\[10, с. 136-139\]](#).

В этой связи настоящая статья в дискуссионном порядке предлагает рассмотреть произведение тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади (аль-Мессади) «Плотина» («Es'soud» (1940/1955), англ. «The dam», фр. «Le Barrage» [\[11\]](#)) как текст, служащий нитью для философского подхода к распознаванию колебаний между различными формами мышления, превращая его в точку пересечения фольклорных мотивов и авторского повествования. Философский феномен романа, а по сути драмы, Махмуда аль-Мас'ади заключается в попытке реализовать ряд современных экзистенциальных концепций, совместив их с древним исламским мистицизмом. Гуманизация темы борьбы с человеческой слабостью, выражающаяся в том, что читателю трудно определить пространственно-временной континуум в повествовании, – послание автора людям действовать и сопротивляться. В таком сопротивлении эпического героя Гилана засухе, преодолении опасностей и страданий, чтобы осуществить свою мечту построить плотину на бесплодной земле, усматривается символизм, сочетающийся с мифологизацией. Сахаба, богиня засухи, угрожает ему и его спутнице Маймуне несчастьями и бедами, если он посмеет подавить свою слабость. Но голос Майари, возникающий в воображении героя, но представленный как реальный, мучает его красочными напоминаниями о неспособности измениться и становится той силой, которая оказалась способной противостоять Сахабе и побудила его к действию.

В самом выборе писателем названия романа видится отсылка к арабской идентичности, скорее к исламскому фону, который возвращает нас к памяти о ковчеге Ноя, построенном им, чтобы защитить человечество. Смысл плотины для аль-Мас'ади – в возрождении жизни на земле, убиваемой природной стихией. Имя Гилан также символично. Оно дано арабами джиннам и демонам, которые являлись человеку, когда он путешествовал по пустыне и безлюдным местам, чтобы сбить его с пути, представляясь в различных формах и состояниях. Аль-Мас'ади изобразил Гилана, буквально воплощающего в себе смысл имени, а именно Упырь, что видно по его действиям, бормотанию. Женское начало играет в этой драме роль интеллектуального присутствия. Так, Маймуна заключает в себе глубинный символический смысл: она совесть и реалистичный барьер, напоминающий Гилану о пределах человеческих возможностей. Напротив, Майари – поэтический, романтический символ человеческой мечты, фантастический призрак, подаривший ему свою любовь, питающий его решимость и толкающий его вперед, несмотря на неудачу предпринятого эксперимента. Она

олицетворяет мечту Гилана.

Гора как образ, на наш взгляд, сопоставима с горой Ухуд, где откровение снизошло на Святого Пророка, а вода для Гилана – это жизнь, символ продолжения жизни, так же, как и небо. Небо – спасательный круг Гилана и единственное решение для перемен. Герой романа говорит владелице земли: «Эта пыльная, морщинистая земля подобна старухе, я оплодотворю ее водой, наполню ее чрево и принесу жизнь». Он верит, что «нет ни одной границы или преграды, которую решимость не смогла бы разрушить». Однако обещание Сахабы сбывается: небо покрывается тучами гнева и мести, и Гилан поднимается с земли на небо. Так заканчивает свое повествование мыслитель, дав читателю повод для размышлений. Перед героем драмы он поставил сложную задачу: построить плотину в трудных условиях и своей решимостью бросить вызов жестокости природы и Вселенной, а в случае неудачи сохранить свою честь, которая и выразилась в попытке преодолеть себя.

«Плотина» Махмуда аль-Мас'ади, таким образом, обнаруживает принадлежность к литературному жанру, который соединил в себе миф, символизм и фольклор. Последнее особенно проявляется в стиле письма: большая часть книги написана на тунисском арабском, или дариджа, что подтверждает осознание тунисской идентичности и приверженность традиционной народной культуре.

Итак, рассмотрение влияния фольклора на самых разных примерах позволяет говорить о его закономерном характере в выражении межнациональной образности.

В заключение можно прийти к выводу о том, что отличие подходов к интеграции фольклора у Пушкина и аль-Мас'ади, состоящее в том, что каждый автор рассматривает народные традиции в контексте своих сюжетов, только усиливает значение фольклорной составляющей для понимания современной литературы. Подход Пушкина – это не просто переработка русских элементов, а приобщение к богатству мировой литературы, преодоление культурных границ и возвышение простонародного языка до уровня литературной изысканности. В пушкинских произведениях фольклор превращается в средство культурной рефлексии и литературного новаторства. В литературе аль-Мас'ади, напротив, фольклор сливается с более современным повествованием, запечатлевая тунисскую идентичность и традиционную культуру через призму существующих проблем. Его подход отражает интеграцию, которая не только оберегает фольклор, но и переосмысливает его в рамках нового времени, позволяя повествованию резонировать с текущей культурной динамикой общественного сознания. Фольклор в этом случае – это не просто наследие прошлого, а живая память, которая продолжает формировать и развивать художественную среду. В итоге складывается комплексное понимание того, как фольклор формирует культурную идентичность и в конечном счете оптимизирует наше отношение к литературе нового времени как средству, соединяющему мудрое слово далекого прошлого и живые реалии в разных культурах. Перспективой дальнейших исследований может стать взаимосвязь между фольклором и современной литературой, что очень важно, поскольку и сам фольклор при сохранении элементов исторических нарративов приобретает новые черты благодаря авторскому влиянию и изменениям в социальной жизни.

Библиография

1. Соймонов А. Д. А.С. Пушкин // Литературное наследство. Т. 79: Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского / Ред. С. А. Макашин [и др.]. М.: Наука, 1968. С. 171-230.
2. Якобсон Р. Пушкин и народная поэзия // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы /

Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 206-209.

3. Azadovsky M., McGavran J. The Sources of Pushkin's Fairy Tales // Pushkin Review / Пушкинский Вестник. 2018. № 20. С. 5-40. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604236>
4. Selivanova L. The Sources of Aleksander Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel": the West, the East, or Russia? // ISTORIYA. 2022. № 13(7(117)) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022356-0-1>. doi: 10.18254/S207987840022356-0
5. Naroditskaya I. The Enigma of the Golden Cockerel: Catch It if You Can // Современные проблемы музыкознания / Contemporary Musicology. 2023. № 3. С. 107-125. doi: 10.56620/2587-9731-2023-3-107-125
6. Касьянова В. М. Сказки А. С. Пушкина как «Энциклопедия русской жизни» // Говор: альманах. 2024. № 8. С. 21-31. doi: 10.48612/govor/tx18-xgh8-5kea
7. Лазарева Л. Н. Празднично-мифологические мотивы в сказках А. С. Пушкина // Вестник ЧелГУ. 1999. №1. С. 111-121.
8. Wachtel M. Pushkin's Turn to Folklore // Pushkin Review / Пушкинский Вестник. 2019. № 21. С. 107-154. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604054>
9. Пушкин А. С. Сказка о медведихе. М.: ООО «ДА!Медиа», 2014.
10. Коровкина А. Ю. Народная культура в современном Тунисе. М.: ИД «Медина», 2019.
11. Messadi M. Le Barrage / trad. A. Guellouz. Arcantere Editions – UNESCO, 1997.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования выступают фольклорные традиции в творчестве выдающегося русского мастера художественного слова А. С. Пушкина и тунисского писателя Махмуда аль-Мас'ади (аль-Мессади). Отмечается, что «Александр Пушкин, которого можно считать отцом русской литературы, оказался под глубоким влиянием русских фольклорных традиций. Его обращение к народным истокам, мифам и устной традиции в целом не только несло в себе художественный потенциал, но и имело исследовательский интерес, отражая глубокое восприятие культурного наследия России». Стоит сказать, что фольклоризм Пушкина становился предметом многочисленных научных изысканий, однако проблема осмысления фольклорных традиций и особенностей их включения в произведения Пушкина недостаточно изучена, чем собственно и обусловлена актуальность данной работы.

Теоретическую основу исследования составили работы таких отечественных и зарубежных ученых, как Р. Якобсон, А. Д. Соймонов, В. М. Касьянова, Л. Н. Лазарева, Л. Селиванова, А. Ю. Коровкина, Марк Азадовский, Джей Макгаврен, Майкл Вахтель и др., посвященные разным аспектам литературного наследия Александра Пушкина и народной культуре в современном Тунисе. Библиография насчитывает 11 источников и соответствует специфике предмета, содержательным требованиям.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами («обобщенное представление фольклоризма Пушкина и выявление закономерности влияния народного достояния на авторскую литературную деятельность») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описание, текстологический анализ, функционально-семантический и лингвокультурологический анализ, а также компаративный метод, который позволил провести параллель относительно рассматриваемого феномена в другой культуре, в частности на примере романа

«Плотина» Махмуда аль-Мас'ади: «такая сравнительная перспектива подчеркивает универсальное значение народного искусства и выделяет общие темы в различных литературных традициях, тем самым обогащая общее понимание того, как народные повествования питают и дополняют литературное творчество», «такой подход позволяет новаторски переплести историко-культурный анализ и литературную оценку, изучить, как метаморфозы народных традиций действуют как на творчество Пушкина, так и на более широкий литературный ландшафт».

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования изучено влияние фольклорных традиций на пушкинскую художественную картину мира; выделены конкретные аспекты его творческого кредо; рассмотрено произведение «Плотина» Махмуда аль-Мас'ади, «как текст, служащий нитью для философского подхода к распознаванию колебаний между различными формами мышления, превращая его в точку пересечения фольклорных мотивов и авторского повествования». Делается вывод о специфике фольклоризма каждого писателя: «отличие подходов к интеграции фольклора у Пушкина и аль-Мас'ади, состоящее в том, что каждый автор рассматривает народные традиции в контексте своих сюжетов, только усиливает значение фольклорной составляющей для понимания современной литературы».

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение творчества А. С. Пушкина, в том числе его фольклорных традиций, а также могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Материалы и результаты работы могут быть использованы в курсах по истории русской литературы XIX века, по устному народному творчеству и др. Следует согласиться с автором(ами), что перспективой дальнейших исследований может стать взаимосвязь между фольклором и современной литературой, поскольку и сам фольклор при сохранении элементов исторических нарративов приобретает новые черты благодаря авторскому влиянию и изменениям в социальной жизни.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Материал является новаторским, представляющим авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Федюнина Д.А. Явление лингвистической интерференции (на материале речи Бекки Джи и Кароль Джи) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77076 EDN: WSHYEB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77076

Явление лингвистической интерференции (на материале речи Бекки Джи и Кароль Джи)

Федюнина Диана Александровна

независимый исследователь

142300, Россия, Московская обл., г. Чехов, ул. Уездная, д. 3

✉ diana_fedyunina@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77076

EDN:

WSHYEB

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2025

Аннотация: Автор рассматривает явление лингвистической интерференции на разных уровнях языка с точки зрения испанского и английского языков в контакте. Целью исследования является определение сходств и различий проявления интерференции в зависимости от родного и второго языка индивида. Автор изучает классификацию ошибок в речи, возникших в результате интерференции, с точки зрения частотности их возникновения. В статье демонстрируются имеющиеся исследования на тему, а также проводится собственный анализ речи носителей английского и испанского языков с целью определения закономерностей возникновения интерференции в зависимости от родного языка говорящего. На материале интервью американской певицы Бекки Джи и колумбийской певицы Кароль Джи автор анализирует случаи возникновения интерференции и приходит к выводу о взаимосвязи родного языка интервьюируемого с допускаемыми им ошибками вследствие языковых контактов. В статье приводятся примеры фонетической, грамматической и лексической интерференции. В ходе исследования были применены методы наблюдения, сравнения, а также качественного и количественного анализа. Научная новизна исследования заключается в выявлении

собственных закономерностей возникновения интерференции в зависимости от контактирующих языков. В результате данного исследования сделаны выводы о взаимосвязи частотности возникновения речевых ошибок вследствие интерференции родного языка говорящего. Выдвинуты предположения о необходимости рассмотрения явления интерференции в рамках конкретной языковой пары. Получен ответ на вопрос о том, всегда ли интерференция в большей степени проявляется на фонетическом уровне языка. Автор предпринимает попытку проследить взаимосвязь между проявлением интерференции и конкретной языковой парой говорящего. Проведен сопоставительный анализ фрагментов речи индивидов с разными языковыми парами. Выявлена тенденция возникновения интерференции в зависимости от родного языка говорящего в контексте английского и испанского языков.

Ключевые слова:

лингвистическая интерференция, фонетическая интерференция, лексическая интерференция, грамматическая интерференция, языковые контакты, языковая пара, интерференционные ошибки, классификация ошибок, билингвизм, уровни языка

Введение

Лингвистическая интерференция занимает центральное положение в исследовании естественного и выученного или искусственного билингвизма, а также преподавания иностранного языка. Явление лингвистической интерференции рассматривали У. Вайнрайх, Л. И. Баранникова, В. Ю. Розенцвейг, Э. М. Ахунзянов, Н. Б. Мечковская, В. А. Виноградов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба и другие. Большинство ученых считают интерференцию характерной исключительно для речи билингвов, однако понятие билингвизма неоднозначно, поскольку значительно варьируется в зависимости от источника определения. Например, согласно Толковому переводческому словарю, билингв должен владеть двумя языками в совершенстве, а Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет билингва как человека, владеющего двумя языками, при этом метод и уровень владения вторым языком не оговаривается [Т. Ф. Ефремова, 2000].

В последнее время все чаще в исследованиях фигурирует понятие выученного или искусственного билингвизма, такого, при котором «второй язык усваивается не естественным путем (через контакты с носителями языка), а является выученным языком (через учителя), а сам билингв практически не использует (или использует спорадически) выученный язык для постоянного общения с его носителями» [В.Ю. Михальченко, 2006]. В нашем исследовании мы будем обращаться к определению В. А. Виноградова: «интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» [\[1\]](#).

В статье мы рассмотрим англо-испанскую и испано-английскую интерференцию на разных уровнях языка. Целью исследования является определение сходств и различий проявления интерференции в зависимости от родного и второго языка индивида. Второй язык – «язык, которым человек овладел после родного языка; впоследствии может остаться функционально вторым или стать функционально первым» [Т.В. Жеребило, 2011].

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: проанализировать теоретическую базу, посвященную изучению испанской интерференции в английском и английской интерференции в испанском языке; с помощью метода наблюдения проследить за речью Кароль Джи и Бекки Джи и выявить случаи возникновения интерференции; провести качественный и количественный анализ случаев возникновения интерференции в речи выбранных индивидов; выяснить, отличается ли проявление интерференции на разных уровнях языка в зависимости от языковой пары говорящего.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием к явлению интерференции со стороны ученых, занимающихся как филологическими, так и педагогическими науками, а также многообразием описаний явления интерференции, нуждающихся в конкретизации.

Научная новизна исследования заключается в выявлении закономерностей возникновения интерференции в зависимости от контактирующих языков.

Практическая ценность работы состоит в перспективе изменения вектора исследования явления лингвистической интерференции и разработки способов борьбы с интерференцией при изучении языка в зависимости от языковой пары обучающегося.

Испано-английская и англо-испанская интерференция: закономерности возникновения

Лингвистическая интерференция подразделяется на звуковую (фонетическую, фонологическую и звуковую-репродукционную) орфографическую, грамматическую, (морфологическую, синтаксическую и пунктуационную), лексическую, семантическую, стилистическую, внутриязыковую. Чаще всего ученые выделяют фонетическую интерференцию как наиболее выраженную в речи, при этом, как правило, языковая пара не уточняется [\[2\]](#). Например, Б. Б. Алиева рассматривает интерференцию в контексте «русского и иностранных языков» [\[3\]](#), а М. Б. Раренко обозначает контактирующие языки как «переводящий и исходный» [\[4\]](#). В данной статье мы предлагаем сузить контекст рассмотрения лингвистической интерференции до конкретной языковой пары и сравнить, в одинаковой ли степени испано-английская и англо-испанская интерференция проявляется на разных уровнях языка. Под языковой парой мы понимаем языки индивида, одним из которых он владеет на уровне носителя, а другим – не ниже профессионального уровня, при этом каждый из этих языков используется постоянно.

Согласно Словарю терминов Института Сервантеса интерференция – это «термин, используемый при обучении иностранному языку и в психолингвистике для обозначения ошибок, допущенных во втором языке, предположительно вызванных их контактом с первым языком». В этой же словарной статье также говорится, что фонетический уровень языка, а, точнее, просодический, является одним из наиболее подверженных интерференции, при этом приводятся примеры конкретных языковых пар, где родной язык –испанский.

В университете Гуанахуато (Мексика) был проведен эксперимент среди испаноязычных индивидов, второй язык которых – английский. В результате эксперимента было выявлено, что при разговоре на английском языке, несмотря на высокий уровень владения, опрашиваемые применяли синтаксис испанского языка, например,

использовали некорректный порядок слов в словосочетаниях, состоявших из существительного и прилагательного [5].

Похожее исследование было проведено в Эквадоре среди учеников старшей школы.

Для исследования проводилось тестирование среди 351 учащихся и 42 учителей, где письменное задание представляло собой написание текста. Результаты эксперимента показали, что наиболее частые случаи возникновения интерференции зафиксированы на грамматическом уровне языка, а именно была зафиксирована морфологическая и синтаксическая интерференция, а также на лексическом уровне, где чаще всего возникала семантическая интерференция. Среди конкретных ошибок отмечают некорректное использование значения глагола, опущение личных местоимений и местоимений в функции дополнения, некорректное использование предлогов, чрезмерное употребление артиклей и неправильный порядок слов в предложении. Несмотря на то, что тестирование было письменным, а значит, не охватывало устную речь и фонетический уровень языка, можно сделать вывод о том, что грамматическая и лексическая интерференция занимают особое место при классификации ошибок, вызванных языковыми контактами [6].

В качестве практической части данного исследования мы сравнили проявления англо-испанской и испано-английской интерференции. В ходе работы мы использовали два интервью длительностью примерно по пять минут каждое и выявили закономерности возникновения ошибок. Проанализировав полученные данные, мы выделили наиболее распространенные нарушения норм и проиллюстрировали их конкретными примерами.

Исследования англо-испанской интерференции практически отсутствуют, однако, авторы заявляют, что англоговорящим носителям тяжело дается фонетика испанского языка, а именно, правила постановки ударений [7]. Мы провели собственный анализ речи американской певицы Бекки Джи. Выбор индивида для анализа был обусловлен следующими критериями.

Во-первых, индивид должен быть носителем английского языка. Во-вторых, вторым языком индивида должен быть испанский, при этом условия его освоения не учитываются. В-третьих, мы руководствовались тем, чтобы индивид был публичной личностью, поскольку в этом случае проверить свои доводы возможно на материале официальных интервью.

Для анализа мы выбрали интервью из телепередачи «Дон Франсиско приглашает», где певица сама заявляет, что испанский язык является для неё не родным, а выученным. На протяжении всего интервью гостя шоу демонстрирует разнообразную, естественную речь на испанском языке, и несмотря на то, что сама исполнительница отмечает, что думает на английском языке, интерференции в ее речи не отмечено ни на одном из языковых уровней.

Для сравнения мы выбрали интервью колумбийской певицы Кароль Джи в программе «Вечернее шоу с Джимми Фэллоном в главной роли», формат которой совпадает с передачей «Дон Франсиско приглашает». Выбор героини для сопоставления с Бекки Джи также был обусловлен несколькими критериями: индивид должен быть носителем испанского языка; вторым языком индивида должен быть английский; индивид также должен являться публичной личностью. Кароль Джи подходит для данного эксперимента не только по выделенным критериям, но и относится к тому же поколению, что и Бекки Джи, разница в возрасте исполнительниц составляет шесть лет. Кроме того, оба

выбранных индивида являются представителями одной и той же индустрии, а также совпадает жанр выбранного для анализа материала.

На момент интервью исполнительница проживала в Нью Йорке в течение восьми лет. Как и при экспериментах, проведенных в университете Ганахуато и эквадорской школе, мы выявили грамматическую и лексическую интерференцию в речи певицы. Например, слово «people» она использует с указательным местоимением в единственном числе: "That people is everything". Певица также выбирает глагол в форме единственного числа. Это можно объяснить тем, что в испанском языке слово «люди» – «gente» также имеет форму только единственного числа. Кроме того, за певицей было замечено некорректное употребление глагола в словосочетании «заниматься музыкой», для использования которого она говорит «do music» вместо «make music». Причиной этой ошибки также является интерференция, поскольку в испанском языке это выражение звучит как «hacer música» – буквально «делать музыку». Фонетическая интерференция также отчетливо слышна в речи Кароль Джи. При качественном анализе мы выявили, что самую большую трудность представляет произнесение твердого согласного звука /l/ в конце слога (/ˈri:pl/, а не /ˈri:plʲ/, как произносит певица), а также межзубных звуков. Такие ошибки с точки зрения интерференции закономерны, поскольку в латиноамериканском варианте испанского языка межзубных звуков нет, а фонема /l/ в конце слога всегда произносится мягко. Тем не менее, в результате количественного анализа мы выяснили, что общее число фонетических ошибок в речи певицы не преобладает над ошибками другого типа. Следует отметить, что в речи Кароль Джи также присутствуют единоразовые нарушения и других фонетических норм, однако данные отклонения мы не относим к интерференционным ошибкам, поскольку они не являются закономерными несмотря на повторяемость потенциальных случаев возникновения интерференции.

Проанализировав речь Бекки Джи и Кароль Джи мы выявили, что лингвистическая интерференция в гораздо более значительной степени проявляется в речи Кароль Джи, родной язык которой – испанский. Результаты мы отобрали в таблице 1.

Индивид	Фонетическая интерференция	Грамматическая интерференция	Лексическая интерференция	Общее количество закономерных случаев интерференции
Бекки Джи	–	–	–	0
Кароль Джи	1) Произнесение твердого звука /l/ в конце слога; 2) Произнесение межзубных звуков;	1) Использование некорректного местоимения; 2) Использование некорректной формы глагола;	1) Использование некорректного глагола в словосочетании вследствие калькирования.	5

Таблица 1

На основе проведенного анализа мы делаем вывод, что возникновение интерференции в речи может зависеть от родного языка, что говорит о необходимости исследования лингвистической интерференции относительно конкретной языковой пары. С учетом того, что по сравнению с количеством исследований испано-английской интерференции данные об англо-испанской интерференции практически отсутствуют, мы можем сделать вывод, что интерференция в английской речи носителей испанского языка возникает чаще, чем в испанской речи у носителей английского. В случае с Бекки Джи нам известно, что испанский язык является для певицы выученным. Кроме того, американская певица подтверждает, что ее повседневное общение не включает в себя нахождение в испаноязычной среде, поскольку в интервью певица упоминает свое англоязычное окружение. При этом лингвистическая интерференция в речи певицы на испанском языке отсутствует, что говорит о незначительности способа освоения языка и языковой среды говорящего как факторов возникновения интерференции. Однако данные факторы могут иметь значение в языковой паре испанский-английский, поскольку в случае с Кароль Джи также известно, что певица учила английский язык академически, но в ее речи возникает интерференция.

Таким образом, в результате анализа существующих исследований на тему испано-английской интерференции, а также собственного анализа английской речи носителя испанского языка мы выявили, что в случае контакта испанского и английского языков, где испанский язык родной, интерференция проявляется на грамматическом, лексическом и фонетическом уровнях языка.

При контакте английского и испанского языков в речи носителя английского интерференция не обнаружена.

На основании данного сопоставления мы делаем вывод о взаимосвязи между родным языком индивида и возникновением интерференции при разговоре на иностранном языке.

Заключение

Изучением лингвистической интерференции исследователи не перестают заниматься по сей день. Разнообразие определений данного понятия, а также понятия двуязычия порождает неоднозначность в выявлении закономерностей возникновения интерференции в речи, при этом недостаточное количество практического материала, доказывающего имеющиеся положения, ведет к расхождениям теории с реальной языковой ситуацией.

В данной статье мы рассмотрели англо-испанскую и испано-английскую интерференцию на разных уровнях языка, проанализировав уже имеющиеся эксперименты на эту тему. Мы также провели собственное исследование, в качестве практического материала которого мы выбрали речь двух индивидов одного пола, примерно одного возраста и относящихся к одинаковой сфере деятельности, родной и освоенный язык которых находятся в контакте. При помощи качественного и количественного анализа нам удалось установить взаимосвязь возникновения феномена интерференции в зависимости от родного языка говорящего. В ходе исследования было выявлено, что носитель испанского языка более склонен к возникновению интерференции в речи на английском языке, чем носитель английского языка, разговаривающий на испанском. Кроме того, было определено, что интерференция не всегда проявляется в большей степени на фонетическом уровне языка, что позволяет сделать предположение об индивидуальности интерязыка. На основе полученных данных мы сделали вывод о том,

что явление лингвистической интерференции стоит рассматривать с учетом первого и второго языков говорящего, поскольку степень проявления данного феномена в речи и закономерности его возникновения могут отличаться в зависимости от языков, с которыми контактирует индивид.

Библиография

1. Виноградов В.А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
2. Избаева Н.М. Интерференция на фонетическом уровне // Universum: филология и искусствоведение. 2024. № 1 (115). С. 29-31. DOI: 10.32743/UniPhil.2024.115.1.16641 EDN: KZBAFP
3. Алиева Б.Б. Фонетическая интерференция и ее причины // World science. 2018. № 7 (35).
4. Раренко М.Б. Интерференция как объект лингвистического исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. 2022. № 4. С. 73-38. DOI: 10.31249/ling/2022.04.06 EDN: KVERCN
5. Narvaez Flores T.J. Center for Open Access in Science // Open Journal for Studies in Linguistics. 2023. № 6 (2). С. 45-50. DOI: 10.32591/coas.ojsl.0602.01045n EDN: VPDLDI
6. Cabrera Solano P.A., Gonzalez Torres P.F., Ochoa Cueva C.A., Quinonez Beltran A.L., Castillo Cuesta L.M., Solano Jaramillo L.M., Espinosa Jaramillo F.O., Arias Cordova M.O. Spanish Interference in EFL Writing Skills: A Case of Ecuadorian Senior High Schools // English Language Teaching. 2014. Т. 7. № 7. С. 40-48.
7. Romanelli S., Menegotto A.C. English Speakers Learning Spanish: Perception Issues Regarding Vowels and Stress // Journal of Language Teaching and Research. 2015. Т. 6. № 1. С. 30-42.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу англо-испанской и испано-английской интерференции на разных уровнях языка, что позволяет отнести её к области контактной лингвистики, билингвизма и экспериментальной прагмалингвистики. Предмет исследования определён чётко: автор ставит целью сопоставить проявления интерференции у носителей английского языка, говорящих по-испански, и у носителей испанского, говорящих по-английски, выявить различия в характере и степени выраженности интерференции, а также определить, зависит ли интенсивность интерференции от того, какой язык является родным, а какой выученным. Привлечение реальной речевой практики двух известных публичных персон — Бекки Джи и Кароль Джи — придаёт работе практическую направленность и повышает достоверность наблюдений, поскольку анализ проводится на естественном устном дискурсе, а не на искусственно созданных тестовых заданиях.

Методология исследования сочетает качественный и количественный анализ фактического материала, а также опирается на классические подходы к изучению языковых контактов, заложенные Вайнрайхом, Виноградовым, Баранниковой и др. Автор

подробно излагает критерии отбора испытуемых, принципы наблюдения за речью, способы фиксации и классификации ошибок. Методологически значимым является комплексное рассмотрение интерференции на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, что позволяет избежать односторонности и показать интерференцию как многослойное явление. Более того, автор активно сопоставляет собственные результаты с предыдущими экспериментами в Мексике и Эквадоре, сопоставляя данные в разных коммуникативных и образовательных контекстах. Такой подход позволяет говорить об обоснованности выводов и корректной организации исследования.

Актуальность работы связана с тем, что испано-английский билингвизм — один из самых распространённых и активно изучаемых в мире типов билингвизма, однако эмпирические исследования, сопоставляющие интерференцию в обе стороны языковой пары, по-прежнему немногочисленны. В научной литературе действительно существует дисбаланс: исследования испанской интерференции в английском достаточно обширны, но анализ обратного явления — англо-испанской интерференции — представлен гораздо слабее. Статья восполняет этот пробел, предлагая оригинальный сравнительный материал, основанный на живой речи. Кроме того, работа актуальна и в практическом смысле: её выводы могут быть использованы при обучении английскому и испанскому языкам, корректировке программ для билингвов и разработке методик распознавания интерференции.

Научная новизна статьи заключается в выявлении асимметрии интерференции в языковой паре «испанский — английский». Автор убедительно показывает, что у носителя испанского языка, говорящего по-английски (Кароль Джи), интерференция проявляется регулярно и на разных уровнях: грамматическом (ошибки согласования: *That people is...*), лексическом (калькирование: *do music* вместо нормативного *make music*), фонетическом (мягкая /l/ в конце слога, трудности с межзубными согласными). В то же время речь носителя английского, говорящего по-испански (Бекки Джи), практически не демонстрирует интерференции, что позволяет авторам предположить более сильное влияние испанского как родного языка в билингвальном взаимодействии. Этот вывод представляет значительный научный интерес и может стимулировать дальнейшие исследования асимметрии интерференции в других языковых парах.

Стиль и структура статьи отличаются академичностью, последовательностью и хорошей аргументированностью. Текст выстроен логично: от обзора теоретических подходов и обсуждения понятий билингвизма и интерференции — к анализу существующих работ по испано-английской интерференции и затем к собственному эксперименту. Материал представлен ясно и детально, приведены разборы конкретных примеров, что делает выводы прозрачными и убедительными. Сильной стороной статьи является её опора как на теоретическую базу, так и на собственные наблюдения, что формирует исследование как методологически комплексное. Единственным аспектом, который можно усилить, остаётся формализация результатов: графическое представление количественных данных (таблицы, диаграммы) позволило бы лучше структурировать выводы.

Библиография статьи представляет собой сочетание классических трудов по контактной лингвистике и современных исследований по испано-английскому билингвизму. Источники подобраны корректно и отражают междисциплинарный характер работы: в список включены психолингвистические, педагогические, лингвистические и социолингвистические исследования. Особенно ценно привлечение англоязычных и испаноязычных источников, что расширяет научный контекст статьи и демонстрирует владение автором международной исследовательской базой.

Апелляция к оппонентам представлена в виде сопоставления подходов разных исследователей к пониманию интерференции и билингвизма. Автор показывает

неоднозначность терминологии, различия в трактовках билингвизма и закономерностей интерференции, что делает исследование включённым в более широкую научную дискуссию.

Выводы статьи убедительны и отвечают заявленным целям. Сделанное авторами обобщение о зависимости степени интерференции от родного языка представляет интерес для теоретической и прикладной лингвистики. Работа может быть полезна преподавателям иностранного языка, специалистам по билингвизму, исследователям речевой практики публичных персон, а также студентам-лингвистам.

Статья отличается высокой степенью проработанности и научной ценностью. Рекомендуется незначительная доработка исследования. Автору можно предложить:

1. представить количественные данные в виде таблиц, позволяющих визуализировать различия между двумя типами интерференции;
2. уточнить метод фиксации устной речи (продолжительность записей, объём анализируемого материала, принципы выбора примеров);
3. привести более широкое обсуждение возможных факторов, влияющих на асимметрию интерференции (языковая среда, обучение, частота использования).

После небольших корректировок статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена анализу англо-испанской и испано-английской интерференции на разных уровнях языка, что позволяет отнести её к области контактной лингвистики, билингвизма и экспериментальной прагмалингвистики. Предмет исследования определён чётко: автор ставит целью сопоставить проявления интерференции у носителей английского языка, говорящих по-испански, и у носителей испанского, говорящих по-английски, выявить различия в характере и степени выраженности интерференции, а также определить, зависит ли интенсивность интерференции от того, какой язык является родным, а какой выученным. Привлечение реальной речевой практики двух известных публичных персон — Бекки Джи и Кароль Джи — придаёт работе практическую направленность и повышает достоверность наблюдений, поскольку анализ проводится на естественном устном дискурсе, а не на искусственно созданных тестовых заданиях.

Методология исследования сочетает качественный и количественный анализ фактического материала, а также опирается на классические подходы к изучению языковых контактов, заложенные Вайнрайхом, Виноградовым, Баранниковой и др. Автор подробно излагает критерии отбора испытуемых, принципы наблюдения за речью, способы фиксации и классификации ошибок. Методологически значимым является комплексное рассмотрение интерференции на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, что позволяет избежать односторонности и показать

интерференцию как многослойное явление. Более того, автор активно сопоставляет собственные результаты с предыдущими экспериментами в Мексике и Эквадоре, сопоставляя данные в разных коммуникативных и образовательных контекстах. Такой подход позволяет говорить об обоснованности выводов и корректной организации исследования.

Актуальность работы связана с тем, что испано-английский билингвизм — один из самых распространённых и активно изучаемых в мире типов билингвизма, однако эмпирические исследования, сопоставляющие интерференцию в обе стороны языковой пары, по-прежнему немногочисленны. В научной литературе действительно существует дисбаланс: исследования испанской интерференции в английском достаточно обширны, но анализ обратного явления — англо-испанской интерференции — представлен гораздо слабее. Статья восполняет этот пробел, предлагая оригинальный сравнительный материал, основанный на живой речи. Кроме того, работа актуальна и в практическом смысле: её выводы могут быть использованы при обучении английскому и испанскому языкам, корректировке программ для билингвов и разработке методик распознавания интерференции.

Научная новизна статьи заключается в выявлении асимметрии интерференции в языковой паре «испанский — английский». Автор убедительно показывает, что у носителя испанского языка, говорящего по-английски (Кароль Джи), интерференция проявляется регулярно и на разных уровнях: грамматическом (ошибки согласования: *That people is...*), лексическом (калькирование: *do music* вместо нормативного *make music*), фонетическом (мягкая /l/ в конце слога, трудности с межзубными согласными). В то же время речь носителя английского, говорящего по-испански (Бекки Джи), практически не демонстрирует интерференции, что позволяет авторам предположить более сильное влияние испанского как родного языка в билингвальном взаимодействии. Этот вывод представляет значительный научный интерес и может стимулировать дальнейшие исследования асимметрии интерференции в других языковых парах.

Стиль и структура статьи отличаются академичностью, последовательностью и хорошей аргументированностью. Текст выстроен логично: от обзора теоретических подходов и обсуждения понятий билингвизма и интерференции — к анализу существующих работ по испано-английской интерференции и затем к собственному эксперименту. Материал представлен ясно и детально, приведены разборы конкретных примеров, что делает выводы прозрачными и убедительными. Сильной стороной статьи является её опора как на теоретическую базу, так и на собственные наблюдения, что формирует исследование как методологически комплексное.

Библиография статьи представляет собой сочетание классических трудов по контактной лингвистике и современных исследований по испано-английскому билингвизму. Источники подобраны корректно и отражают междисциплинарный характер работы: в список включены психолингвистические, педагогические, лингвистические и социолингвистические исследования. Особенно ценно привлечение англоязычных и испаноязычных источников, что расширяет научный контекст статьи и демонстрирует владение автором международной исследовательской базой.

Апелляция к оппонентам представлена в виде сопоставления подходов разных исследователей к пониманию интерференции и билингвизма. Автор показывает неоднозначность терминологии, различия в трактовках билингвизма и закономерностей интерференции, что делает исследование включённым в более широкую научную дискуссию.

Выводы статьи убедительны и отвечают заявленным целям. Сделанное авторами обобщение о зависимости степени интерференции от родного языка представляет интерес для теоретической и прикладной лингвистики. Работа может быть полезна

преподавателям иностранного языка, специалистам по билингвизму, исследователям речевой практики публичных персон, а также студентам-лингвистам.

Статья отличается высокой степенью проработанности и научной ценностью. Полагаем, что ее можно рекомендовать к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван Т., Жданова Л.А. Синонимы слова болезнь в идиолекте Ф. М. Достоевского // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77299 EDN: WQFQLP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77299

Синонимы слова болезнь в идиолекте Ф. М. Достоевского

Ван Тяньсюе

соискатель; кафедра русского языка филологического факультета; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

129327, Россия, г. Москва, Бабушкинский р-н, ул. Чичерина, д. 8

✉ oksana.09231213@gmail.com

Жданова Лариса Александровна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1 стр. 51

✉ zhdaia@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77299

EDN:

WQFQLP

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2025

Аннотация: Предметом исследования являются синонимы существительного болезнь в идиолекте Ф. М. Достоевского в сравнении с общим употреблением, определяемым с опорой на словари и данные Национального корпуса русского языка. Из большого синонимического ряда, существовавшего в современном ему русском языке, писатель использует всего пять синонимов слова болезнь, а именно: нездоровье, недуг, немощь, немочь и хворость. Цель работы – описать специфику идиолекта писателя, проявляющуюся как в выборе слов, так и в распределении их употреблений по разным типам текстов (художественному и эпистолярному). Тип текста является значимым для предпочтений писателя: некоторые синонимы он использует только в художественных

произведениях (немошь, немочь), другие – преимущественно или исключительно в личных письмах, относя их к себе или своим близким (нездоровье, хворость). В исследовании применялись общенаучные и специальные методы филологического анализа: описательный, количественный, сопоставительный, биографический, в рамках функционально-семантического подхода использовался лексико-семантический анализ с элементами компонентного и концептуального анализа. Новизна работы обусловлена тем, что, несмотря на значимость темы болезни в художественном творчестве и в жизни Ф. М. Достоевского, лексика соответствующего семантического поля еще не была предметом специального лингвистического исследования. В статье выявляется специфика идиолекта писателя в пределах рассматриваемой группы лексики. Так, Ф. М. Достоевский вообще не использует слова заболевание и недомогание, вероятно в силу их книжного характера, разговорному хворь предпочитает менее частотное в общем употреблении хворость. Наиболее употребительным в идиолекте писателя (после доминанты болезнь) является слово нездоровье, которое представлено преимущественно в личных письмах. Оно используется обычно в функции эвфемизма в составе синтаксиса с предлогами по, за, от в значении причины (по нездоровью) и сопровождается лексикой, указывающей на невыполнение действия. Разговорное существительное хворость употребляется в сходной функции и представлено исключительно в личных письмах писателя. Слова недуг, немощь и немочь, напротив, представлены в основном в художественном творчестве. Употребления слов недуг и немощь в идиолекте писателя имеют существенные отличия от словарных дефиниций.

Ключевые слова:

идиолект, Ф. М. Достоевский, личные письма, семантическое поле болезнь, синонимы, эвфемизм, нездоровье, недуг, немощь, хворость

Введение. Общеизвестно, что тема болезни является одной из центральных для Ф. М. Достоевского и находит отражение как в его художественном творчестве, так и в личной переписке. Лексика семантического поля 'болезнь' (глагол *болеть*, его производные, в том числе существительное *болезнь* с синонимами, названия болезней и их симптомов и т. д.) широко представлена в текстах писателя, что обусловлено в первую очередь особенностями его биографии: эпилепсия, ранние смерти от разных болезней близких родственников: матери, первой жены, старшего брата, первой дочери, сына (об этом см. [1]). Конечно, нельзя рассматривать особенности идейного содержания произведений писателя и поступки его персонажей исключительно через призму биографии, однако особое место лексики поля 'болезнь' в его идиолекте несомненно, и эта лексика нуждается в пристальном изучении, которое до сих пор не было произведено в полном объеме. Результаты изучения некоторых фрагментов поля представлены в [2], [3], [4]. Данная статья посвящена еще одному фрагменту поля, а именно употреблению синонимов слова *болезнь* в полном корпусе текстов Ф. М. Достоевского на фоне общего употребления, которое определяется по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) и словарям. В данной статье не рассматривается само слово *болезнь*, которое является доминантой синонимического ряда и наиболее частотной единицей поля в идиолекте писателя (657 употреблений согласно «Статистическому словарю языка Ф. М. Достоевского» [5] (далее — ССЯД), так как оно заслуживает отдельного подробного описания.

Основная часть. Чтобы выявить особенности использования синонимического ряда с

доминантой *болезнь*, необходимо определить состав этого ряда с учетом динамического аспекта. В современном Ф. М. Достоевскому «Толковом словаре живого великорусского языка» (далее — Словарь Даля) В. И. Даль объясняет *болезнь* синонимическим способом, используя такие слова: «*болезнь*, боля ж. боль, хворь, хиль, немочь, недуг, нездоровье; по объяснению врачей: нарушение равновесия в жизненных отправлениях» [6, с. 97]. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее — Словарь Евгеньевой) приводятся следующие синонимы к слову *болезнь* (полужирным шрифтом нами выделены пересечения со Словарем Даля): «**недуг**, *заболевание*, *недомогание*, **нездоровье**, *немошь* (разг.), **немочь** (разг.), **хворь** (разг.), *хворость* (разг.)» [7, т. 1, с. 80].

По данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) наиболее употребительным в основном корпусе — с большим отрывом — является доминанта ряда — слово *болезнь* (57103 примера в 13707 текстах), его самый распространенный синоним *заболевание* дает 11661 пример в 3968 текстах, то есть употребительность меньше примерно в 5 раз, чем у *болезнь*; далее по уменьшению количества употреблений следует *недомогание* — 1257 примеров в 838 текстах; *недуг* — 3987 примеров в 2297 текстах, *нездоровье* — 1195 примеров в 869 текстах; *немочь* — 484 примера в 328 текстах; *немошь* — 2070 примеров в 1125 текстах; *хворь* — 562 примера в 416 текстах; *хворость* — 263 примера в 144 текстах [8]. Таким образом, наиболее употребительные синонимы слова *болезнь* в настоящее время — **заболевание** и **недомогание**. По данным ССЯД, наиболее частотным синонимом слова *болезнь* в идиолекте Ф. М. Достоевского является **нездоровье** (32 раза, что меньше, чем у доминанты ряда *болезнь* в 20 раз), далее по уменьшению: *немошь* (11 раз), *хворость* (6 раз), *недуг* (5 раз), *немочь* (4 раза), *хворь* отсутствует. Наиболее частотные в современных употреблениях синонимы *заболевание* и *недомогание* в текстах Ф. М. Достоевского вообще отсутствуют. Таким образом, идиолект Ф. М. Достоевского демонстрирует существенные отличия как от языковой ситуации XX–XXI веков, отраженной в основном корпусе НКРЯ, так и от материалов Словаря Даля, отражающих современную писателю языковую ситуацию.

Анализ данных панхронического корпуса НКРЯ позволяет установить следующие хронологические параметры употребления слов, отсутствующих в текстах Ф. М. Достоевского: *заболевание* впервые фиксируется в НКРЯ с 1798 года, однако до 1881 г. (года смерти писателя) отмечено 57 употреблений в 19 текстах, в основном принадлежащих гигиенисту Ф. Ф. Эрисману; *недомогание* фиксируется в НКРЯ с 1789 года, однако использование слова до начала XX века остается крайне редким (выборка от первой фиксации до 1881 года дает всего 10 примеров). Как следует из описательной части словарной статьи Словаря Евгеньевой, оба отглагольных существительных и в XX веке имеют книжную окраску. Можно предположить, что данные слова не используются Ф. М. Достоевским именно из-за их книжной стилистической окраски. Слово *хворь*, напротив, характеризуется словарями как разговорное и представлено в современной автору художественной литературе (например, у В. А. Слепцова, П. И. Мельникова-Печерского). Однако и оно отсутствует в текстах Достоевского, предпочитающего однокоренное *хворость*, в общем употреблении менее частотное. Более частотное в общем употреблении *недуг* в идиолекте писателя существенно уступает слову *нездоровье*, являющемуся самым частым у Достоевского синонимом к *болезнь*.

Представим данные об использовании синонимов слова *болезнь* в идиолекте Ф. М. Достоевского в виде таблицы (см. таблица 1 по материалам [5]).

Полужирным шрифтом нами выделены цифры, показывающие, что предпочтения писателя разнятся в зависимости от типа текстов: некоторые слова он использует исключительно в художественных произведениях (*немошь, немочь*), другие — в личной переписке (*нездоровье, хворость*).

Таблица 1 Частота синонимов слова *болезнь* в разных жанрах

Слово	Общая частотность	Художественная литература	Критика и публицистика	Письма
<i>нездоровье</i>	32	8	1	23
<i>немошь</i>	11	8	3	0
<i>хворость</i>	6	0	0	6
<i>недуг</i>	5	3	0	2
<i>немочь</i>	4	4	0	0

Рассмотрим особенности авторского употребления каждого из синонимов.

Нездоровье.

Существительное *нездоровье* образовано при помощи приставки *не-* от *здоровье* и является для него неточным антонимом (точный антоним — *болезнь*). *Нездоровье* и *болезнь* имеют семантические различия: *нездоровье* обозначает менее тяжелое состояние, чем *болезнь*, либо недифференцированное состояние, когда конкретная болезнь не диагностирована. Дефиниция *нездоровье* в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее — МАС) такова: «Болезненное состояние, недомогание» [9, т. 2, с. 445], то есть МАС отражает семантические различия между *болезнь* и *нездоровье*. Однако как в общем употреблении, так и в идиолекте Ф. М. Достоевского *нездоровье* обычно используется в качестве эвфемизма: слово может быть отнесено к состоянию той же тяжести, что и *болезнь*, но смягчает для адресата неприятную информацию. Следует отметить, что употребление слова *нездоровье* у Достоевского гораздо чаще встречается в личных письмах (23 раза), чем в художественных текстах, и в основном в эвфемистической функции. Однако в выборке представлены и контексты, где *нездоровье* противопоставлено болезни именно как менее тяжелое состояние: «Если жалуетесь на *нездоровье*, то не имеете все-таки смертельной болезни, и дай Вам бог много лет здравствовать, ну, а меня извините» (личные письма) [10, т. 30, кн. 1, с. 217].

Рассмотрим контексты со словом *нездоровье* в текстах Ф. М. Достоевского. В почти трети случаев (в десяти из 32-х) слово представлено в синтаксеме **по *нездоровью***, где предлог *по* имеет значение '**по причине**': «по *нездоровью* не могут принять» («Бесы») [10, т. 10, с. 168]; «отказались по *нездоровью* сопровождать» («Бесы») [10, т. 10, с. 228]; «свидетель не может явиться по внезапному *нездоровью*» («Братья Карамазовы») [10, т. 15, с. 115]; «работа...приостановилась и по *нездоровью* и по развлечениям служебным» (личные письма) [10, т. 28, кн. 1, с. 292]; «Я хотел ехать по *нездоровью* за границу» (личные письма) [10, т. 28, кн. 2, с. 95]; «запоздал же я отвечать сначала по *нездоровью*» (личные письма) [10, т. 29, кн. 1, с. 15]; «по *нездоровью* не в силах наблюдать за обоими изданиями» (личные письма) [10, т. 30, кн. 1, с. 32]; «не мог кончить работу по *нездоровью*» (личные письма) [10, т. 30, кн. 1, с. 76]; «По усилившемуся *нездоровью* моему, из-за которого сижу теперь в Эмсе и пью воды, я с ним запоздал» (личные письма) [10, т. 30, кн.

[1, с. 91\]](#).

Реже в идиолекте представлено использование предлога **за** в том же значении 'по причине' (для современного языка такое употребление предлога является устаревшим): «Служить где-нибудь в казенном месте он не мог за нездоровьем» («Бедные люди») [\[10, т. 1, с. 44\]](#); «он все гонит меня служить» («Униженные и оскорбленные») [\[10, т. 3, с. 205\]](#); «Разбирая письма, на которые, за всяким недосугом и нездоровьем, не ответил» (Личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 8\]](#); «На Ваше письмо от 20 февраля отвечаю лишь теперь, через месяц, за недосугом и нездоровьем» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 16\]](#). Однократно для выражения причины используется предлог **от**: «выходить из священства от нездоровья» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 202\]](#).

Обратим внимание, что в подавляющем большинстве случаев в контекстах с указанными синтаксемами представлена лексика со значением **негации или невыполнения действия** (не могут, не мог, отказались, приостановилась, запоздал, не ответил и др.).

Значение 'по причине' представлено и в других контекстах со словом нездоровье: «крайнее нездоровье не позволит ему явиться лично» («Вечный муж») [\[10, т. 9, с. 61\]](#); «Здесь мне очень трудно работать — нездоровье и домашние обстоятельства» (личные письма) [\[10, т. 28, кн. 2, с. 153\]](#).

Есть контексты, где Достоевский прямо использует слово *причина* по отношению к нездоровью, например объясняя, почему долго не писал письма: «Ну а затем, почти вплоть до сих пор еще пущее нездоровье, все падучая и мрачное затем расположение духа. Ну вот это первая причина, верьте ей» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 11\]](#); «Главная причина задержки — мелкие, глупейшие хлопоты, вроде публичных чтений и проч., но которых нельзя обойти, а пуще всего жестокое нездоровье» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 232\]](#).

Извинение за собственное промедление и даже некоторое самоуничижение просматриваются в использовании сниженного *возиться* по отношению к своему состоянию: «Только сегодня могу уехать из Петербурга на время, а до сих пор все суетился в хлопотах и возился с нездоровьем» (личные письма) [\[10, т. 29, кн. 2, с. 156\]](#).

Наконец, в двух случаях Ф. М. Достоевский настойчиво просит прощения, ссылаясь на нездоровье как основную причину невыполнения обязательств или задержку письменного ответа: «Простите ли Вы мне, что отвечаю Вам так поздно? Много было дела, много разных забот, а пуще всего - нездоровье. Во всяком случае прошу — простите. Не лень и не небрежность были причиной замедления» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 15\]](#). «Простите, что так долго не отвечал вам; кроме действительного нездоровья моего, были и еще обстоятельства замедления» (личные письма) [\[10, т. 30, кн. 1, с. 21\]](#).

Нездоровье может быть представлено не только как истинная причина невыполнения какого-либо действия, но и как конвенционально допустимое основание такого невыполнения: «...а я все отговариваюсь нездоровьем» («Униженные и оскорбленные») [\[10, т. 3, с. 205\]](#).

Совокупное количество контекстов, где нездоровье представлено как причина невыполнения какого-либо действия (в основном задержки с ответами на письма),

составляет 22 — две трети от общего количества употреблений слова *нездоровье*, причем в 18 случаях — в личных письмах, то есть составляют подавляющее большинство употреблений слова в личных письмах, где в основном относятся к самому писателю.

Рассмотрим остальные пять контекстов из личных писем.

Сочетание *жаловаться на нездоровье* встречается два раза в личных письмах по отношению к состоянию здоровья других людей: «Боже, какой *Вы были* еще тогда *молодец*, а *теперь* вот *жалуетесь на нездоровье!* Но уж если ездить за границу, то, по крайней мере, хоть здоровье-то вывезти оттуда» (личные письма) [10, т. 29, кн. 1, с. 228]. Еще один пример процитирован выше.

Также писатель выражает обеспокоенность чужим нездоровьем и сопоставляет слово *нездоровье* с отрицательно оценочной лексикой: «Меня *очень беспокоит* то, что *Вы пишете о нездоровье Саши; это дурно*» (личные письма) [10, т. 29, кн. 1, с. 23]; «Средства наши иногда очень плохи, например в настоящую минуту, а уж это дурно при *нездоровье Ани*» (личные письма) [10, т. 29, кн. 1, с. 165]; «Если *к твоим неудачам привяжется наконец и нездоровье*, то что же тогда будет?» (личные письма) [10, т. 29, кн. 2, с. 23]

Немощь и немочь.

Эти слова отсутствуют в личных письмах писателя. Слово *немочь* встречается исключительно в художественном наследии писателя (4 раза), *немощь* там же представлено 8 раз и еще 3 раза в публицистике. Оба слова являются стилистически маркированными и в словарях обычно интерпретируются как варианты (например, толкование *немочь*: «то же, что *немощь*» [9, т. 2, с. 445]). Слово *немощь* объясняется как «болезнь, недомогание, слабость» [9, т. 2, с. 445]. Это толкование, указывающее на легкую степень болезни, не вполне отражает употребления *немощь* в идиолекте Ф. М. Достоевского.

В художественной прозе писателя *немощь* актуализируется в значении 'очень сильная физическая и психическая слабость, полное истощение организма': «Но только что хотел было он *привстать*, как тут же, в *немощи* и *бессилии*, упал опять на прежнее место» («Двойник») [10, т. 1, с. 182]; «враг тогда *утомил* его и *немощь* наслал на него» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 296]; «*истощив свои силы* и удрученный телесною и душевною *немощью*» («Роман в девяти письмах») [10, т. 1, с. 233]. Таким образом, в отличие от словарного толкования, *немощь* у Достоевского — крайнее отсутствие сил, вызванное физической или психической болезнью или старостью: «он сам понимал, что *состарился* скорее не количеством, а, так сказать, качеством лет и что если уж и начались его *немощи*, то скорее *изнутри*, чем *снаружи*» («Вечный муж») [10, т. 9, с. 5]; «Разговаривая, он как-то особенно *протягивает* иные слова, — может быть, от *старческой немощи*» («Дядюшкин сон») [10, т. 2, с. 310]; «*Приближаются ваши немощи*» («Бесы») [10, т. 10, с. 98]. (В последнем случае из широкого контекста ясно, что речь идет о старости).

В романе «Преступление и наказание» есть описание взаимосвязи между психоэмоциональными состояниями персонажа и его физиологическими проявлениями: «Какая-то особенная *тоска* начала сказываться ему в последнее время <...> Вот с такими-то глупейшими, чисто физическими *немощами*, зависящими от какого-нибудь заката солнца, и удержишься сделать глупость!» [10, т. 6, с. 327].

Синтагматически *немощь* в текстах Достоевского определяется противоречиво: как

глупейшая, но и привлекательная, телесная, физическая, но и душевная.

Немочь в идиолекте Достоевского также связывается со старостью: «меня, старика, все немочь берет» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 314], определяется как злая и черная.

Специфика употребления слова *немочь* состоит также в том, что во всех контекстах слово занимает позицию субъекта при глаголах активного физического воздействия, используемых метафорически (*немочь ломала, сломила*): «у отца барки на реке бурей разбило, и он, хоть и немочь ломала его...» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 294]; «да немочь-то дорогой сломила его, опять тоска, злая немочь нападет на меня» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 296]; «Кто ж те знал, что на тебя тоже находит черная немочь» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 314];

Недуг.

Слово используется в повести 1847 года «Хозяйка» (3 раза) и в личных письмах (2 раза). МАС трактует слово *недуг* как «сильное недомогание». Также словарь выделяет оттенок значения «Тяжелое душевное состояние» [9, т. 2, с. 441].

В «Хозяйке» слово *недуг* 2 раза употреблено для описания последствий удара по голове: «Заснешь, обо мне приснится; недуг отойдет» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 277]; «Была же с тобою два дня, как лежал ты в злом недуге» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 291]. Еще в одном случае *недуг* относится к потере сознания вследствие припадка «падучей болезни»: «Он в тяжелом недуге, подай господь ему помощи» («Хозяйка») [10, т. 1, с. 290]. Таким образом, Достоевский использует слово *недуг* по отношению не к «недомоганиям», а к крайне тяжелым физическим состояниям. В некоторых случаях, однако, *недуг* маркирует душевное состояние. Так, в 1839 году Достоевский пишет отцу: «А я думал и полагал наверно, что Ваши всегдашние недуги еще более увеличились огорченьями (неполучением от меня писем)» [10, т. 28, кн. 1, с. 59]. Биографические исследования однозначно фиксируют наличие у отца писателя депрессии после смерти жены [1]. В письме 1862 года писатель рассказывает брату о своем состоянии здоровья: «У меня падучая, а сверх того много других мелких недугов, развившихся в Петербурге. Не сердись же. Вспомни то, что мне все причины тебя любить и уважать и ни одной — забыть тебя» [10, т. 28, кн. 2, с. 24]. Таким образом, при небольшом количестве употреблений диапазон заболеваний, к которым писатель относит слово *недуг*, крайне велико: это как физические, так и душевные состояния, как тяжелые, так и «мелкие». Употребления слова относятся к периоду 1839–1862 годов.

Хворость.

Хворость в словарях определяется как устаревшее слово для обозначения болезненного состояния [9, т. 4, с. 596], скорее нетяжелого. Данное слово употребляется только в личных письмах писателя — всего 6 раз. Представлены случаи, где *хворость*, как и *нездоровье*, указывает на причину невыполнения ожидаемых адресатом действий и используется с предлогом *за*: «запоздал с ответом за хворостью и всякими недосугами» (личные письма) [10, т. 30, кн. 1, с. 10]. Однако есть и пример с уступительным значением (с предлогом *несмотря на*), где автор производит разделение дел, выполнимых и не выполнимых при болезненном состоянии: «Жена, несмотря на хворость, хлопчет хоть как-

нибудь устроиться на новом месте» (личные письма) [10, т. 28, кн. 1, с. 268]. Слово *хворость* также употребляется вместе с существительными, обозначающими тяжелое эмоциональное состояние и отрицательную оценку: «...и тоска, и все эти *хворости и свинства* всякую охоту из меня вышибают» (личные письма) [10, т. 29, кн. 2, с. 36]; Ах, Аня, до чего это дойдет! Как *ужасно мне думать о твоей хворости* ввиду того, что я могу умереть, и что тогда с тобой и с детьми с твоей хворостью (личные письма) [10, т. 29, кн. 1, с. 275]. При этом *хворость* в процитированных выше примерах используется скорее как эвфемизм, так как в основном указывает обычно на нетяжелое течение болезни: «Если б не легкая *хворость*, еще оставшаяся во мне, то я вполне был бы спокоен и счастлив» (личные письма) [10, т. 28, кн. 1, с. 269].

Выводы. Сопоставление употребления синонимов слова *болезнь* в идиолекте Ф. М. Достоевского с данными словарей и НКРЯ демонстрирует специфику идиолекта писателя, проявляющуюся как в выборе слов (писатель использует всего пять слов из достаточно большого ряда синонимов), так и в распределении количества их употреблений. Достоевский вообще не использует слова *заболевание* и *недомогание*, вероятно в силу их книжного характера, разговорному *хворь* предпочитает менее частотное в общем употреблении разговорное *хворость*. Предпочтения писателя разнятся в зависимости от типа текста: некоторые слова он использует только в художественных произведениях (*немошь, немочь*), другие — преимущественно или исключительно в личных письмах, относя их к себе или своим близким (*нездоровье, хворость*). Наиболее употребительным в идиолекте писателя (после доминанты *болезнь*) является слово *нездоровье*, которое представлено преимущественно в личных письмах в сочетаниях с лексикой, указывающей на невыполнение действия, в основном в составе синтаксисом с предлогами (*по, за, от*) в значении причины (*по нездоровью*). Слово *нездоровье* используется для указания на менее тяжелое состояние, чем *болезнь*, либо чаще — в функции эвфемизма. Совокупное количество контекстов, где *нездоровье* представлено как причина невыполнения или задержки в выполнении какого-либо действия (например, с ответами на письма), составляет две трети от общего количества употреблений слова *нездоровье* и в основном относится к самому писателю. Разговорное существительное *хворость* употребляется в сходной функции исключительно в личных письмах писателя. Слова *недуг, немощь* и *немочь*, напротив, представлены преимущественно или только в художественном творчестве Ф. М. Достоевского (существенная часть — в повести 1847 года «Хозяйка»). В отличие от словарного толкования, *немощь* у Достоевского — полное отсутствие сил, вызванное физической или психической болезнью или старостью. Специфика употребления слова *немочь* состоит в том, что во всех контекстах слово в занимает позицию субъекта при глаголах активного физического воздействия, используемых метафорически. При небольшом количестве употреблений слова *недуг* диапазон состояний, к которым писатель относит, велико: это как физические, так и душевные заболевания, как тяжелые, так и «мелкие». Выявленная на примере небольшой группы слов специфика языковой картины мира Ф. М. Достоевского обосновывает необходимость дальнейшего изучения лексики семантического поля «болезнь» в идиолекте.

Библиография

1. Агеева З. М. Федор Достоевский. Болезнь и творчество. М.: Алгоритм, 2016. – 120 с.
2. Ван Тяньсюе. Тематическая группа 'название болезней' в текстах Ф. М. Достоевского (на материале личных писем) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 05 / 2. С. 138-146.
3. Ван Тяньсюе. Функционирование глагола «болеть» в текстах Ф. М. Достоевского //

Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2022. № 10 / 2. С. 146-154.

4. Калашникова Ю. А. Лексико-семантическое выражение категории боль в русской художественной литературе XIX века (на материале произведений Ф. М. Достоевского) // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 112-115.

5. Шайкевич А. Я., Андрущенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1863–1866. Т. 1.

7. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Л.: Наука, 1970. Т. 1.

8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.12.2025).

9. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. 1985–1988.

10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973; Т. 1-30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом статьи являются синонимы к лексеме "болезнь" в художественном пространстве творческого наследия Фёдора Михайловича Достоевского. Автор статьи не акцентирует внимание на центральной морфеме "болезнь" в лексическом поле, так как предполагает рассмотреть центральную морфему в последующих статьях.

В представленной для рецензии работе он сконцентрировал внимание на частотных синонимичных лексемах, связанных с концептом болезнь, но на фоне общего употребления, которое определено им по данным Национального корпуса русского языка или НКРЯ.

Для анализа и методологии исследования синонимичного ряда с центральной доминантой слова "болезнь" автор привлекает не только НКРЯ, но и словарь синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой, словарь Живого Великорусского языка Владимира Ивановича Даля и материалы ССЯД. Для проведения, на наш взгляд, подробного и всестороннего анализа синонимического ряда лексемы "болезнь" автор использует данные панхронического корпуса НКРЯ, что позволяет автору представить сопоставительный и сравнительный анализ синонимического ряда лексемы "болезнь" в наглядной таблице, в которой основные синонимы рассматриваются с позиции частотности их употребления в творческом наследии Фёдора Михайловича Достоевского, в частности в его художественных текстах, в публицистике, в письмах.

Интересные выводы автор делает по поводу употребления того или иного синонима к доминанте "болезнь", исследователь представляет интересный анализ, контекстуального употребления данных синонимов в творческом наследии Ф.М. Достоевского.

Исследователь указывает потенциальные причины отказа писателя от тех или иных синонимов к лексеме "болезнь", его умозаключения, на наш взгляд, весьма убедительны.

Обосновывается отказ от некоторых синонимичных лексем, не только личными предпочтениями автора, но и следованием некому личному замыслу.

Актуальность исследования определяется тем, что синонимичный ряд лексем, связанных

с концептом "болезнь" в творчестве Фёдора Михайловича Достоевского ранее подробно, в подобном ключе не рассматривался, а тем более с привлечением НКРЯ, ССЯД и панхронологического корпуса. Всё это позволяет сделать автору интересные и обоснованные выводы о синонимичном поле с доминантой "болезнь" в творческом наследии Фёдора Михайловича Достоевского.

Научная новизна статьи определяется тем, что автор глубоко и подробно прорабатывает вопрос синонимов, связанных с лексемой "болезнь", выявляет авторские предпочтения при выборе того или иного синонима в том или ином тексте.

Стиль статьи соответствует научному, автор заявляет тезис, иллюстрирует его примерами из творческого наследия Ф.М. Достоевского и делает закономерные умозаклучения.

Структура статьи соответствует предъявляемым требованиям журнала. Содержание обладает логикой научного изложения.

Библиография статьи содержит источники за последние 10 лет, что подтверждает современный подход к исследуемому вопросу, также автор исследования обращается к фундаментальным классическим исследованиям, что указывает на проработку данного вопроса в ретроспективном аспекте.

Выводы статьи содержат в сфокусированной форме промежуточные умозаклучения всей статьи и могут быть интересны широкой аудитории: филологам, лингвистам, литературоведам, преподавателям и студентам.

Статья может быть рекомендована к публикации.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Середа Д.М. Формирование мутационных семантических классов глаголов с приставкой от- в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77163 EDN: WQRRKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77163

Формирование мутационных семантических классов глаголов с приставкой от- в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.)

Середа Дмитрий Михайлович

ORCID: 0009-0003-8674-7008

старший преподаватель; Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации;
Южный федеральный университет

344052, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Пушкинская, А, 150

✉ dsereida@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77163

EDN:

WQRRKN

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2025

Аннотация: Статья посвящена вопросам формирования и развития мутационных семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита» глаголов с приставкой от- в истории русского языка донационального периода. Объект исследования – дериваты с приставкой от-, имеющие значение 'лишение функций', 'уклонение' и 'самозащита'. Предметом исследования являются механизмы развития полиситуативности в рамках глагольной словообразовательной мутации. На примере глагольного префикса от- рассматривается история появления у приставок первичных (пространственных) и вторичных (модификационных и мутационных) значений. Особое внимание уделяется вопросам появления мутационных семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита»: анализируется их денотативная структура, на основе чего выделяются семантические подклассы; исследуются характерные черты словообразовательных механизмов данных дериватов. Выявляется связь анализируемых мутационных семантических классов с прототипическим значением отделительности

приставки от-. Исследование выполнено в русле когнитивного подхода. Анализируемые лексемы распределяются по семантическим классам, входящим в состав более широкой нелинейной структуры – семантической сети. Ключевой методологический инструмент – метод полиситуативного анализа Н. Б. Лебедевой. Исследуется денотативная структура глаголов, выявляется наличие в их семантике нескольких пропозиций и характеризуются основные участники ситуации. Новизна работы заключается в том, что в ней устанавливается общее происхождение у тех значений приставки от-, которые в современном языке не считаются родственными. В центре внимания – возникновение и денотативная структура мутационных семантических классов («Лишение функций», «Уклонение», «Самозащита») и их связь с исходным прототипическим значением отделительности. Рассматривается роль словообразовательных элементов в формировании этих мутационных значений. Исходное значение отделительности приставки от- реализуется в зависимости от семантического класса по-разному: как отделение Субъекта от нормального физиологического состояния (в классе «Лишение функций») или как отделение Агенса от воздействия Каузатора (в классах «Уклонение» и «Самозащита»). Особо подчёркивается, что новые значения приставки формируются под влиянием трёх факторов: семантики глагольной основы, контекста и наличия одушевлённого Субъекта.

Ключевые слова:

когнитивная лингвистика, глагольное словообразование, семантическая сеть, семантический класс, глагольный префикс от-, генетико-прототипическое значение, словообразовательная модификация, словообразовательная мутация, метод полиситуативного анализа, денотативная структура

Изучение глагольного словообразования в диахроническом аспекте составляет одно из ключевых направлений современной дериватологии [1–4]. Исторический подход позволяет переосмыслить проблемы синхронного словообразования, объясняя причины появления различных, на первый взгляд не связанных значений у одного форманта. Например, с точки зрения современного русского языка в глаголах *отломать* (ножку стула), *отдавить* (ноги) и *отмолчаться* приставка от- выражает различные, не выводимые друг из друга значения. Тем не менее, обращение к более ранним языковым состояниям даёт возможность обнаружить общие семантические компоненты, объединяющие эти значения.

Возникнув на базе древних реляционных элементов, приставки первоначально выступали как пространственные конкретизаторы действия, выраженного глаголом [5, с. 355; 6, с. 209]. Так, первичным значением приставки от-, восходящим к праславянскому периоду, было значение удаления. Сочетаясь с глаголами движения, она уточняла их пространственную семантику, ср.: *Нъ того ради ты оружие се въземлєши крьстьное и не да отбѣгнеши*, *нъ възьмь е и на супостата шьдъ побѣдиши* и. Златостр., 31. XII в. [7, с. 181].

Впоследствии на основе исходного пространственного у префиксов формируются переносные значения, например: *Самъ же нужнымъ и простымъ брашномъ питаешя, всѣхъ бо сладкихъ и красныхъ отбѣгая* мира сего. Ж. Амв. Смол., 38. XVI в. ~ XIII в. [7, с. 182].

Следующим этапом стало появление у приставок значений, связанных с предельностью и результатом действия.

Развитие предельности связано с тем, что «присоединение приставки к глаголу не только пространственно маркировало, но и одновременно намечало предел, границы, до которых распространяется и у которых прекращается действие» [8, с. 115], например, *отцвѣсти* – ‘перестать цвести, закончить цветение’: *Члѣвкъ, яко трава, дѣнье его, яко цвьть селный, тако **отцвѣтеть*** (ἐξανθῆσει). Псалт. Сим., пс. СII. 15, до 1280 г. [9, с. 60].

В свою очередь, результативность представляет собой частный случай предельности, где достигнутый результат маркирует конечную границу, обозначающую завершение действия. Как отмечают исследователи, данный процесс был типичен для «эволютивных глагольных основ», не направленных на достижение результата [10, с. 29], ср.: *отпѣвати* – ‘петь, пропеть’: *ископа пещерку малу дву сажену. и прихода с Берестового **ѡпѣваше часы** и молѡшесѡ ту Бѡу вѣинѡ* Л 1377, 52 об. (1051) [11, с. 272]. Добавление префикса придавало таким глаголам значение завершённости. При этом первоначальное пространственное значение самого префикса утрачивалось, благодаря чему в дальнейшем у приставок стали развиваться новые, вторичные значения, не связанные с пространственным: под влиянием глагольных основ и контекста «на базе результативности у приставок... формируются модификационные и мутационные словообразовательные типы» [8, с. 119].

Ключевое различие между модификационной и мутационной деривацией заключается в роли приставки. При модификационной деривации префикс выполняет роль специализированного конкретизатора: он уточняет действие, указывая на его временные характеристики, интенсивность, фазы, результат [12, с. 122-123]. Образующиеся таким образом дериваты характеризуют различные способы глагольного действия, например, длительно-ограничительное значение (*отслужить срок*), завершённость (*отварить, открасить*) и др.

При мутационной деривации смысловой центр смещается на префикс. Именно он кардинально меняет значение, задавая действию новую перспективу, «тогда как мотивирующая основа выполняет при нем роль определений» [12, с. 111]. В результате дериват называет ситуацию, полностью отличную от той, которую обозначает производящий глагол, например, *шутить* – *отшутиться от кого-либо*, *сидеть* – *отсидеться в укрытии*, *морозить* – *отморозить ноги*.

Традиционно в работах по дериватологии используется термин словообразовательный тип, под которым понимается «совокупность производных слов, объединяемых тождеством соотношения между собой и общностью формальных и семантических признаков» [13, с. 133].

В исследованиях по формальному описанию глагольных приставок в рамках когнитивной модели языка используется термин «семантический класс», обозначающий совокупность дериватов, характеризующихся единой морфемной структурой, объединённых одним значением и являющихся элементом более широкого понятия семантической сети [14, 15]. В свою очередь, семантическая сеть представляет собой нелинейную структуру, охватывающую все значения приставки, а также устанавливающую связи между ними по степени семантической близости друг с другом [16, 17]. Именно вхождение в состав более широкой структуры, определяющей связи между всеми значениями одного

словообразовательного форманта, отличает термин «семантический класс» от термина «словообразовательный тип».

Рассмотрим формирование мутационных семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита» глаголов с приставкой *от-* в русском языке донационального периода на материале исторических словарей.

Как отмечает Е.Р. Добрушина, приставка *от-* обладает прозрачным значением 'потеря связи' [18, с. 33]. Л. В. Табаченко вводит термин «генетико-прототипическое значение» – исходное значение, не зависящее от структуры слова и не всегда совпадающее с последующими значениями приставки. Установить его можно лишь с помощью диахронического исследования, как, например, отделительность (*от-*) и т. д. [19, с. 26]. Построение семантической сети глагольной приставки на диахроническом материале позволяет установить связи как между её отдельными значениями, так и с исходным генетическим прототипом.

Среди глаголов с приставкой *от-* «Русская грамматика 1980» выделяет несколько словообразовательных типов (СТ), которые можно отнести к мутационным, например:

- 1) «довести до нежелательного состояния: *отсидеть, отстоять, оттоптать, отходить* [13, с. 362–363].
- 2) «избавиться, уклониться от кого-чего-н.: *отшутиться, отмолчаться, отписаться* [13, с. 385–386]. На наш взгляд, данный словообразовательный тип распадается на два более узких класса: «Уклонение» и «Самозащита». Критерием для разграничения служит характер действия субъекта, стремящегося избавиться от опасности: при уклонении (*отговаривати(ся), отгуливати*) оно носит скрытый характер, а при самозащите (*отбитися, отмахиватися*) – явный.

В рамках когнитивного подхода актуальным методом исследования глагольной семантики выступает разработанный Н. Б. Лебедевой метод полиситуативного анализа, трактующий денотативную структуру глагола как комплекс ситуаций, объединённых пространственными, временными или логическими связями [20].

Для выявления специфики семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита» проанализируем их денотативную структуру, исследуя её с помощью полиситуативного анализа на синхронно-диахронном уровне.

Обозначим термины, используемые при таком анализе: *ситуатема* – открытая единица плана содержания со сложной архитектурой, включающей ряд ситуаций, *Субъект* – одушевлённый участник ситуации, *Агент* – деятель, *Каузатор* – создатель ситуации, *Пациент* – актант объектного типа, существующий до наступления ситуации и подвергающийся изменению, *Доминант* – в иерархии участников ситуации занимающий более высокую статусную ступень, *Подконтрольный* – зависимый от доминанта участник, занимающий менее высокую статусную ступень, *Результатив* – актант объектного типа, появляющийся в результате осуществления ситуации, может быть и в виде нового «положения вещей», *Бенефициент* – лицо, оказывающееся в каком-либо (психологическом, социальном, информационном и пр.) выигрыше в результате действия, *Объект Ущерба* – незаинтересованный адресат, который оказывается в каком-либо (психологическом, социальном, информативном и пр.) проигрыше, *Средство* – актант инструментального типа, использование которого способствует осуществлению ситуации [20, с. 6, 65–68, 70–71].

Рассмотрим особенности денотативной структуры семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита».

По-видимому, начало формирования семантического класса «Лишение функций» относится ещё к древнерусскому периоду, когда фиксируются две лексемы – *отънемагати(ся)* и *отнятися*. Лексема *отънемагати(ся)*, образованная от основы др.-русс. *мочи* 'быть в состоянии, в силах (делать что-л.), быть здоровым' хронологически является наиболее древней и впервые фиксируется в «Изборнике» 1073 года: *Сего ради в васъ мнози немошъни и недужъни и мертви сущъ мнози, рекъше **отънемагаются** и умирають*. Изб. Св. 1073 г., 52. [\[7, с. 280\]](#). В данном отрывке из «Первого послания к Коринфянам» апостола Павла речь идёт о тех, «кто ест и пьёт недостойно», вследствие чего становится «немошны и больны». На денотативном уровне одушевлённый Субъект имеет скрытную объектность (физиологическую сторону). Компонент 'орудие-причина негативного состояния Субъекта' – это некий внутренний отрицательный фактор (болезнь, голод и т. д.), воздействующий на его физиологическую сторону, лексически не выраженную. Именно физиологическая сторона, подвергающаяся негативному воздействию, выполняет функцию Пациенса, а сам Субъект становится Объектом Ущерба. В Результативе возникает новая ситуация: с истощением Ресурса здоровья наступает болезнь или смерть Субъекта.

В истории русского языка также отмечены схожие дериваты без префикса *от-*, которые выражают некое болезненное состояние Субъекта, не приводящее, однако, к полной потере сил и смерти, ср. *немагатися* – 'ослабевать': *Напитаи мя от варенья пшениц(и) сея, яко **немагаюся** (□клѣ□пѡ)*. (Быт. XXV, 30) Пятинк., 25 об. XIV в. [\[21, с. 167\]](#). Именно присоединение приставки *от-* привносит в семантику дериватов идею отделения от нормального физиологического состояния, а также значение результативности, которое указывает на полное истощение сил Субъекта.

Семантика негативного физического состояния развивалась у глагола *отнятися*, имеющего основу со значением обладания, в контекстах, где основа маркировала связь субъекта с повреждаемым органом чувств или частью тела. В отличие от ситуатемы глагола *отнемагатися* в роли Пациенса оказывается не физиологическая сторона Субъекта в целом, а орган чувств или же конкретная часть его тела, ср.: *дѣхъ неприазниѣ идѣше к ѿмоу. въ образѣ облака тьма и мрачна. и възложисѣ яко и клобоукъ на главоу юго. и възвѣсѣ **свѣ(т)** юго и оумъ юго **ѿнѣсѣ***. Пр 1313, 36. [\[11, с. 265\]](#).

В старорусский период семантический класс «Лишение функций» образуют 9 дериватов, которые делятся на три подкласса в зависимости от денотативной структуры и характера негативного воздействия.

1. Подкласс «воздействие негативного состояния» мотивирован основами со значением повреждения, причины или результата негативного состояния: *отвязатися*, *отзябнути*, *отсохнути* и *отняти(ся)*, ср.: *Азъ же мѣхъ, что ноги у меня по лодышки **отзябли** да и отпали*. Ж. Павла Обн., 97. XVII в. ~ XVI в. [\[7, с. 241\]](#). Семантика этих дериватов описывает ситуацию, где в результате длительного негативного воздействия повреждается часть тела, представляющая собой пациенсную сторону Субъекта.

В старорусский период в составе устойчивых словосочетаний встречается беспостфиксная лексема *отняти*, ср.: *отняло ноги* – 'отнялись ноги': *Ноги у меня **отняло***. Х. Вас. Гаг., 8. 1637 г. [\[7, с. 285\]](#). Особенностью данных ситуатем является то, что вместо

компонента 'орудие-причина негативного физического состояния повреждаемой части тела' появляется лексически выраженный целенаправленный Каузатор в форме имен. п., ср.: *А у меня у грѣшнаго, по моимъ многимъ грѣхомъ, **отняль** богъ умъ*. Ник. лет. X, 225. [\[7, с. 285\]](#).

2. К подклассу «каузативное воздействие» относятся лексемы *отбити, отдавити, отнять, оттоптать* и *отшибити*, мотивированные основами со значением нанесения удара или давления. На денотативном уровне обязательным компонентом является Каузатор, который целенаправленно наносит повреждение Субъекту, ср.: *И пришедъ тотъ Семень учаль меня бить полѣномъ и топтунами топталъ, и руки и ноги обломалъ, и животь **оттопталъ**, и ножемъ хотѣлъ зарѣзать*. АХУ III, 129. 1632 г. [\[9, с. 50-51\]](#). Именно наличие лексикализованного Каузатора является особенностью ситуатемы как данных дериватов, так и в дальнейшем всего семантического класса «Лишение функций».

3. В подкласс «негативное воздействие по отношению к самому себе» входят глаголы, мотивированные основами со значением нанесения удара (*отбити, отшибити*), физиологического состояния (*отзнобити*), физиологического действия (*отпитися*). Семантика этих глаголов описывает ситуацию, в которой Субъект причиняет вред себе, являясь нецеленаправленным Каузатором: *Шел [Степанко] до зимов<ь>я Васил<ь>я Курочкина и идучи познобил ноги по лодыжек да нос **отзнобил** и отвалился проч<ь>*. Якут. а., карт. 4, N 12, сст. 12. 1642 г. [\[7, с. 241\]](#).

Особенностью ситуатем семантических классов «Уклонение» и «Самозащита» является то, что между её участниками возникают конфликтная ситуация и Агенсу приходится действовать в условиях сопротивления угрозе со стороны Каузатора.

Так, для участников семантического класса «Уклонение» характерны отношения *Подконтрольный – Доминант*, когда Каузатор требует от Агенса выполнения его воли, налагая тем самым обязательство отреагировать. Не желая подчиняться, Агенс, однако, не отказывает Каузатору напрямую, а действует скрытно, в модусе неявного конфликта воли. Это создаёт ситуацию замещения: параллельно с ожидаемым событием (исполнением воли) разворачивается реальное (поиск способа уклонения). Исход противостояния зависит от распределения семантических ролей: при успешном уклонении Агенс становится Бенефициенсом, а Каузатор – Объектом Ущерба; в противном случае реализуется воля Каузатора.

Значение уклонения в рассматриваемых дериватах выражается через три основных модуса: а) коммуникативный (речевое уклонение), б) локальный (сокрытие в неизвестном месте), в) обобщённый (неспецифицированное уклонение).

1. Подгруппу речевое уклонение составляют лексемы, мотивированные глаголами речи: *отговаривати(ся) (отговорити(ся)), отлыгаться, отмалчиваться, отперетися (отпърѣтися, отпиратися, отпирыватися), отписыватися, отрицатися (отрѣцатися, отречися)*. В ситуатемах этих лексем Агенс стремится избежать воздействия Каузатора, используя вербальные отговорки (устные или письменные).

Вероятно, глаголом-образцом как данной группы, так и всего класса «Уклонение» является дериват *отрицатися*, известный по «Остромирову Евангелию» (1057 г.): *И начяша въ купѣ **отърицатися** вси* (παραιτεῖσθαι). (Лук. XIV, 18) Остр. ев., 107, 1057 г. [\[9, с. 18\]](#). В данном случае приглашённые не желая принять предложение, не отказывают открыто, а уклоняются под различными предлогами.

2. Значение 'сокрытие в неизвестном месте' реализуется в подгруппе глаголов, которую составляют лексемы *отгуливати* (*отгуляти*) и *отманиватися*. Их денотативная структура представляет ситуацию, в которой Агенс скрывается от Каузатора в неизвестном месте, ср.: *И как мне Савушке не плутовать, а от цепи не **отгулять*** [во вар.]. Сказ о попе Савве, 237. XVIII в. ~ XVII в. [\[7, с. 219\]](#).

3. Общее значение 'уклонения' выражают глаголы, мотивированные основами физических действий и состояний: *отдѣлатися*, *отлагати*, *отниматися* / *отнятися* (включая варианты *отыматися* и др.) и *отбаливатися*. В значении этих лексем обычно указываются самые различные обстоятельства, на которые ссылается Агенс, чтобы уклониться от требований Каузатора, ср.: *А нынѣ не хотячи государева дѣла дѣлати, и нас не отпустить да **отнимается** свадьбою, и намъ до его свадьбы что за дѣло*. Швед. д., 151. 1569 г. [\[7, с. 282\]](#).

Критерием для выделения подклассов в семантическом классе «Самозащита», так же, как и в классе «Уклонение», служит специфика способов, которыми Агенс защищается от Каузатора.

1. Подкласс «физическая самозащита» образуют дериваты *отбитися*, *отбратися*, *отмахиватися*, *отстрѣливатися* и *оттопитися*. В денотативной структуре этого подкласса лежит обстоятельственный модус «сопротивление угрозе», в рамках которого Агенс оказывает физическое сопротивление Каузатору. Вероятно, именно в лексеме *отбитися* как глаголе-образце начинает формироваться идея самозащиты, ср.: (1216): *а Ярунь бѣше затворилъся въ градѣ въ 100, и **отбися ихъ***. Новг. I лет., 201 [\[7, с. 184\]](#).

2. Дериваты *отсидѣти(ся)* и *отстоятися* образуют подкласс «защититься, переждав нападение врага в укрытии». Для лексем этого подкласса ключевой является темпоральная категория «продолжительность угрозы со стороны Каузатора». В ответ на угрозу Агенс выбирает одну из двух стратегий: либо обороняется / прячется в укреплённом месте, пережидая опасность, либо сам сооружает такое укрепление, ср.: *А шестьдесят члѣвкъ на башню сѣли и хотѣли **отсидѣтца**, толко недолго сидѣли и их приневодили и так утеснили, что они через городовую стѣну спустились<ь>*. Куранты, 189. 1638 г. [\[9, с. 29\]](#); *А мая въ .к. день съ Колончака пришли къ Перекопи и хотѣли чинить надъ городомъ промыслъ и разѣзжали, гдѣ б ѣ **отшанцоваться** и откуда... ратнымъ людямъ имать воду*. СГГД IV, 600. 1689 г. [\[9, с. 67\]](#).

3. В ситуациях подкласса «самозащита с помощью мольбы или убеждения» Агенс, стремясь отразить обвинение или нападки Каузатора, использует два основных способа: мольба о пощаде (*отмолитися*) или предъявление доказательств невиновности (*отцеловатися*): *Ни молениемъ от смерти ни **отмолитися***. Стих. Чудн. цар., 12. XVII в. [\[7, с. 276\]](#); *А которой чюжоземец на чюжоземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут, хочет **отцелуется**, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, и истец поцеловав крест, да возмет*. Суд. Ив. III, 27. 1497 г. [\[9, с. 60\]](#).

Таким образом, на основе проанализированного материала в рамках метода полиситуативного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Семантические классы «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита» начинают зарождаться ещё в древнерусском языке (*отънемагати(ся)*, *отнятися*, *отрицатися*, *отбитися*), однако большее количество лексем, составляющих их, появляется уже в старорусский период, образуясь при помощи префиксации и конфиксации. С

диахронической точки зрения, конфиксальные глаголы относятся к разряду приставочных, так как большинство конфиксальных дериватов образуются уже в старорусский период [22, с. 17].

2. Как видно из проанализированного материала, многие вторичные мутационные значения префикса *от-* связаны с его генетико-прототипическим значением отделительности. На морфемно-словообразовательном уровне префикс обозначает:

а) отделение Субъекта от нормального состояния или повреждаемой части тела от Субъекта (для семантического класса «Лишения функций»);

б) отстранение Субъекта-Агенса от воздействия Каузатора. При этом приставка *от-* сочетает в себе как результативное значение, так и значения отделительности, а также ответного действия-реакции (для семантических классов «Уклонение» и «Самозащита»).

3. Семантика постфикса *-ся* в исследуемых глаголах также варьируется в зависимости от класса. В классе «Лишение функций» он выражает: а) собственно-возвратное значение (Субъект и Каузатор совпадают в одном лице, ср. *отпитися ума*); б) общевозвратное значение (негативное воздействие ограничивается сферой Субъекта, ср. *умъ отнялся*). В классах «Уклонение» и «Самозащита» – косвенно-возвратное значение: действие совершается Субъектом в своих интересах (ср. *отговориться, отбиться*).

Таким образом, формирование и развитие новых значений приставок в рамках глагольной мутации основывается на «заражении» (термин М. Бреаля) глагольных префиксов новыми значениями от основ и контекста, а также на наличии одушевлённого активного субъекта, который может быть представлен не только в пространственно-временном, но и в анимальном, психологическом, ментальном и социальном планах. В результате происходит семантическое усложнение Субъекта: в нём выделяются аспекты, которые могут осознаваться как самостоятельный объект. Благодаря этому формируется ряд новых результативных значений, ориентированных именно на физиологическую или социальную сторону одушевлённого участника.

Библиография

1. Нефедьев М. В. Семантическая эволюция глагольных приставок *на-* и *об-* в истории русского языка XI–XVIII вв. // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. С. 78-83.
2. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. 224 с. EDN: QRYTUN
3. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2010. 336 с. EDN: QWTNKT
4. Годизова З. И. Интенсивные значения приставки *по-* в диахроническом аспекте // Вестник ННГУ. – 2017. – № 2. С. 200-205.
5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – Ч. 1. 428 с. EDN: XDLZRP
6. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. / Пер. с фр. – М.: Издательство "Либриком", 2021. 510 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. – М.: Наука, 1987. 316 с.
8. Табаченко Л. В. Роль предельности и результативности в развитии внутриглагольной префиксации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2011. – № 2. С. 114-120. EDN: NUSGYD
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. – М.: Изд-во "Наука", 1988. 311 с.
10. Нефедьев М. В. Глаголы с приставками *на-*, *об-* (*обо-*) в русском языке XI–XVIII вв.:

Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1992. 210 с. EDN: ZLFNCX

11. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 6. – М.: Изд-во "Азбуковник", 1988. 608 с.

12. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, польским и болгарским языками. – М.: Издательство МГУ, 2000. 256 с. EDN: WBINLT

13. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – Репринт: М.: Книжный дом "Либроком", 2019. 789 с.

14. Флайер М. С. Делимитативные приставки в русском языке (пер. с англ. М. А. Даниэля) // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. – М.: Русские словари, 1997. С. 29-48.

15. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. 288 с. EDN: PUDDKD

16. Roberts C. B. The origins and development of o(b)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // Russian Linguistics, 5 (3). – 1981. Pp. 217-233.

17. Янда Л. А. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика (пер. с англ. М. А. Даниэля) // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. – М.: Русские словари, 1997. С. 49-61.

18. Добрушина Е. Р. К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок // Вопросы языкознания. Вып. 5, М., 2011. С. 31-44. EDN: OGKBTJ

19. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Ростов-на-Дону, 2011. 451 с. EDN: XTRXAT

20. Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2021. 192 с. EDN: GZXLLK

21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. – М.: Изд-во "Наука", 1986. 456 с.

22. Бубекова Л. Б. Конфиксальные глаголы и их синонимические отношения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 18 с. EDN: NOFDNL

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме формирования мутационных семантических классов глаголов с приставкой от- в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.). Актуальность исследования не вызывает сомнения: «изучение глагольного словообразования в диахроническом аспекте составляет одно из ключевых направлений современной дериватологии». Отмечается, что «исторический подход позволяет переосмыслить проблемы синхронного словообразования, объясняя причины появления различных, на первый взгляд не связанных значений у одного форманта».

Теоретической основой исследования явились труды по приставкам и приставочным глаголам в русском языке, аспектуальным категориям глагола, динамической модели русской внутриглагольной префиксации, семантической эволюции глагольных приставок в истории русского языка XI–XVIII вв., полиситуативному анализу глагольной семантики и др. Библиография состоит из 22 источников, в том числе лексикографических, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета,

содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. К сожалению, автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, данное замечание не умаляет значимости проделанной работы, однако в этом случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный, структурно-семантический методы, диахронно-сопоставительный метод, методы лингвистического наблюдения на основе семантического, морфемного и словообразовательного анализа, а также метод полиситуативного анализа (метод исследования глагольной семантики Н. Б. Лебедевой, «трактующий денотативную структуру глагола как комплекс ситуаций, объединённых пространственными, временными или логическими связями») и др.

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы. Рассмотрены теоретические аспекты дериватологии и мутационной деривации, соотношение терминов «словообразовательный тип» и «семантический класс» и пр. На материале исторических словарей проведен подробный анализ развития мутационных семантических классов «Лишение функций», «Уклонение» и «Самозащита» глаголов с приставкой от- в русском языке донационального периода. Выявлено, что данные классы начинают зарождаться ещё в древнерусском языке; многие вторичные мутационные значения префикса от- связаны с его генетико-прототипическим значением отделительности. В исследуемых глаголах изучена семантика постфикса -ся, которая «варьируется в зависимости от класса». В заключении сформулированы выводы. Все выводы логичны и отражают содержание рукописи.

Настоящее исследование имеет как теоретическую значимость, так и практическую ценность, так как способствует расширению представления о глагольном словообразовании в диахроническом аспекте, а также раскрывает специфику формирования и развития новых значений приставок в рамках глагольной мутации. Полученные результаты могут быть использованы в курсах по языкознанию, морфологии и словообразованию русского языка, по проблемам исторической и современной дериватологии.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Карповская Н.В., Рой-Игнатенко А.В. Метафора как когнитивный механизм и домен понимания в контексте профессиональной коммуникации в сфере архитектуры // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77123 EDN: WTDUPB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77123

Метафора как когнитивный механизм и домен понимания в контексте профессиональной коммуникации в сфере архитектуры

Карповская Наталья Валерьевна

ORCID: 0000-0001-9862-3692

кандидат филологических наук

доцент; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет
Директор; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет

Scopus Author ID: 57211663641. ORCID: 0000-0001-9862-3692

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, зд 105/42

✉ nkarpovskaya@sfedu.ru

Рой-Игнатенко Анна Владимировна

преподаватель; Международный институт междисциплинарного образования и иберо-американских исследований; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, зд 105/42

✉ royignatenko@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77123

EDN:

WTDUPB

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2025

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы вербализации профессионального знания в части метафорического происхождения испанских терминов специального

языка архитектуры. Установлено, что в процессе формирования архитектурной терминосистемы активно используется метафоризация, отражающая особенности профессионального мышления и способствующая более эффективной коммуникации между специалистами и между представителями иных научных областей. Архитектурная метафора, представляющая собой действенный когнитивный механизм образования новых понятий и важный компонент испанской национальной языковой картины мира, является предметом настоящего исследования, цель которого заключается в определении специфики взаимосвязи между обиходным языком и специальным языком архитектуры. Осознание способности метафоры проникать в сущность вещей и создавать целостную картину при объединении неоднородных компонентов привело к пониманию роли метафоры в познавательной деятельности человека и ее использованию в контексте научного познания как для обработки нового знания, так и для его представления. При анализе фактологического материала применялись теоретико-аналитический, описательный и семантический методы, сопоставительный и когнитивный анализ, метод сплошной выборки и установления метафорических импликаций. Актуальность работы обусловлена важностью выявления национальных особенностей в области терминологии специальных языков и необходимостью изучения процессов номинации и профессиональной коммуникации с позиций когнитивно-коммуникативной парадигмы. Материалом исследования послужили испаноязычные сайты туристических компаний, архитектурные, толковые и двуязычные словари. В связи с поликодовостью профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, включающей кроме естественного и графического языка, язык построенных объектов, были проанализированы метафорические образы архитектурных сооружений в романе В. Бласко Ибаньеса «La Catedral». Согласно результатам проведенного анализа испанская метафора специального языка в сфере архитектуры, наряду с уточнением характеристик объекта через переосмысление значения и перенос названия одного объекта на другой на основе сходства и подобия, в то же время отражает исторические, социально-культурные и духовные аспекты жизни испанского общества.

Ключевые слова:

метафора, метафоризация, термин, терминосистема, профессиональная коммуникация, специальный язык архитектуры, дискурс, когнитивный механизм, семиотика архитектуры, национально-культурная специфика

Введение

Интенсивное развитие науки и техники, расширение международных профессиональных контактов, а также необходимость формирования профессиональной коммуникативной компетенции современного специалиста во многом обусловили рост интереса исследователей к изучению специальных языков и выявлению особенностей коммуникации в разных сферах человеческой деятельности. В работах отечественных и зарубежных авторов нашли отражение вопросы профессиональной коммуникации в области горного дела, специфики медицинского, педагогического, политического, научного и других видов дискурса [\[2, 5, 6, 14, 29, 31, 40, 41, 47\]](#).

В фокусе внимания ученых оказались и проблемы профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, которая, будучи поликодовой, предполагает не только вербальный уровень общения коммуникантов. Так, Х. Саинс Авиа выделяет 3 типа профессионального архитектурного языка: естественный язык, соответствующий устному

и письменному выражению (*el lenguaje natural*); графический язык, представляющий из себя чертежи и графические планы (*el lenguaje gráfico*); язык архитектуры – построенные объекты (*el lenguaje arquitectónico*) [\[45, с. 17\]](#). Кроме того, в понимании многих исследователей, в частности, И. Е. Зайцевой, Ф. Л. Косицкой, Н. Г. Кузнецовой, О. Н. Степичевой и других, архитектурный дискурс, следует отнести к «гибридным дискурсам», так как он представляет собой сложное дискурсивное образование, имеющее включения из разных научных областей: медицины, биологии, философии, лингвистики, истории и др. [\[16, 18\]](#).

При рассмотрении вопросов, связанных со специальными языками и профессиональным дискурсом, важная роль отводится изучению их терминологического аппарата [\[8, 21, 36\]](#), что объясняется значимостью термина как предельного выражения специальной мысли и основной семантической информационной единицы профессиональной коммуникации [\[8, с. 45; 36, р. 12\]](#), определяющей эффективность и результативность общения.

С целью выявления специфики архитектурной терминологии авторы активно обращаются к сопоставительному анализу терминов в разных языках, определению их функций и способу образования, предпринимаются попытки лексикографического моделирования и установления переводческих соответствий [\[1, 9, 22 и др.\]](#). В рамках настоящей работы особый интерес представляют научные изыскания в области метафоризации и архитектурной метафоры, позволяющие подойти к процессам номинации и профессиональной коммуникации с позиций когнитивно-коммуникативной парадигмы [\[7, 37, 48 и др.\]](#).

Метафоризация в свете научного познания

Затрагивая проблему метафоризации, стоит подчеркнуть, что истоки интереса к ее изучению лежат в античной риторике и тесно связаны с именем Аристотеля [\[30\]](#), который ввел термин «метафора» (*metaphora*) для обозначения «переносного слова», понимая под ним «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [\[3, с. 669\]](#). Рассуждая об использовании «переносных слов» в речи, Аристотель указывает на способность метафоры «говорить о действительном, соединяя невозможное» [\[3, с. 670-671\]](#), что, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, свидетельствует о стремлении метафоры «проникать в сущность вещей» [\[20, с. 213\]](#).

В своей работе «Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики» Л. В. Балашова обращает внимание на тот факт, что метафоризация у античного философа включена в систему когнитивных процессов, поскольку переосмысление значения и перенос названия «одного объекта на другой на основе сходства, подобия» связан с «с логическими операциями, т.е. с познавательной деятельностью» [\[4, с. 170\]](#). Как полагает Г. Н. Скларевская, благодаря Аристотелю метафору стали воспринимать в качестве неотъемлемой принадлежности языка, необходимой для коммуникативных, номинативных и познавательных целей [\[26, с. 6\]](#).

Однако, несмотря на ее познавательный характер, в течение длительного периода отношение к использованию метафоры в языке науке было весьма негативным, в первую очередь, по причине неоднозначности, неточности и возможных разночтений в ее

трактовке. Осознание природы метафоры, ее фундаментальности, универсальности и той роли, которую она играет в познавательной деятельности человека, произошло только во второй половине XX века, что С. С. Гусев объясняет возникшей «необходимостью глубоко проанализировать роль естественных языков в интеллектуальных процессах» [\[10, с. 549\]](#).

Среди тех, кто первым обратился к метафоре в контексте научного познания, как правило, выделяют американского аналитического философа, автора интеракционной концепции метафоры М. Блэка, согласно которому в метафорическом суждении происходит взаимодействие двух идей, приводящее к появлению определенных ассоциаций и формированию нового значения. Метафора осуществляет отбор, выделение и организацию одних ассоциаций, подавляя другие и служит фильтром, который отграничивает научные знания от бытовых аналогий. Механизм метафоризации, по М. Блэку, заключается во взаимодействии главного субъекта, «фокуса» метафоры (*focus*), т.е. слова, используемого в переносном значении, и вспомогательного субъекта, «рамки» метафоры (*frame*), т.е. слов, реализуемых в прямом значении. В процессе взаимодействия фокуса и рамки основную функцию выполняют те *ассоциируемые импликации*, которые вносит слово, употребляемое в метафорическом значении, и его широкая семантика в суждение о вспомогательном «субъекте» [\[34\]](#).

Метафоризация, как считает В. Н. Телия, сопровождается «вкраплением в новый концепт знаний об уже познанном и названном объекте», оставляя «следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, "вплетается" и в картину мира, выражаемую языком» [\[28, с. 136\]](#). При этом в силу того, что основу когнитивных процессов метафоризации образуют операции по обработке структур знаний, «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [\[20, с. 208\]](#). П. Убеда Мансилья, в этой связи, замечает, что метафора, будучи «привычным и повседневным явлением в мышлении и языке», «представляет собой нечто гораздо большее, чем просто поэтический ресурс. С точки зрения когнитивной лингвистики, это мощный когнитивный процесс, который позволяет сделать обмен мнениями и идеями более эффективным и результативным» [\[49, p. 116\]](#). Следовательно, возможности метафоры в создании целостной картины при объединении неоднородных компонентов способствует лучшему пониманию современного научного познания и представлению новых научных открытий и достижений.

Метафора в испанской архитектурной терминосистеме

Возвращаясь к вопросу о месте метафоры в испанской профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, целесообразно выделить ее способность связывать новые неизвестные понятия с привычными явлениями, окружающими человека, что и определяет восприятие метафоры в качестве одного из важнейших когнитивных механизмов и необходимого инструмента мышления. По принципу метафорического переноса в испанском языке возникли такие архитектурные термины, как: *aguja* – шпиль, *tambor* – барабан, *óculo* – окулус, *tarjetón* – картуш, *cabecera* – алтарная часть церкви, *arco de herradura* – подковообразная арка, *arco lobulado* – лопастная арка, *rosetón* – розетка, *nave* – неф и др.

В.М. Лейчик отмечает двоякую природу термина, понимая под ним «сложное многослойное образование, в котором естественно-языковой субстрат и логический суперстрат образуют соответственно нижний и верхний слои, а сердцевину составляет терминологическая сущность» [\[21, с. 21\]](#). Данная черта в полной мере относится и к

испанским архитектурным терминам, для многих из которых, к тому же, характерно наличие несколько значений, ср.:

– *CLAVE* (ключ), с одной стороны, обозначает центральный камень арки / *dovela central de un arco* [39, p. 55], а с другой – может обозначать центральный элемент свода / *pieza central de una bóveda* [39, p. 55]. В русской архитектурной традиции данный термин имеет следующие переводческие эквиваленты: *замковый камень, замок, аграф*, – которые также используются для обозначения архитектурного элемента как в арке, так и в своде. [24, с. 12]. Замковый камень устанавливается последним, он уравнивает боковые распоры сторон арки и как бы «запирает» ранее установленные клиновидные камни.

Таким образом, и испанский термин *clave*, и русский – *замок* логически связаны с той функцией, которую выполняет этот архитектурный элемент, закрывая конструкцию. Однако, интересно, что в испанской языковой картине такое «закрытие» ассоциируется с ключом, а в русской – с замком.

– *ALMA* (душа) в специальном языке архитектуры означает вертикальное укрепление, поддерживающее деревянные опоры, а также центральную ось винтовой лестницы, что передает смысл и общую идею души как центра и опоры личности человека [38]. В русском языке данное значение передается термином «ось».

– *FLECHA* (стрела) в испанском архитектурном дискурсе обозначает высоту от основания арки до ее высшей точки (замкового камня или шпиля) [39, p. 87]. Термин активно используется при описании готической архитектуры, для которой характерна вертикальная композиция, символизирующая стремление к Богу. Стрела, в данном случае, указывает путь от земли к небу.

– *TAMBOR* (барабан). Данный термин определяют не только как ударный инструмент, но и как часть здания цилиндрической формы [42], а также как многоугольную архитектурную конструкцию, поддерживающую купол [39, p. 170].

Основой метафоры, в случае с этим термином, послужило внешнее сходство музыкального инструмента и элемента архитектурной конструкции.

С помощью метафорического переноса образовалось значительное число многокомпонентных архитектурных терминов, среди которых выделяются номинации различных видов сводчатых конструкций. Испанский архитектурный термин *bóveda* (свод) обозначает криволинейное перекрытие пространства или помещения, ограниченного стенками, балками или столбами [42]. Как правило, для различных архитектурных стилей характерны определенные виды сводов. Например, один из самых ранних сводчатых конструкций – крестовый свод цилиндрической формы (исп. *bóveda por/de arista; arista* – ребро, линия пересечения двух плоскостей [38]) – широко применялся в римской архитектуре Испании.

В период Готики сводчатые конструкции принимали на себя большую нагрузку и имели усложненную форму. Крестово-нервюрный или готический крестовый свод в испаноязычном архитектурном дискурсе называется: *bóveda de crucería, bóveda nervada, bóveda de ojiva*. При этом вторичная номинация многокомпонентных терминов указывает с одной стороны на конструктивную составляющую свода (ср.: *crucería* – пучок нервюр, служащих для укрепления и украшения свода [38], *nervada* – нервюрный [38]), а с другой – на форму самого архитектурного элемента (*ojiva* – стрельчатый [43, p. 45]).

Помимо того, в готической архитектуре, широко распространенной на территории Испании, представлены разнообразные вариации упомянутого крестово-нервюрного свода: *bóveda estrellada* – звездчатый свод, *bóveda de abanico* – веерный свод, *bóveda sexpartida* – шестичастный свод и др., названия которых также образованы с помощью метафоры.

На базе метафорического сравнения появилось и наименование крестового свода с распалубками *bóveda de lunetos*, где *luneta* (уменьшительное от *luna*) представляет собой небольшое арочное перекрытие в форме полумесяца для освещения главного свода [38].

Распространенный в эпоху Ренессанса парусный свод представляет собой перекрытие в виде сферы, усеченной с боков плоскостями стен [24, с. 255]. В испанском языке данный тип свода называется *bóveda de baída/vaída*, *bóveda de vela* – парусный свод, *bóveda pañuelo* – платочный свод.

В случае, когда опоры свода расположены на разных уровнях, такой архитектурный элемент называют ползучий свод – *bóveda rampante* (*rampante* – разрастающийся [38] или *bóveda por tranquil* (*tranquil* в архитектуре – вертикальная (отвесная) линия [42]). Разновидность ползучего свода, перекрывающего винтовую лестницу, называется: *bóveda de caracol* (*caracol* – раковина улитки, винтовая линия, спираль), *bóveda espiral* (*espiral* – спираль), *bóveda helicoidal* (*helicoidal* – винтовой, спиралевидный) [43, p. 45]. Стоит отметить, что переводческого эквивалента данному термину в русском языке нет.

Разнообразные вариации некоторых видов сводов, а также различные названия для номинации одной и той же сводчатой конструкции, свидетельствуют, с одной стороны о многообразии архитектуры Испании, а с другой – о культурно-языковой специфике испанского архитектурного дискурса. Как следует из проведенного анализа, большая часть архитектурных терминов испанского языка, называющих типы сводов, имеет метафорическое происхождение на основе внешнего или функционального сходства предметов или явлений, которые переносятся из общеупотребительной лексики в архитектурную сферу. Стоит отметить, что, в отличие от терминов, передающих узкоспециальную информацию, термины, образованные путем метафоризации, более понятны неспециалисту. Неслучайно Л. М. Алексеева говорит о том, что «при помощи метафоризации терминосистемы “цепляются” за мир действительности» [2, с. 10].

Большой интерес представляют и метафорические термины, связанные с видами других архитектурных элементов, например: *arco ciego* – слепая арка, *arqueña ciega* – слепая аркада, *ápside de herradura* – подковообразная апсида и др.

Примечательно, что многие метафорические термины, имеют свои параллели в других языках. В основе указанных терминов нередко лежат схожие прототипы, что объясняется как взаимодействием участников профессиональной коммуникации и их ассоциациями, так и пересечением национальных научных картин мира. Ср.: *arco de herradura* (исп.) – *horseshoe arch* (англ.) – подковообразная арка; *arco apuntado* (исп.) – *pointed arch* (англ.), но: *стрельчатая арка* и др.

Метафора и семиотика архитектуры

В контексте реализации метафоры в профессиональной коммуникации в сфере

архитектуры наряду с дискурсом вызывает интерес и «язык архитектуры» («архитектурный язык», «художественный язык архитектуры»), под которым А. В. Иконников понимает систему архитектурных форм (т.е. построенных объектов), которые используются «как средство коммуникации между людьми в процессе человеческой деятельности» [13, с. 10], то же значение в испанском языке имеет термин «*el lenguaje arquitectónico*», а в английском – «*the language of architecture*». Язык архитектуры представляет интерес не только для архитекторов, но и для философов, социологов, семиологов и др.

Помимо А. В. Иконникова к вопросам семиотики архитектуры обращались и другие авторы, среди которых: У. Эко, О. И. Явейн, М.Н. Назарова, и др. [19, 32, 33]. Методы семиотического объяснения искусства и творчества берут начало из идей Ф. де Соссюра, который сравнивал отношения между языковыми единицами с отношениями архитектурных элементов между собой – «языковую единицу... можно сравнить с... колонной: с одной стороны, колонна находится в определенном отношении с поддерживаемым ею архитравом – это взаиморасположение двух единиц... напоминает синтагматическое отношение; с другой стороны,... сравнение с другими орденами (ионическим, коринфским и т.д.)... – это ассоциативное отношение» [27, с. 156].

Сравнение языка и архитектуры находит продолжение в теории структурализма: архитектура рассматривается как «система знаков, аналогичная языку, смысл которой возникает в ней самой, в системе синтагматических и парадигматических смещений» [12, с. 116].

М.Н. Назарова, рассматривая роль архитектурного объекта как «транслятора социально значимой информации», подчеркивает, что именно архитектурные объекты, в отличие от других артефактов, являются наиболее долговечными и «консервируют в себе культурные коды прошедших эпох», то есть архитектурные здания не только не теряют информацию, а накапливают ее с течением времени [19, с. 38-40]. Автор указывает на то, что эстетическая составляющая архитектурных объектов способствует их коммуникации в пространстве и во времени.

В то же время, В.В. Красных отмечает, что различные когнитивные пространства являются «национально-детерминированными и национально-маркированными, так как "ядром" когнитивных пространств служит когнитивная база того национально-лингвокультурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства» [17, с. 45].

Говоря об архитектуре как о средстве коммуникации и о характеристике архитектурного знака, У. Эко подчеркивал, что архитектура состоит из совокупности знаков, побуждающих к определенному поведению [32, с. 347]. В этой связи интересно обратиться к дворцу-монастырю Эскориалу, относящемуся к архитектурному направлению *Эрререско* (*el herreresco*). Находясь в подобном пространстве человек ощущает величественность королевской власти и божественной силы. Для передачи эмоциональной составляющей при его описании часто применяются метафоры:

El Escorial es... fruto de la historia

El Escorial es... la octava maravilla [44, с. 21].

В случае с Эскориалом метафоричность, граничащая с мистицизмом и трагичностью,

проявляется уже в плане сооружения. Монастырь выполнен в виде решетки, на которой Святой Лоренсо принял мученическую смерть:

*... es .. la planta del edificio **en forma de parrilla** que se relacionaría con la parrilla en la que fue martirizado San Lorenzo* (www.descubrir.com/descubriendo-los-misterios-de-el-escorial/).

Архитектурная метафора в художественном дискурсе

Метафора пронизывает все типы языка архитектуры, активно реализуясь не только в профессиональном дискурсе, но и в художественной литературе. Так, здание нередко становится одним из героев произведения (Notre-Dame de Paris, В. Гюго, Catedral del mar, И. Фальконес, La Cathédrale, Ж. К. Гюисманс и др.) и выполняет, прежде всего, социальную функцию, которая осуществляется посредством метафоры.

Роман «La Catedral» (в русском переводе «Толедский собор») [35], написанный великим испанским писателем В. Бласко Ибаньесом в 1903 году, относится к циклу социальных романов, наряду с «El intruso» («Отцы иезуиты», 1904), «La bodega» («Винный склад», 1905) и «La horda» («Дикая орда», 1906). В этих произведениях, по мнению З. Н. Плавскиной, автор пытается разрешить противоречия общественной жизни, концентрируя внимание на пробуждении протеста против социальной несправедливости в самых низах общества [23].

Роман содержит элементы биографии писателя и отражает историческую эпоху того времени, что обусловило выбор лексических единиц при написании произведения. Следует отметить, что перевод романа на русский язык существует в единственной версии, автор перевода - З. А. Венгерова, 1911 год.

После поражения в войне с США (1898) и потери последних заокеанских колоний (Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины), Испания отстала в экономическом развитии от других западноевропейских государств. У власти в стране обосновался буржуазно-помещичий блок, который правил Испанией с помощью монархии.

Центральным образом романа «La Catedral» является сам собор - Кафедральный собор Святой Марии в Толедо. Неслучайно и в названии, и в тексте произведения слово «*catedral*» написано с заглавной буквы, словно имя собственное. С помощью приема метафоризации автор наделяет объект качествами живого существа. Ср.:

1. **Despertaba el templo. - Храм просыпался.**

2. **Tembló la montaña de piedra, transmitiéndose la vibración por naves, galerías y arcadas ... - Вздрыгнула каменная громада, и дрожь отдалась во всей церкви...**

3. **No morirás. ... La Catedral te curará. - Ты не умрешь. ... Собор вылечит тебя.**

4. **La iglesia le acogía como una madre vieja y adusta que no sonríe, pero abre los brazos. - Церковь приютила его как старая суровая мать, которая не улыбается, но все-таки раскрывает объятия.**

У читателя складывается впечатление, что собор является живым человеком, имеет свои мысли, чувства, привычки. В. Бласко-Ибаньес отождествляет собор с матерью главного героя. Однако этот метафорический образ, в переводе передать не удалось, т.к. в испанском языке «*la catedral*» - существительное женского рода, а в русском языке «собор» - мужского рода. Вместе с тем, использовать другой архитектурный термин

(например, «базилика») в данном случае представляется довольно затруднительным, т.к. названия зданий храмовой (церковной) архитектуры выполняют важную религиозную функцию.

Интересно, что в следующем фрагменте облик прилегающих к собору территорий актуализируется с помощью прилагательных:

*El jardín, **insensible y sordo** a las tempestades revolucionarias que descargaban sobre la iglesia... - Сад, **равнодушный и глухой** к бурям революций, которые проносились над собором...*

Соответственно, черты живого существа в романе присущи не только собору. Весь архитектурный ансамбль предстает перед читателем огромным живым организмом, испытывающим чувства и эмоции. Это впечатление усиливается из-за того, что многие отдельные архитектурные элементы собора имеют свои названия (имена): «*la puerta de la Presentación*», «*la puerta del Mollete*», «*la puerta llamada de la Torre*», «*la puerta de los Escribanos*», «*la puerta del Perdón*», «*la puerta del Reloj, llamada también de la Feria*», «*la puerta de los Leones, o, por otro nombre, de la Alegría*», «*la capilla de Santiago*», «*la inmediata de San Ildefonso*», «*la tumba del cardenal Albornoz*», «*la puerta de Santa Catalina*», «*la Campana Gorda*». Ср.:

*Los pordioseros charlaban sentados en los escalones de **la puerta del Mollete**. Pasaban por entre ellos los curas ..., entrando apresuradamente en la catedral por **la puerta de la Presentación**. - Нищие разговаривали между собой, сидя на ступеньках **двери del Mollete**. Мимо них проходили священники, ... и направлявшиеся в церковь через **двери Введения**.*

Переводческий аспект проблемы не является целью нашего исследования, однако, можно отметить, что использование латиницы в тексте перевода не способствует реализации когнитивно-прагматического потенциала названий элементов собора и достижению нужного прагматического эффекта.

На протяжении всего романа автор всячески подчеркивает мрачный, неприветливый, холодный образ собора:

***La humedad de la piedra, el frío de tumba** que circulaba por toda La Catedral, **le penetraba hasta los huesos**. - **Сырость камня, могильный холод**, наполнявший весь собор, **пронизывал его до костей**.*

Несмотря на холодность и неприветливость *La Catedral*, как любая мать, защищает нуждающихся. Собор играет значительную роль в жизни населения Толедо, так как является не просто местом для молитв, но еще и убежищем. Несмотря на то, что речь идет о времени, когда на территории Испании господствовал готический стиль, церковь была построена гораздо раньше и сохранила в себе черты романской архитектуры, одной из основных функций которой была защита:

*1. Era un pueblo que vivía sobre la catedral al nivel de los tejados, y al llegar la noche y cerrarse **la escalera de la torre** quedaba aislado de la ciudad. La tribu semieclesiástica se procreaba y moría en el corazón de Toledo, sin bajar a sus calles, adherida por tradicional instinto **a aquella montaña de piedra blanca y calada, cuyos arcos la servían de refugio**. - ... над собором, в уровень с крышами, жило целое население, и ночью, когда закрывалась **лестница, ведущая на башню**, все это население было совершенно отрезано от города, Целые поколения рождались, жили и умирали в самом сердце Толедо, не*

*выходя на улицы, привязанные каким-то инстинктивным наследственным влечением к этой **громаде из резного белого камня, своды которой служили им убежищем.***

*2. Más allá de aquellos **muros** estaba el mundo.... - Где-то, за этими **стенами**, был мир...*

Собор в Толедо является реальным сооружением, сохранившимся и функционирующим до настоящего времени. В 587 году он служил христианским религиозным центром вестготского королевства. После завоевания Испании арабами, собор превратили в мечеть. В 1085 году Толедо был отвоеван у мавров, но только в 1087 году мечеть переосвятили как христианский храм, с минимальными изменениями в архитектуре. В VIII веке часть здания была разрушена и ее восстановление продолжалось вплоть до 1493 года уже в готическом стиле под влиянием французской архитектуры. Образ собора, история его существования, воспроизведены автором романа через метафоризацию архитектурных элементов.

При передаче чувств главного героя романа, одинокого странника Габриэля Луны, В. Бласко Ибаньес также обращается к образу собора:

*1. Los Luna son **antiguos** en la catedral como las piedras de **sus muros**.... - Семья Луна такая же **старинная, как камни стены**...*

*2. Los Luna eran tan **antiguos como los cimientos** de la iglesia... - Семья Луна была такая же **древняя, как фундамент церкви**.*

Посредством образной метафоры реализуется прагматическая установка автора, и собор предстает перед читателем в самых разных своих ипостасях: и как защитник, и как близкий родственник, и как храм веры. Создается образ храма, близкого по духу главному герою.

Примечательно, что архитекторы в профессиональной среде нередко относятся к своим творениям как к живым существам, в связи с чем П. Убеда Мансилья [\[49, p. 116\]](#) приводит следующие примеры:

1. El edificio es un ser vivo (Ср: Здание – это живое существо)
2. El edificio es un cuerpo (Ср: Здание – это тело, организм)
3. La ciudad es un ser vivo (Ср: Город – это живое существо).

При рассмотрении вопросов профессиональной коммуникации сквозь призму процесса метафоризации, трудно не согласиться с Е. И. Головановой в том, что специальный язык представляет собой определенную систему в рамках общего языка, свидетельствующую о потребности людей «в «языковании» специальной информации, полученной ими в ходе целенаправленной деятельности и отражающей особенности их восприятия объектов, связей и отношений между ними и специфику сложившейся в рамках профессионального социума системы коммуникаций» [\[8, с. 52\]](#).

Логично предположить, что данный вид коммуникации предусматривает не только наличие установленных норм поведения и взаимодействия между членами коллектива, но и говорит об обладании определенным типом мышления. Вместе с тем, принципиально важно отметить, что на развитие терминосистемы специальных языков большое влияние оказывает картина мира и ее национально-культурная специфика, которая, как правило, проявляется в «терминологических фразеологизмах» [\[8, с. 140\]](#), метафоре и метонимии [\[46, 48\]](#). Язык «через систему своих значений и их ассоциаций окрашивает

концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [\[25, с. 177\]](#).

Заключение

Подводя итог вышесказанному и опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что метафора в составе испанского специального языка архитектуры способствует уточнению характеристик объекта через обращение к уже знакомым предметам и явлениям действительности, передавая вместе с тем особенности культуры, истории, ментальности и мировидения народов Испании.

Кроме того, метафора, играя роль «моста понимания» (*puentes de entendimiento*), относится к тем когнитивным инструментам, которые интенсивно используются архитекторами в их профессиональной деятельности. Предназначение данного языкового механизма видится в содействии процессу коммуникации во всей архитектурной среде, повышении ее эффективности через использование более простых «доменов понимания» (*dominios de comprensión*), соответствующих более сложным понятиям [\[48, p. 115; 37, p. 307\]](#).

Метафоризация, внося значительный вклад в «реализацию интенции адресанта и достижение определенного прагматического эффекта» [\[15, с. 110\]](#), в то же время активно участвует в процессе познания мира, освоении новых знаний и их языковой репрезентации, упрощая понимание и сближение между представителями разных научных областей.

Библиография

1. Абдурахманова А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2016. – 219 с. EDN: LTDOKY.
2. Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 1998. – 357 с.
3. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Балашова Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л.В. Балашова // Вестник Омского университета. – 2015. – № 2. – С. 169-177. EDN: TZQTYL.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Бузуева Ю.С., Карнаухова Е.Е. Эволюция категории "профессиональная коммуникация" в педагогических исследованиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 1. – С. 76-80.
7. Гайнутдинова Д.З. Термин-метафора архитектурно-строительного подъязыка: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2012. – 22 с. EDN: ZORHGF.
8. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. – Москва: ФЛИНТА : Наука, 2014. – 224 с. EDN: UZQJEP.
9. Гринев А.С. Сопоставительный анализ английской и русской архитектурной терминологии: на материале тематического поля "Теория и история архитектуры" : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 214 с. EDN: NNISWF.
10. Гусев С.С. Метафора / С.С. Гусев // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль,

2001. – Т. 2. – С. 548-549.

11. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

12. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делиц // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 113-121. EDN: JSHUAF.

13. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. – Москва: Искусство, 1985. – 175 с.

14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. EDN: UGQAMP.

15. Карповская Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал средств категории интенсивности сквозь призму процесса метафоризации (на материале интенсификатов испанского и русского языков) / Н.В. Карповская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 107-117.

16. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Архитектурный дискурс и его жанры в сфере профессиональной коммуникации (на материале французского языка) // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 4. – С. 142-147. EDN: TRJYJL.

17. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? – Москва: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

18. Кузнецова Н.Г., Зайцева И.Е., Степичева О.Н. Профессиональный язык архитекторов: системный подход к словарю (на материале английского, немецкого и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 2. – С. 98-107.

19. Назарова М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен : автореф. дис. ... д-ра философских наук. – Волгоград, 2013. – 49 с. EDN: ZOUYYR.

20. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. EDN: QRAADX.

21. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С. 20-29.

22. Овакимян А.Д. Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2018. – 165 с. EDN: PEEHUS.

23. Плавский З. Испанская реалистическая проза XIX века. Вступительная статья и примечания. – М.: Художественная литература, 1976. URL: <https://litmir.club/br/-b=148242>.

24. Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Архитектурный словарь. – Москва: Искусство-XXI век, 2011. – 424 с. EDN: QNPIKH.

25. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – 212 с.

26. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складеревская // Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с. EDN: SJHTLP.

27. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.

28. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. "Языки русской культуры", 1996. EDN: SUMHNJ.

29. Тюльнина В.П., Хаятин А.Д., Рудакова А.Г. Лингвистические и экстралингвистические аспекты номинации в подъязыке горного дела (на материале простых и сложных лингвистических единиц) // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 1996. – № 5. – С. 81-87. EDN: NBWWYN.

30. Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/МЕТАФОРА (дата обращения:

28.11.2025).

31. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 144 с. EDN: ХТЮРП.

32. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Изд. АСТ, 2019. – 704 с.

33. Явейн О.И. О первых опытах переноса методов структурно-семиологических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – № 1(38). – С. 19-31. URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/yawein/index.php> (дата обращения: 29.11.2025). EDN: YGIKVZ.

34. Black M. Metaphor / M. Black // Models and metaphor studies in language and philosophy. – Itaca. London: Cornell University Press, 1962. – P. 25-47.

35. Blasco Ibañez V. "La catedral" // 1903. URL: <https://archive.org/details/BlascoIbezVicenteLaCatedral>.

36. Cabré Castellví M.T. Los términos, unidades comunicativas, cognitivas y lingüísticas / M.T. Cabré Castellví // Teoría y praxis en terminología. – Montevideo: Universidad de la República, 2017. – P. 9-22.

37. Castaño Perea E., de la Fuente Prieto J. Language del arquitecto diagnostico y propuestas académicas / E. Castaño Perea, J. de la Fuente Prieto // Revista de Docencia Universitaria. REDU. – 2013. – Vol. 11, № 3. – P. 301-320.

38. Diccionario de la lengua española. URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> (дата обращения: 29.11.2025).

39. Domínguez Ramos J., Giralt Ametller D. Diccionario de términos artísticos. – Madrid: Globo, 2003. – 198 p.

40. Estrategias argumentativas y discurso político / Ed. por C. Fuentes Rodríguez. – Madrid: Arco / Libros, S.L., 2016. – 317 p.

41. Gómez de Enterría J. El español lengua de especialidad: enseñanza y aprendizaje. – Madrid: Arco/Libros, 2009. – 192 p.

42. Moliner M. Diccionario de uso del español. – 3 ed. para PC / Linux / Mac. – Barcelona: Gredos, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

43. Ocampo E. Diccionario de términos artísticos y arqueológicos. – Barcelona: Icaria, 1992. – 214 p.

44. Ortega Barnuevo C. Testimonios históricos y literarios del monasterio de San Lorenzo el Real de El Escorial. – 2016. – p. 802.

45. Sainz Avia J. El dibujo de arquitectura: Teoría e historia de un lenguaje gráfico. – Madrid: Reverté, 2005. – 253 p.

46. Salvador V. De la fraseología a la lingüística aplicada // Capllettras. – № 18. – P. 11-30.

47. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. The handbook of discourse analysis. – Malden, MA: Blackwell, 2001. – 843 p.

48. Úbeda Mansilla P. Estudio de un corpus de textos conversacionales en inglés realizados en estudios de arquitectura de habla inglesa. su aplicación al diseño de un curso de inglés para arquitectos : Tesis Doctoral inédita. – Madrid, 2001. – 340 p.

49. Úbeda Mansilla P. Conocimiento y lenguaje en el ámbito de los arquitectos / P. Úbeda Mansilla // Revista de Expression Grafica Arquitectonica. – 2005. – Vol. 10, № 10. – P. 112-119.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена многоаспектному анализу метафоры как когнитивного механизма и домена понимания в профессиональной коммуникации архитектурной сферы. Предмет исследования очерчен авторами предельно ясно: рассматривается функционирование метафоры в испанской архитектурной терминосистеме, её роль в процессах номинации, в когнитивной деятельности архитектора, а также её проявления в художественном и профессиональном дискурсе. Уже сам выбор объекта — архитектурная метафора — выглядит научно перспективным, поскольку объединяет терминоведение, когнитивную лингвистику, профессиональный дискурс, межкультурную коммуникацию и семиотику архитектуры. Текст статьи демонстрирует глубокое понимание как лингвистической природы метафоры, так и своеобразия архитектурного языка, что делает исследование актуальным и востребованным в контексте современных гуманитарных наук.

Методология исследования основана на сочетании когнитивно-дискурсивного подхода, системно-структурного анализа терминов и лингвокультурологической интерпретации метафорических единиц. Автор использует широкий корпус лексикографических источников (толковые словари, терминологические словари архитектуры), сопоставительный анализ испанских и русских терминов, привлекает семиотические концепции У. Эко, структуралистские идеи Соссюра, когнитивные модели Лакоффа и Джонсона. Важным методическим компонентом является анализ терминов на основе их образной мотивировки и функциональных характеристик, что позволяет проследить связь между метафоризацией и архитектурным мышлением. Примерный корпус включенных единиц — *aguja, tambor, alma, flecha, bóveda de crucería, bóveda de abanico* и др. — подтверждает широту материала и корректность методологических процедур.

Актуальность исследования обусловлена сразу несколькими факторами. Во-первых, в теории специальных языков растёт интерес к когнитивным механизмам формирования терминологии. Во-вторых, архитектурный дискурс — один из наиболее поликодовых и междисциплинарных, что делает изучение его метафорического слоя особенно важным. В-третьих, испанская архитектурная традиция, богатая культурными ассоциациями и историческими пластами, остаётся недостаточно изученной с точки зрения метафорической терминологии в отечественной лингвистике. Таким образом, статья заполняет значимый научный пробел.

Научная новизна статьи проявляется в систематическом описании метафорических механизмов в испанской терминологии архитектуры, в выявлении специфики мотивировочных признаков и в демонстрации того, как метафора выступает инструментом профессионального мышления архитектора. Автор не ограничивается лишь технической терминологией, а показывает, что метафора работает и в «языке архитектуры» как семиотической системе, и в художественном дискурсе, где архитектурный объект нередко выступает самостоятельным персонажем. Особенно ценным представляется анализ романа В. Бласко Ибаньеса «La Catedral», где собор осмысливается как одушевлённый организм, обладающий функцией защиты, материнскими чертами и эмоциональной окраской. Корректное сопоставление оригинала и русского перевода позволяет увидеть, где метафорический потенциал теряется по причине грамматической несовместимости родовых форм.

Стиль и структура статьи демонстрируют высокий уровень научной организации материала. Текст логичен: переход от античной теории метафоры к когнитивным концепциям современности выстроен последовательно, затем следует анализ терминов и далее — рассмотрение метафоры в художественной литературе и семиотике

архитектуры. Изложение отличается академичностью и насыщенностью источниками, но при этом остаётся доступным благодаря богатому иллюстративному материалу. Отдельные фрагменты могли бы выиграть от кратких обобщающих таблиц или схем классификации, однако и без этого текст сохраняет стройность и убедительность.

Библиография статьи широка, разнообразна и включает как фундаментальные труды по лингвистике, метафорологии, когнитивной семиотике и терминоведению, так и специализированные словари и архитектурные исследования. Выбор источников отражает глубокую проработку темы и владение современным научным контекстом. Наличие трудов на нескольких языках (русский, испанский, английский), а также использование диссертационных и словарных материалов усиливают научную ценность публикации.

Апелляция к оппонентам осуществляется деликатно и корректно: автор сопоставляет различные концепции метафоры — риторическую, когнитивную, интеракционную, семиотическую — и показывает, что существующие трактовки дополняют друг друга, объясняя разные аспекты профессионального мышления архитектора.

Выводы статьи убедительны: метафора действует как мощный когнитивный инструмент, обеспечивающий понимание сложных архитектурных понятий, выполняет функцию домена интерпретации и способствует профессиональной коммуникации. Работа представляет интерес для широкого круга читателей: лингвистов, архитекторов, переводчиков, культурологов и специалистов по межкультурной коммуникации.

Полагаем, что рецензируемая статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале без критических замечаний.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Варфоломеева Ю.Н., Харанутова Е.И. Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.76954 EDN: WUGXTG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76954

Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online»

Варфоломеева Юлия Николаевна

ORCID: 0000-0003-2914-5804

доктор филологических наук

доцент, кафедра Медиакоммуникации; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, респ. Бурятия, г. Улан-Удэ, Октябрьский р-н, ул. Ключевская, д. 40В

✉ yulvar83@mail.ru

Харанутова Екатерина Иннокентьевна

ORCID: 0000-0002-6393-0702

кандидат философских наук

доцент, кафедра медиакоммуникаций; Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

670013, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, стр. 1

✉ kharanutova@inbox.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.76954

EDN:

WUGXTG

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2025

Аннотация: Объектом работы выступает новостной дискурс регионального сетевого издания «Ариг Ус online». Предметом работы являются способы речевого воздействия в новостных текстах. Эмпирическую базу исследования составляют новостные материалы сетевого издания «Ариг Ус online» за март 2022 года – период повышенного роста числа

его посетителей (в сумме проанализировано более 500 новостных текстов). Внимание уделяется понятиям дискурса, медиадискурса, новостного дискурса, сетевого издания. Новостные материалы исследованы в аспекте жанрового деления на новостные заметки, информационные отчеты, интервью и репортажи. Для привлечения внимания читателей к текстовой составляющей новостного дискурса применяются различные способы речевого воздействия, которые могут быть сгруппированы по принципу отнесенности к тому или иному языковому уровню: фонетическому, лексическому, грамматическому и художественной образности. В работе применены структурно-описательный метод, предполагающий лингвистическое наблюдение, анализ, классификацию средств речевого воздействия, а также приемы контент-анализа, включающего в себя изучение тематики публикаций, категоризацию данных по используемым способам речевого воздействия и анализ количественных показателей. Новизна работы состоит в анализе новостного контента регионального сетевого издания «Ариг Ус online» – интернет-платформы, созданной телерадиокомпанией «Ариг Ус» и зарегистрированной в Управлении Роскомнадзора по контролю за связью, информационными технологиями и массовыми коммуникациями в Республике Бурятия, чего ранее не предпринималось. В ходе анализа сетевому изданию дана характеристика, в которой особое внимание уделено новостным материалам: заметкам, информационным отчетам, новостным интервью и репортажам, в которых выявлены разные способы речевого воздействия. Одним из выводов служит констатация того, что в трети новостных текстов журналисты используют различные способы речевого воздействия (в заголовках и основном тексте). Наиболее частотными средствами выступают лексические (фразеологизмы, стилистические контрасты и коннотативные единицы и др.) и образные (метафоры, бессоюзия, риторические восклицания, эпитеты и др.). Исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее часто средства речевого воздействия используются в жанре новостной заметки. Контент-анализ материалов свидетельствует о востребованности разных способов речевого воздействия в текстах с темами «происшествие» и «здоровье».

Ключевые слова:

дискурс, медиадискурс, новостной дискурс, воздействие, речевое воздействие, сетевое издание, контент-анализ, фразеологизм, метафора, средства массовой информации

Введение.

В современной науке наблюдается все возрастающий интерес исследователей к вопросам анализа дискурса (Е.С. Кубрякова [\[10\]](#), В.А. Плунгян [\[15\]](#), А.А. Кибрик [\[8\]](#) и др.). Основоположником изучения дискурса считают Т. Ван Дейка, предложившего сложное определение дискурса как особенного коммуникативного события [\[2\]](#). Одно из хрестоматийных определений понятия дано Н.Д. Арутюновой [\[1\]](#) и др. Согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте», это «речь, погруженная в жизнь» [\[1, с. 136-137\]](#).

По мнению О.А. Пантиной, в исследовании дискурса выделяются два основных направления. Одно из них – когнитивный подход, который предполагает изучение связи дискурса с когнитивными функциями и процессами. Второе направление, названное О.А.

Пантиной, – динамическое, связано с анализом процессов создания текста и его восприятия [14]. В настоящей работе при анализе дискурса реализован второй подход, позволяющий выявить особенности формирования текстов с помощью различных способов речевого воздействия.

Ученые выделяют разные типы дискурсов, в числе которых можно вычленить медиадискурс (Т. Г. Добросклонская [3], Е.А. Кожемякин [9], И.А. Стернин [18], Н.Н. Оломская [13] и др.). Е.А. Кожемякин предлагает трактовать понятие медиадискурса как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [9, с. 18]. Медиадискурс обладает рядом функционально-прагматических целей и характеристик. Согласно Е.А. Кожемякину, среди них можно выделить описание действительности и ее интерпретацию, воздействие на сознание, оценку действительности, прогнозирование развития событий и тому подобное. Ученый анализирует разные типы медиадискурса, включая новостной, рекламный, промоционный (PR) дискурсы, а также информационный, аналитический, публицистический [9].

Объектом настоящей статьи выступает новостной медиадискурс, изучению которого посвятили свои работы такие исследователи, как Т.Г. Добросклонская [3], М.Р. Желтухина [5], О.А. Пантина [14], А.А. Негрышев [12] и др. Новостной дискурс обладает определенными характеристиками, такими как актуальность информации, значимость описываемых событий, близость к получателю информации, принадлежность к медиатопику и форматные особенности, последние предполагают единую суперструктуру, которая помогает информативно организовать новостной текст [11, 12].

Исследование жанровой специфики новостных текстов является важным аспектом изучения новостного дискурса. Е.В. Евдокименко и А.А. Мосян отмечают, что информационные жанры включают определенный набор информационных потоков, предоставляя аудитории возможность регулярно быть в курсе самых значимых событий. Жанры новостных текстов должны соответствовать требованиям фактической точности, ясности и краткости, должны быть лишены излишних деталей, которые могут отвлечь читателя от основной темы. Среди основных новостных жанров Е.В. Евдокименко и А.А. Мосян выделяют новостные заметки (сжатые тексты, в которых содержится один конкретный факт), информационные отчеты (содержат результаты обсуждения проблем на семинарах, собраниях, конференциях и т.п.), новостные интервью (информация получается от конкретного лица в связи с соответствующим событием), новостные репортажи (наблюдения с места событий) [4].

Одним из популярных среди россиян источников новостной информации выступают на сегодняшний день сетевые издания, за последние 15 лет их пользовательская база существенно выросла [16]. В настоящее время у аудитории есть уникальная возможность получать новости по своим интересам, обращаться к потоку информации онлайн и взаимодействовать с ним в режиме реального времени. Для привлечения внимания в новостном дискурсе используют интерактивные технологии, гипертекстуальность, мультимедийные средства [11]. Согласно исследованиям Т.Г. Добросклонской, новостные сообщения обладают высокой степенью идеологической модальности, что позволяет предположить использование разных способов воздействия на аудиторию [3, с. 17].

Обсуждение и результаты.

Предметом настоящего исследования выступают новостные тексты регионального сетевого издания. «Ариг Ус онлайн» – интернет-платформы, созданной телерадиокомпанией «Ариг Ус» в 2005 году. Важно отметить, что с 14 апреля 2017 года она получила регистрацию в Управлении Роскомнадзора по контролю за связью, информационными технологиями и массовыми коммуникациями в Республике Бурятия.

Онлайн-издание «Ариг Ус online» имеет доменное имя arigus.tv. Согласно данным LiveInternet, сетевое издание занимает лидирующую позицию по месячной посещаемости среди медиа в городе Улан-Удэ, Республика Бурятия. Один из периодов наиболее активного роста посетителей приходится на март 2022 г., что объясняется изменением обстановки в стране. Месячный отчет о посещаемости сайта показывает, что в марте 2022 года было зарегистрировано 3,215,063 просмотров страниц, а общее число посетителей достигло 641,284. Среди них 53,0% составляют мужчины, а 47,0% – женщины [16]. Наибольшее число посетителей приходится на возрастную категорию от 25 до 34 лет (29,8%), за которой следуют посетители в возрасте от 35 до 44 лет (20,3%) и от 18 до 24 лет (24,6%). Также было замечено, что 21,4% посетителей старше 44 лет и 3,9% – младше 18 лет. Большинство пользователей сайта (87,5%) находятся в России, наиболее популярный регион читателей – Новосибирск (18,6%).

Сетевое издание «Ариг Ус online» выделяется своей уникальной цветовой палитрой, включающей фирменные цвета компании: белый, синий и голубой. Логотип «Ариг Ус» с хэштегом #главный размещается в верхнем левом углу страницы. Ниже логотипа расположены основные разделы сайта, включая новости, видео, программы, афишу и др. Сайт предоставляет возможность просмотра прямой трансляции телеканала «Ариг Ус 24» вместе с программой передач в одном окне. Во время транслируемых программ в верхнем левом углу отображается фирменная плашка «ARIGUS HD». Функция поиска позволяет пользователям находить новости и телевизионные выпуски как по запросу, так и по датам публикации. Под основными разделами сайта находится строка, которая сообщает о том, какие программы в данный момент идут в эфире на одном из двух телеканалов («Ариг Ус» и «Ариг Ус 24»), между которыми можно выбирать. На другой стороне строки расположена ссылка «Вся программа», которая открывает полную недельную телепрограмму для двух телеканалов.

В нижней части страницы сайта «Ариг Ус online» размещена необходимая юридическая информация, включающая дату запуска сайта, полное название издания с возрастным ограничением (18+), регистрационные данные о средстве массовой информации, учредителе, главном редакторе, контактные телефоны и адреса электронной почты редакции. Главная страница «Ариг Ус online» содержит блок с пятью главными темами дня, а также блоки «Новые выпуски» с пятью актуальными записями телепрограмм.

Новостная информация публикуется в разделе «Новости». На верхней части страницы встречаются популярные теги, а ниже представлен список рубрик. На сайте «Ариг Ус online» имеется 14 рубрик: «Политика», «Экономика», «Образование», «Бизнес», «Происшествия», «Авто», «Здоровье», «Культура», «Общество», «Город», «HiTech», «Экология», «Спорт» и «Народные новости». Все опубликованные материалы разделены на три блока: «Популярное», «Свежие новости» и «Народные новости». В блоке «Свежие новости» представлено 40 новостных текстов. Каждая публикация снабжена счетчиком просмотров и возможностью комментирования для зарегистрированных пользователей. Кроме того, читатели могут поделиться контентом в социальных сетях. В правой части страницы расположены новые видеоролики, ссылка на архив новостей, авторские колонки и список последних комментариев на сайте.

Отталкиваясь от мысли о том, что воздействие на массового адресата является неотъемлемой частью новостного дискурса, рассмотрим работы ученых в данной области.

Одной из значимых работ, посвященных речевому воздействию, является книга К.Ф. Седова [17]. В ней автор исследует дискурс как пространство для взаимодействия. Он основывается на концепции, предложенной Т.Г. Винокуром и развитой В.В. Дементьевым, согласно которой все формы дискурса располагаются между двумя полюсами: информатикой и фатикой. Информатика направлена на передачу новой информации, а фатика представляет собой коммуникацию ради самой коммуникации, позволяющую говорящему чувствовать свою причастность к обществу. К.Ф. Седов дополняет эту концепцию третьим аспектом – воздействием, отмечая, что помимо передачи информации и идентификации себя как части социума, говорящий влияет на слушателя и в разной степени изменяет его представление о мире [17].

Одной из разработанных и четких концепций, систематизирующих способы речевого воздействия в медиадискурсе, выступает работа О.С. Иссерс [6, 7]. Ученый, исследуя феномен речевого воздействия, приходит к выводу о том, что в этом процессе используется практически весь арсенал языковых средств: на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях, а также с помощью выразительных средств языка.

Фонетические способы воздействия речи включают в себя орфоэпические нормы, акцент, интонацию, прием рифмованного эха, игру на созвучиях, рифмах и ритме. На лексическом уровне воздействие происходит за счет коннотативных речевых конструкций, которые формируют и группируются вокруг обобщенных символов Добра и Зла, идеологически нагруженной лексики, фразеологии, приемов стилистического контраста и др. На грамматическом уровне воздействие осуществляется за счет актуализации грамматических единиц языка (актуализация категорий залога, переходности, времени, инверсии, парцелляции, номинализации, тема-рематического членения и др.) и словообразовательной игры. На уровне выразительных средств языка воздействие речи осуществляется с помощью различных тропов (эпитеты, метафоры, метонимии, олицетворения и др.), реализуемых с разной интенсивностью, размахом и детализированностью [6].

В ходе контент-анализа и исследования способов речевого воздействия в более 500 новостных текстов сетевого издания «Ариг Ус online» за март 2022 год – период повышенного роста числа его посетителей (по данным LiveInternet) – было обнаружено, что в 32% от общего числа текстов журналисты используют различные способы речевого воздействия. Из 179 примеров использования способов речевого воздействия 20,1% (36) приходится на заголовки и 79,9% (143) на основную часть.

Рассмотрим в качестве примера следующий новостной текст.

Заголовок: *В Улан-Удэ инспекторы ГИБДД остановили автоледи с липовыми правами. Она «завалила» экзамен и купила права за 20 тысяч.*

Жанр: новостная заметка. Тема: происшествие. В данном тексте использованы лексические средства воздействия: коннотативные речевые конструкции и стилистически маркированные (разговорные) единицы (*липовые права* и *завалила*). Заметка проникнута иронией, что подчеркивается выбором таких слов, как *автоледи*, *липовые права* и *завалила*, что помогает усилить воздействие на читателя. Далее в тексте заметки встречается повтор: *Утром 24 марта в Сотниково сотрудником ГИБДД попался*

ещё один водитель с **липовыми правами**.

Использованные способы речевого воздействия позволили создать негативное отношение к покупке документов и сформировать отрицательную тональность публикации.

Следующий текст содержит в своем составе другие средства речевого воздействия.

Заголовок: *Въезд в леса Улан-Удэ ограничат 60 шлагбаумами. Совсем скоро леса начнут патрулировать мобильные группы.* Жанр: заметка. Тема: экология. В анализируемом тексте отмечены профессионализмы:

*В 2021 году в городе проложили более 300 км **минерализованных полос**, в 2022 их планируют устроить в таком же количестве. Минерализованные полосы создаются вокруг населённых пунктов и социально-значимых объектов для того, чтобы задержать распространение **низовых пожаров**, отметили в мэрии.*

Используемые профессионализмы создают эффект погружения в текст, свидетельствуют о компетентности журналиста, тем самым вызывают доверие у читателя.

В целом, на средства лексического уровня приходится 79% (114) от общего числа воздействующих единиц. Самыми частотными способами на этом уровне стали фразеологизмы (*крик о помощи, взять себя в руки, выбивать из колеи, поставить на ноги, зайти в тупик* и др.), их число составило 49% и стилистические контрасты (профессионализмы и научные термины: *минерализованные полосы, низовые пожары, парвовирусный энтерит* и др.; разговорные: *управляшка, наличка, коммуналка, нету* и др.; сленговые: *тачек, спалила, накрылся* и др. – 40%), отмечены коннотативные речевые конструкции (*молодцы, горе-инвесторы* – 4%), идеологически нагруженная лексика (*герои, негодяи* – 4%), неологизмы (*штамм «омикрон», скоринг* – 2%), антонимы (*зима холодная, зима теплая, возрастает, снижается* и др. – 1%).

На уровне художественной образности выявлено 65 способов (20%), из них самыми частотными способами оказались метафоры (*снежный плен, выходные на полный газ, шапки снега* и др. – 45%);

бессоюзия (*Спасатели эвакуировали двоих мужчин, переодели, отогрели, доставили в Нижнеангарск. До 31 марта этого года включительно приостановлено проведение досуговых, развлекательных, зрелищных, культурных, физкультурных, спортивных, выставочных, просветительских, рекламных, публичных, массовых мероприятий. Полеты временно ограничены в аэропорты: Анапа, Белгород, Брянск, Воронеж, Геленджик, Краснодар, Курск, Липецк, Ростов-на-Дону, Симферополь, Элиста», - говорится в сообщении* и др. – 18%);

риторические восклицания (*Будьте аккуратны на дороге! Она может быть максимально насыщена и интересна, все рамки/ограничения только в нашей голове! На дорогах возможны гололед, накаты, плохая видимость!* и др. – 12%);

эпитеты (*ажиотажный спрос, свинцовые тучи, райский остров* и др. – 9%);

риторические вопросы (*Почему дело слушалось так долго и что повлияло на решение народного суда? Еще один природный каприз или недоглядели ответственные лица?* и др. – 5%);

повторы (*как работали – так и работаем; как жили – так и живем* и др. – 4%);

ирония (*автоледи с липовыми правами, специалист компании (в значении неспециалист)* и др. – 3%);

олицетворения (*природный каприз, дыхание Байкала* и др. – 2%);

перифраза (*царь зверей* и др. – 2%).

Из средств грамматического уровня зафиксирована парцелляция (*Очень тяжело. Так как вообще никого нету. Ни матери, ни отца. Не замужем. Помощи ни от кого нету* – 1%).

Выводы.

В разрезе жанров новостных текстов можно констатировать, что чаще всего средства речевого воздействия используются в жанре новостной заметки (143 воздействующих единицы), в информационных отчетах обнаружено 15 средств речевого воздействия, в новостных репортажах – 14, в новостных интервью – 4, что можно объяснить особой популярностью жанра заметки и ее количественным доминированием среди остальных новостных жанров.

Говоря о тематической классификации, отметим, что больше всего средств воздействия обнаружено в текстах с темой происшествия (44), здоровье (22), СВО (21), праздники (17). Полученные данные можно трактовать как одно из подтверждений особой популярности у читателей подобных тем. Происшествия и здоровье – темы, которые вызывают регулярный интерес аудитории [\[4, 11\]](#), поэтому сетевое издание активно публикует подобные материалы. Тексты с темой происшествия составляют более 18% от общего числа проанализированных текстов (92 единицы). Начало СВО и период праздничных дней (месяц март) – события, способствовавшие востребованности у читателей материалов соответствующих рубрик в конкретный период: на тему СВО опубликовано 22 материала, на тему праздников – 14.

Таким образом, можно сказать, что новостной дискурс сетевого издания «Ариг Ус online» отличается количественным доминированием жанра новостной заметки, популярностью тем, связанных с происшествиями и разнообразием способов речевого воздействия на лексическом, грамматическом и образном уровнях, что, бесспорно, влияет на его популярность и востребованность.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Дейк ван Т. А. Стратегия понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 153-211.
3. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа / Т. Г. Добросклонская // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. – Белгород: издательский дом "Белгород", 2016. С. 13-22. EDN: YHSCRV
4. Евдокименко Е. В. Новостные жанры в региональных печатных СМИ / Е. В. Евдокименко, А. А. Мосян // Огарёв-Online. – 2021. С. 1-5.
5. Желтухина М. Р. Медиадискурс / М. Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. № 3-4 (24-

25). С. 292-296. EDN: WPJAGV

6. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учебное пособие / О. С. Иссерс. – Москва: Флинта, 2020. 240 с. EDN: SURXFH

7. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1999. Вып. 1. С. 74-79. EDN: UWL MNV

8. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. № 5. С. 56-67. EDN: YRNJVR

9. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. Вып. 11. № 2 (73). С. 13-21. EDN: MTXURN

10. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – Москва: РАН. ИНИОН, 2000. С. 5-13. ISBN 9785248013395. EDN: LAGODP

11. Лукина М. М. СМИ в пространстве Интернета / М. М. Лукина, И. Д. Фомичева. – Москва, 2005. 89 с. ISBN 5-7776-0068-9. EDN: PCRVBS

12. Негрышев А. А. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров / А. А. Негрышев // Вестник Московского университета: серия 10. Журналистика. – 2011. № 1. С. 228-244. EDN: NSZXCX

13. Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса / Н. Н. Оломская // Научный диалог. – 2013. № 5 (17): Филология. С. 250-259. EDN: QCQEIX

14. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса: на материале газетных текстов о природных катастрофах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ольга Анатольевна Пантина; Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – Санкт-Петербург, 2018. 159 с. EDN: KWKFBT

15. Плунгян В. А. Предисловие: Дискурс и грамматика / В. А. Плунгян // Исследования по теории грамматики / ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. – Москва: Гнозис, 2008. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. С. 7-36.

16. Рейтинг сайтов – URL: <https://www.liveinternet.ru> (дата обращения 26.11.2025).

17. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении / К. Ф. Седов. – Москва: Лабиринт, 2011. 332 с. ISBN 978-5-87604-212-5.

18. Стернин И. А. Основы медиадискурса / И. А. Стернин. – Москва: МедиаМир, 2014. 123 с. ISBN 978-5-88242-751-0.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online», представленная для рассмотрения к публикации в журнале "Филология: научные исследования", являет собой исследование, выполненное в русле современной медиалингвистики и направленное на изучение функционирования языка в медиасфере. В настоящее время данное исследовательское поле становится все более востребованным, актуальным, т.к. появление большого количества сетевых изданий, предоставляющих населению разнообразную информацию в доступной, занимательной, красочной и в то же время

достаточно информативной форме, требует выявления эффективных средств привлечения медиаресурсами широкой пользовательской аудитории. Объектом рецензируемой статьи является новостной медиадискурс, размещенный на сайте регионального сетевого издания «Ариг Ус online», публикующего новости Бурятии и Улан-Удэ.

В исследовании автором поставлена цель выявить "особенности речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания" через "анализ процессов создания текста и его восприятия". Опираясь на мнения ученых, посвятивших свои работы проблеме новостного медиадискурса (Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, О.А. Пантина, А.А. Негрышев и др.), исследователь рассматривает особенности подачи материала в сетевом издании с точки зрения организации вербального воздействия на аудиторию, что служит общей цели – привлечению внимания большего числа пользователей, популяризации и увеличению посещаемости интернет-платформы, в том числе путем составления текстов, оказывающих воздействие на пользователей. Проанализировано более 500 новостных текстов, в них выявлено 179 примеров использования способов речевого воздействия.

В качестве основного для дискурс-анализа автором избран динамический подход, связанный "с анализом процессов создания текста и его восприятия". В исследовании использованы количественные методы: в статье дается статистика посещаемости интернет-платформы с указанием возрастных групп пользователей, делается обзор рубрик, описываются интерфейс и контент сетевого издания. Особенно наглядны результаты подсчета использования тех или иных средств воздействия в новостных текстах, подразделяющихся на новостные заметки, информационные отчеты, новостные интервью, новостные репортажи. Автор заключает, что среди жанров новостных текстов "чаще всего средства речевого воздействия используются в жанре новостной заметки (143 воздействующих единицы), в информационных отчетах обнаружено 15 средств речевого воздействия, в новостных репортажах – 14, в новостных интервью – 4". Также исследователь отмечает наибольшее использование средств воздействия "в текстах с темой происшествия (44), здоровье (22), СВО (21), праздники (17), экономика (10)", что обусловлено самой тематикой текстов ("происшествия"), призванных привлечь внимание пользователей шокирующими данными или подробностями. Статистические данные обеспечивают достоверность результатов работы.

Используемые при анализе теоретические источники подобраны корректно, помогают автору обосновать обсуждаемые положения актуальной темы. Основная часть библиографии относится к публикациям последних 20 лет, которые написаны в области речевого воздействия в медиадискурсе (К.Ф.Седов, О.С.Иссерс).

В тексте имеются несогласованные сочетания слов ("такими как возможность комментирования для зарегистрированных пользователей и функция поделиться контентом", "На дорогах возможно гололед, накаты, плохая видимость!"). Требуется пояснение, почему автор счел необходимым в середине статьи указать, что "Особое внимание в исследовании будет уделено разделу «Новости»", т.е. обозначил некое будущее исследование. В последних трех абзацах текста замечены опечатки ("Тексты с темой происшетвия"; "проанализированных текств"; "читателей материалов соответствующих рубрик"; "связанных с присшестввиями").

В целом, статья «Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания "Ариг Ус online"» представляет интерес для лингвистов, медиаспециалистов в плане выявления наиболее эффективных средств речевого воздействия на пользователей сайта. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию. Считаем, что после устранения ошибок ее можно принять к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online», представленная для рассмотрения к публикации в журнале "Филология: научные исследования", являет собой исследование, выполненное в русле современной медиалингвистики и направленное на изучение функционирования языка в медиасфере. В настоящее время данное исследовательское поле становится все более востребованным, актуальным, т.к. появление большого количества сетевых изданий, предоставляющих населению разнообразную информацию в доступной, занимательной, красочной и в то же время достаточно информативной форме, требует выявления эффективных средств привлечения медиаресурсами широкой пользовательской аудитории. Объектом рецензируемой статьи является новостной медиадискурс, размещенный на сайте регионального сетевого издания «Ариг Ус online», публикующего новости Бурятии и Улан-Удэ.

В исследовании автором поставлена цель выявить "особенности речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания" через "анализ процессов создания текста и его восприятия". Опираясь на мнения ученых, посвятивших свои работы проблеме новостного медиадискурса (Т.Г. Добросклонская, М.Р. Желтухина, О.А. Пантина, А.А. Негрышев и др.), исследователь рассматривает особенности подачи материала в сетевом издании с точки зрения организации вербального воздействия на аудиторию, что служит общей цели – привлечению внимания большего числа пользователей, популяризации и увеличению посещаемости интернет-платформы, в том числе путем составления текстов, оказывающих воздействие на пользователей. Проанализировано более 500 новостных текстов, в них выявлено 179 примеров использования способов речевого воздействия.

В качестве основного для дискурс-анализа автором избран динамический подход, связанный "с анализом процессов создания текста и его восприятия". В исследовании использованы количественные методы: в статье дается статистика посещаемости интернет-платформы с указанием возрастных групп пользователей, делается обзор рубрик, описываются интерфейс и контент сетевого издания. Особенно наглядны результаты подсчета использования тех или иных средств воздействия в новостных текстах, подразделяющихся на новостные заметки, информационные отчеты, новостные интервью, новостные репортажи. Автор заключает, что среди жанров новостных текстов "чаще всего средства речевого воздействия используются в жанре новостной заметки (143 воздействующих единицы), в информационных отчетах обнаружено 15 средств речевого воздействия, в новостных репортажах – 14, в новостных интервью – 4". Также исследователь отмечает наибольшее использование средств воздействия "в текстах с темой происшествия (44), здоровье (22), СВО (21), праздники (17), экономика (10)", что обусловлено самой тематикой текстов ("происшествия"), призванных привлечь внимание

пользователей шокирующими данными или подробностями. Статистические данные обеспечивают достоверность результатов работы.

Используемые при анализе теоретические источники подобраны корректно, помогают автору обосновать обсуждаемые положения актуальной темы. Основная часть библиографии относится к публикациям последних 20 лет, которые написаны в области речевого воздействия в медиадискурсе (К.Ф.Седов, О.С.Иссерс).

В тексте имеются несогласованные сочетания слов ("такими как возможность комментирования для зарегистрированных пользователей и функция поделиться контентом", "На дорогах возможно гололед, накаты, плохая видимость!"). Требуется пояснение, почему автор счел необходимым в середине статьи указать, что "Особое внимание в исследовании будет уделено разделу «Новости»", т.е. обозначил некое будущее исследование. В последних трех абзацах текста замечены опечатки ("Тексты с темой происшетвия"; "проанализированных текств"; "читателей материалов соответствующих рубрик"; "связанных с присшествиями").

В целом, статья «Способы речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания "Ариг Ус online"» представляет интерес для лингвистов, медиаспециалистов в плане выявления наиболее эффективных средств речевого воздействия на пользователей сайта. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию. Считаем, что после устранения ошибок ее можно принять к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена комплексному анализу способов речевого воздействия в новостном дискурсе регионального сетевого издания «Ариг Ус online», что позволяет отнести её к актуальным направлениям современной медиалингвистики, прагмалингвистики и дискурсивных исследований. Предмет исследования определён чётко: автор ставит задачу выявить и классифицировать способы речевого воздействия, реализуемые в текстах новостей данного издания, и установить их частотность, жанровое распределение и прагматический потенциал. Такое исследование представляет значительный научный интерес, поскольку медиадискурс региональных интернет-ресурсов до сих пор изучен значительно менее полно, чем дискурс федеральных СМИ, а особенности воздействия в локальных новостях остаются перспективным, но недостаточно разработанным направлением.

Методология работы включает лингвистический дискурс-анализ, основанный на динамическом подходе О. А. Пантиной, а также комплексный количественный и качественный анализ способов воздействия, опирающийся на классификацию О. С. Иссерс. Автор последовательно описывает выборку (более 500 текстов за март 2022 года), характеризует принципы отбора материала, делит средства воздействия на лексические, образные и грамматические уровни, выделяет жанровые параметры и тематические особенности. Такой подход отвечает требованиям воспроизводимости и

научной строгости. Значимым методическим достоинством является детальная статистическая обработка материала: автор приводит числовые показатели общей выборки, распределение средств воздействия между заголовками и основным текстом, частотность отдельных групп средств, что существенно усиливает аналитическую составляющую исследования.

Актуальность статьи обусловлена современными тенденциями развития медийного пространства: ростом значимости сетевых СМИ, увеличением доли региональных новостных ресурсов, усилением роли речевого воздействия и идеологической модальности в новостях. Автор справедливо отмечает, что новостной дискурс является не только средством передачи информации, но и механизмом влияния на массовое сознание, особенно в условиях информационных перегрузок, высокой социальной напряжённости и беспрецедентной конкуренции медиа. Исследование регионального ресурса позволяет увидеть специфику локальной медиасреды и выявить способы воздействия, характерные именно для неё.

Научная новизна статьи проявляется в систематизации способов речевого воздействия, применяемых именно в региональном онлайн-издании, и в выявлении их частотности и жанрового распределения. Автор демонстрирует, что доминирующим жанром, в котором реализуются средства воздействия, является новостная заметка, что обусловлено её компактностью и высокой концентрацией смыслов. Важным выводом является то, что 32% материалов содержат эксплицитные способы воздействия, что показывает высокий уровень прагматической направленности регионального новостного дискурса. Новизна просматривается и в описании конкретных примеров: использование разговорной лексики (автоледи, липовые права, завалила), профессионализмов (минерализованные полосы, низовые пожары), метафор (снежный плен, шапки снега), риторических вопросов и восклицаний, параллельного синтаксиса, парцелляции и других средств. Столь детальная классификация делает статью ценным вкладом в медиалингвистику.

Стиль и структура статьи характеризуются высокой степенью научной последовательности, логичностью переходов и богатством иллюстративного материала. Автор подробно описывает основные теоретические подходы, опираясь на классические работы по дискурс-анализу, медиалингвистике, психолингвистике, затем переходит к эмпирической части, которая выполнена строго и аргументировано. В тексте отсутствует избыточная описательность: каждый теоретический тезис впоследствии находит подтверждение в анализе материала. Единственным моментом, который можно порекомендовать усилить, является объединение некоторых групп данных в визуальные таблицы или схемы, что сделало бы выводы ещё более наглядными.

Библиография статьи обширна, включает отечественные и зарубежные исследования по дискурс-анализу, медиадискурсу, речевому воздействию, новостной коммуникации. Источники подобраны корректно, отражают современное состояние лингвистической науки и подтверждают заявленные теоретические положения. Особо стоит отметить наличие работ Т. ван Дейка, Н. Д. Арутюновой, О. С. Иссерс, Т. Г. Добросклонской, Е. А. Кожемякина, что формирует серьёзную научную базу исследования.

Апелляция к оппонентам выражена в обсуждении различных моделей понимания дискурса, а также в сопоставлении подходов к определению способов воздействия. Автор корректно соотносит своё исследование с теми направлениями, которые уже существуют в медиалингвистике, демонстрируя хорошее владение научным контекстом.

Выводы статьи убедительно показывают, что новостной дискурс регионального сетевого издания обладает богатым арсеналом речевых средств воздействия, прежде всего лексических и образных, а также что воздействие наиболее активно используется в темах, которые вызывают у аудитории эмоциональный отклик (происшествия, здоровье, СВО, праздники). Исследование представляет интерес как для ученых-лингвистов, так и

для журналистов-практиков, редакторов, специалистов по медиааналитике и коммуникациям.

В целом работа отличается высокой научной ценностью, оригинальностью и тщательностью анализа и безусловно может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Англоязычные метаданные

Ways of Epithetion in Adyghe Historical-Epic Poetry

Mashukova Radima Mihailovna

Researcher; Sector of Adyghe Folklore; Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences

Pushkin St., 18, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360051, Russia

✉ mashukova_radima@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the peculiarities of the functioning of the epithet in Circassian historical-heroic epic. The main goal of this study is to examine the phenomenon of the epithet: to analyze the affixational method of epithetization in Circassian historical-heroic epic. To achieve this goal, it is necessary to address the following tasks: - to analyze the degree of scientific development of the topic and to record the current state of its study; - to thoroughly examine the peculiarities of the application of this trope in the material of Circassian historical-heroic epic; - to identify the main types of affixational epithets found in the monuments of Circassian historical-heroic narrative; - to determine the place and significance of the epithet among other means of artistic imagery, to indicate its influence on the formation of the conceptual appearance of works of folk literature; - to characterize the content, specificity of use, and frequency of occurrence of this trope. To solve the above tasks, the following research methods were used: - analysis of literature on the subject; - method of complete sampling; - semantic-stylistic analysis of the epithet; - description of the peculiarities of the functioning of affixational epithets in historical-heroic epic. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive study of the aesthetic features of the language of Circassian folklore tradition using modern scientific methods. Currently, there are monographs dedicated to the holistic description of the artistic language system or specific mechanisms of constructing prose and poetic texts. Existing works are predominantly focused on the linguistic aspect (e.g., studies by M.A. and Z.Yu. Kumakhov) or consider the epithet only within the framework of specific genre directions. The novelty of this article lies in the detailed analysis of one of the most significant artistic techniques – the epithet – taking into account the wide genre palette of oral folk creativity. This approach allows for the identification of regularities in the functioning and transformation of expressiveness in the context of the thematic and structural diversity of Circassian folklore.

Keywords: folklore, oral creativity, comparative analysis, portrait characteristics of the hero, A permanent epithet, polysemanticism, classification of epithets, the affixal method, historical and heroic epic, The epithet

References (transliterated)

1. Alieva A.I. Epitet v adygskom geroicheskom epose // UZ KENII. T. XXIV, seriya filologicheskaya. Nal'chik, 1967.
2. Autleva Sh. Istoriko-geroicheskaya poeziya // Adygskii fol'klor. Maikop, 1980. Kniga II. S. 71-82.
3. Gutov A.M. Poetika i stil' istoriko-geroicheskogo eposa adygov. Nal'chik, 2021. EDN: AHQXZK.
4. Gutov A.M. Evolyutsiya arkhetipicheskoi struktury v adygskom istoriko-geroicheskom epose, 2019.

5. Gutov A.M. Khudozhestvenno-stilisticheskie traditsii adygskogo eposa. Nal'chik, 2000.
6. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. Yazyk adygskogo fol'klora. Nartskii epos. Moskva: Nauka, 1985.
7. Pashtova M.M. Epitet v adygsikh liriko-geroicheskikh pesnyakh // Voprosy kavkazskoi filologii i istorii. Nal'chik, 2000. Vyp. 3. S. 23.
8. Talpa M.G. Kabardinskii fol'klor // Kabardinskii fol'klor pod redaktsiei Yu.M. Sokolova. M.-L.: Akademiya, 1936.
9. Khut Sh.Kh. Neskazochnaya proza // Adygskii fol'klor. Maikop, 1980. Kniga II.
10. Shortanov A.T. Adygskii fol'klor // Ocherki istorii kabardinskoi literatury. Nal'chik: El'brus, 1968. S. 48.
11. Kabardinskii fol'klor. Vstupitel'naya stat'ya, kommentarii i slovar' M.E. Talpa. Red. Yu.M. Sokolov. M.-L.: Akademiya, 1936. 650 s.
12. Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov. M.: Sovetskii kompozitor, 1990. T. III, Ch. I, II.
13. Fol'klor adygov v zapisyakh i publikatsiyakh XIX-nachala XX vv. Sost. i avtor vstupitel'noi stat'i A.I. Alieva. Podgotovka tekstov i obshchaya red. A.M. Gutova. Nal'chik: El'brus, 1979.

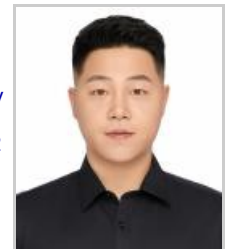
Historical metamorphosis of the ideological framework of "threat" and "resource" in the coverage of immigration by Chinese media (19th–21st centuries)

ZHAO QINGSONG

Postgraduate student; Faculty of Journalism; St. Petersburg State University

190000, Russia, St. Petersburg, Nakhimova str., 3k2, sq. 102

✉ qingsongzhao666@gmail.com

Abstract. This article presents a systematic historical-discursive analysis of the evolution of the ideological frames of "threat" and "resource" in the discourse of Chinese state media on immigration throughout four key historical periods (19th-21st centuries). The subject of the study is the evolution of ideological frames in the discourse of Chinese state media (press) on immigration over four historical periods: the late imperial era (Qing dynasty), republican period (Republic of China, 1912–1949), early socialist period (PRC from 1949–1980), and the modern era of reform and globalization (late 20th – early 21st centuries). The analysis examines not only explicit narratives but also deep linguistic structures, rhetorical strategies, and contextual conditions that shape the image of the immigrant and the migration process. A historical-discursive analysis of the dynamics of two fundamental and often contrasting frames used by Chinese media in covering immigration: the "threat" frame (emphasizing risks to security, cultural homogeneity, and social stability) and the "resource" frame (highlighting economic, demographic, or innovative benefits). The scientific novelty of the study lies in the following. First, for the first time within a single study, a systematic comparison of media discourse on immigration is conducted over such a prolonged historical period (19th-21st centuries), allowing for the identification of not only breaks but also continuities in ideological patterns. Second, the work contributes to frame theory by applying it to the long-term ideological process in a non-Western media context, demonstrating how frames adapt to changes in political regimes. Third, the novelty lies not in simply stating the replacement of

one frame with another, but in revealing their complex coexistence, mutual supplementation, and contextual switching depending on the target audience and current state priorities. Thus, the article offers a comprehensive model for analyzing how, through the lens of media discourse, the image of the "other" immigrant was constructed and transformed in Chinese public consciousness, reflecting the deep logic of the relationships between the state, the nation, and the global world at different stages of Chinese history.

Keywords: managed immigration, ideological maximalism, historical-discursive analysis, framing theory, immigration, Chinese media, resource frame, threat frame, media discourse, linguistic marker

References (transliterated)

1. Fillmore Ch. Scenes-and-Frames Semantics // Current issues in linguistic theory. Bloomington / London: Indiana University Press, 1977. Pp. 76-138.
2. Chilingaryan K.P., Sorokina L.S. V poiskakh optimal'nogo metoda analiza glubinnykh struktur: freimovaya semantika i klassifikatsiya argumentnykh struktur // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
3. Chilingaryan K.P., Sorokina L.S. V poiskakh optimal'nogo metoda analiza glubinnykh struktur: freimovaya semantika i klassifikatsiya argumentnykh struktur // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 137-154. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70155 EDN: KESMHO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70155
4. Tokareva S. B. Konstruirovaniye obraza Rossii v publichnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse: ot semanticheskogo opisaniya k metaforicheskomu freimingu sobytii // Logos et Praxis. 2021. T. 20, № 1. S. 36-48. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.5 EDN: OLXUGN.
5. Sergeev G. I. Ot dibao do "Zhen'min' zhibao". Put' v 1200 let (Istoriya sredstv massovykh kommunikatsii Kitaya). M.: Izd-vo Un-ta druzhby narodov, 1989. 167 s.
6. King G., Pan J., Roberts M. E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107, no. 2. P. 326-343. DOI: 10.1017/S0003055413000014 EDN: RIZFNL.
7. 戈公振 (Ge Gunchzhen'). 《中国报学史》 (Istoriya kitaiskoi zhurnalistiki). 上海 (Shankhai): 商务印书馆 (Kommercheskoe izdatel'stvo), 1927.
8. Hutters T. Bringing the World Home: Appropriating the West in Late Qing and Early Republican China. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. 370 p.
9. Sharonova V. G. Istoriya russkoi emigratsii v Kitae // Russkoe zarubezh'e. 2014. № 3. S. 217-231.
10. Kranzler D. Japanese, Nazis and Jews: The Jewish Refugee Community of Shanghai, 1938–1945. Brooklyn: Yeshiva University Press, 1976. 620 p.
11. Zhang Jing. Foreign experts in the People's Republic of China: an historical review from the perspectives of modernization and globalization (1949–1966) // Modern Chinese History. 2022. Vol. 15, no. 2. P. 195-213.
12. Lovell J. The Uses of Foreigners in Mao-Era China: 'Techniques of Hospitality' and International Image-Building in the People's Republic, 1949–1976 // Transactions of the Royal Historical Society. 2015. Sixth Series, Vol. 25. P. 135-158.
13. Speelman T. Establishing the National Immigration Administration: Change and

Continuity in China's Immigration Reforms // China Perspectives. 2020. № 4. P. 7-16.
DOI: 10.4000/chinaperspectives.11103 EDN: VFXLDC.

The influence of national cultural values on the formation of linguocultural strategies for representing corporate social responsibility

Balburova Liudmila Klimovna

PhD in Cultural Studies

Associate Professor; Department of Foreign Languages; East Siberian State University of Technology and Management

40 Klyuchevskaya str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670013, Russia

✉ ludmila-balburova@rambler.ru

Yabzhanova Lyudmila Badmaevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; East Siberian State University of Technology and Management

40 Klyuchevskaya str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670013, Russia

✉ yaluda_69@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to analyzing how national cultural values influence the choice of linguocultural strategies in the representation of corporate social responsibility (CSR) by international companies. The object of the study is the texts of corporate social responsibility from large corporations operating in various national cultural contexts. The subject of the research consists of linguocultural markers and communicative strategies used by companies when representing CSR programs. The CSR discourses from reports and public communications of companies in the USA, Europe, and Russia are examined, comparing the linguistic markers, rhetorical moves, and ways of masking contradictions between declared values and actual practices. Special attention is paid to how companies construct the image of "responsible" business through vocabulary, metaphors, grammatical constructions, and topic selection, aligning it with the expectations of local culture and the regulatory environment. The methodological foundation includes critical discourse analysis, linguocultural analysis, and a comparative approach based on G. Hofstede's cultural dimensions theory and F. Trompenaars' concept of communication context. The empirical base consists of over 250 fragments of CSR texts from 15 international companies during the period from 2020 to 2023. Elements of quantitative content analysis are applied, taking into account the frequency of key markers. The novelty of the research lies in the fact that it integrates the results of four leading national studies on CSR discourse into a single linguocultural framework for the first time, allowing for a systematic description of the relationship between cultural parameters and linguistic strategies. A detailed typology of masking mechanisms (reaccentuation, technization, ideologization) is proposed, demonstrating how the same social issue is "rewritten" differently in American, European, and Russian contexts. It is shown that the choice of linguistic means in CSR texts functions as a financial signal for investors and affects the assessment of corporate sustainability. The conducted research established that culturally conditioned speech strategies in CSR communication both reflect and shape perceptions of business social responsibility, serving as a tool for reputation management and smoothing structural contradictions. At the same time, hybrid and transitional cases are identified that do not fit into a rigid triad of models, underscoring the need to consider both national cultural

profiles and industry specifics and the dynamics of crisis contexts when interpreting CSR discourse.

Keywords: communication context, uncertainty avoidance, power distance, impression management, national cultural values, discursive strategies, semantic retouching, linguocultural analysis, critical discourse analysis, corporate social responsibility

References (transliterated)

1. Fedorova E.A., Stepnov I.M., Drogovoz P.A., Rashchupkina A.A., Remesnik A.A. Vliyanie urovnya raskrytiya korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti na tsenu aktsii: kolichestvennyi i tekstovyi analiz // Ekonomicheskii zhurnal VShE. 2021. Tom 25, № 3. S. 423-451. DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-3-423-451 EDN: JSDNIH.
2. Golubeva V.I., Ismagulov N., Moraru N., Morgunova O.A. Kommunikativnye strategii korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti v period mezhdunarodnykh krizisov: standarty i resheniya // Kommunikologiya. 2022. Tom 10, № 4. S. 107-119. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-4-107-119 EDN: ZZZXIP.
3. Fairclough N.L. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman Publishers, 1995. 265 pp.
4. Vodak R., Meier M. Metody kriticheskogo diskurs-analiza. 2-e izd. London: SAGE Publications, 2009. 216 s. DOI: 10.4135/9780857028020.
5. Van Dijk T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications, 1998. 340 pp.
6. Nikolaeva N.N. Kognitivno-diskursivnyi analiz sovremennykh angloyazychnykh tekstov v diskurse korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2021. № 1. S. 6-18. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-6-18 EDN: JPAWMH.
7. Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill Education, 2010. 591 pp.
8. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. 2nd ed. London: Nicholas Brealey Publishing, 1997. 434 pp.
9. Nazari J.A., Hrazdil K., Mahmoudian F. Assessing Social and Environmental Performance through Narrative Complexity in CSR Reports // Journal of Contemporary Accounting Economics. 2017. Vol. 13, No. 2. Pp. 166-178. DOI: 10.1016/j.jcae.2017.05.002.
10. Izmailov M.K., Pupentsova S.V. Sravnitel'nyi analiz praktik KSO zarubezhnykh korporativnykh struktur // Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment. 2023. № 2. S. 103-112. DOI: 10.17586/2310-1172-2023-16-2-103-112 EDN: PSQZHN.
11. Goatly A. Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. 288 pp.
12. Nwagbara U., Belal A.R. Persuasive language of responsible organisation? A critical discourse analysis of corporate social responsibility (CSR) reports of Nigerian oil companies // Accounting, Auditing & Accountability Journal. 2019. Vol. 32, No. 8. Pp. 2395-2420. DOI: 10.1108/AAAJ-07-2018-3570.
13. Livesey S.M. Global Warming Wars: Rhetorical and Discourse Analytic Approaches to Exxon's Climate Change Communication // Journal of Business Communication. 2019. Vol. 39, No. 1. Pp. 117-148. DOI: 10.1177/002194360203900106.

Quantitative analysis of lexical units in the bilingual work of V. V. Nabokov "Camera Obscura"

Lutsenko Ol'ga Denisovna

Senior lecturer; RSEU (RINH)

69 Frunze str., square 1, Taganrog, Rostov region, 347900, Russia

✉ olgalutsenkoo@mail.com

Abstract. The article is dedicated to the quantitative analysis of lexemes representing two selected linguoconcepts, using the works of V. V. Nabokov's novel "Camera Obscura" and its English adaptation "Laughter in the Dark" as material. The aim of the study is to identify the frequency characteristics of key linguoconcepts and to determine the degree of their verbalization in the two language versions of the work. The subject of the research includes lexical units that verbalize the key linguoconcepts selected for analysis in both language versions of the work, as well as their frequency, structural, and comparative characteristics. In addition, the research subject includes the comparison of the author's ways of linguoconceptualization in the two language systems, which allows for identifying which elements of the linguoconceptosphere are retained, transformed, or lost when transitioning from the Russian to the English version of the text. In this study, linguistic statistical methods, comparative analysis of the use of lexical units, and the software tool WordStat for counting their frequency were employed. As a result, the most frequent linguistic units participating in the representation of the studied linguoconcepts were identified and presented, allowing for the establishment of differences in the degree of their verbalization in the Russian and English texts. The novelty of the work lies in its bilingual approach to quantitative analysis, as unlike most existing studies that are limited to material from one language or mainly focus on translation difficulties, this work offers a comprehensive statistical and comparative analysis of the two versions of "Camera Obscura" created by V. V. Nabokov himself. The conclusions drawn confirm the affiliation of the analyzed linguoconcepts to the number of key concepts, as well as demonstrate differences in the nature of their verbalization in the two versions of the work, reflecting the features of V. V. Nabokov's imagery system as a bilingual writer. The obtained data can be utilized in studies on conceptual analysis, linguistic statistics, translation studies, as well as in examining authors' strategies for representing linguoconcepts in bilingual and multilingual texts.

Keywords: linguistic statistics, computational linguistics, conceptual sphere, bilingual text, relative frequency, absolute frequency, verbalization, bilingualism, linguoconcept, Quantitative analysis

References (transliterated)

1. Besspalova E. K., Borodich E. A. Kinematograficheskie priemy v romanakh Nabokova "Kamera obskura" i "Smekh v temnote" // Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii. 2016. № 2 (14). S. 54-62. EDN: XDGKIT.
2. Verkhosin S. S. O statuse kolichestvennykh metodov v lingvistike // Vestnik IGLU. 2013. № 3 (24). S. 145-149. EDN: REFQMF.
3. Viktorova E. Yu. Rol' kolichestvennogo podkhoda v izuchenii funktsionirovaniya diskursivnykh slov // Filologiya i chelovek. 2013. № 4. S. 1-12. EDN: RPEFAD.
4. Goryanova L. N. "Kontsept" v kognitivnoi lingvistike // Aktual'nye voprosy sovremennoi

- nauki. 2010. № 16. S. 1-9.
5. Dolinskii V. A. Semeistvo rangovykh raspredelenii v kvantitativnoi lingvistike // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 6 (797). S. 124-155. EDN: PPNXSH.
 6. Kashcheeva A. V. Kvantitativnye i kachestvennye metody issledovaniya v prikladnoi lingvistike // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2013. № 3 (049). S. 155-162. EDN: QBQANN.
 7. Krasavskii N. A. Kvantitativnyi pokazatel' kak odin iz kriteriev statusa klyuchevogo individual'no-avtorskogo kontsepta // Povolzhskii pedagogicheskii vestnik. 2015. № 2 (7). S. 107-112.
 8. Krakhmaleva T. S. Kinematograficheskaya semantika v romane V. V. Nabokova "Kamera obskura" // Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 8. S. 199-201. EDN: QOYBIV.
 9. Kushneruk S. L. Miromodeliruyushchii potentsial lingvokontseptov v rakurse sopostavleniya: metodicheskii aspekt // Izvestiya VGPU. 2015. № 5 (100). S. 149-153.
 10. Lebedev L. V. Simbioz lingvisticheskogo i kul'turnogo podkhodov pri analize i perevode khudozhestvennogo teksta (na materiale perevodov realii v romane V. Nabokova "Kamera obskura" / "Laughter in the dark" / "Smekh v temnote") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. № 11. S. 3664-3671. DOI: 10.30853/phil20220600. EDN: XFJRAM.
 11. Malysheva N. V. Kvantitativnaya lingvistika v sovremennoi nauchnoi paradigme // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept". 2014. № T20. S. 546-550. EDN: SJEQMF.
 12. Nevдах M. M. Primenenie informatsionnykh tekhnologii v issledovanii tekstov // Trudy BGTU. Seriya 4: Print-i mediatekhnologii. 2009. № 9. S. 77-81. EDN: WTCZJH.
 13. Rarenko M. B. Khudozhestvennyi bilingvizm V. V. Nabokova // Literaturnoe zarubezh'e kak kul'turnyi fenomen. 2017. № 1. S. 76-92.
 14. Rozengrant D. Vladimir Nabokov i etika voobrazheniya. Dvuyazychnaya praktika // V. Nabokov: pro et contra. T. 2. SPb.: Izd-vo Rossiiskogo khristianskogo humanitarnogo instituta, 2002. S. 929-955.
 15. San'yarova R. R. Lingvokontsept kak osnovnaya forma vyrazheniya kharaktera yazykovoi sredy etnosa // Nauchnyi al'manakh. 2017. № 10-3 (36). S. 148-151. DOI: 10.17117/na.2017.10.03.148. EDN: ZVHGEV.
 16. Frolov V. I. Avtoperevod romana V. V. Nabokova "Lolita" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki. 2016. № 10 (749). S. 38-49.
 17. Chizhova M. E. Termin "kontsept" v sovremennoi kognitivnoi lingvistike (s rassmotreniem kontseptov zdorov'e i nezdorov'e) // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2020. № 59-3. S. 81-84. DOI: 10.18411/lj-03-2020-56. EDN: JLQNHh.
 18. Shatalov S. Yu. Nekotorye osobennosti stilya V. V. Nabokova v aspekte avtoperevoda (na materiale "Lolity") // Perevod i stilisticheskie resursy yazyka. M.: MGLU, 2004. S. 31-48. (Vestn. Mosk. gos. lingvist. un-ta; vyp. 488. Ser. Lingvistika).
 19. Komogortseva N. N. Cinematographic script in V. Nabokov's novel "Laughter in the Dark" ("camera obscura") // 2014. No. 9-2 (57). P. 655-672. DOI: 10.12731/wsd-2014-9.2-3. EDN: SZCPYP.

Adjective metaphor: derivational-semantic model of qualification

Sandakova Marina Vsevolodovna

Doctor of Philology

Professor; Department of Modern Russian Language and General Linguistics; Lobachevsky National Research
Nizhny Novgorod State University

Bogdanovicha str., 8, sq. 42, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603087, Russia

✉ sandakova@ff.unn.ru

Abstract. The subject of the research is the patterns of formation of secondary qualitative meanings of relative nominalized adjectives based on metaphorical transfer. Metaphor is the main and most deeply studied, although not the only mechanism for the development of the quality of adjectives. The author elaborates on the connections between the semantics of relative adjectives and the possibilities of their semantic derivation. The peculiarities of metaphorization of relative adjectives are determined by their word-formation productivity. Generally, relative adjectives are derived, with the exception of a group of adjectival words with a borrowed base. As syntactic derivatives that replicate the meaning of their motivator, relative nominalized adjectives inherit the semantics of the motivating noun and express the general meaning of 'one that relates to what is named by the motivating base.' The semantics of the motivating name predetermines the possibilities of "qualifying" the adjective, a point noted by V. V. Vinogradov. Methods of semantic, word-formation, and contextual analysis of words are employed. Data from explanatory dictionaries, works of fiction, and modern media are used; materials from the National Corpus of the Russian Language are also utilized. The scientific novelty of the research lies in the proposal of a description of the formation of qualitative metaphorical meaning through a derivational-semantic model that includes four lexical-semantic components. Metaphorical meaning possesses dual derivational-semantic connections: with the motivating noun and with the original relative meaning of the adjective itself. The relationship between the direct relative and the secondary qualitative meanings of the adjective is examined by the author in the aspect of reflected polysemy. Thus, the correlation of meanings of the adjective туманный ('one that relates to fog' – 'unclear') is the same as that of the motivating noun туман ('a cluster of small droplets' – 'unclearness, uncertainty'). If the motivating name lacks a metaphorical meaning, the derivational-semantic model of qualification has a gap. For example, there exists an adjectival metaphor поверхностный ('insubstantial, unfounded') without a metaphor with its motivator поверхность. The metaphor of nominalized adjectives arises based on representations of the real properties of the standard object (pistachio jacket, aquamarine eyes); based on connotations (cave worldview). The results of the research complement the understanding of semantic derivation in the adjectival sphere and can be used in lexicographic practice.

Keywords: dictionary meaning explanation, connotation, metaphor, direct meaning, semantic derivation, derived polysemy, word-building motivation, semantics, relative adjective, contextual meaning

References (transliterated)

1. Vinogradov V. V. Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. M.: Uchpedgiz, 1947. 784 s.
2. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. M.: "Yazyki russkoi kul'tury", 1999. I – XV, 896 s. EDN: YLAWAR
3. Tazieva E. M. Razvitie kachestvennykh znachenii u otnositel'nykh prilagatel'nykh v sovremennom russkom yazyke: monografiya. Novosibirskii gos. un-t, Novosibirsk, 2006.

240 s.

4. Sandakova M. V. O tendentsiyakh razvitiya neproizvodnykh otnositel'nykh prilagatel'nykh s zaimstvovannoi osnovoi // Yazyki kul'tury v tsifrovuyu epokhu: Sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Yazyki i kul'tury v tsifrovuyu epokhu" / Otv. red. L. V. Ratsiburskaya. Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2022. 436 s. S. 335-342.
5. Zemskaya E. A. Sovremenniy russkii yazyk. Slovoobrazovanie. Uchebnoe posobie dlya studentov. M.: Prosveshchenie, 1973. 304 s. EDN: SIRWWR
6. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: LENAND, 2022. 434 s.
7. Ermakova O. P. Leksicheskie znacheniya proizvodnykh slov v russkom yazyke. M.: Russkii yazyk, 1984. 151 s.
8. Vinogradov V. V. Ob omonimii v russkoi leksikograficheskoi traditsii // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1977. S. 288-295.
9. Soboleva P. A. Slovoobrazovatel'naya struktura slova i tipologiya omonimov // Problemy strukturnoi lingvistiki 1976 / Otv. red. V. P. Grigor'ev. M.: Izdatel'stvo "Nauka", 1978. S. 5-33.
10. Akhmanova O. S. Ocherki po obshchei i russkoi leksikologii. M.: LENAND, 2019. 296 s.
11. Tikhonov A. N. Osnovnye ponyatiya russkogo slovoobrazovaniya // Tikhonov A. N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh tomakh. T. I. M.: Russkii yazyk, 1985. S. 18-52.
12. Basko N. V. Slovoobrazovatel'naya antonimiya v russkom yazyke (lingvisticheskii i metodicheskii aspekty) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh pamyati G. I. Rozhkovoi / Red. L. P. Klobukova, V. V. Krasnykh. M.: Dialog-MGU, 1998. Vyp. 6. 116 s. S. 51-59. EDN: UCGILH
13. Chupanovskaya M. N. Reprezentatsiya protivopozlozhnosti v semantike proizvodnykh antonimov (na materiale slovarei russkogo yazyka). Avtoreferat kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2007. 22 s. EDN: NOWJRJ
14. Rozhentsova L. N. Otrazhenie kak sistemoobrazuyushchii faktor leksiki // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki. 2011. № 2 (56). S. 4-7. EDN: NUAGYL
15. Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t. (MAS) / AN SSSR, In-t russkogo yazyka; Pod red. A. P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk, 1985–1988.
16. Lopatin V. V. Metaforicheskaya motivatsiya v russkom slovoobrazovanii // Lopatin V. V. Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat'i po russkomu yazyku / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. M.: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", 2007. 743 s. S. 267-271.
17. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka (BTS) / Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2001. 1535 s.
18. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Otv. red. N. Yu. Shvedova. M.: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", 2008. 1175 s.
19. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka. SpbGU, 2004. 166 s.
20. Vaulina E. Yu. Sovremennye predstavleniya o polisemii i tipovaya struktura stat'i v tolkovom slovare polnogo tipa // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2022. T. 13. № 1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK122.pdf> (Data obrashcheniya 15.09.2025). EDN: UOHFJR

21. Moskvina V. P. Russkaya metafora: Opyt semioticheskogo opisaniya. Izd. 5-e, sushch. pererab. i dop. M.: LENAND, 2024. 352 s.
22. Apresyan Yu. D. Lingvisticheskaya terminologiya slovary // Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Pervyi vypusk. Pod obshchim ruk. Yu. D. Apresyana. M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 2001. 552 s. S. XVI–XXIV.

Song Folklore of the Cossacks of the Omsk Irtysh Region in Recordings from the Late 20th and 21st Centuries

Moskvina Veronika Anatol'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Literature and Cultural Studies; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University

644070, Russia, Omsk region, Omsk, Central district, ul. Zvezdova, 101, sq. 212

✉ moskvina_va@mail.ru

Sotnikova Elizaveta Vasil'evna

Graduate student; Faculty of Philology; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Omsk State Pedagogical University

644070, Russia, Omsk region, Omsk, Central district, ul. Zvezdova, 101, sq. 212

✉ liza.sotnikovaaa@mail.ru

Abstract. The subject of the study is songs recorded from representatives of Cossack surnames in settlements that previously formed the Gorky fortified line of the Siberian Cossack army. The source of the material was E.Ya. Arkin's collections "The Cossack sings a song. Songs of the Cossack villages of the Omsk region" (1999) and "Songs of the Siberian Cossacks of the Gorky Line. Late recording period" (2024). The purpose of this work is to examine the features of the variation of Cossack song texts in the context of the migratory culture of the Middle Irtysh region. Comparative material recorded primarily in the regions of Siberia, as well as folklore collections containing song texts recorded in the places of the Cossacks' original residence, was used for variational analysis. The Cossack song tradition of the Omsk region is represented by a variety of genres, including wedding songs, non-ritual lyrics, and songs of literary origin. Its local specificity is formed on a common Slavic basis as a result of the interaction between various regions. In its modern form, the traditional Cossack song is a complex synthesis of texts, both in terms of genre and authenticity, as well as intergenerational continuity. The Omsk texts reveal common features of Cossack folklore songs: historical and military themes, and local references. The novelty of the study lies in analyzing late recordings of the local song tradition and examining its specifics in the context of changing historical conditions of the migrant culture. This allowed us to identify the main trends in text variation: first, the adaptation of songs to new living conditions by introducing local place names or details into the text; second, the simplification and reduction of texts to match the changing conditions of Cossack life; and third, the strengthening of the lyrical element by reducing narrative and descriptive episodes.

Keywords: regional tradition, local variant, songs of literary origin, combat song, wedding song, variational analysis, genre, Cossack folklore, Siberian Cossacks, migratory culture

References (transliterated)

1. Argudyaeva, Yu. V. Russkie kazaki v Trekhrech'e (pervaya polovina KhKh v.) / otv. red.

- A. P. Zabyako. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2016. EDN: YOVBSL.
2. Klyaus, V. L. Russkoe Trekhrech'e Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury. M.: IMLI RAN, 2015.
 3. Klyaus, V. L., Makhova, L. P. Po dikim pustynyam Kitaya – pesnya iz repertuara zabaikal'skikh kazakov Avstralii: k istorii teksta i melosa // Traditsionnaya kul'tura. 2018. T. 19, № 4. S. 64-92. EDN: VQWYXQ.
 4. Borodina, E. M. Voinskie pesni sibirskikh kazakov: tematika, obrazy i motivy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 18. S. 73-79. EDN: OWZXPf.
 5. Borodina, E. M. Pesni kazakov-stanichnikov Kemerovskoi oblasti // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 49. S. 208-213. DOI: 10.31773/2078-1768-2019-49-208-213. EDN: QLOAXM.
 6. Borodina, E. M. Otrazhenie istoricheskoi deistvitel'nosti v kazach'em pesennom fol'klore // Sibir' gumanitarnaya. 2023. № 1(1). S. 61-71. EDN: HJZLYZ.
 7. Bondareva, N. I. Prosnulas' da stanitsa: kul'turno-bytovye traditsii charyshskogo kazachestva / N. I. Bondareva, A. V. Mameeva [i dr.]. Barnaul: Izd-vo AltGAKI, 2006.
 8. Motuznaya, V. I. Osnovy improvizatsionnosti v pesennom fol'klore (na osnove liriki kazakov Altaya) // Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territorii: Materialy IV nauchno-prakticheskoi konferentsii, Barnaul, 18–20 aprelya 2001 goda / pod red. M. A. Demina, T. K. Shcheglovoi. Vyp. 4. Barnaul: Altaiskaya gosudarstvennaya pedagogicheskaya akademiya, 2001. S. 150-165. EDN: TOGTSN.
 9. Arkin, E. Ya. Zapevaet kazak pesn'. Pesni kazach'ikh stanits Omskoi oblasti. URL: <https://omsk-gcnt.ru/nematerialnoe-kulturnoe-nasledie/zvukovaya-antologiya/zapevaet-kazak-pesn/> (Data obrashcheniya: 10.12.2025).
 10. Arkin, E. Ya. Zapevaet kazak pesn'. Pesni kazach'ikh stanits Omskoi oblasti. Omsk: Nasledie, 1999.
 11. Arkin, E. Ya. Pesni sibirskikh kazakov Gor'koi linii. Pozdnii period zapisi. Sbornik pesen so zvukovym prilozheniem. Omsk: Tipografiya "Zolotoi tirazh" (OOO "Omskblankizdat"), 2024.
 12. Olson, L. Performing Russia. Folk revival and Russian identity. London; New York: Routledge, 2004.
 13. Gura, A. V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. M.: Izd-vo "Indrik", 1997. EDN: TOHUMH.
 14. Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya: v 3 t. T. 3 / pod red. G. A. Sadretdinovoi. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1993.
 15. Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast' I: Semeino-obryadovye pesni i prichitaniya / sost. N. V. Leonova (otv. sost.), T. G. Leonova, L. M. Sviridova, T. B. Varfolomeeva, K. P. Kabashnikov, A. S. Fedosik; отв. red. V. M. Gatsak. Novosibirsk: Nauka, 2011.
 16. Russkii semeino-obryadovi fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet' / sost. R. P. Potanina, N. V. Leonova, L. E. Fetisova; отв. red. T. G. Leonova. Novosibirsk: Nauka, 2002.
 17. Tyukalinskaya svad'ba. Svadebnye traditsii russkikh starozhilov Omskogo Priirtysh'ya: monografiya / V. Yu. Bagrintseva, M. A. Zhigunova, N. K. Kozlova, N. I. Laptev, T. M. Repina, O. G. Sidorskaya / pod red. V. Yu. Bagrintsevoi. Omsk: Tipografiya "Zolotoi tirazh" (OOO "Omskblankizdat"), 2023.
 18. Svadebnye pesni Tomskogo Priob'ya: Narodnye pesni, zapisannye v Tomskoi oblasti /

- zapis', sost., primech. A. Mekhnetsova; predisl. A. Mekhnetsova i E. Valevskoi. Leningrad; M.: Sov. kompozitor, 1977.
19. Belousova, E. V. Podvigi Stalingrada v kazach'em fol'klore // Stalingradskaya bitva v istoriko-kul'turnoi pamyati narodov: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu Pobedy v Stalingradskoi bitve, Volgograd, 03 fevralya 2023 goda. Volgograd: IP Nikulina M. G., 2023. S. 211-217. EDN: KZMKGD.
 20. Liricheskie pesni / sost., predisl., podgot. tekstov i primech. P. S. Vykhodtseva. M.: Sovremennik, 1990.
 21. Zolotaya kolleksiya muzykal'nogo fol'klora kazakov Rossii / red.-sost. L. M. Belogurova, I. A. Nikitina; Blagotvoritel'nyi fond Fridrikha Lipsa. M.: Rossiiskaya akademiya muzyki imeni Gnesinykh, 2023.
 22. Pesni ural'skikh kazakov / zapis', notirovanie, sost., vstup. stat'ya i komment. T. I. Kaluzhnikovoi. Ekaterinburg: Sfera, 1998.
 23. Listopadov, A. M. Pesni donskikh kazakov. T. 2 / pod obshch. red. prof. G. P. Serdyuchenko. M.: Muzgiz, 1950.

An analysis of the speech portrait of a teacher (using data from an Internet blog)

Ryashenkova Aleksandra Aleksandrovna

Lecturer; Department of Foreign Languages; Ural State University of Economics

45 Narodnaya Volya str., office 519, Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620144, Russia

✉ ryashenckova@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the speech portrait of a modern Chinese teacher presented in the format of a video blog. The analysis focuses on the lexical, syntactic, and pragmatic features of the blogger's speech, as well as on identifying the strategies through which the teacher constructs his or her self-image in the digital space. The research examines the interaction between the speaker's personal and professional characteristics as reflected in their speech behavior, including the use of expressive and colloquial means, rhetorical questions, modal particles, and elements of everyday and youth discourse. The teacher's speech practices are considered not only as a reflection of an individual communication style but also as a significant phenomenon in the context of the transformation of the teaching profession under the influence of mass culture, the Internet environment, and the digitalization of education. The methodological basis of the research combines the inductive-deductive approach and the descriptive method, with component analysis serving as the principal analytical tool. The main findings indicate that the speech portrait of the teacher-blogger is characterized by dynamism, emotional richness, audience engagement, and self-image formation. The use of short syntactic constructions, colloquial and youth vocabulary, slang expressions, and expressive means contributes to creating a sense of sincerity and closeness. The inclusion of everyday details and the open expression of personal experiences help break down the distance between the teacher and the audience, shaping the image of the educator not only as a knowledge bearer but also as a person who shares the values and realities of their viewers. Thus, the study confirms that the digital environment transforms pedagogical discourse, turning it into an instrument for building trust-based relationships and fostering humanistically oriented educational communication.

Keywords: blog, China, Chinese language, media, social media, speech portraiture, speech

portrait, portraiture, linguopersonology, teacher

References (transliterated)

1. Al'-Khussaini R. Kh. Gedonisticheskie nachala sovremennoi lichnosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 2. S. 34-37. EDN: OYMZAJ.
2. Vinogradov V. V. O khudozhestvennoi proze. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. 188 s.
3. Zav'yalova N. A., Mironova T. N. Kul'tura Kitaya kak vektor obshchestvennykh transformatsii // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2024. № 11(127). S. 211-217. DOI: 10.24158/fik.2024.11.28 EDN: IIKPZW.
4. Zav'yalova N. A., Ryashenkova A. A. Strategii sozdaniya rechevogo portreta pedagoga v internet-SMI // Elektronnye sredstva massovoi informatsii: vchera, segodnya, zavtra: materialy XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb., 2024. S. 82-83. EDN: EPYBRI.
5. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: LKI, 2010. 264 s. EDN: RTDQLX.
6. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Rechevoi portret sovremennogo uchitelya: poiski ideala // Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2010. № 1(75). S. 36-42. EDN: NRTNJX.
7. Leorda S. V. Rechevoi portret sovremennogo studenta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006. 19 s. EDN: NIXXPR.
8. Lingvopoliticheskaya personologiya: metodologiya i kommunikativnye portrety politicheskikh liderov / N. B. Ruzhentseva [i dr.]. Ekaterinburg, 2021. 192 s.
9. Matveeva G. G. Osnovy pragmalingvistiki. M.: INFRA-M, 2024. 205 s.
10. Panov M. V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya VIII-XIX vv. M.: Nauka, 1990. 453 s.
11. Pimenova M. V. Yazykovaya kartina mira. M.: FLINTA, 2014. 108 s.
12. Popova S. V. Rechevye kharakteristiki lingvokul'turnogo tipazha "shkol'naya uchitel'nitsa" // Gumanitarnye issledovaniya. 2011. № 2(38). S. 84-90. EDN: NTZJQH.
13. Tarasenko T. P. Yazykovaya lichnost' starsheklassnika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007. 25 s. EDN: ZNKDKD.
14. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M.: Izd-vo MGU, 2008. 352 s. EDN: RBBKAF.
15. Tszyan Ch. Rechevoi portret dramaticheskikh personazhei cherez prizmu kitaiskoi lingvokul'tury. M.: FLINTA, 2021. 208 s.
16. Tsukanova V. E., Tsukanov E. A. Fenomen massovoi kul'tury v kitaiskoi nauchnoi literature // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2021. № 3(31). S. 5-12. EDN: FYSJGA.
17. Chu Ts. Yazykovaya reprezentatsiya predmetnoi oblasti obrazovaniya v kitaiskoi lingvokul'ture: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2023. 180 s.
18. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya / V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva [i dr.]; Otv. red. Yu. D. Apresyan. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 912 s. EDN: PWASXB.
19. 【教师vlog】大学课堂, 知识和经验什么更重要? 关于假努力、内卷、考研... ([Video-blog prepodavatelya] Auditornye zanyatiya v universitete: chto vazhnee – znaniya ili opyt? O fal'shivom userdii, bessmyslennoi konkurentsii, podgotovke k postupleniyu v magistraturu...) URL: <https://www.bilibili.com/video/BV18w411Y7ac/> (data obrashcheniya: 04.06.2025).

20. 孙军 (Sun' Tszyun'). 语言个性初探 (Predvaritel'noe issledovanie yazykovoi lichnosti) // 解放军外国语学院学报 (Vestnik Instituta inostrannykh yazykov NOAK). 2001. Vol. 23 № 5. P. 49-52.
21. 孙丽芝 (Sun' Lichzhi). 加速社会中大学教师角色的异化与匡正 (Otchuzhdenie i uregulirovanie roli universitetskogo prepodavatelya v usloviyakh uskorennoogo obshchestva) // 首都师范大学学报 (社会科学版) (Vestnik Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta (seriya: sotsial'nye nauki)). 2024. № 6 (281). P. 176-184.
22. 李向东 (Li Syandun). 俄罗斯民间故事中的语言个性 (Yazykovaya lichnost' v russkikh narodnykh skazkakh) // 外语研究 (Issledovaniya po inostrannym yazykam). 2012. № 6. P. 41-45.
23. 赵爱国 (Chzhao Aigo). 语言个性理论及其研究 (Teoriya yazykovoi lichnosti i issledovaniya v dannoi oblasti) // 外国与外语教学 (Prepodavanie inostrannykh yazykov i zarubezhnye issledovaniya). 2003. № 12. P. 11-14.

Computational Methods in Comparative Media Analysis: Operationalization of Conflict Narrative Research Using the Example of CNN and Al Jazeera

Sokolov Aleksandr Vladimirovich

PhD in Philology

Professor; Department of Television and Radio Broadcasting; Academy of Media Industry
Associate Professor; Department of Mass Communications and Media Business, Faculty of Social Sciences and
Mass Communications; Financial University under the Government of the Russian Federation

127521, Moscow, Otkryatskaya str., 105, building 2.

✉ alvsokolov@fa.ru

Abstract. The subject of the research is the application of computational methods in the comparative analysis of media narratives that shape representations of armed conflicts in the global media landscape. The object of the study consists of news materials from the international media outlets CNN and Al Jazeera related to the Israeli-Palestinian conflict. The author analyzes aspects of the topic such as the operationalization of theoretical concepts in media analysis, the comparison of narrative strategies across different media, and the possibilities of scalable analysis of media discourse. Special attention is given to how media not only reflect events but also construct meaning models of conflict through framing, tonality, and attribution of agency. The article examines differences in thematic priorities, emotional coloring, and narrative structure in the materials from the two media systems that represent different political and institutional contexts. It discusses the limitation of traditional qualitative analysis methods when working with large text corpora and the necessity of integrating computational tools into media research. Thus, the study aims to identify persistent narrative differences and to form a reproducible analytical framework for comparative studies of media discourse on conflicts. The methodology of the research is based on a hybrid approach that combines natural language processing methods, thematic modeling, and interpretative analysis using large language models. The main findings of the conducted research reveal systematic differences in the narrative and discursive strategies of CNN and Al Jazeera when covering the same conflict. It has been established that Al Jazeera's materials are characterized by a consistently negative tonal background and an emphasis on the humanitarian dimension of the conflict, while CNN creates a more fragmented narrative alternating between negative and positive plots related to diplomatic events. The novelty of the research lies in the development and testing of a meta-model for comparative media

analysis, which combines quantitative computational methods with qualitative interpretation of media texts. A significant contribution of the author is the operationalization of classic theories of media studies through specific NLP metrics and procedures, which enhances the reproducibility and transparency of the analysis. It has been shown that the integration of large language models expands the possibilities for semantic comparison of narratives without losing analytical depth. The conclusion is made regarding the continued influence of institutional factors in media systems on the formation of media reality even in the context of digitalization and automation of analysis.

Keywords: framing, media narratives, large language models, natural language processing, computational hermeneutics, comparative media analysis, operationalization, meta-model, conflict discourse, media analysis

References (transliterated)

1. Alekyan M. V., Eritsyanyan D. E. *Primenenie metoda avtomatizirovannogo sentiment-analiza dlya izucheniya spetsifiki kontenta Telegram-kanalov // Sistemnye transformatsii zhurnalistiki*. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2024. S. 5-6.
2. Aslanov I. A. *Metaforicheskii freiming v mediatekstakh i kommunikatsii o depressii: rezul'taty kontent-analiza i eksperimenta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2020. № 6. S. 3-22. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.322. EDN: HMPDAS.
3. Dunas D. V., Salikhova E. A., Tolokonnikova A. V., Babyna D. A. *Ustanovlenie povestki dnya i effekt freiminga: o neobkhodimosti kontseptual'nogo edinstva v mediaissledovaniyakh "tsifrovoy molodezhi" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2022. № 4. S. 47-78. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778. EDN: SAKNBB.
4. Dunas D. V., Tolokonnikova A. V., Babyna D. A., Boiko O. A., Sidorov E. A. *Povestka dnya v sotsial'nykh media i federal'nykh informagentstvakh: tematicheskii razryv i smyslovoe edinstvo (na primere "tsifrovoy molodezhi" Rossii) // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2025. T. 18, № 1. S. 178-193. EDN: LDWPTK.
5. Kazakov A. A. *Teoriya ustanovleniya povestki dnya vs. freiming: k voprosu o sootnoshenii podkhodov // Politika: Analiz. Khronika. Prognoz*. 2015. № 1(76). S. 103-113. EDN: XRAJFZ.
6. Sokolov A. V. *Kontekstualizatsiya panarabistskogo narrativa "Al'-Dzhazira": tematicheskaya klassifikatsiya, freiming i analiz tonal'nosti novostnogo kontenta // Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii*. 2024. № 4(56). S. 97-110. EDN: RHIQQQ.
7. Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. *Latent Dirichlet Allocation // Journal of Machine Learning Research*. 2003. Vol. 3. P. 993-1022.
8. Bojić L., Zagovora O., Zelenkauskaitė A. et al. *Comparing Large Language Models and Human Annotators in Latent Content Analysis of Sentiment, Political Leaning, Emotional Intensity and Sarcasm // Scientific Reports*. 2025. Vol. 15. Article 11477. DOI: 10.1038/s41598-025-96508-3. EDN: HRTTTY.
9. Burggraaff C., Trilling D. *Through a Different Gate: An Automated Content Analysis of How Online News and Print News Differ // Journalism*. 2020. Vol. 21, № 1. P. 112-129. DOI: 10.1177/1464884917716699. EDN: LONYBA.
10. Chew R., Bollenbacher J., Wenger M., Speer J., Kim A. *LLM-Assisted Content Analysis: Using Large Language Models to Support Deductive Coding // arXiv*. 2023. DOI:

10.48550/arXiv.2306.14924.

11. Damanhoury K. E., Saleh F. Is It the Same Fight? Comparative Analysis of CNN and Al Jazeera America's Online Coverage of the 2014 Gaza War // *Journal of Arab & Muslim Media Research*. 2017. Vol. 10, № 1. P. 85-103. DOI: 10.1386/jammr.10.1.85_1.
12. Dunivin Z. O. A Computational Qualitative Approach to Large-Scale Characterization of Cultural Identities on Social Media // *SocArXiv*. 2025. DOI: 10.31235/osf.io/5wvvhx_v1.
13. Elmasry M. H. Images of the Israel-Gaza War on Instagram: A Content Analysis of Western Broadcast News Posts // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2024. Vol. 102, № 3. P. 695-721. DOI: 10.1177/10776990241287155. EDN: MZSMIL.
14. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, № 4. P. 51-58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
15. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 2002. 412 p.
16. Hossain A., Abdul Wahab J., Khan M. S. R. A. A Computer-Based Text Analysis of Al Jazeera, BBC, and CNN News Shares on Facebook: Framing Analysis on Covid-19 Issues // *SAGE Open*. 2022. Vol. 12(1). DOI: 10.1177/21582440211068497.
17. Hutto C. J., Gilbert E. VADER: A Parsimonious Rule-Based Model for Sentiment Analysis of Social Media Text // *Proceedings of the International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. 2014. Vol. 8(1). P. 216-225. DOI: 10.1609/icwsm.v8i1.14550.
18. Kim H., Jang S. M., Kim S.-H., Wan A. Evaluating Sampling Methods for Content Analysis of Twitter Data // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4(2). DOI: 10.1177/2056305118772836.
19. Kommers S. et al. Computational Hermeneutics: Evaluating Generative AI as a Cultural Technology // *SSRN*. 2025. DOI: 10.2139/ssrn.5409144.
20. McCombs M., Llamas J. P., Lopez-Escobar E., Rey F. Candidate Images in Spanish Elections: Second-Level Agenda-Setting Effects // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74. P. 703-717. DOI: 10.1177/107769909707400404.
21. Mohr J. W., Wagner-Pacifici R., Breiger R. L. Toward a Computational Hermeneutics // *Big Data & Society*. 2015. Vol. 2, № 2. DOI: 10.1177/2053951715613809.
22. Pavelko R. L., Grabe M. E. Sampling, Content Analysis // *The International Encyclopedia of Communication Research Methods*. Wiley-Blackwell, 2017. P. 1-10. DOI: 10.1002/9781118901731.iecrm0223.
23. Picca D., Schnyder A., Romele A. Computational Hermeneutics of Emotion: A Comparative Study of Emotional Landscapes in Dostoevsky's *Crime and Punishment* // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article 1428. DOI: 10.1057/s41599-024-03955-w. EDN: EGTGVZ.
24. Schroeder H., Aubin Le Quéré M., Randazzo C., Mimno D., Schoenebeck S. Large Language Models in Qualitative Research: Uses, Tensions, and Intentions // *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2025. P. 1-15.
25. Seib P. *The Al Jazeera Effect: How the New Global Media Are Reshaping World Politics*. Washington, DC: Potomac Books, 2008. 240 p.
26. Taher H. A., Alabid N., Hasan B. M. Integration Named Entity Recognition and Latent Dirichlet Allocation to Enhance Topic Modeling // *Annals of Emerging Technologies in Computing*. 2025. Vol. 9, № 2. P. 20-30. DOI: 10.33166/AETiC.2025.02.002. EDN: SMQIZU.
27. van Atteveldt W., Welbers K., Van der Velden M. A. C. G. Studying Political Decision

Making With Automatic Text Analysis // Oxford Research Encyclopedia of Politics.
Oxford University Press, 2019. P. 1-11. DOI:
10.1093/acrefore/9780190228637.013.957.

Metatext of modern radio broadcasting (using the program "Zahar's Keys" on Radio Sputnik as an example)

Bashkova Irina Venad'evna

Doctor of Philology

Professor; Department of Russian Language, Literature and Speech Communication; Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Oktyabrsky district, Svobodny Prospekt, 79

✉ bbashkova@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the features that distinguish the metatext of radio broadcasts from written metatext. Metatext is understood as the text embedded within the main text, through which the speaker helps the listener navigate and understand the main text. The aim of the work is to identify the distinguishing characteristics of the metatext of modern radio broadcasts and to explain the reasons for the emergence of these features. This article analyzes the metatext of contemporary radio broadcasts based on the texts of the program "Zahar's Keys" on Radio Sputnik. The author of the program is the well-known writer and journalist, public figure, military officer, and lieutenant colonel Zahar Prilepin. The program "Zahar's Keys" on Radio Sputnik is a series of author's broadcasts. The title "Zahar's Keys" is based on the metaphor of a key as a means of providing "the opportunity for understanding something." The methods used in this work include general scientific methods of observation and comparison, as well as linguistic methods of semantic, pragmatic, and contextual analysis. The novelty of the study lies in its explanation of the features of the metatext of radio broadcasts as oral conversational text, which includes elements of improvisation. The conclusions are as follows: 1) the indicators of the beginning and end of the radio broadcast blend with greeting and farewell formulae; the framing metatext includes the program's title and the names of its hosts; 2) the indicator of a break between parts of the program includes a call for listeners to continue listening after the break; 3) the prospective metatext includes exchanges of words between one participant and another; 4) the retrospective metatext provided by one of the hosts refers to remarks made by other hosts of the program and may include evaluations of these remarks or contain the pronoun "we," uniting all hosts; 5) the host of the program may interrupt colleagues and make insertions into their text; 6) the emphasis of the listener's attention on the most significant parts of the text is expressed through impersonal sentences, statements in the first person, and imperative sentences in the second person; 7) due to the oral improvisational nature of the text, the stated number of parts is not realized. Thus, the metatext of radio broadcasts significantly differs from written metatext. This is due to two factors: 1) the form of the radio broadcast as a conversation; 2) the oral nature of the text.

Keywords: colloquial speech, oral text, retrospective metatext, prospective metatext, Zakhar Prilepin, radio discourse, radio text, semantic syntax, metatext, conversation

References (transliterated)

1. Nesterova N. G. *Sovremennyi radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticeskii aspekt)*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2015. 320 s. DOI: 10.17223/978-5-7511-

2403-8 EDN: XWTRTT.

2. Kon'kov V. I., Surikova T. I. Radiorech' kak polikodovoe obrazovanie: sodержanie ponyatiya i printsipy opisaniya // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2018. № 3(14). S. 48-56. DOI: 10.17516/2311-3499-027. EDN: YNRGKL.
3. Ermolenkina L. I. Diskurs radio kak funktsional'naya tselostnost': podkhody k modelirovaniyu // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. № 6 (195). S. 68-72. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-68-72. EDN: XYTRHV.
4. Nesterova N. G. Kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika spontannogo radiodiskursa // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 318. S. 37-40. EDN: LHQMFD.
5. Enina L. V., Chepkina E. V. Samoidentifikatsii zhurnalista v pryamom efire na radio // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. T. 78, № 3. S. 159-167. EDN: MUPSQX.
6. Egoshkina V.A. Spetsifika reprezentatsii rechevykh strategii i taktik v prosvetitel'skikh audiopodkastakh // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2024. № 2. S. 103-118. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69816 EDN: WCHKSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69816
7. Nesterova N. G. Radiotekst kak gipertekst // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015. № 5. S. 89-99. DOI: 10.17223/19986645/37/7 EDN: VCPSGR.
8. Nesterova N. G. Radiodiskurs i radiotekst v usloviyakh novykh kommunikatsii // *Medialingvistika*. 2019. T. 6, № 3. S. 381-401. DOI: 10.21638/spbu22.2019.308. EDN: BBHEYO.
9. Govorshchenko O. N. Metayazyk radio kak sistema khudozhestvenno-vyrazitel'nykh sredstv kommunikatsii // *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1998. № 3(7). S. 141-146. EDN: TPTNBH.
10. Orekhova E. N. Sub"ektivnaya modal'nost' radiodiskursa // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2014. № 6. S. 19-25. EDN: TGLRHT.
11. Shakirov S. M. Literatura v radioformate // *Mediasreda*. 2018. № 13. S. 18-27. EDN: XZAOTJ.
12. Kulikova E. G. Konstituenty obraznosti khudozhestvennogo teksta: lingvopragmaticheskii aspekt (na materiale prozy Zakhara Prilepina) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 5-1(59). S. 97-99. EDN: VPNOKB.
13. Malysheva A. I. Spetsifika verbal'nykh i ritoricheskikh sredstv v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniyakh Zakhara Prilepina // *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 2016. № 2(30). S. 69-85. EDN: WLYLXX.
14. Bashkova I. V., Polezhaeva L. O. Slovo "rodina" v diskursakh Dmitriya Bykova i Zakhara Prilepina // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2020. № 1. S. 93-101. DOI: 10.17516/2311-3499-105. EDN: LBGRDA.
15. Vologina E. V., Shchenikova E. V. Sredstva rechevoi agressii v publitsistike Zakhara Prilepina // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2014. № 6. S. 249-256. EDN: TJDGJD.
16. Bezrukov A. N. Situatsiya voyny kak osnova prozaicheskikh tekstov Zakhara Prilepina // *Filologiya v XXI veke*. 2023. № 1(11). S. 55-60. EDN: JUMVBO.
17. Krylova N. V. Osobennosti individual'nogo stilya pisatelya-zhurnalista Zakhara

- Prilepina na primere ego publitsisticheskikh rabot // Media-2024: teoriya i praktika: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 01 marta 2024 goda. Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2024. S. 322-326. EDN: VBHGAW.
18. Korobko L. V., Skrebova E. G., Sirotina S. A. Pisateli i zhurnalistika: raznye storony odnoi medali? (na primere tvorchestva Zakhara Prilepina) // SMI v ontologicheskom i kul'turnom prostranstve slavyanskogo mira: Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Dnei slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury, Tver', 24-25 maya 2024 goda. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2024. S. 29-32.
 19. Gostev, S. P. Voенно-politicheskaya publitsistika v knige Zakhara Prilepina "Koordinata Z" (2023) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2025. № 3(86). S. 233-239. DOI: 10.26456/vtfilol/2025.3.233. EDN: JMSAQY.
 20. Demina L. I. Sait pisatelya kak instrument kommunikatsii s chitatel'yami // Traditsii i innovatsii v massovoi kommunikatsii: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 13 fevralya 2025 goda. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2025. S. 41-44. EDN: NOLUOA.
 21. Zhuchkova A. V. Dvoinoi kod prozy Zakhara Prilepina. O knige "Sobaki i drugie lyudi" (2023) // Voprosy literatury. 2025. № 2. S. 25-39. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-2-25-39. EDN: GPREBQ.
 22. Sharonova E.A., Tarasov A.V. Obraz voennogo goroda v russkoi literature XXI veka (na materiale «Opolchenskogo romansa» Zakhara Prilepina) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 8. S. 1-13. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.8.75381 EDN: HGNDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75381
 23. Tatarinov A. V., Shteinbakh K. V. Aleksandr Prokhanov i Zakhar Prilepin: realizatsiya "filosofii postupka" v proze i publitsistike // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17, № 12. S. 4634-4642. DOI: 10.30853/phil20240657. EDN: DDZQRA.
 24. Vezhbitska A. Metatekst v tekste // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. M., 1978. S. 402-421.
 25. Shmeleva T. V. Repertuar metasredstv russkogo yazyka // Shmeleva T. V. Kul'tura rechi: Sbornik statei i materialov. Velikii Novgorod: RTsRO, 1998. S. 33-35.
 26. Shmeleva T. V. Kodeks rechevogo povedeniya // Shmeleva T. V. Kul'tura rechi: Sbornik statei i materialov. Velikii Novgorod: RTsRO, 1998. S. 49-56.
 27. Bazhenova, E. A. Sredstva adresatsii v nauchnom tekste / E. A. Bazhenova // Mediaskop. – 2012. – № 4. – S. 6. EDN: PKZHBL.
 28. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: BTS: A-Ya / Gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2004.
 29. Kornienko E.R. Zagolovochnyi metatekst v publitsisticheskom nasledii russkogo prosvetatelya N.I. Novikova // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 2. S. 242-249. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29668 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29668
 30. Farafonova O.A. Zaglaviya russkikh memuarov XVIII – nachala XIX v. kak metatekstovyi element povestvovaniya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 122-136. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJIUQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225

On the question of the ironic model of A.P. Chekhov in the comedy "The Seagull"

Chen Kangyu

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

000000, China, Guangdong region, Guangzhou, Liganlu str., 6, sq. 1407

✉ hkoch24@outlook.com

Abstract. The subject of this study is the specificity of the ironic mode in A.P. Chekhov's play "The Seagull." The artistic mechanisms through which the playwright realizes irony that goes beyond traditional comic effect are analyzed. The central focus is on the system of characters, which is built not on antagonistic opposition but on a hidden community conditioned by mutual misunderstanding and each character's immersion in their subjective world. Irony is revealed through the contrast between static characters (Masha, Medvedenko, Polina Andreyevna) and dynamic characters (Treplev, Nina), whose painful epistemological insight is contrasted with the unchanging worldviews of the former. Special emphasis is placed on the transformation of key motifs (for example, "fishing" and "writing" in Trigorin), demonstrating not only the internal degradation of the character but also the irony of the "composition of life," which subjugates the will of individuals. Thus, the object of study is the complex two-level structure of Chekhov's irony, manifested at the levels of characters, their relationships, and recurring symbolic images, which defines the unique tragicomic pathos of the play. The methodological foundation of the research is a systemic analysis of the text, allowing the play to be viewed as a cohesive structure. Within this framework, motif analysis of recurring images is applied to reveal their transformation. A comparative method is used to analyze pairs of characters and identify the principle of hidden parallelism. The historical and literary context is drawn upon to verify conclusions. The synthesis of methods ensures the validity of the analysis. The scientific novelty of the work lies in the systematic examination of irony in "The Seagull" as a two-level phenomenon. Unlike approaches that emphasize only its comic or tragic dimensions, it is argued here that Chekhov's irony functions simultaneously as a critique of static existence and as a revelation of the tragic nature of knowledge, which, even in insight, does not grant harmony to the characters. For the first time, the evolution of the motif of "writing" in Trigorin is interpreted in detail – from "observer" to "participant" in the drama, revealing his degradation and subjugation to the "composition of life." The main conclusion is that it is precisely the multilayered irony, exposing the gap between ideal and reality, as well as among the insights of the characters themselves, that constitutes the core of Chekhov's innovative dramaturgy in "The Seagull," which finds development in "The Cherry Orchard." Thus, the play emerges as a philosophical drama, where irony becomes the key to understanding existential laws.

Keywords: The Seagull, inconsistency, objective irony, author's irony, ironic model, irony, comedy, Comic, dramaturgy, A.P. Chekhov

References (transliterated)

1. Mann T. *Sobr. Soch.*: V 10 t. T. 10. M., 1961. – 696 s.
2. Polotskaya E.A. O poetike Chekhova / Ros. akad. nauk. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nasledie, 2000. – 238 s.
3. Kataev V.B. *Proza Chekhova: problemy interpretatsii*. M.: Izd-vo MGU, 1979. – 327 s.

4. Kataev V. B. Literaturnye svyazi Chekhova. – M.: Izd-vo MGU, 1989. – 261 s.
5. Sukhikh I.N. Problemy poetiki A.P. Chekhova. 1987. – 185 s.
6. Kroichik L.E. Poetika komicheskogo v proizvedeniyakh A.P. Chekhova. – Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1986. – 276 s. EDN: RTAKRL
7. Nazirov R.G. Poetika prozy A.P. Chekhova v ee razvitii. – Ufa, 1989.
8. Afanas'ev E.S. Tvorchestvo A. P. Chekhova: Ironicheskii modus: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk: 10.01.01. – Yaroslavl', 1997. – 301 s.
9. Afanas'ev E.S. Dramaturgiya A.P. Chekhova: ironicheskii modus // Literatura v shkole. 2023. No 4. S. 53-66. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-53-66 EDN: DKUJAE
10. Skaftymov A.P. Dramy Chekhova // Volga. 2000. № 2–3. S. 132-147.
11. Zuyane B. Ya. K. S. Stanislavskii i A. P. Chekhov v rabote nad "Chaikoi": K probleme psikhologii tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. M., 1997. S. 15.
12. Dolzhenkov P.N. Evolyutsiya dramaturgii Chekhova: Monografiya / P.N. Dolzhenkov. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: MAK Press, 2023. – 340 s. DOI: 10.29003/m3680.978-5-317-07093-9 EDN: ERKQXY
13. Razumova N.E. "Chaika": pereplanirovka chekhovskogo sada // Drama i teatr. Tver'. 2002. – Vyp. 4 – S. 103-111.
14. Razumova N. E. Ontologiya sud'by v dramaturgii A. P. Chekhova // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2006. №291. S. 103-112.
15. Kamenskaya Yu. V. Ironiya kak komponent idiosilya A. P. Chekhova: dissertatsiya...kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. – Saratov, 2001. – 173 s. EDN: NLXBCJ
16. Polonskii V.V. Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaya literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst. – M.: IMLI RAN, 2011. – 472 s. EDN: QWISMX
17. Nigmatullina L. M. A.P. Chekhov – master ironicheskoi detali // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully. 2019. №1 (49). S. 124-129. EDN: BJRCPV
18. Kichigina V.V. "Chelovek, kotoryi khotel..." (o printsipakh komicheskogo nesootvetstviya v chekhovskoi "Chaike") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, Tom. 13, №.2, 2020. S. 33-36.
19. Kadirova N.A. Ironicheskaya detal' v khudozhestvennoi sisteme A.P. Chekhova: avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. – 25 s.
20. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Tekst] / gl. red. L. F. Il'ichev i dr.. – Moskva: Sov. entsiklopediya, 1983. – 839 s.
21. Pavi P. Slovar' teatra: per. s. fr. M.: Progress, 1991. – 504 s.
22. Ishchuk-Fadeeva N.I. Ironiya kak fundamental'naya kategoriya dramy. // Drama i teatr: Sb. nauch. Tr. – Tver': Tver. gos. un-t, 2002. – Vyp. 4. – S. 10-21. EDN: SYPOTJ
23. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 18 t. / AN SSSR. In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1974–1982. T. 13. P'esy. 1895–1904. – M.: Nauka, 1978. – 530 s. EDN: VNNSXB

Translation Versions of the Word "κατέλαβεν" of the Easter Gospel Readings in German, English, Church Slavonic and Russian – Vers John 1:5

Izotov Alexey Andreevich

Lecturer, Department of Philology, Perervinskaya Theological Seminary; PhD student, Faculty of Philology,

Abstract. In the Orthodox Church at Easter, the Prologue of the Gospel of John is read in different languages. In the Russian Orthodox Church ten languages are used, including Old Greek, German, English, Church Slavonic and Russian. The observed variations in readings are thematically associated with the grammatical principles of language structure. The present work analyzes the difference in the use of personal and possessive pronouns, substitutes for personal and possessive pronouns. As well as masculine and neuter adjective and verb endings in the Russian translation. The results contribute to a better understanding of the theological meaning of the texts. The studies of Bible translations are important because the language of the Holy Scriptures is something special, often it sounds like a hymn. The Prologue of John's Gospel is regarded as a hymn of the apostolic church characterized by inner harmony on multiple levels. There are three types of translations: those based on the original language, those where the target language is in the foreground, or those for specific readers and target groups. There are particular difficulties in translating the Greek word "κατέλαβεν", which has multiple meanings - "to understand" and "to master". The translation of the Easter Gospel into German and English reflects the complex semantics of this word, while the translation of this word into Russian and Church Slavonic cannot give the full meaning of the original text. Various translation possibilities are being discussed in order to better match the sound and meaning of the original text. The article further proposes that these issues be presented before the Synodal Biblical and Theological Commission for further consideration.

Keywords: German, Old Greek, the Gospel of John, Bible translations, biblical studies, translations of the New Testament, Easter Gospel, to comprehend, English, Church Slavonic

References (transliterated)

1. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta s parallel'nymi mestami i prilozheniyami. V sinodal'nom perevode. M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2013. S. 1609-1610, 1612-1613.
2. Bibliya. Sovremenniy russkii perevod. Uchebnoe izdanie. M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2017. S. 2143.
3. Evangelie ot Ioanna 1, stikh 1. Sravnenie russkikh perevodov. URL: <https://bible.by/verse/43/1/1/> (data obrashcheniya 11.01.2025).
4. Evangelie ot Ioanna 1, stikh 2. Sravnenie russkikh perevodov. URL: <https://bible.by/verse/43/1/2/> (data obrashcheniya 11.01.2025).
5. Evangelie ot Ioanna. Perevod A.A. Alekseev. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Alekseev/evangelie-ot-ioanna/> (data obrashcheniya 23.09.2025).
6. Shenbor K. Ikona Khrista. Bogoslovskie osnovy. Milan-Moskva, 1999. S. 4-5.
7. Novyi Zavet na grecheskom yazyke s podstrochnym perevodom na russkii yazyk. Pod red. A.A. Alekseeva. M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2018. S. 501.
8. Novyi Zavet. Perevod pod red. ep. Kassiana (Bezobrazova). M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2017.
9. N'yuman B. M. Grechesko-russkii slovar' Novogo Zaveta. Per. V.N. Kuznetsovoi. M.: Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo, 2017. S. 131.
10. Ot Ioanna 1 glava – Bibliya – Kommentarii Valentiny Kuznetsovoi. URL: <https://bible.by/kuznetsova/43/1/> (data obrashcheniya 23.09.2025).

11. Paskhal'noe Evangelie na desyati yazykakh. M.: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2014.
12. Prepodobnyi Simeon Novyi Bogoslov. Slova. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/57 (data obrashcheniya 23.09.2025).
13. Svyatitel' Ioann Zlatoust. Besedy na Evangelie ot Matfeya. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-evangelie-ot-matfeja/13 (data obrashcheniya 23.09.2025).
14. Alexander P., Alexander D. Das große Handbuch zur Bibel. Witten/Holzgerlingen: SCM R.Brockhaus in der SCM-Verlagsgruppe GmbH, Stuttgart: Verlag Katholisches Bibelwerk GmbH, 2018. S. 76, 622-623.
15. BasisBibel. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2021. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (data obrashcheniya 11.01.2025).
16. Good News Bible. Today's English Version. Glasgow: William Collins Sons & Co. Ltd, 1990. S. 118.
17. Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers. Neu durchgesehen nach dem vom Deutschen Evangelischen Kirchenausschuss genehmigten Text (1912). Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2018. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/LU17,LU84,LU12,NA28,LXXA/JHN.1> (data obrashcheniya 11.01.2025).
18. Luther Bibel. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Johannes%201&version=LUTH1545> (data obrashcheniya 11.01.2025).
19. Neue Genfer Übersetzung. Stuttgart: Genfer Bibelgesellschaft / Deutsche Bibelgesellschaft, Gießen: Brunnen Verlag GmbH. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (data obrashcheniya 11.01.2025).
20. Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece, 28., revidierte Auflage, hg. v. Barbara und Kurt Aland, Johannes Karavidopoulos, Carlo M. Martini und Bruce M. Metzger in Zusammenarbeit mit dem Institut für Neutestamentliche Textforschung. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2012. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/LU17,LU84,LU12,NA28,LXXA/JHN.1> (data obrashcheniya 11.01.2025).
21. Pokorný P., Heckel U. Úvod do Nového zákona. Přehled literatury a teologie. Praha: Vyšehrad, 2013. S. 588, 590.
22. The Bible Authorized King James Version With Apocrypha. THE NEW TESTAMENT OF OUR LORD AND SAVIOUR JESUS CHRIST. URL: <https://archive.org/details/the-bible-authorized-king-james-version-with-apocrypha/page/113/mode/2up> (data obrashcheniya 11.01.2025), S. 114.
23. Zürcher Bibel. Zürich: Theologischer Verlag Zürich, 2019. URL: <https://www.die-bibel.de/bibel/BB,ZB,NGUE/JHN.1> (data obrashcheniya 11.01.2025).
24. Novaya Zhenevskaya Bibliya. URL: <https://bible.by/geneva-bible/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
25. Svyatitel' Kirill Aleksandriiskii. "Tolkovanie na Evangelie ot Ioanna". Chast' I. Kniga pervaya. Glava VII O tom, chto Syn est' Svet po prirode, i potomu ne tvaren, no iz sushchnosti Boga i Ottsa, kak Svet istinnyi iz Sveta istinnogo. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Aleksandrijskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-ioanna/1 (data obrashcheniya 28.12.2025).
26. Galitskoe Evangelie, 1411. Galitskoe Gospel, 1411. URL: https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File%3AHalickie_Evangelie.pdf&page=180;

<https://archive.org/details/kryloske/page/n179/mode/2up> (data obrashcheniya 28.12.2025).

27. Kleon L. Rodzhers-mladshii, Kleon L. Rodzhers III. "Novyi lingvisticheskii i ekzegeticheskii klyuch k grecheskomu tekstu Novogo Zaveta". URL: <https://bible.by/rogers/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
28. Kreig Kiner. Kul'turno-istoricheskii kommentarii. Novyi Zavet. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/kulturno-istoricheskij-kommentarij-novyj-zavet/7> (data obrashcheniya 28.12.2025).
29. Kommentarii Valentiny Kuznetsovoi. URL: <https://bible.by/kuznetsova/43/1/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
30. Tolkovanie Evangelie ot Ioanna 1 glava 5 stikh. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-1/stih-5/4/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
31. Prepodobnyi Serafim Sarovskii. Beseda s Motovilovym o tseli khristianskoi zhizni. Tolkovanie Evangelie ot Ioanna 1 glava 5 stikh. URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-ioanna/glava-1/stih-5/serafim-sarovskij-prepodobnyj/> (data obrashcheniya 28.12.2025).
32. Avgustin Ipponiiskii blazhennyi. Traktat na Evangelie ot Ioanna 1.19, Cl. 0278, 1.19.1.
33. Svyatitel' Ioann Zlatoust. Besedy na Evangelie ot Matfeya. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-evangelie-ot-matfeja/13 (data obrashcheniya 28.12.2025).
34. Prepodobnyi Simeon Novyi Bogoslov. Slova. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Simeon_Novyj_Bogoslov/slovo/57 (data obrashcheniya 28.12.2025).
35. A. A. Alekseev. Evangelie ot Ioanna. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij-Alekseev/evangelie-ot-ioanna/> (data obrashcheniya 28.12.2025).

The image of the earth spirit in the Evenki epic

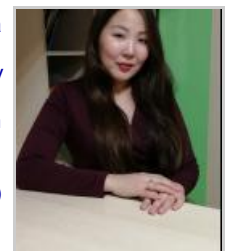
Yakovleva Margarita Prokopevna

PhD in Philology

Researcher; Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

82/3 Stepnaya str., Yakutsk, 677000, Russia, Republic of Sakha (Yakutia)

✉ ayakchan@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the image of the spirit mistress of the earth in folklore. The aim of the work is to identify the dynamics of the transformation of a key sacred image and its reflection in folklore. Objectives: to examine the initial concept of the image; to identify the main models of image change; to analyze the functions of the image in the epic narrative. To solve these problems, a comprehensive analysis, comparative-typological, and structural methods were used to characterize the features of the image. The novelty of the work lies in the author's tracing the dynamics of the transformation of the key mythological image of the spirit mistress of the earth—from the initial zoomorphic form (elk/deer) through the zooanthropomorphic stage (an old woman mistress with bestial features) to the final anthropomorphic appearance (a maiden patroness). For the first time, it is demonstrated in detail how the zoomorphic code "elk/deer" becomes the core of the image of the mistress of the earth. A three-stage analysis allows us to understand the dynamics of Evenki mythological

thinking. The image of the spirit mistress of the earth appears as a dynamic mythological system, where archaic zoomorphic representations reflected in myths are gradually enriched with anthropomorphic features in the epic narrative. This reflects the evolution of the Evenki worldview: from "merging" with nature to "dialogue" through the personification of its forces. The evolution of the Evenki spirit mistress of the earth image occurs through layers, with animistic images giving way to zoomorphic ones, ultimately taking on a human form. This transition reflects the development of religious practices (from animism to shamanism) and the transformation of social structures (from matriarchal to patriarchal, while retaining feminine archetypes). The study demonstrates how the collective memory of the people preserves and reinterprets archaic images within the epic tradition.

Keywords: fairy tale, epic, myth, image, land mistress, spirit, deity, folklore, Evenks, oral folk art

References (transliterated)

1. Anisimov A.F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy izucheniya pervobytnykh verovanii. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 235 s.
2. Anisimov A.F. Shamanskii dukhi po vozzreniyam evenkov i totemisticheskie istoki vozniknoveniya shamanizma // SMAE. – 1951. – T. 13. – S. 187-216.
3. Bulatova N.Ya. Govory evenkov Amurskoi oblasti. – L.: Nauka, 1987. – 168 s. EDN: XTYYYJ
4. Varlamov A.N. Spetsifika istorizma v fol'klore evenkov. – Spb.: Izd-vo "Lan", 2018. – 308 s. EDN: XWOJAT
5. Varlamov A.N., Varlamova Yu.A. Traditsii okhoty v antroponimikone evenkov // Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki. – 2022. – № 4(30). – S. 86-98. DOI: 10.25587/SVFU.2022.13.49.007 EDN: YNMWHU
6. Varlamov A.N. Istoricheskii genezis okhotnich'ei leksiki tunguso-man'chzhurskikh narodov // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. – 2023. – № 2(40). – S. 37-48. DOI: 10.23951/2307-6119-2023-2-37-48 EDN: SAUKFT
7. Varlamova G.I. Mirovozzrenie evenkov: otrazhenie v fol'klore. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 185 s. – (Pamyatniki etnicheskoi kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 1). EDN: PUJOXX
8. Varlamova G.I. Zhenskaya ispolnitel'skaya traditsiya evenkov. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 230 s. EDN: PUJOWJ
9. Vasilevich G.M. Nekotorye dannye po okhotnich'im obryadam i predstavleniyam u tungusov // Etnografiya. – 1930. – № 3. – S. 57-67.
10. Vasilevich G.M. Sbornik materialov po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru. – L.: Nauka, 1936.
11. Vasilevich G.M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX vv.). – L.: Nauka, 1969. – 304 s.
12. D'yakonova M.P. Mif v fol'klore evenkov i evenov: tsikl tvoreniya mira. – Novosibirsk: Nauka, 2022. – 164 s. – (Pamyatniki etnicheskoi kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka; t. 45). DOI: 10.7868/978-5-02-041460-0 EDN: ZOTWME
13. Istoricheskii fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya / Sost. G.M. Vasilevich. – L.: Nauka, 1966. – 400 s.
14. Kochmar N.N., Pen'kov A.V., Knurenko P.S. Ekspozitsii pisanii Yakutii i

- astroarkheologicheskii aspekt interpretatsii // Arkheologiya Severo-vostochnoi Azii. Astroarkheologiya. Paleometrologiya. – Novosibirsk: Nauka, 1999. – S. 214-229.
15. Mazin A.I. Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX vv.). – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 201 s.
 16. Mazin A.I. Tazhnye pisanitsy Priamur'ya. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 260 s.
 17. Materialy po evenkiiskomu (tungusskomu) fol'kloru / Sost. G.M. Vasilevich. – L.: Izd-vo in-ta narodov Severa TsIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936. – 290 s.
 18. Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaikal'ya. – L.: Nauka, 1970. – Ch. 1. – 218 s.
 19. Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy basseina reki Aldan. – Novosibirsk: Nauka, 1979. – 152 s.
 20. Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya. – Novosibirsk: Nauka, 1976. – 189 s.
 21. Osharov M. Tungusskie skazki // Materialy po evenkiiskomu tungusskomu fol'kloru / Sost. G.M. Vasilevich; pod red. Ya.P. Al'kora. – L., 1936. – S. 275-276.
 22. Skazaniya vostochnykh evenkov / Sost. Varlamova G.I., Varlamov A.N. – Yakutsk, 2004. – 234 s.
 23. Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov / Otv. red. V.I. Tsintsius. – L.: Nauka, 1975. – T. 1. – 672 s.
 24. Ushnitskaya N.Yu. Kontseptualizatsiya okhotnika v yazykovoi kartine mira evenkov // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. – 2022. – № 2(36). – S. 67-76. DOI: 10.23951/2307-6119-2022-2-67-76 EDN: KEHUYU
 25. Yakovleva M.P. Spetsifika evenkiiskikh geroicheskikh skazanii v tvorchestve skazitelei roda Buta. – Voronezh, 2018. – 164 s.

Chinese Radio Drama: Genre Features

Archugova Anna Sergeevna

PhD in History

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ archugova-as@rudn.ru

Kostrukova Elena Aleksandrovna

Lecturer; Department of Television and Radio Broadcasting; Lomonosov Moscow State University

125009, Russia, Moscow, Arbat district, Mokhovaya str., 9, building 1

✉ e.a.kostrukova@gmail.com

Bolotova Ekaterina Aleksandrovna

PhD in Art History

Associate Professor; Department of Television and Radio Broadcasting; Lomonosov Moscow State University

125009, Russia, Moscow, Arbat district, Mokhovaya str., 9, building 1

✉ bolotova_e1961@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the genre specificity of the radio play. The research

material consists of radio programs broadcast in China from 1920 to 2025. The choice of this period is explained by the need to examine the development of the Chinese radio play within a long historical perspective, in connection with socio-political, cultural, and technological changes, in order to differentiate its key genre characteristics. The typological criterion for differentiation is the functional purpose of radio's expressive means. The aim of the study is to determine the place of the radio play within the system of radio broadcasting genres. In domestic theory, this position has not been defined. In China, the radio play is regarded as a genre of radio dramaturgy, which is specifically associated with journalism. As a result of the study, concepts necessary for further investigation of the auditory component of Russian media systems are clarified, in particular with regard to programs broadcast in the contemporary media environment (which often represent convergent genres), as well as non-standard auditory internet content. Methodologically, the study is based on genre-typological and historical-analytical approaches: radio plays produced between 1920 and 2025 are analyzed through the functionality of expressive means and their role in shaping the sound image. The novelty of the research lies in the fact that the development of the radio play in China is examined within the context of the logic of genre differentiation in radio broadcasting. It is shown that the distribution of semantic load between words, music, and noises changes depending on genre objectives. Within the group of documentary-artistic genres, music and noises are capable of becoming independent carriers of meaning. Against this background, a contradiction is identified that arises when describing materials in which the artistic basis dominates over the documentary one but does not exclude it: such programs cannot be classified as either radio compositions or documentary dramas (both genres belong to the group of documentary-artistic genres of radio journalism). The study concludes that there is a need to distinguish the radio play as an independent genre unit within the theory of genres of domestic radio journalism.

Keywords: audio art, radio journalism, radio broadcasting, radio, radio theatre, radio journalism genres, radio expressive means, radio dramaturgy, chinese radio drama, radio drama

References (transliterated)

1. Lazutina G.V., Raspopova S.S. Zhanry zhurnalistskogo tvorchestva: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. M.: Izdatel'stvo, 2011. EDN: RAZNNV.
2. Gasparov B.M. O nekotorykh printsipakh strukturnogo analiza muzyki // Problemy muzykal'nogo myshleniya: sb. st. / sost. i red. M.G. Aranovskii. M.: Muzyka, 1974.
3. Sheveleva (Kostryukova) E.A., Serova E.S. Edinitsy supravverbal'nogo urovnya: mesto i rol' v sozdanii akusticheskogo proizvedeniya (v kontekste razvitiya literaturno-dramaticheskogo radioveshchaniya) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2017. T. 15. № 4. S. 68-77. DOI: 10.25205/1818-7935-2017-15-4-68-77. EDN: YOSQIK.
4. Smirnov V.V. Zhanry radiozhurnalistiki: uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo, 2002.
5. Sherel' A.A. Audiokul'tura XX veka. Istoriya, esteticheskie zakonomernosti, osobennosti vliyaniya na auditoriyu: ocherki. M.: Izdatel'stvo, 2004. S. 326-327. EDN: RAYUZD.
6. 李新国 (Li Singo). 《中国文学艺术广播电视丛书·第三卷·广播剧(1977-2000)》 (Bol'shaya seriya "Literaturno-khudozhestvennoe radioteleveshchanie Kitaya". Tom 3. Radiospektakli (1977-2000)). 北京 (Pekin): 中国广播电视出版社 (Izdatel'stvo "Kitaiskoe radio i televidenie"), 2008.

7. 王雪梅 (Van Syuemei). 《广播剧史论》 (Istoriya i teoriya radiodramy). 北京 (Pekin): 中国广播电视出版社 (Izdatel'stvo radio i televideniya Kitaya), 2007.
8. 《上海广播志》 (Shankhaiskaya khronika radioveshchaniya). Shankhai: 上海社会科学院出版社 (Izdatel'stvo Shankhaiskoi akademii obshchestvennykh nauk), 1986. S. 45-47.
9. 李立伟 (Li Livei). 《广播剧传统在中国电视剧中的传承与创新》 (Traditsii radiospektaklya v kitaiskoi televizionnoi drame: preemstvennost' i innovatsii). 北京 (Pekin): 现代传播(中国传媒大学学报) ("Sovremennaya kommunikatsiya" (Vestnik Kitaiskogo universiteta kommunikatsii), 2019.
10. 广播剧选 (Izbrannye radiospektakli) / sost. 中国广播剧研究会 (Kitaiskoe obshchestvo izucheniya radiospektaklya). Pekin: 中国戏剧出版社 (Izdatel'stvo kitaiskoi dramaturgii), 1981.
11. 立体声广播剧及其制作 (Stereoradiospektakl' i ego proizvodstvo). Beijing: Haixia Broadcast & Television Engineering Co., Ltd., 2013.
12. 孙阁 (Sun' Ge). 融媒改革如何赋能广播剧人向新而行 (Kak reforma konvergentnykh media sposobstvuet razvitiyu sozdatelei radiospektaklei) // 中国广播 (Kitaiskoe radio). 2022. № 10. S. 54-59.

"It seems I saw them myself": the confrontation between man and superpersonal forces in the novel by E. T. A. Hoffmann "Doge and Dogaressa" and in the oeuvre of Russian poets of the late XIX - early XX centurie

Il'chenko Natal'ya Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Kozma Mnin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

603002, Russia, g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 1, kab. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

Chernysheva Elena Gennadievna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Classical Literature; Moscow Pedagogical State University

119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1, building 1

✉ el.chernysheva@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the scientific significance of the study of the multimodal nature of the artistic literary text, in which the problems of human existence find a verbal-visual, verbal-sound embodiment, as well as in the significance of the study of the transfer of a verbal-visual image with a moral and philosophical plan of content from one national historical context to another. The article examines the dialogue of Russian poets-readers with the "Venetian novel" by E. T. A. Hoffmann "Doge and Dogaressa" in the aspect of semantic confrontation between personality and superpersonal power (from the power of mighty fate, the visible hypostasis of which becomes the sea, to divine providence), while the relationship in the poetics of the visual (landscape, ekphrasis, color-light solutions, subject detail) and abstract-conceptual (freedom, power, dream, soul, fate, providence) finds an individual drawing in Hoffmann's reception by Russian poets of the late XIX – early XX centuries, including through the unfinished poem by A.S. Pushkin "The night is quiet, in a

heavenly field... In the process of analysis, a comprehensive literary approach is used, combining historical-cultural, comparative-typological, comparative, mythopoetic methods. It is shown that the mystical plan of Hoffmann's novel, dating back to the religious and philosophical concepts of spirituality and the power of nature, turns out to be dominant in the value-semantic structure of Doge and Dogaress. Visualization techniques give artistic elaboration to matrimonial and metaphysical motives. Functionally significant in this aspect "sea" microplots, symbols are highlighted. Attention is paid to the emblematic detail ("wounded dove"), emphasizing the angelic principle in the image of the heroine. The "picturesque" scenes presented (in particular, the night sea voyage) turned out to be in demand by domestic poets.

The novelty of the study is due to the fact that the poetics of the studied works revealed the systemic presence of visual as a picture visualization in the context of the conflict between superpersonal forces and heroes, which manifested itself in the diverse development of the transmission of the mystical principle associated with the "human" and foreign essence of the Adriatic; with an expression of a foreign point of view. The private plot of the Venetian text of culture is first covered as a cultural myth in demand in Russian literature, containing ambivalently the motives of the power of beauty and "beauty" of power, loyalty and betrayal, man and nature, immanent and transcendental, superpersonal forces and freedom of personality.

Keywords: motive, mythopoetics, symbol, fate, sea, conflict, visualization, mystical plan, plot, painting

References (transliterated)

1. Botkin V. P. Otryvki iz dorozhnykh zametok po Italii // Botkin V. P. Pis'ma ob Ispanii / Sost. B. F. Egorov. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka", 1976. S. 202-216.
2. Gofman E. T. A. Dozh i dogaressa // Gofman E. T. A. Serapionovy brat'ya. Sochineniya v 2-kh tomakh / Perevod s nem. A. Sokolovskogo pod red. E. V. Stepanovoi, V. M. Oreshko. Minsk: Navia Morionum, 1994. T. 1. S. 276-310.
3. Botkin V. P. Serapionovy brat'ya... E.-T.-A. Gofmana... Moskva... 1836 // Botkin V. P. Literaturnaya kritika; Publitsistika; Pis'ma / Sost., vstup. st. i primech. B. F. Egorova. Moskva: Sov. Rossiya, 1984. S. 24-26.
4. Potashova K. A. Poetika zrimogo v russkoi literature kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka. Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. nauk. Moskva, 2025. 33 s. EDN: RHYCGF.
5. Pikulik Lothar. E. T. A. Hoffmann als Erzähler: Ein Kommentar zu den "Serapions-Brüdern". Göttingen, 1987. 223 s.
6. Winter Ilse. Untersuchungen zum serapiontischen Prinzip E. N. A. Hoffmanns. Haag, 1976.
7. Fedorov F. P. Khudozhestvennyi mir nemetskogo romantizma: struktura i semantika. Moskva: "MIK", 2004. 368 s. EDN: QRIJAJ.
8. Krysanova M. V. Ramka v tsikle Gofmana "Serapionovy brat'ya": osobennosti atmosfery // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2012. № 6. S. 152-157. EDN: OHCEBO.
9. Mednis N. E. Venetsiya v russkoi literature. Novosibirsk: Izd. Novosibirskogo universiteta, 1999. 392 s.
10. Il'chenko N. M., Marinina Yu. A. Obraz Venetsii kak prostranstvo lyubvi i smerti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 6 (195).

- S. 158-163. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-158-164 EDN: UYXSNW.
11. Mikhailova A. Yu. *Obraz Venetsii v novelle E. T. A. Gofmana "Dozh i dogaressa"* // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2011. № 2. S. 357-361. EDN: NWHHOV.
 12. Korovin V. I. "...Kakoe obeshchalos' tut novoe sokrovishche!" // Moskovskii pushkinsit-VIII. Ezhegodnyi sbornik. Moskva: "Nasledie", 2000. S. 266-291.
 13. Golovacheva A. "Plyvya v tainstvennoi gondole..." ("Sny" o Venetsii v russkoi literature zolotogo i serebryanogo veka) // Voprosy literatury. 2004. № 6. S. 157-178.
 14. Abramovskikh A. V. "V golubom efira pole..." A. S. Pushkina: provotsiruyushchaya sila "tvorcheskogo potentsiala" nezakonchennogo teksta // Ural'skii filologicheskii vestnik. 2026. № 4. S. 81-103.
 15. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Kavkaz kak emotsional'no-smyslovaya dominanta v poeme M. Yu. Lermontova "Izmail-Bei" // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. 2022. № 4 (77). S. 94-102. DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.010. EDN: ZQNSUZ.
 16. Esaulov I. A. Ekfrasis v russkoi literature novogo vremeni: kartina i ikona // Problemy istoricheskoi poetiki–2001. 2001. № 6. S. 43-56.
 17. Yampol'skii M. B. Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya: monografiya. SPb: Poryadok slov. Masterskaya Seans, 2012. 344 s.
 18. Yukhnova I. S. Ocherk "Kavkazets" v kontekste tvorchestva M. Yu. Lermontova // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1-1. S. 112-127.
 19. Aksenova A. A. Retseptivnye aspekty vizual'nogo v literature // Novyi filologicheskii vestnik. 2020. № 3 (54). S. 76-86. DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00067. EDN: SPYADP.
 20. Lavlinskii S. P., Gurovich N. M. Vizual'noe v literature // Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii. Moskva: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 37-39. EDN: RWSZST.
 21. DRAMATIS PERSONAE // Venetsiya v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972 / Aleksandr Sobolev, Roman Timenchik. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 525-1059.
 22. Hoffmann E. T. A. Doge und dogaresse // Hoffmann E. T. A. Sämtliche poetischen Werke. Zweiter Band. Wiesbaden, 1972. S. 346-389.
 23. Shelling F. F. Filosofiya iskusstva / Perevod s nemetskogo P. S. Popova. Moskva: Izdatel'stvo "Mysl'", 1999. 608 s.
 24. Il'chenko N. M., Chernysheva E. G. "Rastitel'nyi ornament deistvitel'nosti": tsvety v kartine mira E. T. A. Gofmana i N. A. Polevogo // Nauchnyi dialog. 2024. T. 13. № 7. S. 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275. EDN: UYMHTR.
 25. Khramushina S. I. Religiozno-filosofskaya refleksiya v tvorchestve E. T. A. Gofmana. Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filos. nauk. SPb, 2016. 23 s. EDN: TVRCCH.
 26. Kolosova E. V. Russkie v Venetsii. Istории pro raznye sobytiya i lyudei, kotorykh ob"edinila zhemchuzhina Adriatiki. Moskva: Eksmo, 2023. 256 s.
 27. Gofman E. T. A. Dozh i dogaressa // Gofman E. T. A. Sbranie sochinenii: V 8 tt. Moskva: TERRA-Knizhnyi klub, 2009. T. 4. S. 374-416.
 28. Tsyavlovskaya T. Vnov' naidennyi avtograf Pushkina "V golubom nebesnom pole" (Publikatsiya T. Tsyavlovskoi) // Literaturnoe nasledstvo. Moskva: Izd. AN SSSR, 1952. T. 58. S. 278-286. EDN: YNLMHR.
 29. Popov B. Dogaressa // Venetsiya v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972 /

Aleksandr Sobolev, Roman Timenchik. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 359-360.

30. Kostomarova A. Dogaressa // Venetsiya v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972 / Aleksandr Sobolev, Roman Timenchik. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 304.
31. Shteinberg A. Venetsianskii dozh. Sonet // Venetsiya v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972 / Aleksandr Sobolev, Roman Timenchik. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 435.
32. Ivanov D. "V golubom efira pole" // Venetsiya v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972 / Aleksandr Sobolev, Roman Timenchik. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 271.

Appeal to Precedent Phenomena in Military Advertising: A Linguistic-Pragmatic Aspect

Yasnikov Aleksei Andreevich

Postgraduate student; Department of English (primary); Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ alex_breit@rambler.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the linguopragmatic features of the functioning of precedent phenomena in military advertising discourse. The object of the research is military advertising discourse as a special communicative sphere characterized by a high degree of influencing potential and specific mechanisms for manipulating the collective memory of the target audience, while the subject is the linguopragmatic characteristics of precedent phenomena in military advertising texts. The author examines in detail aspects such as the typology of precedent phenomena (universal, national, socially-precedent), their verbalization mechanisms, and ways of actualization in advertising discourse, as well as the semiotic features of the functioning of precedent units in the context of military identity formation. Special attention is given to analyzing the pragmatic functions of appeals to biblical texts, national cultural symbols, and corporate formulas of the military society in the process of constructing the image of a serviceman and motivating military service. The research is based on the texts of recruiting videos of the U.S. Army series "Be All You Can Be" (2024–2025) and the advertising campaign of special forces "Generation" (2025). The analysis was carried out using intertextual analysis, contextual analysis, and functional-semantic description of precedent units. The scientific novelty of the work lies in the fact that it is the first attempt at a comprehensive linguopragmatic analysis of precedent phenomena in military advertising discourse considering their typological characteristics, functional specificity, and modes of verbalization. The results of the study showed that the appeal to precedent phenomena serves as a key mechanism of linguopragmatic influence in military advertising. The main pragmatic functions of precedent phenomena were identified: the sacralization of military labor through appeals to biblical texts, the construction of historical continuity through references to key events in national history, the legitimation of military service through links to documents of statehood, and the formation of an elite image of the military society through socially-precedent phenomena. It was established that precedent phenomena in military advertising predominantly function in the form of implicit allusions, aimed at the cultural competence of the recipient and activating the collective memory of the national-linguistic and professional communities.

Keywords: media discourse, societal precedent, precedent text, collective memory, linguistic pragmatics, recruiting campaign, military advertising, military discourse, intertextuality, precedent phenomena

References (transliterated)

1. Krasnykh V. V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya. Moskva: ITDGK "Gnozis", 2002.
2. Leshnevskaya K. V. Pretsedentnye fenomeny v ekonomicheskom diskurse // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2023. T. 97. № 2. S. 70-76. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-70-76 EDN: ZQZTUB.
3. Marchenko T. V., Bredikhin S. N. Kognitivnaya metafora i pretsedentnye fenomeny v polikodovoi reprezentatsii gorodskogo prostranstva // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2024. № 4. S. 152-165. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-4-152-165 EDN: HAVIJW.
4. Vorontsova I. S. Pretsedentnye fenomeny v ispanskom mediinom diskurse: osobennosti semanticheskikh i sintaksicheskikh transformatsii // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2025. T. 25, № 5. S. 76-88. DOI: 10.37482/2687-1505-V461 EDN: YCCUFC.
5. Ragimova F. S. Intentsional'nost' pretsedentnogo fenomena v tekstakh sovremennykh internet-SMI // Virtual'naya kommunikatsiya i sotsial'nye seti. 2023. T. 2, № 1(5). S. 7-10. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-1-7-10 EDN: RWNQZQ.
6. Chudinov A. P., Segal N. A. Pretsedentnyi fenomen "Prestuplenie i nakazanie" v russkoyazychnom mediadiskurse // Rusistika. 2023. T. 21, № 2. S. 242-253. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-242-253 EDN: VPBMJZ.
7. Al-Ali M. N., Djelloul B. H. The role of multimodality and intertextuality in accentuating humor in Algerian Hirak's posters // Pragmatics. 2025. Vol. 35. №. 1. Pp. 1-24.
8. Ayokunle O. P. Discourse of Intertextuality in the Language of Political Advertisements in Selected Nigerian Newspapers // Elsy: Journal of English Language Studies. 2024. Vol. 6. №. 1. Pp. 1-19. DOI: 10.31849/elsya.v6i1.16121 EDN: GOLXLP.
9. Prathap A. J., Devimeenakshi K. Intertextuality as a cognitive process: Unveiling psychological resonance in literature, cinema, and advertising // Social Sciences & Humanities Open. 2025. Vol. 12. Pp. 102318.
10. Ruggiero F. From Television to Social Media: Persuasive Strategies Through "Intertextual Irony" // The Journal of Communication and Media Studies. 2024. Vol. 9. №. 2. P. 99. DOI: 10.18848/2470-9247/cgp/v09i02/99-120 EDN: ILGLVT.
11. Balkanov I. V., Surkova E. V. Kreolizovannyi tekst kak instrument formirovaniya mediaimdzha armii SShA (na materiale reklamnoi kampanii "The Calling") // Kazanskaya nauka. 2025. № 8. S. 216-219. EDN: PZNZUL.
12. Balkanov I. V., Serbin V. A. Osobennosti kreolizovannogo teksta voennoi reklamy (na materiale videoreklamy voennoi sluzhby v VVS SShA 2021-24 gg.) // Kazanskaya nauka. 2025. № 8. S. 213-215. EDN: NAVGMF.
13. Lupanova E. V. Sleng v armeiskom verbovochnom slogane // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2023. T. 38, № 1. S. 69-75. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-1-69-75 EDN: QDPGSX.
14. Murog I. A. Kreolizovannyi tekst kak oruzhie sovremennoi informatsionnoi voyny (na materiale izdaniya the Economist) // Voенно-филологический журнал. 2024. № 2. S. 24-

43. EDN: ADHSVJ.

15. Subachev Yu. P., Subacheva E. G. Paradigma politkorrektnosti v voennoi reklame (na materiale reklamnoi produktsii SShA i Velikobritanii) // Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta-Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta. 2025. № 1. S. 87-94. EDN: GKQBLC.
16. Dashiell S. Analyzing gamification as capital in social media posts regarding military recruitment // Critical Studies in Media Communication. 2024. Vol. 41. №. 5. Pp. 411-424. DOI: 10.1080/15295036.2024.2422355 EDN: XDZKAM.
17. Joachim J., Schneiker A. Public or private? Blurring the lines through YouTube recruitment of military veterans by private security companies // New media & society. 2024. Vol. 26. №. 1. Pp. 7-28. DOI: 10.1177/14614448211047951 EDN: HPLSAP.
18. Elmore C. Selling to soldiers: warrior hero masculinity and missing military women in Stars and Stripes' Iraq war advertising // Feminist Media Studies. 2024. Vol. 24. №. 3. Pp. 559-574.
19. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. 7-e. Moskva: Izd-vo LKI, 2010. EDN: RTDQLX.
20. Titova A. V., Chicherova E. A. Funktsional'nyi potentsial pretsedentnykh fenomenov voennoi subkul'tury // Vestnik filologicheskikh nauk. 2023. T. 3, № 8. S. 131-135. EDN: ZEJJSX.
21. Gudkov D. B. Pretsedentnoe imya v kognitivnoi baze sovremennogo russkogo yazyka (rezul'taty eksperimenta) // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. st. / pod red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotova. Moskva : MAKS Press, 1998. Vyp. 4: Filologiya. S. 82-94.

To the creation of the "Dictionary of Phytonyms of the Avar Language": selection principles, structure, and cultural-linguistic significance

Otsomieva Zabikhat Magomedovna

PhD in Philology

Leading Researcher at the Department of Lexicology, G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

45 M. Gadzhiev str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, Russia

✉ zabi011@yandex.ru

Abstract. The author thoroughly examines the concept, principles of compilation, and scientific value of the "Dictionary of Phytonyms of the Avar Language." This is due to the necessity for systematic fixation and in-depth study of an important layer of specialized vocabulary, which directly reflects the traditional economic structure, cognitive experience, and holistic worldview of the Avar people. The presented work defines and analyzes the main sources for the formation of the dictionary, including new field materials, recordings of living spoken language, and existing lexicographic works. Furthermore, the article details key structural-motivational models characteristic of Avar phytonyms, such as compounding and suffixation, and proposes a clear thematic classification of them. The potential of the dictionary lies in its multifaceted application: in modern lexicographic practice, in the educational process when studying lexicology and linguocultural studies, as well as serving as a fundamental basis for comparative and historical studies of the languages of the Dagestan family. The methods used in this work include: techniques of semantic-analytical representation of vocabulary, methods of comparative analysis, and anthropologically oriented descriptions of words and their classifications; techniques of selection of vocabulary and

introspection as a way to determine the ontological nature of the phenomena denoted; the comparative method is utilized to identify similarities and differences between specific thematic groups. The scientific novelty of the research lies in the following: this is the first specialized work, the first attempt to create a separate lexicographic work entirely devoted to the systematic organization and comprehensive description of the phytonymic vocabulary of the Avar language, which will fill a significant gap in its terminological documentation; it reflects not only the meanings but also motivational signs of nomination ("appearance," "property," "place of growth" – literal translation), revealing the connection between language and cognitive and cultural models of the ethnic group; the complex of sources and dialectal coverage – the dictionary is formed on the basis of a triad of sources: data from existing dictionaries, new field materials, and recordings of living spoken language; it serves as a foundation for interdisciplinary research not only for linguistics (comparative linguistics, semasiology) but also for ethnobotany, cultural anthropology, and folkloristics, demonstrating the integrative scientific potential of the publication.

Keywords: Structure, sectoral vocabulary, lexicology, Selection Principles, motivational features, linguistic worldview, dictionary of phytonyms, lexicography, phytonymy, Avar language

References (transliterated)

1. Katsnel'son S. D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie. M.-L.: Nauka, 1965. S. 14.
2. Shmelev D. N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1964. S. 6.
3. Postovalova V. I. Lingvokul'turologiya v svete antropologicheskoi paradigmy (k probleme osnovanii i granits sovremennoi frazeologii) // Frazeologiya v kontekste kul'tury. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. S. 25-33.
4. Otsoomieva-Tagirova Z.M. Naimenovaniya fauny v avarskikh toponimakh-konversivakh // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 6. S. 127-133. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.6.31400 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31400
5. Tagirova Z. M. Otrazhenie botanicheskikh i zoologicheskikh terminov v avarskoi toponimii // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 2014. № 55. S. 106-109. EDN: UJWEAT.
6. Khalilov M. Sh. Slovar' yazykov i dialektov narodov Severnogo Kavkaza: sopostavlenie osnovnoi leksiki. Yazyki i dialekty narodov Dagestana, Ingushetii, Severnoi Osetii-Alanii i Chechni, a takzhe nakhsko-dagestanskikh narodov Azerbaidzhana i Gruzii. Leiptsig-Makhachkala, 2010. 898 s. EDN: RRNKDJ.
7. Kubryakova E. S. Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti. M.: Nauka, 1986. 183 s.
8. Tagirova Z. M. Iz istorii izucheniya toponimiki na Kavkaze i ee aktual'nost' // V sbornike: Kontensivnaya tipologiya estestvennykh yazykov: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii yazykovedov. Otvetstvennyi redaktor: Magomedova P. A. 2007. S. 43-46.
9. Bel'chikov Yu. A. O kul'turnom konnotativnom komponente leksiki // Yazyk: sistema i funktsionirovanie. Sb. nauch. tr. / Red. Yu. N. Karaulov. M.: Nauka, 1988. S. 32.
10. Tagirova Z. M. Issledovanie terminosistem avarskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2025. № 2. S. 58-64. DOI: 10.20339/PhS.2-25.058. EDN: FVSPVZ.
11. Ozhegov S. I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Mir i Obrazovanie, Oniks, 2018.

1376 s.

12. Tagirova Z. M. Toponimizirovannye dendrofloricheskie apellyativy v avarskom yazyke // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 2024. № 95. S. 130-133. DOI: 10.31029/vestdnc95/20. EDN: KBBQPH.
13. Otsoomieva Z. M. Fitonimy avarskogo yazyka: iz opyta sobiraniya i leksikografirovaniya // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 2024. № 92. S. 121-125. DOI: 10.31029/vestdnc92/13. EDN: EYJIIV.
14. Superanskaya A. V. Grammaticheskie nablyudeniya nad imenami sobstvennymi // Vopr. yazykoznaniiya. 1957. № 4. S. 79-82.

Linguocultural transformations in the translation of kissa texts into the Tatar language

Gilemshin Fler Foatovich

Doctor of Philology

Associate Professor; Institute of International Relations, History and Oriental Studies; Kazan (Volga Region) Federal University
Chief Researcher; G.Ibragimov Center for Written Heritage and Translation of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
Leading Researcher; MGAKF Laboratory of the KazNC RAS

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, Bauman St., 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

Arzamazov Aleksei Andreevich

Doctor of Philology

Professor; Institute of the Russian Language; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology; Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

420111, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Vakhitovsky district, Lobachevsky str., 2/31

✉ arzami@rambler.ru

Abstract. The subject of the research is the Arabic-language edition of "One Thousand and One Nights" in four volumes (Beirut, 2009), the Tatar translation of this collection translated by Fatih Khalidi in six volumes (Kazan, 1897–1899), the text of the work "One Thousand and One Nights" in Old Ottoman Turkish, translated by Ahmed Nazif (Istanbul, 1851, six volumes; 1870, four volumes), and the Russian translation by M.A. Salje in eight volumes (Moscow, 1996). Additionally, to confirm the hypothesis about the typicality of the identified transformations, we examined examples from other works, such as "Kalila and Dimna," "Tutiname," "Forty Vazir Kitabı," and "Abu Galisin." The study aims to identify specific techniques of adaptation (e.g., replacement of realities, modification of comparisons, transformation of descriptions) and determine their role in conveying the cultural code and artistic meaning of the original in a new linguistic and cultural environment. The theoretical foundation of the research consists of the works of researchers that reveal the lexical-semantic and morphological aspects of the Tatar language; the theory of translation, in particular, the classification of semantic correspondences that is used for analyzing lexical transformations; and the principles of linguoculturology and the theory of intercultural communication. The methodological basis is a detailed comparison of the originals and Tatar translations to identify specific transformations. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive analysis of linguocultural transformations in the translation of Eastern texts (kissa) into the Tatar language. For the first time, specific translation strategies of Tatar enlighteners have

References (transliterated)

- 519

Kazanskogo universiteta, 1899.

16. ٢٠٠٩ الف ليلة و ليلة. المجلد الرابع. دار المكتبة الهلال. بيروت. Tsyacha i odna noch'. 4 t. – Beirut: Darul-maktabatil-khilal, 2009.
17. هذه حكاية رئيس الحكماء اخي ابي الخارث و هو ابو علي سينا. كنزجينه حكمة. = Kanzhinai khikmet. Eto istoriya glavy mudrykh, brata Abul'-Kharisa, i on – Abu Ali Sina. – [B. m.]: [B. i.], [B. g.].
18. ابو علي سينا قصه سي ديمكله مشهور تخيلات نك ترجمه سي. عبدالقيوم عبدالناصر اوغلي نك ترجمات و . = تصنيفاتنداند. قزان اونيويرسيتيتي نك طبع خانه سنده باصمه اولنمشدر ١٨٩٤ نچي يلده. ١١٢ ب . = Əbugalisina kyissasy diməklə məshhər təkhiilətnəñ tərjəməse = Rasskazy Abugalisiny. Kazan', Izd. Kazanskogo universiteta, 1894.
19. طوطي نامه. = Tutiname. – Stambul: Dar as-Sultana as-Sunniya, 1931.
20. =Tutyinəmə طوطي نامه. عبدالعلام فيض خان اوغلي نك ترجماتندن. مطبعة كريميه، قزنده . =Tutynəmə, Kazan', Matbaga Karimiya, 1916.
21. = Istoriya soroka vezirei. تاريخ قرق وزير. طابع و ناشري امنيت كتيخانه سي. مطبعة ابو الضيا ١٣٢١. – Stambul: Abu Daiya Press, 1903. – 261 s.
22. = Istoriya soroka vezirei. تاريخ قرق وزير. – Stambul: [B. i.], [B. g.].
23. Istoriya soroka vezirei. تاريخ قرق وزير. مجد جمال افنديك مطبعة سنده طبع اولنمشدر. استانبول، سنه ١٣٠٣. = Istoriya soroka vezirei. Izdano v tipografii gospodina Mukhammada Dzhamala. – Stambul, 1885.
24. قرق وزير قصه سي، عثمانلى تلندن ترجمه قيلنوب قزنده اوچونچى مرتبه باصلدى. عبدالقيوم عبدالناصر . = اوغلي نك ترجماتنداند. قزنده اونيويرسيتيت طبع خانهسنده باصما اولنمشدر ١٨٨٣ سنه ده. ١٦٠ ب . = Kyryk vəzir kyissasy = Rasskazy soroka vizirei. Kazan', Izd. Kazanskogo universiteta, 1883. ""

On the issue of the translation of I. A. Bunin's story "Madrid" into Chinese (translated by Chen Fu)

HU JIAQI

Graduate student; Graduate School of Translation (Faculty); Lomonosov Moscow State University

10 Maloe Pionizoye Street, entrance 3, apartment 78, Novomoskovsky Administrative District, Moscow, 108802, Russia

✉ cyq06242021@163.com

Abstract. This article examines the key challenges encountered in translating Ivan Bunin's short story "Madrid" into Chinese. The research focuses on the Russian-Chinese literary translation of "The Madrid Restaurant" by Chinese translator Chen Fu, while the subject matter focuses on the linguastylistic transformations in the Chinese version of the story, affecting the title, speech characteristics, sound organization, and the rendering of subjective modality. Specific examples demonstrate how a translation strategy aimed at simplifying and "flattening" the text leads to the negation of Bunin's carefully constructed system of semantic and stylistic nuances. In conclusion, the author states that while there is no such thing as a perfect literary translation, constant and deep immersion in the Russian language and the writer's poetics always paves the way for improving the translation of Bunin's story. The study is based on a comparative linguastylistic analysis of the Russian original and Chinese translation, as well as an interpretive method. The scientific novelty of this study lies in the fact that the author, for the first time, conducts a comparative analysis between Bunin's story "Madrid" and its Chinese translation, "Restaurant Madrid," by Chen Fu. Against the backdrop of active Russian-Chinese cultural exchange, scholars in both countries have addressed the issue of translating Russian literature into Chinese and Chinese literature into Russian, but until

now, a publication specifically addressing Bunin's story "Madrid" and its Chinese translation, "Restaurant Madrid," has been lacking. This article fills this gap. Since this article focuses on a single story by a Russian writer, the author's conclusions are also concrete: although there is no such thing as a perfect literary translation, especially when it comes to translating such subtle artists of the word as Ivan Bunin, nevertheless, constant and deep immersion in the Russian language and the poetics of the Russian writer always opens the way to improving the translation of the story "Madrid." The Chinese audience is waiting for a new version of the translation of this story.

Keywords: irony, poetics, issues, Chinese translation, translator, literary translation, Russian literature, short story, Dark Avenues, Ivan Bunin

References (transliterated)

1. Sirivlya M. A., Kan V. A. Nekotorye problemy perevoda khudozhestvennykh tekstov // *Lingua mobilis*. 2013. № 7 (46). S. 68-73. EDN: TGDBDR.
2. Ivakhnenko M. N., Reshetarova A. M. Trudnosti khudozhestvennogo perevoda i avtorskii stil' (na primere russkoyazychnykh perevodov romana Dzh. K. Rouling "Garri Potter") // *Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii*. 2018. № 1-2. S. 108-118. EDN: IOHKPG.
3. Shirobokova S. N. Problema perevoda udmurtskikh mezhdometii na russkii yazyk (na materiale khudozhestvennykh proizvedenii) // *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*. 2013. № 4 (80). S. 175-178. EDN: RPSURR.
4. Bunin I. A. I. A. Bunin i russkaya literatura XX v.: po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Bunina, 23-24 okt. 1995 g. / RAN. Int-t mirovoi lit. Im. A. M. Gor'kogo. M.: Nasledie, 1995.
5. Bunin I. A. *Rasskazy*. M.: Sov. Rossiya, 1978.
6. Tszou Tszyalin', Chzhan Fanli. Sravnitel'nyi analiz vzglyadov na lyubov' v proizvedeniyakh Ivana Bunina i Chzhan Ailin na primere "Temnogo puti" i "Lyubvi v padshem gorode" // *Obzor i kritika khudozhestvennykh literaturnykh proizvedeniya Chantszyan*. 2024. № 31. S. 24-27. (邹佳林, 张芳丽. 伊万·布宁和张爱玲小说中的爱情观对比分析--以《暗径》和《倾城之恋》为例. 长江小说鉴赏, 2024. № 31. S. 24-27.)
7. Saakyants A. Kommentarii // Bunin I. A. *Sobr. soch.* v 6 tt. T. 5. 1988. S. 571-593.
8. Chamsedinova G. Sh. Filosofiya lyubvi (po "Temnym alleyam" I. A. Bunina) // *Izvestiya DGPU. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*. 2015. № 4. S. 116-119.
9. Lyu Tszyyuan', Lyu Dan'khuei. Obraz "ulichnoi devushki" v rasskazakh I. Bunina // *Zhurnal sotsial'nykh nauk Universiteta Tszyamusy*. 2022. № 40(2). S. 136-138. (刘子元, 刘丹慧. 伊·布宁短篇小说中的“街头女郎”形象叙事. 佳木斯大学社会科学学报, 2022. № 40(2). S. 136-138.)
10. Meskin V. A. O chem buninskie "Temnye allei"? // *Voprosy literatury*. 2021. № 1. S. 65-79. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-65-78. EDN: CEROCA.
11. Solntseva K. V. Tipovaya rechevaya kharakteristika detskikh personazhei v angloyazychnoi khudozhestvennoi proze // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena*. 2007. № 39. S. 193-198. EDN: KVARFL.
12. Go Chzhinan', Go Yuitszin', Gao Ni. Funktsii umen'shitel'no-laskatel'nykh obrazovaniy v romane "Prestuplenie i nakazanie" // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. № 6. S. 17-21.
13. Esakova M. N., Leonenkova E. D. Russkie diminutivy kak osobyie edinit'sy perevoda //

Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2020. № 3. S. 75-91.
EDN: BAPTБZ.

14. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): uchebnik. M.: Vyssh. shk., 1990.
15. Bunin I. A. Temnye allei. M.: Eksmo, 2025.
16. Bunin I. A. Temnye allei (v perevode Chen' Fu). Pekin: Izdatel'stvo Narodnaya literatura, 2020. (布宁. 暗径集. 陈馥译. 人民文学出版社, 2020.)

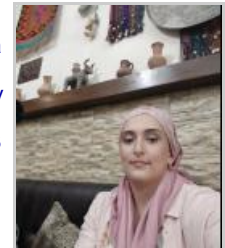
Interpretative field of the moral concept "HONOR" in Avar and Russian languages

Alivalieva Dzhamilat Abdulkadirovna

Lecturer; Department of English; Dagestan State University

367009, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Kirovsky district, Karakhsy St., 43

✉ djam.schagbanova2014@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is the interpretative field of the moral concept HONOR, represented in Avar and Russian proverbs. The object of the research consists of paremiological units that verbalize the moral concept of HONOR in Avar and Russian languages. The main goal of this research is to identify universal and ethnospecific features of the concept of HONOR in the studied languages. To achieve this goal, it is necessary to address the following tasks: – analyze the encyclopedic zone of the studied concept in the compared languages; – identify the utilitarian zone of the concept of HONOR; – highlight the regulative zone of this concept; – determine the evaluative zone of the studied concept. The relevance of the research is determined by the need for a comprehensive study of the interpretative field of the studied concept in Avar and Russian languages using modern scientific methods. To solve the above tasks, the following research methods were used: complete sampling method, definitional method, comparative method; literature analysis on the discussed problem. The scientific novelty of the article is defined by the fact that no similar comparative study of the concept of HONOR in Avar and Russian languages based on proverbs has been conducted before. Universal features in the studied linguistic cultures include cognitive traits: "observing honor from youth," "respect for elders," "harm from excessive honesty," "refusal to manifest honor to one's detriment." Ethnospecific features in Avar linguistic culture: the concepts of "honor" and "heroism," "honor" and "soul" are interconnected; in Russian linguistic culture – honesty and gratitude are considered equal, while honor and glory are distinguished. In Russian linguistic culture, uninvited guests are not honored, and wealth is not equated with honor. In Avar linguistic culture, one cannot sell honor for worldly goods and food, while in Russian culture, sustenance is valued more than honor. In the Avar naivety worldview, it is better to lose one's head than one's honor.

Keywords: linguoculture, general assessment zone, practical zone, regulatory zone, encyclopedic zone, interpretative field, proverb, honour, moral concept, paremiological worldview

References (transliterated)

1. Alikhanov Z. A., Alikhanov S. Avarskie poslovitsy i pogovorki. M.: Izdanie 2-e, ispravlennoe, dopolnennoe, 2013. 566 s.

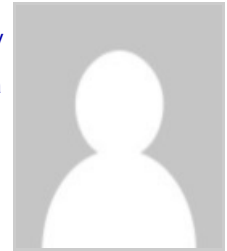
2. Guchepshokova S. A. Arkhitipicheskii kontsept LITsO/ChEST"/SOVEST" i lingvokul'turnye osobennosti (na materiale russkogo, adygskogo, angliiskogo i frantsuzskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. n. Maikop, 2011. 30 s. EDN: ZODWUZ.
3. Dadaeva A. R. Analiz lingvokul'turnykh osobennostei kontsepta ChEST" / SOVEST" na materiale russkogo, nemetskogo i chechenskogo yazykov // *Prepodavatel' XXI vek*. 2021. № 1. Chast' 2. S. 334-343. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-1-334-343. EDN: UPFBMZ.
4. Dadaeva A. R. Analiz kontseptov LITsO / SOVEST" / ChEST" v metayazykovoi sisteme russkogo, nemetskogo i chechenskogo yazykov // *Kazanskaya nauka*. 2022. S. 76-79.
5. Kunavin B. V., Tedeeva I. K. Kontsepty ChEST" i SOVEST" v russkoi yazykovoi kartine mira // *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik*. 2021. № 3. S. 183-189. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/03/Tedeeva.pdf>. DOI: 10.5281/zenodo.4686849. EDN: XPIBUE.
6. Muskhanova I. V. Lingvopedagogicheskii aspekt kontsepta ChEST" v paradigme dukhovno-nravstvennogo vospitaniya lichnosti // *KANT*. 2024. № 2(51). S. 372-377. EDN: VNLKRP. DOI: 10.24923/2222-243X.2024-51.62.
7. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Voronezh: ISTOKI, 2007. 250 s. EDN: QUJZYF.
8. Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. I. Dalya. M.: Goslitizdat, 1989. 991 s.
9. Spivakova E. M., Spivakova M. M. Natsional'naya spetsifika russkogo kontsepta ChEST" // *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*. 2015. № 4-2 (111). S. 415-419. EDN: TZXXYX.
10. Subirkin N. Yu. Evolyutsiya kontsepta ChEST" vo frantsuzskoi srednevekovoi kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Moskva, 2010. 27 s. EDN: QGRVXL.
11. Terina S. V. Drevnerusskii kontsept ChEST" i ego yazykovaya reprezentatsiya v letopisi "Povest' vremennykh let": avtoref. dis. ... kand. filol. n. Tambov, 2007. 26 s. EDN: NJMAAF.
12. Khaibulaeva M. M. Osobennosti realizatsii kontsepta NAMUS (ChEST", DOSTOINSTVO) vo frazeologicheskikh i paremiologicheskikh edinitsakh avarskoi yazykovoi kartiny mira // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2019. № 17(1). S. 128-133. URL: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-1-17-128-133>. EDN: KFQEKR.
13. Shafagi M., Zotova Yu. A. Kontsept "chest'" v etiketnykh rechevykh aktakh russkogo i persidskogo yazykov // *Russkii yazyk za rubezhom*. 2022. № 1. S. 40-49. DOI: 10.37632/PI.2022.290.1.005. EDN: ALCTRG.
14. Yurina E. A., Temirova Zh. G. Kontsept ChEST" i ego obraznye reprezentatsii v kontaminirovannoi kartine mira pisatelya-bilingva na materiale rasskaza R. Seisenbaeva "Chest'" // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 61. S. 149-176.
15. Yan Yu., Mitrofanova I.I. Kontsept «chest'» v russkoi i kitaiskoi lingvokul'turakh // *Litera*. 2023. № 2. S. 125-137. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39529 EDN: DBSHEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39529

Comparative study of the structural and semantic features of youth slang in German and English

Lecturer; Department of Foreign Languages and Russian Philology; Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute; branch of the Russian State Vocational Pedagogical University

57 Krasnogvardeiskaya str., Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region, 622031, Russia

✉ sofya.nesterenko.00@inbox.ru

Yuzhaninova Elena Vladimirovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Foreign Languages and Russian Philology; Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute; branch of the Russian State Vocational Pedagogical University

57 Krasnogvardeiskaya str., Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region, 622031, Russia

✉ elena-yuzh@yandex.ru

Abstract. The purpose of this work is to conduct a comparative study of the structural and semantic slang features in German and English. Slang used by young people in speech reflects changes taking place in the world around them. Youth slang contains a unique vocabulary with specific properties, a variety of phrases. It is interesting to consider the common features and differences in the ways of replenishment and the meaning of slang units in different languages – German and English. The subject of the study is the structural and semantic features of slang in German and English. The research material consisted of 100 German slang units taken from the texts of German-language media – Deutsche Welle, Der Spiegel, Stuttgart Nachrichten and 100 English slang units from the texts of English-language media – The Guardian, Daily Mail, Times Live. The work uses the continuous sampling method, comparative linguistic analysis of slang units, quantitative data processing methods. The scientific novelty of the study consists in a multidimensional description of German- and English-speaking units of youth slang, isolated from modern sources for the period from 2018 to 2023, and in their comprehensive comparison. The results of the study show that youth slang, in general, reflects the general trends in language development. Indeed, word-formation models are the most productive way to replenish slang in both languages. At the same time, the most productive way to form German slang is to combine various word-formation models and borrowings, primarily from English. The semantic analysis data shows slight differences in the compared languages, which allows us to conclude that German- and English-speaking youth are interested in the same spheres of life. This comparative study provides an opportunity to study youth slang in sufficient detail, its formation trends and usage in German and English.

Keywords: ways of adding slang, comparative analysis, structure, semantics, word-formation model, youth slang, slang, German, English, mass-media

References (transliterated)

1. Abaidel'danova M. K., R. Gusman Tiradob. Russkii yazyk v internete: analiz molodezhnogo slenga s otsenochnym znacheniem // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. № 17. S. 177–189.
2. Tsekova L. M. Sleng v lingvokul'ture sovremennoi molodezhi // Vlast' istorii – Istoriya vlasti. 2022. № 42. S. 31–34.
3. Pesina S. A., Vinogradova S. A., Tomin V. V., Trofimova N. A., Rubtsova S. Y., Morozova M. N., Velikanova S. S. Youth Slang as a Social Language Code: Functions and Formation // Brazilian Journal of Education, Technology and Society (BRAJETS).

2024. № 17. P. 803–811. URL: <https://doi.org/10.14571/brajets.v17.n2.803-811> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
4. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London : Routledge, 2015. 488 p.
 5. Shelestyuk E. V. Perevod slenga v angloyazychnykh kinotekstakh v svete nesovpadeniya zhanrovo-stilisticheskikh kanonov russkogo i angliiskogo yazykov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 499. S. 49–58.
 6. Hanova D. B. Youth slang in the speech of modern students // Galaxy International Interdisciplinary Research Journal. 2021. № 12. P. 272–276. URL: <https://giirj.com/index.php/giirj/article/view/674> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
 7. Djuraeva V., Fayzullaeva G. Youth slang as a modern language phenomenon // GOLDEN BRAIN. 2023. № 6. P. 91–93. URL: <https://researchedu.org/index.php/goldenbrain/article/view/1956> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
 8. Zhuraeva S. Kh. Interaction of youth slang and cultural values of the people // Multidisciplinary and Multidimensional Journal (MMJ). 2024. № 4. P. 119 –126. URL: <http://multidisciplinaryjournal.com/index.php/mm/article/view/212> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
 9. Mileschina L. V. Osobennosti molodezhnogo slenga v rechi sovremennogo shkol'nika // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2021. № 1. S. 365–368.
 10. Chzhan Vei. Problemy primeneniya molodezhnogo slenga na uroke russkogo yazyka kak inostrannogo v Kitae // Obrazovanie i pravo. 2020. № 7. S. 215–216.
 11. Voronkova A. A. Funktsional'nye osobennosti molodezhnogo slenga studentov // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2020. № 2. S. 237–240.
 12. Lapteva Yu. V. Funktsii molodezhnogo slenga (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika». № 1. 2012. S. 158–161.
 13. Nesterenko S. A., Yuzhaninova E. V. Strukturno-semanticheskaya kharakteristika molodezhnogo slenga (na materiale nemetskogo yazyka) // Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: istoriya i filologiya. 2022. № 2. S. 76–90.
 14. Nesterenko S. A., Yuzhaninova E. V. Strukturno-semanticheskaya kharakteristika angliiskogo molodezhnogo slenga // Uchenye zapiski NTGSPi. Seriya: istoriya i filologiya. 2024. № 3. S. 67–82.
 15. Kulakova K. V. Molodezhnyi sleng kak otrazhenie sovremennoi deistvitel'nosti (na primere nemetskogo yazyka) // Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2019. № 4. S. 23–30.

Lexico-semantic analysis of the literary text and its translation with Python tools

Safina Zarema Miniaminovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Linguodidactics and Translation Studies; Ufa University of Science and Technology

22 Kommunisticheskaya str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ safinazarem@yandex.ru

Lukahina Dar'ya Nikolaevna

Graduate student; Department of Linguodidactics and Translation Studies; Ufa University of Science and Technology

450019, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Leninsky district, ul. Urshakskaya, 2a

✉ d lukaxina@mail.ru

Abstract. The article examines the potential of automated lexico-semantic analysis of literary texts and their translations using the NLTK library in the Python programming language. Programming languages significantly accelerate linguistic research and enable systematic, structured organization of collected data. The study focuses on the 19th-century American author William Gilmore Simms' story "Grayling: or, 'Murder Will Out'," and its Russian translation by M.L. Pavlycheva. Particular attention is paid to identifying differences in lexical structure, word and bigram frequency, part-of-speech distribution, and lexical diversity. The research aims to detect translation transformations that affect the semantic and stylistic organization of the text and to evaluate the capabilities of automated analysis in comparing the original and its translation. The study employs Natural Language Processing (NLP) methods using the NLTK library within the Python environment, including text normalization, part-of-speech tagging, frequency analysis, bigram modeling, and calculation of the lexical diversity index. The findings demonstrate that automated lexico-semantic analysis enables objective identification of key differences between the original and its translation: the Russian version exhibits higher lexical diversity, attributable to the inflectional nature of the language and the active use of translation transformations; the frequency of cohesive elements increases; and thematically marked bigrams are replaced by more neutral constructions. Furthermore, significant limitations of standard NLP tools in processing Russian-language texts are revealed, underscoring the need to adapt computational methods to the specific features of the Russian language. The study confirms the need for an integrated approach in the analysis of the original and translation of a literary text, combining computational methods and linguistic interpretation. Future research directions include the application of advanced morphological analyzers, expansion of the text corpus, and integration of machine learning techniques for in-depth comparative analysis of original literary texts and their translations.

Keywords: translation transformations, literary translation, part-of-speech tagging, lexical diversity, bigrams, frequency analysis, lexico-semantic analysis, NLTK, Python, natural language processing

References (transliterated)

1. Van Der Post H. Natural Language Processing with Python: A comprehensive guide to NLP in the age of AI for 2024. Reactive Publishing, 2023.
2. Hammond M. Python for Linguists. Padstow, Cornwall: TJ International Ltd, 2020.
3. Safina Z.M. Metody kvantitativnoi lingvistiki pri issledovanii originala i perevoda khudozhestvennogo teksta // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 10. S. 56-64. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76298 EDN: NGJXWK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76298
4. Rana Y. Python: Simple though an Important Programming language // International Research Journal of Engineering and Technology (IRJET). 2019. Vol. 06, Iss. 2. Pp. 1856–1858.
5. Safina Z. M. Perevodcheskii analiz khudozhestvennogo teksta na yazyke Python //

- Global'nyi nauchnyi potentsial. 2024. № 11 (164), T. 1. S. 177-180. EDN: RTJTGQ.
6. Ladushina M. I. Kak yazyk Python pomogaet leksikografam // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2022. T. 4, № 2. S. 107-121. DOI: 10.33910/2687-0215-2022-4-2-107-121. EDN: UIYYDM.
 7. Gagarin S. N. Bazovye metodiki analiza yazykovykh kartin politiki s pomoshch'yu yazyka programirovaniya Python i biblioteki NLTK (na materialakh korpusov britanskogo parlamentskogo diskursa) // Filologicheskie nauki v MGIMO. 2024. 10(2). S. 125-140. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140. EDN: GDGMAO.
 8. Simms G.W. Grayling; or Murder Will Out // The Wigwam and the Cabin. New York: Redfield, 1856. Pp. 2-36.
 9. Simms U. G. Greiling, ili "Tainoe stanovitsya yavnym" (per. M. L. Pavlychevoi) // Vigvam i khizhina. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2018. S. 27-55.
 10. Bird S., Klein E., Loper E. Natural Language Processing with Python. O'Reilly Media, 2009.
 11. Khairova N. F., Mamyrbaev O. Zh., Petrasova S. V., Mukhsina K. Zh. Sovremennye tekhnologii obrabotki tekstovykh dannykh na baze paketa NLTK Python: ucheb. posob. Khar'kov: OOO "V dele", 2020.
 12. Safina Z. M., Kornilova A. D., Smakova A. L. Kolichestvennyi i statisticheskii analiz leksicheskikh edinit v khudozhestvennom perevode // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2022. T. 27, № 3. S. 741-746. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.42. EDN: FGZGYW.
 13. Morozkina E. A., Vorob'ev V. V., Safina Z. M. Statisticheskie metody issledovaniya v khudozhestvennom perevode // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2023. T. 8, № 3. S. 130-137. DOI: 10.33184/dokbsu-2023.3.15. EDN: KHORTY.
 14. McCarthy P.M., Jarvis S. vocd: A theoretical and empirical evaluation // Language Testing. 2007. 24 (4). Pp. 459-488. DOI: 10.1177/0265532207080767. EDN: JTJVTXN.
 15. Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing: An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition. New Jersey: Prentice Hall, 2009.
 16. Miftakhova R. G., Morozkina E. A. Neironnoe predstavlenie semanticheskogo polya // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2021. T. 26, № 4. S. 1130-1135. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.4.48. EDN: KWAPJJ.

Media Discourse and the Formation of Cultural Stereotypes

Semenova Elena Mikhailovna

Doctor of Philology

Professor; Department of Language Communications and Psychology, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

196634, Russia, Saint Petersburg, Kolpinsky highway, 59, sq. 66

✉ semenovae63@gmail.com

Kryuchkova Yuliya Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Theoretical and Applied Linguistics; D.F. Ustinov Baltic State Technical University 'Voenmeh'

69 Koroleva Avenue, 164 block, Saint Petersburg, 197350, Russia

✉ jul.cru4kova@yandex.ru

Efremova Mariya Pavlovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of English Philology and Translation; St. Petersburg State University of Economics

193231, Russia, St. Petersburg, Nevsky district, Russian ave., 1 letter A, 22

✉ efremova.mp@mail.ru

Abstract. This article analyzes Russian media discourse to identify its role in shaping cultural stereotypes in the mass audience's perception. The empirical basis of the study consisted of cultural news items from the period May–October 2025, published on four popular Russian-language online resources: Lenta.ru, Gazeta.ru, Super.ru, and Ura.ru. To compare discursive strategies, headlines from a publication positioning itself as "quality press" ("RBC") from the same period were additionally analyzed. The presented research includes an analysis of news headlines from the perspective of their syntactic and lexical content, an analysis of article topics, as well as techniques for exerting emotional influence on the recipient, promoting an uncritical perception of the transmitted content. The methodological basis of the study was the random sampling method for selecting examples for analysis and the content analysis method, aimed at identifying ways of representing information to form a system of values of a pragmatic nature in the public consciousness. The analysis revealed that the structuring of information in media texts follows this logical scheme: specific selection of information and methods of its transmission, formation of a specific stable image, and, subsequently, a specific stereotype of information perception within the desired cultural-ideological context. As a result of the study, it is concluded that the media deliberately influence people's consciousness, providing a worldview which focuses primarily on pragmatic goals and commercial interests. It is stated that this kind of information cannot contribute to the formation of cultural identity, and media discourse in this case does not serve as a space for cultural interaction between the media and readers. Instead, it turns into a tool for manipulating public consciousness, used in accordance with the laws of market economy primarily to monetize audience attention rather than to educate it.

Keywords: cross-cultural communication, methods of influence, online sources, cultural-ideological context, mass consciousness, Russian media, content analysis, cultural values, media discourse, identity

References (transliterated)

1. Biryukova E. A. O znachenii ponyatiya "kul'tura". Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. № 12 (4). S. 131-134. EDN: XECEBP.
2. Blagov Yu.V. Mezhekul'turnoe vzaimodeistvie v SMI. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. 2022. № 1 (1). S. 20-27. DOI: 10.51965/20767919_2022_1_1_20. EDN: UDWEAL.
3. Vasil'eva L.V. Rol' i funktsii SMI v sovremennom obshchestve. Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010. № 50. S. 9-13. EDN: PZMJGR.
4. Dzhabrailova V.S., Fomicheva M.P. Mediinyi diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Vestnik Moskovskogo universiteta. Zhurnalistsika. 2006. № 2 (10). S. 20-33.
5. Dobrosklonskaya T.G. Modelirovanie informatsionnykh protsessov v sovremennom mediaprostranstve. Vestnik Moskovskogo universiteta. Zhurnalistsika. 2015. № 4 (10).

- S. 3-15. EDN: UIXFCB.
6. Zelentsova M.G. K kritike dualisticheskoi teorii tsennosti v sovremennoi filosofii. *Filosofiya i obshchestvo*. 2010. № 2. S. 77-89. EDN: MWAJZB.
 7. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Mediinyi diskurs kak stimulyator isteroidnogo i fobicheskogo povedeniya. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2023. № 3. S. 1-22. EDN: GSIXUB.
 8. Kurban E.N., Krivoshlykova M.V. Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: k opredeleniyu aspektov. *Sotsium i vlast'. Kul'tura*. 2013. № 1 (39). S. 97-101.
 9. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass*. Sankt-Peterburg: Maket; 1995.
 10. Pavlovskaya A.V. *Rossiya i Amerika. Problemy obshcheniya kul'tur. Rossiya glazami amerikantsev. 1850–1880 gody*. Moskva: MGU; 1998.
 11. Rerikh N.K. *Izbrannoe*. Moskva: Pravda; 1990.
 12. Roshchupkin V.G. Rol' sub'ekta kul'tury v razvitii sovremennogo obshchestva. *Chelovecheskii kapital*. 2019. № 7 (127). S. 132-137.
 13. Simonov P.V., Ershov P.M., Vyazemskii Yu.P. *Proiskhozhdenie dukhovnosti*. Moskva: Nauka; 1989. EDN: XSXLTP.
 14. Fromm E. *Begstvo ot svobody*. Moskva: AST; 2022.
 15. Le Roy W.S. *Mass media / mass culture*. N.Y.: McGraw-Hill, Inc.; 1992.

The Peasant Reform of 1861 in the Russian and English Newspaper Press

Bugrov Artem Yur'evich

Lecturer; Faculty of Journalism of IGSU; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Postgraduate student; Institute of Journalism and Media Industries; Russian State University for the Humanities
Leading specialist; IGSU DPO Center; RANHiGS Federal State Budgetary Educational Institution

125627, Russia, Moscow, Kurkino district, Sokolovo-Meshcherskaya str., 36, sq. 17

✉ lst0r1kk@yandex.ru

Abstract. The article is a comparative analysis of the perception of the Peasant Reform of 1861 in leading Russian (St. Petersburg Vedomosti, Moskovskie Vedomosti) and British (The Times, The Guardian, Daily Telegraph) newspapers. The Russian press, especially the official press, shaped the narrative of national unity, the sacredness of the act of liberation and loyalty to the monarch, highlighting in detail the practical difficulties of implementing the reform, but within the framework of its unconditional historical necessity. The British press went from cautious optimism (1857–1861) to deep skepticism and criticism (1865–1870), emphasizing the half-hearted nature of the reform, the continued economic dependence of the peasantry, authoritarian methods of its implementation, and predicting long-term systemic contradictions. The key difference was in perspective: The Russian publications focused on the current problems of implementation within the accepted paradigm, while the British assessed the reform through the prism of liberal capitalism and parliamentarism, focusing on its systemic consequences for politics, society and the military potential of the empire. The scientific novelty of the research lies in identifying the historical continuity of narrative models: a comparative analysis shows how the mechanisms of legitimization of reform in the official press of the 19th century and its criticism in the British media form the prototypes of modern strategies for covering socio-political transformations. This historical and media analysis provides a key to understanding the stable discursive framework in which Russia

interprets its own reforms and the outside world interprets its policies, which is especially important in the context of the current information confrontation.

Keywords: British press, Daily Telegraph, The Guardian, The Times, Moscow Gazette, St. Petersburg Gazette, comparative analysis, The Peasant Reform, Alexander II, public opinion

References (transliterated)

1. Novikova E.V. Krest'yanskaya povsednevnyaya zhizn' v Rossiiskoi imperii v XIX veke // Agrarnaya istoriya. 2023. № 14. S. 23-32. EDN JBXZYG. https://doi.org/10.52270/27132447202314_23
2. Antonova E.G. Pravovye aspekty agrarnoi reformy 1861 goda // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 3(231). S. 6-8. EDN VITOMY. https://doi.org/10.47643/1815-132920243_6
3. Baranov D.A. Analiz vzglyadov na evolyutsiyu krest'yanskoi obshchiny v rossiiskoi istoriografii // Agrarnaya istoriya. 2025. № 21. S. 63-72. EDN LERZZW. <https://doi.org/10.5281/zenodo.15168891>
4. Bendin A.Yu. Reshenie "russkogo voprosa" pol'skimi separatistami i russkimi "revolyutsionerami" v 1861–1863 godakh // Tetradi po konservatizmu. 2023. № 3. S. 187-202. EDN FARMFZ. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-187-202>
5. Bol'shakova O.V. Mezhdvumya yubileyami: angloyazychnaya istoriografiya otmeny krepostnogo prava // Rossiiskaya istoriya. 2011. № 4. S. 14-26. EDN OFXJWB.
6. Gaes M.A. K voprosu o gotovnosti obshchestvennykh mass k otmene krepostnogo prava v Rossii v 1861 godu // Skif. Voprosy studentcheskoi nauki. 2023. № 5(81). S. 202-206. EDN RXLHMZ.
7. Dolgikh A.N. Rossiiskoe samoderzhavie i krest'yanskii vopros: 1796–1825 gg.: avtoreferat dis. ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Samara: [b.i.], 2011. 35 s. EDN: ZODYFD.
8. Ierusalimskii Yu.Yu. Otechestvennaya istoriografiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka o krest'yanskoi reforme 1861 g. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 415. S. 71-75. DOI: 10.17223/15617793/415/9. EDN: VNMEYV.
9. Karpachev M.D. Krest'yanskii konservatizm i agrarnye reformy v Rossii v nachale KhKh veka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2023. № 2. S. 5-12. EDN PLVNXJ.
10. Kolosova N.N. Obshchestvennaya reforma v kontekste kul'turologicheskogo analiza: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 24.00.01. Rostov-na-Donu: [b.i.], 2005. 22 s. EDN: NJUPVB.
11. Kondrat'ev S.V. Predrevolyutsionnaya Shotlandiya // Evropa. 2012. № 11. S. 112-138. EDN PENONZ.
12. Luzanova N.A. Teoretiko-metodologicheskie problemy izucheniya voprosa "Obshchestvennye nastroyeniya rossiiskogo dvoryanstva nakanune krest'yanskoi reformy 1861 g." // Enigma. 2021. № 32. S. 109-121. EDN UUTAE.
13. Oboimova R.V., Ipatov A.M. Proekty resheniya zemel'nogo voprosa i ikh realizatsiya v khode krest'yanskoi reformy 1861 goda // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 2(303). S. 25-31.
14. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 6: Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka / pod obshch. red. O.I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1988. 432 s.

15. Ruzhitskaya I.V. Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I. M.: Nauka, 2005. 314 s. EDN: QWHOYV.
16. Samsonov D.D. Organizatsiya formirovaniya normativnoi bazy krest'yanskoi reformy (1857–1861 gg.) // Skif. Voprosy studencheskoi nauki. 2025. № 4(104). S. 773-778. EDN MIDNMN.
17. Seliverstova N.M. Konflikt voennogo gubernatora A.N. Murav'eva s nizhegorodskim dvoryanstvom v period krest'yanskoi reformy // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2023. T. 22, № 4. S. 546-558. EDN QNNFKO. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>
18. Khristoforov I.A. Ritorika obrashcheniya k "istorii" pri reshenii krest'yanskogo voprosa v pravitel'stvennykh krugakh v XIX v. // Puti Rossii. Istorizatsiya sotsial'nogo opyta: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 04-05 fevr. 2011 g. / pod obshch. red. M.G. Pugachevoi, V.P. Zharkova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. S. 528-539. EDN YWKGOK.
19. Tsintsadze N.S. Demograficheskie i ekologicheskie aspekty podgotovki i provedeniya krest'yanskoi reformy 1861 goda v otsenkakh sovremennikov: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Tambov: [b.i.], 2009. 24 s. EDN: NKSEGX.
20. Chashnikov M.A. Krest'yanskaya reforma 1861 g. Izmenenie pravovogo polozheniya krest'yanstva // Vestnik nauki. 2021. T. 4, № 1(34). S. 145-150. EDN: NHFRUM.
21. Shendygayeva A.V. Transformatsiya obraza mirovogo posrednika v kontekste realizatsii Krest'yanskoi reformy 1861 g. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2023. № 8(112). S. 163-171. EDN AOFYGJ. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.24>

The professional ideology of Chinese journalism education (2001-2024)

Wang Ping

Saint Petersburg State University, Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg, Russia.
graduate student

199178, Saint Petersburg, 5th line of Vasilevsky Island, 66, block 225

✉ 1366892929@qq.com

Abstract. The subject of this research is the transformation of the professional ideology of journalism education in China from 2001 to 2024. The object of the study is the system of training journalists in Chinese universities; the subject is its value-normative, institutional, and technological components. Special attention is given to the operationalization of ideological parameters in regulatory documents, educational programs, and academic research. The author examines in detail the mechanisms of combining ideological control and professional training in the context of digital modernization and the strengthening of the country's international influence. The methodological basis includes an analysis of relevant acts and curricula, as well as the comparison of case studies. Using Peking University as an example, it is shown how a combination of professional competencies, global thinking, and ideological loyalty forms a coherent profile of the modern Chinese journalist. The theoretical and methodological foundation is based on the parametric-indicator approach of I.N. Blokhin (2023), which allows for the consideration of professional ideology as a multilayered and multidimensional system. My novelty lies in the systematic introduction of I.N. Blokhin's parametric-indicator approach into the analysis of the professional ideology of journalism education in China, constructing a three-level framework – values and norms, institutional

mechanisms, technological components – and proposing clear, practically applicable evaluation criteria. My contribution consists of the implementation and adaptation of I.N. Blokhin's methodology, specifically his "parametric-indicator" approach, to the study of professional ideology in Chinese journalism education, which required contextual adaptation and the development of appropriate criteria. In conclusion, from 2001 to 2024, journalism education in the People's Republic of China has developed into a multilayered political-technological model, where the ideological framework, professional training, and digital competencies are integrated. The contemporary Marxist-Leninist value core is institutionalized through required courses, standard textbooks, and support mechanisms; in practice, a unified professional profile is formed (competencies, global competence, ideological identity). State initiatives and media convergence platforms establish stable regulatory frameworks; digital transformation strengthens the connection between competencies and ideological requirements and external communication, ultimately defining a clear vector of development and parameters of professional identity.

Keywords: media convergence, digital transformation of media, competency-based model, mechanisms, education, Peking University, parametric indicator approach, professional ideology, PRC, journalism

References (transliterated)

1. Hanitzsch T., Hanusch F., Mellado C. et al. Mapping journalism cultures across nations: A comparative study of 18 countries // *Journalism Studies*. 2010. Vol. 12, no. 3. P. 273-293.
2. Franklin B., Mensing D. *Journalism Education, Training and Employment*. New York: Routledge, 2010. 248 p.
3. Deuze M. Global journalism education: A conceptual approach // *Journalism Studies*. 2006. Vol. 7, no. 1. P. 19-34. DOI: 10.1080/14616700500450293 EDN: YDQSWW.
4. Patterson T. E. *Informing the News: The Need for Knowledge-Based Journalism*. New York: Vintage Books, 2013. 256 p.
5. *Model Curricula for Journalism Education: A Compendium of New Syllabi*. Paris: UNESCO, 2013. 217 p.
6. Hanitzsch T., Hanusch F., Ramaprasad J., de Beer A. S. (eds.). *Worlds of Journalism Study: Journalistic Cultures Around the Globe*. New York: Columbia University Press, 2019. 448 p.
7. *Professional'naya ideologiya zhurnalistiki / pod red. S. G. Korkonosenko*. SPb.: Aleteiya, 2025. 378 s.
8. Demina I. N. Transformatsiya mediasistemy: chelovecheskii potentsial // *Izvestiya Baikal'sk, gos. un-ta ekonomiki i prava*. 2010. № 4 (72). S. 186.
9. Demina I. N. Programma fundamental'nykh nauchnykh issledovaniy v Rossiiskoi Federatsii na dolgosrochnyi period (2021–2030 gody). 2020. URL: <http://static.government.ru/media/files/skzO0DEvyFOIBtXobzPA3zTyC71cRAOi.pdf>
10. Chen' Lidan. *Marksistskii vzglyad na zhurnalistiku*. 2-e izd. Pekin: Izd-vo Zhen'min'skogo universiteta Kitaya, 2015. 166 s. [Tekst: kit. yaz.]
11. Parametry identifikatsii i otsenki professional'noi ideologii zhurnalistiki // *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2023. T. 12, № 2. S. 183-198. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(2).183-198. EDN: KVECAF
12. Sun Tszyan, Lo Pen, Lyu Likhua, Van Yan. Model' podgotovki vydayushchikhsya kadrov v oblasti zhurnalistiki i kommunikatsii: opyt Severo-Zapadnogo universiteta politologii i

- prava // Sin'ven' tsyan'syan'(新闻前线). 2019. № 9. S. 111-115.
13. Pan' Syaotin. Budushchee uzhe nastupilo: kakimi kachestvami dolzhny obladat' spetsialisty po zhurnalistike i kommunikatsii v epokhu intellektual'nykh media? // Chzhunven' byan'tszi(中文编辑). 2018. № 9. S. 46.
 14. E Dintzyan, Tszin In'an'. Razmyshleniya o podgotovke kadrov v sfere setevoi ideologicheskoi propagandy v vuzakh // Shkol'noe partiinoe stroitel'stvo i ideologicheskoe obrazovanie (学校党建与思想教育). 2017. № 4. S. 45-48.
 15. Tsai Ven'chen. Prodvizhenie kachestvennogo razvitiya kursov ideologicheskogo i politicheskogo vospitaniya na osnove vernosti printsipam i innovatsii // Khuntsi ven'gao (红旗文稿). 2024. URL: https://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2024-06/27/c_1130169266.htm (data obrashcheniya: 06.12.2025).
 16. Kitaiskoe informatsionnoe agentstvo (中国新闻网). Krasnye kul'turnye resursy "bol'shaya koordinatsiya" sozdayut "sil'noe magnitnoe pole" vospitaniya v vuzakh: v Universitete nauki i tekhnologii Shankhaya sostoyalsya seminar "Sovremennaya tsennost' i prakticheskie puti vospitaniya krasnoi kul'tury v vuzakh" // Ofitsial'nyi sait Universiteta nauki i tekhnologii Shankhaya. 22.09.2024. URL: <https://www.usst.edu.cn/2024/0922/c965a59641/page.htm> (data obrashcheniya: 06.12.2025).
 17. Li Lyanchzhun. Vvedenie v zhurnalistiku. 8-e izd. Shankhai: Izd-vo Fudan'skogo universiteta, 2023. 411 s. – Tekst: kit. yaz.
 18. Go Tsinguan. Vvedenie v teoriyu kommunikatsii. 2-e izd. Pekin: Izd-vo Narodnogo universiteta, 2011. 275 s. – Tekst: kit. yaz.
 19. Fan Khan'tsi. Istoriya kitaiskoi zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii. 4-e izd. Pekin: Izd-vo Narodnogo universiteta, 2024. 400 s.
 20. Khuan Khu. Zhurnalistskaya etika i pravo. 3-e izd. Shankhai: Izd-vo Fudan'skogo universiteta, 2022. 476 s.
 21. Lyu Khaigui. Sbor i napisanie novostei. 3-e izd. Shankhai: Izd-vo Fudan'skogo universiteta, 2022. 448 s.
 22. Li An'tin. Publitsisticheskoe pis'mo. Sian': Izd-vo Severo-Zapadnogo universiteta, 2020. 323 s.
 23. Lyu Yuchzhi. Upravlenie novymi media. Pekin: Izd-vo Narodnogo universiteta, 2021. 324 s.
 24. Vei Zhan'. Mediinoe vliyanie i sotsial'nye izmeneniya. Pekin: Izd-vo Narodnogo universiteta, 2016. 353 s.

Paradigms of sentiment analysis of regional online media through the example of news websites in Yakutia

Vasilev Vasilii Vasilevich

Senior lecturer; Department of English and Translation; Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov
postgraduate student; Department of German Philology; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

677008, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Tchaikovsky St., 30 K. 2

✉ vv.vasilev@s-vfu.ru

Abstract. This article is dedicated to exploring the sentiment of texts from regional online media, using the example of Sakha news portals, along with comparing the levels of detail in a comprehensive model of linguistic sentiment analysis with automated sentiment analysis

tools. The aim of the study is to compare the paradigms of the categories from these approaches and establish their compatibility and incompatibility for the most optimal application in the practical tasks of media monitoring. A comparison is made between the approaches of linguistic sentiment analysis and sentiment analysis, from which conclusions are drawn about the compatibility and complementarity of these approaches. The relevance of the work is determined by the growing use of automated sentiment analysis in media monitoring, their insufficient integration in working with specific regional discourse, and the necessity of bridging the computational-linguistic and traditional philological approaches to studying this category. Methods used in the research include comparative analysis, analysis by immediate constituents, discourse analysis, content analysis, full sampling, and thematic sampling. The scientific novelty of the research is defined by the fact that it is the first systematic comparative analysis of the levels of detail in automated sentiment analysis using a unified methodological framework, which allowed for the identification of patterns in the functioning of various types of sentiment in media discourse. As a result of the study, it has been established that, although automated systems successfully handle the tasks of primary classification of tonal vocabulary and determining the overall polarity of texts, they demonstrate systemic limitations. The practical significance of the work lies in testing the applicability and necessity of a multi-level model of sentiment analysis, gaps in automated analysis, and the possibility of their joint use for labor optimization. The obtained model will enable effective monitoring of the sentiments in the regional media landscape and, if necessary, detail it based on the thematic focus of the material.

Keywords: tonality, tonality analysis, subjective modality, evaluativeness, emotivity, political discourse, media discourse, media landscape, comparative analysis, regional mass media

References (transliterated)

1. Liu, B. Sentiment Analysis and Subjectivity // Handbook of Natural Language Processing / N. Indurkha, F. J. Damerau (eds.). – 2010.
2. Pang, B., Lee, L. Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – No. 2. – P. 1-135.
3. Smetanin, S. Primenenie analiza tonal'nosti dlya tekstov na russkom yazyke: sovremennye problemy i perspektivy // IEEE Access. – 2020. – Vol. 8. – P. 110693-110719. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3002215. EDN: LDJQBL
4. Babenko, L. G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke. – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989. – 182,[2] s.
5. Bagdasaryan, T. O. Tonal'nyi komponent modal'nosti v kommunikatsii (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. – Krasnodar, 2000. – 175 s. EDN: QDELZF
6. Bogdanova, T. F., Boichuk, E. I. Osnovnye teoreticheskie problemy, svyazannye s ponyatiem tonal'nosti teksta // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. – 2020. – № 4 (23). – S. 136-141. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-136-141. EDN: UDFFRM
7. Vol'f, E. M. Funktsional'naya semantika otsenki. – M.: Editorial URSS, 2002. – 280 s.
8. Dement'ev, V. V. Teoriya rechevykh zhanrov. – M.: Znack, 2010. – 600 s. EDN: REJYGJ
9. Karasik, V. I. Yazykovye klyuchi: nauchnoe izdanie. / Nauch.-issled. lab. Aksiologicheskaya lingvistika. – M.: Gnozis, 2009. – 406 s.
10. Matveeva, T. V. Tonal'nost' razgovornogo teksta: tri sposoba opisaniya // Stylistyka. – 1996. – S. 210-221.

11. Mel'nik, G. S., Teplyashina, A. N. *Sovremennaya mestnaya gazeta: tipologiya, osobennosti funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya: ucheb. posobie.* – SPb., 2011. – 130 s.
12. Tagil'tseva, Yu. R. *Sub'ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01.* – Ekaterinburg, 2006. – 251 s. EDN: NOBFTR
13. Tupikova, S. E. *Ponyatie kommunikativnoi tonal'nosti (modal'nost' i tonal'nost') // Vestnik TGU.* – 2010. – № 1 (81). – S. 247-251.
14. Magranov, A. S. *Tonal'nost' novostnykh soobshchenii o migrantakh v regional'nykh SMI: dinamika i osnovnye formy // Gumanitarii Yuga Rossii.* – 2022. – № 5. – S. 184-198. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.5.15. EDN: ECBLQC
15. Pavlushkina, N. A. *Reaktsiya auditorii na regional'nyuyu informatsionnyuyu povestku v prostranstve lokal'nykh media i sotssetyakh // Caucasian Science Bridge.* – 2023. – T. 6, № 3. – S. 36-48. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.3.3. EDN: PPCSBC
16. *Respublikanskaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta "Yakutiya.Daily".* URL: <https://yakutia-daily.ru/>
17. Portal "SakhaDay". URL: <https://sakhaday.ru/news/>

The Anthroponymicon of Gennady Oyar (based on the collection "Echoes of the Heart")

Savitskaya Ul'yana Nikolaevna

Student, Institute of National Culture and Intercultural Communication; Mari State University

44 Kremlevskaya Street, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

✉ Ulyana2407@mail.ru

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna

Doctor of Philology

Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology at Mari State University

424002, Russia, Respublika Marii El, g. Ioshkar-Ola, ul. Kremlevskaya, 44, kab. 503

✉ kudsebs@rambler.ru

Abstract. This article continues the research of the authors who focus on the contextual poetics of Mari poetry in the 20th and 21st centuries as a subject of literary studies. It examines the anthroponymy of a national poet, which is considered by the authors of the article as a way of presenting contextual content (a way of creating a special artistic space in a literary text). The purpose of the article is to identify the features of using anthroponyms as a technique of contextual poetics in modern Mari poetry, using the literary and creative experience of the well-known poet Gennady Oyar (Sabantsev) as an example. This is the first time that such a goal has been stated and implemented in regional and national literary studies. The specific material of the study is the poetic texts of the Mari poet Gennady Oyar, included in his collection "Shumsavyshe" (Echoes of the Heart) (2008), which contain anthroponyms in their artistic structure. The research methods include historical-genetic, comparative-typological, and structural-semantic analysis; the work also uses textual, intertextual, and contextual analysis of literary works. The study characterizes the main types of anthroponyms in the lyrics of Gennady Oyar, taking into account their structure and sources; it identifies the main functions of anthroponyms that are relevant in the context of contextual poetics; it reveals the features of the author's cultural outlook (contextual

competence) of the Mari poet; it shows the specifics of the author's reflection on anthroponymic intertexts; and it raises the question of the role of anthroponyms in the author's ethno-identification. The authors of the article conclude that different types of anthroponyms in Gennady Oyar's poetry collection "Echoes of the Heart," while performing meaning-forming and symbolic, socio-historical and ethno-cultural, intertextual, emotional-evaluative, and authorial, psychological, and identification functions, contribute to the text's rich contextual content, making them a valuable tool for contextual poetics. The anthroponyms used by the poet are a way to reconstruct the contextual content of a literary text, to understand the author's intention, semantics, and poetics of his works.

Keywords: historical and cultural context, anthroponym, poetic technique, contextual poetics, contextual content, Gennady Oyar, lyrics, Mari literature, author's contextual competence, author's ethno-identification

References (transliterated)

1. Sharapova V.Yu. Slozhnosti perevoda edinichnykh i mnozhestvennykh antroponimov v angliiskom yazyke // Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy: sb. statei VIII Mezhd. nauch.-prakt. konf. / NOO "Tsifrovaya nauka". Saratov, 2021. S. 169-171. EDN: GHSLXU.
2. Zinnatullina G.Kh. Rol' antroponimov v strukture khudozhestvennogo teksta // Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova. 2014. № 5. S. 247-249. EDN: SXDKHN.
3. Starygina N.N., Kudryavtseva R.A. Kontekstual'naya poetika natsional'nykh literatur (k postanovke problemy) // Tatarovedenie v situatsii smeny paradigm: teoriya, metodologiya, praktika: materialy V Mezhd. nauch.-prakt. seminara (25–26 sentyabrya 2025 g., Kazan') / sost. A.F. Ganieva, L.Sh. Galieva, F.Kh. Minnullina. Kazan': IYaLI, 2025. S. 327-336. EDN: VPFVXS.
4. Savitskaya U.N., Kudryavtseva R.A. Epigraf kak priem kontekstual'noi poetiki v lirike Al'berta Vasil'eva // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 10. S. 24-36. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.10.76189 EDN: LGNERW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76189
5. Oyar G. Shÿmsavysh: pochelamut-vlak, poeme. Ioshkar-Ola: Marii kniga savyktysh, 2008. 324 s.
6. Evtushenko E. Idut belye snegi... // URL: <https://www.culture.ru/poems/26526/idut-belye-snegi> (14.12.2025).
7. Slovar' mariiskogo yazyka. T. VI: R-S / V.I. Vershinin, I.G. Ivanov, N.I. Isanbaev; gl. red. I.S. Galkin. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 2001. 368 s.
8. Kolumb V. Oiyren chumyrymo oipogo. I tom: Pochelamut-vlak. Ioshkar-Ola: Tsentr-muzei Valentina Kolumba, 2005. 640 s.
9. Kudryavtseva R.A. Chukotskii tekst v tsikle stikhotvorenii Gennadiya Oyara "Iÿdvel tulsavysh": chuzhoe/svoe v avtorskoi kartine mira // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2025. T. 22. № 1. S. 111-127. URL: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127> (data obrashcheniya: 10.12.2025). EDN: GBGCAO.
10. Eshpai Ya. Pervyi mariiskii kompozitor I.S. Palantai // Sovetskaya muzyka. 1948. Vyp. 4 (115). S. 43-47. URL: <https://mus.academy/archive/number/115/> (data obrashcheniya: 18.12.2025).
11. Unikal'naya Chukotka // URL: https://moya-planeta.ru/reports/view/unikalnaya_chukotka_48699 (data obrashcheniya: 11.12.2025).

12. Mikhailov V.T. Marii kalyk oipogo – kalyk chon poyanlyk: monografii. Ioshkar-Ola: OOO IPF "String", 2017. 410 s.
13. Chernykh S.Ya. Slovar' mariiskikh lichnykh imen: Okolo 16120 imen / Mar. gos. un-t; red. I.S. Galkin. Ioshkar-Ola, 1995. 626 s.

From Local Feeling to National Identity: The Xiangxi Complex (Western Hunan) in the Artistic World of Shen Congwen

Zhang Lu

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

 chzhan.lu@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the dynamics of ethnic self-consciousness of Shen Congwen. The object of the study includes his "Xiangxi complex" and literary creativity. The author examines in detail the process of formation and stages of transformation of this identity. The aim of this research is to trace the evolution of the writer's ethnic self-consciousness through the analysis of the "Xiangxi complex" and to reveal the interaction of personal experience with historical context. To achieve this aim, the following tasks were identified: - to investigate the reasons for the formation of Shen Congwen's "Xiangxi complex"; - to determine the main stages of the transformation of his national identity; - to analyze the specific influence of external factors on the transition of his ethnic self-consciousness to a general Chinese national identity. Special attention is given to the influence of the cultural and historical context on the formation of Shen Congwen's identity. The methodological basis consists of a comprehensive approach that combines biographical and cultural-historical analysis within the framework of identity construction theory. A comparative method is also applied to compare the stylistics and content of his works from different periods. The scientific novelty of the research lies, firstly, in the sequential analysis of the "Xiangxi complex" not as a static phenomenon, but as a dynamic meaningful system. Secondly, the study offers a new perspective for analysis – the evolution of the writer's ethnic identity as an active process of construction, determined by personal and historical circumstances. The main conclusions of the conducted research are that Shen Congwen's ethnic self-consciousness has undergone a complex non-linear evolution. The outcome of this journey was the formation of a synthetic identity of an "ethnic marginal." Such an identity transcends the specific frameworks of local belonging. The practical significance of the work lies in providing a new analytical perspective for interpreting national narratives in Chinese literature. The findings are valuable for research on the processes of constructing national identity in modern China and in comparative cross-cultural studies.

Keywords: Cultural Shock, Han Chinese, Miao ethnic group, Human Reconstruction, National Identity, Xiangxi Complex, Ethnic Identity, Shen Congwen, Chinese literature, Dynamic Identity

References (transliterated)

1. Popova Z. V. Put' Shen' Tsunvenya (1902–1988) k sozdaniyu znamenitoy povesti "Pogranichnyi gorodok": diss. ... k filol. n. SPb., 2004. 224 s.
2. Shen' Ts. Zaklyuchenie. Chast' o myslyakh // Polnoe sobranie sochinenii Shen' Tsunvenya: v 27 t. Taiyuan': Izd-vo "Beiyue ven'i", 2009. T. 27. S. 97-123 (Na kit.

yaz.).

3. Kuznetsova M. Yu. Obrazy "chuzhikh" v tvorchestve Shen' Tsunvenya (na primere rasskaza "Ogorod") // Izuchenie i prepodavanie kitaiskogo yazyka i literatury: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Vladivostok. 2022. S. 40-42.
4. Yan S. Kul'turnaya pamyat' i identichnost' v mezhkul'turnoi kommunikatsii // Sovremennaya obrazovatel'naya praktika i pedagogicheskie issledovaniya. 2019. S. 220-221. (Na kit. yaz.).
5. Stepanova A. A. Etnicheskaya marginal'nost' kak prichina konfliktnosti mezhethnicheskogo vzaimodeistviya v trudovom kollektive // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2013. № 6. S. 257-259.
6. Soyuz pyati narodov – Vikipediya. URL:
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7_%D0%BF%D1%8F%D1%82%D0%B8_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2.
7. Shen' Ts. Lunchzhu // Polnoe sobranie sochinenii Shen' Tsunvenya: v 27 t. Taiyuan': Izd-vo "Beiyue ven'i", 2009. T. 5. S. 323-343. (Na kit. yaz.).
8. Syan Kh. Issledovanie natsional'noi identichnosti Shen' Tsunvenya: diss. ... k filol. n. Guichzhou, 2023. 78 s. (Na kit. yaz.).
9. Lyu M. Idei kul'turnogo natsionalizma v tvorchestve Shen' Tsunvenya // Vestnik Khenan'skogo universiteta nauki i tekhniki. 2020. № 4. C. 23-28. (Na kit. yaz.).
10. Shen' Ts. Utro – kuchka zemli i soldat // Polnoe sobranie sochinenii Shen' Tsunvenya: v 27 t. Taiyuan': Izd-vo "Beiyue ven'i", 2009. T. 7. S. 388-391. (Na kit. yaz.).
11. U S. Media-kody v "Chankhe": natsional'noe i sovremennoe voobrazhenie Shen' Tsunvenya // Gorizonty. 2003. № 12. C. 18-23. (Na kit. yaz.).
12. Shen' Ts. Predislovie k "Chankhe" // Polnoe sobranie sochinenii Shen' Tsunvenya: v 27 t. Taiyuan': Izd-vo "Beiyue ven'i", 2009. T. 10. S. 3-9. (Na kit. yaz.).

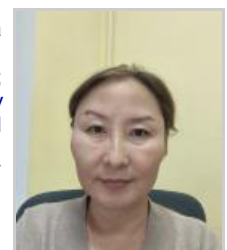
Aspects of the embodiment of the literary archetype "old man and old woman" in Vasily Yakovlev's story "The Larch That Aged with Me"

Fedorova Inara Stepanovna

Graduate student; Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation;
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
teacher; GBN OU RS(Ya) RLI

677014, Russia, Rep. Sakha (Yakutia), Yakutsk, Mozhaisky St. 13/7

✉ teoina9@mail.ru

Abstract. The question of the representation of archetypes in literature has been repeatedly addressed by researchers. However, in Yakut literature, the problem of reproducing archetypal images and their creative interpretation by writers has not been sufficiently explored. This article examines the archetypal pair of old man and old woman, which has taken on a distinctive embodiment in the story "So the Larch Has Aged with Me" by Yakut prose writer Vasily Yakovlev. The author addresses universal human questions and presents a national perspective on the world, rooted in a traditional way of life. The aim of the work is to describe the correlation between the images of the main characters, the old man and the old woman, in Vasily Yakovlev's story "So the Larch Has Aged with Me" with the archetypal pair "old man-old woman," and to identify aspects of their embodiment. The object of the study is the story "So the Larch Has Aged with Me," and the subject is the aspects of embodying the archetypal

image of "old man and old woman" in the reception and creative interpretation by the author. In this study, we rely on the method of N.V. Chernyavskaya, and in terms of chronotopic aspects, we utilize the method of M.M. Bakhtin. Comparative analysis allows us to examine the aspects of embodiment of the archetypal characteristics inherent in the paired image created by the author. The research conducted has established that in the story, the author presents the couple of the old man and old woman as guardians of enduring values and traditions of the northern people. The scientific novelty of this study lies in the fact that the archetypal paired image of "old man and old woman" is explored for the first time in the story of Yakut prose writer Vasily Yakovlev from the second half of the 20th century. The depiction of the archetypal pair "old man-old woman" in Vasily Yakovlev's novel indicates the interconnection between Yakut literature and world literature. The use of universal archetypes points to the author's appeal to the primordial foundations of human experience, endowing it with universal significance and emphasizing life values. Such an approach to the study of literary works contributes to the investigation of the national and cultural features of the embodiment of universal themes.

Keywords: representation of archetypes, archetypes of northern text, the nature of national culture, traditional values, universal patterns, archetypes, the archetype of the sage, the paired image of an old man and old woman, archetypal paired image, literary archetype

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* // Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki*. M.: Khudozh. lit., 1975. S. 234-407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronmain.html (data obrashcheniya: 10.12.2024).
2. Bol'shakova A.Yu. *Literaturnyi arkhetip* // *Literaturnaya ucheba*. 2001. № 6. S. 169-177. EDN YGCKNT. (data obrashcheniya: 03.04.2025).
3. Bondarenko E.N. *Arkhetip mudretsa i vital'nost' mysli v kontseptsii avtorov-naturfilosofov Ch.T. Aitmatova i S.P. Zalygina* // *Vestnik BGU*. 2010. № 2.
4. Burtsev A.A., Burtseva M.A. *Osobennosti poetiki romanov V.V. Yakovleva* // *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2016. № 3(16). S. 102-110. EDN: WXIWPJ.
5. Burtseva Zh.V. *Sever kak obraz zhizni v tvorchestve A.N. Krivoshapkina* // *The Scientific Heritage*. 2017. № 16-1 (16).
6. Burtseva Zh.V. *Formirovanie lokal'nogo severnogo teksta v literature Yakutii: struktura i kul'turnyi kod* // *Novyi filologicheskii vestnik*. 2021. № 2 (57).
7. Burtseva Zh.V. *"Krainii sever kak geopoeticheskii obraz v literature malochislennykh narodov severa Yakutii"* // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*. 2020. № 2. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342 EDN: HDUTKO.
8. Zyryanova O.N. *Arkhetip starika v proze V.M. Shukshina* // *Global'nyi nauchnyi potentsial*. 2024. № 8(161). S. 208-210. EDN EBCNLK.
9. Imikhelova S.S., Mongush E.D. *Archetypal image of the Old Man in Buryat literature of the 20th century* // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2020. Vol. 13, № 12. P. 1995-2011. DOI: 10.17516/1997-1370-0699. EDN: MCHHQW.
10. Koryakina A.F., Gerasimova L.N. *Semeinye tsennosti yakutskogo naroda v epose bolonkho* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2020. № 11. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.20 EDN: HSNYDQ.
11. Kulakovskii A.E. *Materialy dlya izucheniya verovanii yakutov*. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1SV_70277/ (data obrashcheniya:

07.12.2024).

12. Maikova A.N. Interpretatsiya literaturnykh proizvedenii v svete teorii arkhetipov Karla Yunga: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.08. M., 2000. 21 s. (data obrashcheniya: 03.04.2025). EDN: NLSORV.
13. Makarov S.S. "Odnokii geroi v ustnoi i pis'mennoi traditsii olonkho: modifikatsiya epicheskogo personazha". URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/29.html>.
14. Nepomnyashchikh N.A. Motivy utraty, umiraniya, pamyati v russkoi derevenskoi proze i v russkoyazychnykh proizvedeniyakh pisatelei o korennykh narodakh Sibiri // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2015. № 3(12). S. 102-108. EDN: VJLVWZ.
15. Noeva S.E. Minotavrisheskii obraz starika na byke v romane V. S. Yakovleva-Dalana "Doḡoruom, dabai kyøkħ syyrdargyn" // Fol'klor i natsional'naya literaturnaya klassika: metodologiya i perspektivy issledovaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu klassika yakutskoi literatury, prosvetitelya, fol'klorista Nikolaya Denisovicha Neustroeva, Yakutsk, 18–19 dekabrya 2020 goda. Yakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet imeni M.K. Ammosova, 2020. S. 87-89. EDN: IZHQEU.
16. Okorokova V.B., Permyakova T.N. Khudozhestvennye funktsii obrazov-arkhetipov v povestnykh N. Luginova // Vestnik SVFU. 2016. № 5 (55).
17. Osipova, Nina. (2017). „Zhili-byli starik so starukhoi...”: arkhetipicheskaya osnova i semanticheskaya transformatsiya modeli v russkoi volshebnoi skazke. Slavica Wratislaviensia. 163. S. 35-45. DOI: 10.19195/0137-1150.163.3.
18. Popova M.P. Otrazhenie arkhetipov v yakutskoi zhenskoi lirike // Voprosy natsional'nykh literatur. 2022. № 4. S. 56-64. URL: <https://doi.org/10.25587/litteraesvfu.2022.55.28.006> (data obrashcheniya: 03.04.2025). EDN: CVNLQK.
19. Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov) / Sost. N.A. Alekseev, N.V. Emel'yanov, V.T. Petrov. Novosibirsk: "Nauka" Sib. izd. firma RAN, 1995. 400 s.
20. Semenova V.G. Osobennosti olonkho M. N. Androsovoi-Ionovoi "Starik Kyul'kyul' Bege i starukha Siliriken" // MNIZh. 2017. № 11-2 (65). DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.144 EDN: ZXKJON.
21. Subbotina T.M. Obraznaya konstruktsiya "starik-starukha" v russkoi i vengerskoi novelle kontsa 1960-kh – 1970-kh gg. // Izvestiya VGPU. 2021. № 10 (163).
22. Subbotina T.M. "Posredi zemli": obraz starika v russkoi i vengerskoi proze 1970-kh gg. // Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova. 2021. № 1. EDN: PYHLBS.
23. Khazankovich Yu.G. Arkhetip "Volka" v fol'klоре i literature // Vestnik TGU. 2009. № 4.
24. Khazankovich Yu.G. Vremya-prostranstvo v proze malochislennykh narodov Severa // Studia Litterarum. 2017. № 2. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-230-243. EDN: YSQZBF.
25. Chernyavskaya N.V. Emotsional'no-smyslovye aspekty literaturnogo arkhetipa "Starik i starukha" v russkoi proze XIX–XX vv. // Vestnik KGU. 2007. № 3.
26. Chernyavskaya N.V. Arkhetipicheskii obraz "starik i starukha" v russkoi proze XIX–XX vv.: dis. ... kand. filol. nauk. Vladimir, 2009. URL: <https://www.dissercat.com/content/arkhetipiche-skii-obraz-starik-i-starukhav-russkoi-proze-xix-xx-vv/read> (data obrashcheniya: 10.12.2024). EDN: NQOPGP.
27. Yakovlev V.V. So mnoyu sostarivshayasya listvennitsa: rasskaz / per. A. Ambros'eva-Sien Mundu. Yakutsk, 2019. 83 s.

Text of a military city: The London Blitz in contemporary British prose

Novikova Vera Grigor'evna

Doctor of Philology

Professor; Department of Foreign Literature; N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University.

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603000, Russia

✉ wnovikova@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the process of forming the myth of the Blitz in British prose from the 1940s to the early decades of the 21st century. The events of the London Blitz – the bombings of the capital from September 7, 1940, to May 10, 1941 – were already reflected in the novels and stories of writers in the forties. Together with texts of official propaganda, they became the foundation of the ideological construct formed during the Blitz, known as the "Myth of the Blitz." The aim of this study is to identify the main components of this myth at all stages of its functioning up to the present day. The object of the research includes the novels of P. Ackroyd, M. Moorcock, S. Waters, and works of mass literature from the 21st century. Since this work analyzes works from several historical stages of the Blitz theme and involves the studies of historians that provoke the transformation of the myth about it, historical-typological and comparative methods of research were used. The main conclusion of the conducted research is the assertion that to this day, the combination of semantic centers of the Myth of the Blitz remains the foundation for the interpretation of British national identity. The center of the construct is the idea of the greatest unity of the nation in history. The "nodes" of the myth were examined in the interpretation of Peter Ackroyd, who proposed their list in the chapter "Blitz" in his book "London: The Biography" (2000). It has been shown that over the following decades, the myth was questioned, especially regarding class equality. The theme of "refusers" (those who fundamentally did not take up arms), raised by S. Waters in the novel "The Night Watch," deserves special attention. Despite the documented evidence of historians and sociologists regarding the absence of national unity, the myth of the Blitz remains a cornerstone in the ideological content of contemporary mass literature. References to the Blitz are still frequent, typically in the genres of formulaic literature: spy, detective, romance, as well as family sagas. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time in domestic literary studies, the entire context of British prose about the Blitz is considered from this perspective, including works created in the 2020s.

Keywords: romance novel, spy novel, britishness, the everyday life of war, Peter Ackroyd, Sarah Waters, british novel, The Myth of the Blitz, London Blitz, aesthetics of fire

References (transliterated)

1. Toporov V. N. Peterburg i "Peterburgskii tekst russkoi literatury" (vvedenie v temu) // Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe / V. N. Toporov. M. : Progress : Kul'tura, 1995. S. 259-367.
2. Murkok M. London, lyubov' moya / Per. s angl. Z. Dzhandosovoi. SPb: DOMINO; M.: Eksmo, 2006.
3. Akroid P. London. Biografiya / Per. s angl. V. Babkova i L. Motyleva. M.: Izd-vo Ol'gi Morozovoi, 2005.

4. Morton H. V. H. V. Morton's London. London: Methuen & Co Ltd; 3d ed., 1941.
5. Byatt S. *On Histories and Stories: Selected Essays*. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
6. Khalilova L. A. Bor'ba za Britaniyu: London v kommémoratsiyakh ego zhitelei // Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya". 2020. № 4. S. 84-98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98 EDN: RZJVOM.
7. Miller K. A. *British Literature of the Blitz: Fighting the People's War*. Palgrave Macmillan, London, 2009.
8. Calder A. *The Myth Of The Blitz*. Pimlico, 1994.
9. Novikova V. G. Povsednevnost' voyny zhenskoi proze Velikobritanii (dnevnik i romany o Vtoroi mirovoi voine) // Filologiya i kul'tura. 2015. № 2 (40). S. 210-215. EDN: TUIMJV.
10. Rose S. O. *Which People's War?: National Identity and Citizenship in Wartime Britain*. Oxford University Press, 2004.
11. Bell A. H. *London Was Ours: Diaries and Memoirs of the London Blitz* (International Library of Twentieth Century History). I.B. Tauris, 2011.
12. Harris C. *Walking the London Blitz*. Pen and Sword Military, 2016.
13. Conen J. *The Bombing of London 1940–41: The Blitz and its impact on the capital*. Matador, 2023.
14. Uoters S. *Nochnoi dozor / Per. s angl. A. Safronova*. SPb., DOMINO; M., EKSMO, 2010.
15. Collins M. A. *The London Blitz Murders*. Berkley Prime Crime, 2004.
16. Bryher, McCabe S. *Beowulf: A Novel of the London Blitz*. Schaffner Press, Incorporated, 2014.
17. Feigel L. *The Love-charm of Bombs: Restless Lives in the Second World War*. Bloomsbury Press, 2013.
18. Sidorova O. G. Vtoraya mirovaya voyna v proizvedeniyakh sovremennoi angloyazychnoi literatury // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2025. T. 27. N 2. S. 147-163.
19. Sidorova O. G. Zhenskoe litso voyny v proze sovremennykh britanskikh pisatel'nits // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2023. T. 15, vyp. 2. S. 121-130. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-2-121-130 EDN: IGMPMW.

Epistemic markers in Russian academic discourse: A comparative analysis of research articles by Russian and Chinese authors

Chepurnaya Alena Ivanovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Stavropol State Agrarian University

12 Zootechnicheskii Lane, Stavropol, Russia, 355017

✉ alena-chep@mail.ru

Abstract. The article explores the means of expressing epistemic modality in Russian scientific texts. The relevance of this study stems from the important role of epistemic evaluation of statements in academic discourse and the high interest of scholars in the problem of epistemic modalization of scientific texts. The aim of the study is to identify national and cultural characteristics of the use of epistemic markers in academic discourse. To achieve this goal, a comparative analysis of Russian research articles written by native

Russian speakers and Chinese authors for whom Russian is a foreign language was conducted. Fifteen articles by Russian authors and 15 articles by Chinese authors, published in Russian scientific journals on linguistics, were selected for analysis. Particular attention is paid to identifying differences in the frequency and structural and semantic characteristics of epistemic indicators in the compared corpora of scientific publications. The study was conducted using quantitative and qualitative content analysis methods. The quantitative analysis of the empirical material was carried out using Voyant Tools. The scientific novelty of this study lies in the identification of the specific uses of epistemic modal devices in Russian by foreign authors compared to Russian authors. Differences in the functioning of epistemic modality indicators were identified, characterized by a lower frequency and less structural diversity of epistemic markers used by Chinese authors. These differences primarily concern the means of expressing problematic reliability, while no significant discrepancies were found in the functioning of categorical reliability indicators. In both corpora of empirical material, a quantitative predominance of means of marking problematic reliability over categorical reliability markers was established. A conclusion is drawn that these differences are related to the national and cultural specifics of scientific communication and that Chinese authors tend to use a lesser degree of subjective modality in scientific texts.

Keywords: epistemic modality, Russian language, problematic reliability, national-cultural specificity, academic discourse, research article, modality of a scientific text, categorical reliability, reliability of a statement, epistemic marker

References (transliterated)

1. Il'chenko E. V., Bulanovskaya T. A. Istochniki sub"ektivnoi modal'nosti nauchnogo teksta // *Lingua-Universum*. 2023. № 1. S. 76-80. EDN: WQJHHH.
2. Komyshkova A. D., Sudakova A. P. Sub"ektivnaya modal'nost' nauchnogo teksta XVIII veka: k voprosu o formirovanii spetsifiki nauchnogo stilya russkogo yazyka // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2018. № 2 (13). S. 55-61. EDN: YMQXVB.
3. Mil'rud R. P., Antipov I. V. Tipologicheskie kharakteristiki modal'nosti v nauchno-issledovatel'skom pis'mennom tekste // *Yazyk i kul'tura*. 2009. № 1 (5). S. 29-38. EDN: MUCVQX.
4. Nefedov S. T. Restriktivnaya argumentatsiya: modal'nye slova somneniya i obshcheznaimosti (na materiale nemetskoyazychnykh lingvisticheskikh statei) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2017. T. 14. № 4. S. 599-610. EDN: YOAVGM.
5. Nurieva N. S., Razheva E. S. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya epistemicheskoi modal'nosti v angloyazychnom nauchnom tekste // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2023. T. 21. № 2. S. 63-74. EDN: QUHQXX.
6. Sakharova A. V. Yazykovye sredstva vyrazheniya ob"ektivnoi epistemicheskoi modal'nosti v nauchnom diskurse // *Nauchnyi dialog*. 2020. № 4. S. 151-163. EDN: OISFDP.
7. Nefedov S. T. Intentsional'naya struktura i modal'nost' nauchnogo teksta // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 9-3 (63). S. 141-145. EDN: WKDXLP.
8. Nefedov S. T. Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii // *Universitetskii nauchnyi zhurnal*. 2016. № 21. S. 34-42. EDN: XAGOYR.
9. Danilkina E. A. Pragmaticheskaya rol' vyskazyvaniy so znacheniem vozmozhnosti v

- nauchnom tekste // Gumanitarnyi vestnik. 2017. № 6 (56). Stat'ya № 8. EDN: YSEOXV.
10. Xie F., Patten A. Epistemic lexical verbs in academic writing: A corpus-based comparative study of L1 English and L1 Chinese writers of English // Applied Corpus Linguistics. 2025. No. 5 (3). Article 100144. DOI: 10.1016/j.acorp.2025.100144.
 11. Yang Y. Exploring linguistic and cultural variations in the use of hedges in English and Chinese scientific discourse // Journal of Pragmatics. 2013. No. 50 (1). Pp. 23-36. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.01.008.
 12. Yu Q., Wen R. A corpus-based quantitative study on the interpersonal functions of hedges in Chinese and German academic discourse // Heliyon. 2022. No. 8 (9). Article e10698. EDN: CYCVZO.
 13. Tret'yakova T. P. Determinanty sovremennogo nauchnogo diskursa v kontekste "sotsializatsii" znaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2021. T. 20. № 5. S. 97-107. EDN: MHWBVA.
 14. Orlova O. G., Karakchieva V. L. Kontseptual'nye podkhody k nauchnomu diskursu i nekotorym osobennostyam ego funktsionirovaniya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 23. № 2 (86). S. 521-531. EDN: BVYRRP.
 15. Chepurnaya A. I. Epistemicheskaya otvetstvennost' v zerkale diskursa. Stavropol': Stavropol'skoe izdatel'stvo "Paragraf", 2020. EDN: ZKCXWX.

Linguocognitive mechanisms of persuasiveness in automotive advertising discourse (based on the material of the Russian and English languages)

Ponomarev Daniil Romanovich

Assistant Professor; Department of Intercultural Communication and Translation; Volgograd State Socio-Pedagogical University
400074, Russia, Volgograd region, Volgograd, Voroshilovskiy district, Simbirskaya str., 43, sq. 27

✉ daniil.ponomarev17@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the linguocognitive mechanisms and strategies for implementing the category of persuasion in the space of contemporary automotive advertising discourse. The object of the study consists of multimodal (polycoded) texts – videos, internet banners, and advertising modules on automotive themes in Russian and English. The author examines various aspects of the topic in detail, such as the interaction between verbal and iconic (visual) codes in the process of creating a persuasive impact on the addressee. Special attention is paid to identifying national and cultural specifics: it analyzes how the core cultural values of Russia (collectivism, patriotism) and the USA (individualism, pragmatism) determine the choice of linguistic means and visual images. The article also explores the role of extralinguistic factors and pragmatic settings that influence the architecture of advertising messages in the context of digital communication. Automotive advertising is viewed as a distinct genre of institutional discourse, characterized by high semiotic density. The methodological framework of the study combines a descriptive method for inventorying linguistic means, discourse analysis for revealing socio-cultural context, semantic-stylistic analysis, as well as multimodal analysis (according to G. Kress and T. van Leeuwen) aimed at studying the synergy of verbal and non-verbal components of the text. The scientific novelty of the study lies in establishing a direct correlation between the type of multimodal interaction and the axiological dominants of linguoculture. It has been proven that persuasive strategies in the analyzed discourses are polar. In the Russian-language segment, the

strategy of identification ("native," "familiar") predominates, implemented through appeals to concepts of collective memory and emotionally evaluative vocabulary; the visual array here serves as a semantic modifier, creating a cultural-symbolic context. In the English-language (American) discourse, the strategies of uniqueness and factuality prevail, relying on rational argumentation, linguistic play, and nominative style; the visual component primarily carries a denotative load, serving as proof of technical specifications. It is concluded that the effectiveness of advertising impact depends on the congruence of the codes used with the basic mental scenarios of the audience: "integration/overcoming" for the Russian model and "individual success/benefit" for the American one.

Keywords: advertising communication, axiological dominants, cognitive mechanisms, linguocultural code, multimodal text, persuasiveness, persuasion strategies, automotive advertising discourse, language play, creolized text

References (transliterated)

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyi podkhod): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1990. EDN: NPLUVJ
2. Issers O.S. Rechevoe vozdeistvie v aspekte kognitivnykh kategorii // Vestnik Omskogo universiteta. 1999. № 1. S. 74-79. EDN: UWLMNV
3. Karasik V.I. O tipakh diskursa // Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5-20. EDN: VWHLIZ
4. Arias A.M., Shcherbakova I.A. Sposoby realizatsii persuazivnosti v angloyazychnoi videoreklame // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologii upravleniya i ekonomiki. 2021. № 3 (75). S. 21-30.
5. Pishcherskaya E.N. Kreolizovannyi tekst kak ob"ekt izucheniya v lingvistike // Litera. 2023. № 5. S. 55-65. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40748 EDN: ZHKUAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748
6. Sabadin Santos T.M. Zh.P. Smeshannyye teksty: kreolizovannyi vs polikodovyy vs mul'timodal'nyi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 6. S. 1968-1973.
7. Savitskii V.M., Cherkasova E.V. Kul'turnye i lingvokul'turnye kody: teoreticheskii obzor // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. № 12. S. 4351-4358. DOI: 10.30853/phil20230660 EDN: DZSPQS
8. Kalinin A.Yu. K voprosu ob ontologicheskikh svoistvakh audiovizual'nogo teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 1. S. 63-75. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-6 EDN: SMXQHQ
9. Kunitsyna O.M. Analiz kompleksnogo vozdeistviya kommunikativnykh signalov polikodovogo mediateksta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 10 (878). S. 51-58. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_51 EDN: TOVDIK
10. Rossikhina M.Yu., Ikatova I.I. Rol' metadiskursivnykh markerov v informatsionno-reklamnykh tekstakh turisticheskogo diskursa v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 3 (50). S. 203-218. EDN: HDPUDG
11. Volkova Ya.A., Panchenko N.N., Prigarina N.K. Diskommunikatsiya: mezhkul'turnyi, diskursivnyi i lingvoekologicheskii aspekty // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2023. T. 22. № 1. S. 138-150.

DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.1.11 EDN: CEUKLN

12. Khazagerov G.G. Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty. M.: FLINTA: Nauka, 2014.
13. Romanova I.D. Osobennosti reklamnykh tekstov persuazivnogo kharaktera // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2019. № 12 (828). S. 94-103.
14. Mindiaxmetova R.M. "Made in America", ili eshche raz o natsional'nom kul'turnom kode v reklame // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 3. S. 32-40. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/3/32-40 EDN: FQSCLJ
15. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London; New York: Routledge, 2006.
16. Van Dijk T.A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17 No. 3. Pp. 359-383. DOI: 10.1177/0957926506060250 EDN: JRKICX
17. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique: Traité de l'argumentation. Paris: PUF, 1958.
18. Lyu Yuisin'. Lingvisticheskie osobennosti sloganov v rossiiskoi i kitaiskoi reklame: sravnitel'nyi analiz // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2025. № 10-2 (109). S. 170-174. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-10-2-170-174 EDN: HZYINP

Folklore traditions in the works by A. S. Pushkin and Mahmud al-Messadi

Alagui Mohamed Salah

Master's degree; Higher Institute of Languages of Tunis; University of Carthage

14 Ibn Maja Ave., Tunis, Tunis, 1003

 ya.semi@bk.ru

Abstract. The subject of the study is the connection between folklore and literature. In particular, the problem actualizes that folklore not only preserves elements of the historical experience of narratives but also serves as a source of cultural values which evolve with transformations in the artistic consciousness. Through the works of A. S. Pushkin and the Tunisian writer Mahmoud al-Messadi, an analysis is made of how these elements combine to reflect social themes and character archetypes relevant to different cultures. The study aims to prove that recourse to folk traditions goes beyond their mere literary adaptation and becomes a bridge between cultural differences in the same and different national societies, forming a pattern in divergent literary traditions and playing a role in developing authorial identity. The main methods that allow us to study the influence of folklore on literary works include textual, historical-cultural and comparative analyses. They have provided the novelty of assessing traditional and literary heritage through an expanded understanding of how folk motifs function in different cultural contexts, emphasizing their universal moral significance. This evaluation reveals factors such as oral tradition, linguistic realization, symbolism of images, mythologizing, cultural identity, syncretism of cultural traditions, and others. The conclusions made during the study on the influence of folklore on literary creativity give grounds for emphasizing several key points: 1) connection of folklore and literary genres and styles, 2) joining the world literature wealth, and 3) overcoming cultural and linguistic barriers, 4) continuity and evolution of folklore. The dynamic nature of folklore may indicate a

strong interrelation between them and modern literature. The study of such interrelations is the prospect of further research.

Keywords: artistic consciousness, folklore, fairy tales, Tunisian literature, syncretism of cultural traditions, Pushkin folklorism, narrative, folk oral traditions, folk motifs, cultural identity

References (transliterated)

1. Soimonov A. D. A.S. Pushkin // Literaturnoe nasledstvo. T. 79: Pesni, sobrannye pisatelyami. Novye materialy iz arkhiva P. V. Kireevskogo / Red. S. A. Makashin [i dr.]. M.: Nauka, 1968. S. 171-230.
2. Yakobson R. Pushkin i narodnaya poeziya // Yakobson R. Raboty po poetike: Perevody / Sost. i obshch. red. M. L. Gasparova. M.: Progress, 1987. S. 206-209.
3. Azadovsky M., McGavran J. The Sources of Pushkin's Fairy Tales // Pushkin Review / Pushkinskii Vestnik. 2018. № 20. S. 5-40. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604236>
4. Selivanova L. The Sources of Aleksander Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel": the West, the East, or Russia? // ISTORIYA. 2022. № 13(7(117)) [Electronic resource]. URL: <https://history.jes.su/S207987840022356-0-1>. doi: 10.18254/S207987840022356-0
5. Naroditskaya I. The Enigma of the Golden Cockerel: Catch It if You Can // Sovremennye problemy muzykoznaniiya / Contemporary Musicology. 2023. № 3. S. 107-125. doi: 10.56620/2587-9731-2023-3-107-125
6. Kas'yanova V. M. Skazki A. S. Pushkina kak «Entsiklopediya russkoi zhizni» // Govor: al'manakh. 2024. № 8. S. 21-31. doi: 10.48612/govor/tx18-xgh8-5kea
7. Lazareva L. N. Prazdnichno-mifologicheskie motivy v skazkakh A. S. Pushkina // Vestnik ChelGU. 1999. №1. S. 111-121.
8. Wachtel M. Pushkin's Turn to Folklore // Pushkin Review / Pushkinskii Vestnik. 2019. № 21. S. 107-154. URL: <https://www.jstor.org/stable/48604054>
9. Pushkin A. S. Skazka o medvedikhe. M.: OOO «DA!Media», 2014.
10. Korovkina A. Yu. Narodnaya kul'tura v sovremennom Tunise. M.: ID «Medina», 2019.
11. Messadi M. Le Barrage / trad. A. Guellouz. Arcantere Editions – UNESCO, 1997.

The phenomenon of linguistic interference (based on the speech of Becky G and Karol G)

Fedyunina Diana Aleksandrovna

Independent researcher

3 Uyezdhnaya str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia

✉ diana_fedyunina@mail.ru

Abstract. The author examines the phenomenon of linguistic interference at different levels of language from the perspective of Spanish and English. The aim of the research is to determine the similarities and differences in the manifestation of interference depending on the individual's native and second language. The author studies the classification of speech errors resulting from interference in terms of their frequency of occurrence. The article demonstrates existing research on the topic and conducts an analysis of the speech of English and Spanish speakers to identify patterns of interference depending on the speaker's native

language. Using interviews with American singer Becky G and Colombian singer Karol G, the author analyzes instances of interference and concludes that there is a relationship between the interviewee's native language and the errors they make as a result of language contacts. The article provides examples of phonetic, grammatical, and lexical interference. The research involved methods of observation, comparison, as well as qualitative and quantitative analysis. The scientific novelty of the research lies in identifying specific patterns of interference based on the contacting languages. As a result of this research, conclusions have been drawn about the relationship between the frequency of speech errors due to the speaker's native language interference. The study proposes the necessity of considering the phenomenon of interference within the framework of a specific language pair. An answer has been obtained to the question of whether interference always manifests more significantly at the phonetic level of language. The author attempts to trace the relationship between the manifestation of interference and the specific language pair of the speaker. A comparative analysis of speech fragments from individuals with different language pairs has been conducted. A tendency for interference to occur depending on the speaker's native language in the context of English and Spanish has been identified.

Keywords: bilingualism, classification of mistakes, interference mistakes, language contacts, language pair, grammatical interference, lexical interference, phonetic interference, linguistic interference, language levels

References (transliterated)

1. Vinogradov V.A. Interferentsiya // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V.N. Yartseva. M., 1990.
2. Izbaeva N.M. Interferentsiya na foneticheskom urovne // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. 2024. № 1 (115). S. 29-31. DOI: 10.32743/UniPhil.2024.115.1.16641 EDN: KZBAFP
3. Alieva B.B. Foneticheskaya interferentsiya i ee prichiny // World science. 2018. № 7 (35).
4. Rarenko M.B. Interferentsiya kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal. 2022. № 4. S. 73-38. DOI: 10.31249/ling/2022.04.06 EDN: KVERCN
5. Narvaez Flores T.J. Center for Open Access in Science // Open Journal for Studies in Linguistics. 2023. № 6 (2). S. 45-50. DOI: 10.32591/coas.ojsl.0602.01045n EDN: VPDLDI
6. Cabrera Solano P.A., Gonzalez Torres P.F., Ochoa Cueva C.A., Quinonez Beltran A.L., Castillo Cuesta L.M., Solano Jaramillo L.M., Espinosa Jaramillo F.O., Arias Cordova M.O. Spanish Interference in EFL Writing Skills: A Case of Ecuadorian Senior High Schools // English Language Teaching. 2014. T. 7. № 7. S. 40-48.
7. Romanelli S., Menegotto A.C. English Speakers Learning Spanish: Perception Issues Regarding Vowels and Stress // Journal of Language Teaching and Research. 2015. T. 6. № 1. S. 30-42.

Synonyms of the word illness in the idiolect of F. M. Dostoevsky

Postgraduate student; Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

8 Chicherina Street, Babushkinsky district, Moscow, 129327, Russia

✉ oksana.09231213@gmail.com

Zhdanova Larisa Alexandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian Language; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, ter. Leninskie Gory, 1, p. 51

✉ zhdala@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the synonyms of the noun "illness" in the idiolect of F. M. Dostoevsky, compared with general usage, determined based on dictionaries and data from the National Corpus of the Russian Language. Of the large number of synonyms that existed in the Russian language of his time, the writer uses only five synonyms for the word illness, namely: *nezdorov'ye* ('ill-being'), *nedug* ('ailment'), *nemoshch'* ('infirmity'), *nemoch'* (infirmity) and *khvorost'* ('sickness'). The aim of the study is to describe the specificity of the writer's idiolect, manifested both in the choice of words and in the distribution of their usage across different types of texts (fiction and epistolary). The type of text is significant for the writer's preferences: he uses some synonyms only in fiction (*nemoshch'* – 'infirmity'), *nemoch'* – infirmity), while others are used primarily or exclusively in personal letters, referring to himself or his loved ones (*nezdorov'ye* – 'ill-being', *khvorost'* – 'sickness'). The study used general scientific and special methods of philological analysis: descriptive, quantitative, comparative, biographical; within the framework of the functional-semantic approach, lexical-semantic analysis with elements of component and conceptual analysis was used. The novelty of this work stems from the fact that, despite the significance of the theme of illness in F. M. Dostoevsky's fiction and life, the vocabulary of the corresponding semantic field has not yet been the subject of a dedicated linguistic study. The article identifies the specific features of the writer's idiolect within the vocabulary group under consideration. For example, F. M. Dostoevsky does not use the words *zabolevaniye* ('disease') and *nedomoganiye* ('indisposition'), likely due to their literary nature. He prefers the less common *khvorost'* ('sickness') to the colloquial *khvor* ('sickness'). The most common word in the writer's idiolect (after the dominant illness) is *nezdorov'ye* ('ill-being'), which is present primarily in his personal letters. It is typically used euphemistically in syntagmes with the prepositions *po*, *za*, *ot* in the meaning of a reason (due to ill-being) and is accompanied by vocabulary indicating the failure to perform an action. The colloquial noun *khvorost'* ('sickness') is used in a similar function and is present exclusively in the writer's personal letters. The words *nedug* ('ailment'), *nemoshch'* ('infirmity') and *nemoch'* (infirmity) on the other hand, are found primarily in fiction. The usage of the words *nedug* ('ailment') and *nemoshch'* ('infirmity') in the writer's idiolect differs significantly from dictionary definitions.

Keywords: infirmity, ailment, ill-being, euphemism, synonyms, the semantic field illness, personal letters, F. M. Dostoevsky, idiolect, sickness

References (transliterated)

1. Ageeva Z. M. *Fedor Dostoevskii. Bolezn' i tvorchestvo*. M.: Algoritm, 2016. – 120 s.
2. Van Tyan'syue. *Tematicheskaya gruppa 'nazvanie boleznei' v tekstakh F. M. Dostoevskogo (na materiale lichnykh pisem)* // *Sovremennaya nauka: aktual'nye*

- problemy teorii i praktiki. 2023. № 05 / 2. S. 138-146.
3. Van Tyan'syue. Funktsionirovanie glagola «bolet'» v tekstakh F. M. Dostoevskogo // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. 2022. № 10 / 2. S. 146-154.
 4. Kalashnikova Yu. A. Leksiko-semanticheskoe vyrazhenie kategorii bol' v russkoi khudozhestvennoi literature XIX veka (na materiale proizvedenii F. M. Dostoevskogo) // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 10. S. 112-115.
 5. Shaikovich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. *Statisticheskii slovar' yazyka Dostoevskogo*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. – 880 s.
 6. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* M., 1863–1866. T. 1.
 7. Evgen'eva A. P. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* L.: Nauka, 1970. T. 1.
 8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 11.12.2025).
 9. Evgen'eva A. P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh / pod red. A. P. Evgen'evoi*. 1985–1988.
 10. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* L.: Nauka, 1973; T. 1-30.

Formation of mutational semantic classes of verbs with the prefix "от-" in the Russian language of the pre-national period (11th–17th centuries)

Sereda Dmitrii Mihailovich

Senior Lecturer; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

Pushkinskaya str., A, 150, Rostov-on-Don, Rostov region, 344052, Russia

✉ dsereda@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of the formation and development of mutation semantic classes "Deprivation of functions," "Avoidance," and "Self-defense" of verbs with the prefix от- in the history of the Russian language during the pre-national period. The object of the study is derivatives with the prefix от-, which have the meanings of 'deprivation of functions,' 'avoidance,' and 'self-defense.' The subject of the research is the mechanisms of developing polyfunctional situations within the framework of verbal word formation mutation. The history of the emergence of primary (spatial) and secondary (modification and mutational) meanings in prefixes is examined using the verb prefix от- as an example. Special attention is given to the issues of the emergence of mutation semantic classes "Deprivation of functions," "Avoidance," and "Self-defense": their denotative structure is analyzed, based on which semantic subclasses are distinguished; characteristic features of the word formation mechanisms of these derivatives are studied. The connection of the analyzed mutation semantic classes with the prototypical meaning of separateness of the prefix от- is revealed. The research is conducted within the framework of the cognitive approach. The analyzed lexemes are distributed across semantic classes that are part of a broader non-linear structure – a semantic network. The key methodological tool is the method of polyfunctional analysis by N. B. Lebedeva. The denotative structure of the verbs is studied, revealing the presence of several propositions in their semantics and characterizing the main participants of the situation. The novelty of the work lies in establishing a common origin for those meanings of the prefix от- that are not considered related in the modern language. The focus is on the emergence and denotative structure of mutation semantic classes ("Deprivation of functions," "Avoidance," "Self-defense") and their connection with the original prototypical meaning of separateness. The role of word formation elements in the formation of these mutational

meanings is considered. The initial meaning of the separateness of the prefix *от-* is realized differently depending on the semantic class: as the separation of the Subject from a normal physiological state (in the class "Deprivation of functions") or as the separation of the Agent from the influence of the Causator (in the classes "Avoidance" and "Self-defense"). It is particularly emphasized that new meanings of the prefix are formed under the influence of three factors: the semantics of the verbal base, context, and the presence of animacy of the Subject.

Keywords: the method of polysituative analysis, derivational mutation, derivational modification, genetic-prototypical meaning, the verbal prefix *от-*, semantic class, semantic network, verbal word formation, Cognitive linguistics, denotative structure

References (transliterated)

1. Nefed'ev M. V. Semanticheskaya evolyutsiya glagol'nykh prstavok *na-i ob-* v istorii russkogo yazyka XI–XVIII vv. // *Voprosy yazykoznaniya*. – 1994. – № 4. S. 78–83.
2. Dmitrieva O. I. Dinamicheskaya model' russkoi vnutriglagol'noi prefiksatsii. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2005. 224 s. EDN: QRYTUN
3. Tabachenko L. V. Prstavochnye pozitsionnye glagoly v istorii russkogo yazyka. – Rostov n/D.: Izd-vo YuFU, 2010. 336 s. EDN: QWTNKT
4. Godizova Z. I. Intensivnye znacheniya prstavki *po-* v diakhronicheskom aspekte // *Vestnik NNGU*. – 2017. – № 2. S. 200–205.
5. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy. – Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. – Ch. 1. 428 s. EDN: XDLZRP
6. Meie A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeskikh yazykov. / Per. s fr. – M.: Izdatel'stvo "Librikom", 2021. 510 s.
7. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 13. – M.: Nauka, 1987. 316 s.
8. Tabachenko L. V. Rol' predel'nosti i rezul'tativnosti v razvitii vnutriglagol'noi prefiksatsii // *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. – 2011. – № 2. S. 114–120. EDN: NUSGYD
9. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 14. – M.: Izd-vo "Nauka", 1988. 311 s.
10. Nefed'ev M. V. Glagoly s prstavkami *na-*, *ob-* (*obo-*) v russkom yazyke XI–XVIII vv.: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. – M., 1992. 210 s. EDN: ZLFNCX
11. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 6. – M.: Izd-vo "Azbukovnik", 1988. 608 s.
12. Petrukhina E. V. Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, pol'skim i bolgarskim yazykami. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2000. 256 s. EDN: WBINLT
13. Russkaya grammatika / Gl. red. N. Yu. Shvedova. – M.: Nauka, 1980. – T. 1. – Reprint: M.: Knizhnyi dom "Librokom", 2019. 789 s.
14. Flaier M. S. Delimitativnye prstavki v russkom yazyke (per. s angl. M. A. Danielya) // *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke. Sb. statei*. – M.: Russkie slovari, 1997. S. 29–48.
15. Krongauz M. A. Prstavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika. – M.: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1998. 288 s. EDN: PUDDKD
16. Roberts C. B. The origins and development of o(b)-prefixed verbs in Russian with the general meaning 'deceive' // *Russian Linguistics*, 5 (3). – 1981. Pp. 217–233.
17. Yanda L. A. Russkie glagol'nye prstavki. Semantika i grammatika (per. s angl. M. A.

Danielya) // Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke. Sb. statei. – M.: Russkie slovari, 1997. S. 49-61.

18. Dobrushina E. R. K probleme semanticheskoi tselostnosti russkikh glagol'nykh pristavok // Voprosy yazykoznaniya. Vyp. 5, M., 2011. S. 31-44. EDN: OGKBTJ
19. Tabachenko L. V. Pristavochnye pozitsionnye glagoly v istorii russkogo yazyka: poliaspektnyi analiz: Dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.01. – Rostov-na-Donu, 2011. 451 s. EDN: XTRXAT
20. Lebedeva N. B. Polisituativnyi analiz glagol'noi semantiki. Izd. 3-e. – M.: LENAND, 2021. 192 s. EDN: GZXLLK
21. Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. Vyp. 11. – M.: Izd-vo "Nauka", 1986. 456 s.
22. Bubekova L. B. Konfiksatsionnye glagoly i ikh sinonimicheskie otnosheniya v russkom yazyke: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2004. 18 s. EDN: NOFDNL

Metaphor as a cognitive mechanism and domain of understanding in the context of professional communication in the field of architecture

Karpovskaya Natalia Valerievna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication of the INED, SFedU;
Head of the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, SFedU (Rostov-on-Don, Russia).

Scopus Author ID: 57211663641. ORCID: 0000-0001-9862-3692

344006, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., zd 105/42

✉ nkarpovskaya@sfedu.ru

Roi-Ignatenko Anna Vladimirovna

Lecturer; International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies; Southern Federal University

344006, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., zd 105/42

✉ royignatenko@sfedu.ru

Abstract. The article addresses the issues of verbalizing professional knowledge regarding the metaphorical origins of Spanish terms in the specialized language of architecture. It is established that the process of forming an architectural terminological system actively uses metaphorization, reflecting the features of professional thinking and facilitating more effective communication between specialists and between representatives of other scientific fields. The architectural metaphor, which serves as an effective cognitive mechanism for creating new concepts and an important component of the Spanish national linguistic worldview, is the subject of this study, the aim of which is to determine the specific nature of the relationship between everyday language and the specialized language of architecture. The awareness of the metaphor's ability to penetrate the essence of things and create a holistic picture by uniting heterogeneous components has led to an understanding of the role of metaphor in human cognitive activity and its use in the context of scientific knowledge for both processing new information and presenting it. The analysis of the factual material employed theoretical-analytical, descriptive, and semantic methods, comparative and cognitive analysis, as well as the method of full sampling and establishing metaphorical implications. The relevance of the work is due to the importance of identifying national characteristics in the field of terminology

of specialized languages and the necessity of studying the processes of naming and professional communication from the perspective of the cognitive-communicative paradigm. The research material consisted of Spanish-language websites of tourism companies, architectural, explanatory, and bilingual dictionaries. Given the polycode nature of professional communication in architecture, which includes not only natural and graphic languages but also the languages of constructed objects, metaphorical images of architectural structures in V. Blasco Ibáñez's novel "La Catedral" were analyzed. According to the results of the analysis, the Spanish metaphor of the specialized language in the field of architecture, alongside clarifying the characteristics of an object through reinterpreting meanings and transferring the name of one object to another based on similarity and likeness, also reflects the historical, socio-cultural, and spiritual aspects of Spanish society.

Keywords: semiotics of architecture, national-cultural specificity, cognitive mechanism, discourse, specialized language of architecture, professional communication, terminological system, term, metaphorization, metaphor

References (transliterated)

1. Abdurakhmanova A.Z. Lingvisticheskoe modelirovanie stroitel'noi terminologii (na materiale angliiskogo yazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2016. – 219 s. EDN: LTDOXY.
2. Alekseeva L.M. Metaforicheskoe terminoporozhdenie i funktsii terminov v tekste : dis. ... d-ra filol. nauk. – Perm', 1998. – 357 s.
3. Aristotel'. Poetika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. – M.: Mysl', 1983. – T. 4. – 830 s.
4. Balashova L.V. Dinamicheskaya kontseptsiya metafory: ot Aristotelya do sovremennoi kognitivnoi lingvistiki / L.V. Balashova // Vestnik Omskogo universiteta. – 2015. – № 2. – S. 169-177. EDN: TZQTYL.
5. Deik T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. – Blagoveshchensk: BGK im I.A. Boduena de Kurtene, 2000. – 308 s.
6. Buzueva Yu.S., Karnaukhova E.E. Evolyutsiya kategorii "professional'naya kommunikatsiya" v pedagogicheskikh issledovaniyakh // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. – 2021. – № 1. – S. 76-80.
7. Gainutdinova D.Z. Termin-metafora arkhitekturno-stroitel'nogo pod'yazyka: sistemno-strukturnyi i kognitivno-diskursivnyi podkhody : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Belgorod, 2012. – 22 s. EDN: ZORHGF.
8. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie : ucheb. posobie. – Moskva: FLINTA : Nauka, 2014. – 224 s. EDN: UZQJEP.
9. Grinev A.S. Sopostavitel'nyi analiz angliiskoi i russkoi arkhitekturnoi terminologii: na materiale tematicheskogo polya "Teoriya i istoriya arkhitektury" : dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2004. – 214 s. EDN: NNISWF.
10. Gusev S.S. Metafora / S.S. Gusev // Novaya filosofskaya entsiklopediya. – M.: Mysl', 2001. – T. 2. – S. 548-549.
11. Deik T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. – Blagoveshchensk: BGK im I.A. Boduena de Kurtene, 2000. – 308 s.
12. Delitts Kh. Arkhitektura v sotsial'nom izmerenii / Kh. Delitts // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2008. – № 10. – S. 113-121. EDN: JSHUAF.
13. Ikonnikov A.V. Khudozhestvennyi yazyk arkhitektury. – Moskva: Iskusstvo, 1985. – 175 s.

14. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s. EDN: UGQAMP.
15. Karpovskaya N.V. Kognitivno-pragmaticheskii potentsial sredstv kategorii intensivnosti skvoz' prizmu protsessa metaforizatsii (na materiale intensivifikatov ispanskogo i russkogo yazykov) / N.V. Karpovskaya // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2015. – № 3. – S. 107-117.
16. Kositskaya F.L., Zaitseva I.E. Arkhitekturnyi diskurs i ego zhanry v sfere professional'noi kommunikatsii (na materiale frantsuzskogo yazyka) // Vestnik TGPU. – 2015. – № 4. – S. 142-147. EDN: TRJYJL.
17. Krasnykh V.V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? – Moskva: Dialog-MGU, 1998. – 352 s.
18. Kuznetsova N.G., Zaitseva I.E., Stepicheva O.N. Professional'nyi yazyk arkhitektorov: sistemnyi podkhod k slovaryu (na materiale angliiskogo, nemetskogo i frantsuzskogo yazykov) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 6, ch. 2. – S. 98-107.
19. Nazarova M.P. Arkhitekturnoe prostranstvo kak sotsiokul'turnyi fenomen : avtoref. dis. ... d-ra filosofskikh nauk. – Volgograd, 2013. – 49 s. EDN: ZOUYYR.
20. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s. EDN: QRAADX.
21. Leichik V.M. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v kontse XX veka / V.M. Leichik // Voprosy filologii. – 2000. – № 2. – S. 20-29.
22. Ovakimyan A.D. Arkhitekturnaya terminologiya kul'tovykh sooruzhenii v russkom, angliiskom i armyanskom yazykakh : dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2018. – 165 s. EDN: PEEHUS.
23. Plavskin Z. Ispanskaya realisticheskaya proza XIX veka. Vstupitel'naya stat'ya i primechaniya. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. URL: <https://litmir.club/br/-b=148242>.
24. Pluzhnikov V.I. Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo naslediya. Arkhitekturnyi slovar'. – Moskva: Iskusstvo–XXI vek, 2011. – 424 s. EDN: QNPIKH.
25. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira / otv. red. B.A. Serebrennikov. – Moskva: Nauka, 1988. – 212 s.
26. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka / G.N. Sklyarevskaya // Sankt-Peterburg: Nauka, 1993. – 150 s. EDN: SJHTLP.
27. Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu. – Moskva: Progress, 1977. – 695 s.
28. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. – M.: Shk. "Yazyki russkoi kul'tury", 1996. EDN: SUMHNJ.
29. Tyul'nina V.P., Khayutin A.D., Rudakova A.G. Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie aspekty nominatsii v pod"yazyke gornogo dela (na materiale prostykh i slozhnykh lingvisticheskikh edinits) // Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten'. – 1996. – № 5. – S. 81-87. EDN: NBWWYH.
30. Filosofskaya entsiklopediya. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2712/METAFORA (data obrashcheniya: 28.11.2025).
31. Chernyavskaya V.E. Nauchnyi diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema. – M.: LENAND, 2017. – 144 s. EDN: XTJOPJ.
32. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / U. Eko. – Izd. AST,

2019. – 704 s.
33. Yavein O.I. O pervykh opytakh perenosa metodov strukturno-semiologicheskikh issledovaniy v arkhitekturu (idei 1960-kh – 1970-kh godov i problemy sovremennoi nauki) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – № 1(38). – S. 19-31. URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2017/1kvart17/yavein/index.php> (data obrashcheniya: 29.11.2025). EDN: YGIKVZ.
 34. Black M. Metaphor / M. Black // Models and metaphor studies in language and philosophy. – Itaca. London: Cornell University Press, 1962. – P. 25-47.
 35. Blasco Ibañez V. "La catedral" // 1903. URL: <https://archive.org/details/BlascoIbezVicenteLaCatedral>.
 36. Cabré Castellví M.T. Los términos, unidades comunicativas, cognitivas y lingüísticas / M.T. Cabré Castellví // Teoría y praxis en terminología. – Montevideo: Universidad de la República, 2017. – P. 9-22.
 37. Castaño Perea E., de la Fuente Prieto J. Language del arquitecto diagnostico y propuestas académicas / E. Castaño Perea, J. de la Fuente Prieto // Revista de Docencia Universitaria. REDU. – 2013. – Vol. 11, № 3. – P. 301-320.
 38. Diccionario de la lengua española. URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> (data obrashcheniya: 29.11.2025).
 39. Domínguez Ramos J., Giralt Ametller D. Diccionario de términos artísticos. – Madrid: Globo, 2003. – 198 p.
 40. Estrategias argumentativas y discurso político / Ed. por C. Fuentes Rodríguez. – Madrid: Arco / Libros, S.L., 2016. – 317 p.
 41. Gómez de Enterría J. El español lengua de especialidad: enseñanza y aprendizaje. – Madrid: Arco/Libros, 2009. – 192 p.
 42. Moliner M. Diccionario de uso del español. – 3 ed. para PC / Linux / Mac. – Barcelona: Gredos, 2013. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
 43. Ocampo E. Diccionario de términos artísticos y arqueológicos. – Barcelona: Icaria, 1992. – 214 p.
 44. Ortega Barnuevo C. Testimonios históricos y literarios del monasterio de San Lorenzo el Real de El Escorial. – 2016. – p. 802.
 45. Sainz Avia J. El dibujo de arquitectura: Teoría e historia de un lenguaje gráfico. – Madrid: Reverté, 2005. – 253 p.
 46. Salvador V. De la fraseología a la lingüística aplicada // Caplletras. – № 18. – P. 11-30.
 47. Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. The handbook of discourse analysis. – Malden, MA: Blackwell, 2001. – 843 p.
 48. Úbeda Mansilla P. Estudio de un corpus de textos conversacionales en inglés realizados en estudios de arquitectura de habla inglesa. su aplicación al diseño de un curso de inglés para arquitectos : Tesis Doctoral inédita. – Madrid, 2001. – 340 p.
 49. Úbeda Mansilla P. Conocimiento y lenguaje en el ámbito de los arquitectos / P. Úbeda Mansilla // Revista de Expression Grafica Arquitectonica. – 2005. – Vol. 10, № 10. – P. 112-119.

Methods of speech influence in the news discourse of the regional online publication "Ariq Us online"

Varfolomeeva Yuliya Nikolaevna

Doctor of Philology

Associate Professor; Department of Media Communication; East Siberian State University of Technology and Management

670013, Russia, Rep. Buryatia, Ulan-Ude, Oktyabrsky district, Klyuchevskaya str., 40B

✉ yulvar83@mail.ru

Kharanutova Ekaterina Innokent'evna

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Media Communications; East Siberian State University of Technology and Management

40B Klyuchevskaya str., building 1, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670013, Russia

✉ kharanutova@inbox.ru

Abstract. The object of this research is the news discourse of the regional online publication "Arih Us online." The subject of the work consists of the methods of persuasive speech in news texts. The empirical basis of the study consists of news materials from the online publication "Arih Us online" for March 2022 – a period of increased visitor growth (a total of over 500 news texts were analyzed). Attention is paid to the concepts of discourse, media discourse, news discourse, and online publication. The news materials are examined in terms of genre division into news articles, information reports, interviews, and reports. To attract readers' attention to the text component of the news discourse, various methods of speech influence are employed, which can be grouped according to their relation to specific language levels: phonetic, lexical, grammatical, and artistic imagery. The study applies a structural-descriptive method, which involves linguistic observation, analysis, and classification of speech influence techniques, as well as content analysis methods, including the study of publication themes, categorization of data based on the employed speech influence methods, and the analysis of quantitative indicators. The novelty of the work lies in the analysis of the news content of the regional online publication "Arih Us online" – an internet platform created by the "Arih Us" broadcasting company and registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media in the Republic of Buryatia, which has not been previously undertaken. During the analysis, a description of the online publication is provided, with particular attention paid to news materials: articles, information reports, news interviews, and reports, where different methods of speech influence are identified. One of the conclusions is the observation that in a third of the news texts, journalists use various methods of speech influence (in headings and main texts). The most frequent means are lexical (phraseological units, stylistic contrasts, and connotative units, etc.) and figurative (metaphors, asyndetons, rhetorical exclamations, epithets, etc.). The study allows for the conclusion that speech influence techniques are most commonly used in the genre of news articles. Content analysis of the materials indicates a demand for various methods of speech influence in texts with themes of "incident" and "health."

Keywords: metaphor, phraseological unit, content analysis, online publication, speech impact, impact, news discourse, discourse, media discourse, media

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Diskurs / N. D. Arutyunova // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. – Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 136-137.
2. Deik van T. A. Strategiya ponimaniya svyaznogo teksta / T. A. van Deik, V. Kinch // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. – Moskva: Progress, 1988. Vyp. XXIII. S. 153-211.

3. Dobrosklonskaya T. G. Novostnoi diskurs kak ob"ekt medialingvisticheskogo analiza / T. G. Dobrosklonskaya // Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya: II Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Aktual'nye problemy sovremennoi medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom: II Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar. – Belgorod: izdatel'skii dom "Belgorod", 2016. S. 13-22. EDN: YHSCRV
4. Evdokimenko E. V. Novostnye zhanry v regional'nykh pechatnykh SMI / E. V. Evdokimenko, A. A. Mosyan // Ogarev-Online. – 2021. S. 1-5.
5. Zheltukhina M. R. Mediadiskurs / M. R. Zheltukhina // Diskurs-Pi. – 2016. № 3-4 (24-25). S. 292-296. EDN: WPJAGV
6. Issers O. S. Rechevoe vozdeistvie: uchebnoe posobie / O. S. Issers. – Moskva: Flinta, 2020. 240 s. EDN: SURXFH
7. Issers O. S. Rechevoe vozdeistvie v aspekte kognitivnykh kategorii / O. S. Issers // Vestnik Omskogo universiteta. – 1999. Vyp. 1. S. 74-79. EDN: UWLMMV
8. Kibrik A. A. Kognitivnye issledovaniya po diskursu / A. A. Kibrik // Voprosy yazykoznaniya. – 1994. № 5. S. 56-67. EDN: YRNJVR
9. Kozhemyakin E. A. Massovaya kommunikatsiya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya / E. A. Kozhemyakin // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2010. Vyp. 11. № 2 (73). S. 13-21. EDN: MTXURN
10. Kubryakova E. S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike (Obzor) / E. S. Kubryakova // Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sbornik obzorov. – Moskva: RAN. INION, 2000. S. 5-13. ISBN 9785248013395. EDN: LAGODP
11. Lukina M. M. SMI v prostranstve Interneta / M. M. Lukina, I. D. Fomicheva. – Moskva, 2005. 89 s. ISBN 5-7776-0068-9. EDN: PCRVBS
12. Negryshev A. A. K makrostrukturnoi tipologii tekstov novostnykh zhanrov / A. A. Negryshev // Vestnik Moskovskogo universiteta: seriya 10. Zhurnalistika. – 2011. № 1. S. 228-244. EDN: NSZXCX
13. Olomsкая N. N. K voprosu o zhanrovoi klassifikatsii mediadiskursa / N. N. Olomsкая // Nauchnyi dialog. – 2013. № 5 (17): Filologiya. S. 250-259. EDN: QCQEIX
14. Pantina O. A. Ekspressivnaya perspektiva angloyazychnogo novostnogo diskursa: na materiale gazetykh tekstov o prirodnykh katastrofakh: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / Ol'ga Anatol'evna Pantina; Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. – Sankt-Peterburg, 2018. 159 s. EDN: KWKFBT
15. Plungyan V. A. Predislovie: Diskurs i grammatika / V. A. Plungyan // Issledovaniya po teorii grammatiki / red. V. A. Plungyan (otv. red.), V. Yu. Gusev, A. Yu. Urmanchieva. – Moskva: Gnozis, 2008. Vyp. 4. Grammaticheskie kategorii v diskurse. S. 7-36.
16. Reiting saitov – URL: <https://www.liveinternet.ru> (data obrashcheniya 26.11.2025).
17. Sedov K. F. Diskurs kak suggestiya: irratsional'noe vozdeistvie v mezhlichnostnom obshchenii / K. F. Sedov. – Moskva: Labirint, 2011. 332 s. ISBN 978-5-87604-212-5.
18. Sternin I. A. Osnovy mediadiskursa / I. A. Sternin. – Moskva: MediaMir, 2014. 123 s. ISBN 978-5-88242-751-0.